

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т. И. ВЕНДИНА

**РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В
ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ
КОНТЕКСТЕ
(лексика)**

Москва
2009

УДК 811.16'28
ББК 81.2 Рус
В29

Вендина Т. И.

В29 Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)
/ Институт славяноведения РАН – М., 2009. – 532 с.

ISBN 978-5-75760-203-5

Ответственный редактор
доктор филологических наук А. А. Плотникова

Рецензенты
доктор филологических наук Ж. Ж. Варбот
доктор филологических наук Л. Э. Калнынь

Монография является первым опытом осмысления русских диалектов в общеславянском контексте. Она посвящена описанию лексического своеобразия русских говоров, анализу их взаимоотношений с другими славянскими диалектами. В основе монографии лежат материалы Общеславянского лингвистического атласа, что обеспечивает надежность и достоверность полученных результатов. Выявленные лексические изоглоссы интерпретируются автором в генетическом, ареальном и типологическом аспектах.

Книга представляет интерес для специалистов по диалектологии, этимологии, сравнительно-историческому языкознанию.

The monograph is the first attempt of the interpretation of Russian dialects in the context of Slavic languages. It is focused on lexical peculiarities of Russian dialects and their interrelationships with the Slavic ones. The monograph is based on the samples from the Atlas of Slavic Languages that ensures the representativeness and reliability of author's findings and conclusions. The author interprets the revealed lexical isoglosses by relying on their genesis, areas and typology. The book is addressed to the specialists in dialectology, etymology and comparative linguistics.

Работа выполнена по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Русские диалекты в общеславянском контексте».

© Текст, Вендина Т.И., 2009
© Институт славяноведения РАН, 2009

ISBN 978-5-75760-203-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век в истории славистики ознаменован своеобразной «диалектологической революцией» (Ж. Фурке), обеспечившей победу лингвистической географии: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.).

Лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Развитие лингвистической географии, «создание лингвистических атласов и оперирование их данными в значительной степени изменили гносеологический облик лингвистики: пространственный дискурс вместе с исследованием внутренней структуры и диахронии языковых единиц образует гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени» (Гриценко 2004: 86).

Это позволило не только усовершенствовать приемы и методы лингвогеографического анализа, но и расширить саму парадигму исследования. Такой теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений.

Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленная на картах многочисленных атласов, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «объясняющей лингвогеографии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Цель настоящего исследования – рассмотреть русские диалекты в общеславянском контексте, т.е. описать их как составную часть сла-

вянского диалектного континуума в их взаимоотношении с другими славянскими диалектами* (поэтому межславянские соответствия оцениваются в работе с позиций именно русского языка) и, определив корпус диалектизмов, выделяющих и объединяющих русские диалекты с другими славянскими языками, попытаться «заставить заговорить» пространство, выявить ту реальную связь изучаемых явлений, которая сложилась в процессе эволюции славянских диалектов во времени и пространстве.

Сегодня это исследование впервые может быть проведено в полном объеме, так как опубликованные материалы Общеславянского лингвистического атласа являются серьезной базой для подобных разысканий.

Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа¹. Возможно,

*Работа выполнена по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Русские диалекты в общеславянском контексте».

¹ Кроме известных положений о типах ареалов (центральный ~ маргинальный, непрерывный ~ разорванный и проч.) и их относительной хронологии (ср., например, положение М. Бартоли об интерпретации явления как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в обширных ареалах, Bartoli 1925:10-13), разработанных в свое время представителями неолингвистики (М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пизани), методологические приемы научного осмысления представленного на карте материала специальной разработки практически не получили. В этом отношении отрядным событием явилась статья И. А. Дзендзилевского «Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт» (1963), в которой была предпринята попытка конкретизировать эти общие положения на материале различных славянских лингвистических атласов. Однако и эта статья была посвящена в основном описанию типов языковых ландшафтов и установлению их относительной хронологии, и лишь в конце статьи, отмечая, что ареалы и изоглоссы на карте с многочисленным противопоставлением чаще всего хронологически различны, автор говорит о приеме последовательного снятия более поздних слоев с целью выявления на карте исходного двучленного (а иногда и нулевого) противопоставления (Дзендзилевский 1963: 100).

именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

И в этом смысле слова С.Б. Бернштейна о невостребованности диалектологических атласов, высказанные им более двадцати лет назад, остаются актуальными и сегодня (Бернштейн 1986: 3-4). Причина, по мнению Самуила Борисовича, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с чем исследователи, и особенно историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Характерно, что об этом же говорилось и в 60-е годы XX в., однако в лингвогеографии мало что изменилось (ср., в связи с этим следующий пассаж: «Важность лингвистических атласов как ценнейшего материала для построения истории языка бесспорна. Несмотря на это в славистике еще мало работ, в которых делались бы попытки воссоздать историю системы языка или ее фрагментов на основе соответствующей интерпретации изоглосс картографируемых в атласах явлений. Невнимание к данным лингвогеографии в работах исторического плана может быть отчасти объяснено тем, что методика ретроспективного изучения фактов, представленных в атласах, по сути дела, отсутствует» Клепикова, Попова 1968: 98), и она по-прежнему остается в известной степени «закрытой» областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей.

Лингвистическая карта, действительно, трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, невостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации» (Гриценко 2004: 86).

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного разви-

тия, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае сводится к описательной процедуре.

Между тем «лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» (Трубачев 2002: 7). При этом методика описания выявленных диалектных фактов имеет свою специфику по отношению к методологии общего языкознания. Разработка же методологии ареальных исследований отстает от роста накапливаемого материала. «Отдельные фрагменты теории и некоторые удачные методические находки еще не сложились в стройную и строгую систему... Выработать свою научно обоснованную методологию и методику – нет задачи для ареальной лингвоатласграфии более острой, более важной и более трудной», – писал еще в 80-е годы В.А. Никонов (Никонов 1983: 24).

Однако и в настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не признать, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке ее теории и методов (например, методов отграничения языковых истоков некоторых инноваций от процессов развития новообразований, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т.д.).

Положение усугубляется еще и тем, что общие методологические проблемы диалектной лингвогеографии, и в частности, проблемы изучения и интерпретации типов лексических ареалов долгое время были на периферии исследовательских интересов, поскольку для ареальной лингвистики было характерно внимание преимущественно к фактам фонетики, а не лексики. Будучи строго ограниченными и количественно обозримыми, фонетические элементы служили и служат надежным и непрерываемым критерием в сравнительно-исторических и ареально-лингвистических штудиях. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия отчетливо проявляются на всех языковых уровнях и потому являются наиболее оче-

видными, заметными даже неискушенному исследователю. «Лексический же материал, понимаемый как открытое множество сравнительно быстро изменяющихся элементов, трудно поддающихся системной интерпретации, либо вообще не принимался во внимание в качестве самостоятельного критерия, либо использовался с крайней осторожностью как дополнительный, вспомогательный аппарат, призванный подтвердить выводы, полученные на основе фонетического или морфологического исследования» (Маковский 1968: 126; подробную критику этих взглядов см. Журавлев 1994: 5-10).

Однако на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики. «География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс» (Куркина 1992: 26). Более того, именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических исследованиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.²

Выдвижение на первый план лексики при изучении дифференциации славянских языков стало возможным благодаря таким крупномасштабным славистическим проектам, как реконструкция пра-

² Ср. в связи с этим слова О.Н. Трубачева, который, говоря об изучении балто-славянских отношений, писал в статье «Языкознание и этногенез славян»: «Разный инвентарь лексем для выражения одинаковых понятий, а подчас и различие самих принципов номинации в балтийском и славянском подтверждает правильность современного подхода, согласно которому словарные данные весьма показательны для исследования лингво- и этногенеза» (Трубачев 1985: 5). Положение о вторичности (и даже факультативности) лексических данных по сравнению с фонетическими в реконструкции древнего диалектного членения постепенно утрачивает свою актуальность, поскольку все чаще появляются работы, в которых эта реконструкция проводится с опорой именно на лексические данные (ср., например, многочисленные работы М. Сл. Младенова, О.Н. Трубачева, Л.В. Куркиной и др.).

славянского лексического фонда («Этимологический словарь славянских языков» и «Słownik prasłowiański») и Общеславянский лингвистический атлас. Работа над Общеславянским лингвистическим атласом способствовала тому, что в настоящее время прочно утвердился лингвогеографический аспект изучения праславянской лексики и постепенно пришло осознание того, что ключ к решению проблем славянского этногенеза лежит в изучении древнейших пластов лексики.

Публикация уже первого лексико-словообразовательного тома Общеславянского атласа «Животный мир» опровергла негативное отношение ряда ученых к возможностям лингвогеографического изучения лексики. Каждое отдельно взятое слово обнаруживает на лингвистических картах Атласа не «свои собственные границы распространения» (как об этом писал когда-то Н.С. Трубецкой, обосновывая свое скептическое мнение о лингвогеографии), а границы языков и их диалектов, позволяя тем самым выявить отношения этих диалектов в общеславянском контексте. Картографическое изучение праславянской лексики не только позволило ввести в научный оборот много новых, ранее неизвестных материалов, которые во многом углубили и конкретизировали существовавшие ранее представления об ареальных связях славянских языков, но и открыло перед исследователями широкие перспективы в изучении истории формирования современных славянских языков и диалектов и, в частности, в решении вопроса о диалектной основе праславянского языка и о праславянском элементе в словарном составе того или иного славянского языка.

Нельзя, однако, не признать (и лингвогеографам это хорошо известно), что при изучении диалектной карты наибольшие трудности вызывают именно лексические диалектизмы, судьбы которых в каждой частной диалектной системе нередко действительно оказываются индивидуальными. В отличие от фонетических и морфологических диалектных различий, представленных довольно компактными пучками изоглосс, лексические диалектизмы при первом знакомстве с картой предстают часто в виде хаотического переплетения изоглосс, не поддающихся прочтению.

В связи с этим чрезвычайно продуктивным является прием **рекартографирования**, имеющий своей целью упорядочивание материалов, представленных на карте, и укрупнение ареалов картографируемых лексем. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней,

становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Этот прием (как, впрочем, и сам термин) был использован в свое время М. А. Бородиной в ее монографии «Проблемы лингвистической географии» с целью доказать существование диалектных границ (и шире – диалекта как территориальной единицы) на материале «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона. Обращение к этой идее было во многом вызвано тем, что результаты лингвистического картографирования лексики в атласе Ж. Жильерона и Э. Эдмона оказались настолько неожиданными, что заставили создателей атласа высказать сомнения в существовании диалектов. Достаточно вспомнить, как много нападков выдержал этот лексический атлас и сам его автор, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях (Бородина 1966: 34).

В связи с этим М.А. Бородина поставила перед собой задачу проверить выводы Ж. Жильерона на конкретном материале «Лингвистического атласа Франции». Используя прием рекартографирования, она вычертила изоглоссы распространения того или иного слова, поскольку материал в атласе был представлен в форме надписей у каждого населенного пункта, что при достаточно плотной сетке населенных пунктов делало карту, естественно, трудно читаемой. Сама М.А. Бородина, оценивая проделанную работу, так писала об этом: «Должна сознаться, что увидеть контуры диалектов в картах «Лингвистического атласа Франции» оказалось во много раз проще, чем показать и доказать увиденное, а тем более интерпретировать полученные изоглоссы. На это ушли многие годы кропотливого труда, связанного с рекартографированием карт ЛАФ, их дополнением и проверкой, а иногда и реконструкцией» (Бородина 1966: 23).

Наша задача упрощалась, во-первых, уже тем, что само существование славянских диалектов и их границ в славянской лингвистической географии не вызывает сомнений (и материалы Общеславянского лингвистического атласа это убедительно продемонстрировали). А во-вторых, тем, что на картах ОЛА принят значковый способ подачи материала, и это существенно облегчает чтение карты и делает более наглядными как контуры диалектов, так и границы распространения того или иного языкового явления. Поэтому при рекартографировании мы сохранили этот способ подачи материала как более легкий для восприятия.

Такой методологический прием позволяет, как представляется, доказать, что лексические диалектизмы – это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс, которые надо лишь научиться «читать». Кроме того, прием рекартографирования позволяет более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих особенностей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

В этом смысле материал Общеславянского лингвистического атласа представляет особую ценность, так как он дает возможность по-новому взглянуть на межславянские лексические параллели и обратиться к изучению специфики отдельных славянских диалектов как компонентов славянского континуума в целом.

Заслуживает внимания и идея М.А. Бородиной, связанная с типологией лингвистических ареалов, возникшая в процессе исследования материалов «Лингвистического атласа Франции» (Бородина 1977: 113-117). В соответствии с этой типологией при характеристике ареала она предлагает учитывать следующие признаки:

- конфигурация ареала (*непрерывный ~ разорванный*);
- величина (*большой ~ средний ~ малый*);
- число и характер языков, входящих в ареал, а также его тип (*родственные ~ неродственные, полилингвальный ~ монолингвальный*);
- динамика ареала (*устойчивый ~ неустойчивый*);
- положение относительно центрального ареала (*сопредельный ~ латеральный ~ дистантный*).

Позднее в работе «Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов» М.А. Бородина дала описание наиболее частотных типов ареалов, представленных на картах «Лингвистического атласа Франции»: *центральные и маргинальные, островные, волнообразные и клинообразные, разорванные, размытые и т.д.* (Бородина (1980: 32).

Эти идеи М.А. Бородиной во многом определили характер настоящего исследования, особенно описания разных типов ареалов, существующих на картах Общеславянского лингвистического атласа.

Как известно, Атлас имеет чрезвычайно широкую научную программу, которая затрагивает, в частности, такие вопросы, как «образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, а в дальнейшем образование современных славянских языков. Вместе с данными историческими в широком смысле, включая этнографические и археологические, ОЛА дает материал для решения вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разных направлениях в разные географические зоны и в разные исторические эпохи... Помимо проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах, ОЛА дает материал и для освещения вопросов общеславянских, т.е. более поздних процессов, охватывающих в той или иной мере все славянские языки и диалекты, процессов, основанных на общности предшествующей эпохи, но протекавших в разных частях Славии в значительной мере самостоятельно и приведших к разным результатам... Наконец, ОЛА дает материал для изучения истории формирования современных славянских диалектов, внутриславянских контактов – процессов более позднего времени» (ОЛА Вступительный вып. 1994: 28-30).

Картографирование языкового материала на огромном пространстве *terra Slavica* придает картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому ОЛА является уникальным научным проектом, имеющим своей целью изучение славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня.

В этой связи представляется, несомненно, интересным исследование русско-славянских лексических параллелей в географической проекции.

Изучение ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы – проблемы славянского этногенеза – долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Между тем «науку двигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя,

впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» (Трубачев 2003: 453). И таким бесценным источником новых фактов и новых возможностей стал Общеславянский лингвистический атлас, позволивший не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря ОЛА появилась возможность «паспортизировать» ту или иную языковую единицу и проследить ее судьбу в пространстве *terra Slavica*.

Это стремление установить принадлежность лексемы к тому или иному языку во многом определило композиционное построение данного исследования, оперирование фактами конкретного диалекта, а не «пояса» (типа карпатско-полесского или карпатско-паннонского) или «зоны» (типа карпатско-балканской, балтийско-славянской или центральнославянской) и т.д.³, что позволило четче структурировать работу.

Задача любого атласа, как, впрочем, и любого лингвогеографического исследования, состоит в том, чтобы дать представление об **общей картине** распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. «Лингвогеограф интересуется прежде всего современное состояние явлений, место, которое они занимают в наши дни, и взаимоотношения их в пространстве. Только после подробного географического их исследования и на основе этого исследования лингвогеограф считает себя вправе обратиться к их истории» (Теньер 1966: 118). Именно поэтому в монографии большое внимание уделяется вопросу локализации русско-славянских лексических соответствий и типологии их ареалов.

Работа состоит из введения, четырех глав, где дается описание ареальных связей русских диалектов в различных аспектах, заключения, в котором подводятся итоги исследования, и обширного приложения, содержащего созданные автором методом рекартографирования карты-схемы, а также таблицы, характеризующие русско-славянские параллели с количественной стороны.

³ Ср. в связи с этим слова О.Н. Трубачева: «Концепции, вроде карпатско-полесского пояса диалектных изоглосс, захватывают воображение своей стройностью, однако они... просто тонут в той праславянской сложности, которую дают сплошные ряды древних схождений славянской лексики» (Трубачев 1974: 64).

ГЛАВА 1

Характеристика материала

Предлагаемое исследование является первым опытом осмысления русских диалектов в общеславянском контексте. Материалом для него послужил шестой том Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», являющийся пока единственным томом лексико-словообразовательной серии, в котором представлен материал по всем славянским диалектам, включая и болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали на картах Атласа¹.

Выпуск включает карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии). В основе их лежат ответы на вопросы из VIII раздела Вопросника ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Вопросник 1965: 115-121), которые имеют индекс L (лексика), SL (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим индексом F. Уже само название тома говорит о том, что он состоит из двух самостоятельных частей – «Домашнее хозяйство» и «Пища и ее приготовление», каждая из которых содержит блок карт и материалов к ним, объединенных по тематическому или лексико-семантическому принципу. Эти блоки не равноценны по количеству входящих в их состав карт, однако семантическая связь их не вызывает сомнения.

Внутри раздела «Домашнее хозяйство» условно можно выделить две группы карт:

1) названия посуды и некоторых предметов домашнего быта (вопросы L 1036 'стакан', F(Sm) 1037 *čaša, F(Sm) 1191 *bl'udo, SL 1184 'ложка', SL 1185 *dem* 'ложечка', SL 1101 *dem* 'ножик, ножичек', L 1034 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', L 1060 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева', L 1029 'коромысло'; сюда же были отнесены карты на во-

¹ Как известно, более двадцати лет Атлас выходил без болгарского материала, который был изъят болгарской национальной комиссией из фондов Атласа (о причинах этого отсутствия см. Иванов 1993: 315).

просы L 1027 'колодец', а также L 1030 'пустой, незаполненный' и F(Sm) 1031 *porzdybъ);

2) материал, из которого сделана посуда (вопросы F(Sm) 1038 *stýklo, Sl 1172 'сделанный из глины').

Раздел «Пища и ее приготовление» тематически более разнообразен. В нем выделяются следующие группы карт:

1) еда (общее понятие) и все, что с ней связано (вопросы L 1186 'все, что употребляется в пищу людьми, еда', L 1039 'желание, потребность пить', FP(Sm) 1040 *žędja, L 1150 'кислый, квашеный' (о капусте), L 1195 'проглотит' (еду), L 1204 'вкусный' (о еде); с точки зрения семантики эта группа довольно разнородна, так как, кроме опорного слова *еда*, она включает названия ее признаков — *кислый* и *вкусный*, а также семантически далекие *жажда* и *проглотит*;

2) мука, тесто, процесс печения (вопросы L 1058 'мука, из которой пекут хлеб', L 1064 'поставит, замесит тесто', L 1065 'подходит, растет' (о тесте), Sl 1080 3sg praes asp perf 'печет', F(Sm) *rešębyje);

3) хлеб и все, что с ним связано (вопросы L 1087 'режет' (хлеб), L 1089 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', L 1090 'крошки' (хлеба);

4) названия видов мяса (вопросы Sl 1111 'мясо свиньи', LSl 1112 'мясо коровы или вола', Sl 1113 'мясо теленка', Sl 1114 'мясо барана', Sl 1115 'мясо гуся'); тематически к этой группе карт примыкает вопрос L 1116 'содержащий много жира' (о мясе);

5) сало и продукты его переработки (вопросы L 1117 'подкожный слой жира в свинине', F(Sm) 1118 *sadlo, L 1120 'топленое свиное сало', L 1121 'пережаренные кусочки сала');

6) молоко и молочные продукты (вопросы L 1129 'молоко коровы сразу после отела', L 1128 'пенка' (на молоке), F(Sm) 1130 *sęra, L 1133 'сырое кислое молоко', L 1135 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока'; L 1136 'густой жирный верхний слой кислого молока', F(Sm) 1138 *syrgъ); с этой группой слов тематически, хотя и отдаленно, связан вопрос Sl 1131 'женщина, которая доит коров';

7) яйцо и его части (вопросы F 1139 (j)aje, Sl 1145 'яичко', L 1146 'скорлупа' (яйца), Sl 1147 'белая часть яйца', Sl 1148 'желтая часть яйца');

8) приготовление пищи (вопросы L 1164 'варит, готовит' (обед), Sl 1165 3sg praes asp perf 'варит', L 1166 'кипит' (вода), L 1169 'го-

рячий' (о воде), L 1170 'кипящая или вскипевшая вода', L 1174 'кожура, снятая со старой картошки');

9) временные отрезки, связанные с приемом пищи (вопросы L 1197 'завтрак, утренняя еда', L 1198 'обед, еда в дневное время', L 1199 'ест обед', L 1200 'еда между обедом и ужином, полдник', L 1201 'ужин, вечерняя еда', L 1203 'ест ужин', F (Sm) 1202 *veče-
rja).

Карты, входящие в этот выпуск Атласа, имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи.

В томе представлены разные типы карт, каждая из которых имеет свои особенности в способах решения поставленной задачи:

1) **лексические карты**, строящиеся на основе ономастологического принципа (от значения к слову), см., например, карты на вопросы L 1030 'пустой, ненаполненный', L 1034 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком', L 1036 'стакан', L 1087 'режет' (хлеб), L 1186 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' и др.; предметом картографирования на них являются названия того или иного объекта номинации (предмета, явления, действия, признака). Большинство из этих карт репрезентируют многоплановые и многочленные диалектные различия, объединенные соотносительными признаками разных типов (например, признаками, по которым различаются разные слова и формальные варианты одного слова). Так, в частности на лексической карте L 1087 'режет' (хлеб) картографическими знаками разной конфигурации представлены корни *rež-*, *kroj-*, *kraj-*, *sěč-*, *kyd-*, *lom-*, *križ-*, *rqb-*, *ruš-*, *žn-*. Если материал, представленный на карте, отличается высокой степенью словообразовательной вариативности (например, многообразием аффиксальных средств), затрудняющей ее прочтение (см., например, карту L 1174 'кожура, снятая со старой картошки'), то он подается в обобщенном виде на карте-дубль, сопровождающей основную карту. Такой способ репрезентации материала позволяет более четко отразить картину диалектной дифференциации Славии;

2) **семантические карты**, которые строятся на ином принципе по сравнению с традиционными лексическими картами, а именно – от слова к значению (см., например, карты на вопросы F(Sm) 1031 *porzdъnъ, F(Sm) 1037 *čaša, F(Sm) 1038 *stъklo, F(Sm) 1081 *pečeňje, F(Sm) 1130 *sěra, F(Sm) 1138 *syгъ, FP(Sm)

1040 *žędja, F(Sm) 1118 *sadlo, F (Sm) 1191 *bl'udo, F(Sm) 1202 *večerja и др.). Несмотря на то, что материал этих карт далеко не равноценный (семантические вопросы чрезвычайно трудны для собирания в полевых условиях), редакционная коллегия решила включить их в том, так как они содержат новые данные о диалектной дифференциации Славии. Предметом картографирования на них являются соотносительные семантические признаки, представленные в лексических единицах, объединенных тождеством звуковой формы. На семантических картах так же, как и на лексических, эксплицированы многочленные и многоплановые различия, которые в структурном отношении можно уподобить полисемии. На картах этого типа нашла отражение многопризнаковая классификация, поскольку семантическая структура диалектных различий характеризуется сложностью и многоплановостью. Разные значения одного и того же слова часто соотносятся друг с другом по принципу цепочечной или радиальной полисемии, в связи с чем при картографировании проводилась предварительная интерпретация материала. Так, например, на семантической карте 1138 *syгъ знаками разной конфигурации переданы такие значения, как 'творог' и 'первое молоко после отела', а знаками одной конфигурации, но имеющими разную заливку – значения 'сыр', 'творог', 'брынза', с одной стороны, и 'кислое молоко', 'первое молоко после отела' – с другой; наконец, одним и тем же графическим средством переданы значения, объединенные тождеством семы, например: 'творог', 'выдержанный творог', 'твердый творог', 'творог из молозива', 'отжатый творог', 'неотжатый творог', 'отжатый творог со сметаной, сахаром и яйцами', 'соленый творог', 'сушеный творог' и т.д.;

3) **лексико-словообразовательные карты**, составляющие большую часть тома, поскольку практически любая карта, построенная по принципу «от значения к слову» эксплицирует лексико-словообразовательные различия. На этих картах нашли отражение различия как в способах деривации, так и в словообразовательных средствах, участвующих в оформлении картографируемого слова. Так, например, на лексико-словообразовательной карте LSI 1112 'мясо коровы или вола' чешские диалекты противопоставлены всем остальным славянским диалектам по способу словообразования – субстантивация и морфологический суффиксальный способ словообразования: *gov-ęd-j-e* (subst). Кроме того, на этой карте широко представлены разнокорневые образования, построенные по одной модели: название животного (субстантивная или адъективная основа) + суф. *-in-a*,

ср. *gov-əd-in-a* – словенские, сербские, хорватские, македонские, польские и русские диалекты, *korv-in-a* – белорусские и русские, *vol-ov-in-a* – польские, белорусские и украинские диалекты. Поэтому на картах, посвященных названиям видов мяса, представлены типичные для данной тематической группы форманты и производящие основы. На этих картах нашли также отражение и номинативные различия, связанные со способом номинации – однословные номинации противопоставлены описательным синтаксическим конструкциям, ср., например, конструкции типа *(rint)-ov-o*, *(rint)-ov-ъn-o meš-o* и др., характерные для польских диалектов, или *meš-o ot-ъ gov-əd-ъ/o* – для македонских;

4) **словообразовательные карты**, которые также довольно широко представлены в томе (см., например, карты на вопросы Sl 1080 3sg praes asp perf ‘печет’, Sl 1101 *dem* ‘ножик, ножичек’, Sl 1145 *dem* ‘яичко’, Sl 1147 ‘белая часть яйца’, Sl 1148 ‘желтая часть яйца’, Sl 1185 *dem* ‘ложечка’ и др.). На этих картах эксплицируются различия в словообразовательных средствах при тождестве корневой морфемы и способах деривации. Так, например, на карте Sl 1147 ‘белая часть яйца’ нашли отражение следующие словообразовательные различия славянских диалектов: при тождестве корневой морфемы *běl-* в них представлены суффиксы *-ъk-ъ*, *-ъk-o*, *-ъk-a*, *-ak-ъ*, *-ъk-ъ*, *-ъc-ъ*, *-ъc-e*, *-уъ-ъ*, *-ъm-o* и др.; а на карте Sl 1080 3sg praes asp perf ‘печет’ при тождестве корневой морфемы *-peč-* зафиксированы различия в префиксальных аффиксах: *jъz-*, *na-*, *per-*, *sъ-*, *и-*, *ву-*, *za-* и др.;

5) **мотивационные карты**, которых в томе сравнительно немного (это карты на вопросы L 1089 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’, L 1197 ‘завтрак, утренняя еда’, L 1198 ‘обед, еда в дневное время’, L 1200 ‘еда между обедом и ужином, полдник’, L 1201 ‘ужин, вечерняя еда’). Цель их – выявить различия в мотивировочных признаках картографируемых номинаций одного и того же референта. Так, например, на мотивационной карте L 1089 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ представлены различия славянских диалектов в мотивации лексических дублетов: наряду с антропоморфными признаками, указывающими на отношения подобия (корни *gъrb-*, *peč-*, *lъb-*, *jan-* и др.), широко распространен пространственный признак (корни *kraj-*, *krom-*, *berg-*, *въrx-* и др.), процессуальный (корни *kroj-*, *lěp-*, *rqb-*, *čēt-*, *čīn-*, *ber-* и др.) и качественно-оценочный (корни *cěl-*, *suš-* и др.), а на мотивационной карте L 1201 ‘ужин, вечерняя еда’ наблюдается четкое противопоставление славянских диалектов по пространственному

признаку – корень *из-* (преимущественно русские диалекты) и темпоральному – корень *večer-* (вся остальная Славия);

б) **номинативные карты**, имеющие своей целью эксплицировать различия в способах номинации картографируемой реалии: однословные номинации (способы их словообразования, характер деривационной базы и словообразовательных средств) ~ описательные синтаксические конструкции (частеречная принадлежность входящих в их состав имен и характер их синтаксических связей). Так, например, на карте L 1170 'кипящая или вскипевшая вода' показаны различия в способах номинации лексических дублетов, поскольку среди названий широко представлены как однословные номинации (производные и непроизводные, ср. *var-ъ, krop-ъ, kyp-ěn-ъ, kyp-ęt-ъk-ъ, kyp-ęt-j-ъ, kyp-ęt-ěn-ъ* и др.), так и составные описательные конструкции, различающиеся характером отношений входящих в них элементов, ср. модель **Adj** или **Part** (корни *kyp-, var-, vьr-, gor-, got-, par-, kux-, tep-/top-, klokoč-, ključ-, žež-*) + **Subst** (*vod-a, ob-krop-ъ*): *kyp-ęt-j-a vod-a, kyp-ěl-a, za-kyp-ěl-a vod-a; var-ęt-j-a vod-a, var-en-a vod-a* и др.; *vьr-qt-j-a vod-a, vьr-ęt-j-a vod-a, vьr-ěl-a vod-a* и др.; *gor-j-ęt-j-ъ ob-krop-ъ, gor-qt-j-a vod-a, gor-j-ęt-j-a vod-a* и др.; *got-u-ęt-j-a vod-a, got-ov-an-a vod-a* и др.; *par-ęt-j-a vod-a, par-ěl-a vod-a* и др.; *kux-qt-j-a vod-a, pro-kux-al-a vod-a, za-kux-al-a vod-a* и др.; *tep-ěl-a vod-a, top-ěl-a vod-a* и др.; *klokoč-ov-a vod-a* и др.; *ključ-al-a vod-a, pro-ključ-al-a vod-a* и др.; *žež-ъk-a vod-a* и др.);

7) **интерпретационные сводные карты (словообразовательные и номинативные)**, цель которых представить в обобщенном виде различия либо в способах номинации, либо в словообразовательных средствах. В томе содержатся три таких карты: на одной из них, посвященной деминутивам в славянских языках, в обобщенном виде представлены материалы трех словообразовательных карт – Sl 1185 *dem* 'ложечка', Sl 1101 *dem* 'ножик, ножичек' и Sl 1145 *dem* *(j)aje, – иллюстрирующих распространение суффиксальных моделей с консонантными элементами *-k-* (суффиксы *-ik-ъ, -ъk-ъ, -ъk-ъ, -ъk-a, -ъk-a, -ič-ъk-a, -ъč-ъk-a* и др.), *-с-* (суффиксы *-ic-a, -ъс-ъ, -ьп-ъс-е, -ъс-е, -еš-ъс-е, -ič-ic-a, -ъč-ъс-е, -en-ъс-е* и др.), *-č-* (суффиксы *-ič-ъ, -ъč-е* и др.); на другой – представлены словообразовательные модели названий видов мяса животных и птиц (среди которых модели с суф. *-in-a* и его расширенных вариантов, модели с суффиксами *-j-, -ъsk-, -ov-/ev-* и др.); на третьей – номинативной – показаны различия в способах номинации членов этой тематической группы: однословные номинации и различные описательные конструкции: модель **Adj** (кор-

ни *baran-, skop-, ov-ъѣ-, ov-ън-, gov-, vol-, korv-, gqs-, svin-, pors-, vepr-, borv-, biš-, tel-, jal-*) + **Subst** (*męs-o*): *baran-ъj-e męs-o, ba-ran-in-o, baran-ov-o, baran-ъc-ov-o, baran-ѣt-j-e męs-o* и др.; *skop-ъj-e męs-o, skop-ov-o męs-o* и др.; *ov-ъѣ-ъj-e męs-o, ov-ъѣ-in-o, ov-ъѣ-in-ъj-e, ov-ъѣ-ev-o, ov-ъѣ-ъsk-o, ov-ън-ov-ъj-e męs-o* и др.; *gov-ъj-e, gov-ѣd-j-e, gov-ѣd-ъsk-o, gov-ѣd-j-ov-o, gov-ѣd-j-ън-o męs-o* и др.; *vol-ov-o, vol-ъj-e, vol-ov-ъj-e, vol-ъsk-o męs-o* и др.; *korv-j-e, korv-in-o, korv-ѣt-j-e, korv-ъsk-o męs-o* и др.; *gqs-ъj-e, gqs-ѣt-j-e, gqs-ѣt-j-in-o, gqs-in-o, gqs-in-j-e, gqs-in-ън-o, gqs-ev-ъj-e, gqs-ъk-in-o, gqs-ъk-in-j-e, gqs-ъk-ov-o męs-o* и др.; *svin-o męs-o, svin-ъsk-o, svin-j-ъsk-o, svin-ѣt-j-e, svin-ън-o, svin-in-o, svin-in-ън-o, svin-ъj-e męs-o* и др.; *pors-ѣt-j-e męs-o, męs-o pors-ѣt-j-e, pors-ъѣ-j-e, pors-it-j-ev-o męs-o* и др.; *vepr-ev-o męs-o; borv-ov-o męs-o, borv-in-o, borv-ъѣ-ov-o męs-o* и др.; *biš-ъk-ov-o męs-o, biš-ъk-av-o, biš-ъk-in-o, biš-ъk-ar-ъsk-o męs-o* и др.; *tel-ѣt-j-e, tel-ѣt-j-ѣt-j-e, tel-ѣt-ъj-e, tel-ѣt-in-o, tel-ѣt-ъsk-o męs-o* и др.; *jal-ov-иѣ-ъj-e męs-o, jal-ov-o męs-o* и др. или модель **Subst** (*męs-o*) + **Subst** (корни *baran-, ov-ъѣ-, gov-, korv-, gqs-, svin-, biš-, pors-, tel-*): *męs-o ot-ъ baran-a, jъz-ъ baran-a* и др.; *męs-o ot-ъ ov-ъc-ѣ, jъz-ъ ov-ъc-ѣ, do ov-ъc-ѣ, do ov-ъѣ-ъk-ъ, jъz-ъ ov-ъѣ-ъk-у* и др.; *męs-o ot-ъ gov-ѣd-ъ/o* и др.; *męs-o ot-ъ korv-у, jъz-ъ korv-у, do korv-у* и др.; *męs-o gqs-i, męs-o ot-ъ gqs-i, jъz-ъ gqs-i, ot-ъ gqs-ъk-у, jъz-ъ gqs-ъk-у* и др.; *męs-o svin-ъj-ѣ, męs-o ot-ъ svin-ъj-ѣ, męs-o ot-ъ svin-ъj-e, jъz-ъ svin-ъj-ѣ* и др.; *męs-o ot-ъ (biš-)e; męs-o jъz-ъ pors-ѣt-e, męs-o ot-ъ pors-ъc-a, do pors-ъc-a* и др.; *męs-o ot-ъ tel-ѣt-e, ot-ъ tel-j-ak-a, jъz-ъ tel-ѣt-e, jъz-ъ tel-j-ak-a, do tel-ъc-a, do tel-ѣt-a* и др.);

8) **сводные карты заимствований**, на которых в обобщенном виде получила отражение вся информация о заимствованиях, содержащихся на отдельных картах. В томе представлены четыре таких карты. Они посвящены заимствованиям из тюркских языков, из романских и германских, из латинского и греческого, а также из албанского и венгерского. На картах отчетливо видно, что география этих заимствований, а также их объем разный: наиболее распространенными и частотными являются заимствования из германских языков (они покрывают практически всю территорию Славии за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из тюркских языков, характерные в основном для восточно- и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из греческого языка (они локализируются в основном в южнославянском ареале, причем преимущественно в болгарских и македонских диалектах), а также из латинского (они характерны преимущественно для западнославянских диалектов, и прежде всего польских, а также

частично южнославянских – словенских и хорватских), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из албанского языка (они свойственны в основном македонским диалектам), а также из венгерского (они локализируются главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных украинских и частично на юго-востоке чешских).

Диалектный материал, собранный в полевых условиях, отражающий все многообразие фонетических систем разных славянских диалектов, при составлении Атласа подвергся специальной обработке с целью генетического отождествления зафиксированных фактов, их унификации и достижения сопоставимости на картах. «Это обусловлено тем, что для карт, связанных с проблемами лексики, словообразования, синтаксиса, а также часто семантики и морфологии, запись материала с помощью фонетической транскрипции не только не имеет значения, но даже существенно затрудняет установление дифференциации, специфичной для картографируемой проблемы. Ввиду этого необходима такая запись (транскрипция), которая устранила бы всю собственно фонетическую дифференциацию, т.е. дифференциацию, возникшую вследствие закономерного фонетического развития отдельных частных диалектных (языковых) систем, и тем самым дала бы возможность составителям карт иметь дело непосредственно с дифференциацией морфологического или морфемного уровня – подлинным объектом картографирования, например, лексических и словообразовательных явлений. Такая запись предполагает, что при знании правил фонетического развития отдельных частных диалектных (языковых) систем можно автоматически реконструировать зафиксированную на месте соответствующую фонетическую запись. Иначе говоря, обобщающая транскрипция является приемом внутренней реконструкции – обобщенной записью на конкретной карте определенной словоформы, точнее – определенно-го ее видоизменения на уровне морфемы, вызванного фонетическими закономерностями данной частной диалектной (языковой) системы» (ОЛА 2007: 18)². Морфонологическая обобщающая транс-

² В целях облегчения восприятия информации, закодированной в формулах обобщающей транскрипции, в работе сохраняются лишь некоторые ее символы, в частности – круглые скобки, в которых выступают основы и/или морфемы, заимствованные и в качестве таковых, возможно, нерегулярно преобразованные в разных славянских диалектах, ср., например, (*stokan*)-ъ из тюрк. (чагат.) *tostakan* (М. Фасмер): рус. *sto'kan*, *sta'kan*, *sto'kan*, *stə'kan*; блг. *stə'kan*; две косые линии, стоящие в начале слова, – сигнал факультатива

крипция, таким образом, позволила провести не только идентификацию материала, собранного в полевых условиях, но и включить в число методов исследования наряду с ареальным критерием, морфонологический.

Обработку материала провела морфонологическая комиссия Атласа, разработавшая специальные морфонологические легенды к каждой карте тома. В состав комиссии входили специалисты из России (Ж.Ж. Варбот), Германии (С. Вёльке, Х. Енч, Р. Лёч, Ф. Хинце, Ф. Михалк, В. Шпербер), Чехии (Я. Войтова), Македонии (М. Маркович, З. Тополинска), Польши (Я. Сятковский). Все морфонологические легенды тома были проверены Ж.Ж. Варбот.

В центре нашего внимания были собственно лексические, лексико-словообразовательные и словообразовательные карты шестого тома Атласа. Представленный на них материал диалектов всей современной Славии относится к одному синхронному срезу, так как он собирался в одно и то же время, а именно в 60–80-е годы XX века, и в этом смысле он отвечает принципу сопоставимости.

Материалы семантических карт к исследованию практически не привлекались, так как они имеют многочисленные лакуны, связанные с тем, что семантические вопросы были чрезвычайно трудны для сбора в полевых условиях, поэтому содержащийся на этих картах материал далеко не равноценный. В работе не использовались также данные интерпретационных карт, которые уже представляют собой обработку материала карт всего тома, и в этом отношении информация, содержащаяся на этих картах, в известном смысле повторяет сведения соответствующих карт.

Изучение материалов Атласа велось по комплексной методике, включающей морфонологический, словообразовательный и лингво-географический аспекты исследования. Такой подход к описанию материала открывает новые перспективы в плане выявления межславянских связей русских диалектов с западно- и южнославянскими языками.

Исследованию русских диалектов в общеславянском контексте предшествовала большая поисковая работа по материалам карт Атласа с целью выделения собственно русских диалектизмов и определения их основных характеристик, поскольку сам объект исследования в виде открытого списка слов тематической группы, связанной с

тивного элемента, меньшего, чем морфема, например, в слове //aj-е почти везде // → j, v (ОЛА 2007: 18).

домашним хозяйством и приготовлением пищи, в славистике отсутствует.

Неоднородность материала Атласа как в структурном, так и временном плане, потребовала ареально-генетического подхода к описанию русских диалектов в общеславянском контексте. В соответствии с этим подходом содержание и понимание задач данного исследования сводилось к следующему:

1) определение инвентаря диалектизмов, выделяющих русские диалекты на всем пространстве *terra Slavica*, и установление их локализации;

2) выявление корпуса диалектных элементов русского языка как члена восточнославянского единства, объединяющих его с другими славянскими языками;

3) выявление собственно русских изоглосс, иллюстрирующих separantные и эксклюзивные связи русских диалектов с другими славянскими диалектами, описание их в пространственно-временном аспекте.

Эта проблематика исследования во многом определила форму подачи материала, представленного большим количеством пространственно маркированных диалектных данных Атласа, что позволило не только выявить и сопоставить ареалы картографируемых лексем, но и наиболее полно раскрыть обозначенную тему.

Поскольку при генетическом отождествлении фактов межславянских параллелей в современной славистике актуальным признается принцип цельнолексемных соответствий в славянских языках, то цельнооформленная лексема явилась основной единицей описания. Сопоставление корней проводилось лишь в том случае, когда именно корень являлся «героем карты», см., например, такие карты, как к. 13 'поставит, замесит тесто'; к. 14 'подходит, растет' (о тесте); к. 57 'проглотит' (еду).

К вопросу о диагностических возможностях карты

Знакомство с картами Общеславянского лингвистического атласа впечатляет читателя масштабом представленного на них материала. Однако задача исследователя заключается не только в том, чтобы локализовать диалектные материалы в пространстве *terra Slavica*, но и в том, чтобы их интерпретировать. А для этого необходимо пони-

мать язык карты, научиться ее «читать» и заставить «заговорить» пространство, так как каждая карта несет информацию самого разного характера, скрытую под слоем эмпирических фактов, ср. в связи с этим слова Р.И. Аванесова, одного из основателей Атласа и основоположника лингвистической географии в нашей стране: «Лингвистическая карта сама по себе мертва и схематична. Из нее нельзя вывести историю языковых явлений и диалектов. Но она может озарить ярким светом историю языка, может помочь установить пути развития явления, время и первоначальную территорию его возникновения, если мы умело ею воспользуемся, если одновременно с данными лингвистической географии мы будем изучать внутреннюю историю развития языковых явлений, учитывать их относительную хронологию, данные письменных источников, если при этом мы будем рассматривать все эти данные в тесной связи с данными истории, исторической географии и археологии» (Аванесов 1952: 27).

Попробуем проиллюстрировать эту мысль на материале всего лишь одной карты шестого лексико-словообразовательного тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», а именно карты № 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'.

Выбор этой карты является не случайным, так как она принадлежит к одной из наиболее сложных карт этого тома.

Первое знакомство с картой обнаруживает, что она чрезвычайно лексически нагружена, ее легенда содержит свыше пятидесяти позиций, свидетельствующих о том, что в каждом славянском языке представлено несколько лексем, передающих это понятие – в среднем от 2 (в лужицких диалектах) до 14 (в русских).

Такое обилие материала первоначально производит впечатление некоего лексического «хаоса».

Однако такое впечатление обманчиво, так как в этом кажущемся «хаосе» отчетливо прослеживается и некая упорядоченность.

Увидеть эту упорядоченность позволяет **прием рекартографирования** материала карты, который дает возможность по-иному его структурировать и более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте. Общеславянская перспектива позволяет по-новому взглянуть на эти особенности и выстроить их хронологическую стратификацию, так как одни из них отражают и продолжают отношения исходной системы, а другие свидетельствуют о не-

одинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

О чем же говорит карта 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'?

Она говорит, прежде всего, о том, что понятие хлеба (и уже – его части) принадлежит к достаточно древним, связанным с первичными представлениями традиционной культуры, однако оно не выражается каким-либо одним словом, которое равномерно «покрывало» бы всю территорию Славии или хотя бы большую ее часть, как это бывает, например, с другими понятиями (ср., распространение лексемы *тѣк-а* на карте 'мука, из которой пекут хлеб', карта-схема 54). Практически все славянские языки имеют свои, отличительно характеризующие их лексемы, обозначающие горбушку³ (ср.: **слн.** *kraj-ъč-itj-ъ* (*k'ra:jčič*); **хрв.** *съ-kraj-ъс-ъ* (*sk'rajec*), *kanton-ъ* (*kantu:ŋ*); **серб.** *kraj-ik-a* (*kra'ika*); **мак.** *peť-ič-ъk-a* (*pe'tička*); **болг.** *kraj-itj-ъn-ak-ъ* (*k'rajšn'ak*), *kraj-išč-e* (*k'raište*); **чеш.** *na-čín-ъk-ъ* (*na:činek*); **слц.** *kraj-ik-ъ* (*kraji:k*), *vъrx-ъn-ak-ъ* (*vъrna:k*); **луж.** *krom-ič-ъk-a* (*krom'icka*); **плс.** *съ-kraj-ъk-a* (*skrajka*), *berg-ъ* (*bžek*), *ob-ber-ъk-a* (*'ueb'eřka*), *skib-ъk-a* (*sk'ipka*); **укр.** *лъb-ъk-ъ* (*lo'bok*, *lu'bok*); **рус.** *гѣrb-ux-a* (*gor'buxa*), *гѣrb-uš-a* (*gar'buša*), *гѣrb-uš-ъk-ъ* (*'gorbyšok*, *gorby'šok*), *гѣrb-ъk-ъ* (*gor'bok*), *гѣrb-ъč-ъk-ъ* (*gor'boč'ek*), *kraj-uš-ъk-ъ* (*k'rajušek*), *krom-ъč-ъk-a* (*k'romáč'ka*) и др.

И в этом смысле карта вносит коррективы в существующее в славистике мнение о близости славянских языков на лексическом уровне, так как в синхронном плане материалы этой карты (как, впрочем, и самого Атласа) демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности общеславянских лексем, при том что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в генетической общности морфемного фонда (и прежде всего корней).

Вместе с тем на карте отчетливо видно, что такую «объединяющую» функцию выполняет корень *kraj-*, представленный во всех славянских диалектах, за исключением лужицких (см. карту-схему 13).

³ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Как уже говорилось, морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

И в этих экспликативных возможностях карты проявляется одно из ее наиболее ярких свойств.

Однако экспликативные возможности карты этим не исчерпываются, поскольку она в отличие от праславянских этимологических словарей позволяет реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи. Выявляя пространственную локализацию межъязыковых схождения, карта дает возможность оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер – **точечный** (ср., например, ситуацию с лексемой *rqb-ъѣ-ѣ* (*'rupče*), зафиксированной в отдельных пунктах сербских (п. 85) и македонских говоров (п. 90), или лексемами (*jan*)-ък-ъ (*janek*), (*jan*)-ък-о (*jan'ko*), характерными для отдельных чешских (п. 206) и словацких (п. 214) диалектов) или **системный**, когда они охватывают значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами (см., например, на той же карте украинско-белорусский ареал лексемы *ob-kraj-ъс-ъ* (укр. *ok'rajec'*; блр. *ak'rajac*); или локализацию лексемы *gъrb-uš-ъk-a* (*gor'buška*, *yar'buška*) преимущественно в русских, частично в украинских и белорусских диалектах; или ареал лексемы *kraj-ij-ъn-ik-ъ* (*k'raešnik*) в македонских и болгарских диалектах).

Поэтому ценность материалов карты определяется еще и тем, что она дает возможность визуально оценить значимость (*valeur*) каждой изоглоссы в общеславянском масштабе, так как география и характер ареала многое проясняет в природе возникновения этих схождения. Понятно, что классификационный вес точечного ареала или системного, а также изоглосс, связывающих пограничные диалекты разных языков и диалекты, не имеющие точек соприкосновения, будет разным.

При этом карта дает возможность не только выявить ареальные связи славянских диалектов, но и рассмотреть их во временном плане. В соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304). Поэтому возможность пространственной визуализации межъязыковых схождения делает

реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

В этой взаимосвязи пространства и времени проявляется еще одно свойство карты – ее **экспансионизм**, порожденный самой лингвистической географией, позволившей выйти за пределы собственно языка и обратиться к географии и истории изучаемой территории.

При этом диагностирующим признаком при хронологической стратификации выявленных межъязыковых схождений являются не только собственно лингвистические данные (характер основы корреспондирующей лексики, наличие производных от этой основы, характер значения, явление конкуренции с другой лексемой и др.), но и ареал (его локализация, масштабность, континуальность, плотность, характер очертания его границ и т.д.).

К сожалению, славистика пока не располагает надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Сегодня в лингвистической географии прочно утвердился тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимосвязи между географическим распространением языкового явления и временем его возникновения. Это положение явилось ключом к осмыслению проблемы разграничения архаизмов и инноваций и определения центров иррадиации новых явлений. Однако «закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т.е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» (Клепикова 2008: 363). Как справедливо отмечал Р.И. Аванесов, «из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» (Вопросы 1962: 25). Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порожде-

ны, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При «декодировании проблематичны, по крайней мере, два момента. С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалогии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой» (Клепикова 2008: 364).

Думается, однако, что выход из этой сложной ситуации подсказывают пространственный и лингвистический критерии.

Как показала лингвогеографическая практика, при рассмотрении этого вопроса следует, по-видимому, принимать во внимание следующие признаки.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

2. Место локализации ареалов, т.е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.

3. Качественная характеристика ареала – обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).

2. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.

3. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).

4. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.

5. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).

6. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).

7. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).

8. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных схождений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем более, что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Однако они позволяют, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс, ибо «смысл лингвогеографического метода – в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» (Мартынов 1983: 5).

Пространственный критерий дает возможность определить тип ареала, а также его локализацию, поскольку наибольшей диагностирующей силой при хронологической стратификации материала будут обладать не только масштабные, но и дистантные, обширные или островные ареалы. Немаловажной является и качественная характеристика ареала, так как микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

Следует отметить, что каждый тип ареала требует к себе особого внимания, поскольку даже так называемые *чистые ареалы* (когда существенных диалектных различий не наблюдается) или *мозаичные* (когда четкие изоглоссы выявить не удастся) свидетельствуют о разных внутридиалектных процессах и их временной глубине.

Что касается лингвистического критерия, то здесь чрезвычайно важным является характер основы выявленных корреспонденций, поскольку славянские лексемы с непроемной основой (особенно если они имеют дериваты в языках разных языковых групп) будут обладать большим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели их производные. И наоборот, «лексемы, строение которых в плане их словообразовательной структуры является прозрачным, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122). Это, однако, не означает, что лексемы, представленные производной основой, следует исключить из поля зрения. Ведь даже «Этимологический словарь славянских языков» – это словарь словообразовательно-этимологический, и «его задачей является инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не одной только корневой лексики» (Трубачев 1967: 35)⁴.

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования корреспондирующей лексемы, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о ее своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале. Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает и фактор системных отношений.

В этой связи существенным критерием является характер значения корреспондирующих лексем, так как диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравни-

⁴ Обосновывая такой подход к составлению «Этимологического словаря славянских языков», О.Н. Трубачев пишет: «Едва ли полезно проводить слишком ригористическое общее правило такого рода, так как в этом случае предлагается отбросить многое несомненно древнее и праславянское. Став на этот путь, следовало бы включить в словарь в основном темные и непрозрачные слова, что резко бы обеднило представление о вероятном реальном составе живых слов праславянского языка. Кроме того, сама специфика славянских языков во многом такова, что словообразовательная структура особенно долго сохраняет в них свою прозрачность» (Трубачев 1967: 36-37).

тельно с обыкновенным названием на широком ареале» (Дзэндзевский 1963: 97).

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные⁵.

Несмотря на это вопрос об архаичном характере тех или иных лексем и шире — их временной стратификации — решить по-прежнему трудно: «в лексике более чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других» (Клепикова, Попова 1968: 106). Думается, однако, что в решении этого вопроса важная роль принадлежит именно ареальному критерию, ибо локализация лексемы на всем пространстве *terra Slavia* (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, если это не позднее заимствование из неславянских языков).

Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением праславянской языковой общности, «именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики» (Макаев 1965: 18).

Если подойти к материалу, представленному на карте 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', с позиций именно этих критериев, то к несомненным архаизмам на этой карте следует отнести лексему *kraj-ъ*: несмотря на то, что данная лексема имеет лишь островные ареалы в русских диалектах (Арх. п. 578; Твер. п. 715), а также в хорватских (чакав. п. 37, шток. п. 45), сербских (шток. пп. 74, 75, 76, 84) и словацких (ср.-сл. п. 216), она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трех славянских языковых группах. Кроме того, лексема представляет собой непронизводную основу, на

⁵ Эти наблюдения, свидетельствующие о существовании связи между типом ареала и хронологией репрезентируемых им явлений, носят предварительный характер, так как для выявления типологии этих связей необходимо изучение и каталогизация максимально большого количества ареалов.

базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ux-a* (*kra'juxa*), *kraj-uš-ьk-ъ* (*k'rajušek*); рус.-блр. *kraj-uš-ьk-a* (рус. *kra'juška*; блр. *kra'juška*); рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ьс-ь* (рус. *k'rajic*; укр. *k'raєc*; блр. *k'raic*; слн. *krajc*; хрв. *k'ra:jec*; слц. *krajec*); рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ьс-ь* (рус. *ak'raic*; блр. *ak'ra-jic*; укр. *ok'rajec*; плс. *okrajec*; слц. *'okrajec*); блр.-укр. *ob-kraj-ьč-ik-ъ* (блр. *ak'rajčyk*; укр. *ok'rajčyk*); хрв.-укр. *съ-kraj-ьс-ь* (хрв. *sk'rgjec*; укр. *sk'rajec*); серб.-плс. *съ-kraj-ьk-a* (серб. *skrájka*; плс. *skrajka*); слц. *kraj-ik-ъ* (слц. *kraji:k*); чеш.-слц. *kraj-ič-ьk-ъ* (чеш. *krajiček*; слц. *kraji:ček*); серб.-мак. *kraj-ьk-a* (серб. *krà:jka*; мак. *krajka*); серб. *kraj-ik-a* (серб. *kra'ika*); мак.-блг. *kraj-itj-ьn-ik-ъ* (мак. *kraišnik*; блг. *k'ra-ešnik*); *kraj-ьč-ę* (мак. *krajče*; блг. *k'rajči*) и т.д.

Наконец, эта лексема сохраняет свое прямое этимологическое значение, соотносящееся с глаголом **krojiti* 'резать' (ЭССЯ 12: 88), т.е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва» (Фасмер II: 364; Черных I: 438; Преображенский I: 376).

Учитывая эти классификационные признаки, следует признать также, что ареал лексемы *гърb-иш-ьk-a* (см. карту-схему 12) сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках самостоятельного существования русского языка. Об этом свидетельствует, с одной стороны, метафорический характер значения, а также мотивационного признака, лежащего в основании внутренней формы этой лексемы, с другой стороны, характер очертания ее ареала (края его довольно ровные, практически совпадающие с государственной границей России, что в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации), а с третьей – локализация этой лексемы практически в рамках только русского языка, ибо ее спорадическое распространение в украинских и белорусских диалектах следует признать, по-видимому, фактом междиалектных контактов. О позднем появлении лексемы *гърb-иш-ьk-a* на этой территории свидетельствует и островной характер ее ареала, но, что, пожалуй, более существенно – это отсутствие проявления последовательности в распространении, так как в большинстве украинских и белорусских пунктов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой (ср. п. 454 *сѣl-иш-ьk-a*, *гърb-иш-ьk-a* (*c'i'luška*, *har'buška*); пп. 328, 519 *ob-kraj-ьс-ь*, *гърb-иш-ьk-a* (*ak'rajic*, *yar'buška*); пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ъ*, *гърb-иш-ьk-a* (*ak'rajčyk*, *yar'buška*); п. 363 *ob-suš-ьk-ъ*, *гърb-иш-ьk-a* (*o'sušok*, *yor'buška*) и т.д.).

Междиалектным влиянием следует, по-видимому, объяснить и появление лексемы *ob-kraj-ъс-ъ* (*'okrajec*') в словацких диалектах в пункте 233, который является украинским по своей языковой системе, а также в польских диалектах в пунктах 266-267 (*okrajec*), жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий. Об этом говорит и фонетический облик лексемы *ob-kraj-ъс-ъ* (с ее ярко выраженной украинской фонетикой), который, как правило, сохраняется в заимствованном слове.⁶

Прием рекартографирования, таким образом, позволяет выявить роль конвергентных процессов в формировании статистической близости языков, особенно пограничных диалектов (при отсутствии подобных схождений в других языках), и тем самым сделать выводы о языковых «предпочтениях» тех или иных диалектов более строгими и убедительными. Так, например, болгарско-македонские корреспонденции, прослеживающиеся на этой карте в виде лексемы *kraj-itj-ъn-ik-ъ* (мак. *kraišnik*; блг. *k'raešnik*) (см. карту-схему 13), должны быть интерпретированы, по-видимому, как результат конвергенции, так как это эксклюзивное схождение возникло благодаря контактам пограничных диалектов, оно имеет свой центр – болгарские говоры (поскольку именно здесь ареал этой лексемы отличается высокой плотностью), из которого иррадиация шла в западном направлении.

Такие пространственные характеристики тех или иных лексических параллелей, важные с точки зрения причин и условий их появления, может дать только карта. И в этом смысле она является безальтернативным источником информации, так как ни один диалектный словарь не дает возможности визуально оценить картину выявленных схождений.

Таким образом, карта позволяет не только установить пространственно-временную локализацию изучаемого языкового явления и представить его в виде хроно-топо-изоглоссы, но и объяснить это

⁶ Ср. в связи с этим следующее рассуждение С.Б. Бернштейна: «Как отделить общность исконную от заимствованной? В руках языковеда имеются надежные критерии. Заимствованное слово часто сохраняет свой чуждый фонетический облик. Русские слова *время, одежда, равный, горящий* сразу же выдают их болгарское происхождение» (Бернштейн 1961: 81). Интересный опыт стратификации материала с точки зрения его происхождения содержится в статье Г.П. Клепиковой «Стратификация славянских заимствований в румынских диалектах» (Клепикова 2005: 157).

явление. И в этом проявляется еще одно свойство карты, ее **эксплаторность** (или «объяснительность»).

Самым ярким проявлением эксплаторности карты является отражение на ней причинно-следственных отношений в развитии того или иного языкового явления.

Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляет исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической трансформации и проследить общее направление развития. Это, в свою очередь, позволяет выявить центр иррадиации и направление инновационных потоков.

Так, в частности, на описываемой карте просматривается довольно четкий ареал лексемы *ob-kraj-ъс-ъ* (укр. *ok'rajec'*, блр. *ak'rajac*; рус. *ak'rajec*, *ak'raic*): это украинские и белорусские говоры, а также прилегающие к ним говоры южнорусского наречия.

Для понимания и интерпретации этого ареала необходимо ответить на вопрос, в каком направлении шло распространение этой лексемы, какой язык был «донором», а какой «реципиентом»?

При решении этого вопроса в лингвогеографии используются следующие критерии:

1) фонетическая субституция, определяемая взаимодействием фонологических систем контактирующих языков;

2) семантическая субституция, определяемая взаимодействием семантических микросистем контактирующих языков;

3) словообразовательная инновация (включая семантическое словообразование) в предполагаемом языке-источнике;

4) географическая смежность языков (подробнее см. Мартынов 1983: 7)..

Если внимательно изучить ареал лексемы *ob-kraj-ъс-ъ*, принимая во внимание данные критерии, то можно увидеть, что ответ на этот вопрос подсказывает сама карта, а именно: плотный ареал этой лексемы в говорах Левобережной Украины, резанные контуры его границ, а также наличие словообразовательных инноваций (ср. распространение лексемы *ob-kraj-ъс-ик-ъ*) являются свидетельством того, что центр иррадиации лежал именно в этих говорах.

Эта информация (хотя и в имплицитном виде) содержится и в ареале лексемы *ob-kraj-ък-ъ* (укр. *ok'rajok*), которая генетически (через палатализацию заднеязычного *k*) соотносится с лексемой *ob-kraj-*

ьс-ь (см. карту схему 14а). Эта лексема на восточнославянской территории зафиксирована только в украинских говорах, причем на той же территории, а иногда и в тех же пунктах, что и лексема *ob-kraj-ьс-ь* (см. пп. 500, 508), т.е. ареал этой лексемы дает еще один ориентир для определения направления иррадиации. Наконец, об этом говорит и распространение лексемы *ob-kraj-ьč-ik-ь* (*ak'rajčyk*), которая характерна в основном для белорусских говоров, причем генетически она тоже соотносится с лексемой *ob-kraj-ьк-ь* как ее производное, являясь ее ареальным продолжением. Таким образом, обе производные лексемы *ob-kraj-ьс-ь* и *ob-kraj-ьč-ik-ь* генетически соотносятся с лексемой *ob-kraj-ьк-ь*, распространенной в говорах Украины, что делает предположение о направлении иррадиационных потоков лексемы *ob-kraj-ьс-ь* вполне обоснованным.

Так разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов выстраивается на картах Атласа в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Картографирование имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания и лингвогеографии, так как любая карта помогает восстановить историю формирования моделей производных слов — членов одной лексико-семантической группы.

Экспланаторность карты оказывается тесно связана и с таким ее свойством, как **антропоцентризм**, поскольку, стремясь найти объяснение представленным на карте явлениям, мы волей или неволей обращаемся к человеку как носителю языка.

Антропоцентризм карты ярче всего проявляется в тех мотивационных признаках, которые положены в основу представленных на ней названий, в данном случае 'первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки'.

Анализ этих мотивационных признаков свидетельствует о том, что точкой отсчета в этих названиях являлся человек. Об этом говорит тот факт, что во многих мотивационных признаках, лежащих в основе названий горбушки, ярко высвечивается антропоморфное восприятие хлеба (ср. в русских диалектах *gъrb-ьк-ь* (*gor'bok*), *gъrb-ьč-ьк-ь* (*gor'boč'ek*), *gъrb-ux-a* (*gor'buxa*), *gъrb-uš-a* (*gar'buša*), *gъrb-uš-ьк-ь* (*gorbyšok*, *gorbyšok*), *gъrb-uš-ьк-a* (*gor'buška*, *gar'buška*); в украинских *lъb-ьк-ь* (*lo'bok*, *lu'bok*); в чешских и польских *pět-ьк-a* (чеш. *patka*; плс. *p'entka*); в македонских *pět-ič-ьк-a* (*pe'tička*); в чешских и словацких — *jan-ьк-ь* (*janek*), *jan-ьк-o* (*janĕko*), *pan-ik-ь* (*paňik*), *pan-ič-ьк-ь* (*paňiček* и т.д.).

Это же антропоморфное восприятие хлеба наблюдается и в названиях, представленных на других картах Атласа, в частности на карте № 13 'поставит, замесит тесто' и № 14 'подходит, растет' (о тесте). Материалы обеих карт раскрывают древние воззрения славян на хлеб как на живое существо. Наличие лексем с корнями **tvor-/ *tvar-* (рус. *rast'vor'it, rost'vor'it*) на карте 13 'поставит, замесит тесто' говорит о том, что процесс выпекания хлеба (так же, как и создания человека) был связан с идеей «сотворения», ибо эти лексемы формально и семантически (хотя, возможно, и вторично) связаны с глаголом **tvoriti*, т.е. имеют в своей основе древний образ «(со)творения» хлеба.

Карта, таким образом, имеет еще одно предпочтение перед любым диалектным или этимологическим словарем: она позволяет сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы картографируемого слова на территории Славии. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность оценить своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Антропоцентризм карты оказывается тесно связан и с таким ее свойством, как функционализм.

Функционализм карты проявляется прежде всего в возможности оценить каждый ареал с точки зрения его функциональной нагруженности, ибо, чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале (ср. в связи с этим ситуацию в русских диалектах, где с одним только корнем *kraj-* зафиксировано семь лексем — *kraj-ъ* (рус. *kraj*), *kraj-ix-a* (рус. *kra'juxa*), *kraj-uš-ьk-a* (рус. *k'rajuška, kra'juška*), *kraj-uš-ьk-ъ* (рус. *k'rajušok, k'rajušek*), *kraj-ьс-ъ* (рус. *k'rajic*), *ob-kraj-ьс-ъ* (рус. *ak'rajec*), *kraj-ьč-ik-ъ* (рус. *k'rajč'ik*). Возможность исследования ареалов различных словообразовательных моделей, представленных на карте, позволяет выявить и описать прогрессирующие (расширяющиеся) и регрессирующие (сужающиеся) ареалы. Так, в частности, применительно к рассматриваемой карте ареал лексемы *kraj-ьč-ik-ъ* (*k'rajč'ik*), локализующейся в говорах Полесья, а также в западной группе южнорусских говоров (в основном в смоленских и брянских), может быть охарактеризован как регрессирующий, поскольку он испытывает давление со стороны других лексем с корнем *kraj-*: в белорусских и украинских диа-

лексах со стороны лексем *ob-kraj-ъс-ъ* (укр. *ak'rajec, ok'rajec'*; блр. *ak'rajec, ak'rajic*) и *ob-kraj-ъѣ-ик-ъ* (укр. *ok'rajčyk*; блр. *ak'rajčyk*), в русских – лексемы *kraj-uš-ъk-a* (рус. *kra'juška*).

Кроме того, функционализм карты проявляется и в отражении на ней распределения в той или иной частной диалектной системе синонимичных лексем, которые чаще всего находятся в отношениях свободного варьирования.

Все это, как представляется, говорит о том, что лингвистическая карта обладает большим диагностическим потенциалом, ибо это не “хаос изоглосс”, пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, а определенным образом организованная их совокупность, обнаруживающая тенденции к группировке в компактные ареалы, которые надо лишь научиться “читать”.

Понимание «языка карты» позволяет проникнуть в ее глубинные смыслы и ответить на следующие вопросы лингвогеографии: что дает карта для познания устройства языка и эволюции его единиц, что она может дать для решения вопроса об истории формирования этнических общностей, в каких аналитических процедурах этот источник информации имеет бесспорные преимущества, а в каких – он безальтернативен (подробнее см. Гриценко 2004: 86).

Лингвистическая карта несомненно несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. В этом отношении прием рекартографирования дает исследователю возможность точнее описать лексический материал в пространственном и временном аспекте. Именно поэтому Общеславянский лингвистический атлас является бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов.

Надежность материалов Общеславянского лингвистического атласа в разысканиях подобного рода определяется еще и тем, что каждый том его лексико-словообразовательной серии организован по принципу тематической соотнесенности выбранных для картографирования лексем, а это значит, что при сравнении языковых явлений учитывается принцип тематической системности корнеслова, что предполагает параллельное соотношение как в корневой, так и в словообразовательной морфеме, чем достигается высокая степень достоверности результатов исследования.

ГЛАВА 2

Русские эксклюзивы

Язык всегда и везде связан с территорией. Эта связь обусловлена историческими и пространственно-временными закономерностями развития общества.

Языковая эволюция во времени и пространстве – это эволюция в двух направлениях – дивергентном и конвергентном, причем обе модели, как правило, сосуществуют во времени, синхронно взаимодействуя друг с другом. Благодаря этим процессам происходит формирование сходств и различий славянских языков, обретение каждым из них своего «лица», становление их языкового своеобразия, т.е. таких языковых особенностей, которые выделяют их и противопоставляют друг другу на всем языковом пространстве *terra Slavia*. И это прекрасно доказывают карты Общеславянского лингвистического атласа.

Несмотря на праславянский характер отобранных для картографирования лексем, в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении. В этом смысле Общеславянский лингвистический атлас является уникальным источником сведений о судьбе праславянских диалектизмов и тех языковых процессах, которые протекали в славянских диалектах. Материалы Атласа красноречиво говорят о том, что, не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду с типологическим сходством, в них отчетливо выявляются и различия. Они проявляются в бесконечной вариативности, отклонениях, несовпадениях в использовании лексико-словообразовательных средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков – общность не статическая, а динамическая. Не опровергая самого родства языков, они свидетельствуют о своеобразии каждого языка в систематизации форм человеческого мышления при помощи лексико-словообразовательных средств. Поэтому так же, как и в предшествующих томах Атласа, в шестом томе ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» можно найти обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии практически всех славянских диалектов, ср. следующие примеры:

наличие в словенских диалектах таких эксклюзивных лексем, как (*glāž*)-ъ к. 6 'стакан' (*ylāž, glaš, glā:š*, см. карту-схему 87), *rumēn-ъ-ak-ъ* к. 43 'желтая часть яйца' (*ruməná:k, rətə'ha:k, reme'ha:k* см. карту-схему 23); (*malc*)-а к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*mā:lca, 'mā:lca, mā:lca*);

в хорватских — лексем (*žmul*)-ъ к. 6 'стакан' (*žmū:l, žmu:l, žmū:l* см. карту-схему 87); *vr̥x-ъn-j-a, vr̥x-ъn-ъj-e* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*'vr̥h̥ne, 'vr̥na, 'vr̥ne*); *běl-an-ъ=-ak-ъ* к. 42 'белая часть яйца' (*be'la:nak, be'l'a:n̥ek, bjelá:nak*);

в сербских — лексем *č̣ḅvr-ъn-j-ak-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (*č̣a'ḅṛnak, č̣eḅṛnak, č̣aḅṛṇá:k*); *pa-voḷk-a* к. 37 'сметана' (*p̣ávlaka, 'paṿlaka, p̣óvlaka*); *ẓ̌lt-ъc-e* к. 43 'желтая часть яйца' (*ẓ̌ú:ce, ẓ̌ú:jce* см. карту-схему 23); *ḳrm-ēt-in-a* к. 21 'мясо свиньи' (*ḳṛ̌metina*); *kraj-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*kṛājka, kṛá:jka*, см. карту-схему 13);

в македонских — лексем (*tekn*)-е к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*tekne, tekme*); *tron-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) (*ronki*);

в болгарских — лексем *kobyl-ic-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (*ko'bilica, ku'bi:lica, ku'bilica*, см. карту-схему 43); *svin-ъsk-o* (subst) к. 21 'мясо свиньи' (*s'viṇsko, s'viṇcki, tel-ēt-ъsk-o* (subst) к. 23 'мясо теленка' (*'teḷišku, 'teleš'ke, te'lešku*);

в чешских — лексем *sṭykl-ěn-ic-a* к. 6 'стакан' (*skleńice* см. карту-схему 87), *vepr-ev-o* (subst) к. 21 'мясо свиньи' (*vep̣ṛ̌ovi:, vep̣ṛ̌ova:*); *ẓ̌ed-j-n-ъ* к. 9 'желание, потребность пить' (*ẓ̌i:ẓ̌eň, ẓ̌i:zeň, ẓ̌yẓ̌eň*);

в словацких — лексем *ḷěv-ik-ъ* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*ḷevik, ḷjevik, ḷivik*, см. карту-схему 7); (*olovrant*)-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*olovrant, olevrant*); *kraj-ik-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*kraji:k* см. карту-схему 13);

в лужицких — лексемы *krom-ič-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*krom'icka, krem'ická*);

в польских — лексемы *kož-ix-ъ* к. 31 'пенка' (на молоке) (*kožux, kozux, k'ožux*); *prag-ъn-en-ъj-e* к. 9 'желание, потребность пить' (*prag̣ńeńe, prag̣ńińe, prag̣ńańe*, см. карту-схему 21); (*kolacij*)-а к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*kolac̣ja, kolac̣yja, kolac̣yja*, см. карту-схему 93); *pri-ḷěp-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*p̣śl'epka, p̣ṣylepka, p̣ṣylipka*);

в белорусских – лексем *koym-y-sl-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ (*ka'rom'isla; ka'rem'isla*); *tɕl'st-ost-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ (*k'ľustas', i'ľustas'c'*); *ně-sъ-čem-ъn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (*n'is'čymnaja (v'ad'ro), n'eš'čymnyj*);

в украинских – лексем *sъ-prag-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ (*sp'raha*); *čěl-uš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (*c'i'ľuška*); *star-ъk-a* к. 31 ‘пенка на молоке’ (*s'ta-rka*); *vyřš-ъk-y* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ (*vyřš'ky, verš'ky* и др.).

Однако особенно ярко это лексическое своеобразие проявляется в русских диалектах.

Количество отличительно характеризующих русские диалекты лексем во много раз превышает их число в любом из диалектов Славии¹, ср., например, такие лексемы, как:

vod-o-nos-ъ к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ (*vodo'nos, vada'nos*); для сравнения в польских диалектах для обозначения коромысла используются лексемы *nos-i-dl-a* (*nos'i-dla, nośidla*), *nos-i-dl-ъk-y* (*nośiłyk'i, nośilk'i*), (*śand*)-у (*śondy, śuńdy*); в сербских – *ob-orm-ic-a* (*ob'ramica*), *ob-orm-ъn-ic-a* (*óbramenica*), *čъbъr-ъn-j-ak-ъ* (*ča'brňak, čebř'ňak*), в болгарских – *kobyl-ic-a* (*ku'bili-ca, ko'bilica*), в чешских и словацких – (*vag*)-у (*va:hi, wa:hi*), (*važ*)-ъk-y (*vaški, va:ške*) и др. (см. карту-схему 43);

prost-ъ к. 3 ‘пустой, незаполненный’ (*pros'toj*); для сравнения в польских и восточнославянских диалектах распространены лексемы *pust-ъ* (плс. *pusty*; блр. *pus'tyj*; укр. *pus'tyj*; рус. *pus'toj*); *porž-ъn-ъ* (плс. *prožny*; блр. *pa'rožn'i*; укр. *po'rožn'ij*; рус. *po'rožn'ij, pa'rožnyj*); в южнославянских – лексема *porzd-ъn-ъ* (слп. *p'razen*; хрв. *prā:zan*; серб. *p'ra:zan*; мак. *prazen*; блг. *p'razen*);

¹ В связи с этим интересно отметить, что русский язык выделяется среди всех остальных славянских языков и тем, что в нем больше всего сохранилось отличительно характеризующей его праславянской лексики, ср.: «Наибольшую лексическую специфичность по отношению к праславянскому лексическому фонду обнаруживает русский язык: почти четыре процента его праславянской лексики не встречается ни в одном другом славянском языке» (Журавлев 1994: 118). Причина этого, по мнению исследователя, кроется в «достаточно раннем диалектном обособлении, в раннем осознании себя носителями данного идиома как выделенной этнической общности, в давней историко-культурной традиции, включающей собственную письменность и т.п.» (Там же).

vorň-ьk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*vo'ronka*, *va'ronka*, *və'ronka*); для сравнения в хорватских и сербских диалектах лексема *lěv-ьk-ъ* (хрв. *lè:vak*; серб. *lǐje:vak*), в польских *lěj-ьk-ъ* (*l'ejek*), в словенских, хорватских, чешских и словацких – лексемы (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ (слн. *trá:xīar*; хрв. *t'ǝxtǝr*; чеш. *traxtír*, *trixtí:r*; слц. *traxta:r*); в сербских, македонских и болгарских – лексемы (*xun*)-ij-a, (*xin*)-ьk-a (серб. *vu'nija*, *i:nka*; мак. *u'nija*, *inka*; блг. *vu'nija*, *fínka* и др.);

kolđ-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*ko'łodə*); *peľt-ux-a* (*polo'tuxə*); *kvaš-en-ьk-a* (*kva'sonka*); для сравнения в южнославянских, за исключением словенских, и восточнославянских диалектах – лексема *ňkt-ьv-a* (хрв. *ničve*; серб. *načve*; мак. *nočvi*; блг. *načvi*), в словенских, чешских, польских, украинских – лексема *ňkt-ьk-a*, (слн. *ňěka*; чеш. *necki*; плс. *ńecka*; укр. *necky*); в польских – лексемы *kop-an-j-ъ* (*kopań*), *kop-an-ьk-a* (*kopańka*); в словацких – лексема (*vagan*)-ъ (*vahan*);

ruš-i-tь к. 17 'режет' (хлеб) (*rušyt*); помимо лексем *řěž-e-tь*, *řěž-i-tь*, широко распространенных в восточно- и южнославянских диалектах, в западнославянских языках представлена лексема *kraj-a-j-e-tь* (чеш. *kra:jit*; слц. *kra:ja*; луж. *kraja*; плс. *kraja*), в сербских и македонских диалектах – лексемы *sěč-e-tь*, *sěč-i-tь* (серб. *se:čē*; мак. *se:čit*, *sečet*);

gъrb-ux-a, *gъrb-uš-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*gor'buxa*); *gъrb-uš-ьk-ъ* (*gorbu'sok*); *gъrb-ьk-ъ* (*gor'bok*); *krom-ьč-ьk-a* (*k'romočka*); для сравнения в словенских диалектах употребляется лексема *kraj-ьc-ъ* (*krajc*), в хорватских – лексемы *ob-kraj-ьk-ъ* (*ok'ra:jak*), *съ-kraj-ьc-ъ* (*sk'rgjec*); в сербских – *ob-kraj-ьk-ъ* (*ókrajak*), *kraj-ьk-a* (*kràjka*); в македонских и болгарских – лексема *kraj-itj-ьn-ik-ъ* (*kraišnik*, *k'raešnik*); в чешских – *съ-kroj-ьk-ъ* (*skrojek*), *peť-ьk-a* (*patka*); в словацких – *съ-kroj-ьk-ъ* (*skrojek*); в польских – лексемы *съ-kraj-ьk-a* (*skrajka*), *peť-ьk-a* (*pśantka*);

krъx-y, *krъš-on-ьk-a* к. 19 'крошки (хлеба)' (*k'rox'i*, *kro'sonka*); для сравнения в чешских диалектах представлены лексемы *drob-ьk-y*, *drob-ьč-ьk-y* (*dropki*, *drobečki*), в словенских, хорватских и сербских диалектах – лексемы *тъrv-y*, *тъrv-ic-y*, (слн. *má:rve*, *mǝrvīce*; хрв. *mǝve*, *mǝvice*; серб. *mǝve*, *mǝvice*); в сербских, македонских и болгарских диалектах – лексемы *trox-y*, *troš-ьk-y* (серб. *trǝhē* *t'roške*; мак. *t'roxī*, *t'roš'ki*; блг. *tro'xi*, *t'roški*); в словацких *ob-trqs-in-ьk-y* (*otrusingi*), *ob-mel-in-ьk-y* (*omeliŋki*), в польских – лексемы *ob-krux-y* (*okruxy*), *ob-kruš-ьk-y* (*okrušk'i*), *ob-kruš-in-y* (*okrušyny*);

sv-klad-ъn-ъč-ъk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (*skladn'i'c'ok, sklān: i'c'ok*); во всех славянских диалектах распространены дериваты с корнем *pož-*;

svěž-in-a к. 21 'мясо свиньи' (*sv'ežy'na, s'v'ažy'na, s'v'ižy'na*); в восточно- и южнославянских диалектах распространены дериваты с корнем *svin-* (*svin-in-a, svin-ēt-in-a, svin-ev-in-a*); в словенских, хорватских и сербских диалектах – с корнем *pors-* (*pors-ēt-in-a, pors-ъč-ev-in-a*); в чешских и польских – с корнем *vepr-* (*vepr-ev-in-a, vepr-ev-o*); в словацких и чешских – с корнем *borv-* (*borv-ъč-ov-in-a*) и др.;

žir-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (*žyr*); в южнославянских языках, а также в словацких, польских, белорусских и украинских диалектах широко распространена лексема *soľn-in-a* (слн. *slq'ning*; хрв. *sla'nina*; серб. *slānina, slanina*; мак. *slanina*; блг. *sla'nina, sla'ninē*; плс. *spoñina*; блр. *solo'nyna*; укр. *solu'nyna*); в словенских, хорватских, польских и русских – заимствованная из немецкого языка лексема (*špek*)-ъ (слн. *špex*; хрв. *špek*; плс. *špek*; рус. *šp'ik*); в польских диалектах – лексема *ob-kras-a* (плс. *°okrasa*) и т.д.;

škvar-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*šk'vary*); *švar-ъč-ъk-y* (*švarye'k'i, š'vyrc'k'i*); *ob-švar-ъč-in-y* (*oš'varčyny, oš'varč'iny*); *žaruš-ъk-y* (*žy'rušk'i*); *žar-en-ъk-a, žar-en-ъk-y* (*ža'r'onka, žy'r'onk'i*); *ob-top-ъk-y* (*o'topk'i*); *vy-top-ъk-y* (*'vytopk'i*); *ob-šur-ъk-y* (*o'surk'i*); *kprš-ъk-y* (*k'rošk'i*); *čer-uš-i* (*'c'iruši*); *čer-uš-ъk-y* (*č'e'rušk'i, 'c'irušk'i*); (*šeleg*)-a, (*šeleg*)-y (*'šel'eg'i, šale'ga*); в сербских и хорватских диалектах распространены лексемы *čvar-ъc-i, čvar-ъk-y* (*čvá:rci, čvá:rki*); в словенских и хорватских – лексемы *ob-cvir-ъk-y* (*oc'vi:rki, oc'virk'i*); в болгарских – лексема *pъrž-ъk-y* (*p'rāški*); в македонских – *žm-er-ъk-y, žm-ir-ъk-y* (*žmirki, že'merki*);

u-stoj-ъ к. 31 'пенка' (на молоке) (*us'toj*); *pri-var-ъk-a* (*pры'varka, pr'i'vark'i*); в сербских и хорватских диалектах – лексема *skor-up-ъ* (*š'koru:p, skōru:p*); в чешских – *skor-o-lup-ъ* (*škraloup*); в словацких – *kož-a, kož-ъk-a* (*koža, koška*); в словенских и болгарских – лексема *śmet-an-a* (*s'mig:tana, sme'tana*); в сербских, македонских и болгарских – (*kajmak*)-ъ (*kájmak, kaj'mak*);

syр-ъ к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*syр*); *smol-a* (*sma'la, smē'la*); *syр-o meľk-o* (*sy'ro molo'ko*); в болгарских диалектах – лексема (*korast*)-ъv-a (*ku'lastra*); в македонских – (*kola-str*)-a (*kulestra*); в сербских и хорватских диалектах – *gruš-al-in-a* (*grūšalina, grūša:lina*); в словенских, хорватских, сербских, чешских и словацких – лексемы *meľz-iv-o, meľz-iv-a* (слн. *mlē:zva*, хрв. *m'lezi-vo, m'liziva*; серб. *mlē:zivo*; чеш., слц. *mlezivo*);

ko'rv-ъn-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (*ko'rovn'ica*, *ko'rovn'icə*); *ko'rv-o-doj-ъn-ic-a* (*kara'dojn'ica*); в сербских и хорватских диалектах — лексема *mъ/z-il-ъj-a* (*muzila*, *múzila*); в македонских — *mъ/z-ač-ъk-a* (*məzəčka*); в чешских и словацких — *doj-ič-ъk-a* (*dojička*); в польских — *doj-ъk-a* (*dojka*);

prost-o-kyš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (*prasto'k'iša*, *prasto'k'i-ša*), *prost-o-kvaš-ъk-a* (*prəsta'kvaška*); *syr-o-pěn-j-a* (*səra'py'n'a*); *kvaš-en-ъk-a* (*kva'sonka*, *kva'sonkə*); у большинства южных и западных славян — это понятие передается описательной конструкцией типа *kys-ěl-o mѣjk-o* ('*kiselo m'leko*);

vъrš-ъk-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (*v'er'sok*); *sъ-liv-ъk-y* (*s'l'ifk'i*); *u-stoj-ъk-ъ* (*us'tojik*, *us'tojok*); в большинстве славянских диалектов употребляется лексема *съ-met-an-a*; в словацких — *съ-met-an-ъk-a* (*smetanka*); в сербских — *pa-volъk-a* (*pàvlaka*); в хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах — лексема (*kajmak*)-ъ (*kájmak*);

skor-o-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*skorlu'xa*, *škarlu'xa*); в словенских, хорватских, сербских диалектах употребляется лексема *lup-in-a* (слн. *lə'pi:na*; хрв. *lu'pina*; серб. *lúpina*); в македонских и болгарских — *съ-lup-ъk-a*, *lup-ъk-a* (*š'lupka*, *lupka*); в болгарских — *čer-up-ъk-a* (*čə'rupka*, *ču'rupkə*); в польских — лексема *skor-up-a* (*skarupa*);

běl-yš-ъk-ъ, *běl-yš-ъk-o* к. 42 'белая часть яйца' (*b'elyšek*, *b'elyšok*, *b'elyško*, *b'elyška*); во всех славянских диалектах представлены другие дериваты с корнем *b'el-*;

(*šink*)-ov-an-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (*šyn'kovana*); в других славянских диалектах употребляются дериваты с корнем *kys-/kyš-* (слн. '*ki:səl*'; хрв. '*kisel*'; серб. *kiseo*; мак. '*Kisel*'; блг. '*k'isel*'; чеш. *kyseľy*, *kiseleř*; слц. *kiseli*; луж. *k'isafy*; плс. *k'isny*) или *kvas-/kvaš-* (плс. *k'vasny*, *kfašni*);

glin-ist-ъ к. 50 'сделанный из глины' (*γ'l'in'istuf*); *glin-av-ъ* (*γ'l'i-nəvəj*); в южнославянских диалектах распространена лексема *zem-j-ěn-ъ* (слн. *zamjè:n*; хрв. *zeml'ě:ni*; серб. *zēmlāni*; мак. *zemjen*; блг. *zemlen*, *'zeml'an*); кроме того, в словенских диалектах — лексема *lon-ъč-en-ъ* (*lon'čen*); в болгарских — *pъrst-ъn-ъ*, *pъrst-ěn-ъ* (*p'rāsten*); в чешских — лексема *kam-en-ъn-ъ* (*kameneř*);

kož-ur-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*ko'žurka*); в словенских диалектах распространена лексема *ob-lup-ъk-ъ* (*ɔo'lu:pek*); в сербских, хорватских и болгарских — лексема *kor-a* ('*kora*, *kò:ra*, *ku'rə*); в словацких — *lup-y* (*lupi*); в польских — *lup-in-y* (*lup'iny*); в чешских диалектах — лексема *съ-lup-ъk-a* (*šlupka*);

pit-an-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (*p'i-tan'jo*, *p'i'tan'ja*); *kuš-an-ъj-e* (*'kušan'jo*, *'kušan'je*); *žbr-a-tv-a*, *žbr-a-tv-o* (*žrat'va*, *žrat'vo*); во всех славянских языках распространены дериваты с корнем *ěd-//ěs-*; в словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах – лексема *χορν-а* (слн. *xrā:na*; хрв. *xra:na*; серб. *rā:na*; блг. *rə'nə*);

pa-už-ъn-a к. 59 'обед, еда в дневное время' (*'paužna*, *'pavžna*); кроме лексемы *ob-ěd-ъ*, распространенной во всех славянских языках, в словенских, хорватских, сербских, болгарских диалектах употребляется лексема *//už-in-a* (слн. *jə'ži:na*; хрв. *'južina*; серб. *užina*; блг. *'južina*); в словенских – *kqs-i-dl-o* (*kosi:lo*); в сербских, македонских, болгарских диалектах – лексема *rqč-ъk-ъ* (серб. *rú:čak*; мак. *'ručuk*; блг. *ru'čək*);

pa-už-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'pauža*); *pa-ob-ěd-ъ* (*'pab'et*, *'pab'at*); *pa-ob-ěd-ъk-ъ* (*'pab'edok*, *'pab'ədok*); *podъ-večer-ъk-a* (*podv'eč'orka*); *kqs-ov-ъn-ik-ъ* (*ku'sovn'ik*); *per-xvat-ъk-a* (*p'er'ex'vatkə*); в южнославянских языках употребляется лексема *//už-in-a* (*'južina*); в чешских диалектах – *svač-in-a* (*svačina*); в словацких – (*olovrant*)-ъ (*olovrant*), (*nešpor*)-ъ (*nešpor*); в польских – лексема *podъ-večer-ъk-ъ* (*podv'ecorek*);

večer-ic-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*v'a'č'er'icə*); во всех славянских диалектах употребляется лексема *večer-j-a*; в польских диалектах, кроме того, лексема (*kolacij*)-а (*kolacyja*); в русских и белорусских – лексема *//už-in-ъ* (*'užyn*, *'vižyn*);

χορς-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (*xo'rošoj*, *xo'rošaj*); *съ-kqs-ъn-ъ* (*s'kusnyj*, *s'kusnaj*), кроме лексемы *въ-kqs-ъn-ъ*, распространенной в восточно- и южнославянских языках, в македонских и болгарских диалектах употребляется лексема (*xub*)-ав-ъ (*ubaf*); в словенских, хорватских, сербских, болгарских, чешских, лужицких, польских, украинских диалектах – лексема *dobr-ъ*; в чешских и словацких – лексема *xqt-ъn-ъ* (чеш. *xutnej*, *xutny*; слц. *xutni*); в болгарских – *bolg-ъ* (*blak*).

Из приведенных примеров видно, что своеобразие в восприятии мира носителей тех или иных языков, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию лексик, отличительно характеризующей каждый славянский язык, в том числе и русский.

Характер русских эксклюзивных образований разный. Большинство из них являются свидетельством яркой самобытности русских диалектов, **своеобразия языкового сознания** диалектоносителей в осмыслении и восприятии окружающего мира, что, естественно, отразилось в мотивационных признаках эксклюзивных лексем, ср.:

kvaš-ъn-j-a, *kvaš-en-ъk-a* на к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*kvaš'n'a*, *kvašonka*), в мотивационных признаках этих лексем отражена **прагматическая составляющая**, т.е. предназначение этого корыта; в то время как в хорватских, македонских, болгарских, польских диалектах распространены названия, в которых актуализируется признак «результативности» (ср.: хрв.-мак.-блг. *kor-an-j-a*; мак.-плс. *kor-an-ъk-a*);

лексем *ob-top-ъk-y*, *vy-top-ъk-y* на к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*o'topk'i*, *'vytəpk'i*, *'vytopk'i*), в которых актуализируется **идея результативности**, в то время как в большинстве славянских диалектов в этих названиях передаются особенности звукового восприятия процесса жарки кусочков сала, ср.: в польских и белорусских диалектах *skvar-ъk-a*, *skvar-ъk-ъ* (плс. *skvark'i*, *skvarek*; блр. *skvar'k'i*, *sk'varka*), в чешских и словацких — лексема *ob-škar-ъk-y* (чеш. *oškvarke*; слц. *oškvarki*); в хорватских и сербских — лексема *čvar-ъc-i* (хрв. *č'va:rci*, *č'vʌ:rci*; серб. *čvá:rci*); в словенских и хорватских *ob-cvir-ъk-y* (слн. *ocvī:rki*; хрв. *oc'virki*) и т.д.);

лексем *u-stoj-ъ*, *u-stoj-ъk-ъ*, *sъn-jьm-ъk-ъ*, *sъn-jьm-ъk-y* на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*us'toj*, *us'tojək*, *s'n'imək*, *'symək*, *s'n'imk'i*), в мотивационных признаках этих лексем просвечивает та же идея результативности; для сравнения можно привести другой признак, а именно **пространственной локализации** этого слоя молока в лексемах с корнем *въrx-/въrš-*: в словенских *въrx-ъj-e* (слн. *'vʌxje*, *'va:rxje*), хорватских *въrx-ъn-ъj-e*, *въrx-ъn-j-a* (хрв. *'vʌna*, *'vʌne*), македонских *въrx-ъ* (мак. *vʌf*), в украинских *въrx-ъ*, *въrš-ъk-ъ*, *въrš-ъk-y*, *въrx-ъn-in-a* (укр. *verx*, *vyr-šok*, *verxny'na*), белорусских *въrx-ъ*, *въrš-ъk-ъ* (блр. *v'erx*, *v'ar'šok*) диалектах;

лексема *ob-čist-ъk-y* на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки', выделяющая русские диалекты среди всех остальных славянских языков, в которых процесс чистки картофеля осмысливается через другие действия (ср., в частности, дериваты с корнем *lup-*: *lup-ъ*, *lup-a*, *lup-ъk-ъ*, *lup-ъk-a*, *lup-in-a*, *lup-aj-ъk-a* и др. в словенских (слн. *lū:p*, *lupī:ne* *ɔ'o'lū:pek*), сербских (серб. *'lupka*, *lupina*), македонских (мак. *lupka*), болгарских (блг. *l'upki*), словацких (слц. *lupi*, *'lupky*, *lupini*),

польских (плс. *lupy*, *lup'ina*, *lup'iny*), украинских (укр. *lu'pa*, *lu'pyna*, *lu'pejk'i*), белорусских (блр. *lu'ryny*, *lu'pajk'i*) диалектах; или с корнем **ber-**: *ob-ber-ъk-a*, *ob-ber-in-a* – в польских (плс. *dob'erki*; *ob'ežyny*); **struž-**: *struž-in-a*, *ob-struž-in-y* – в польских (плс. *strożyna*, *strużyny*, *ostrużyny*); **skrob-**: *skrob-in-y*, *ob-skrob-in-y* – в польских (*skrob'iny*, *doskrob'iny*) диалектах и др.);

идея антропоморфизма в восприятии теста в лексемах с корнем **ži-v-* на карте 14 'подходит, растёт' (о тесте), в которых отражаются древние воззрения на хлеб как на «живое» существо. Надо сказать, что такое восприятие хлеба (в частности, теста) находится в полном соответствии со славянской языковой традицией, запечатленной на этой карте, где та же идея получает дальнейшее развитие, ибо это существо» не просто «живет», как в русских диалектах, но обладает способностью «двигаться» (о чем говорят корни **xod(j)-*/**xad(j)-*, распространенные в словенских (слн. *uxà:ja*, *s'xa:ja*), хорватских (хрв. *sxā:ja*), польских (плс. *potxoži*), чешских (*sxa:zi*) и восточнославянских диалектах (рус. *pot'xod'it*, *pat'xod'it*; укр. *p'id'xode*; блр. *pat'xoz'a*); или корни **dvig-*/**dviž-* в хорватских диалектах (*'diže se*); «расти» (корень **orst-* в словацких (*rošne*), польских (*rošne*), южно- и восточнославянских (слн. *'rastə*; хрв. *ra's'te*; серб. *rá:ste*, *ra:s'te*; мак. *rastet*; блг. *rəs'te*; блр. *ras'c'oc*; укр. *ros'te*; рус. *ras't'ot'*) диалектах); «развиваться» (корни **kyp-* в чешских (чеш. *kine*) и словенских (слн. *'ki:pne*) диалектах, **kys-* в чешских (чеш. *kiše*, *kisa:*), словацких (слц. *kisne*, *kišne*), хорватских (хрв. *'kisa*, *'kysa*), македонских (мак. *kisnet*), болгарских (блг. *'kisne*) диалектах) и даже «работать» (корень **orb-* в кашубских (кашуб. *'ro"b'i*, *'rob'i*) диалектах);

это же антропоморфное восприятие хлеба просвечивает в русских лексемах *gъrb-ъk-ъ* (*gor'bok*), *gъrb-ъč-ъk-ъ* (*gor'boč'ik*, *gor'boč'ek*), *gъrb-uš-a* (*gar'buša*), *gъrb-uš-ъk-a* (*gar'buška*, *gar'buška*, *gor'buška*), представленных на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; в то время как в других славянских диалектах актуализируются иные соматические признаки, ср. *peť-ъk-a* в чешских и польских (чеш. *patka*; плс. *p'entka*), *peť-ič-ъk-a* в македонских диалектах (мак. *peťička*), *lъb-ъk-ъ* – в украинских (укр. *lo'bok*) и т.д.

Ярким свидетельством своеобразия русского языкового сознания могут служить и лексемы, обозначающие вечерний прием пищи // *už-in-ъ*, // *už-in-a*, // *už-ъn-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус. *'užyn*, *'užyna*, *'užna*), которые выделяют русские диалекты на всем пространстве Славии. В мотивационных признаках этих лексем отразилась идея движения солнца, его пространственной локализации на небо-

склоне как указание на время приема пищи (из праслав. *jugъ Фасмер IV: 152), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее времени, в частности к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ъ*, *večer-j-a*).

Большинство этих эксклюзивных образований являются собственно лексическими (а точнее лексико-словообразовательными), отличительно характеризующими те или иные русские говоры на всем территориальном пространстве Славии, ср.:

ključ-ъ, *trqb-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (*kl'uč', tru'ba*); *vod-o-nos-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (*vodo'nos*); *vorn-ъk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*vo'ronka*); *kołd-a*, *kvaš-ъn-j-a*, *kvaš-en-ъk-a*, *lotok-ъ*, *želb-ъ* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*ko'łoda*, *kvaš'n'a*, *kvaš'onka*, *la'tok*, *žolop*); *korv-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола' (*ka'rov'ina*); *obšvar-ъk-y*, (*šeleg*)-*a*, *ob-top-ъk-y*, *ob-šur-ъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*š'vark'i*, *oš'vark'i*, *še'e'ga*, *o'top'k'i*, *o'šurk'i*); *syr-o melk-o* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*sy'ro molo'ko*); *skot-ъn-ic-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' (*s'kotn'ica*); *u-stoj-ъ*, *sъn-jъm-ъk-y* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*us'toj*, *s'n'imk'i*); *sъn-jъm-ъk-ъ* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (*s'n'imək*); *kož-ur-a*, *kož-ur-ъk-a*, *skor-o-lux-a*, *skor-o-luš-a*, *skor-o-luš-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) (*kəžu'ra*, *ka'žurka*, *skorlu'xa*, *skorlu'sa*, *skor'luška*); *strep-a-j-e-тъ* к. 45 'варит, готовит' (обед) (*st'r'apae*); *pljus-en-ъj-e*, *ob-čist-ъk-y*, *kor-ъk-a*, *kor-in-a*, *kož-ur-a*, *kož-ux-ъ*, *kož-ux-a*, *kož-er-a*, *skor-o-lux-a*, *skor-o-luš-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*pl'u's'en'ja*, *o'čysk'i*, *korka*, *ko'r'ina*, *kəžu'ra*, *ko'žux*, *ko'žuxa*, *kuže'ra*, *skərlu'xa*, *skorlu'sa*); *peř-xvat-ъk-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' (*p'ir'ax'vatka*); (*čaj*)-*ъ*, *peř-kos-ъk-a*, к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*č'aj*, *p'ər'e'kuskə*); *//už-in-a*, *//už-ъn-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*užyn*, *užyna*, *užna*).

Однако, кроме лексических эксклюзивов, на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются словообразовательными, так как они выделяют русские говоры с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем. К таким словообразовательным эксклюзивам можно отнести следующие:

kraj-ux-a, *kraj-uš-ъk-ъ*, *kraj-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*kra'juxa*, *k'rajušək* *kra'juška*); в других славянских диалектах с этой основой представлены следующие сло-

вообразовательные модели: *ob-kraj-ъk-ъ* (слн. *uk'rejk*; хрв. *o:k'rajok*; серб. *ókrajak*; плс. *okrajek*; укр. *ok'rajok*); *kraj-ič-ъk-ъ* (чеш. *krajiček*; слц. *kraji:ček*); *kraj-ъč-itj-ъ* (слн. *k'ra:jčič*); *ob-kraj-ъč-ik-ъ* (укр. *ok'raj-čyk*; блр. *ak'rajčyk*); *kraj-ъk-a* (серб. *krájka*; мак. *krajka*); *съ-kraj-ъk-a* (серб. *skrájka*; плс. *skrajka*); *kraj-ik-ъ* (слц. *kraji:k*); *kraj-ik-a* (серб. *kra'jika*); *kraj-itj-ъn-ik-ъ* (мак. *kraesnik*; блг. *k'raesnik*); *kraj-ъč-e* (мак. *krajče*; блг. *k'rajči*); *kraj-išč-e* (блг. *k'raište*) и т.д.); *krom-ъč-ъk-a* (рус. *k'romočka* при *krom-ič-ъk-a* в лужицких и польских диалектах (луж. *krom'icka*; плс. *krum'ička*);

krъx-y, *krъš-on-ъk-a*, *krъx-ът-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба) (*k'rox'i*, *kro'sonka*, *kra'xotk'i*) при наличии в других славянских диалектах словообразовательных моделей типа *krъš-in-y* (плс. *krušyny*), *krъš-ъč-in-y* (плс. *kščyny*), *krъx-ът-y* (укр. *k'ryxty*), *krъš-ъk-y* (рус. *k'rošk'i*, укр. *k'ryšky*, блр. *k'rošk'i*, плс. *krysk'i*);

kož-ur-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (*ka'žurka*) при наличии в других славянских диалектах лексем *kož-a* (хрв. *kōža*, серб. *'koža*, мак. *'koža*, блг. *'koža*, чеш. *ku:že*, слц. *koža*, луж. *koža*), *kož-ъk-a* (слц. *koška*), *kož-ux-ъ* (плс. *kožux*), *kož-uš-ъk-ъ* (плс. *kožušek*);

mělz-ъj-e, *mělz-ъj-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*ma'loz'je*, *mo'loz'ije*), ср. также словообразовательные модели в других славянских диалектах *mělz-iv-o*, *mělz-iv-a* (слн. *mlè:zva*, хрв. *m'leživo*, серб. *mlě:zivo*, чеш. *mlezivo*, слц. *m'lezivo*, плс. *mležiivo*, укр. *mo'loziwo*, *mo'lozywo*, блр. *ma'loz'iva*), *mělz-isk-o* (слц. *mlezisko*);

mojd-ъj-e к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*ma'lod'ja*) при *mojd-iv-o*, *mojd-iv-a* в польских (*mložiwa*) и белорусских (*ma'loz'iva*) диалектах;

prost-o-kyš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (*prosto'k'iša*), при том, что есть лексемы *sam-o-kyš-ъ*, *sam-o-kyš-a* (мак. *samokiš*, блр. *sama'k'iša*, укр. *samo'kyša*), *sam-o-kyš-ъk-a* (слц. *samoki:ška*);

kys-ъл-ux-a, *kys-ъл-uš-ъk-a* к. 35 'сырое кислое молоко' (*k'is'luxa*, *k'is'luška*), ср. также словообразовательные модели *kys-ěl-in-a* (слн. *kisi'li:na*, серб. *kišelina*), *kys-ěl-ъn-a* (хрв. *kišelna*, серб. *kiselna*), *kys-ěl-o* (серб. *kiselo*), *kys-ъл-j-ak-ъ* (блр. *k'is'li'ak*, укр. *kis'li'ak*);

съ-sěd-yš-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (*s'edyš*) при наличии в лужицких диалектах лексем *sěd-ъk-ъ*, *sam-o-sěd-ъk-ъ* (луж. *sytk*, *samesetk*);

skor-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*s'korka*, *s'kurka*) при наличии словообразовательных моделей *skor-up-a* (чеш. *škarupa*, слц. *skorupa*, плс. *s'karupa*, укр. *ška'rupa*, блр. *ška'rupa*), *skor-up-ъk-a* (чеш. *skořa:pka*, слц. *škaru:pka*, плс. *skarupka*, укр. *ška'rupka*), *skor-up-in-a*,

skor-ъp-in-a (слц. *škrupina*, луж. *škyrp'ina*, *škorp'ina*, плс. *škarup'ina*, *skarup'ina*, укр. *škarupyna*);

še-luš-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*ša'luška*, *ša'l'uška*) при *še-lux-a*, известной, помимо русских (*šelu'xa*), в белорусских (*šerlu'xa*) диалектах;

běl-yš-ъ, *běl-yš-ъk-o* к. 42 'белая часть яйца' (*b'elыš*, *b'elыško*); в других славянских диалектах представлены модели *běl-ъk-o* (чеш. *bilko*, слц. *bjelko*, плс. *b'alko*, блр. *b'al'ko*), *běl-ъk-a* (серб. *belka*, мак. *belka*, блг. *'bel'k'a*), *běl-ъ=ak-ъ* (слн. *bejá:k*), *běl-an-ъ=ak-ъ* (хрв. *be'la:ňak*, серб. *bjelá:ňak*), *běl-ъc-ъ*, *běl-ъc-e* (серб. *bije'lac*, *bi'oce*), *běl-ъn-ъc-e* (хрв. *bilā:nce*, серб. *belá:nce*) и др.;

žǫlt-yš-ъ, *žǫlt-yš-ъk-ъ*, *žǫlt-yš-ъk-o* к. 43 'желтая часть яйца' (*žolтыš*, *žol'тыš*, *žolтыšek*, *žolтыško*) при наличии в других славянских диалектах словообразовательных моделей *žǫlt-ъk-o* (чеш. *žloutko*, *žu:tko*, слц. *žu:tko*, *žl:tko*, плс. *žaltko*, *žoutk'o*, блр. *žap'tko*, *žal'tko*), *žǫlt-j-ъk-a* (мак. *žǫčka*, блг. *'žǫčka*), *žǫlt-an-ъk-ъ* (слн. *žu'tgjn̩k*, хрв. *žu'ta:ňak*, серб. *žumá:ňak*), *žǫlt-ъc-e* (серб. *žu:jce*), *žǫlt-an-ъc-e* (хрв. *žumá:nce*, серб. *žuvá:nce*, *žumánce*) и др.;

glin-ъn-ъn-ъ к. 50 'сделанный из глины' (*g'l'in:ыj*, *g'l'in:aj*, *γ'l'i-n:ыj*) при том, что в других славянских диалектах представлены словообразовательные модели *glin-ъn-ъ* (хрв. *g'linen*, серб. *glīnen*, мак. *glinen*, блг. *g'linen*, чеш. *hlinenej*, слц. *hlinēni:*), *glin-ъn-ъn-ъ* (чеш. *hlinēn:ej*, слц. *hlinen:i:*), *glin-j-an-ъn-ъ* (плс. *gl'inan:у*) и др.;

ob-lup-ъk-a (-у) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*o'lup-ka*, *o'lupk'i*), в других славянских диалектах представлены лексемы *lup-a* (слц. *lupi*, плс. *lupa*, *lupu*, укр. *lu'pa*), *lup-ъk-a* (серб. *'lupka*, мак. *lupka*, блг. *'lupki*, слц. *'lupky*), *lup-in-a*, *ljup-in-a* (слн. *lupi:ne*, серб. *lūpina*, слц. *lupini*, луж. *u'p'ina*, плс. *lup'ina*, *lup'inu*, блр. *lu'p'iny*, укр. *lu'pyna*), *ob-lup-ъk-ъ* (слн. *uo'lu:pek*) и др.;

pa-už-ъn-a к. 59 'обед, еда в дневное время' (*'pauižna*), при наличии лексемы *//už-in-a*, распространенной в словенских (*jú:žna*, *'južna*), хорватских (*'južina*), сербских (*užina*) диалектах;

pa-už-in-ъ, *pa-už-in-a*, *pa-už-in-ъk-a*, *pa-už-in-ъk-у*, *pa-už-in-ъk-ъ*, *pa-už-ъn-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'pauižyn*, *'pauižyna*, *'pauižynka*, *'pauižynk'i*, *'pauižənak*, *'pauižna*), в других славянских диалектах представлена лексема *//už-in-a* (слн. *'wužina*, хрв. *'južina*, серб. *užina*, мак. *užina*, блг. *'užina*, плс. *juzyna*, *južyna*);

pa-ob-éd-ъ, *pa-ob-éd-a*, *pa-ob-éd-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'pab'it*, *pa'b'eda*, *'pab'edok*) при наличии в сербских диалектах лексемы *ob-éd-ъ* (*ob'jed*);

съ-kqs-ън-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (*s'kusnoj*), в других славянских диалектах (в том числе и русских) представлена лексема *въ-kqs-ън-ъ* (слн. *və'kusən*, хрв. *'ukusni, ŭkusan*, серб. *ŭkusan*, мак. *ukusen, 'ukusən*, блг. *f'kusen, u'kusen*, укр. *u'kusny, v'kusnyj*, блр. *u'kusnyj, u'kusny*, рус. *f'kusnaj, f'kusnyj, v'kusnyj*).

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу отличительно характеризующих русские говоры эксклюзивов составляют собственно семантические. К сожалению, в этом томе Атласа представлено немного семантических карт, которые нередко имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в русских диалектах и семантических эксклюзивов, ср.:

**čaša* к. 7 SM **čaša* 'миска' // 'большая миска, выточенная из дерева' при наличии в других славянских диалектах значений 'стакан' (хрв., серб., мак., блг., чеш.), 'большой ковш' (слн.) и др.;

**séra* к. 33 SM **séra* 'смола (сок) хвойных деревьев' при наличии во всех славянских диалектах значения 'молоко сразу после отела скота, молозиво', в сербских и болгарских диалектах значения 'жировые выделения на шерсти овцы', в болгарских – 'нестирная овечья шерсть с жировыми выделениями', 'вода после стирки овечьей шерсти' и др.;

**bl'udo* к. 56 SM **bl'udo* 'большая глубокая тарелка'; 'таз'; в других славянских диалектах встречаются значения 'поднос' (блг.), 'поминальный хлеб' (блг.), 'стол' (луж.) и др.

Ареальная характеристика русских ЭСККЛЮЗИВОВ

Своеобразие русских диалектов проявляется не только в обширном репертуаре эксклюзивных лексем, но и в их территориальном распространении.

Как свидетельствуют материалы Атласа, в южно- и западнославянских диалектах ни одна из эксклюзивных лексем не покрывает равномерно всей территории того или иного языка: на картах Атласа устойчиво повторяется одна и та же картина, а именно сосредоточение эксклюзивных лексем в одном или нескольких ареалах, тогда как на остальной территории они встречаются спорадически. Карт, на которых южно- или западнославянские диалекты в лексическом отношении представляли бы собой свособразный «монолит» (как

это часто бывает в русских диалектах), практически нет. Между тем среди русских эксклюзивов встречаются такие, которые составляют принадлежность русских диалектов в целом, так как их характеризует практически повсеместное распространение (ср., например, ареал лексемы *gъrb-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*gar'buška, yar'buška, gor'buška*, см. карту-схему 12); лексемы *prost-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко' (*prosto'kvaša, prasta'kvaša, prəstə'kvaša*, см. карту-схему 73); *ob-čist-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*o'č'istk'i, a'č'istk'i, a'čisk'i*, см. карту-схему 40); *//už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*'užyn* см. карту-схему 93); *//už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' (*'užynajit, 'užynat, 'užynaet*, см. карту-схему 95), а встречающиеся на этих картах единичные лексемы в пограничных с русскими украинскими и белорусскими говорах являются результатом их междиалектных контактов.

Следует, однако, отметить, что подобных эксклюзивов на картах Атласа представлено сравнительно немного. Чаше наблюдается ситуация, когда отличительно характеризующие лексемы выделяют говоры определенного наречия:

– **севернорусского** (ср. ареал лексемы *prost-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (*pros'tof*), распространенной преимущественно в архангельских, вологодских и костромских говорах (см. карту-схему 69); лексем *pejt-ix-a, kvaš-ъn-j-a, kvaš-en-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*polo'tuxa, kvaš'n'a, kva'son-ka*), распространенных преимущественно в архангельских и вологодских говорах); лексем (*šeleg*)-*a, (šeleg)*-*y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*ša'e'ga, 'šeleg'i*), локализующихся в основном в архангельских говорах);

– **южнорусского** (ср. ареал лексемы *съn-jъm-ъk-ъ* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (*s'n'imək*), распространенной в Тульской и Курско-Орловской группе говоров;

– **среднерусские говоры** (ср. ареал лексем *ključ-ъ* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (*kl'uč*); *pa-už-in-ъk-a, pa-už-in-ъk-y* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'paužynka, 'paužynk'i*), локализующихся в основном в западной группе среднерусских говоров).

Ареалогический анализ материалов карт Атласа показал, что чаще всего лексемы, отличительно характеризующие русские диалекты, составляют принадлежность говоров севернорусского наре-

чия, причем преимущественно архангельских, вологодских и костромских, ср., например, следующие лексемы:

prost-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (*pros'toj*) Арх. (пп. 543, 548, 549, 553, 570, 575, 577, 578); Волог. (пп. 598, 600, 602, 603, 614, 616, 645, 668); Костром. (пп. 673, 691);

**čaša* к. 7 SM **čaša* 'миска' // 'большая миска, выточенная из дерева' Волог. (пп. 589, 616, 617, 618, 626); Костром. (пп. 667, 673); 'блюдо' Волог. (п. 597); Костром. (пп. 673, 690);

kvaš-ъn-j-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*kvaš'n'a*) Арх. (пп. 534, 545, 546, 570); Волог. (п. 568); Костром. (п. 673);

pejt-ux-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*poľot'uxa*) Арх. (пп. 542, 547, 549); Волог. (пп. 567, 597);

корень **ved-/vod-* к. 13 'поставит, замесит тесто' (*rozv'e'd'ot, zav'e'd'ot*) Арх. (пп. 541, 542, 543, 547, 548, 549) и Костром. (пп. 673, 707);

kraj-ux-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*kra'juxa*) Арх. (пп. 576, 578); Волог. (п. 603);

vy-top-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*'vytopk'i*) в основном Волог. (пп. 642, 643, 646, 668) и Костром. (пп. 671, 673, 687, 690, 707, 709);

ob-top-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*o'topk'i*) Арх. (п. 596); Ладого-Тихвин. (п. 586); Волог. (п. 567);

skot-ъn-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (*s'kotn'ica*) Арх. (пп. 542, 547, 548, 573); Волог. (п. 613);

sъ-sěd-yš-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (*'s':edyš*) Костром. (пп. 670, 671, 673, 707, 709);

běl-yš-ъk-o к. 42 'белая часть яйца' (*'b'elyško*) Арх. (пп. 547, 555, 574); Волог. (пп. 600, 616, 618, 645, 646);

žlt-yš-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (*'žoltyšek*) Арх. (п. 577); Волог. (п. 627); Костром. (п. 670);

žlt-yš-ъk-o к. 43 'желтая часть яйца' (*'žoltyška*) Арх. (пп. 547, 555, 578); Волог. (пп. 600, 616, 618, 645, 646);

kor-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*ko'r'ina*) Волог. (пп. 592, 615, 616); Яросл. (п. 640);

pa-už-ъn-a к. 59 'обед, еда в дневное время' (*'paužna*) Арх. (пп. 534, 547, 548, 549, 555, 572); Волог. (пп. 598, 602);

pa-ob-ěd-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'pa-b'edok*) Ладого-Тихвин. группа говоров (пп. 564, 565, 585, 586); Волог. (п. 567);

pa-iŭ-ъn-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*paŭžna*) Арх. (пп. 533, 535, 536, 540, 541, 542, 543, 544, 546, 547, 556, 557, 578); Волог. (пп. 592, 593, 597, 615, 617, 620, 625, 639, 641, 642, 645, 646, 668); Костром. (п. 647); Ладого-Тихвин. группа говоров (п. 607);
//iŭ-ъn-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*iŭžna*) Арх. (пп. 531, 532, 533, 534, 537, 544, 546, 548, 549, 556, 557, 577); Ладого-Тихвин. (п. 551); Волог. (пп. 592, 597, 600, 602, 612, 618, 622, 626, 642, 645); Костром. (п. 647); Ярослав. (пп. 665, 684) говоры.

Собственно южнорусских эксклюзивов на картах Атласа встречается сравнительно немного, причем локализируются они в основном в Курско-Орловской группе говоров, ср. следующие примеры:

kys-ыl-iŭ-ъk-a к. 35 'сырое кислое молоко' (*k'is'huškə*) Калуж. (пп. 776, 788); Курск. (пп. 824, 831, 833); Липец. (пп. 806, 818); Орл. (пп. 803, 815, 816, 817, 825); Тул. (пп. 777, 778, 804); *kys-ыl-ux-a* (*k'is'lu-xa*) Калуж. (пп. 788, 789); Орл. (пп. 801, 802, 815);

kvaŭ-en-ъk-a к. 35 'сырое кислое молоко' (*kva'sonka*, *kva'sonkə*) Орл. (п. 817); Тул. (п. 791); Ряз. (п. 795); Тамбов. (п. 820);

sъn-jьm-ъk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*s'n'imək*, *s'n'imk'i*) Белгор. (пп. 838, 839, 844); Курск. (п. 824); Липец. (пп. 826, 827);

kraj-iŭ-ъk-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*k'rajušok*, *k'rajušek*) Брян. (пп. 799, 800); Орл. (п. 802);

sъn-jьm-ъk-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (*s'n'imək*) Белгор. (п. 848); Липец. (пп. 826, 827); Тул. (п. 804);

skor-o-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*škurlu'xa*, *škərlu'xa*) в основном Калуж. (пп. 774, 775, 776);

svěž-in-a к. 21 'мясо свиньи' (*sv'ežy'na*, *sv'ižy'na*) в основном Брян. (п. 798); Курск. (п. 833); Тул. (п. 804); Липец. (п. 826);

kož-ux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*kəžu'xa*) в основном Ряз. (пп. 793, 796); Тамбов. (п. 810).

Еще меньше отличительно характеризующих лексем наблюдается в среднерусских говорах, причем встречаются они в основном в их западной группе, ср.:

ključ-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (*kl'uč'*) Новг. (пп. 631, 635, 637, 658); Пск. (пп. 652, 653, 711); Твер. (пп. 662, 679, 694);

per-xvat-ъk-a к. 58 'завтрак, утренняя еда' (*p'ir'ax'vatka*) Новг. (п. 656); Пск. (пп. 628, 651, 675);

pa-už-in-ъk-a, pa-už-in-ъk-y к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'raižынка, 'raižыnk'і*) Новг. (пп. 631, 656); Твер. (п. 694).

Число эксклюзивных лексем, однако, значительно увеличится, если помимо слов, локализующихся в рамках какого-либо одного наречия, принять во внимание и лексемы, имеющие дисперсный ареал, ср.:

voṛn-ъk-a карта 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*vo'ronka, vo'ronka, va'ronka*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 532, 534, 535, 536, 537, 545, 546, 549, 553, 555, 556, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 576, 577, 578, 604); Ладого-Тихвин. (пп. 551, 552, 560, 562, 563, 564, 565, 566, 579, 580, 581, 583, 584, 585, 586, 607); Волог. (пп. 567, 568, 589, 590, 591, 592, 593, 600, 603, 611, 612, 615, 616, 618, 619, 620, 622, 625, 626, 627, 638, 639, 641, 642, 643, 644, 646, 668); Костром. (пп. 667, 670, 671, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 707, 709); Яросл (пп. 640, 664, 665, 666, 683, 684, 685, 703, 704); Новг. (пп. 582, 608, 609, 610, 632, 633, 635, 636, 637, 656, 657, 658); Пск. (пп. 605, 628, 629, 655, 675, 692, 725); Твер. (пп. 659, 660, 661, 662, 663, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 694, 695, 696, 697, 699, 700, 701, 702, 714, 715); Владимир.-Поволж. (пп. 705, 706, 722, 724, 718, 719, 720, 730, 731, 733, 734, 738, 742, 743, 744, 745, 756, 757, 770); реже в южнорусских: Смол. (пп. 728, 729, 759, 760); Ряз. (пп. 769, 782, 783, 795, 796, 821); Курско-Орловских (пп. 816, 837, 841, 846); Тул. (пп. 763, 776, 790, 792);

корень **tvor- / *tvar-* к. 13 'поставит, замесит тесто' (*rast'vor'it, rastva'r'it, rost'vor'it, rastvo'r'it'*) в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 536, 537, 540, 544, 545, 546, 556, 569, 570, 571, 572, 573, 576, 604); Волог. (пп. 568, 588, 591, 597, 602, 603, 614, 615, 617, 621, 626, 641, 643, 644, 646, 668); Костром. (пп. 647, 670, 671, 686); Ладого-Тихвин. (пп. 551, 563, 566, 580, 581, 607); Яросл. (пп. 683, 685, 703, 704); Владимир.-Поволж. (пп. 719, 720, 731, 733, 738, 756, 757); Новг. (пп. 582, 631, 633, 636, 637); Пск. (пп. 606, 628, 653, 655, 674, 675, 693, 710, 711, 712); Твер. (пп. 659, 663, 677, 681, 694, 695, 696, 697, 699, 714, 715); реже – в южнорусских говорах: Смол. (пп. 748, 750, 760, 761, 773);

kṛx-y к. 19 'крошки' (хлеба) (*k'rax'і*) в основном в севернорусских: Арх. (пп. 528, 529, 530, 531, 533, 536, 542, 543, 545, 549, 555, 572, 575); Волог. (пп. 597, 620, 621, 622); реже в среднерусских (Владимир.-Поволж. п. 753; Пск. п. 629) и южнорусских (Орл. п. 816; Липец. пп. 826, 844) говорах;

korv-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (*koro'v'ina, ka'rov'ina*) в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 531, 604); Волог. (пп. 587, 588, 590, 597, 611, 612, 614, 616, 618, 645); Ладого-Тихвин. (пп. 563, 564, 583); Новг. (пп. 582, 609, 610, 631, 632, 634, 636, 637, 657); Пск. (пп. 606, 628, 655); Твер. (пп. 659, 660, 661, 713, 726а, 727), реже в южнорусских: Смол. (п. 747) и Брян. (п. 797);

meľz-ыj-e, meľz-ыj-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*ma'loz'ijə, ma'loz'ija, ma'ložja*) в основном в южнорусских говорах: Брян. (п. 811); Калуж. (п. 789); Орл. (п. 825); Ряз. (п. 809); Смол. (п. 729); Тул. (п. 805); реже в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 581; Яросл. п. 683) и среднерусских (Твер. п. 699);

**sěra* к. 33 SM **sěra* 'смола (сок) хвойных деревьев' в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 529, 530, 533, 545, 556, 557, 567, 569, 571, 573, 577, 578, 596, 604); Волог. (пп. 568, 587, 589, 590, 592, 597, 600, 603, 611, 615, 617, 618, 627, 642, 645, 646, 648); Костром. (пп. 647, 673, 686, 687, 689, 691, 707, 709); Ладого-Тихвин. (пп. 583, 607); Яросл. (пп. 640, 665, 684, 685, 702, 703); Новг. (пп. 582, 608, 631, 633, 635, 636, 637); Пск. (пп. 605, 606, 628); Твер. (пп. 682, 699); Владимир.-Поволж. (пп. 705, 706, 722, 723, 724, 738, 742, 743, 745, 756, 757); редко в южнорусских (Ряз. п. 769);

u-stoj-ь к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (*us'toj, yus'tej*) преимущественно в севернорусских говорах: Арх. (пп. 530, 537, 541, 542, 543, 547, 548, 576, 577); Волог. (пп. 600, 602, 603, 621, 622, 646); Костром. (п. 670); Ладого-Тихвин. (п. 564); редко – в среднерусских (Новг. п. 582) и южнорусских (Смол. п. 758);

skor-ыk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*š'kurka*) в основном в южнорусских говорах: Белгор. (пп. 839, 845, 846); Брян. (пп. 800, 814, 822); Ворон. (п. 834); Курск. (п. 824); Тамбов. (п. 810); реже в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 583) и среднерусских (Новг. пп. 582, 609);

kož-ur-a, kož-ur-ыk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*kəžu'ra, ko'žurka*) в основном в среднерусских (Новг. п. 608; Владимир.-Поволж. п. 744) и южнорусских (Белгор. п. 848; Ряз. п. 783; Тул. п. 778) говорах; реже в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 560);

strep-a-j-e-ть к. 45 'варит, готовит' (обед) (*st'r'apajet, st'r'apat*) в основном в севернорусских: Волог. (пп. 603, 624); Костром. (пп. 686, 689, 691, 709); реже в среднерусских (Пск. п. 606; Владимир.-Поволж. пп. 720, 733) и южнорусских (Смол. п. 729; Тамбов. п. 810) говорах;

kož-ur-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*kəžu'ra, kə-žu'ra, kužu'ra*) в основном в севернорусских: Арх. (пп. 541, 553, 554,

573, 576, 577, 578); Волог. (пп. 590, 592); Ладого-Тихвин. (пп. 564, 579, 584); Яросл. (п. 703); реже в среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 722, 731; Твер. п. 713) и южнорусских (Брян. п. 811; Курск. п. 832; Орл. п. 801; Ряз. пп. 768, 783; Смол. п. 784; Тамбов. п. 810) говорах;

kož-ix-ъ к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*ko'žux, kaži-x'ŭ*) в основном в севернорусских говорах (Арх. пп. 530, 533, 555), редко — в южнорусских (Ряз. п. 795);

**bl'udo* к. 56 SM **bl'udo* 1) 'большая глубокая тарелка' в севернорусских: Волог. (п. 567); Ладого-Тихвин. (п. 565); Яросл. (пп. 683, 684); среднерусских: Новг. (пп. 632, 635); Владимир.-Поволж. (п. 706); южнорусских говорах: Брян. (п. 814); Липец. (п. 819); Орл. (п. 802); Тамбов. (п. 810); 2) 'таз' в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 607); среднерусских (Новг. п. 633; Твер. п. 698); южнорусских говорах (Брян. п. 797);

pa-iz-in-ъ, pa-iz-in-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'raižyn, 'raižyna, 'raižyna, 'raiž'ina*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 553, 554, 569, 571, 576, 596); Волог. (пп. 568, 588, 590, 603, 618); Ладого-Тихвин. (пп. 560, 607); Яросл. (п. 685); Пск. (пп. 605, 606, 652, 655, 693); Твер. (659, 677, 697, 714, 715); Владимир.-Поволж. (пп. 724, 757); редко — в южнорусских (Смол. п. 729);

sz-kqs-yn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (*s'kusnoj, skus'noj, s'kusnyj*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 531, 533, 535, 536, 537, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 555, 556, 557, 569, 572, 577, 578); Волог. (пп. 568, 589, 590, 591, 592, 593, 597, 600, 602, 603, 614, 616, 617, 621, 622, 625, 626, 638, 639, 641, 645, 648); Костром. (пп. 673, 689, 707, 709); Ладого-Тихвин. (пп. 581, 583); Яросл. (п. 640); Владимир.-Поволж. (пп. 706, 738, 742, 744, 756, 770); Новг. (пп. 637, 658); Твер. (пп. 700); реже в южнорусских: Липец. (п. 819); Ряз. (пп. 769, 783, 795, 796, 807, 809); Тамбов. (п. 821).

Вместе с тем следует особо подчеркнуть тот факт, что эксклюзивные лексемы особенно часто локализуются именно в **северно- и среднерусских** говорах, ср. следующие примеры:

kol'd-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*ko'loda, ko'loda*) в основном в севернорусских говорах: Арх. (пп. 533, 535, 537, 540, 576); Волог. (пп. 590, 593, 611, 612, 614, 620, 622, 623, 638, 645, 646); Костром. (пп. 667, 671, 687); Яросл. (пп. 640,

685); реже – в среднерусских: Новг. (пп. 609, 636, 637); Владимир.-Поволж. (пп. 723, 724, 770);

željь-ъ к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*žolop*, *žolup*, *žolap*, *žoləp*) в основном в среднерусских говорах: Новг. (пп. 608, 632, 635, 657); Твер. (п. 659); Владимир.-Поволж. (пп. 706, 742, 756, 757, 770); реже – в севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 565, 579, 585);

корень **dy(m)-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (*'vyzdyb'es':a*, *zdy'majec:a*, *zdy'majac'e*, *vyzdy'majec:a*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 547, 553, 569, 570, 571); Волог. (п. 589); Новг. (пп. 610, 631, 632, 633, 636, 658); Пск. (п. 655); Твер. (п. 659);

gъrb-ъk-ъ, *gъrb-ъč-ъk-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*gor'bok*, *gor'bok*, *gor'boč'ik*, *gor'boč'ek*, *gor'boč'ik*, *goro'boček*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Волог. (пп. 588, 589, 590, 591, 592, 611, 616, 638); Новг. (пп. 631, 632, 637, 657); Твер. (п. 659);

krom-ъč-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*k'romoč'ka*, *k'romoč'ka*, *k'roməč'ka*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Ладого-Тихвин. (пп. 563, 564, 565, 581); Новг. (пп. 582, 610); Пск. (пп. 606, 692, 711); Твер. (пп. 677, 714, 726);

kъrš-on-ъk-a к. 19 'крошки' (хлеба) (*kro'šonk'i*, *kra'šonk'i*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Ладого-Тихвин. (пп. 564, 566, 585); Новг. (пп. 610, 636, 637);

ob-švar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*oš'vark'i*, *aš'var-k'i*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (п. 530); Волог. (п. 587); Ладого-Тихвин. (пп. 564, 566, 583, 584, 585); Новг. (пп. 610, 631, 635); Пск. (пп. 605, 628);

ob-šur-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*o'šurk'i*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 534, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 553, 556, 569, 570, 571, 577, 578, 626, 627); Волог. (пп. 588, 590, 592, 593, 598, 602, 603, 615, 616, 617, 625, 639, 641, 644); Владимир.-Поволж. (пп. 722, 724, 770);

kož-ur-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (*ku'žyrka*, *ka'žurka*, *ka'žurka*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 553, 569); Пск. (пп. 651, 652);

sy-r-o mēlk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*sy'ro molo'ko*, *sy'ro molo'ko*, *sy'rojo molo'ko*, *sy'roə mēla'ko*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 529, 530, 531, 532, 534, 535, 537, 544, 549); Волог. (пп. 602, 603, 626, 627); Костром.

(п. 670); Ладого-Тихвин. (пп. 562, 563); Новг. (п. 633); Твер. (пп. 678, 696);

prost-o-kyš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (*prostok'iša, prastok'iša*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 534, 547, 552, 569, 570, 578, 596, 604); Волог. (пп. 568, 587, 588, 590, 591, 597, 598, 600, 602, 603, 611, 617, 619, 622, 623, 624, 643); Ладого-Тихвин. (п. 586); Новг. (пп. 582, 610, 634, 637, 656); Пск. (пп. 628, 652, 654, 675, 692, 711); Твер. (пп. 677, 694, 697, 698);

skor-o-luš-a, skor-o-luš-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (*skorluša, skorluša, skorluška, skarluška*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (п. 577); Волог. (пп. 623, 626, 646, 648); Владимир.-Поволж. (пп. 738, 745); Твер. (п. 727);

běl-yš-ь к. 42 'белая часть яйца' (*b'el'yš, b'e'lyš, b'e'lyš*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 532, 533, 534, 535, 541, 545, 546, 553, 554, 556, 557, 569, 570, 571, 572, 573, 575, 576, 596); Волог. (пп. 567, 568, 587, 588, 589, 591, 592, 593, 597, 598, 602, 603, 612, 615, 617, 618, 619, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 639, 641, 642, 643, 668); Ладого-Тихвин. (пп. 584, 585); Костром. (пп. 647, 671, 686, 687, 689, 690, 707, 709); Яросл. (пп. 640, 665, 666, 704); Владимир.-Поволж. (пп. 706, 724, 745); Новг. (пп. 609, 610, 634, 635, 636, 637);

žol't-yš-ь к. 43 'желтая часть яйца' (*žol'tyš, žol'tyš, žol'tyš, žel'tyš*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 530, 532, 533, 534, 535, 537, 541, 545, 546, 553, 554, 556, 557, 569, 570, 571, 572, 573, 575, 576, 596); Волог. (пп. 567, 568, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 597, 598, 602, 603, 611, 612, 615, 619, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 638, 639, 641, 642, 643, 668); Костром. (пп. 647, 670, 671, 673, 686, 687, 689, 690, 707, 709); Ладого-Тихвин. (п. 584); Яросл. (пп. 640, 665, 666); Владимир.-Поволж. (пп. 705, 706, 724, 745); Новг. (пп. 609, 610, 633, 634, 635, 636, 637);

kor-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*korka, 'kork'i*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 534, 545, 554, 556, 575); Волог. (пп. 567, 568, 588, 589, 598, 602, 617, 618, 642); Ладого-Тихвин. (п. 552, 566, 584); Новг. (п. 631);

kož-er-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*kuže'ra, kožy-'ra*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (п. 578); Ладого-Тихвин. (п. 583); Новг. (п. 636);

skor-o-lux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*skorlu'xa, skarlu'xa, skarlu'xa*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Волог. (п. 623); Ладого-Тихвин. (п. 580); Новг. (пп. 631, 637);

skor-o-luš-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*skorlu'sa*, *skorlu'ža*) Владимир.-Поволж. (пп. 738, 745); Волог. (п. 626);

(*čaj*)-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*č'aj*, *c'aj*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 528, 529); Владимир.-Поволж. (п. 754); Твер. (701);

pa-ob-éd-ъ, *pa-ob-éd-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*'pab'et*, *'pab'gt*, *pa'b'eda*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Волог. (пп. 612, 638); Новг. (пп. 610, 636, 637);

//už-in-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*'užyna*, *'vižyna*) в основном в северно- и среднерусских говорах: Арх. (пп. 536, 541, 547, 569, 570, 571); Волог. (пп. 590, 591, 603, 615); Костром. (пп. 673 707); Ладого-Тихвин. (п. 583); Владимир.-Поволж. (п. 724); Новг. (п. 582); Пск. (пп. 605, 628, 651, 652, 655, 674, 675); Твер. (п. 677).

Значительно реже среди этих эксклюзивных образований встречаются такие, которые составляют принадлежность **средне- и южнорусских говоров**, ср.:

lotok-ъ к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*la'tok*) в основном в южнорусских говорах: Тул. (пп. 778, 792); Ряз. (пп. 793, 807, 809); Липец. (пп. 806, 818, 819, 826, 829); Тамб. (п. 820); Ворон. (пп. 828, 840); Белгор. (п. 845); реже – в среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 730, 754, 779);

per-kqs-ъk-a, *per-kqs-ъč-ъk-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (*p'ir'a'kuska*, *p'ər'e'kuskə*, *p'ir'a'kusəč'ka*) в основном в западной группе русских говоров (Смол. пп. 761, 773; Новг. п. 657).

Наконец, самую небольшую группу эксклюзивных лексем образуют такие, которые отличительно характеризуют какую-либо **одну группу говоров**, причем примечательно, что это опять чаще всего архангельские говоры, ср.:

trqb-a к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (*tru'ba*) Арх. (пп. 542, 543, 547, 548, 549);

корень **ži-v-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (*žy'v'ot*, *'vyžyv'ot*) Арх. (пп. 529, 530, 533, 536, 537, 542, 547, 548, 549, 574, 577, 578);

šeleg-a к. 30 'пережаренные кусочки сала' (*šele'ga*, *šale'gi*, *šele-g'i*) Арх. (пп. 533, 535, 541, 556, 557);

ob-lup-ъk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*o'lupka*, *o'lupk'i*) Арх. (пп. 542, 543, 547, 548);

kvaš-en-ъk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*kvašonka*, *kvašonka*) Волог. (пп. 625, 626);

съ-séd-yš-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (*'s:edyš*) Костром. (пп. 670, 671, 673, 707, 709);

pljus-en-ŭj-e к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*pl'u's'e-n'jo*, *pl'e's'en'jo*, *pl'u's'en'ja*) Ладого-Тихвин. группа говоров (пп. 552, 565, 583).

Таким образом, ареалогический анализ свидетельствует о том, что **наибольшим языковым своеобразием отличаются говоры севернорусского наречия**, которые находятся на самой периферии *terra Slavica*. В формировании их языковых особенностей немаловажную роль сыграли и лексемы, заимствованные из других языков (ср., например, распространение лексемы *šeleg-a* на карте 30 'пережаренные кусочки сала' из ненец. *силиңга* 'выжарки оленьего сала'; лексемы (*čaj*)-ъ на карте 61 'еда между обедом и ужином, полдник' из тюрк. *čaj* (≤ кит.); лексемы (*šink*)-ov-an-ъ на карте 44 'кислый, квашеный (о капусте)' от ср.-в.-нем. *schenken*; и др.).

Следует особо подчеркнуть, что характер лексической специфичности диалектов русского языка оказывается разным в зависимости от того, в каком контексте рассматриваются эксклюзивные лексемы — в общеславянском или восточнославянском, в рамках близкородственных языков.

В этой связи особую роль приобретают эксклюзивы, которые выделяют русские говоры только в восточнославянском континууме, поскольку они находят продолжение в других славянских диалектах (ср., например, ареал лексемы *porzd-yn-ъ* на к. 3 'пустой, ненаполненный' (*po'roznoj*, *pa'roznyj* см. карту-схему 71), которая распространена не только в русских говорах (севернорусских — архангельских и вологодских и в западной группе среднерусских — новгородских, псковских, тверских), но и широко представлена в южно- и западнославянских диалектах.

Таких эксклюзивных образований встречается сравнительно немного в русских говорах, однако ценность их заключается в том, что они часто являются свидетельством тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор сохраняются в славянских диалектах, ср., например, распространение таких лексем, как:

pors-et-in-a к. 21 'мясо свиньи' (*poro's'at'ina*, *poro's'et'ina*, *para's'at'ina*): лексема отмечена в отдельных севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 583; Волог. пп. 617, 621, 643); среднерусских (Новг. п. 656) и в южнорусских (Смол. п. 762); кроме того, она известна также в сербских (*pra'setina* п. 75) и хорватских (*prasëtina*, *prásëtina* пп. 56, 65) диалектах;

tuk-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (*tuk*): лексема широко распространена в говорах севернорусского наречия (Арх. п. 578; Волог. пп. 591, 597, 602, 618, 623, 645; Костром. пп. 647, 671, 673, 707), реже в среднерусских (Пск. п. 605). Кроме того, она зафиксирована в лужицких диалектах (*tuk* п. 234);

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*ko'ra*): лексема хорошо известна в севернорусских архангельских (пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 546, 549, 556, 557, 569, 570, 571) и вологодских (пп. 567, 591, 593) говорах. Кроме того, она широко распространена в хорватских (*'kora, kòra, 'ko:ra, 'ko:ra, kǎ:ra* пп. 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 56, 65), сербских (*kòra, kóra, 'kora* пп. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 57, 58, 60, 61, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 88), болгарских (*ko'ra, ku'ra, 'kori, ku'rə* пп. 121, 126, 133, 134, 136, 140, 167, 169, 851) диалектах. Эти эксклюзивные ареальные связи русских диалектов находят продолжение в представленных на той же карте эксклюзивных лексемах *kor-in-a* и *kor-ъk-a* (*ko'r'ina, 'korka*), распространенных также преимущественно в севернорусских говорах;

//už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (*'povžnajot, 'pavžynat*): лексема зафиксирована в некоторых пунктах севернорусских архангельских (пп. 549, 555) говоров; при этом она широко распространена в южнославянских диалектах – словенских (*'južna, jú:žna, jə'ži:na, 'južina, 'jo:užna, wǫ:žna, jiži:na, jú:žna* пп. 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 146, 147, 148), хорватских (*'južina, užna, jùžina:, 'užina, užina:* пп. 22, 26, 33, 35, 39, 40, 41, 45, 52, 150), сербских (*'užina, užina:, 'užina:je* пп. 67, 82, 151, 152), болгарских (*juž'nie*, п. 121). С этим же корнем в севернорусских архангельских (пп. 534, 547, 548, 549, 555, 572) и вологодских (пп. 598, 602) говорах бытует лексема *pa-už-ъn-a* (*'paužna*) в значении 'обед';

sěr-o mēk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (*'s'ernoje molo'ko, so'r'onojo molo'ko, 's'ir'an:o molo'ko, 's'ero: molo'ko*). Эта описательная конструкция распространена преимущественно в говорах севернорусского наречия (Арх. п. 572; Ладого-Тихвин. п. 564; Волог. пп. 567, 568, 588), реже в среднерусских (Новг пп. 608, 610); кроме того, она встречается в сербских (*'siravo mlé:ko, 'seravo mle'ko* пп. 69, 86), македонских (п. *siri'lavo m'leko* 103) и болгарских (*'serno m'leko, sere'lavo m'leko* пп. 122, 125) диалектах.

Эти ареальные соответствия к русским эксклюзивам в большинстве своем являются свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в раз-

ных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», они являют собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

Однако среди этих эксклюзивных лексем встречаются такие, которые могут являться свидетельством и независимого типологически сходного образования, ср., например, ситуацию на к. 31 'пенка' (на молоке) с лексемой *kož-a*: эта лексема встречается в отдельных архангельских говорах (пп. 532, 535), при этом она широко распространена в словацких диалектах (*koža* пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 221, 223, 224), кроме того, отмечена в чешских (*ku:že, ku:ža, koža* пп. 188, 199, 204), лужицких (*koža* пп. 235, 237), хорватских (*kôža, kužža* п. 40, 148а) сербских (*kò:ža, 'koža* пп. 151, 168) и македонских (*'koža* п. 105) диалектах. Этот же корень представлен в русской эксклюзивной лексеме *kož-ur-ъk-a* (*ku'žyrka, ka'žurka, ka'žurka*), известной в том же значении в архангельских (пп. 553, 569) и псковских (пп. 651, 652) говорах. Переносный характер значения этой лексемы (исходное значение которой было 'козья (шкура)' < **kozja* ЭССЯ 12: 36) свидетельствует, скорее всего, о более позднем ее образовании в этом значении в рамках независимого параллельного языкового развития.

Сходная ситуация с этой же лексемой отражена и на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': лексема *kož-a* зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686); среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 719, 720, 734, 754, 765) и южнорусских (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792); кроме того, она отмечена в болгарских (*'koža, 'koži* пп. 137, 141) и чешских (*koža, koža* пп. 197, 202) диалектах. Значимость этой эксклюзивной лексемы подтверждают дериваты *kož-ur-a, kož-ur-ъk-a, kož-ux-ъ, kož-ux-a, kož-er-a* (*kožu'ra, ko'žurk'i, ko'žux, kažu'xa, kuže'ra*), представленные на той же карте и отличительно характеризующие русские говоры.

Думается, что именно такая картина представлена и на к. 65 'вкусный': лексема *sold-ъk-ъ* (*s'latkoj, s'latkoj*) встречается в севернорусских (Арх. пп. 553, 570) и среднерусских (Владимир.-Поволж. п. 745) говорах, однако она широко представлена в сербских (*slâdak, slâdak, s'ladak, s'latâk* пп. 61, 66, 68, 69, 79, 83, 86, 151), македонских (*s'ladok, s'latok, s'laduk* пп. 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111) и болгарских (*s'ladâk s'latâk, s'latku* пп. 123, 127, 129, 137, 138, 140, 143) диалектах. О независимом параллельном развитии свидетельствуют, с одной стороны, островной ареал этой лексемы в русских диалектах, а с другой – вторичный характер ее значения (из и.-е.

*salt- 'соль': первоначально 'соленый', отсюда 'приправленный', 'вкусный', 'сладкий', 'пряный' Преображенский II: 319; Фасмер III: 713).

По-видимому, так же следует интерпретировать ареал эксклюзивных лексем с корнем *jъd- на к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (vzaj'd'et', pədaɣ'd'et'), имеющих явно переносное значение: эти лексемы отмечены в южнорусских говорах (Брян. пп 800, 811; Тул. п. 804; в Курск.-Орловской группе говоров пп. 801, 848; Липец. п. 826); а также в севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 551 562; Волог. п. 648; Костром. п. 686). Кроме того, этот корень встречается в производных, зафиксированных в отдельных хорватских (nadǎ:že п. 39), македонских (zidi пп. 106, 107, 108, 109) и болгарских (vo'zide, vozi-de пп. 122, 127) диалектах.

Временная характеристика русских ЭКСКЛЮЗИВОВ

По технике своего исследования лингвистическая география обращена прежде всего к синхронии. Это ощущение синхронного состояния, совпадения во времени присутствует у читателя при знакомстве с атласами, составленными даже в начале XX в. Между тем в этом синхронном отражении на карте «живого» слова, нередко уходящего корнями в глубокую древность, запечатлена вся его история, а это значит, что сама лингвистическая география прокладывает путь исследования от синхронии к диахронии.

В ареальной лингвистике уже прочно утвердилась идея о том, что лингвистическое пространство на карте существует как единый пространственно-временной континуум (хронотоп). «Противопоставленные явления одновременно представляют собой различия, сосуществующие и следующие друг за другом во времени: в первом случае они характеризуют диалектный язык одного времени на разных территориях, во втором — разного времени на одной территории (Вопросы 1962: 11). Таким образом, «временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» (Толстой 1968: 15). И поскольку на картах атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы развертывания диахронии в синхронии.

Возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их временную стратификацию подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка. Это связано с тем, что компоненты диалектных различий, существующих в рамках того или иного диалектного континуума, хронологически маркированы, что подтверждают изоглоссы, отделяющие архаические (или просто более старые) явления от инновационных. А поскольку диалектная карта синхронна, то она отражает языковые факты, сосуществующие в данный момент в разных славянских диалектах, но развившиеся в условиях разного языкового состояния и относящиеся к разным хронологическим периодам.

Это явление, определяемое также как «диахрония, опрокинутая в синхронию» (Бородина 1966: 6), служит основанием для выведения «хроно-изоглосс ретроспективно, путем критического изучения современных топо-изоглосс» (Аванесов 1963: 314), осмысления пространственных отношений в качестве временных. Не случайно ареальную лингвистику часто называют «геологией языка», ибо она позволяет установить стратиграфию слов на определенной языковой территории. Сменяя друг друга во времени и пространстве, они сравнительно редко уходят из обихода полностью, на какой-то части территории слова могут удерживаться, сохраняя свои позиции. Поэтому возраст этих эксклюзивных образований может быть разным: одни из них сформировались в глубокой древности, другие – сравнительно недавно.

И здесь, как уже указывалось выше, чрезвычайно важную роль играет тип ареала, характер словообразовательной структуры эксклюзивной лексемы и характер ее значения.

Ареалогический анализ русских эксклюзивных лексем позволил выявить следующие интересные закономерности.

Если ареал эксклюзивной лексемы характеризуется высокой плотностью ее распространения, а контуры его оказываются практически ровными (часто совпадающими с государственными границами), то этот ареал (несмотря на то, что он может быть довольно обширным) является свидетельством сравнительно позднего происхождения данной лексемы.

Именно такой тип ареала имеют лексемы *gъrb-uš-bk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (*gor'buška*),

ob-čist-ьk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*o'č'istk'ŭ*);
//už-in-ъ к. 62 'ужин, вечерняя еда' (*'užyn*).

Повсеместное распространение этих лексем в русских диалектах, ровные контуры границ их ареала, совпадающего на западе с территориальной границей России, позволяет сделать вывод о том, что это поздняя местная инновация. Возникновение этих лексем относится к периоду уже самостоятельного существования русского языка, во всяком случае в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, а также в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» данные лексемы не фиксируются (ср.: *ужина* 'еда после полудня'; *ужинати* 'закусывать после полудня' – Срезн. III: 1166). В современном значении лексема *//už-in-ъ* (*'užyn*) появляется, по-видимому, не ранее XVI-XVII вв. (см. Черных II: 285).

О позднем распространении слова в русских диалектах свидетельствует и довольно плотный ареал лексемы *voron-ьk-a* (*vo'ronka*) на карте 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (см. карту-схему 7), встречающейся преимущественно в северно- и среднерусских говорах: первая фиксация ее относится к XVI в. (ср. в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» 3:33: *воронка* 'конусовидное приспособление для переливания жидкости в сосуд с узким горлом, воронка': *Се нарицаютьъ лнем или воронкою. Назиратель, XVI в.*). Примечательно, что упоминаемое в этом контексте древнее славянское слово *lij-ъ, lij-a* в русских диалектах не сохранилось, но встречается еще в словенских (ср. пп. 8, 11, 16 *li:j, li:j*).

Совсем иной тип ареала имеют эксклюзивные лексемы, отличительно характеризующие говоры севернорусского наречия.

Как правило, это так называемые «маргинальные» ареалы, довольно равномерно расположены в периферийных областях говоров севернорусского наречия, при этом они имеют неровные контуры своих границ. Такой тип ареала характеризует лексему *prost-ъ* на к. 3 'пустой, ненаполненный' (*pros'toj*) Арх. (пп. 543, 548, 549, 553, 570, 575, 577, 578); Волог. (пп. 598, 600, 602, 603, 614, 616, 645, 668); Костром. (пп. 673, 691), см. карту-схему 69. Этот тип ареала свидетельствует об архаичном характере данной лексемы, оттесненной «иррадиацией волн» из центра на периферию (ср. в связи с этим показания Словаря Срезневского: *простын* 'пустой' – Срезн. II: 1583).

Если же русская эксклюзивная (по отношению к восточнославянским языкам) лексема при наличии подобного ареала имеет к тому же и межславянские соответствия, локализующиеся в западно- и/или южнославянских языках, то это может являться еще одним доказа-

тельством ее арханчности (ср., например, распространение лексемы *porzd-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (*po'roznoj, pa'roznyj*, см. карту-схему 71), которая зафиксирована в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских), а также широко представлена в южно- и западнославянских языках (ср. в Словаре Срезневского: *porozъnyj* 'свободный, пустой' – Срезн. II: 1212).

Наконец, третий тип ареала – так называемый «островной». Он характерен для эксклюзивных лексем, не имеющих широкого распространения в русских говорах (как правило, это небольшие островки в говорах севернорусского наречия), но зато представленных в других славянских диалектах. Этот тип ареала может иметь разную интерпретацию в зависимости от того, как соотносится значение лексемы с ее этимологическим значением.

Если лексема имеет небольшой, но четко очерченный ареал в русских говорах и при этом выступает в своем исходном значении, то, скорее всего, она является свидетельством тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор сохраняются в славянских диалектах.

Думается, что именно такая ситуация с лексемой *tuk-ъ* (*tuk*) отражена на к. 27 'подкожный слой жира в свинине'. Лексема довольно широко распространена в говорах севернорусского наречия (Арх. п. 578; Волог. пп. 591, 597, 602, 618, 623, 645; Костром. пп. 647, 671, 673, 707), реже в среднерусских говорах (Пск. п. 605). Она подтверждается данными древнерусских памятников письменности ('тукъ' 'сало, жир' Срезн. III: 1036), а также материалом лужицких диалектов. Этимологически лексема связана с глаголом **tuti* 'жиреть, тучнеть' (Преображенский III: 12), родственно лит. *tàukas* 'кусочек сала', лит. *tūkti* 'тучнеть, жиреть' (Фасмер IV: 116).

Сходная картина представлена и на к 51 'кожура, снятая со старой картошки', где лексема *kor-a* (*ko'ra*) имеет четко очерченный ареал в севернорусских архангельских (пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 546, 549, 556, 557, 569, 570, 571) и вологодских (пп. 567, 591, 593) говорах, кроме того, она широко распространена в хорватских, сербских, болгарских диалектах (см. карту-схему 39). Эти эксклюзивные ареальные связи русских диалектов находят продолжение в представленных на той же карте эксклюзивных лексемах *kor-in-a* (*ko'rina*) и *kor-ъk-a* ('*korka*'), известных также преимущественно в севернорусских говорах. Этимологически лексема *kor-a* связана с и.-е. корнем **ker-* в значении 'резать', т.е. ее зна-

чение соотносится с этимоном, так как «обозначение коры, шкуры как чего-то срезанного, содранного вполне регулярно ономастически» (ЭССЯ 11: 45).

Если же ареал эксклюзивной лексики в русских диалектах является точечным, а ее значение – переносным, то перед нами, скорее всего, результат независимого, параллельного языкового развития. Именно такой тип ареала характерен, например, для лексики *kož-a* ('koža) на к. 31 'пенка' (на молоке). Данная лексема имеет микроареал в архангельских говорах (пп. 532, 535), хотя она широко распространена в словацких диалектах, кроме того, отмечена в чешских, лужицких, хорватских, сербских, македонских и болгарских говорах (см. карту-схему 61). Однако первичное ее значение 'козья (шкура)' < **kozja* (ЭССЯ 12: 36), т.е. значение 'пенка на молоке' является, по-видимому, более поздним семантическим развитием. Сходная ситуация с этой же лексемой отражена и на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': лексема *kož-a* ('koža) встречается в севернорусских (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686), среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 719, 720, 734, 754, 765) и южнорусских (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792) говорах. Кроме того, она отмечена в болгарских и чешских диалектах.

Представляется, однако, что даже в этом случае выявленные сепаратные схождения могут быть отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как «параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка» (Степанов 1975: 27), и в этом смысле все изменения, которые произошли в славянских языках в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения предопределены их предшествующим состоянием. Таким образом, лексические карты Атласа являются прекрасной иллюстрацией одного из постулатов компаративистики – чем ближе языковые системы, тем меньше случайных совпадений в их развитии, поскольку развитие систем в значительной степени детерминировано общими генетическими истоками.

Пространственный критерий при хронологической стратификации русских эксклюзивов коррелирует с еще одним критерием – лингвистическим, а именно словообразовательным. Если обратить внимание на словообразовательную структуру этих имен, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами (ср. *sz-klad-ъn-ъč-ъk-ъ* к. 20 *det* 'ножик, ножи-

чек'; *kvaš-en-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *u-stoj-ъk-ъ, съn-jьm-ъk-ъ, съn-jьm-ъk-y* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *gъrb-ъk-ъ, gъrb-ъč-ъk-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ux-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *žьlt-yš-ъ, žьlt-yš-ъk-ъ, žьlt-yš-ъk-o* к. 43 'желтая часть яйца'; *kor-in-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *per-xvat-ъk-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' и т.д.), что само по себе является свидетельством их более позднего образования.

Обращение к древнерусским словарям подтверждает эти наблюдения, так как большинство из приведенных выше эксклюзивных лексем либо отсутствует в памятниках древнерусской письменности (ср., например, такие лексемы, как *svěž-in-a* к. 21 'мясо свины'; *škvar-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *u-stoj-ъ* к. 31 'пенка' (на молоке); *pa-už-ьn-a* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *pa-už-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *kvaš-ьn-j-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *ob-top-ъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *u-stoj-ъ, съn-jьm-ъk-ъ, съn-jьm-ъk-y* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *gъrb-uš-a, gъrb-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-uš-ъk-ъ, kraj-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *meľz-ьj-e, meľz-ьj-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *moľd-ьj-e* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *prosti-o-kyš-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *kys-ьl-ux-a, kys-ьl-uš-ъk-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *съ-sěd-yš-ъ* к. 35 'сырое кислое молоко'; *skor-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *žьlt-yš-ъ, žьlt-yš-ъk-o* к. 43 'желтая часть яйца'; *ob-lup-ъk-a (-y)* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *pa-už-in-ъ, pa-už-in-a, pa-už-in-ъk-a, pa-už-in-ъk-y, pa-už-in-ъk-ъ, pa-už-ьn-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *pa-ob-ěd-ъ, pa-ob-ěd-a, pa-ob-ěd-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' и т.д.), либо фиксируется в ином значении (ср., например, лексемы *ključ-ъ* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' и др.-рус. *ключь* 'источник, родник' – Срезн. I: 1233; СРЯ XI-XVII 7: 187; *vod-o-nos-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' и др.-рус. *водонось* 'ведро' Срезн. I: 278; *želb-ъ* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' и др.-рус. *желобъ* 'желоб' Срезн. I: 849; *skot-ьn-ic-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' и др.-рус. *скотъница* 'казнохранилище' Срезн. III: 388; *vъrš-ъk-ъ* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' и

др.-рус. *вършькъ* 'верх, верхушка' Срезн. I: 468; *kold-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' и др.-рус. *колада* 'толстое бревно' Срезн. I: 1255; *žir-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' и др.-рус. *жиръ* 'богатство' Срезн. I: 875; *sur-ъ* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' и др.-рус. *сыръ* 'творог, сыр' Срезн. III: 876; *smol-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' и др.-рус. *смола* 'древесный сок' Срезн. III: 445; *хорѣ-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) и др.-рус. *хорошини* 'красивый, прибранный' Срезн. III: 1388; **sěra* 'смола (сок) хвойных деревьев' и др.-рус. *сѣра* 'жир' Срезн. III: 899; и др.).

Непроизводных эксклюзивов в русских диалектах отмечено сравнительно немного (ср. *tuk-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (*tuk*); *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (*ko'ra*); *prost-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (*pros'toj*); *željб-ъ* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*žolop*, *žolup*, *žolap*, *žolǫp*); *kold-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (*ko'loda*, *ko'loda*); *krъх-у* к. 19 'крошки' (хлеба) (*k'rox'i*) и др.), причем некоторые из них являются эксклюзивами лишь в восточнославянском континууме, так как находят неожиданное продолжение в других славянских диалектах, что существенно удревяняет возраст этих образований.

Таким образом, и пространственный, и собственно лингвистический критерии говорят о том, что русские эксклюзивы относятся к разновременным образованиям. При этом прослеживается следующая интересная закономерность: эксклюзивы, выделяющие русские диалекты в общеславянском масштабе, имеют нередко обширные ареалы, свидетельствующие о том, что их формирование является фактом истории собственно русского языка. Эксклюзивы, отличительно характеризующие русские диалекты только в восточнославянском континууме, обладают чаще всего ограниченными ареалами, являющимися свидетельством тех древних трансдиалектных связей, которые до сих пор сохраняются в славянских языках.

Лексико-словообразовательные параллели славянских диалектов

1. Общеславянские соответствия

Каждый лексико-словообразовательный том Атласа содержит в себе целую серию древних лексических диалектизмов, имеющих нередко сепаратные связи, поскольку та или иная лексема «самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам, таким образом, фрагменты древней лингвистической географии с ее проницаемостью диалектных границ» (Трубачев 2003а: 19). В этом смысле Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных лексико-словообразовательных явлений, локализация которых ранее была неизвестна в славистике.

Наличие этих изоглосс придает Атласу статус особо ценного источника сравнительно-исторических и этимологических штудий, так как в отличие от праславянских этимологических словарей, он позволяет выявить пространственную локализацию межъязыковых схождений и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут быть единичными и соответственно иметь островные или даже точечные ареалы (см., например, ситуацию с лексемой *loj-ъ* на к. 27 'подкожный слой жира в свинине', где распространение ее в словенских (*wičej* п. 146) и русских (*loj* п. 761) диалектах имеет ярко выраженный точечный характер), или масштабными, т.е. они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами (см., например, на той же карте украинско-южнославяно-польско-словацкую изоглоссу лексемы *soľn-in-a*). Совершенно очевидно, что классификационный вес этих изоглосс будет разным, так же как и изоглосс, связывающих пограничные диалекты разных языков и диалекты, не имеющие точек соприкосновения. Поэтому ценность материалов Атласа определяется еще и тем, что его карты дают возможность визуально оценить «топографическую значимость» каждой изоглоссы в общеславянском масштабе.

Карты лексико-словообразовательной серии Атласа позволяют выявить и некоторые тенденции, которые прослеживаются на диалектном ландшафте Славии. Это, прежде всего, тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет широкого распространения региональных диалектизмов.

По-видимому, именно с этой тенденцией связано то обстоятельство, что лексем, имеющих общеславянский характер распространения в каждом томе представлено сравнительно немного, ср., например, в 1 томе: *med-ъv-ěd-ъ* к. 5 'медведь'; *med-ъv-ěd-ic-a* к. 6 'самка медведя'; *las-ic-a* к. 9 'ласка'; *//ež-ъ* к. 10 'ёж'; *krъt-ъ* к. 12 'крот'; *det-ьl-ъ, det-el-ъ* к. 20 'дятел'; *žab-a* к. 32 'жаба'; *//qs-en-ic-a* к. 46 'гусеница'; во 2 томе: *byk-ъ* к. 3 'некастрированный самец коровы'; *ov-ьс-a* к. 14 *Nsg* 'овьса'; *bod-e-ть (se)* к. 56 'бодает' (о корове); *gag-a-j-e-ть* к. 65 'гогочет' (гусь); в 3 томе: *smol-a* к. 3 'смола хвойного дерева'; *list-ьj-e* к. 8 'лист' (coll.); *dqb-ъ* к. 26 'дуб'; *//elx-a* к. 37 'ольха'; *mal-in-a* к. 39 'малина' и т.д.

Немного их и в 6 томе Атласа. Это лексемы *zěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин'. Хотя эти лексемы известны во всех славянских диалектах, однако ни одна из них не покрывает равномерно обширные пространства terra Slavia, поскольку все они имеют ареальные ограничения, группируясь по всей Славии в небольшие ареалы, ср.:

ob-ěd-ъ к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; укр. *o'b'id, o'bid, o'b'id, o'byed, ho'b'id, u'bit*; блр. *a'b'et, a'b'et, a'b'ed, o'b'ed*; плс. *ob'at, objat, uobjot, uobjot, obzat*; луж. *ob'et, wob'et*; чеш. *vobjet, vobjet, vobit, objet, wubjet*; слц. *objet, obet, obit, objed*; слн. *o'bet, 'obet, 'obit*; хрв. *o'bed, o'bed, o'bid, 'obed, 'ubjed*; серб. *o'bet, o'bjed, o'bed*; мак. *obet*; блг. *'obet, u'b'at*): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах (см. карту-схему 58);

večer-j-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'čer'a, v'a'č'er'a, v'a's'er'a*; укр. *večera, v9'č'er'a, vyčera, več'er'a, vyčyr'a*; блр. *v'ačera, v'ač'er'a, v'ečera*; плс. *v'ěčera, 'vječeřa, 'v'ječeřa, v'eceřa*; луж. *w'ečer'ja, w'ecer'ja, jacer'ja*; чеш. *večeře, wečeře, večeřa, večeře*; слц. *večera, vešera*; слн. *vačerja, viče:rja, vā'ci:rja, vā'cierja, ve'čę:rja*; хрв. *večera, ve'cera, vičera, večę:ra, vačarg*; серб. *večera, vēčara, ve'čera, ve'čera*; мак. *večera, vičera, 'w'eč'era*; блг. *ve'čera, ve'čera, vi'č'er'a*): лексема имеет плотный ареал в южно- и западносла-

вянских диалектах, а также в украинских и белорусских и ограниченный латеральный ареал в русских диалектах (см. карту-схему 94);

večer-j-a-j-e-ть к. 64 'ест ужин' (рус. *v'eč'er'a*, *v'eč'e'r'ajät'*, *v'a-č'er'ajät'*, *v'ič'er'ait'*; укр. *večer'aje*, *večer'a*, *v9čer'aje*, *v9čer'a*, *v9-č'er'aj9t*, *vyčeraje*; блр. *večeraje*, *vyčeraje*, *v'ačer'ijic'*, *v'ačeraja*; плс. *v'ecera*, *v'ecežo*, *ýecerā*, *v'ecežā*; луж. *večer'at'*, *jacer'ja*, *w'ečer'ja*; чеш. *večeři*, *večeři*; *wečeři*., *večeři*., *večeřā*.; слц. *večera*.; *veče-rā*.; *večerja*; слн. *vačerja*, *vāčierja*, *wečierje*, *vāčierje*; хрв. *večera*, *vi-čera*.; *večię:ra*, *vāčā:ra*, *večera*, *vyčera*; серб. *večera*: *vēčara*.; *večera*; мак. *večerat*, *večera*, *w'eč'era*, *vič'era*; блг. *večera*, *večera*, *vič'er'ə*): лексема широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где ее локализация ареально ограничена (см. карту-схему 96);

sēr-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *'s'era*, *'s'erə*; укр. *'sara*, *'s'ara*; блр. *'s'era*; плс. *sara*, *šara*, *šara*; луж. *sera*, *syra*; чеш. *šara*; слц. *šara*, *šara*; слн. *'serē*; хрв. *'sera*, *sjera*; серб. *'sera*, *'sera*, *sjera*; мак. *'sera*, *'s'ara*; блг. *'sera*, *'s'ara*): лексема имеет островные или даже точечные ареалы во все славянских диалектах, за исключением польских, где она имеет повсеместное распространение (см. карту-схему 53).

Из всех перечисленных лексем, пожалуй, только лексема *ob-ěd-ь* (рус. *o'b'et*, *a'b'et*, *o'b'et*) имеет общерусское распространение. Все остальные в русских диалектах локально ограничены.

Так, в частности, лексема *sēr-a* (*'s'era*) встречается спорадически в севернорусских говорах (Волог. пп. 587, 612; Ярослав. п. 683), среднерусских (Новг. пп. 635, 636; Твер. пп. 682, 700), а также в западной группе южнорусских говоров (Смол. пп. 746, 758, 771). Примечательно, что ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о древних трансдиалектных связях, продолжающих отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-ть*. В русских диалектах распространение лексемы *večer-j-a* (*v'eč'er'a*) ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими и Брянскими (Смол. пп. 747, 758, 771, 784; Брян. пп. 797, 798, 799, 811, 812, 813, 814, 822) и примыкающими к ним с юга белгородскими (Белгор. пп. 841, 844, 845, 848), тогда как на ос-

тальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Ненамного шире в русских диалектах и ареал лексемы *večer-j-a-j-e-ть* (*v'ač'a'r'ejat*, *v'ač'er'ajic*, *v'ač'erajic*'), локализующейся также в основном в говорах южнорусского наречия (Смол. пп. 758, 771, 784; Брян. пп. 797, 798, 799, 811, 812, 813, 822; Ряз. 795; Тул. п. 791; Калуж. п. 788; Курск. пп. 835, 837; Белгор. пп. 838, 841, 844, 845, 848), реже в западных среднерусских говорах (Пск. п. 675). Такой же ограниченный ареал отмечен только в польских диалектах, где с этим глаголом конкурирует описательная конструкция *ěs-ть (kolacij)-q, (je kolacjo, je kolacyje)*, тогда как во всех остальных славянских диалектах наблюдается повсеместное распространение лексемы *večer-j-a-j-e-ть*.

Таким образом, обе лексемы характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т.е. совершенно очевидно, что такая ограниченная локализация этих лексем в русских говорах – явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

О том, что эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития, свидетельствуют, прежде всего, памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: *егда творѣши обѣды или вечерю*. Панд. Ант. XI в.; *Гладѣкая вечера и сласть, хлѣбъ ти соль, новаа гадъ*. Гр. Наз. XI в.; *Видиши обѣды и вечера и питѣния и прелестъ и говоръ*. Златостр.; *оутютованъ чѣто вечераж*. Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; *вечеряхомъ много же бесѣдовавъше*. Мин.Чет. февр. 288 – Срезн. I: 251-252). Значительно позднее, не ранее XVI-XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать* (см. Черных II: 285).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные ос-

татки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» (Теньер 1966: 114).

Об этом же свидетельствует и еще существующее в тех же южно-русских и западных среднерусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*, ср.: п. 675 *'užynajət, v'əč'a'r'ejət*; п. 747 *'vužyn, v'ač'era*; п. 771 *v'ač'era, 'vužyn; 'vužynajic', v'ač'erajic*; п. 784 *v'ač'er'a, 'užyn; v'əč'er'ajic', 'užynajic*; п. 788 *'vužyn, v'ač'er-r'a; 'vužynajit', v'iš'er'it*; п. 791 *'užynait', v'ič'er'i:t*; п. 797 *'užynat', v'ač'er'it*; п. 798 *'užyn, v'ač'er'a*; п. 799 *'vužyn, v'ač'er'a*; п. 811 *v'ač'er'a, 'užyn*; п. 814 *'vužyn, v'ač'er'a*; п. 822 *'vužyn, v'ač'er'a; v'ač'er'ajət, 'vužynait*; п. 837 *'vužynait', v'ič'er'ət*; п. 844 *v'ič'erə, 'vužyn; v'ič'er'ajit', 'vužynajit*; п. 845 *'užyn, v'ič'er'a; 'užynajit', v'ič'er'ajit*.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-ть* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

Таким образом, характер ареала несет информацию о времени и условиях его формирования, в данном случае карты 62 'ужин, вечерняя еда' и 64 'ест ужин' дают представление об эволюции ареалов лексем *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-ть*, которая заключалась в постепенном сужении их за счет широкого распространения более поздних лексем с корнем *už-*.

Примечательно, что общеславянский характер (с теми же ареальными ограничениями) имеет и семантика лексем **sěra* 'молоко коровы после отела' и **večerja* 'ужин' (см. карты 33 SM **sěra* и 63 SM **večerja*). Кроме того, к ним примыкает лексема **porzdьnъ* в значении 'пустой, ничем не наполненный' (см. карту 4 SM **porzdьnъ*).

Если попытаться воспользоваться ареально-ретрогрессивным методом, который в свое время использовал А.П. Дульзон, реконструируя древний фонетический облик топонимов (Дульзон 1962; 1964), то путем удаления более поздних напластований в словообразовательной структуре отдельных лексем можно несколько расширить круг этих общеславянских соответствий.

Так, в частности, на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' такой реконструкцией может являться лексема *kraj-ь*. Сама эта лексема имеет островные ареалы в хорватских, сербских, словацких и русских диалектах, однако радиус ее распростра-

нения расширяется практически до общеславянского, если привлечь суффиксальные и префиксальные дериваты с корнем *kraj-*, ср.: *kraj-ix-a* (рус.), *kraj-iš-ьk-a* (рус., блр.), *kraj-iš-ьk-ъ* (рус.), *kraj-ьc-ъ* (слн., хрв., слц., рус., укр., блр.), *sz-kraj-ьc-ъ* (хрв., укр.), *ob-kraj-ьc-ъ* (слц., плс., рус., укр., блр.), *ob-kraj-ьk-ъ* (слн., хрв., серб., плс., укр.), *kraj-ьč-ik-ъ* (слц., рус., укр., блр.), *kraj-ič-ьk-ъ* (чеш., слц.), *kraj-ьč-itj-ъ* (слн.), *kraj-ьč-ьk-ъ* (слн.), *ob-kraj-ьč-ik-ъ* (укр., блр.), *kraj-ьk-a* (серб., мак.), *sz-kraj-ьk-a* (серб., плс.), *kraj-ik-ъ* (слн., слц.), *kraj-ik-a* (серб.), *kraj-itj-ьn-ik-ъ* (мак., блг.), *kraj-itj-ьn-ak-ъ* (блг.), *kraj-ьč-ę* (мак., блг.), *kraj-išč-e* (блг.).

Однако и в этом случае лексемы с корнем *kraj-* не будут иметь тотального распространения (в связи с отсутствием их в лужицких диалектах), хотя южнославянский диалектный континуум будет охвачен ими полностью.

В отличие от общеславянских цельнолексемных номинаций, корни сохранились значительно лучше. Будучи втянуты в те или иные словообразовательные типы, они в каждом славянском языке сочетались избирательно со словообразовательными аффиксами, что, соответственно, порождало диалектные различия. К таким общеславянским корням относятся:

- měs-/měš-* к. 13 'поставит, замесит тесто';
- peč-* к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет';
- pož-* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек';
- tel-ęt-* к. 23 'мясо телянка';
- ov-(ьč)-* к. 24 'мясо барана';
- gqs-* к. 25 'мясо гуся';
- //aj-* к. 39 'Nsg (j)aje', к. 40 *dem* 'яичко';
- běl-* к. 42 'белая часть яйца';
- žbļt-* к. 43 'желтая часть яйца';
- kys-* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте);
- glin-* к. 50 'сделанный из глины';
- lъž-* к. 52 'ложка'; к. 53 *dem* 'ложечка';
- (ob)-ěd-* к. 60 'ест обед'.

Следует, однако, признать, что и среди этих корней только половина целиком покрывает пространство тегга Slavia. К ним относятся корни *peč-* к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет'; *pož-* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *tel-(ęt)-* к. 23 'мясо телянка'; *gqs-* к. 25 'мясо гуся'; *//aj-* к. 39 Nsg '(j)aje', к. 40 *dem* 'яичко'; *běl-* к. 42 'белая часть яйца'. Все остальные имеют территориальные ограничения.

Что касается русских диалектов, то практически все эти корни (за исключением одного корня *ov-(ьс)*- к. 24 'мясо барана') имеют общерусское распространение. И этот факт имеет чрезвычайно важное значение, так как в русских диалектах представлено не только больше всего эксклизивов, но и больше всего сохранившихся праславянских корней.

Таким образом, несмотря на общеславянский характер отобранных для картографирования лексем, в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении не только в пространстве Славии, но даже в рамках диалектов одного языка, так как материалы карт Атласа демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности общеславянских лексем, при том что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в генетической общности морфемного фонда (и прежде всего корней).

Вместе с тем, как показал проведенный анализ, это своеобразие языков не перекрывает их единства, поскольку число изоглосс, объединяющих разные славянские языки, в количественном отношении во много раз превосходит число изоглосс, их разъединяющих.

2. Восточнославянские соответствия

Материалы Атласа свидетельствуют еще об одной особенности, которая наблюдается на картах всех его томов лексико-словообразовательной серии, а именно о высокой степени гомогенности восточнославянского диалектного континуума, в отличие от южно- и западнославянских языков, отличающихся нередко исключительной гетерогенностью. Яркой иллюстрацией такого своеобразия в языковом моделировании мира «своего домашнего хозяйства» служат цельнолексемные номинации, отличительно характеризующие **всю восточнославянскую группу диалектов**, ср.:

kojd-ęz-ъ, kojd-ъс-ъ; к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (рус. *ko'lod'ec, ka'lod'ac, ka'lod'ic, ka'lod'ec*'; укр. *ko'lodez', ko'lod'az', ko'lod'iz*'; блр. *ka'loz'ic, ka'loz'iz, ka'loz'is*');

korm-y-sl-ъ к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (рус. *koro'mysl, kara'mysl'el, koro'mysl'el*; укр. *ko'romysl, ko'rom'isel*; блр. *ka'romus'el, ka'romys'il, ka'rom'is'al*);

vorŋ-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *vo'ronka, vo'ronka, va'ronka, va'ronka*; укр. *wo'ronka*; блр. *va'ronka*);

(*stokan*)-ъ к. 6 'стакан' (рус. *sta'kan*, *sto'kan*, *stə'kan*; укр. *sto'kan*, *sta'kan*; блр. *sta'kan*, *stы'kan*, *sty'kan*);

**čaša* 'чаша для причастия' к. 7 Sm **čaša*;

smag-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. *s'maya*; укр. *s'maya*, *s'maha*; блр. *s'maya*);

корень *(n)ε- /*(n)jъm- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *pədy'majəs:ə*, *pədy'maіsы*, *padы'majəs:ə*; укр. *podny'majes'a*; блр. *ry-da'majica*, *padn'i'majes:a*);

gərb-uš-ыk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *gor'buška*, *gar'buška*, *gor'byška*, *gor'buška*; укр. *hor'buška*, *hor'baška*, *har'buška*; блр. *yar'buška*);

kraj-ыč-ik-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajč'ik*, *k'rajčыk*, укр. *k'rajčyk*, *k'rajčik*; блр. *k'rajčыk*, *k'rajčyk*);

kryš-ыk-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *k'rošk'i*; укр. *k'ryšk'i*, *kryš'ky kryš'k'e*, *kruš'ky*; блр. *k'rošk'i*, *k'rošk'i*);

gov-əd-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *go'v'ad'ina*, *ga'v'ad'inə*, *ya'v'ad'inə*; укр. *hav''jadyna*; блр. *ya'v'ažyna*);

žir-ыn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус. 'жирный', *žыrnəj*, *žыrnaj*; укр. 'žyrnij', 'ž9rnyj', 'žyrnyj'; блр. 'žыrnyj');

vy-škar-ыk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. 'vyškvark'i'; укр. *viškvark'ky*, 'veškvark'i'; блр. 'vyškark'i', 'viškvark'i');

pén-ыk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. 'p'enka', 'p'enska', 'p'inka', 'p'enka'; укр. 'p'inka'; блр. 'p'enka');

plén-ыk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'l'onka*; укр. *p'l'inka*; блр. *p'l'enka*);

syр-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *syra'kvaša*, *syra'kvaša*, *səra'kvašə*; укр. *syra'kvaša*, *syrok'vaša*, *s9ro'kvaša*; блр. *syra-k'vaša*, *syra'k'vaša*, *syryk'vaša*);

prost-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *prosto'kvaša*, *prəsta'kvaša*, *prəsta'kvašə*; укр. *prostok'vaša*; блр. *prastak'vaša*, *prystyk'vaša*);

kys-ыl-j-ak-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *k'is'l'ak*; укр. *kys-l'ak*, *k9s'l'ak*, *kys'l'ak*, *k9s'l'ek*; блр. *k'is'l'ak*);

vьrš-ыk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *v'er'šok*, *v'ar'šok*; укр. *ver'šok*, *vyr'šok*, *v9r'šok*; блр. *v'ar'šok*, *vyr'šok*, *ver'šok*);

sъ-liv-ыk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'l'ifk'i*, *s'l'iwk'i*, *s'l'iuk'i*, *s'l'ift'i*; укр. *s'l'iuky*, *s'l'iuk'i*, *s'lyuky*; блр. *s'l'iuk'i*, *z'l'iuk'i*);

//aj-ьč-ьk-o к. 39 Nsg (j)aje (рус. ja'ic'ko, ji'ic'kə; укр. ji'ječko, ja'ji-čko; блр. ja'ječka, ja'ječko);

še-lup-aj-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. šalu'pajka, šal'u'pajka, šəlu'pajkə; укр. šalu'pajka; блр. šalu'pajka, šalu'p'ejka);

skor-o-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. skorlu'pa, skar'lupa, skər-lu'pa; укр. škora'lupa, škara'lupa, škara'l'upa; блр. škarlu'pa, škoro'lupa, skoro'l'upa);

skor-o-lup-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. skor'lupka, skor'lupka, skəra'lupkə, škar'lupka; укр. škora'lupka, skar'lupka; блр. skar'lupka, škara'lupka);

lusp-aj-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. luš'pajk'ə; укр. luš'pajka; блр. luš'pajka);

kur-et-ьk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. k'ip'a'tok, k'ip'e'tok, k'ip'i'tok; укр. kypja'tok, k'ipja'tok, kypja'tok, 'kipetok; блр. k'ip'a'tok, kəp'a'tok, kəp'a'tok);

še-lup-ьk-a, še-lup-ьk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. ša'lupk'i; укр. ša'lupky, ša'lupki; блр. ša'lupka, ša'lupk'i);

še-lup-aj-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. ša-lu'pajk'i; укр. ša'lupajk'i, šalu'pajky, šalu'pajki; блр. šalu'pajk'i, šəlu'pajk'i);

lušp-aj-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. luš'pajkə; укр. luš'pajka, luš'pajky, luš'pajka; блр. luš'pajk'i);

ob-čist-ьk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. o'č'isk'i, a'č'isk'i, a'č'isk'i; укр. o'čistk'i, a'cystky; блр. a'čyistk'i);

lləd-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. je-'da, je'da, ji'da, ja'da; укр. je'da, je'da, ji'da; блр. ji'da, jada);

(harč)-ь, (harč)-i к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. harč, harč'i; укр. harč, harč'i; блр. harčы, harč'e);

pit-j-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. p'išč'a, p'išč'a, p'išč'a; укр. pyšča; блр. pišča);

*bl'udo 'блюдо, кушанье' к. 56 Sm *bl'udo;

ob-əd-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. o'b'et; укр. o'b'id, o'b'id, ho'b'id, wo'b'id; блр. a'b'et, o'b'ed);

pol-u-dыn-ъ к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. po'laз'en'; укр. po'luden', po'ludyn', poludyn'; блр. pa'luz'an', po'luz'in', pa'luz'en');

ob-əd-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус. o'b'edat, o'b'edaet, o'b'edajo, o'b'edajet, a'b'edajit', a'b'edait'; укр. o'bidaje, ho'b'idaje, wo'b'idaje, o'b'ida; блр. a'b'edyjic', a'b'edajic', a'b'edaje, ab'eda'jec');

pol-u-dыn-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. pold'en', pa'lud'en', pə'lud'ən', po'laз'en'; укр. po'luden', po'ludyn',

po'tudn', 'po'tud'en', 'po'tuz'en'; блр. *pa'tuz'in', pa'tu'z'en', pa'tuz'an', pa'tuz'an'*);

pol-u-dn-ik-ъ, pol-ъ-dn-ik-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *'poldn'ik, 'poudn'ik, pa'tudn'ik*; укр. *pu'tu'denok, po'tude-nok, po'ludenok, po'ludnuk*; блр. *'poudn'ik, 'po'lydn'ik, po'tudn'ik*).

Эта отличительная особенность восточнославянских диалектов особенно рельефно выступает на фоне западно- и южнославянских диалектов, в которых обнаружилось лишь по одной такой объединяющей и выделяющей их в общем контексте Славии лексеме, ср.:

западнославянские диалекты:

kraj-a-j-e-ть к. 17 'режет' (хлеб) (плс. *kraja, kraja še*; чеш. *kra:ji, kra:ji, kra:i*; слц. *kra:ja, kra:ja, kra:ja*; луж. *kraja*);

южнославянские диалекты:

zem-j-ě-n-ъ к. 50 'сделанный из глины' (слн. *zamjē:n, zem'lien*; хрв. *zemlǝ:n'i, zeml'ǝ:ni, zem'le:ni*; серб. *zēmlani, zēmlan*; мак. *zemjen, 'zemen, 'zemjan*; блг. *zemlen, 'zem'an, 'zenn'an*).

Такая картина ареальных связей славянских языков заставляет по-новому взглянуть на проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их бывшее единство было разрушено временем, наличие такого количества общезападнославянских и общеюжнославянских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их языкового единства¹.

Материалы Атласа говорят также о том, что ни в южно-, ни в западнославянских диалектах ни одна из отмеченных лексем не покрывает равномерно всей территории, поскольку локализуется в не-

¹ Не могу в связи с этим не привести слова Л.В. Куркиной, много и плодотворно занимавшейся проблемой диалектной дифференциации праславянского языка, которая пишет: «При отсутствии специфических южнославянских новообразований едва ли правомерно предполагать для южных славян степень отдельного существования в рамках праславянского даже для ограниченного периода» (Куркина 1992: 15); ср. также мнение Х. Шустер-Шевца: «Едва ли можно говорить об особой западнославянской диалектной группе (как, впрочем, и южнославянской) как промежуточном звене между праславянским и более поздними собственно западнославянскими языками» (Шустер-Шевц 1983: 39); см. также тезис О.Н. Трубачева о вторичной окцидентализации серболужицких языков и вторичности появления славян на польских и шире – большей части западнославянских земель (Трубачев 2003: 41).

скольких островных ареалах, тогда как на остальной территории встречается спорадически.

В восточнославянских диалектах ситуация принципиально иная: многие из отличительно характеризующих их лексем **распространены практически повсеместно**, см., например, локализацию таких лексем, как:

kold-ez-ъ, kold-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (рус. *ko'lod'ec, kə'lod'əc, ka'lod'ic, ka'lod'ec*; укр. *ko'lodez', ko'lod'az', ko'lod'iz'*; блр. *ka'loz'ic', ka'loz'iz', ka'loz'is*);

(stokan)-ъ к. 6 'стакан' (рус. *sta'kan, sto'kan, stə'kan*; укр. *sto'kan, sta'kan*; блр. *sta'kan, sty'kan, sty'kan*);

kʁš-ъk-у к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *k'rošk'i*²; укр. *k'ryšk'i, kryš'ky kryš'k'e, kruš'ki*; блр. *k'rošk'i, k'rošk'i*);

žir-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус. *žyrnyj, žyrynaj, žyrynaj*; укр. *žyrnij, žyrnyj, žyrnyj*; блр. *žyrnyj*);

skor-o-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skorlu'pa, skar'lupa, skər-lu'pa*; укр. *škor'lupa, škara'lupa, škara'l'upa*; блр. *škartu'pa, škoro'lupa, skoro'l'upa*);

kyp-eť-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. *k'ip'a'tok, k'ip'e'tok, k'ip'i'tok*; укр. *kypja'tok, k'ipja'tok, kypja'tok, 'kipetok*; блр. *k'ip'a'tok, kəp'a'tok, kyp'a'tok*);

//ēd-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *je'da, jē'da, ji'da, ja'da*; укр. *jē'da, je'da, ji'da*; блр. *ji'da, jada*);

ob-ēd-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус. *o'b'edat, o'b'edaet, o'b'edajo, o'b'edajet, a'b'edajit', a'b'edait'*; укр. *o'bidaje, ho'b'idaje, wo'b'idaje, o'b'ida*; блр. *a'b'edyjic', a'b'edajic', a'b'edaje, ab'eda'jec*) и др.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что это единство восточнославянских языков во многом поддерживается благодаря русским диалектам, так как в белорусских и особенно в украинских диалектах ареал восточнославянских лексем часто бывает ограничен другими лексемами, ср., например, ситуацию на следующих картах:

к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец': наряду с лексемой *kold-ez-ъ, kold-ъc-ъ* в украинских и белорусских диалектах распространена лексема *stud-ъn-ъj-a, stud-ъn-j-a* (укр. *s'tud'n'a, s'tud'n'a*; блр. *s'tudn'a*), а в украинских, кроме того, и лексема *kʁin-ic-a, kʁъn-ic-a* (укр. *kry'nyc'a, kʁr'nyc'a, ker'nyc'a*);

² Встречающаяся в отдельных польских пунктах лексема *kʁš-ъk-у* отмечена лишь в говорах переселенцев с восточнославянских территорий.

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': наряду с лексемой *vorŋ-ъk-a*, которая в украинских и белорусских диалектах имеет островные ареалы, в них широко представлена лексема *lěj-ъk-a*;

к. 6 'стакан': наряду с лексемой (*stokan*)-ъ в украинских и белорусских диалектах широко распространена лексема *stьkl-ѣn-ъk-a* (укр. *šk'l'an̄ka, šk'l'en̄ka, sk'l'en̄ka*; блр. *sk'l'an̄ka, šk'l'an̄ka*), а в украинских, кроме того, и лексема (*poħar*)-ъ (укр. *po'ħar, pu'ħar*);

к. 19 'крошки' (хлеба): наряду с лексемой *kъš-ъk-y*, в украинских диалектах распространены лексемы *kъx-ыt-y* (укр. *k'ryxty, kryx'ty, krax'ty*), *drob-ъk-y* (укр. *dr'ip'k'i, dr'ib'k'9*);

к. 26 'содержащий много жира' (о мясе): наряду с лексемой *žir-ьn-ъ* в украинских и белорусских диалектах употребляются также лексемы *tьlst-ъ* (укр. *t'lustы, t'lustu, t'lustyj*; блр. *t'lustы, t'lustыj*); *syt-ъ* (укр. *'siti, 'syty*; блр. *'syty, 'sytyj*);

к. 41 'скорлупа' (яйца): наряду с лексемами *skor-o-lup-a, skor-o-lup-ъk-a*, в украинских и белорусских диалектах широко представлены лексемы *skorolušč-ыj-e* (укр. *škal'a'rušč'a, skara'lušča*; блр. *skara'l'uščo, skal'a'rušča*), *lup-in-a* (укр. *lu'pyna*; блр. *lu'p'ina*);

к. 49 'кипящая или вскипевшая вода': наряду с лексемой *куп-ѣt-ъk-ъ* в украинских диалектах широко распространена лексема *ob-krop-ъ* (укр. *ok'r'ip, ok'r'ip, wok'r'ip, ħok'r'ip*);

к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда': наряду с лексемой *//ěd-a* в украинских диалектах широко известна и лексема *съ-trav-a* (укр. *si'rava*);

к. 60 'ест обед': наряду с лексемой *ob-ěd-a-j-e-tь*, в украинских и белорусских диалектах широко представлена лексема *pol-u-dьn-u-j-e-tь* (укр. *po'ludnuje, pu'ludnuje, pu'ludnuji*; блр. *pə'ludnuje, pa'ludnəjic', pa'ludnuja*).

Эта конкуренция с другими лексемами часто приводит к тому, что на некоторых картах просматривается совпадение даже конфигурации ареалов корреспондирующих лексем. Так, например, если в русских и белорусских диалектах нередко наблюдается повсеместное распространение общих лексем, то в украинских прослеживается их частое отсутствие на территории Правобережной Украины (см., например, распространение лексем *kold-ez-ъ, kold-ъc-ъ* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец'; (*stokan*)-ъ к. 6 'стакан'; *žir-ьn-ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе); *куп-ѣt-ъk-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' и др.), т.е. именно здесь локализуется очаг разрушения восточнославянского единства, что являет-

ся, по-видимому, скрытым отражением истории этих земель, которые долгое время входили в состав Великого княжества Литовского, а позже Речи Посполитой. Большая диалектная пестрота в лексике крайних юго-западных районов Закарпатья, по мнению украинских диалектологов, связана с «переселением сюда значительной группы лемковского населения после войн конца XVII – нач. XVIII вв., а в говорах южных районов Украины, в частности, нижнеподнестровских, придунайских – со сравнительно поздним (в основном с нач. XIX в.) заселением и дозаселением этих земель выходцами из разных областей Украины – Подолья, Волыни, Полтавщины, Черниговщины» (Дзензелевский 1963: 97).

Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые из этих восточнославянских эксклюзивных лексем не отличаются тотальным распространением, а имеют ареальные ограничения, ср.:

korm-y-sl-ъ к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (рус. *koro'mys'el*, *kəra'mys'il*, *kəra'mys'el*, *koro'mys'el*; укр. *ko'romys'iel*, *ko'romisel*, *ko'romysyl*, *ka'romysel*; блр. *ka'rom'is'el*, *ka're-m'is'el*, *ka'romys'il*, *ka'romus'el*); в русских диалектах лексема имеет довольно плотный ареал в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. пп. 580 581 607; Волог. п. 598; Ярослав. пп. 640, 704; Костром. п. 686); и в западной группе среднерусских (Твер. пп. 660, 661, 662, 677, 679, 681, 682, 694, 695, 696, 713, 714, 715, 726, 726а, 727; Пск. пп. 606, 628, 629, 651, 655, 691, 692, 693, 711, 712, 725; Новг. пп. 608, 632, 635, 636, 656); более разреженный в восточной группе среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 705, 723, 742, 743, 745, 757, 770) и в южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 748, 749, 758, 759, 760, 771, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 786, 797, 798, 799, 800, 811, 813; Тамбов. п. 820; Липец. п. 827; Курск. пп. 832, 835); в белорусских диалектах она распространена в основном в пограничных с русскими диалектами северо-восточных говорах (пп. 334, 335, 341, 342, 349, 350, 351, 352, 359, 360, 369, 370, 371, 378, 379, 380, 381, 388), но встречается также в среднебелорусских (пп. 387, 392, 393, 396, 397, 398, 399, 400), в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 390, 391) и полесских (п. 395); в украинских диалектах лексема *korm-y-sl-ъ* отмечена в основном в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 418, 425, 426, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 444, 445, 446, 447), а также юго-восточных (пп. 464, 480, 512, 515, 836);

vorn-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *vo'ronka*, *vo'ronka*, *va'ronka*, *va'ronka*; укр. *wo'ronka*; блр. *va'ronka*); если в русских диалектах лексема распространена

практически повсеместно, то в украинских и белорусских она имеет островные ареалы: в украинских диалектах лексема *vorп-ъk-a* зафиксирована в отдельных пунктах среднеподнепровских говоров (п. 510), а также в украинских говорах на территории Румынии (п. 171); в белорусских диалектах лексема локализуется в пограничных с русскими диалектами северо-восточных говорах (пп. 328, 335);

smag-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. *s'maja*; укр. *s'maja*, *s'maha*; блр. *s'maja*): в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах южнорусских брянских говоров (п. 797), граничащих с белорусскими диалектами; в белорусских диалектах она имеет обширный ареал в северо-восточных говорах (пп. 327, 329, 330, 332, 334, 340, 342, 348, 349, 352, 358, 360, 368, 369, 379, 380, 381, 388), юго-западных (пп. 336, 343, 344, 345, 353, 354, 355, 356, 364, 365, 375, 377, 384, 385, 386, 390), западнopolесских (пп. 362, 372, 373, 374, 382, 394) и среднебелорусских (пп. 331, 339, 346, 347, 367, 396, 397, 398, 399, 400); в украинских диалектах она распространена в основном в полесских говорах (пп. 401, 402, 404, 406, 417, 436), но встречается в отдельных пунктах юго-западных (п. 500) и юго-восточных говоров (пп. 478, 492);

корень **(n)ę-* / **(n)jъm-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *pědy'majės:ə*, *pědy'majės*, *padь'majės:ə*; укр. *podny'majes'a*; блр. *pyda'majica*, *padn'j'majes:a*): в русских диалектах производные с этим корнем распространены в основном в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 532, 534, 535, 541, 543, 544, 545, 546, 548, 554, 555, 556, 557, 569, 572, 576, 578, 596, 604; Ладого-Тихвин. пп. 564, 566, 579, 580, 584, 585, 607; Волог. пп. 567, 587, 590, 591, 592, 597, 611, 612, 614, 615, 616, 618, 620, 622, 626, 639, 644, 648, 668; Костром. пп. 647, 670, 673, 688; Яросл. пп. 665, 666, 683), а также в среднерусских (Новг. пп. 582, 608, 609, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 628, 629, 651, 652, 653, 654, 674, 675, 691, 710; Твер. пп. 659, 662, 677, 679, 680, 693, 694, 696, 697, 698, 700, 726а; Моск. пп. 719, 730, 733, 779; Горьк. п. 745), хотя иногда встречаются и в южнорусских говорах (Смол. пп. 750, 758; Ряз. п. 769; Калуж. 774, 776; Тул. пп. 777, 790; Орл. пп. 801, 803, 817, 825; Белгор. пп. 844, 848); в белорусских диалектах дериваты с этим корнем отмечены в отдельных пунктах северо-восточных говоров (пп. 327, 348); в украинских диалектах они зафиксированы в единичном пункте полесских говоров (п. 457);

пъkt-ъv-ъk-a, *пъkt-ъv-ъk-y* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *no'č'ofka*, *no'c'ofka*, *na'čofka*, *n'a'čofk'i*, *n'a'čofkə*; укр. *no'čouk'i*, *no'čouk9*, *no'čouk'i*, *nu'čouk'i*; блр. *na'čouka*,

na'čouk'i, nu'čouk'i): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал и локализуется в основном в западной группе русских говоров (Новг. пп. 631, 658; Пск. пп. 652, 653, 655, 674, 675, 711; Твер. пп. 661, 663, 677, 693, 700, 713, 726а; Смол. пп. 746, 758, 784; Брян. 797, 798, 799, 811, 812, 813), а также в русских старожильческих говорах на территории Латвии, Литвы, Эстонии (пп. 525, 526, 527); кроме того, она наблюдается в отдельных пунктах севернорусских говоров (Арх. пп. 531, 532, 578, 596; Ладого-Тихвин. п. 586; Волог. п. 625) и южнорусских (Калуж. п. 763; Ряз. п. 796; Тул. п. 805; Тамбов. п. 810; Белгор. пп. 844, 848); в белорусских диалектах лексема распространена в северо-восточных (пп. 327, 328, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 340, 341, 342, 348, 349, 350, 351, 358, 359, 360, 368, 369, 370, 371, 378, 379, 380, 381, 388), юго-западных (пп. 337, 343, 345, 353, 354, 355, 356, 365, 386, 390, 391), западнополесских (пп. 362, 372, 374, 383, 394) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 338, 339, 347, 392, 393, 396, 397, 398, 399, 400); в украинских диалектах она отмечена преимущественно в полесских говорах (пп. 361, 373, 384, 401, 402, 404, 408, 409, 411, 417, 418, 423, 435, 436, 445, 446, 447, 459), хотя встречается в юго-западных (пп. 453, 474) и юго-восточных (п. 477);

gorb-uš-ьk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *gor'buška, gar'buška, yar'buška*; укр. *hor'buška, har'buška*; блр. *yar'buška*): в русских диалектах лексема распространена повсеместно; в белорусских она спорадически встречается в северо-восточных говорах (пп. 328, 334, 349, 368, 388), западнополесских (п. 363) и среднебелорусских (п. 400); в украинских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 373, 417), юго-западных (п. 454) и юго-восточных (пп. 477, 519);

kraj-ьč-ik-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajč'ik, k'rajčыk*; укр. *k'rajčыk, k'rajčыk*; блр. *k'rajčыk, k'rajčыk*): в русских диалектах лексема локализуется в основном в западной группе южнорусских говоров (Смол. пп. 746, 747, 748, 758, 760, 761, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 822; Калуж. п. 787; Курск. п. 830); в украинских диалектах она имеет ограниченный ареал в говорах Полесья (пп. 411, 418, 425, 428, 447); в белорусских она локализуется в основном в северо-восточных говорах и говорах Полесья (пп. 351, 360, 371, 379, 380, 381, 389, 393, 394);

gov-əd-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *go'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, ʎa'v'ad'inə*; укр. *hav''jadyna*; блр. *ʎa'v'ažыna*): в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах севернорусских (Арх. пп. 557, 576; Ярослав. п. 666) и южнорусских говоров (Калуж. п. 764; Орл.

п. 825); в украинских диалектах она встречается в некоторых пунктах юго-восточных говоров (пп. 521, 849); в белорусских – в отдельных пунктах юго-западных говоров (п. 385);

vy-škvār-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *'vyškvark'i*; укр. *'veškvark'i*, *v'iškvark'i*, *viškvarky*, *'vyškvarky*; блр. *'vuškvark'i*): строго говоря, лексема составляет характерную особенность украинских говоров (пп. 384, 406, 410, 417, 443, 460, 462, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 491, 492, 493, 494, 495, 501, 502, 503, 504, 505, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 519, 520, 521, 843, 847, 849), поскольку в русских и белорусских диалектах она встречается спорадически: в русских диалектах – в отдельных пунктах архангельских (пп. 531, 532) и брянских говоров (п. 786); в белорусских – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 391);

pěn-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'p'enka*, *'p'enska*, *'p'enka*; укр. *'p'inka*, *'penka*; блр. *'p'enka*): в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она локализуется преимущественно в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами (пп. 329, 330, 332, 333, 334, 335, 340, 341, 342, 348, 350, 351, 352, 358, 360, 368, 379, 380, 381, 388), кроме того, она встречается в отдельных среднебелорусских (пп. 331, 338, 347, 387, 393) и западнopolесских говорах (п. 389); в украинских диалектах лексема распространена в основном в юго-восточных говорах (пп. 475, 501, 503, 509, 510, 513, 519); кроме того, она фиксируется в некоторых полесских (пп. 408, 441, 457) и юго-западных говорах (пп. 427, 486, 487, 497, 523);

plēn-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'l'onka*; укр. *p'l'inka*; блр. *p'l'enka*): во всех восточнославянских диалектах лексема имеет ограниченные ареалы; в русских диалектах она зафиксирована в единичном пункте южнорусских говоров (Брян. п. 813); в украинских – в юго-западных говорах (п. 498); в белорусских – в северо-восточных (пп. 327, 328);

syр-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *syрə'kvaša*, *səрə'kvaša*, *syрa'kvaša*; укр. *syрok'vaša*, *syрak'vaša*, *sirak'vaša*; блр. *syрək'vaša*, *syрыk'vaša*, *sarak'vaša*, *səрək'vaša*): лексема характерна в основном для западной группы южнорусских говоров (Смол. пп. 746, 747, 748, 758, 759, 760, 761, 762, 771, 773, 785; Брян. 786, 797, 798, 799, 800, 811, 812, 813; Курск. 830; Калуж. 787), а также среднерусских (Твер. пп. 713, 714, 726, 726а; Пск. п. 725); в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами (пп. 328, 329, 330, 332, 333,

335, 340, 341, 342, 348, 349, 350, 351, 352, 358, 360, 370, 371, 378, 379, 380, 381, 388), кроме того, она встречается в некоторых средне-белорусских говорах (пп. 347, 377, 387, 392, 393, 397, 398); в украинских диалектах эта лексема отмечена в некоторых полесских (пп. 439, 441, 442, 444) и юго-восточных (п. 481) говорах;

prost-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *prostok'vaša*, *prəsta't'kvaša*, *prəsta'kvašə*; укр. *prostok'vaša*; блр. *prastak'vaša*, *prystyk'vaša*): в русских диалектах лексема имеет широкое распространение; в белорусских она ареально ограничена северо-восточными говорами (пп. 333, 334, 349, 359, 367, 368); в украинских диалектах эта лексема спорадически встречается в восточнополесских (п. 461) и юго-восточных степных говорах (п. 519);

kys-yl-j-ak-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *k'is't'ak*; укр. *kys't'ak*, *k9s't'ak*, *kys't'ak*, *k9s't'ek*; блр. *k'is't'ak*): лексема составляет принадлежность в основном украинских диалектов, в которых она имеет широкое распространение, особенно в юго-восточных говорах (пп. 458, 464, 476, 478, 479, 492, 493, 494, 495, 503, 504, 505, 509, 511, 512, 513, 514, 517, 519, 843, 849), а также некоторых юго-западных (пп. 434, 452, 456, 474, 489, 496, 498, 506, 516, 522, 523, 524), кроме того, она известна также в полесских говорах (пп. 436, 437, 438, 440, 443, 447, 457, 459, 460, 462, 463); в белорусских диалектах эта лексема ареально ограничена и встречается в отдельных средне-белорусских (пп. 331, 339, 399), юго-западных (п. 390) и западно-полесских (п. 395) говорах; в русских диалектах она зафиксирована в единичном пункте южнорусских говоров (Белгор. п. 838);

sliv-iv-ъk-у к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'l'ifk'i*, *s'l'iyk'i*, *s''l'iwk'i*; укр. *s'l'iyku*, *z'lyukl*, *z'lyukr*; блр. *s'l'iyk'i*): в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами (пп. 330, 333, 334, 335, 340, 348, 349, 350, 380, 388), а также в отдельных среднебелорусских (пп. 357, 377, 396, 400) говорах; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в юго-восточных говорах (пп. 475, 476, 479, 491, 503, 517), а также в отдельных полесских (пп. 444, 459, 461, 463) и юго-западных (пп. 454, 455);

vyrš-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *v'er'sok*, *v'ar'sok*; укр. *ver'sok*, *vyr'sok*, *v9r'sok*; блр. *v'ar'sok*, *vyr'sok*, *ver'sok*): лексема характерна в основном для украинских диалектов, в которых она имеет широкое распро-

странение (пп. 402, 417, 423, 425, 426, 433, 434, 435, 436, 438, 440, 441, 442, 443, 445, 446, 447, 457, 460, 462, 463, 464, 477, 481, 482, 493, 494, 495, 502, 504, 505, 511, 513, 515, 521, 836, 843, 847, 849); в русских диалектах эта лексема зафиксирована в отдельных пунктах севернорусских (Волог. пп. 616, 618; Яросл. п. 702) и южнорусских (Брян. пп. 797, 799, 811; Курск. п. 831; Белгор. п. 848) говоров; в белорусских диалектах она локализуется в основном в северо-восточных говорах (пп. 332, 349, 352, 370, 381), спорадически встречается в западнорусских (пп. 382, 383, 389), в юго-западных (п. 390) и в среднелитовских говорах (пп. 397, 398);

/aj-ъč-ъk-о к. 39 Nsg (j)aje (рус. *ja'ic'ko*, *ji'ic'kə*; укр. *ji'ječko*, *ja'jičko*; блр. *ja'ječka*, *ja'ječko*): в русских диалектах лексема отмечена в некоторых севернорусских (Арх. п. 530) и южнорусских говорах (Калуж. п. 763); в белорусских диалектах она локализуется в среднелитовских (пп. 346, 377, 387) и юго-западных говорах (пп. 354, 391); в украинских диалектах она встречается в полесских (п. 408), юго-восточных (п. 478) и юго-западных (п. 488, 500) говорах;

še-lup-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *šalu'pajka*, *šal'u'pajka*; укр. *šalu'pajka*; блр. *šalu'pajka*, *šalu'p'ejka*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в западной группе южнорусских говоров (Брян. пп. 811, 812, 813; Курск. пп. 830, 831); в белорусских диалектах она локализуется в основном в среднелитовских говорах (пп. 387, 393, 397) и в отдельных пунктах северо-восточных говоров (п. 388); в украинских диалектах лексема встречается в полесских говорах (пп. 439, 441, 442, 446, 447);

lusp-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luš'pajk'ə*; укр. *luš'pajka*; блр. *luš'pajka*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте южнорусских говоров (Курск. п. 837); в украинских диалектах она распространена в полесских (пп. 402, 408, 423, 436, 437), юго-западных (п. 474) и юго-восточных говорах (пп. 836, 847); в белорусских диалектах лексема зафиксирована в отдельных среднелитовских говорах (п. 396);

še-lup-ъk-a, *še-lup-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *ša'tupk'i*; укр. *ša'tupky*, *ša'tupki*; блр. *ša'tupka*, *ša'tupk'i*): в русских диалектах лексема отмечена лишь в отдельных пунктах южнорусских говоров (Смол. п. 746); в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах (пп. 327, 329, 333, 341, 342, 370, 378) и спорадически встречается в среднелитовских (п. 398); в украинских диалектах эта лексема представлена в некоторых полесских говорах (пп. 444, 446);

še-lup-aj-ьk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *šalu'pajk'i*; укр. *šalu'pajku*, *šalu'pajkr*; блр. *šalu'pajk'i*, *šalu'pajk'i*): в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в отдельных пунктах южнорусских говоров (Брян. п. 811); в белорусских диалектах она распространена в основном в среднебелорусских (пп. 367, 387, 392, 393, 397) и примыкающих к ним с юга северо-восточных говорах (пп. 368, 369, 388); в украинских диалектах лексема отмечена в основном в говорах Полесья (пп. 438, 439, 441, 442, 447), но встречается и в среднеподнепровских говорах (п. 493);

lušp-aj-ьk-a, *lušp-aj-ьk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *luš'pajka*; укр. *luš'pajka*, *luš'pajku*, *luš'pajka*; блр. *luš'pajk'i*): лексема распространена в основном в украинских диалектах, особенно в юго-восточных говорах (пп. 458, 464, 475, 476, 477, 481, 482, 491, 492, 495, 501, 502, 505, 509, 512, 515, 517, 518, 836, 847, 849), в полесских (пп. 407, 410, 423, 425, 426, 436, 437, 457, 459, 460, 461, 462) и некоторых юго-западных (пп. 415, 433, 454, 455, 456, 474, 490, 516, 523); в русских диалектах она зафиксирована лишь в единичном пункте южнорусских говоров (Курск. п. 837); в белорусских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах юго-западных (п. 385), западнополесских (п. 394) и среднебелорусских говоров (п. 396);

ob-čist-ьk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *o'č'isk'i*, *a'č'isk'i*; укр. *o'čistik'i*, *a'čystky*; блр. *a'čystk'i*): в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она зафиксирована в пограничном пункте северо-восточных говоров (п. 334); в украинских лексема отмечена в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 424, 446);

(harč)-ь, *(harč)-i* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *harč'*, *harč'i*, *harč'i*; укр. *harč'*, *harč'i*; блр. *har'č'e*): лексема локализуется в основном в говорах Левобережной Украины и прилегающих к ним южнорусских говорах: Брян. (пп. 797, 800, 812, 813); Липец. (п. 819); Курск. (пп. 831, 832); Смол. (п. 785); Тул. (п. 804); Орл. (п. 802); Белгор. (пп. 844, 845), кроме того, она sporadически встречается в некоторых севернорусских (Арх. п. 543; Ладого-Тихвин. п. 580) и среднерусских (Пск. п. 655; Иванов. п. 722; Владимир.-Поволж. п. 732) говорах; в белорусских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах полесских говоров (п. 363);

pit-j-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *p'išč'a*, *p'išč'a*; укр. *pyšč'a*; блр. *pišč'a*): лексема распространена преимущественно в русских диалектах, где она имеет дисперсный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 533, 536, 541, 572, 576, 604; Ла-

дого-Тихвин. пп. 560, 579, 607; Волог. пп. 590, 620, 625; Костром. п. 690), в среднерусских (Пск. п. 606; Твер. п. 679) и в южнорусских (Смол. п. 785; Орл. пп. 802, 815; Тул. п. 804; Тамбов. п. 810); в белорусских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах юго-западных говоров (п. 390), в украинских – в восточнополесских (п. 447);

ob-ěd-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *o'b'et*; укр. *o'b'id*, *ho'b'id*; блр. *a'b'et*, *o'b'ed*): ареал этой лексемы тянется с севера-востока русских говоров (Арх. пп. 534, 548, 549, 555; Волог. пп. 598, 602) через западные белорусские (пп. 339, 348, 352, 353, 354, 358, 375) на юго-запад украинских (пп. 401, 407, 415, 417, 430, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 489, 497, 507, 522), где она представлена особенно широко;

pol-u-dn-ъ к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. *'polaz'en*'; укр. *po'ludn'*, *'poludyn'*; блр. *pa'luz'an'*, *'poluz'in'*): в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в отдельных пунктах южнорусских говоров, пограничных с белорусскими диалектами (Смол. п. 758); в белорусских диалектах она распространена в основном в юго-западных говорах (пп. 337, 345, 353, 354, 365, 375) и северо-восточных (пп. 334, 342, 348, 352); в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в полесских (пп. 384, 401, 407, 410, 417) и юго-западных говорах (пп. 414, 415, 471, 489, 507);

pol-u-dn-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *'pold'en*', *pa'lud'en*', *pa'lud'an'*; укр. *po'luden'*, *po'ludyn'*, *po'ludm'*; блр. *pa'luz'in'*, *pa'luz'en'*): ареал этой лексемы локализуется в пограничье украинских (пп. 402, 403, 404, 405, 408, 409, 411, 416, 417, 418, 423, 424, 425, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 474, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 491, 492, 493, 494, 495, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521, 523, 836, 843, 847), белорусских (пп. 327, 329, 330, 331, 332, 336, 339, 341, 342, 343, 349, 351, 353, 355, 358, 364, 366, 368, 371, 372, 374, 375, 379, 380, 381, 383, 385, 387, 388, 390, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 398, 400) и западной группы среднерусских говоров (Твер. пп. 663, 698, 726а, 727; Пск. п. 710); реже в Владимир.-Поволж. пп. 731, 779), а также южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 759, 771, 772; Брян. пп. 786, 811; Калуж. пп. 776, 787, 789; Тул. п. 792; Липец. пп. 806, 829; Ряз. п. 807; Орл. пп. 802, 816, 817; Курск. пп. 823, 831, 837; Ворон. п. 834; Белгор. пп. 839, 844, 846);

pol-u-dn-ik-ъ, pol-ъ-dn-ik-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *'poldn'ik, 'poɯdn'ik*; укр. *'poludnyk*; блр. *'poɯdn'ik, 'polɯdn'ik*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 537, 573, 574; Ладого-Тихвин. пп. 551, 562, 566, 581, 584; Карел. п. 552; Волог. пп. 613, 622; Ярослав. пп. 666, 703; Костром. пп. 667, 671, 685, 687, 688), в среднерусских (Новг. пп. 582, 609, 634, 657; Твер. пп. 660, 695, 699; Пск. пп. 675, 725; Владимир.-Поволж. пп. 706, 718, 722, 730, 732, 733, 734, 743, 744, 751, 752, 753, 754, 770) и южнорусских (Смол. пп. 728, 747, 750, 760, 785; Калуж. пп. 763, 775, 788, 789; Тул. пп. 778, 790, 791, 804; Ряз. пп. 780, 781, 782, 793, 794, 796, 807, 809; Брян. пп. 797, 810, 812; Орл. пп. 801, 803, 815, 825; Липец. пп. 818, 819, 826, 827; Тамбов. п. 821; Курск. пп. 824, 833, 835; Белгор. пп. 838, 841, 845, 848; Ворон. п. 840); в белорусских диалектах она встречается в некоторых пунктах западнорусских говоров (пп. 389, 395), юго-западных (п. 345) и северо-восточных (п. 350); в украинских лексема зафиксирована в отдельных пунктах степных говоров (п. 519);

**čaša* 'чаша для причастия' к. 7 Sm **čaša*, лексема в этом значении распространена преимущественно в украинских диалектах (пп. 373, 401, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 410, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 429, 430, 431, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 440, 444, 446, 447, 448, 449, 451, 452, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 474, 476, 477, 478, 479, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 489, 490, 492, 493, 494, 495, 499, 500, 502, 503, 505, 508, 511, 513, 514, 515, 517, 523, 524, 847, 849), однако встречается и в белорусских (пп. 375, 377, 387, 394); в русских диалектах она довольно широко распространена в севернорусских (Арх. пп. 557, 577, 578; Ладого-Тихвин. п. 560; Волог. пп. 589, 590, 611, 627, 639; Костром. п. 689; Ярослав. п. 703) и среднерусских говорах (Новг. пп. 632, 636, 637; Пск. пп. 655, 711; Твер. пп. 682, 697, 698, 713, 715; Владимир.-Поволж. пп. 723, 724, 732), реже – в южнорусских (Орл. п. 825; Белгор. п. 844);

**bl'udo* 'блюдо, кушанье' к. 56 Sm **bl'udo*: лексема в этом значении широко представлена в украинских диалектах (пп. 404, 406, 433, 436, 440, 443, 444, 451, 456, 457, 458, 459, 461, 463, 469, 470, 471, 475, 476, 477, 490, 493, 494, 498, 499, 501, 502, 503, 506, 511, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 521, 523, 524, 836, 849), однако встречается и в белорусских (пп. 334, 351, 382, 387, 396), а также в отдельных русских – севернорусских (Арх. п. 571; Волог. пп. 589, 590, 622; Ярослав. п. 684), южнорусских (Смол. пп. 728, 747; Калуж. п. 764; Тул.

п. 790; Липец. п. 806; Орл. п. 825; Белгор. пп. 844, 845) и среднерусских говорах (Пск. п. 605; Новг. п. 634; Твер. п. 697).

Как показывают карты Атласа, очаги ареалов этих территориально ограниченных восточнославянских эксклюзивных лексем могут находиться:

– либо на территории русско-белорусского или русско-украинского пограничья (см., например, распространение лексем *sur-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *kor-m-y-sl-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; *še-lup-aj-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *pol-u-dьn-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'), где он может иметь разные размеры – от довольно масштабных (ср. ареал лексем *kor-m-y-sl-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; *pol-u-dьn-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник') до весьма скромных (ср. *sur-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *še-lup-aj-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца);

– либо на территории Украины (ср. распространение лексем *vyškar-ъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *smag-a* к. 9 'желание, потребность пить'; *//vьrš-ъk-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *čaša 'чаша для причастия' к. 7 Sm *čaša; *bl'udo 'блюдо, кушанье' к. 56 Sm *bl'udo), при этом размеры его довольно внушительны;

– либо на территории России (ср., например, распространение лексем *pěn-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке), *sъ-liv-ъk-y* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки', имеющих довольно плотный ареал в русских говорах).

Особый, редкий тип ареала для восточнославянских эксклюзивов имеет лексема *ob-ěd-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда': ее ареал образует своеобразный пояс, который тянется с севера-востока русских говоров через западнобелорусские на юго-запад украинских.

В русских диалектах восточнославянские эксклюзивы, имеющие ареальные ограничения, концентрируются в основном в южнорусских говорах (особенно в их западной группе), хотя нельзя не отметить, что русско-белорусские изогlossы имеют обширные ареалы и в севернорусских говорах (в частности, в архангельских, ладогитихвинских, вологодских и ярославских), а также в среднерусских (особенно в их западной группе – новгородских и тверских).

В белорусских диалектах русско-белорусские локально ограниченные изогlossы восточнославянских эксклюзивов проходят чаще всего через северо-восточные и среднебелорусские говоры.

В украинских диалектах они локализуются в основном в полесских и юго-восточных говорах.

Вместе с тем следует отметить, что целостность общей ареальной картины лексических изоглосс, связывающих русские диалекты с украинскими и белорусскими и противопоставляющих их всей остальной Славии, а также наличие среди этих соответствий имен в основном с прозрачной словообразовательной структурой (имена с непронизной основой среди них практически отсутствуют, исключением являются лишь лексемы *smag-a* к. 9 'желание, потребность пить' и *lled-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'), свидетельствует о том, что эти восточнославянские эксклюзивные связи сформировались довольно поздно, причем во многом благодаря контактно-генетическому родству восточнославянских языков. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что некоторые из этих отличительно характеризующих восточнославянские языки лексем либо отсутствуют в памятниках древнерусской письменности (ср., например, такие лексемы, как *ob-ědъ* в значении 'завтрак, утренняя еда'; *ob-čistъk-y* 'кожура, снятая со старой картошки'; *lušp-ajъk-a* 'кожура, снятая со старой картошки'; *lusp-ajъk-a* 'скорлупа' (яйца), при том что фиксируются *лүспа*, *лүспина* в значении 'шелуха, скорлупа' (Срезн. II: 56); *vužъkъ* 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *vy-škvarъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' и др.), либо имеют довольно позднюю фиксацию (например, *крошка* – XVII в.; *кормысль* – нач. XVI в.; *кипятокъ* – XVI в. (СРЯ XI-XVII 7:77, 340, 133); *жирный* – кон. XVII в. (СРЯ XI-XVII 5:113 и т.д.).

Этот вывод, однако, не исключает существования правосточнославянского единства, если исходить из положения о динамичности праславянского ареала, сохранения его преемственности, благодаря которой и сформировались условия для дальнейшего развития и укрепления восточнославянских языковых связей (ср., например, существование в древнерусских памятниках письменности таких лексем, как *колодець*, *колодязь*, *ѣда*, *обѣдати* и др., которые до сих пор имеют обширные ареалы в восточнославянских диалектах).

Думается, что именно существование этого единства во многом объясняет столь ярко выраженное своеобразие восточнославянских языков на фоне западно- и южнославянских, своеобразие которое поддерживается и данными других томов Атласа, в частности, второго тома, посвященного животноводству (подробнее см. Вендина 2004: 72), т.е. сам материал Атласа «восстает» против наблюдаю-

щейся сегодня тенденции «растаскивания древнерусского единства на гетерогенные компоненты» (Трубачев 1998: 13)³.

3. Связи восточно- и западнославянской языковых групп

Наряду с эксклюзивными восточнославянскими связями существуют и такие восточнославянские лексические изоглоссы, которые находят продолжение в других диалектах Славян, и в частности в западнославянских, ср., например, следующие изоглоссы, объединяющие восточно- и западнославянские диалекты:

mōk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*; плс. *mō'ka*, *mōŋka*, *muŋka*, *mōka*, *mōka*, *muka*; луж. *muka*; чеш. *žitna: mouka*, *režna: mō:ka*, *xlēbova muka*; слц. *mu'ka*, *muka*), см. карту-схему 54;

nož-ik-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. *'nožыk*, *'nož'ik*; укр. *'nožыk*, *'nož'ik*, *'nožik*, *'nožыk*; блр. *'nožыk*, *na'žok*; плс. *nožыk*, *nəžik*, *n'əžыk*, *nəžik*, *nəžik*, *nožik*, *nožыk*; луж. *nožыk*, *nəžыk*, *nəžik*; чеш. *noži:k*, *nožik*, *nužik*, *nuži:k*, *nuže:k*, *nožыk*; слц. *nožik*, *noži:k*, *nužik*), см. карту-схему 56;

³ Причины формирования этого восточнославянского единства, по мнению В.В. Седова, во многом определялись интеграционными процессами, начало которых относится к IX-X вв. Эти процессы были обусловлены целым комплексом исторических причин (активная торговая деятельность, развитие речного судоходства, формирование дружинного сословия как первого надплеменного сословия, нивелировавшего племенные особенности, образование протогородов – торгово-ремесленных поселений с полиэтническим населением). «Вместе с военно-дружинным сословием городское население стало мощной движущей силой в создании единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси, нивелировании региональных различий, в формировании восточнославянской этноязыковой общности... В формировании этой общности существенная роль принадлежала и христианской религии. Христианская идеология, искусство и просветительская деятельность стали мощным импульсом интеграции... Наконец, самое существенное – образование древнерусского государства, политически объединившего все земли славян» (Седов 1994: 12-15).

съ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tana*; укр. *sm'e'tana, sm'o'tana, sm'y'tana, sm'a'tana, sma'tana*; блр. *s'm'a'tana, s'm'a'tana, s'm'i'tana, s'm'e'tana, sm'y'tana*; плс. *śm'etana, śm'ietana, śm'itana, śm'otana, śńetana*; луж. *zm'etana, sm'etana*; чеш. *smetana, smetana*; слц. *smetana, smatana, smotana*), см. карту-схему 86;

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; укр. *bi'lok, bi'lok, by'lok, b'o'lok, b'e'lok*; блр. *b'e'lok, b'a'lok, b'i'lok, by'lok*; плс. *b'alek, bjalek, b'outyk, bzalek, by'alek, bjalek*; луж. *b'e'uk, b'elk, b'elk*; чеш. *bilek, bi:lek*; слц. *bi:lek, bjelok, bje:lek, be:lok, bilok*), см. карту-схему 2;

žěl-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol'tok, žel'tok, ž'e'lok, žol'tok, žal'tok, žyl'tok*; укр. *žou'tok, žou'tok, žuy'tok, žau'tok, žof'tok*; блр. *žau'tok, žau'tok, žou'tok, ž'e'utok*; плс. *zoutek, zoutek, žoutyk, žultek, zultek*; луж. *žoutk, žoutk*; чеш. *žloutek, žloudek, žlo:dek, žultek, žultek*; слц. *žl:tek, žl:tok, žu:tek, žo:tok, žoutok, žoltek, žvoltek*), см. карту-схему 22;

var-i-ть к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *'var'it, va'r'it, 'var'it, va'r'it*; укр. *'varyt, va'ryt, 'vary, 'var9, va'r9t, 'vare*; блр. *'varyc, 'vara, 'var'ic, 'varyt, 'varyt*; плс. *važi, vaży, 'vaři, vařy*; луж. *war'i*; чеш. *vaři, vaři, vařy, vařy: waři*; слц. *vari, vari*), см. карту-схему 4.

Особенностью этих изоглосс является то, что их образуют лексемы, которые равномерно покрывают всю восточнославянскую территорию и большую часть западнославянской, проникая иногда даже в отдельные южнославянские диалекты (ср., распространение лексем *тоk-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' или *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца'), а иногда и просто отсекая их (см., например, изоглоссу лексемы *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек').

Вместе с тем следует отметить, что среди восточно-западнославянских изоглосс имеются и такие, которые представлены лексемами, имеющими в русских диалектах ареальные ограничения, причем показательно, что эти лексемы локализируются чаще всего в южно-русских говорах, ср.:

(*šmal*)-ъc-ъ к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; укр. *š'matyc, š'mal'ec*; блр. *š'mal'ic, š'mal'ec*; плс. *šmalec, šmalec*; луж. *šmaц, šmaц*; чеш. *šmalec*; слц. *šmalec, šmalec*): лексема заимствована из в.-нем. *schmalz*; в русских диалектах она отмечена лишь в южнорусских говорах (Брян. пп. 786, 798, 811, 812, 822; Орл. пп. 801, 802, 815; Курск. пп. 830, 831, 832, 833; Ворон. п. 834; Белгор. пп. 838, 841, 845, 848); однако она имеет плотный ареал в украинских, польских, лужицких и в восточнословацких диалектах; в чеш-

ских и белорусских диалектах эта лексема встречается sporadически: в белорусских диалектах – в северо-восточных говорах (пп. 328, 333, 348, 371) и говорах Полесья (пп. 361, 362, 372, 373, 374, 382, 383, 389, 399, 400); в чешских – в отдельных пунктах ляхских говоров (пп. 197, 207); словообразовательное освоение славянскими диалектами этой заимствованной лексемы, ее обширный ареал в западнославянских и украинских диалектах является косвенным свидетельством ее относительно позднего появления;

съ-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'i'tana*, *s'm'etana*, *sm'a'tanə*; укр. *sm9'tana*, *sm'y'tana*; блр. *s'm'i'tana*, *s'm'a'tana*; плс. *śm'etana*, *śnotana*; луж. *zm'etana*, *sm'etana*; чеш. *smetana*, *śmetana*; слц. *smetana*, *smatana*); в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе (Смол. пп. 746, 762, 784; Брян. пп. 798, 811, 813, 814; а также в Калуж. (пп. 763, 788, 789); Тул. (пп. 777, 791); Ряз. (п. 793); Орл. (пп. 802, 803, 816); Белгор. (п. 846); кроме того, она фиксируется в отдельных пунктах севернорусских говоров (Арх. пп. 529, 536, 553, 570; Волог. пп. 598, 612, 617; Костром. пп. 671, 686; Яросл. п. 702; Ладого-Тихвин. п. 560) и среднерусских (Новг. пп. 608, 634; Пск. пп. 628, 629; Владимир-Поволж. пп. 742, 743, 765, 770); при этом она широко представлена в западнославянских диалектах, в белорусских и западноукраинских;

съn-ěd-anь, съn-ěd-an-ьj-e к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *s'n'e-dan'je*, *s'n'edən'je*, *s'n'edən'jə*; укр. *s'n'idan'je*, *s'n'i'dan'9*; блр. *s'n'e-dan'a*, *s'n'edan'a*; плс. *śnodańe*, *śnadańe*; луж. *sn'edam'e*, *sn'edajń*; чеш. *sní:daňe*, *sní:daňi*; слц. *sní:dańi*); в русских диалектах лексема локально ограничена, так как встречается в основном в южнорусских говорах (Смол. п. 758; Брян. пп. 797, 811; Белгор. пп. 841, 846, 848) и в отдельных пунктах среднерусских (Пск. пп. 692, 710); при этом она широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских (особенно в Левобережье) диалектах; в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в п. 208;

na-var-i-tь к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *na'var'it*, *nə'var'it*; укр. *nava'ryt*; блр. *na'varыc'*; плс. *navary*; луж. *nawar'i*; чеш. *navaří*, *navařu*; слц. *navari*, *navari*); в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 577; Волог. п. 612) и среднерусских (Моск. п. 719) говоров; в западнославянских диалектах (за исключением словацких), в украинских и белорусских она также локально ограничена: в польских диалектах

лексема встречается в мазовецких говорах (п. 287); в нижнелужицких диалектах она отмечена в п. 235; в чешских диалектах эта лексема представлена в отдельных пунктах моравских (пп. 200, 205) и ляхских (пп. 202, 207) говоров; в белорусских диалектах она спорадически появляется в юго-западных (п. 376) и среднебелорусских (п. 400) говорах; в украинских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте закарпатских говоров (п. 465); и только в словацких диалектах она распространена практически повсеместно;

škvār-ъk-a, *škvār-ъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvār'ky*, *šk'varky*, блр. *šk'vark'i*; плс. *škvark'i*, *škfark'i*; луж. *škwark'i*; чеш. *škvarki*, *škwarki*; слц. *škvarki*, *škvarke*): лексемы широко распространены в русских, украинских, чешских и словацких диалектах, тогда как в лужицких, польских и белорусских диалектах они имеют ограниченные ареалы; в белорусских диалектах лексемы встречаются в северо-восточных говорах (пп. 327, 335, 359, 379), в западнopolесских (пп. 363, 374, 383), юго-западных (пп. 364, 365, 386, 391) и среднебелорусских (пп. 346 367); в лужицких диалектах они спорадически появляются в верхнелужицких говорах; в польских диалектах эти лексемы отмечены в отдельных пунктах мазовецких (п. 273) и шлёнских говоров (пп. 299, 308).

Ареально-ретрогрессивным методом реконструируется еще одна лексема, иллюстрирующая восточно-западнoславянские соответствия, а именно лексема *skor-up-a*, зафиксированная на к. 41 'скорлупа' (яйца). Лексема имеет островные ареалы в восточнославянских, чешских и словацких диалектах и довольно обширный в польских. Однако радиус ее распространения несколько расширится, если принять во внимание суффиксальные дериваты с основой *skor-up-*, ср.: *skor-up-ъk-a* (чеш., слц., плс., укр.); *skor-up-in-a* (слц., луж., плс., укр.); *skor-up-aj-ъk-a* (укр.). Лексема имеет обширный ареал в западнoславянских диалектах, тогда как в восточнославянских ее ареал является ограниченным: в русских диалектах она отмечена в единичных пунктах архангельских говоров (п. 528); в белорусских – в западнopolесских (п. 382); в украинских диалектах она распространена в полесских говорах (пп. 403, 405, 435, 438, 440, 443, 461, 463), в отдельных юго-западных (пп. 433, 454, 455) и юго-восточных (пп. 464, 494, 512).

Характер изоглосс этих локально ограниченных восточно-западнoславянских лексем свидетельствует о том, что их существование в русских диалектах во многом обязано белорусским и украинским диалектам.

4. Связи восточно- и южнославянской языковых групп

Восточно-южнославянские изоглоссы также довольно немногочисленны. Их представляют следующие лексемы:

žed-j-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. 'žazda, 'žazdø; укр. 'žazda; блр. 'žazda; слн. 'žēja, 'žaja, žā:ja; хрв. 'žēja, žē:ja, 'žā:ja; серб. žē.dā, žē.ža; мак. žeda; блг. 'žazda, 'žazda, 'žazdø), см. карту-схему 21;

rěz-e-tь (rěz-i-tь) к. 17 'режет' (хлеб) (рус. 'r'ežyt, 'r'ežyt', 'r'ežot, 'r'ežot', 'r'eža; укр. 'r'iz9, 'r'ize, 'r'izy; блр. 'režыc', 'reža, 'reže; слн. rěže, rě:že, 're:jže; хрв. 'reže, rě:že, 'ri:že; серб. rěže, rěže.; мак. 'r'az'i, 'r'az'i; блг. 'reže, 'reži, 'raže, 'r'aze), см. карту-схему 77;

soln-in-a к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. sōla'n'ina; укр. solo'nyna, solō'nyna, solu'nyna; блр. sōla'n'ina, sōla'n'ina; слн. slq'ning; хрв. slā:nina, slanī:na; серб. slánina, slanina, slani'na; мак. slanina, slā'nina; блг. sla'nina, sla'nina, slā'nina), см. карту-схему 79;

kyр-i-ть к. 47 'кипит' (вода) (рус. k'i'p'it, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it'; укр. ky'pyt, ki'pyt, k'i'pyt, k9'pyt', k'i'p9t; блр. k'i'p'ic', k'i'pet, ky'pet', ky'pyt; слн. 'kepi, ki'pi:, kpi:, kpē.; хрв. ki-pī:, kipi:, kipi.; серб. ki:pi:, ki:pi.; мак. kipi, kipit; блг. ki'pi, č'i'pi), см. карту-схему 35;

vь-kqs-ьн-ь к. 65 'вкусный' (о еде) (рус. f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnəj, v'kusnoj, v'kusnəj, v'kusnəj, u'kusnyj; укр. v'kusnyj, u'kusnyj; блр. u'kusnyj, u'kusny; слн. və'kusən, və'ku:sən, ukā:sən, u'ku:sə, okū:sə, хрв. 'ukusni, ukusan, ukusa:n, u'kušan; серб. ukusan, ukusan, ukusa:n, ukusa:n; мак. ukusen, ukusan; блг. f'kusen, u'kusen), см. карту-схему 5;

производные с корнем *gьlt- к. 57 'проглотит' (еду) (рус. prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it'; укр. prohlo'tyt', prohlo'tyt; блр. pray'loc'ic', pray'loc'a; слн. pogōutne, pu'gutne, pō'gutne; хрв. pro'guta, pro'guta:, po'gutne, pregū:ta; серб. próguta:, progúta:, pogúta:, progúta.; мак. progŕiat, progŕiat, progolta, progaltat; блг. 'gŕta, pri'gŕta, 'gŕta), см. карту-схему 72;

производные с корнем *orst- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot; укр. ros'te, ros'tet, p'idros'taji; блр. ras'-c'oc'; слн. 'rastø, 'ra:se; хрв. rá:ste:, ra's'te, rā:s'ta; серб. 'ra:ste, ra:s'te:, ra:stē.; мак. rastet, rastet, rastit; блг. rās'te), см. карту-схему 76;

описательная конструкция *kys-ěl-o mejk-o* к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. k'islo: molo'ko, k'islə mola'ko, k'isləja mola'ko; укр. kysle molo'ko, kysle molo'ko, kysl9 molo'ko; блр. k'islaja mola'ko, k'istaja mola'ko, k'islaja mola'ko; слн. k:selo mliēko, ki:selo mliēko, k:su mliēk, k'i:slo m'lajko; хрв. 'kiselo: mli:ko, ki'selo m'le:ko, kisele mlie:ke,

kisě:lo mlē: 'ko; серб. *kiselo: mlijěko, kiselo: mli:ko, kiselo mlē:ko, kiselo: mnē:ko*; мак. *kise'lo m'leko, 'Kiselo m'leko, 'kiselo m'leko*; блг. *'kiselo m'leko, 'kiselo m'leko, 'kisalo m'leko*), см. карту-схему 75.

При этом ареальная характеристика этих лексических соответствий разная. Если лексемы *rěž-e-ть (rěž-i-ть)* и *kyp-i-ть* равномерно покрывают территорию практически всех восточно- и южнославянских диалектов, то лексемы *въ-kqs-ьн-ъ, žed-j-a* и корень **glbt-* к. 57 'проглотит' (еду) в восточнославянских языках имеют повсеместное распространение лишь в русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских они локально ограничены, поскольку с ними конкурирует другие широко распространенные здесь лексемы (ср., например, на к. 65 'вкусный' (о еде) наличие лексемы (*smac*)-ьн-ъ (укр. *s'mačnyj, smac'nyj, smac'nij, smac'nej*; блр. *s'mašnyj, s'mačnyj*) или *dobr-ъ* (укр. *'dobrŭj, 'dobryj*); на к. 9 'желание, потребность пить' — лексем *smag-a, smaž-a* (укр. *s'maha; блр. s'maya, s'maža*); *съ-prag-a* (укр. *sp'raha*) или *žag-a* (укр. *žaha*); на к. 57 'проглотит' (еду) — корней **kьlt-* (укр. *prokoūt'ne, prakaūt'ne*; блр. *prakaūt'n'e, prokoūt'ne, prakaūt'n'e*) и **lyk-* (укр. *prolyg'ne, pro'lygne*; блр. *prałyryn'e, lyryn'e*); а описательная конструкция *kys-ěl-o meļk-o* имеет широкое распространение лишь в южнославянских языках, тогда как в восточнославянских (особенно в русских диалектах) она локально ограничена.

Что касается лексемы *sqln-in-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' и корня **qrst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте), то они имеют территориальные ограничения во всех восточнославянских диалектах: в русских диалектах лексема *sqln-in-a* зафиксирована в единичном пункте старожильческих русских говоров на территории Латвии (п. 526), граничащих с белорусскими диалектами; в белорусских и украинских диалектах она имеет более обширный ареал по сравнению с русским, однако также локально ограниченный: в белорусских диалектах она фиксируется в отдельных пунктах северо-восточных (пп. 327, 340, 341, 352) и среднебелорусских говоров (пп. 331, 338, 339, 347), спорадически встречаясь в юго-западных (пп. 337, 344) и западнopolесских (п. 372); в украинских диалектах лексема *sqln-in-a* распространена в основном в юго-западных говорах (пп. 412, 414, 415, 419, 420, 421, 428, 429, 430, 448, 449, 450, 451, 466, 467, 468, 469, 470, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 496, 524), хотя иногда встречается и в юго-восточных (п. 493);

производные с корнем **qrst-* в русских диалектах отмечены в отдельных пунктах севернорусских говоров (Арх. п. 560; Яросл. п. 664; Костром. пп. 667, 671); южнорусских (Ряз. п. 783; Смол. п. 784;

Брян. п. 797; Белгор. пп. 838, 846) и среднерусских (Новг. п. 634; Твер. пп. 699, 715, 716); в белорусских диалектах они встречаются в отдельных пунктах северо-восточных говоров (пп. 350, 379) и западно-полесских (п. 374); в украинских диалектах они распространены в основном в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 431, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 486, 487, 496, 497, 499, 524), но иногда встречаются в полесских (пп. 403, 423, 459) и юго-восточных (п. 491).

В целом следует отметить, что принципиальное отличие восточно-южнославянских лексических параллелей от восточно-западнославянских заключается в том, что в русских диалектах корреспондирующие лексемы, как правило, не имеют каких-либо ареальных ограничений, и этот факт имеет важное значение при определении классификационного веса выявленных изоглосс.

* * *

Итак, как свидетельствует материал, восточно-западнославянские и восточно-южнославянские изоглоссы являются принципиально разными. И дело здесь не только в их количестве, но и в их ареальной репрезентативности.

Если в восточно-западнославянских лексических параллелях ареальные ограничения в распространении той или иной лексемы прослеживаются чаще всего в русских диалектах (а это значит, что их существование во многом детерминировано украинскими и белорусскими диалектами, на границе с которыми корреспондирующие лексемы появляются чаще всего), то в восточно-южнославянских параллелях ареальные ограничения наблюдаются чаще в украинских и белорусских говорах (т.е. в них роль русского языка как ареалообразующего более значима). Не случайно ареал русско-западнославянских лексических корреспонденций локализуется в основном в южнорусских говорах (причем особенно в их западной группе), тогда как русско-южнославянские корреспонденции таких ареальных ограничений практически не имеют, так как они равномерно покрывают все территорию русских диалектов.

Эти различия в пространственной характеристике топо-изоглосс могут быть перекодированы в различия временные, а именно:

восточно-западнославянские изоглоссы, имеющие ареальные ограничения, сформировались, по-видимому, в довольно поздний период, и во многом стимулированы межзональными диалектными связями с украинским и белорусским языками (ср., например, рас-

пространение лексем *sъn-ěd-anъ*, *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда' или заимствованной из немецкого языка лексемы (*\$mal*)-*ъс-ъ* к. 29 'топленое свиное сало');

к таким достаточно поздним лексическим параллелям следует отнести и изоглоссу лексемы *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек': несмотря на то, что в локализации этой лексемы в западно- и восточнославянских диалектах каких-либо ограничений нет, однако отсутствие связей с южнославянскими языками является свидетельством того, что этот обширный ареал сформировался уже после отделения славянского юга от славянского севера.

Что касается лексем, имеющих широкое распространение на территории современной Славии (ср., например, ареал таких лексем, как *mqk-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'; *съ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца'; *žlt-ъk-ъ* к. 43 'желтая часть яйца'; *куп-i-ть* к. 47 'кипит'), то конфигурация их ареалов, а главное – континуальность являются свидетельством их архаичности, что дает основание предположить, что в прошлом их ареалы были значительно шире.

Более того, взглядыаясь в картину распространения лексем *куп-i-ть* к. 47 'кипит' (вода); *съ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; корня **glъt-* к. 57 'проглотит' (еду), можно проследить по карте, как шли миграционные потоки в древности и как происходило формирование их ареалов.

5. Лексико-словообразовательные параллели русских диалектов в рамках восточнославянских языков

В этом разделе будут рассмотрены такие межславянские лексические параллели русских диалектов, которые сформировались в рамках восточнославянского языкового единства, т.е. они характерны как для русских, так и для украинских и белорусских диалектов, но при этом они выходят за пределы восточнославянских языков, находя продолжение в других славянских диалектах.

5.1. Русско-западнославянские изоглоссы

Польские диалекты

Лексические корреспонденции русских диалектов с польскими являются, пожалуй, самыми внушительными среди русско-западно- и русско-южнославянских параллелей. Однако они имеют разный характер, который во многом определяется тем, что эти соответствия существуют в рамках восточнославянских языков. В результате здесь отчетливо прослеживается несколько ареально различающихся ситуаций.

1. Корреспондирующие лексемы широко представлены в польских и восточнославянских диалектах, ср.:

tel-ęt-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'a-t'ina*; укр. *ty'l'atyna*, *t9'l'atina*, *t9'l'at9na*, *ty'l'etyna*, *ty'l'ityna*; блр. *c'i-T'ac'ina*, *c'a'l'ačyna*, *c'a'l'ačyna*; плс. *celeńcina*, *čelyńčina*, *čeleńcina*, *čelańčina*);

baran-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*; укр. *ba'ran'ina*, *ba'ranyna*, *ba'ranina*, *bara'n9na*, *ba'ran9na*; блр. *by'ran'ina*, *ba'ran'ina*, *bə'ran'ina*; плс. *barańina*, *barańina*, *baręńina*);

glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *g'l'in'enyj*, *g'l'in'anoj*, *γ'l'in'enyj*, *γ'l'in'ənyj*; укр. *hly'n'enyj*, *h'lyn'enyj*, *h'lyn'anyj*, *hl9n'a'nyj*; блр. *γl'i'n'anyj*, *γl'i'n'any*, *γl'i'n'anaj*; плс. *gl'ihany*, *gl'ihqn:i*, *gl'ihany*, *hl'ihany*).

Все остальные русско-польские лексические параллели имеют некоторые локальные ограничения, поскольку общие для них лексемы отличаются разным характером распространения.

2. В польских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширный ареал, тогда как в восточнославянских диалектах они локально ограничены, ср.:

got-u-j-e-ть к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *γa'tujet'*, *γa'tuja*, *γa'tuje*; укр. *ho'tuje*, *ho'tuj9*; блр. *γa'tuja*; плс. *gotuje*, *gʷotuje*): в русских диалектах лексема *got-u-j-e-ть* зафиксирована лишь в отдельных южнорусских говорах (Смол. п. 785; Брян. пп. 797, 812), в которых она появилась, по-видимому, под влиянием белорусских диалектов; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 480, 509, 843), реже – в говорах юго-западного наречия (п. 506); в белорусских диалектах она спорадически

встречается в некоторых пунктах юго-западных (пп. 372, 394), среднебелорусских (пп. 347, 357) и северо-восточных говоров (п. 388);

podb-večer-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *padv'a'čorək*, *padv'a'čorak*; укр. *pidve'č'irək*, *p'idv9'čirək*, *p9d-v9'čirək*; блр. *padv'a'čoryk*, *padv'a'čorak*, *podvy'čorok*; плс. *podv'ečorək*, *podv'ečorək*, *podfęcorək*, *puhv'ičoryk*): в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западной группы русских говоров (Пск. п. 692; Смол. пп. 758, 759), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена значительно шире, особенно в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 413, 414, 415, 419, 420, 421, 422, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 449, 450, 451, 452, 468, 469, 471, 473, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 496, 497, 499, 500, 506, 507, 522, 524), реже – в юго-восточных (пп. 475, 493, 508) и полесских (пп. 401, 406, 408, 410, 426); в белорусских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 328, 333, 334, 335, 340, 348, 352), юго-западных (пп. 337, 344, 345, 354, 356, 361, 362, 363, 365, 373) и среднебелорусских говорах (пп. 338, 346, 347, 357, 377); существование лексемы *podb-večer-ъk-ъ* в русских говорах обязано, по-видимому, белорусским диалектам, в которых она укрепились под влиянием польского языка;

производные с корнем **qrst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *ras't'ot*, *ros't'ot*, *ras't'ot*; укр. *ros'te*, *ros'tet*, *p'idros'taji*; блр. *ras'-c'oc'*; плс. *rośńe*, *r^uaśńe*, *rośće*): ареал дериватов с этим корнем в восточнославянских диалектах имеет островной характер. В русских диалектах они встречаются в отдельных севернорусских (Арх. п. 560; Яросл. п. 664; Костром. пп. 667, 671), южнорусских (Ряз. п. 783; Смол. п. 784; Брян. п. 797; Белгор. пп. 838, 846) и среднерусских (Повг. п. 634; Твер. пп. 699, 715, 716) говорах. В белорусских диалектах производные с корнем **qrst-* зафиксированы в двух пунктах северо-восточных говоров (пп. 350, 379) и в одном – юго-западных (п. 374). В украинских диалектах они распространены в основном в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 431, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 486, 487, 496, 497, 499, 524), реже в говорах Полесья (пп. 403, 423, 459). Несмотря на островной характер ареала дериватов с этим корнем в восточнославянских диалектах, можно предположить, что в прошлом этот ареал был значительно шире, так как этот корень довольно хорошо представлен в южнославянских диалектах – в сербских (серб. *ra:ste*, *ra:s'te*;), хорватских (хрв. *rá:ste*; *ra-s'te*, *ra:s'ta*), македонских

(мак. *rastet, raste, rastit*), в отдельных словенских (слн. *'rastə, 'ra:se*) и болгарских (блг. *rəs'te*);

soľn-in-a к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *səla'n'ina*; укр. *solo'nyna, soľo'nyna, soľu'nyna, sulu'nyna, solo'nyna*; блр. *səla'n'i-na, sala'n'ina, sla'n'ina*; плс. *sloñina, syoñina, sjuñina*): в русских диалектах лексема *soľn-in-a* зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526), в украинских диалектах она известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских (пп. 448, 466, 467, 468, 469, 470, 483, 484, 485, 496); в белорусских диалектах лексема имеет островные ареалы в северо-восточных говорах (пп. 340, 341, 352), среднебелорусских (пп. 331, 337, 338, 339, 347) и юго-западных (пп. 344, 372);

//əd-j-en-əj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jid'a'n':o*; укр. *'jižyn'a, 'jižyn'i, 'jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; плс. *je-zeñe, jezeñe, 'jezeñe, jezañe*): в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских говоров (Твер. п. 713); в белорусских – в юго-западных говорах (п. 337); в украинских диалектах – только в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468);

//aj-ək-o к. 39 Nsg (j)aje (рус. *'ajko*; укр. *'ejku*; блр. *jaj'ko, 'ajka*; плс. *jajko, jajko*): в русских диалектах лексема распространена в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 547); в белорусских она имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 327, 328, 332, 340, 341), среднебелорусских (пп. 331, 338, 346, 347) и юго-западных говорах (пп. 337, 344, 345); в украинских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте юго-западных говоров (п. 412);

kvas-en-o melk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *'kvašeno molo'ko*; укр. *kvas'noji molo'ko, kvas'ne molo'ko, kvas'ne molo'ko*; блр. *k'vasna mola'ko, k'vašene molo'ko*; плс. *kvašne mleko, kvajšne ml'ek'ø, kfašne mleko, kfašne mleko*): в русских диалектах описательная конструкция зафиксирована в единичном пункте среднерусских говоров (Горьк. п. 743); в белорусских – в отдельных пунктах западнорусских (п. 372) и юго-западных говоров (п. 337); в украинских диалектах – преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 430, 431, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 487, 488);

skor-up-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skoru'pa*; укр. *ška'rupa*; блр. *ška'rupa*; плс. *skaropa, skarupa, skorupa*): в русских диалектах лексема отмечена в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 528); в белорусских диалектах она зафиксирована в отдельных пун-

ктах западнополесских говоров (п. 382); в украинских диалектах лексема *skor-up-a* встречается в полесских говорах (пп. 405, 438, 443) и говорах юго-восточного наречия (п. 494);

lup-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'pyna*, *lu'pynu*; блр. *lu'p'ina*, *lu'p'iny*; плс. *lup'iny*, *цир'ina*, *цир'iny*): в русских диалектах лексема зафиксирована в русских старожильческих говорах Литвы (п. 525); в украинских диалектах она локализуется преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 419, 420, 427, 428, 429, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 489, 498, 506, 524), реже в западнополесских (пп. 361, 401, 404, 405, 411); в белорусских диалектах лексема отмечена в юго-западных говорах (пп. 336, 337, 343, 344, 345, 353, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 374, 382, 383, 391), а также в среднебелорусских (пп. 331, 338, 339, 346, 347, 357, 396).

3. В польских, украинских и белорусских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в русских их ареал является ограниченным (чаще всего латеральным и может быть определен как явление адстрата), ср.:

//aj-ьк-ьк-о к. 40 *det* (j)aje (рус. *ja'ječka*, *je'ječ'ka*, *ji'ječ'kə*; укр. *ja'ječko*, *je'ječko*, *jaječ'kə*; блр. *ja'ječka*, *ja'ječko*, *ji'ječko*; плс. *jaječko*, *aječko*, *jaječ'k'o*, *oječko*): в русских диалектах лексема встречается в основном в южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 748, 758, 761, 771, 784; Брян. пп. 786, 797, 799, 811, 812, 822; Калуж. пп. 774, 787, 788; Белгор. п. 841), а также в отдельных пунктах среднерусских говоров (Пск. п. 692; Твер. п. 726а; Моск. п. 720) и севернорусских (Арх. пп. 529, 544; Волог. пп. 592, 645). Центр ареала этой лексемы лежит, по-видимому, в польских диалектах, в которых широко представлена ее производящая //aj-ьк-о;

(*smac*)-ьп-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус. *s'mačny*, *s'mač'nyj*, *s'mašnyj*, *s'maš'nyj*; укр. *s'mačnyj*, *smac'nyj*, *smac'nij*, *smac'nej*; блр. *s'mašnyj*, *s'mačnyj*; плс. *smacny*, *smacny*): в русских диалектах лексема локализуется в основном в западной группе русских говоров (Смол. пп. 746, 758, 760, 761, 784; Брян. пп. 797, 798, 811, 813; Твер. п. 726а).

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах, тогда как в польских, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ko'rytə*, *ka'ryta*, *ka'rytə*; укр. *ko'r9to*, *ko'reto*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; плс. *koryto*): в польских диалектах лексема за-

фиксирована в отдельных пунктах шленских (пп. 288, 308) и малопольских говоров (п. 317); в украинских она представлена главным образом в говорах юго-западного наречия (пп. 419, 427, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 483, 484, 485, 486, 487, 496, 497, 498, 499, 506, 516, 522, 523, 524), кроме того, она встречается в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 405, 417, 439, 446) и говоров юго-восточного наречия (пп. 481, 491, 505, 508, 511, 513); в белорусских диалектах эта лексема отмечена в основном в северо-восточных (пп. 348, 350, 359, 370) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 346, 347, 377, 387, 389);

kvaš-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *k'vašən:uj*, *k'vašənyj*, *k'vašənoj*, *k'vašənoj*; укр. *k'vašynuj*, *k'vašənyj*, *k'vašənyj*; блр. *k'vašənyj*, *k'vašəny*, *k'vašənyj*, *k'vašənj*, *k'vašənyj*; плс. *kfašny*, *kfašona*, *kfašona*): в польских диалектах лексема встречается главным образом в мазовецких говорах (пп. 274, 275, 283, 286), а также в новых переселенческих говорах (пп. 247, 257, 267); в украинских диалектах она распространена преимущественно в говорах юго-восточного наречия (пп. 464, 477, 478, 479, 481, 492, 493, 494, 495, 501, 502, 503, 504, 505, 509, 510, 511, 512, 514, 518, 520), кроме того, она встречается в говорах Полесья (пп. 408, 436, 438, 439, 440, 442, 443, 445, 459, 461, 463), а также в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 449, 452, 454, 456, 465, 466, 498); в белорусских диалектах лексема локализуется в основном в северо-восточных говорах (пп. 328, 332, 334, 340, 341, 342, 350, 352, 370, 371, 379, 381), реже в юго-западных (пп. 336, 343, 345, 354, 355, 385, 395) и среднебелорусских (пп. 338, 346, 347, 377, 397, 399, 400);

nož-ič-ьk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*, *'nožыč'ək*, *nožыc'ik*; укр. *'nožыčok*, *'nožыčok*, *'nožыčak*; блр. *'nožыčak*, *'nožычык*, *'nožычык*, *'nožычэк*; плс. *n'ozыcek*, *noz'icek*): в польских диалектах лексема фиксируется в отдельных пунктах малопольских говоров (пп. 310, 311); в украинских диалектах она получила наиболее широкое распространение в юго-восточных говорах (пп. 491, 495, 501, 503, 505, 508, 510, 512, 513, 515, 518, 519, 520, 521), а также в некоторых пунктах полесских (пп. 403, 425, 435, 442, 446, 447, 462, 463) и юго-западных говоров (пп. 412, 416, 465, 472, 499, 500, 506); в белорусских диалектах лексема распространена главным образом в северо-восточных говорах (пп. 330, 332, 333, 334, 335, 341, 349, 351, 352, 368, 379, 380), хотя иногда она встречается в отдельных пунктах юго-западных (пп. 337, 345, 353, 354, 355, 375, 386) и среднебелорусских говоров (пп. 346, 347, 357, 367, 397, 399, 400);

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina*, *go'v'a-d'inə*, *ga'v'ad'ina*, *ga'v'ad'inə*, *ʒə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna*, *hov'jadyna*, *hav'jadyna*, *hov'jadyna*; блр. *ya'v'až'ina*, *ya'v'ažyna*, *u'v'až'ina*, *u'v'až'ina*; плс. *govežina*): в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте малопольских говоров (п. 303); в белорусских диалектах она отмечена главным образом в северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 397, 398), а также в отдельных пунктах юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говоров (п. 382); в украинских диалектах эта лексема распространена в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), реже – в говорах юго-западного наречия (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

5. Обширный ареал корреспондирующих лексем в русских и белорусских диалектах, тогда как в польских и украинских он является ограниченным, ср.:

//aj-ьс-о к. 39 Nsg (j)aje (рус. *jaj'co*, *jaj'c'o*, *jij'co*, *jej'c'o*, *jaj'co*; укр. *jaj'ce*, *jej'ce*, *juj'ce*, *j9j'c'e*; блр. *jaj'co*, *jaj'ce*, *jej'ce*; плс. *jajco*, *vajco*): в польских диалектах лексема встречается в основном в шленских говорах (пп. 288, 289, 299); в украинских – в отдельных пунктах восточнополесских говоров (пп. 439, 441, 442, 445); в белорусских диалектах она распространена главным образом в северо-восточных говорах (пп. 328, 329, 330, 333, 334, 335, 339, 342, 348, 349, 350, 351, 352, 358, 359, 360, 368, 369, 370, 371, 378, 379, 380, 381, 388), хотя иногда она встречается в отдельных пунктах юго-западных (пп. 343, 353, 354, 355, 356, 364, 365, 366, 386, 389, 390) и среднебелорусских (347, 357, 367, 392, 393, 396, 397, 398, 400) говоров;

распространение производных с корнем *głyt- к. 57 'проглотит' (еду) (рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*; укр. *prohlo'tyt*, *prohlo'tyt*; блр. *pray'loc'ic*, *pray'loc'a*; плс. *gutne*, *ghytne*): в польских диалектах дериваты с корнем *głyt- зафиксированы в отдельных пунктах великопольских (п. 269) и малопольских (п. 313) говоров; в украинских диалектах они отмечены в основном в юго-восточных говорах (пп. 476, 477, 481, 493, 494, 504, 511, 514, 515), хотя иногда встречаются в говорах Полесья (пп. 411, 439, 446, 459), а также в юго-западных говорах (пп. 416, 506, 516, 524).

6. Обширный ареал корреспондирующих лексем в белорусских диалектах, тогда как в польских, русских и украинских он является ограниченным, ср.:

пѣкт-ѡв-ѣк-а, пѣкт-ѡв-ѣк-у к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *по'ѣ'офка, па'ѣофка, п'а'ѣофк'і, п'а'ѣофкѣ*; укр. *по'ѣоук'і, по'ѣоук9, по'ѣоук'і*; блр. *па'ѣоука, па'ѣоук'і, пу'ѣоук'і, по'ѣоук'і*; плс. *пѣсиук'і*): в польских диалектах лексема отмечена в единичном пункте малопольских говоров (п. 321); в русских диалектах она имеет дисперсный ареал и встречается чаще всего в западной группе русских говоров (Новг. пп. 631, 658; Пск. пп. 652, 653, 655, 674, 675, 711; Твер. пп. 661, 663, 677, 693, 700, 713, 726а; Смол. пп. 746, 758, 784; Брян. 797, 798, 799, 811, 812, 813), а также в русских старожильческих говорах на территории Латвии, Литвы, Эстонии (пп. 525, 526, 527); кроме того, она представлена в отдельных пунктах севернорусских говоров (Арх. пп. 531, 532, 578, 596; Ладого-Тихвин. п. 586; Волог. п. 625) и южнорусских (Калуж. п. 763; Ряз. п. 796; Тул. п. 805; Тамбов. п. 810; Белгор. пп. 844, 848); в украинских диалектах лексема распространена преимущественно в полесских говорах (пп. 361, 373, 384, 401, 402, 404, 408, 409, 411, 417, 418, 423, 435, 436, 445, 446, 447, 459), но иногда встречается в юго-западных (пп. 453, 474) и юго-восточных (п. 477);

плѣв-ѣк-а к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *п'л'ѣука*; укр. *п'л'іука, п'л'ѣука, п'ліуука, п'ліѣука*; блр. *п'л'ѣука*; плс. *plefka*): в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте новых смешанных говоров (п. 252), однако ее ареал немного расширится, если принять во внимание и польскую эксклюзивную лексику *плѣв-а*, представленную в пп. 241, 267; в русских диалектах она отмечена в некоторых южнорусских говорах (Брян. пп. 799, 812); в украинских диалектах лексема распространена в основном в отдельных пунктах полесских (пп. 401, 425, 426, 436, 437, 438, 439, 440, 442, 444, 445, 446, 447, 460, 461, 463) и юго-восточных говоров (пп. 477, 478, 481, 492, 504, 517, 847).

7. В польских и украинских диалектах корреспондирующие лексемы представлены достаточно широко, а в русских и белорусских диалектах их ареал имеет островной характер, ср. распространение производных с корнем *ѣin- к. 13 'поставит, замесит тесто' (рус. *уѣ'і'н'і'т', у'сын'іс', раѣчы'н'і'т', раѣ'ѣ'і'н'іс'*; укр. *роз'ѣуїт', рус'ѣєнт', рус'ѣєнут', у'ѣ'уне, уѣ'унт'*; блр. *раѣчы'н'іс', рас'ѣын'а, раѣчы'н'ас'*; плс. *roŝcyńi, roŝcińi, roscyńa še, zacyńić, yoscyńi*): в русских диалектах дериваты с этим корнем встречаются лишь в западной группе южнорусских говоров (Смол. пп. 747, 758, 784; Брян. п. 822); в белорусских диалектах – в отдельных среднебелорусских

(пп. 331, 337, 338, 393, 396), юго-западных (пп. 344, 356, 357, 365, 376, 385) и северо-восточных говорах (п. 381).

8. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в польских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

žed-j-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. *žažda*, *ž'ažda*, *žaž-da*; укр. *žažda*; блр. *žažda*; плс. *žqza*, *žonza*, *žunza*, *žonza*): в польских диалектах лексема *žed-j-a* встречается в мазовецких (пп. 263, 271, 274, 282, 283) и малопольских говорах (пп. 291, 294, 301, 321, 322), а также в отдельных пунктах кашубских (пп. 245, 250) и великопольских говоров (п. 261); в белорусских диалектах она локализуется в основном в северо-восточных (пп. 330, 334, 335, 349, 350, 351, 359, 371, 379, 388), реже в среднебелорусских (пп. 338, 387, 392, 398, 400) и юго-западных говорах (пп. 343, 345, 362, 363, 383);

korm-y-sl-o к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (рус. *koro'myslo*, *koro'mysla*, *kəra'mysla*, *kara'mysla*, *ka'ro-mysla*, *kəra'mysla*; укр. *ko'romyslo*, *ko'romislo*, *ku'romyslo*, *ku'romyslo*, *ko'rom9slo*, *koro'myslo*; блр. *ka'romyslo*, *ka'rom'islo*, *kara'myslo*, *ka're-myslo*, *ko'romyslo*; плс. *koromyslo*, *korom'isyo*, *koromeslo*): в польских диалектах лексема встречается в основном в новых переселенческих говорах (пп. 240, 257, 307, 315); в белорусских диалектах она распространена главным образом в юго-западных (пп. 343, 353, 354, 355, 356, 364, 365, 366, 375, 385) и западнополесских говорах (пп. 362, 363, 382, 383, 389, 394);

škvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky*, *šk'vark'i*, *šk'vark9*; блр. *šk'vark'i*; плс. *šk'vark'i*, *šk'fark'i*, *šk'far-k'i*): в польских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах мазовецких (п. 273), шленских (пп. 299, 308), а также новых смешанных говоров (п. 276); в белорусских диалектах она локализуется в некоторых юго-западных (пп. 363, 364, 365, 373, 374, 383, 386, 391), северо-восточных (пп. 327, 335, 359, 379) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 367, 377);

męlz-iv-o, *męlz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'ivə*, *mo'loz'iwo*, *ma'loz'ivə*, *mo'loz'əvə*; укр. *mo'lozywo*, *mo'loz9wo*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*, *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*; плс. *młoživo*, *mleżivo*): в польских диалектах лексемы зафиксированы в отдельных пунктах новых смешанных (п. 238) и шленских (п. 299) говоров; в белорусских диалектах они распространены преимущественно в северо-восточной группе говоров (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), в

среднебелорусских (пп. 338, 347, 393, 398) и западнополесских (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383).

9. В польских, русских, белорусских диалектах лексема встречается спорадически, в украинских — имеет обширный ареал, ср.:

ob-kraj-ъс-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *ak'rajec, ak'raic*; укр. *ok'rajec, dok'rajec, ok'rajec, ok'rajuc*; блр. *ak'rajic, ak'rajac, ak'rajec*; плс. *okrajec*): в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 266, 267), жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий; в русских диалектах она также отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Брян. пп. 811, 813); в белорусских диалектах лексема *ob-kraj-ъс-ъ* имеет более широкий, но также ограниченный ареал, в основном это отдельные пункты в северо-восточных (пп. 328, 333, 358, 370), среднебелорусских (пп. 331, 346, 347, 357, 399) и юго-западных говорах (пп. 353, 355, 356, 382, 383, 385, 386, 390);

//ěd-j-a к. 54 'еда' (рус. *'ježa, je'ža*; укр. *'jiža, 'jieža, 'jieža*; блр. *'ježa*; плс. *ježa*): в польских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах кашубских (п. 249) и великопольских говоров (п. 254); в русских диалектах она встречается в некоторых севернорусских (Волог. пп. 617, 618, 667; Костром. п. 671; Яросл. п. 704) и среднерусских говорах (Твер. п. 726а; Влад. п. 742); в белорусских диалектах лексема распространена в северо-восточных (пп. 327, 330, 332, 334, 335, 340, 342, 352), западнополесских (пп. 372, 374, 375), юго-западных (п. 354) и среднебелорусских говорах (п. 357);

skor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *š'kurka*; укр. *s'kurka, š'kurka, š'k'irka*; блр. *s'kurka, š'kurka*; плс. *skork'a, skurka*): в польских диалектах лексема распространена в основном в малопольских (пп. 314, 322, 323, 324, 325) и мазовецких говорах (пп. 264, 265, 274, 286); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах южнорусских говоров (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема встречается в юго-западных (пп. 336, 337, 344) и западнополесских говорах (пп. 372, 373).

10. Широкое распространение корреспондирующих лексем в польских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

pust-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке): (рус. *pus'toj*; укр. *pus'tej, pus'tyj, pus'ty*; блр. *pus'ty, pus'tyj, pus'tej, pus'tej*; плс. *pusty, pusti*): в украинских диалектах лексема локализуется в основном в юго-восточных говорах Левобережной Украины (пп. 464, 479, 481, 491, 493, 494, 495, 501, 503, 505, 510, 511, 513, 521),

хотя иногда встречается в полесских (пп. 373, 406, 436, 445, 446), а также в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 416, 449, 522, 523); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал и локализуется либо в северо-восточных говорах (пп. 328, 330, 334, 335, 339, 341, 349, 350, 351, 352, 359, 360, 368, 369, 378, 379, 380), либо в юго-западных (пп. 336, 337, 344, 345, 353, 354, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 376, 382, 386, 388, 390), либо в среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 367, 387, 391, 392, 396, 397, 398).

11. Широкое распространение корреспондирующих лексем в польских и белорусских диалектах, тогда как в русских и украинских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

skvar-ъk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *sk'vark'i*, *skъ'vark'i*; укр. *skvar'ky*; блр. *sk'vark'i*; плс. *skvark'i*, *skvarki*, *skfark'i*): в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (Пск. п. 675; Твер. п. 727; Смол. пп. 748, 758, 784; Брян. п. 813; Калуж. п. 787), а также в некоторых пунктах севернорусских (Волог. пп. 612, 668); в украинских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах полесских говоров (п. 361).

12. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в польских и русских диалектах их ареал имеет ограниченный характер, ср.:

съ-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *sp'e'č'ot*, *sp'e'k'ot*, *sp'e'č'ot*, *sp'a'k'ot*, *sp'a'k'et*, *sp'i'č'ot*; укр. *spe'če*, *sp9'če*, *spy'če*, *sp'i'če*; блр. *s'p'a'če*, *s'p'a'čoc*, *s'p'a'čec*, *s'p'i'k'ec*, *spy'če*; плс. *sp'e'če*, *sp'e'če*): в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух малопольских пунктах (пп. 324, 326), пограничных с белорусскими диалектами; в русских диалектах она имеет более обширный, но также ограниченный ареал, так как распространена преимущественно в западной группе русских говоров (Пск. пп. 606, 628, 651, 653, 655, 675, 710, 711; Новг. пп. 608, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Твер. пп. 693, 696, 697, 698, 713, 714, 715, 726а, 727; Смол. пп. 747, 748, 750, 760, 761, 771, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 812, 813), спорадически встречаясь в севернорусских (Арх. пп. 536, 542; Ладого-Тихвин. пп. 562, 563, 564, 585, 607; Волог. пп. 567, 568; Яросл. п. 682; Костром. п. 690) и южнорусских диалектах (Калуж. п. 787; Орл. пп. 801, 803, 817, 825; Курск. пп. 823, 830, 831, 833; Белгор. пп. 841, 844, 845, 848).

13. В польских диалектах корреспондирующие лексемы встречаются спорадически (причем нередко они фиксируются в говорах на территории позднего заселения выходцами из вос-

точнославянских земель или на пограничных территориях), тогда как в восточнославянских диалектах они представлены достаточно широко, ср.:

porž-yn-ъ, porž-yn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'rožnoj, po'rožn'oj, pa'rožn'ij*; укр. *po'rožn'ij, po'rožn'yj, po'rožn9j, po'rožn'ij*; блр. *pa'rožn'ij, pa'rožnyj, pa'rožny*; плс. *prožny, pružny pružny*);

doj-ar-ъk-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус. *do'jarka, da'jarka, dō'jarka, da'jarkə*; укр. *do'jarka, do'jarka, do'jar'ka*; блр. *da'jarka, dō'jarka, dy'jarka*; плс. *dojarka, dojarka, dujarka, dojorka*);

lěj-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *l'ejka, l'ejk'a, l'ejkə*; укр. *l'ejka, l'iejka, l'ijka, l'9jka, l'ijjka*; блр. *l'ejka, l'ijka, l'ejka*; плс. *lejka, lijka, l'ejka, l'ejka*);

lōž-ъk-a к. 52 'ложка' (рус. *l'oška, l'oška, l'oška, l'oškə, l'ožka*; укр. *l'ožka, l'oška l'ožka*; блр. *l'oška, l'oška, l'ožka, l'ožka*; плс. *ueška, leška, leška, uoška, uoška*);

lōž-ъč-ъk-a к. 53 *det* 'ложечка' (рус. *l'ožeč'ka, l'ožec'ka, l'ožacka, l'ožackə*; укр. *l'ožečka, l'ož9čka, l'ožučka, l'ožacka*; блр. *l'ožyčka, l'ožyčka, l'ožacka, l'ožacka*; плс. *užęčka, uęęęčka*);

kroš-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *k'rošk'i*; укр. *k'ryšk'i*; блр. *k'rošk'i*; плс. *krošk'i, krošk'i, kryšk'i*);

svin-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'in'ina, sv'in'ina*; укр. *svy'ny-na, svi'ny-na, sv9'nena, sv9'ny-na, svi'nina*; блр. *s'v'in'ina, svy'ny-na*; плс. *sv'inina, sf'inina*): в польских диалектах, кроме новых смешанных говоров, лексема встречается в отдельных мазовецких (пп. 263, 266, 271, 275) и великопольских говорах (пп. 270, 280);

производные с корнем *hoxj-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; укр. *puđ'hodyt', s'hodyt', puđ'hodyt', p'it'hodyt, p'id'hodyt'*; блр. *pat'xoz'ic', pat'xoz'a, pat'xoz'a, pađy'xoz'ic'*; плс. *potxoži*);

kys-ыl-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *k'islųj, k'islųj, k'islųj, t'islųj*; укр. *kyslyj, k'isly, k'ish, k'ishy, k'estlyj, kysly*; блр. *k'islųj, k'ishųj*; плс. *k'isųu*): в польских диалектах лексема имеет точечный ареал в новых смешанных говорах (п. 240);

sv-var-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it', s'var'a*; укр. *zva'ryt, z'varyt', z'vary, z'var9*; блр. *z'varyc', z'vara, z'varyt*; плс. *zvažić, zvaży*): в польских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах малопольских (п. 320) и новых смешанных говоров (п. 240);

kyp-i-tъ к. 47 'кипит' (вода) (рус. *k'ip'it, k'ip'i, ky'pyt, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it'*; укр. *ky'pyt, k'ipyt, k'ipyt, k9'pyt', k'ip9t*; блр. *k'ip'ic', k'i-*

'pet, kы'pet', kы'pyt; плс. *k'ip'i, kip'ji, k'ipx'i*): в польских диалектах лексема имеет островные ареалы в новых смешанных говорах (пп. 239, 240, 247, 257, 276), а также в кашубских (пп. 241, 246, 249), великопольских (пп. 256, 261, 269, 270, 279), мазовецких (пп. 264, 265, 274, 275, 284, 286, 287, 295) и малопольских говорах (пп. 291, 292, 307, 318, 320, 321, 322, 324, 326);

кyp-ѣт-ѣк-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. *k'ip'a'tok, k'ip'i'tok*; укр. *kypja'tok, k'ipja'tok*; блр. *k'ip'a'tok, kəp'a'tok, kыp'a'tok*; плс. *k'ip'ontek*): в польских диалектах лексема имеет точечный ареал в мазовецких говорах (п. 287), пограничных с Белоруссией.

14. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в польских диалектах, ср.:

kroj-i-ть, kraj-e-ть к. 17 'режет' (хлеб) (рус. *k'roi(t)*; укр. *k'rojiti', k'rojiti*; блр. *k'rojic', k'rojiti', k'roje*; плс. *kroi še, kroi, kroji*): в польских диалектах лексема локализуется в отдельных малопольских (пп. 292, 293, 294, 302, 305, 306, 307, 312, 316, 321, 322, 323, 324), великопольских (пп. 256, 260, 261, 281, 270), мазовецких говорах (пп. 262, 263, 265, 266, 271, 273, 274, 275, 284, 286, 287, 295, 296, 298), а также в новых смешанных говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель (пп. 239, 240, 247, 252, 257, 268); в русских диалектах лексема зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в отдельных северо-восточных (пп. 328, 332, 340), среднебелорусских (пп. 331, 338), юго-западных (пп. 336, 337, 390, 344, 353, 354, 364, 365, 376) и западнополесских говорах (пп. 372, 382); в украинских диалектах лексема встречается в отдельных полесских (пп. 405, 417) и юго-западных говорах (пп. 486, 487);

jal-ov-ič-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *jaləv'ič'ina, 'jaləv'ičyna*; укр. *'jalovyčyna, 'jalovičma, 'jalovyčyna, 'jalowyčyna*; блр. *'jalav'ičyna, 'jalav'ičana, 'jaləv'ičyna*; плс. *jalovičyna, jalov'ičina*): в польских диалектах лексема *jal-ov-ič-in-a* зафиксирована в новых смешанных говорах (пп. 238, 252); в русских диалектах она sporadически встречается в отдельных пунктах западной группы русских говоров (Твер. п. 727; Смол. п. 772; Брян. п. 811), а также в русских старожильческих говорах на территории Литвы и Латвии (пп. 525, 526); в белорусских диалектах лексема распространена в основном в северо-восточных говорах (пп. 328, 332, 340, 341, 342, 358, 359, 360, 371, 378, 381, 388), но встречается и в отдельных юго-западных (пп. 336, 344, 356) и среднебелорусских говорах (пп. 338, 346, 347, 357,

392, 396, 397, 398); в украинских диалектах она имеет дисперсный ареал в юго-восточных (пп. 464, 475, 478, 491, 492, 493, 494, 502, 503, 508, 511, 512, 513, 514, 517, 519), юго-западных (пп. 430, 433, 434, 451, 454, 456, 473, 474, 488, 496, 498, 507) и полесских говорах (пп. 402, 404, 423, 437, 439, 440, 444, 446, 447, 457, 459, 463);

сут-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе): рус. *'sytaĭə*; укр. *'syti*, *'siti*, *'syty*, *'s9tyj*; блр. *'sytyŭ*, *'syty*; плс. *'sati*, *'sate*; в польских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах кашубских говоров (пп. 241, 242); в русских диалектах она зафиксирована в единичном пункте в южнорусских говорах (Белгор. п. 848); в белорусских диалектах лексема *сут-ъ* распространена в основном в юго-западных говорах (пп. 343, 344, 345, 353, 354, 355, 366, 375, 376, 390), хотя иногда встречается в некоторых пунктах среднелитовских (пп. 331, 338, 377, 399), западнорусских (пп. 383, 389, 394, 395) и северо-восточных говоров (п. 334); в украинских диалектах она представлена в отдельных пунктах юго-западных (пп. 486, 487, 489, 496, 497, 499, 522), юго-восточных (пп. 494, 504, 508, 517) и полесских говоров (пп. 411, 426, 437, 460);

ву-сквар-ѣк-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *'vyskark'i*; укр. *vyskvar'ky*; блр. *'vyskvark'i*; плс. *vyskfark'i*): в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте переселенческих говоров (п. 240); в русских диалектах лексема встречается в единичном пункте среднерусских говоров (Твер. п. 726а); в украинских – в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 836); в белорусских диалектах лексема *ву-сквар-ѣк-у* отмечена в отдельных пунктах северо-восточных (пп. 351, 378), западнорусских (пп. 389, 395) и юго-западных говоров (п. 390);

съ-met-an-ѣк-а к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'e'tanka*; укр. *smu'tanka*, *sme'tanka*, *sm9'tanka*; блр. *s'm'a'tanka*; плс. *smetanka*, *sm'etanka*, *sm̃ietanka*, *śnātanka*): в польских диалектах лексема sporadически встречается в малопольских говорах (пп. 302, 303, 304), в некоторых шленских (п. 299) и мазовецких (п. 271); в русских диалектах она наблюдается в отдельных пунктах севернорусских (Костром. п. 673) и южнорусских говоров (Смол. п. 761); в белорусских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте юго-западных говоров (п. 354); в украинских она распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 420, 429, 430, 432, 452, 465, 498);

||aj-ѣк-о к. 40 *dem* (j)aje (рус. *'jajko*; укр. *'jajko*; блр. *jaj'ko*; плс. *jajko*, *jjajko*, *jojko*): в польских диалектах лексема имеет островные

ареалы в кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 245, 246, 249), великопольских (пп. 248, 256, 269, 270, 278, 280), малопольских (пп. 292, 293, 303, 304, 311, 320, 321, 325, 326) и мазовецких говорах (п. 262); в русских диалектах она отмечена в некоторых севернорусских говорах (Арх. п. 547; Карел. п. 552); в белорусских – в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 337, 345); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524);

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka*; блр. *lus'ka*; плс. *lуска, uska*): в польских диалектах лексема встречается в некоторых пунктах новых смешанных говоров (пп. 252, 277); в русских диалектах она имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 580); в украинских лексема отмечена в отдельных полесских говорах (п. 418); в белорусских диалектах – на севере юго-западных (п. 337);

na-var-i-tь к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *na'var'it*, *nə'var'it*; укр. *nava'ryt'*; блр. *na'varyc'*, *na'varyc'*; плс. *navary*): в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте (п. 287) мазовецких говоров на границе с Белоруссией; в русских диалектах она отмечена в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 577; Волог. п. 612) и среднерусских говоров (Моск. п. 719); в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных (п. 376) и среднебелорусских говорах (п. 400); в украинских диалектах лексема имеет точечный ареал в закарпатских говорах (п. 465);

u-krop-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. *uk'rop*; укр. *uk'rop*, *uk'ruop*; блр. *uk'rop*; плс. *ukrop*, *ukrop*, *ukrop*): в польских диалектах лексема имеет островные ареалы в мазовецких (пп. 274, 275, 285, 286, 295, 296) и малопольских говорах (пп. 301, 315); в русских диалектах она отмечена в некоторых южнорусских говорах (Брян. пп. 797, 799); в белорусских эта лексема имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 394); в украинских диалектах она встречается в полесских говорах (пп. 411, 437, 438).

Анализ русско-польских лексических соответствий свидетельствует о том, что в польских диалектах корреспондирующие лексемы имеют чаще всего ограниченные ареалы (из 54 случаев выявленных корреспонденций 34 имеют локальные ограничения): не случайно наиболее типичными являются такие ареальные сценарии, когда в польских диалектах лексема встречается спорадически (причем нередко она фиксируется на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или в пограничных с ними диа-

лектах), тогда как в восточнославянских диалектах она представлена достаточно широко (см. п. 13), или же и в восточнославянских диалектах она имеет ареальные ограничения (см. п. 14).

Такая картина ареального распределения русско-польских лексических соответствий свидетельствует о том, что в большинстве своем они сформировались достаточно поздно, причем во многом благодаря украинским и белорусским диалектам. Не случайно именно в этих диалектах корреспондирующие лексемы часто имеют обширные ареалы, тогда как в русских диалектах они ареально ограничены (см. пп. 3, 6, 7, 9).

В целом в ареальном распределении лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в польских диалектах они чаще всего являются ограниченными (см. пп. 4, 5, 8, 13), тогда как в украинских и белорусских диалектах их ареалы также являются масштабными (см. пп. 1, 12); если же эти соответствия в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в украинских и белорусских они также локально ограничены (см. пп. 2, 14), а в польских они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 2-3, 6-7, 9, 11-12, 14).

Взгляд на эту ситуацию с позиции польских диалектов дает в несколько иную картину, а именно: если в польских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то во всех восточнославянских диалектах они, как правило, локально ограничены (см. пп. 2-3, 7, 10-11), если же в польских диалектах эти соответствия территориально ограничены, то в русских и украинских диалектах они имеют чаще всего обширные ареалы (см. пп. 4-5, 8-9, 12-13), а в белорусских – ограниченные (см. пп. 4, 8-9, 14).

В тех случаях, когда русско-польские лексические соответствия имеют ограниченные ареалы, то в русских диалектах они локализируются, как правило, либо в южнорусских говорах (чаще всего в смоленских или брянских), либо в западной группе среднерусских (особенно в тверских), а в польских диалектах, кроме новых смешанных говоров, – в малопольских и мазовецких.

Таким образом, в русских диалектах лексические параллели с польскими диалектами могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (причем доля последних достаточно велика в сравнении с украинскими и белорусскими диалектами). Сходная ареальная картина наблюдается и в украинских диалектах, тогда как в белорусских корреспондирующие лексемы имеют чаще всего ограниченные ареалы.

Лексические соответствия русских диалектов со словацкими, хотя и уступают в количественном отношении польским, однако являются также довольно внушительными. Они имеют свои особенности, определяющие их сущностный характер.

1. Корреспондирующие лексемы широко представлены в восточнославянских и словацких диалектах, ср.:

baran-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*; укр. *ba'ran'ina*, *ba'ranyna*, *ba'ranina*, *bara'nina*, *ba'ranina*; блр. *by'ran'ina*, *ba'ran'ina*, *bə'ran'ina*; слц. *bara'nina*, *baranina*);

gqs-ēt-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус. *gu's'at'ina*, *gu's'at'inə*, *gu's'et'ina*, *yu's'at'ina*; укр. *'hus'at'ina*, *hu's'atyna*, *'hus'atyna*; блр. *yu's'atyna*, *yu's'ac'ina*, *yu's'ačyna*; слц. *husacina*, *husacina*, *hušacina*, *hušecina*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в словацких диалектах, тогда как в русских, украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

soln-in-a к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *səla'n'ina*; укр. *solo'nyna*, *solp'nyna*, *solu'nyna*, *sulu'nyna*, *solo'nina*; блр. *səla'n'ina*, *sala'n'ina*, *sla'n'ina*; слц. *slanina*, *suanina*); в русских диалектах лексема зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526); в украинских диалектах она известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских (пп. 448, 466, 467, 468, 469, 470, 483, 484, 485, 496); в белорусских диалектах лексема *soln-in-a* имеет островные ареалы в северо-восточных (пп. 340, 341, 352), среднебелорусских (пп. 331, 337, 338, 339, 347) и юго-западных говорах (пп. 344, 372);

ś-met-an-ъk-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'e'tanka*; укр. *smu'tanka*, *sm'e'tanka*, *sm9'tanka*; блр. *s'm'a'tanka*; слц. *smetanka*, *šmetanka*, *smatanka*, *smata:ŋka*); в русских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах севернорусских (Костром. п. 673) и южнорусских говоров (Смол. п. 761); в белорусских – в юго-западных говорах (п. 354); в украинских диалектах она распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 420, 429, 430, 432, 452, 465, 498);

na-var-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *na'var'it*, *nə'var'it*; укр. *nava'ryt'*; блр. *na'varyc'*, *na'varyc'*; слц. *navari*, *navari*); в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 577; Волог. п. 612) и среднерусских говоров (Моск. п. 719); в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных (п.

376) и среднебелорусских говорах (п. 400); в украинских диалектах лексема зафиксирована в закарпатских говорах (п. 465);

//*ěd-j-en-ěj-e* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jíd'a'n'o*; укр. *'jižyn'a*, *'jižyn'i*, *'jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; слц. *jede-ńja*): в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских говоров (Твер. п. 713); в белорусских – в юго-западных (п. 337); в украинских диалектах она распространена в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем в словацких и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

//*aj-ič-ьk-o* к. 40 *dem* (j)aje (рус. *ja'jič'ko*, *ja'ič'ko*, *ja'jic'ko*, *je'jic'ko*, *ja'jič'kə*, *ja'iš':k'ə*, *ja'ičkə*; укр. *ja'jičko*, *ja'jičko*, *ji'jičko*, *j9'jičko*; блр. *ja'jička*, *ji'jičko*; слц. *vajičko*, *vaji:čko*): в белорусских диалектах лексема фиксируется в отдельных пунктах северо-восточных говоров (пп. 341, 349, 350, 351, 352), а также говоров Полесья (пп. 364, 373, 374); в украинских диалектах – в основном в юго-западных говорах (пп. 421, 422, 474, 496, 498, 516, 522, 524), реже – в говорах Полесья (пп. 373, 404, 405, 406) и юго-восточных говорах (пп. 512, 513, 514);

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ko'ryta*, *ka'ryta*, *ka'ryta*; укр. *ko'r9to*, *ko'reto*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; слц. *korito*, *koreto*): в украинских диалектах лексема представлена главным образом в говорах юго-западного наречия (пп. 419, 427, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 483, 484, 485, 486, 487, 496, 497, 498, 499, 506, 516, 522, 523, 524), а также в отдельных пунктах полесских (пп. 405, 417, 439, 446) и юго-восточных говоров (пп. 481, 491, 505, 508, 511, 513); в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных (пп. 348, 350, 359, 370) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 346, 347, 377, 387, 389). Наличие этой лексемы не только в восточнославянских и словацких диалектах, но и в отдельных польских (плс. *koryto*), чешских (*korito*), а также словенских (слн. *kuré:t*, *ku'ritu*) и хорватских (хрв. *kō:rito*, *ko'rito*, *ko'rite*) диалектах свидетельствует в пользу архаичности этих ареальных связей.

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах, тогда как в словацких, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

nož-ič-ьk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*, *'nožыč'ək*, *nožыč'ik*; укр. *'nožыčok*, *'nožičok*, *'nožыčak*; блр. *'nožыčak*,

'но́жысык, 'но́жасык, 'но́жысэк; слц. *nožiček, nožičok*): в словацких диалектах лексема фиксируется в отдельных пунктах восточнословацких говоров (пп. 229, 231, 232, 233); в украинских диалектах она получила наиболее широкое распространение в юго-восточных говорах (пп. 491, 495, 501, 503, 505, 508, 510, 512, 513, 515, 518, 519, 520, 521), а также в некоторых пунктах полесских (пп. 403, 425, 435, 442, 446, 447, 462, 463) и юго-западных (пп. 412, 416, 465, 472, 499, 500, 506); в белорусских диалектах лексема распространена главным образом в северо-восточных говорах (пп. 330, 332, 333, 334, 335, 341, 349, 351, 352, 368, 379, 380), хотя иногда встречается в отдельных пунктах юго-западных (пп. 337, 345, 353, 354, 355, 375, 386) и среднебелорусских говоров (пп. 346, 347, 357, 367, 397, 399, 400);

sad'-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *'salo, 'salo, 'sala, 'sala, 'salo*; укр. *'salo*; блр. *'sala, 'salo*; слц. *sa:dyo*): в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в п. 208; в украинских диалектах она отмечена только в двух пограничных с русскими диалектами пунктах (пп. 445, 849); в белорусских — в основном в северо-восточных говорах (пп. 332, 342, 347, 350, 351, 352, 359, 368, 370, 379), а также в отдельных пунктах юго-западных (пп. 366, 375, 377, 390, 394) и среднебелорусских говоров (пп. 392, 398);

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina, go'v'a-d'inə, ga'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, ɣə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna, hov'jadyna, hau'jadyna, hau'jadyna*; блр. *ɣa'v'aɟ'ina, ɣa'v'aɟyna, ɣy'v'aɟ'ina, ɣou'ɟaɟ'ina*; слц. *hove'dyna*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских говорах (пп. 346, 347, 357, 397, 398), юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говорах (п. 382); в украинских диалектах она распространена в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), а также в некоторых юго-западных говорах (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем в словацких, русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

//*aj-ʋc-o* к. 39 Nsg (j)aje (рус. *jaj'co, jaj'c'o, jij'co, jej'c'o, jəj'co*; укр. *jaj'ce, jej'ce, jyj'ce, j9j'c'e*; блр. *jaj'co, jaj'ce, jej'ce*; слц. *vajce, vajco*): в украинских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах восточнополесских говоров (пп. 439, 441, 442, 445);

производные с корнем **głyt-* к. 57 'проглотит' (еду) (рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*; укр. *prohlo'tyt*, *prohlo'tyt*; блр. *pray'loc'ic*, *pray'loc'a*; слц. *prehŭtne*, *prehŭtne*, *prehutne*): в украинских диалектах дериваты с корнем **głyt-* локализуются в основном в юго-восточных говорах (пп. 476, 477, 481, 493, 494, 504, 511, 514, 515), а также в отдельных пунктах говоров Полесья (пп. 411, 439, 446, 459) и юго-западных говоров (пп. 416, 506, 516, 524).

6. Обширный ареал корреспондирующих лексем в украинских диалектах, тогда как в словацких, русских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

ob-kraj-ъс-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *ak'rajec*, *ak'raic*; укр. *ok'rajec*, *цok'rajec*, *ok'rajec*, *ok'rajec*; блр. *ak'rajic*, *ak'rajac*, *ak'rajec*; слц. *'okrajec*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233); в русских диалектах она отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Брян. пп. 811, 813); в белорусских диалектах лексема *ob-kraj-ъс-ъ* имеет более широкий, но также ограниченный ареал, в основном это отдельные пункты северо-восточных (пп. 328, 333, 358, 370), среднебелорусских (пп. 331, 346, 347, 357, 399) и юго-западных говоров (пп. 353, 355, 356, 382, 383, 385, 386, 390);

skor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *š'kurka*; укр. *s'kurka*, *š'kurka*, *š'k'irka*; блр. *s'kurka*, *š'kurka*; слц. *skorka*, *skurka*): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах (пп. 226, 229, 230, 231, 232, 233); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах южнорусских говоров (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема *skor-ъk-a* встречается в некоторых юго-западных (пп. 336, 337, 344) и западнополесских говорах (пп. 372, 373).

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в словацких и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

skor-o-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skorlu'pa*, *skar'lupa*, *skərlu'pa*; укр. *škor'lupa*, *škara'lupa*, *škara'l'upa*; блр. *škartu'pa*, *škoro'lupa*, *skoro'l'upa*; слц. *škarlupa*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 230); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 328, 348, 351, 352, 359, 367, 368), западнополесских (пп. 363, 372, 389), юго-западных (пп. 385, 390) и среднебелорусских говорах (пп. 377, 399).

8. Обширный ареал корреспондирующих лексем в словацких, русских и украинских диалектах, тогда как в белорусских он имеет ограниченный характер, ср.:

škvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky*, *šk'vark'i*, *šk'vark9*; блр. *šk'vark'i*; слц. *škvar'ki*, *škvar'ke*): лексема имеет разреженный ареал в белорусских диалектах, где она локализуется в отдельных пунктах юго-западных (пп. 363, 364, 365, 373, 374, 383, 386, 391), северо-восточных (пп. 327, 335, 359, 379) и среднелитовских говоров (пп. 346, 367, 377);

melz-iv-o, melz-iv-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молоко' (рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'ivə*, *mo'loz'iwo*, *ma'loz'ivə*, *mo'loz'əvə*; укр. *mo'lozywo*, *mo'loz9wo*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*, *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*; слц. *mlezivo*, *mlezivo*, *mlezivo*): в белорусских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), среднелитовских (пп. 338, 347, 393, 398) и западнолитовских говорах (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383).

9. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах, тогда как в словацких он имеет ограниченный, а иногда даже точечный характер, ср.:

svin-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'i'n'ina*, *sv'i'n'inə*; укр. *svy'ny-na*, *sv'i'ny-na*, *sv9'ny-na*, *sv'i'ny-na*; блр. *s'v'i'n'ina*, *svy'ny-na*; слц. *šviŋina*, *šviŋina*): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах (пп. 227, 228, 229, 230, 231, 232);

kys-yl-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *'k'islɨj*, *'k'islɔj*, *'k'islaj*, *'t'islɨj*; укр. *'kystɨj*, *'kistɨ*, *'k'ish*, *'k'ishɨ*, *'k'estɨj*, *'kystɨ*; блр. *'k'islɨj*, *'k'ishɨj*; слц. *kisli*, *kisui*, *kislej*): в словацких диалектах лексема встречается в отдельных западнословацких (пп. 212, 215, 221) и среднесловацких говорах (пп. 216, 217, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 225);

lŏž-ъk-a к. 52 'ложка' (рус. *l'oska*, *l'oska*, *l'oska*, *l'oskə*, *l'ozka*; укр. *l'ozka*, *l'oska*, *l'ozka*; блр. *l'oska*, *l'oska*, *l'ozka*, *l'ozka*; слц. *loška*, *laška*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в восточнословацких говорах (пп. 225, 226, 229, 230, 231, 232, 233);

lŏž-ъč-ъk-a к. 53 *dem* 'ложечка' (рус. *l'ozeč'ka*, *l'ozeč'ka*, *l'ozəčka*, *l'ozəčkə*; укр. *l'ozečka*, *l'oz9čka*, *l'ozučka*, *l'ozāčka*; блр. *l'ozučka*, *l'yzāčka*, *l'ozāčka*, *l'ozāčka*; слц. *ložečka*, *lažečka*): лексема встречается в отдельных пунктах восточнословацких говоров (пп. 156, 229);

glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, y'l'in'enyj, y'l'in'ənyj*; укр. *hly'n'enyj, h'tyn'enyj, h'tyn'anuj, hl9n'a'nyj*; блр. *y'l'i'n'anyj, y'l'i'n'any, y'l'i'n'anaj*; слц. *hlinanej, hlinani:, hlinani*): в словацких диалектах лексема локализуется в восточнословацких говорах (пп. 224, 225, 227, 228, 233);

porž-yn-ъ, porž-yn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'rožnoj, po'rožn'oj, pa'rožn'ij, po'rožnaj*; укр. *po'rožn'ij, po'rožn'uj, po'rožn'ij, po'rožn'ij*; блр. *pa'rožn'ij, pa'rožnyj, pa'rožny*; слц. *pražni, po'rožn'ij*): в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных восточнословацких говорах (пп. 156, 233);

lěj-ыk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *l'ejka, l'ejk'a, l'ejkə*; укр. *l'ejka, l'iejka, l'ijka, l'9jka, l'ijjka*; блр. *l'ejka, l'ijka, l'ejka*; слц. *l'ijka*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233);

rež-e-tь, rež-i-tь к. 17 'режет' (хлеб) (рус. *r'ežyt, r'ežot, r'ežet, r'ežot, r'ežot, r'eža, r'ežyt*; укр. *r'iz9, r'ize, r'izy*; блр. *režyc, reža, reže, reže*; слц. *reže, riže*): в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах восточнословацких говоров (пп. 228, 233);

tel-ęt-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *t'e'l'at'ina, t'i'l'at'ina, t'a'l'a-t'ina*; укр. *ty'l'atyna, t9l'atyna, t9l'at9na, ty'l'etyna, ty'l'ityna*; блр. *c'i-l'ac'ina, c'a'l'ačyna, c'a'l'ačyna*; слц. *tel'a'tyna*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233);

doj-ar-ыk-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус. *do'jarka, da'jarka, də'jarka, da'jarkə*; укр. *do'jarka, do'jarka, do'jar'ka*; блр. *da'jarka, də'jarka, dy'jarka*; слц. *doja:rka*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в словацких говорах на территории Венгрии (п. 154);

куп-i-ть к. 47 'кипит' (вода) (рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, kы'pыt, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; укр. *ky'pyt, ky'pyt, k'i'pyt, k9'pyt, k'i'p9t*; блр. *k'i'p'ic, k'i'pet, ky'pet, кы'pыt*; слц. *кы'pyt*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233);

gor-ęt-j-ъ к. 48 'горячий' (о воде) (рус. *go'r'ač'ij, ga'r'ačij, ga'r'a-čaj, ga'r'ačyj, ya'r'ač'ij, yə'r'ač'ij*; укр. *ho'r'ač'ij, ho'rečyj, hur'jačyj, ha'r'ečij, ha'račej, ha'račyj*; блр. *ya'račyj, ya'račy, yə'r'ačyj, ya'račyj*; слц. *ho'rečij*): в словацких диалектах лексема отмечена в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233).

10. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в словацких и русских их ареал имеет ограниченный характер, ср.:

(*смаѣ*)-ѣн-ѣ к. 65 'вкусный' (о еде): (рус. *s'mačnyj*, *s'mašnyj*, *s'mač'nyj*; укр. *s'mačnyj*, *smač'nyj*, *smač'nij*, *smač'nej*; блр. *s'mašnyj*, *s'mač'nyj*; слц. *smačnī*): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах (пп. 156, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233); в русских диалектах она отмечена в западной группе русских говоров (Смол. пп. 746, 758, 760, 761, 784; Брян. пп. 797, 798, 811, 813; Твер. п. 726а);

kys-ěl-o mlĕk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *k'islo: molo'ko*, *k'islə mola'ko*, *k'isləjə mola'ko*; укр. *kysle molo'ko*, *kysle molo'ko*, *kyslʹ molo'ko*; блр. *k'islaja mola'ko*, *k'islyja myla'ko*, *k'islaja mola'ko*; слц. *kisle: mlĕko*, *kišene mlĕko*, *kislŭo mlĕko*, *kislvo mlĕko*): в словацких диалектах описательная конструкция отмечена в восточнословацких (пп. 225, 229, 230, 231, 232) и среднесловацких говорах (пп. 212, 215, 220, 222, 223, 224); в русских диалектах – в отдельных пунктах севернорусских (Арх. пп. 528, 553; Ладого-Тихвин. п. 580; Волог. пп. 642, 645; Костром. п. 667), среднерусских (Твер. пп. 678, 695) и южнорусских говоров (Липец. п. 819; Курск. пп. 832, 837; Белгор. пп. 841, 848).

11. Ограниченный ареал общих лексем и в восточнославянских, и в словацких диалектах, ср.:

kraj-ъс-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajic*; укр. *k'raec*; блр. *k'raic*, *k'rajec*; слц. *krajec*, *krajec*): в словацких диалектах лексема отмечена в основном в среднесловацких говорах (пп. 215, 216, 217, 218, 220); в русских диалектах она зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских говоров (Смол. п. 771; Курск. п. 830); в белорусских диалектах – в некоторых пунктах северо-восточных (пп. 329, 360, 379), юго-западных (п. 395) и среднебелорусских говоров (п. 393); в украинских диалектах – в единичном пункте полесских говоров (п. 384);

na-peč-e-tʹ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *nap'e'k'ot*, *nap'i'k'ot*, *nap'e'čot*, *nyr'i't'ot*; укр. *nap'e'če*, *nap'e'č'e*, *nap'i'če*; блр. *nap'a'čec*, *nap'a'če*; слц. *na'peče*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233); в русских диалектах она встречается в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 546; Волог. п. 602), южнорусских (Ряз. п. 809; Брян. п. 814) и среднерусских говоров (Пск. пп. 605, 652; Новг. п. 658; Влад. п. 738); в украинских диалектах лексема *na-peč-e-tʹ* отмечена в некоторых полесских (пп. 408, 435, 442), юго-восточных (пп. 495, 505, 521, 847) и юго-западных говорах (п. 465); в белорусских диалектах

она встречается в отдельных юго-западных (пп. 337, 344, 376), среднебелорусских (пп. 367, 400) и северо-восточных говорах (п. 334);

kraj-ъč-ik-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajč'ik*; укр. *k'rajčuk*, *k'rajčik*; блр. *k'rajčyk*; слц. *kra-jčok*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднесловацких говоров (п. 219); в русских диалектах она локализуется в основном в южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 747, 748, 758, 760, 761, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 822; Калуж. п. 787; Курск. п. 830); в белорусских диалектах — преимущественно в северо-восточных (пп. 351, 360, 371, 379, 380, 381), а также в отдельных пунктах полесских (пп. 389, 394) и среднебелорусских говоров (п. 393); в украинских диалектах она распространена в основном в полесских говорах (пп. 411, 418, 425, 447), а также в отдельных пунктах бойковских (п. 428);

производные с корнем **orst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *ras't'ot*, *ros't'ot*, *ras't'ot*; укр. *ros'te*, *ros'tet*, *p'idros'taji*; блр. *ras'-c'oc*; слц. *rošne*, *rosne*): в словацких диалектах дериваты с этим корнем встречаются в восточнословацких говорах (пп. 228, 233); в русских диалектах они отмечены в отдельных севернорусских (Арх. п. 560; Костром. пп. 667, 671; Яросл. п. 664), южнорусских (Ряз. п. 783; Смол. п. 784; Брян. п. 797; Белгор. пп. 838, 846) и среднерусских говорах (Новг. п. 634; Твер. пп. 699, 715, 716); в белорусских диалектах производные с корнем **orst-* зафиксированы в двух пунктах северо-восточных говоров (пп. 350, 379) и в одном — в юго-западных (п. 374). В украинских диалектах они распространены в основном в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 431, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 486, 487, 496, 497, 499, 524), а также в некоторых пунктах говоров Полесья (пп. 403, 423, 459);

kvass-en-o melk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *'kvašeno molo'ko*; укр. *kvass'noji molo'ko*, *kvass'ne molo'ko*, *kvass'ne molo'ko*; блр. *k'vasna mala'ko*, *k'vašene molo'ko*; слц. *kvašne mleko*, *kvašne mliko*): в словацких диалектах эта описательная конструкция встречается в восточнословацких говорах (пп. 226, 227, 229, 232, 233); в русских диалектах она имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Горьк. п. 743); в белорусских — в отдельных пунктах западнополесских говоров (п. 372) и юго-западных (п. 337); в украинских диалектах эта описательная конструкция распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 419, 420, 421, 427, 428, 429,

430, 431, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 487, 488);

//aj-ъk-о к. 40 *dem* (j)aje (рус. 'jajko'; укр. 'jajko'; блр. *jaj'ko*; слц. *vajko*): в русских диалектах лексема отмечена в некоторых севернорусских говорах (Арх. п. 547; Карел. п. 552); в белорусских – в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 337, 345); в украинских – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); в словацких диалектах – в среднесловацких говорах (пп. 217, 218);

skor-up-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skoru'pa*; укр. *ška'rupa*; блр. *ška'rupa*; слц. *škorupa*, *škarupa*): в словацких диалектах лексема распространена в восточнословацких говорах (пп. 156, 227, 230, 232), а также в отдельных пунктах западнословацких (п. 215); в русских диалектах она отмечена в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 528); в белорусских – в отдельных пунктах западнорусских говоров (п. 382); в украинских диалектах лексема *skor-up-a* встречается в полесских говорах (пп. 405, 438, 443) и говорах юго-восточного наречия (п. 494);

lu'p-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'pyna*, *lu'pynu*; блр. *lu'p'ina*, *lu'p'inь*; слц. *lupini*): в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 231); в русских диалектах она отмечена в русских старожильческих говорах на территории Литвы (п. 525); в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 413, 419, 420, 427, 428, 429, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 489, 498, 506, 524), реже в западнорусских (пп. 361, 401, 404, 405, 411); в белорусских диалектах она встречается sporadически в юго-западных (пп. 336, 337, 343, 344, 345, 353, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 374, 382, 383, 391) и среднелитовских (пп. 331, 338, 339, 346, 347, 357, 396) говорах.

Анализ русско-словацких лексических соответствий свидетельствует о том, что в словацких диалектах они представлены чаще всего ограниченными ареалами (28 лексем из выявленных 40). В восточнославянских языках картина неоднородная: в русских и украинских диалектах корреспондирующие лексемы имеют, как правило, обширные ареалы, тогда как в белорусских – ограниченные. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство лексем, имеющих ареальные ограничения, в словацких диалектах локализируются чаще всего в восточнословацких говорах (особенно часто в пункте 233 и приле-

гающих к нему пунктах, с географической точки зрения расположенных ближе всего к украинским говорам), а в русских диалектах – в южнорусских говорах (особенно в их западной группе). Этот факт наталкивает на мысль, что в формировании русско-словацких лексических параллелей важная роль принадлежала украинским диалектам, которые выполняли роль своеобразного «моста». Не случайно именно здесь представлены обширные ареалы корреспондирующих лексем, которые в русских диалектах локально ограничены (см. пп. 2, 6, 10).

В целом в ареальном распределении русско-словацких лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в словацких диалектах они чаще всего являются ограниченными (см. пп. 4, 7, 9), тогда как в украинских и белорусских диалектах их ареалы также являются масштабными (см. пп. 1, 5, 7-9); если же эти соответствия в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в словацких, украинских и белорусских они также локально ограничены (см. пп. 2, 6, 10-11).

Взгляд на эту ситуацию с позиции словацких диалектов дает иную картину, а именно: если в словацких диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских диалектах они также являются масштабными (см. пп. 1, 3, 5, 8), а в украинских и белорусских – они локально ограничены (см. пп. 2-3, 5, 8); если же в словацких диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских и украинских диалектах они не имеют ареальных ограничений (см. пп. 4, 6-7, 9-10), тогда как в белорусских они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 4, 6, 9-11).

Чешские диалекты

Русско-чешские лексические соответствия характеризуют следующие особенности, определяющие ареальные сценарии русско-чешских диалектных отношений.

1. Повсеместное распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских и чешских диалектах, ср.:

sad-l-o к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *'salo, 'sala*; укр. *'salo, salo*; блр. *'sala, 'salo*; чеш. *sa:dlo, sg:dlo, sadlo, sa:dlu*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в чешских, русских и украинских диалектах, тогда как в белорусских их ареал носит ограниченный характер. ср.:

mějz-iv-o, mějz-iv-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *mo'lož'ivo, mo'lož'ivo, ma'lož'ivə, mo'lož'əvə*; укр. *mo'ložywo, mo'ložywo*; блр. *ma'lož'iva, ma'lož'ivo, ma'lož'iva, ma'lož'ivo*; чеш. *mlezivo, mleziva, mlezivo, mlezivo, mlezivo, mlezivo, mlezivo*): в белорусских диалектах лексемы распространены преимущественно в северо-восточной группе говоров (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), а также в некоторых пунктах среднебелорусских (пп. 338, 347, 393, 398) и западно-полесских говоров (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383);

škvār-ъk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky, šk'vark'i, šk'vark'9*, блр. *šk'vark'i*; чеш. *škvar'ki, škvar'ki*): в белорусских диалектах лексема локализуется в отдельных пунктах юго-западных (пп. 363, 364, 365, 373, 374, 383, 386, 391), северо-восточных (пп. 327, 335, 359, 379) и среднебелорусских говоров (пп. 346, 367, 377).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем в чешских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

//*aj-ič-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje (рус. *ja'jič'ko, ja'jič'ko, ja'jič'ko, jejič'ko, ja'jič'ka, ja'jič'ka, ja'jič'ka*; укр. *ja'jičko, ja'jičko, ja'jičko*; блр. *ja'jička, ji'jičko*; чеш. *vaji:čko, vajičko, vajičko, vaji:čku*): в белорусских диалектах лексема распространена в основном в северо-восточных (пп. 341, 349, 350, 351, 352) и некоторых полесских говорах (пп. 364, 373, 374); в украинских диалектах – в говорах Полесья (пп. 404, 405, 406), а также в отдельных пунктах юго-восточных (пп. 512, 513, 514) и юго-западных говоров (пп. 421, 422, 474, 496, 498, 516, 522, 524);

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *'salo, 'sala, 'sala*; укр. *'salo*; блр. *'sala, 'salo*; чеш. *sa:dlo, sadlo sadlo*): в украинских диалектах лексема отмечена лишь в двух пунктах, граничащих с русскими диалектами – пп. 445, 849; в белорусских – в основном в северо-восточных говорах (пп. 332, 342, 347, 350, 351, 352, 359, 368, 370, 379), реже – в юго-западных (пп. 366, 375, 377, 390, 394) и среднебелорусских (пп. 392, 398).

4. В русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширный ареал, тогда как в чешских, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto, ka'ryta*; укр. *ko'r'ito, ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; чеш. *korito, koryto*): в чешских диалектах лексема распространена в некоторых моравских (п. 204), ляхских (п. 207) и собственно чешских

говорах (пп. 176, 177, 181); в белорусских диалектах она встречается в северо-восточных (пп. 348, 350, 359, 370) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 346, 347, 377, 387, 389); в украинских – главным образом в юго-западных говорах (пп. 419, 427, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 483, 484, 485, 486, 487, 496, 497, 498, 499, 506, 516, 522, 523, 524), а также в отдельных полесских (пп. 405, 417, 439, 446) и юго-восточных говорах (пп. 481, 491, 505, 508, 511, 513);

pož-ič-ьk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*; укр. *'nožыčok*, *'nožыčok*; блр. *'nožыčak*, *'nožačыk*; чеш. *poži:ček*, *požiček*, *pože:ček*, *pože:ček*); в чешских диалектах лексема распространена в основном в собственно чешских (пп. 176, 177, 178, 179, 182, 183, 187, 188, 192), а также в отдельных ганацких (пп. 195, 196) и ляхских говорах (пп. 203, 207); в украинских диалектах она получила наиболее широкое распространение в говорах юго-восточного наречия (пп. 491, 495, 501, 503, 505, 508, 510, 512, 513, 515, 518, 519, 520, 521), а также в некоторых пунктах полесских (пп. 403, 425, 435, 442, 446, 447, 462, 463) и юго-западных говоров (пп. 412, 416, 465, 472, 499, 500, 506); в белорусских диалектах лексема распространена главным образом в северо-восточных говорах (пп. 330, 332, 333, 334, 335, 341, 349, 351, 352, 368, 379, 380), но встречается и в отдельных пунктах юго-западных (пп. 337, 345, 353, 354, 355, 375, 386) и среднебелорусских говоров (пп. 346, 347, 357, 367, 397, 399, 400);

skor-o-lup-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skor'ľupka*, *skara'ľupka*, *škar'ľupka*; укр. *škor'ľupka*, *skar'ľupka*; блр. *skar'ľupka*, *škar'ľupka*; чеш. *škar'ľupka*); в чешских диалектах лексема имеет точечный ареал в собственно чешских говорах (п. 189); в белорусских диалектах она распространена преимущественно в северо-восточных говорах (пп. 327, 328, 329, 330, 334, 341, 349, 368, 378), но встречается и в отдельных пунктах полесских (пп. 383, 394) и среднебелорусских говоров (пп. 392, 398); в украинских диалектах лексема зафиксирована в некоторых полесских (пп. 437, 446), юго-западных (пп. 419, 506) и юго-восточных говорах (п. 482).

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и белорусских диалектах, тогда как в чешских и украинских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

/aj-ьc-o к. 39 Nsg (j)aje (рус. *jaj'co*, *jij'co*, *jej'c'o*; укр. *jaj'ce*, *jej'ce*, *j9j'c'e*; блр. *jaj'co*, *jaj'ce*; чеш. *vajce*, *vajco*, *vejce*); в чешских диалектах лексема встречается в некоторых ляхских (пп. 197, 202, 203, 207) и моравских говорах (пп. 205, 206); в украинских диалектах она отмечена в восточнополесских говорах (пп. 439, 441, 442, 445);

производные с корнем *g^hyt- к. 57 'проглотит' (еду) (рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *pray'lot'it*; укр. *prohlo'tyt'*, *prohlo'tyt*; блр. *pray'loc'ic*, *pray'loc'a*; чеш. *pohltne*, *zhltne*, *zhltne*, *pohutne*): в чешских диалектах дериваты с корнем *g^hyt- зафиксированы в некоторых ганацких (пп. 196, 199, 201), моравских (пп. 200, 204, 205, 206) и ляхских говорах (пп. 202, 203); в украинских диалектах они распространены в основном в юго-восточных говорах (пп. 476, 477, 481, 493, 494, 504, 511, 514, 515), но встречаются в полесских (пп. 411, 439, 446, 459) и в юго-западных говорах (пп. 416, 506, 516, 524).

6. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченный в чешских, ср.:

kys-yl-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *'k'isl'ij*, *'k'isloj*; укр. *'kys'ij*, *'kisy*, *'k'isly*, *'k'es'ij*; блр. *'k'isl'ij*, *'k'is'ij*; чеш. *kiselej*, *kaselej*; *kyšely*, *kyseľy*): в чешских диалектах лексема встречается в некоторых ляхских (пп. 203, 207) и моравских говорах (п. 206);

tel-et-in-a к. 23 'мясо теленка' (рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'a-t'ina*; укр. *ty'l'atyna*, *t9'l'atma*, *t9'l'at9na*; блр. *c'i'l'ac'ina*, *c'a'l'ačyna*, *c'a'l'ačyna*; чеш. *čelunc'ina*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляхских говоров (п. 207);

baran-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*; укр. *ba'ran'ina*, *ba'ranyna*, *ba'ranina*, *bara'n9na*, *ba'ran9na*; блр. *by'ran'ina*, *ba'ran'ina*, *bə'ran'ina*; чеш. *barařina*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляхских говоров (п. 207);

sъ-var-i-ть к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it*, *s'war'it*, *s'var'it'*, *s'var'a*; укр. *zva'ryt*, *z'varyt'*, *z'vary*, *z'var9*; блр. *z'varyc'*, *z'vara*, *z'varyt*; чеш. *svařiti*): в чешских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах ганацких говоров (п. 196);

lž-ык-a к. 52 'ложка' (рус. *'loška*, *'loška*, *'loška*, *'loškə*; укр. *'ložka*, *'loška*, *'ložka*; блр. *'loška*, *'loška*, *'ložka*, *'ložka*; чеш. *leška*): в чешских диалектах лексема имеет точечный ареал в ляхских говорах (п. 197);

ob-ěd-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус. *o'b'edat*, *o'b'edaet*, *a'b'edajit'*; укр. *o'bidaje*, *ho'b'idaje*, *wo'b'idaje*; блр. *a'b'edyjic'*, *a'b'edajic'*; чеш. *pob'jado*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляхских говоров (п. 207);

производные с корнем *xodj- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *po't'xod'it*, *pa't'xod'it*, *pa't'xod'it'*; укр. *pu'd'xodyt'*, *s'xodyt'*, *pyd'xodyt'*, *p'it'xodyt*; блр. *pa't'xoz'ic'*, *pa't'xoz'a*, *pa't'xoz'ə*; чеш. *sxa:zi*): в чешских диалектах дериваты с этим корнем встречаются в отдельных пунктах собственно чешских говоров (пп. 177, 180, 181, 182).

7. **Широкое распространение корреспондирующих лексем в чешских, украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских их ареал имеет ограниченный характер, ср.:**

kys-ěl-o meĭ-k-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. 'k'islo: molo'ko, 'k'islə məla'ko, 'k'isləja məla'ko; укр. 'kysle molo'ko, 'kysle moto'ko, 'kys-ŭ molo'ko; блр. 'k'islaja məla'ko, 'k'islyja myla'ko, 'k'islaja mala'ko; чеш. *kiseli: mli:ko, kisli: mli:ko, kesani mliko, kysele mleko, k'isue mly-ko*): в русских диалектах эта описательная конструкция встречается в некоторых севернорусских (Арх. пп. 528, 553; Ладого-Тихвин. п. 580; Волог. пп. 642, 645; Костром. п. 667), южнорусских (Липец. п. 819; Курск. пп. 832, 837; Белгор. пп. 841, 848) и среднерусских говорах (Твер. пп. 678, 695).

8. **В чешских, русских, белорусских диалектах лексема встречается спорадически, в украинских – имеет обширный ареал, ср.:**

skor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *š'kurka*; укр. *s'kurka, š'kur-ka, š'k'irka*; блр. *s'kurka, š'kurka*; чеш. *skurka*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляхских говоров (п. 207); в русских диалектах она имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема *skor-ъk-a* встречается в некоторых юго-западных (пп. 336, 337, 344) и западнополюсских говорах (пп. 372, 373).

9. **Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в чешских диалектах, ср.:**

na-peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *nap'e'k'ot, nər'i'k'ot, nər'e'čot, nyr'i'i'ot*; укр. *nape'če, nape'č'e, nari'če*; блр. *nap'a'čes', nap'a'če*; чеш. *napěče, napeče*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в единичных пунктах ляхских (пп. 202, 203) и ганацких говоров (п. 194); в русских диалектах она встречается в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 546; Волог. п. 602), южнорусских (Ряз. п. 809; Брян. п. 814) и среднерусских говоров (Пск. пп. 605, 652; Новг. п. 658; Влад. п. 738); в украинских диалектах лексема *na-peč-e-tь* отмечена в отдельных пунктах полесских (пп. 408, 435, 442), юго-восточных (пп. 495, 505, 521, 847) и юго-западных говоров (п. 465); в белорусских диалектах она встречается в некоторых юго-западных (пп. 337, 344, 376), среднебелорусских (пп. 367, 400) и северо-восточных говорах (п. 334);

skor-up-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skoru'pa*; укр. *ška'rupa*; блр. *ška'rupa*; чеш. *škařupa, škořupa*): в чешских диалектах лексема зафиксирована в некоторых ляхских говорах (пп. 202, 207); в русских

диалектах она отмечена в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 528); в белорусских диалектах лексема имеет точечный ареал в западнopolесских говорах (п. 382); в украинских диалектах она встречается в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 405, 438, 443) и говоров юго-восточного наречия (п. 494);

got-u-j-e-ть к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *ya'tujet'*, *ya'tuja*, *ya'tuje*; укр. *ho'tuje*, *ho'tuj9*; блр. *ya'tuja*; чеш. *gotuje*): в чешских диалектах лексема встречается в некоторых пунктах ляхских говоров (п. 207); в русских диалектах она отмечена лишь в южнорусских говорах (Смол. п. 785; Брян. пп. 797, 812); в белорусских диалектах она зафиксирована в некоторых юго-западных (пп. 372, 394), среднебелорусских (пп. 347, 357) и северо-восточных говорах (п. 388); в украинских диалектах лексема распространена в основном в говорах юго-восточного наречия (пп. 480, 509, 843), хотя иногда встречается и в юго-западных говорах (п. 506);

na-var-i-ть к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *na'var'il*, *na'var'it*; укр. *nava'ryt'*; блр. *na'varyc'*, *na'varyc'*; чеш. *navaři*, *navařu:*, *navařeř*): в чешских диалектах лексема отмечена в моравских (пп. 200, 205) и ляхских говорах (пп. 202, 207); в русских диалектах она представлена в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 577; Волог. п. 612) и среднерусских говоров (Моск. п. 719); в белорусских диалектах лексема зафиксирована в некоторых юго-западных (п. 376) и среднебелорусских говорах (п. 400); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в закарпатских говорах (п. 465);

//éd-j-en-ьj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jid'a'n':o*; укр. *'jižyn'a*, *'jižyn'i*, *'jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; чеш. *jedy-ni*): в чешских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах ляхских говоров (п. 207); в русских диалектах она зафиксирована лишь в некоторых пунктах среднерусских говоров (Твер. п. 713); в белорусских — в юго-западных (п. 337); в украинских диалектах лексема *//éd-j-en-ьj-e* встречается в основном в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468).

Ареалогический анализ русско-чешских лексических соответствий показал, что в чешских диалектах большинство из корреспондирующих лексем имеет локально ограниченный характер распространения (из 24 общих лексем 18 обладают ограниченным ареалом, который локализуется чаще всего в ляхских говорах, особенно в часто в п. 207), тогда как в русских диалектах наоборот — большинство из

этих соответствий представлено обширными ареалами (в отличие от украинских и белорусских диалектов, в которых ареалы этих лексем чаще всего бывают островными). В тех случаях, когда корреспондирующие лексемы в русских диалектах локально ограничены, они имеют, как правило, дисперсный ареал.

В целом в ареальном распределении русско-чешских лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в чешских диалектах они чаще всего являются ограниченными (см. пп. 4-6), тогда как в украинских и белорусских диалектах – обширными (см. пп. 2, 5-6); если же эти соответствия в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в чешских, украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. п. 8).

Взгляд на эту ситуацию с позиции чешских диалектов дает несколько иную картину, а именно: если в чешских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских диалектах они также являются масштабными (см. пп. 1-3), в белорусских диалектах они чаще всего являются локально ограниченными (см. пп. 2-3), а в украинских – они могут быть как обширными, так и локально ограниченными (см. пп. 1-3); если же в чешских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских диалектах они не имеют ареальных ограничений (см. пп. 4-6), в украинских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 4-5, 8), а в белорусских они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 4-6, 8).

Лужицкие диалекты

Вследствие того, что лужицкие диалекты на карте Общеславянского лингвистического атласа представлены всего четырьмя пунктами (пп. 234-237), говорить об ареальных связях русских и лужицких диалектов довольно трудно, поэтому их оценку следует воспринимать с известной долей условности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в распределении лужицкого материала на картах Атласа прослеживаются определенные ареальные закономерности, вписывающиеся в общую типологию ареалов.

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в лужицких диалектах, ср.:

glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, y'l'in'enyj*; укр. *hly'n'enyj, h'lyn'enyj, h'lyn'anyj, hl9n'a'nyj*; блр. *yl'i'n'anyj, yl'i'n'any, yl'i'n'anaj*; луж. *gl'in'jany, l'in'jany*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченное в лужицких, ср.: *doj-ar-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус. *do'jarka, da'jarka, da'jarka, da'jarka, dy'jarka*; укр. *do'jarka, do'jarka, do'jar'ka*; блр. *da'jarka, da'jarka, dy'jarka*; луж. *dejerka*), лексема зафиксирована лишь в одном пункте верхнелужицких диалектов (п. 237).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах и ограниченный ареал в лужицких, украинских и белорусских, ср.:

jъz-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot, isp'a'k'et*; укр. *ispe'č'e, uspe'če, ispe'če*; блр. *ispe'če, isp'e'če, is'p'a'če*; луж. *spečo*): в лужицких диалектах лексема зафиксирована в единичном нижнелужицком пункте (п. 235); в белорусских диалектах она отмечена в некоторых пунктах западнopolесских (п. 363), северо-восточных (п. 368), юго-западных (п. 395) и среднебелорусских говоров (п. 399); в украинских диалектах – в отдельных пунктах закарпатских (пп. 467, 483) и восточнополесских говоров (п. 441).

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах и ограниченный ареал в лужицких и белорусских, ср.:

škvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky, šk'vark9*; блр. *šk'vark'i*; луж. *škwark'i*): лексема имеет точечный ареал в лужицких диалектах (п. 236) и дисперсный в белорусских, где она локализуется в некоторых юго-западных (пп. 363, 364, 365, 373, 374, 383, 386, 391), северо-восточных (пп. вост 327, 335, 359, 379) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 367, 377).

5. Обширный ареал корреспондирующих лексем в лужицких диалектах и ограниченный в восточнославянских, ср.:

llaj-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje (рус. *'ajko*; укр. *'ajko*; блр. *jaj'ko*; луж. *jajko, jejko*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Арх. п. 547; Карел. п. 552); в белорусских – в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 337, 345); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в юго-западных говорах (п. 524).

6. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в лужицких диалектах, ср.:

//aj-ыk-o к. 39 Nsg (j)aje (рус. *'jajko*; укр. *'jejku*; блр. *jaj'ko*, *'jajka*; луж. *jejkō*): в лужицких диалектах лексема зафиксирована в единичном нижнелужицком пункте (п. 235); в русских диалектах она отмечена в отдельных пунктах севернорусских говоров (Арх. пп. 532, 547); в белорусских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в северо-восточных (пп. 327, 328, 332, 340, 341), среднебелорусских (пп. 331, 338, 346, 347) и юго-западных говорах (пп. 337, 344, 345); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в юго-западных говорах (п. 412);

na-var-i-tь к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *na'var'it*, *na'var'it*; укр. *nava'ryt'*; блр. *na'varyc'*; луж. *nawar'i*): в лужицких диалектах лексема зафиксирована лишь в нижнелужицком п. 235; в русских диалектах она отмечена в отдельных пунктах севернорусских (Арх. п. 577; Волог. п. 612) и среднерусских говоров (Моск. п. 719); в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных (п. 376) и среднебелорусских говорах (п. 400); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в закарпатских говорах (п. 465);

lu-p-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'pyna*, *lu'pynu*; блр. *lu'p'ina*, *lu'p'iny*; луж. *u'p'ina*): в лужицких диалектах лексема зафиксирована лишь в нижнелужицком п. 234; в русских диалектах она отмечена в русских старожильческих говорах на территории Литвы (п. 525); в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 413, 419, 420, 427, 428, 429, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 489, 498, 506, 524), реже в западнopolесских (пп. 361, 401, 404, 405, 411); в белорусских диалектах она встречается в некоторых пунктах юго-западных (пп. 336, 337, 343, 344, 345, 353, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 374, 382, 383, 391) и среднебелорусских говоров (пп. 331, 338, 339, 346, 347, 357, 396).

В лужицких диалектах большинство из выявленных русско-лужицких лексических параллелей имеет ограниченный характер распространения, что сближает их в этом плане с украинскими и белорусскими диалектами. В русских диалектах картина более сложная, так как наряду с локально ограниченными корреспондирующими лексемами в них представлены и соответствия, имеющие обширные ареалы. Интересно, что большая часть корреспондирующих лексем, имеющих ареальные ограничения, в лужицких диалектах локализируются в основном в нижнелужицких говорах (особенно час-

то в пункте 235), а в русских диалектах — в севернорусских говорах (особенно в архангельских и вологодских).

В целом в ареальном распределении русско-лужицких лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в лужицких диалектах они, как правило, локально ограничены (см. пп. 2-4), тогда как в украинских диалектах они не имеют ареальных ограничений (см. пп. 1-2, 4), а в белорусских они могут быть как ограниченными, так и обширными (см. пп. 1-4); если же эти соответствия в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в лужицких, украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 5-6).

Взгляд на эту ситуацию с позиции лужицких диалектов дает несколько иную картину, а именно: если в лужицких диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских, белорусских и украинских диалектах они могут быть как обширными, так и локально ограниченными (см. пп. 1, 5); если же в лужицких диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 3-4, 6), а в русских диалектах они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 2-4, 6).

5.2. Русско-южнославянские изоглоссы

Словенские диалекты

Лексические корреспонденции русских диалектов со словенскими принадлежат к наиболее выразительным русско-южнославянским параллелям. Общая картина этих ареальных соответствий выглядит следующим образом.

1. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских и словенских диалектах, ср.:

mqk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*; слн. *'muka*, *'muka*, *mó:ka*, *mò:ka*, *'muoka*);

tel-et-in-a к. 23 'мясо телят' (рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'at'ina*; укр. *ty'l'atyna*, *i9'l'at9na*, *ty'l'etyna*, *ty'l'ityna*; блр. *c'i'l'ac'ina*, *c'a'l'ačyna*, *c'a'l'ačyna*; слн. *tələ'tina*, *tele'ti:na*, *te'lietna*, *te'lə:tina*);

корень *xodj-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *pot'xod'it*, *pat'xod'it*, *pat'xod'it*, *pat'xod'a*; укр. *puđ'xodyt*, *s'xodyt*, *pyđ'xodyt*, *p'it*

'xodyt, p'iq'xodyt'; блр. *pat'xoz'ic'*, *pat'xoz'a*, *pat'xoz'a*, *pady'xoz'ic'*; слн. *usxà:ja*, *ps'xa:ja*, *fs'xa:ja*, *s'xa:ja*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в словенских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

melz-iv-o, *melz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молоко-живо' (рус. *mo'loz'ivo*, *ma'loz'ivə*; укр. *mo'lozywo*, *mo'loz9wo*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*; слн. *wam'li:zwa*, *mlé:zva mlájzva*): в словенских диалектах лексемы отмечены в отдельных пунктах доленских (п. 14), горенских (пп. 7, 9), ровтарских говоров (пп. 6, 8), а также в говорах Каринтии (п. 146); в белорусских диалектах они распространены преимущественно в северо-восточной группе говоров (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), а также в отдельных среднебелорусских (пп. 338, 347, 393, 398) и западнополесских говорах (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем в словенских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina*, *ga'v'a-d'inə*, *γə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna*, *hov'jad9na*, *hɔɲ'jadyna*; блр. *ya'v'a-z'ina*, *ya'v'ažyna*, *yɨ'v'az'ina*; слн. *go'vɛ:dina*, *gɔ'vɛ:dina*, *gu'vɛ:dina*): в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 397, 398), юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говорах (п. 382); в украинских диалектах она представлена в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), а также в отдельных пунктах юго-западных говоров (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах, тогда как в словенских, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ka'rytə*; укр. *ko'r9to*, *ko'reto*; блр. *ka'ryta*; слн. *ku'ritu*, *kurɛ:t*): в словенских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах прекурских (пп. 21, 149) и доленских говоров (п. 16); в белорусских диалектах она встречается в северо-восточных (пп. 348, 350, 359, 370) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 346, 347, 377, 387, 389); в украинских – главным образом в говорах юго-западного наречия (пп. 419, 427, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469,

470, 471, 483, 484, 485, 486, 487, 496, 497, 498, 499, 506, 516, 522, 523, 524), а также в отдельных пунктах полесских (пп. 405, 417, 439, 446) и юго-восточных говоров (пп. 481, 491, 505, 508, 511, 513);

za-utr-ъk-ъ, *za-utr-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. 'zaftrak', 'zaftræk', 'zaftrók', 'zaftr'ik, 'zaftr'æk; укр. 'zautrik', 'zautryk', блр. 'zautryk', 'zautr'ik; слн. 'za:jtrk', 'za:jtrék'); в словенских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах прекурских (пп. 21, 149) и паннонских говоров (п. 20); в белорусских диалектах — в некоторых северо-восточных говорах (пп. 334, 335, 350, 371, 381); в украинских в отдельных пунктах полесских (п. 446) и юго-западных говоров (п. 524);

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус. 'salo', 'salə; укр. 'salo; блр. 'sala; слн. 'sa:lə); в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в приморских говорах (п. 11); в украинских диалектах она отмечена лишь в двух пунктах, граничащих с русскими диалектами — пп. 445, 849; в белорусских — в некоторых северо-восточных (пп. 332, 342, 347, 350, 351, 352, 359, 368, 370, 379), юго-западных (пп. 366, 375, 377, 390, 394) и среднебелорусских говорах (пп. 392, 398);

nož-ič-ъk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. 'nožыč'ek, 'nožыč'ok, 'nožыč'æk; укр. 'nožыčok, 'nožыčok; блр. 'nožыčak, 'nožыčыk; слн. *no'ži:čæk, naži:čk*); в словенских диалектах лексема известна в некоторых ровтарских (п. 8) и белокраинских говорах (п. 15); в украинских диалектах она получила наиболее широкое распространение в юго-восточных говорах (пп. 491, 495, 501, 503, 505, 508, 510, 512, 513, 515, 518, 519, 520, 521), а также в некоторых полесских (пп. 403, 425, 435, 442, 446, 447, 462, 463) и юго-западных (пп. 412, 416, 465, 472, 499, 500, 506); в белорусских диалектах лексема распространена главным образом в северо-восточных говорах (пп. 330, 332, 333, 334, 335, 341, 349, 351, 352, 368, 379, 380), но иногда встречается в некоторых юго-западных (пп. 337, 345, 353, 354, 355, 375, 386) и среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 367, 397, 399, 400).

5. Обширный арсал корреспондирующих лексем в восточно-славянских диалектах и ограниченный в словенских, ср.:

svin-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'i'n'ina, sv'i'n'ina*; укр. *svy'ny-na, sv9'nyna*; блр. *svы'нына*; слн. *svini:na, sve'ni:na*); в словенских диалектах лексема отмечена в некоторых приморских (пп. 2, 5), ровтарских (п. 8), доленских (пп. 15, 16) и штаерских говорах (п. 17);

съ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'i'tana, s'm'a'tana*; укр. *sme'tana, sm9'tana, smy'tana*; блр. *s'm'a'tana, s'm'a'tana*; слн. *s'mie:tana, smé:tana, smé:tana*); в словенских диалектах лексема встречается в

отдельных приморских (пп. 1, 5), горенских (п. 7), ровтарских (п. 8), костелских (п. 13), белокраинских (п. 15) и штаерских говорах (п. 19);

kys-yl-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *k'islyj*, *k'isloj*, *t'islyj*; укр. *kyslyj*, *kisty*, *k'isli*, *kysly*; блр. *k'islyj*, *k'istyj*; слн. *ki:səl*, *kisel*): в словенских диалектах лексема зафиксирована в отдельных белокраинских (п. 15), штаерских (п. 19), паннонских говорах (п. 20);

sad-l-o к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *'salo*, *'sala*; укр. *'salo*, *salq*; блр. *'sala*; слн. *'salo*, *'salya*): в словенских диалектах лексема встречается в отдельных приморских (п. 3) и белокраинских говорах (п. 15);

nož-ik-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус. *'nožyk*; укр. *'nožyk*, *'nož'ik*, *'nož9k*; блр. *'nožyk*, *nažok*; слн. *'nožik*): в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в штаерских говорах (п. 17);

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'e'lok*, *b'e'lok*, *b'i'lok*; укр. *bi'lok*, *by'lok*; блр. *b'a'lok*, *by'lok*; слн. *beló:ʔ*): в словенских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте в Каринтии (п. 148);

съ-var-i-ть к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it*, *s'var'it'*; укр. *zva'ryt*, *z'varyt'*; блр. *z'varyc'*; слн. *z'uari*): в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в говорах Каринтии (п. 148).

6. Широкое распространение корреспондирующих лексем в словенских, украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских их ареал является ограниченным, ср.:

съ-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *sp'e'č'ot*, *sp'e'k'ot*, *sp'a'k'ot*, *sp'a'k'et*; укр. *spe'če*, *sp9'če*, *spy'če*; блр. *s'p'a'če*, *s'p'a'čoc*, *s'p'a'čec*; слн. *s'peče*, *spjéče*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в западной группе русских говоров (Пск. пп. 606, 628, 651, 653, 655, 675, 710, 711; Новг. пп. 608, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Твер. пп. 693, 696, 697, 698, 713, 714, 715, 726а, 727; Смол. пп. 747, 748, 750, 760, 761, 771, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 812, 813); кроме того, она спорадически встречается в севернорусских (Арх. пп. 536, 542; Ладого-Тихвин. пп. 562, 563, 564, 585, 607; Волог. пп. 567, 568; Ярослав. п. 682; Костром. п. 690) и южнорусских диалектах (Калуж. п. 787; Орл. пп. 801, 803, 817, 825; Курск. пп. 823, 830, 831, 833; Белгор. пп. 841, 844, 845, 848).

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в словенских и русских их ареал является ограниченным, ср.:

съ-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'i'tana*, *s'm'e'tana*, *s'm'a'tana*; укр. *sm9'tana*, *sm'y'tana*; блр. *s'm'i'tana*, *s'm'a'tana*; слн. *s'mię:tana*, *smé:ta-*

па): в словенских диалектах лексема отмечена в некоторых приморских (пп. 5, 11, 12), ровтарских (пп. 6, 8), штаерских (п. 19), доленских говорах (пп. 13, 15), а также в говорах Каринтии (п. 147); в русских диалектах она имеет дисперсный ареал в южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 762, 784; Брян. пп. 798, 811, 813, 814; Калуж. пп. 763, 788, 789; Тул. пп. 777, 791; Ряз. п. 793; Орл. пп. 802, 803, 816; Белгор. п. 846), в севернорусских (Арх. пп. 529, 536, 553, 570; Волог. пп. 598, 612, 617; Костром. пп. 671, 686; Яросл. п. 702; Ладого-Тихвин. п. 560) и среднерусских (Новг. пп. 608, 634; Пск. пп. 628, 629; Владимир.-Поволж. пп. 742, 743, 765, 770);

//aj-ъč-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje (рус. *ja'ječka, je'ječ'ka*; укр. *ja'ječko, jaječ'ko*; блр. *ja'ječka, ja'ječko*; слн. *'jejčkȳa*): в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в приморских говорах (п. 3); в русских диалектах она распространена в основном в южнорусских говорах (Смол. пп. 746, 748, 758, 761, 771, 784; Брян. пп. 786, 797, 799, 811, 812, 822; Калуж. пп. 774, 787, 788; Белгор. п. 841), а также в некоторых среднерусских (Пск. п. 692; Твер. п. 726а; Моск. п. 720) и севернорусских (Арх. пп. 529, 544; Волог. пп. 592, 645).

8. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в украинских диалектах, тогда как в словенских, русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

(*šmal*)-ъс-ъ к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; укр. *š'maľyc', s'maľyc', s'maľec'*; блр. *š'mal'ic', š'mal'ec*; слн. *šmā:ȳc, žma:ȳc*): в словенских диалектах лексема зафиксирована в восточноштайерских говорах (пп. 16, 18, 19), а также в говорах Каринтии (п. 147); в русских диалектах она локализуется в основном в южнорусских говорах (Брян. пп. 786, 798, 811, 812, 822; Орл. пп. 801, 802, 815; Курск. пп. 830, 831, 832, 833; Ворон. п. 834; Белгор. пп. 838, 841, 845, 848); в белорусских диалектах – в некоторых северо-восточных (пп. 328, 333, 348, 371), полесских (пп. 362, 372, 373, 374, 382, 383, 389) и среднебелорусских говорах (пп. 399, 400).

9. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и обширный в словенских, ср.:

kraj-ъс-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajic*; укр. *k'raec*; блр. *k'raic*; слн. *krajc, k'ra:jac, krā:jc*): в русских диалектах лексема отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Смол. п. 771; Курск. п. 830); в белорусских диалектах – в отдельных пунктах северо-восточных (пп. 329, 360, 379), среднебелорусских (п. 393) и западнополесских говоров (п. 395); в украинских – лишь в единичном полесском пункте (п. 384).

10. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в словенских диалектах, ср.:

žir-ъ к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *žyr*; укр. *žyr*; блр. *žyr*; слн. *ži:r*): в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в прекмурских говорах (п. 149); в русских диалектах она распространена преимущественно в южнорусских говорах (Смол. п. 747; Ряз п. 795; Тул. п. 804; Липец.п. 819; Белгор.п. 845), реже – в севернорусских (Костром. п. 709; Яросл п. 683); в украинских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнополесских говоров (пп. 384, 407); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в юго-западных (пп. 336, 365, 376, 386, 391), среднебелорусских (пп. 347, 357, 387, 393) и северо-восточных говорах (пп. 342, 369, 378);

lup-in-a, *lup-in-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'пуна*, *lu'пуу*; блр. *lu'p'ina*, *lu'p'iny*; слн. *lu'pina*, *lu'p:ne*): в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в ровтарских (п. 8) и прекмурских говорах (п. 149); в русских диалектах она зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Литвы (п. 525); в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 413, 419, 420, 427, 428, 429, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 489, 498, 506, 524), реже в западнополесских (пп. 361, 401, 404, 405, 411); в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых юго-западных (пп. 336, 337, 343, 344, 345, 353, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 374, 382, 383, 391) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 338, 339, 346, 347, 357, 396).

Ареалогический анализ русско-словенских лексических параллелей свидетельствует о том, что в словенских диалектах большинство из корреспондирующих лексем имеет ограниченный ареал (из 23 соответствий на их долю приходится 17, причем большая часть их локализуется в приморских, штаерских, ровтарских, прекмурских, паннонских говорах, а также в говорах Каринтии), тогда как в русских, украинских и белорусских диалектах эти лексические соответствия представлены чаще всего обширными ареалами. В тех случаях, когда в русских диалектах лексические соответствия имеют ареальные ограничения, они локализуются чаще всего в говорах южнорусского наречия (особенно в их западной группе).

В целом в ареальном распределении русско-словенских лексических параллелей прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные

ареалы, то в словенских диалектах их ареалы являются, как правило, ограниченными (см. пп. 2, 4-5), тогда как в украинских и белорусских диалектах они не имеют ареальных ограничений (см. пп. 1-2, 5); если же эти соответствия в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в словенских, украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 7-10).

Взгляд на эту ситуацию с позиции словенских диалектов дает иную картину, а именно: если в словенских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских, украинских и белорусских диалектах они также являются масштабными (см. пп. 1, 3, 6); если же в словенских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских и украинских диалектах эти ареалы являются обширными, тогда как в белорусских диалектах они могут быть как ограниченными, так и обширными (см. пп. 2, 4-5, 7-8, 10).

Хорватские диалекты

Русско-хорватские лексические параллели характеризуются следующими особенностями.

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в хорватских диалектах, ср.:

tel-ēt-in-a к. 23 'мясо теленка' (рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*; укр. *ty'l'atyna*, *t9'l'atma*, *ty'l'etyna*; блр. *c'a'l'ačyna*, *c'a'l'ačyna*; хрв. *te'letina*, *te'le:ti na*, *ta'l'ē:tina*, *te'lā:tina*, *te'le:tina*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в хорватских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

meľz-iv-o, *meľz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молоко живо' (рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'ivə*, *ma'loz'ivə*; укр. *mo'lozywo*, *mo'loz9-wo*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*; хрв. *m'leživo*, *mlē:zivo*, *m'leživē*): в хорватских диалектах лексемы встречаются в отдельных кайкавских (пп. 28, 29, 30, 31, 32, 35) и чакавских говорах (пп. 44, 146а); в белорусских диалектах они распространены преимущественно в северо-восточных говорах (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), а также в некоторых среднебелорусских (пп. 338, 347, 393, 398) и западнополесских (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383);

škar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky*, *šk'vark9*, блр. *šk'vark'i*; хрв. *škȃ:rki*): лексема имеет точеч-

ный ареал в хорватских диалектах (п. 44) и дисперсный в белорусских юго-западных (пп. 363, 364, 365, 373, 374, 383, 386, 391), северо-восточных (пп. вост 327, 335, 359, 379) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 367, 377).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем в хорватских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

jbz-peč-e-ľ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'e'č'ot*, *isp'e'čot*, *isp'a'čot*, *isp'i'č'ot*; укр. *ispe'č'e*, *yspe'če*; блр. *ispe'če*, *is'p'a'če*; хрв. *is'peče*, *ispq:če*, *ispēče*): в белорусских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнополесских (пп. 363, 395), северо-восточных (п. 368) и среднебелорусских говоров (п. 399); в украинских — в закарпатских (пп. 467, 483) и восточнополесских говорах (п. 441);

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina*, *ga'v'a-d'inə*, *γə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna*, *hov'jadyna*, *haγ'jadyna*; блр. *γa'v'a-z'ina*, *γa'v'ažyna*; хрв. *go'vedina*, *go'vę:dina*, *go'vǎ:dina*): в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 397, 398), юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говорах (п. 382); в украинских диалектах она присутствует в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), реже — в говорах юго-западного наречия (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских диалектах, тогда как в хорватских, украинских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ka'ryto*; укр. *ko'r9to*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; хрв. *ko'rīto*, *ko'rīte*): в хорватских диалектах лексема встречается в некоторых кайкавских (пп. 30, 32, 35, 153), штокавских (пп. 39, 40, 41, 52, 150) и чакавских говорах (п. 147а); в украинских диалектах она имеет дисперсный ареал в говорах юго-западного наречия (пп. 419, 427, 448, 449, 450, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 483, 484, 485, 486, 487, 496, 497, 498, 499, 506, 516, 522, 523, 524), в отдельных полесских говорах (пп. 405, 417, 439, 446) и в говорах юго-восточного наречия (пп. 481, 491, 505, 508, 511, 513); в белорусских диалектах лексема отмечена в основном в северо-восточных (пп. 348, 350, 359, 370) и среднебелорусских говорах (пп. 331, 346, 347, 377, 387, 389);

za-utr-ъk-ъ, za-utr-ъk-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. 'zaftrak, 'zaftræk, 'zaftrók, 'zaftr'ík, 'zaftr'æk; укр. 'zafutrik, 'zafutryk; блр. 'zafutryk, 'zafut'ík; хрв. 'zajtrék): в хорватских диалектах лексема имеет точечный ареал в кайкавских говорах (п. 31); в белорусских диалектах она отмечена в некоторых северо-восточных говорах (пп. 334, 335, 350, 371, 381); в украинских – в отдельных пунктах полесских (п. 446) и юго-западных говоров (п. 524).

5. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченный в хорватских, ср.:

mqk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*; хрв. *mu'ka*, *mqo:'ka*, *'mqo:ka*): в хорватских диалектах лексема распространена в латеральных зонах чакавских говоров (пп. 22, 23, 24, 25, 26, 37, 42, 43, 44, 44а, 56, 146а, 147а, 148а), а также в отдельных пунктах штокавских (п. 65, 150) и кайкавских говоров (п. 153);

gqs-et-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус. *gu's'at'ina*, *gu's'et'ina*, *yu's'at'ina*; укр. 'hus'at'ina, hu's'atyna; блр. *yu's'atyna*, *yu's'ac'ina*, *yu's'ačyna*; хрв. 'gusetina, gusa'tina, gu'se:tina): в хорватских диалектах лексема известна в некоторых кайкавских говорах (пп. 26, 29, 30, 31, 32);

var-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. 'var'it, va'r'it'; укр. 'varyt', va'ryt', va'r'it, 'vare; блр. 'varyc', 'vara, 'var'ic', 'varyt, 'varyt'; хрв. *vā:ri*, *vā:ri:*): в хорватских диалектах лексема встречается в латеральной зоне штокавских говоров (пп. 33, 45);

sv-var-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it*, *s'war'it*, *s'var'it*; укр. *zva'ryt*, *z'varyt*; блр. *z'varyc*, *z'varyt*; хрв. *zva'ri*, *svā:ri*, *svā:ri:*): в хорватских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах кайкавских (пп. 31, 32), штокавских (пп. 33, 40, 41, 45, 150) и чакавских говоров (п. 56);

производные с корнем *hoxj-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *pot'xod'it*, *pat'xod'it*, *pat'xod'it*; укр. *pud'xodyt*, *pyd'xodyt*, *p'it'xodyt*; блр. *pat'hoz'ic*, *paды'hoz'ic*; хрв. *sxā:jg*, *zahā:ja*): в хорватских диалектах дериваты с этим корнем встречаются в отдельных пунктах кайкавских (пп. 27, 29) и чакавских говоров (п. 148а).

6. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в хорватских и русских их ареал имеет ограниченный характер, ср.:

sv-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *sp'eč'ot*, *sp'a'k'ot*, *sp'a'k'et*, *sp'ič'ot*; укр. *spe'če*, *sp'č'e*, *spy'če*; блр. *s'p'a'če*, *s'p'a'čoc*, *s'p'a'čec*; хрв. *spe'če*, *spečē:*, *spā:če*): в хорватских диалектах лексема зафиксирована в некоторых кайкавских (пп. 28, 29, 30, 31, 32, 35, 153) и чакавских говорах (пп. 22, 23, 24, 25, 37, 147а, 148а); в рус-

сих диалектах она распространена преимущественно в западной группе русских говоров (Пск. пп. 606, 628, 651, 653, 655, 675, 710, 711; Новг. пп. 608, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Твер. пп. 693, 696, 697, 698, 713, 714, 715, 726а, 727; Смол. пп. 747, 748, 750, 760, 761, 771, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 812, 813) и sporadически встречается в севернорусских (Арх. пп. 536, 542; Ладого-Тихвин. пп. 562, 563, 564, 585, 607; Волог. пп. 567, 568; Ярослав. п. 682; Костром. п. 690) и южнорусских говорах (Калуж. п. 787; Орл. пп. 801, 803, 817, 825; Курск. пп. 823, 830, 831, 833; Белгор. пп. 841, 844, 845, 848);

съ-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'itana*, *s'm'e'tana*, *sm'a'tanə*; укр. *sm'itana*, *sm'y'tana*; блр. *s'm'itana*, *s'm'a'tana*; хрв. *sm'e'tana*); в хорватских диалектах лексема имеет точечный ареал в чакавских говорах (п. 148а); в русских диалектах она локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе (Смол. пп. 746, 762, 784; Брян. пп. 798, 811, 813, 814; а также в Калуж. пп. 763, 788, 789; Тул. пп. 777, 791; Ряз. п. 793; Орл. пп. 802, 803, 816; Белгор. п. 846); кроме того, она отмечена в некоторых севернорусских (Арх. пп. 529, 536, 553, 570; Волог. пп. 598, 612, 617; Костром. пп. 671, 686; Ярослав. п. 702; Ладого-Тихвин. п. 560) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 634; Пск. пп. 628, 629; Владимир.-Поволж. пп. 742, 743, 765, 770).

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских диалектах, тогда как в хорватских, русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

пѣкт-ѣв-а, пѣкт-ѣв-у к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. 'поѣ'вы, 'нос'v'i, 'поѣ'вы, паѣ'ва; укр. 'поѣ-ву, 'поѣ'vi; блр. 'поѣ'вы, 'поѣ'вы; хрв. 'паѣ'vi, 'пиѣ'ве, паѣ'ве); в хорватских диалектах лексема встречается в некоторых чакавских (пп. 22, 25, 56, 146а, 148а), штокавских (пп. 33, 36, 45, 52) и кайкавских говорах (пп. 27, 28); в русских диалектах она локализуется преимущественно в южнорусских говорах (Смол. пп. 729, 746, 748, 749, 750, 760, 761, 771, 784, 785; Калуж. пп. 764, 774, 775, 776, 787, 788, 789; Брян. пп. 797, 800, 814, 822; Курск. пп. 823, 824, 830, 831, 833, 837; Орл. пп. 802, 803, 815, 816, 817; Тул. п. 790; Белгор. пп. 841, 844, 848), реже — в севернорусских (Арх. пп. 573, 574; Волог. пп. 600, 618, 621, 641, 642, 643, 644, 648, 668; Костром. пп. 647, 667, 670, 689, 690, 707, 709; Ярослав. пп. 665, 666, 682, 683, 684, 702, 704) и среднерусских (Пск. пп. 651, 655, 710; Твер. пп. 696, 714, 727; Моск. п. 751); в белорус-

ских диалектах лексема встречается чаще всего в говорах юго-западного наречия (пп. 344, 353, 356, 363, 364, 366, 374, 375, 376, 382, 385, 389, 395), реже в северо-восточных (пп. 334, 352, 360, 371, 381) и среднебелорусских (пп. 346, 357, 367, 377);

(*šmal*)-ьс-ь: к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *s'mal'ec*, *s'mal'ic*; укр. *š'malyč*, *s'malyč*, *s'mal9c*; блр. *š'mal'ic*, *š'mal'ec*; хрв. *ž'maloc*); в хорватских диалектах лексема имеет точечный ареал в чакавских говорах (п. 24); в русских диалектах она локализуется в основном в южнорусских говорах (Брян. пп. 786, 798, 811, 812, 822; Орл. пп. 801, 802, 815; Курск. пп. 830, 831, 832, 833; Ворон. п. 834; Белгор. пп. 838, 841, 845, 848); в белорусских диалектах — в некоторых северо-восточных (пп. 328, 333, 348, 371), полесских (пп. 362, 372, 373, 374, 382, 383, 389) и среднебелорусских говорах (пп. 399, 400).

8. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в хорватских диалектах, ср.:

kraj-ьс-ь к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'rajic*; укр. *k'rač*; блр. *k'raic*, *k'rajec*; хрв. *k'ra'jec*); в хорватских диалектах лексема имеет точечный ареал в кайкавских говорах (п. 31); в русских диалектах она отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Смол. п. 771; Курск. п. 830); в белорусских диалектах — в некоторых северо-восточных (пп. 329, 360, 379, юго-западных (п. 395) и среднебелорусских говорах (п. 393), в украинских диалектах — в единичном пункте полесских говоров (п. 384);

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka*; блр. *lus'ka*; хрв. *lūska*, *lūska*); в хорватских диалектах лексема зафиксирована в некоторых кайкавских (п. 26) и штокавских говорах (пп. 40, 41, 52, 150); в русских диалектах она имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 580); в украинских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах полесских говоров (п. 418); в белорусских — на севере юго-западных (п. 337).

В целом следует признать, что русско-хорватские лексические параллели в хорватских диалектах представлены чаще всего ограниченными ареалами (из 18 соответствий на их долю приходится 15, причем они локализируются в основном в кайкавских и чакавских говорах), тогда как в русских диалектах — обширными (в тех редких случаях, когда корреспондирующие лексемы имеют ареальные ограничения в русских диалектах, они локализируются чаще всего в южнорусских говорах). Ситуация в украинских и белорусских диалектах неоднозначная (в украинских диалектах большинство из коррес-

пондирующих лексем имеет обширные ареалы, а в белорусских — ограниченные).

В целом в ареальном распределении выявленных лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в хорватских их ареалы чаще всего локально ограничены (см. пп. 2, 4-5); в украинских диалектах они, как правило, не имеют ареальных ограничений (см. пп. 1-2, 5); в белорусских эти соответствия могут иметь как обширные, так и ограниченные ареалы (см. пп. 1-5); если же лексические корреспонденции в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в хорватских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 6-8), а в украинских они имеют часто обширные ареалы (см. пп. 6-7).

Взгляд на эту ситуацию с позиции хорватских диалектов дает иную картину, а именно: если в хорватских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских диалектах они также являются масштабными (см. пп. 1, 3), а в украинских и белорусских они могут быть представлены как обширными, так и ограниченными ареалами (см. пп. 1, 3); если же в хорватских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских и украинских диалектах эти ареалы являются обширными, тогда как в белорусских диалектах они могут быть как ограниченными, так и обширными (см. пп. 2, 4-8).

Сербские диалекты

Русско-сербские лексические параллели так же, как и русско-словенские, относятся к числу наиболее выразительных в южнославянском языковом континууме. Их характеризуют следующие особенности.

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских и сербских диалектах, ср.:

tel-et-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'at'ina*; укр. *ty'l'atyna*, *t9'l'atma*, *ty'l'etyna*; блр. *c'il'ac'ina*, *c'a'l'ačyna*, *c'a'l'ačyna*; серб. *téletina*, *te'letina*, *te'l'etina*);

sv-var-i-ty к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it*, *s'var'it'*; укр. *zva'ryt*, *z'varyt'*; блр. *z'varyc*, *z'varyt*; серб. *s'vari*, *svà:ri:*, *s'vq:ri:*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в сербских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

jъz-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'eč'ot*, *isp'ečot*, *isp'ačot*; укр. *ispeč'e*, *ispeče*; блр. *ispeče*, *is'p'ače*; серб. *ispéče*, *ispeče*, *ispeče*); в белорусских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнополесских (пп. 363, 395), северо-восточных (п. 368) и среднебелорусских говоров (п. 399); в украинских – в закарпатских говорах (пп. 467, 483) и восточнополесских (п. 441);

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina*, *go'v'a-d'inə*, *ga'v'ad'ina*, *ʎə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna*, *hov'jadyna*, *həv'jadyna*; блр. *ʎa'v'až'ina*, *ʎa'v'ažyna*, *ʎo'ʎaz'ina*; серб. *góvedina*, *govédina*): в белорусских диалектах лексема отмечена в некоторых северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 397, 398), юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говорах (п. 382); в украинских диалектах она распространена в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), реже – в говорах юго-западного наречия (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах, тогда как в сербских, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

got-ov-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *go'tov'it*, *go'tov'it*, *ʎa'tov'it*; укр. *ho'tovyt*, *ho'tovyt*; блр. *ʎa'tov'ic*, *ʎa'tov'a*; серб. *góto-vi*): в сербских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух штокавских пунктах на территории Боснии и Герцеговины (пп. 50, 58); в украинских диалектах она встречается в некоторых говорах Левобережной Украины (пп. 493, 494, 502, 503, 517, 520, 521), Полесья (п. 443) и в юго-западных говорах (п. 485); в белорусских – в северо-восточных говорах (пп. 334, 335, 349, 350).

4. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченный в сербских, ср.:

mъk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*; серб. *mu'ka*, *mú:ka*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в некоторых штокавских говорах Черногории (пп. 71, 72, 77), а также в отдельных пунктах призенско-тимокских говоров (п. 87);

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'e'lok*, *b'e'lok*, *b'i'lok*, *b'a'lok*; укр. *bi'lok*, *bi'lok*, *by'lok*, *bɣ'lok*; блр. *b'a'lok*, *b'i'lok*, *by'lok*; серб. *bé:lak*, *belú:tak*): в сербских диалектах лексема встречается в отдельных призенско-тимокских говорах (пп. 79, 83, 88);

var-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *'var'it*, *va'r'it*; укр. *'va-ryt*, *va'rɣt*, *'vare*; блр. *'varыc*, *'varыt*, *'varыt*; серб. *và:ri*, *'vq:ri*, *'vq:-*

ri): в сербских диалектах лексема зафиксирована в отдельных штокавских говорах Боснии (пп. 46, 51, 57, 58, 59), Черногории (пп. 71, 72, 73, 74, 75, 77) и южной Сербии (пп. 79, 82, 84, 85, 86, 87, 88);

съ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. *s'm'e'tana*, *sm'i'tana*, *s'm'a'tanə*; укр. *sme'tana*, *sm9'tana*, *smu'tana*; блр. *s'm'a'tana*, *s'm'a'tana*, *s'm'i'tana*, *smu'tana*; серб. *sme'tana*): в сербских диалектах лексема отмечена в призренско-тимокских говорах (пп. 86, 87), а также в говорах на территории Румынии (пп. 168, 169).

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем в сербских и украинских диалектах, тогда как в русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

пѣкт-ѡв-а, пѣкт-ѡв-у к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *'ноѣ'вы*, *'ноѣ'вы*, *паѣ'ва*; укр. *'ноѣву*, *'ноѣви*; блр. *'ноѣвы*, *'ноѣвы*; серб. *паѣве*, *паѣве*, *паѣева*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в южнорусских (Смол. пп. 729, 746, 748, 749, 750, 760, 761, 771, 784, 785; Калуж. пп. 764, 774, 775, 776, 787, 788, 789; Брян. пп. 797, 800, 814, 822; Курск. пп. 823, 824, 830, 831, 833, 837; Орл. пп. 802, 803, 815, 816, 817; Тул. п. 790; Белгор. пп. 841, 844, 848), севернорусских (Арх. пп. 573, 574; Волог. пп. 600, 618, 621, 641, 642, 643, 644, 648, 668; Костром. пп. 647, 667, 670, 689, 690, 707, 709; Яросл. пп. 665, 666, 682, 683, 684, 702, 704) и среднерусских говорах (Пск. пп. 651, 655, 710; Твер. пп. 696, 714, 727; Моск. п. 751); в белорусских диалектах она распространена в некоторых юго-западных (пп. 344, 353, 356, 363, 364, 366, 374, 375, 376, 382, 385, 389, 395), северо-восточных (пп. 334, 352, 360, 371, 381) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 357, 367, 377).

6. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в сербских и русских диалектах их ареал имеет ограниченный характер, ср.:

съ-пеѣ-е-тъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *sp'e'č'ot*, *sp'a'k'ot*, *sp'i'č'ot*; укр. *spe'če*, *sp9'če*, *spy'če*; блр. *s'p'a'čoc*, *s'p'a'čec*, *s'p'i'k'ec*; серб. *s'peče*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте штокавских говоров на территории Венгрии (п. 151); в русских диалектах лексема распространена преимущественно в западной группе русских говоров (Пск. пп. 606, 628, 651, 653, 655, 675, 710, 711; Новг. пп. 608, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Твер. пп. 693, 696, 697, 698, 713, 714, 715, 726а, 727; Смол. пп. 747, 748, 750, 760, 761, 771, 772, 773, 784, 785; Брян. пп. 797, 799, 812, 813) и sporadически встречается в других русских диалектах – в

севернорусских (Арх. пп. 536, 542; Ладого-Тихвин. пп. 562, 563, 564, 585, 607; Волог. пп. 567, 568; Яросл. п. 682; Костром. п. 690) и южнорусских (Калуж. п. 787; Орл. пп. 801, 803, 817, 825; Курск. пп. 823, 830, 831, 833; Белгор. пп. 841, 844, 845, 848);

съ-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'itana*, *s'm'e'tana*, *sm'a'tana*; укр. *sm'itana*, *sm'ytana*; блр. *s'm'itana*, *s'm'a'tana*; серб. *sme'tana*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в некоторых штокавских говорах на территории Румынии (пп. 168, 169); в русских диалектах она имеет дисперсный ареал в южнорусских (Смол. пп. 746, 762, 784; Брян. пп. 798, 811, 813, 814; Калуж. пп. 763, 788, 789; Тул. пп. 777, 791; Ряз. п. 793; Орл. пп. 802, 803, 816; Белгор. п. 846), севернорусских (Арх. пп. 529, 536, 553, 570; Волог. пп. 598, 612, 617; Костром. пп. 671, 686; Яросл. п. 702; Ладого-Тихвин. п. 560) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 634; Пск. пп. 628, 629; Владимир.-Поволж. пп. 742, 743, 765, 770).

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в сербских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

meľz-iv-o, *meľz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'iwo*, *ma'loz'ivə*; укр. *mo'lozywo*, *mo'loz'wo*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*; серб. *mlē:zivo*): в сербских диалектах лексемы зафиксированы в единичном пункте штокавских говоров на территории Венгрии (п. 151); в белорусских диалектах они встречаются в некоторых северо-восточных (пп. 331, 333, 334, 335, 342, 348, 350, 351, 352, 359, 360, 370, 371, 376, 380, 381), среднебелорусских (пп. 338, 347, 393, 398) и западнopolесских говорах (пп. 362, 363, 372, 373, 374, 382, 383).

8. В сербских, русских, белорусских диалектах корреспондирующие лексемы встречаются sporadически, в украинских — имеют обширный ареал, ср.:

//ēd-j-a к. 54 'еда' (рус. *ježa*, *je'ža*; укр. *jīža*, *jīeža*; блр. *ježa*; серб. *ježa*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте штокавских говоров Черногории (п. 73); в русских диалектах она встречается в отдельных пунктах севернорусских (Волог. пп. 617, 618, 667; Костром. п. 671; Яросл. п. 704) и среднерусских говоров (Твер. п. 726а; Влад. п. 742); в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых северо-восточных (пп. 327, 330, 332, 334, 335, 340, 342, 352), западнopolесских (пп. 372, 374, 375), юго-западных (п. 354) и среднебелорусских говорах (п. 357).

9. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских и обширный в сербских диалектах, ср.:

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka*; блр. *lus'ka*; серб. *lūska*, *lūska*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 580); в украинских диалектах она отмечена в отдельных полесских говорах (п. 418); в белорусских – на севере юго-западных (п. 337).

10. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в сербских диалектах, ср.:

kvas-en-o mēlk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *'kvašeno molo'ko*; укр. *kvas'noji molo'ko*; блр. *k'vasna mala'ko*, *k'vašene molo'ko*; серб. *k'vašeno mle'ko*): в сербских диалектах эта описательная конструкция имеет точечный ареал в призренско-тимокских говорах (п. 87); в русских диалектах – в среднерусских говорах (Горьк. п. 743); в белорусских она встречается в отдельных пунктах западнополесских (п. 372) и юго-западных говоров (п. 337); в украинских диалектах она распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 430, 431, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 487, 488);

sъ-met-an-ъk-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'e'tanka*; укр. *sm'y'tan'ka*, *sm'9'tanka*; блр. *s'm'a'tanka*; серб. *smetā'nka*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в штокавских говорах на территории Венгрии (п. 151); в русских диалектах она встречается в отдельных пунктах севернорусских (Костром. п. 673) и южнорусских говоров (Смол. п. 761); в белорусских – в юго-западных говорах (п. 354); в украинских диалектах – преимущественно в юго-западных говорах (пп. 420, 429, 430, 432, 452, 465, 498);

lup-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'pyna*; блр. *lu'p'ina*; серб. *lūpina*): в сербских диалектах лексема отмечена в единичном пункте штокавских говоров (п. 48); в русских диалектах она зафиксирована в русских старожильческих говорах Литвы (п. 525); в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 412, 413, 419, 420, 427, 428, 429, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 489, 498, 506, 524), реже – в западнополесских (пп. 361, 401, 404, 405, 411); в белорусских диалектах она распространена в некоторых юго-западных (пп. 336, 337, 343, 344, 345, 353, 355, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 374, 382, 383, 391) и среднелитовских говорах (пп. 331, 338, 339, 346, 347, 357, 396);

//*ěd-j-en-ěj-e* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jíd'a'n':o*; укр. *jižyn'a*, *jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; серб. *jedeње*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте призренско-тимокских говоров (п. 87); в русских диалектах – в отдельном пункте среднерусских говоров (Твер. п. 713); в белорусских – в юго-западных (п. 337); в украинских диалектах она распространена в ряде юго-западных говоров (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468).

Ареалогический анализ русско-сербских лексических соответствий свидетельствует о том, что в сербских диалектах они представлены чаще всего ограниченными ареалами корреспондирующих лексем (из 19 соответствий на их долю приходится 13, причем они локализируются в основном в штокавских говорах Черногории), тогда как в русских – обширными (в тех случаях, когда корреспондирующие лексемы в русских диалектах ареально ограничены, они имеют, как правило, дисперсный ареал). В украинских и белорусских диалектах ситуация складывается по-разному: в украинских – большинство корреспондирующих лексем имеют обширные ареалы, а в белорусских – ограниченные.

В целом в ареальном распределении выявленных лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в сербских их ареалы чаще всего локально ограничены тогда как в украинских и белорусских диалектах они, как правило, не имеют ареальных ограничений (см. пп. 1, 4, 7); если же лексические корреспонденции в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в сербских и белорусских диалектах они также локально ограничены, а в украинских они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 5-6, 8-10).

Взгляд на эту ситуацию с позиции сербских диалектов выявляет следующую картину: если в сербских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских они также являются масштабными (см. пп. 1-2), тогда как в белорусских диалектах они, как правило, имеют ограниченные ареалы (см. пп. 2, 5, 9), а в украинских они могут иметь как обширные, так и ограниченные ареалы (см. пп. 1-2, 5, 9); если же в сербских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских и белорусских диалектах они могут быть как обширными, так и ограниченными (см. пп. 3-4, 6-8, 10), а в украинских, как правило, обширными (см. пп. 4, 6-8).

Македонские диалекты

Македонско-русские лексические соответствия представлены значительно скромнее, при этом их характеризуют следующие особенности.

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских и македонских диалектах, ср.:

var-i-tь к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. 'var'it, va'r'it'; укр. 'va-ryt', va'ryt', va'r9t; блр. 'varyc', 'varyt'; мак. *varit, vari, vare*);

сь-var-i-tь к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *s'var'it, s'var'it'*; укр. *z'varyt', z'var9*; блр. *z'varyc', z'varyt*; мак. *sfarit, sfari, sfare*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в македонских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

jъz-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'e'č'ot, isp'a'čot*; укр. *ispe'č'e, ispe'če*; блр. *ispe'če, is'p'a'če*; мак. *ispečet, ispečit, ispeče, ispeči*): в белорусских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах западнopolесских (пп. 363, 395), северо-восточных (п. 368) и среднебелорусских говоров (п. 399); в украинских – в некоторых закарпатских (пп. 467, 483) и восточнополесских говорах (п. 441);

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус. 'salo, 'sala, 'salə; укр. 'salo; блр. 'sala, 'salo; мак. *salo*): в украинских диалектах лексема отмечена лишь в двух пунктах, граничащих с русскими диалектами – пп. 445, 849; в белорусских диалектах она распространена в отдельных северо-восточных (пп. 332, 342, 347, 350, 351, 352, 359, 368, 370, 379), юго-западных (пп. 366, 375, 377, 390, 394) и среднебелорусских говорах (пп. 392, 398).

3. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченный в македонских, ср.:

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'i'lok, b'a'lok*; укр. *bi'lok, bi'lok, by'lok, b9'lok*; блр. *b'e'lok, b'a'lok, b'i'lok, by'lok*; мак. *belok, beltak*): в македонских диалектах лексема зафиксирована в некоторых западных и юго-западных говорах Эгейской Македонии (пп. 90, 96, 99, 106, 107, 108, 109);

žълt-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol'tok, ž'el'tok, žal'tok, žы-l'tok*; укр. *žou'tok, žou'tok, žu9'tok*; блр. *žau'tok, žau'tok, žou'tok*; мак. *žoltak, žaltak, žaltuk, 'žəltuk*): в македонских диалектах лексема отмечена в некоторых западных и юго-западных говорах Эгейской Македонии (пп. 96, 99, 106, 107, 108, 109);

gor-et-j-ъ к. 48 'горячий' (о воде) (рус. *go'r'ač'ij, ga'r'ačij, ga'r'ačaj, ja'r'ač'ij*; укр. *ho'r'ač'ij, ho'rečyj, hur'jačyj, ha'račyj*; блр. *ya-račyj, ja'r'ačyj*; мак. *gorešč, gurešč*): лексема встречается в некоторых западных и юго-западных говорах Эгейской Македонии (пп. 96, 106, 107, 108, 109, 110);

tel-et-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус. *t'e'l'at'ina, t'il'at'ina, t'al'at'ina*; укр. *ty'l'atyna, 19'l'atma, ty'l'etyna*; блр. *c'il'ac'ina, c'al'ačyna*; мак. *teletina*): в македонских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте северномакедонских говоров (п. 93).

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем в македонских и украинских диалектах, тогда как в русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

пъ-кѣ-ъу-а, пѣ-кѣ-ъу-у к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *'поč'вы, 'поč'вы, паč'ва*; укр. *'поč'ву, 'поč'vi*; блр. *'поč'вы, 'поč'вы*; мак. *počvi, nokvi, nəkve, 'poč'vi*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в южнорусских (Смол. пп. 729, 746, 748, 749, 750, 760, 761, 771, 784, 785; Калуж. пп. 764, 774, 775, 776, 787, 788, 789; Брян. пп. 797, 800, 814, 822; Курск. пп. 823, 824, 830, 831, 833, 837; Орл. пп. 802, 803, 815, 816, 817; Тул. п. 790; Белгор. пп. 841, 844, 848), севернорусских (Волог. пп. 600, 618, 621, 641, 642, 643, 644, 648, 668; Костром. пп. 647, 667, 670, 689, 690, 707, 709; Ярослав. пп. 665, 666, 682, 683, 684, 702, 704; Арх. пп. 573, 574) и среднерусских говорах (Пск. пп. 651, 655, 710; Твер. пп. 696, 714, 727; Моск. п. 751); в белорусских она распространена в некоторых юго-западных (пп. 344, 353, 356, 363, 364, 366, 374, 375, 376, 382, 385, 389, 395), северо-восточных (пп. 334, 352, 360, 371, 381) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 357, 367, 377).

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в русских диалектах, тогда как в македонских, украинских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср.:

gov-ed-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina, ga'v'a-d'ina, ja'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna, hov'jadyna, hau'jadyna*; блр. *ya'v'a-z'ina, ya'v'ažyna, yu'v'az'ina*; мак. *gojdina*): в македонских диалектах лексема имеет точечный ареал в северномакедонских говорах (п. 93); в белорусских диалектах она распространена в некоторых северо-восточных (пп. 329, 341, 349, 350, 352, 368, 379, 380, 381), среднебелорусских (пп. 346, 347, 357, 397, 398), юго-западных (пп. 336, 385, 386, 390) и полесских говорах (п. 382); в украинских диалектах лексема встречается в основном в говорах Левобережной Украины (пп. 445, 447, 462, 463, 480, 481, 482, 495, 501, 504, 505, 509, 510,

511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 520, 521), реже – в говорах юго-западного наречия (пп. 407, 416, 469, 488, 506, 524).

6. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и обширный в македонских, ср.:

//*ěd-j-en-ŷj-e* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jíd'a'n':o*; укр. *'jižyn'a, 'jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; мак. *jadeŋe, e'de-ŋe, jə'dejne*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Твер. п. 713); в белорусских – в юго-западных (п. 337); в украинских диалектах она распространена в некоторых юго-западных говорах (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468).

7. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в македонских диалектах, ср.:

vyx-x к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *v'er'x*; укр. *verx*; блр. *v'er'x, v'ern, verx*; мак. *vff, vərɤ, vrax*): в македонских диалектах лексема отмечена в некоторых говорах Эгейской Македонии (п. 113) и центральномакедонских (п. 97); в русских диалектах она встречается в отдельных среднерусских (Моск. п. 720) и южнорусских говорах (Смол. п. 771); в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых северо-восточных (пп. 342, 352, 371, 379, 380), среднебелорусских (пп. 397, 398) и западнорусских говорах (п. 374); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 411);

kvas-en-o melf-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *'kvašeno molo-'ko*; укр. *kvas'noji molo'ko, kvas'ne molo'ko*; блр. *k'vasna mala'ko, k'va-šene molo'ko*; мак. *kvase'no mleko, kva'seno mleko*): в македонских диалектах эта описательная конструкция встречается в говорах центральной и южной Македонии (пп. 100, 101, 102); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных среднерусских говорах (Горьк. п. 743); в белорусских – в некоторых западнорусских (п. 372) и юго-западных говорах (п. 337); в украинских диалектах она распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 430, 431, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 487, 488).

В русских диалектах выявленные лексические соответствия имеют, как правило, обширные ареалы, тогда как в македонских их ареалы являются чаще всего ограниченными (причем многие из них локализируются в говорах Эгейской Македонии). Вместе с тем следует отметить, что в отличие от остальных южнославянских диалектов в

них достаточно высока доля лексических соответствий, представленных обширными ареалами (6 соответствий из 13). Такая же ситуация наблюдается в украинских диалектах, тогда как белорусско-македонские соответствия чаще всего представлены ограниченными ареалами.

В тех случаях, когда в русских диалектах выявленные лексические соответствия имеют ограниченные ареалы, они локализуются в основном в южнорусских и среднерусских говорах.

В целом в ареальном распределении русско-македонских лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в македонских они могут иметь как ограниченные, так и обширные ареалы (см. пп. 1-2, 4-5), а в украинских и белорусских диалектах, как правило, обширные (см. пп. 1, 3); если же лексические корреспонденции в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены, а в македонских они могут иметь не только ограниченные, но и обширные ареалы (см. пп. 4, 6-7).

Взгляд на эту ситуацию с позиции македонских диалектов выявляет следующую картину: если в македонских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских они также являются масштабными (см. пп. 1-2), тогда как в белорусских диалектах они, как правило, имеют ограниченные ареалы (см. пп. 2, 4, 6), а в украинских они могут иметь как обширные, так и ограниченные ареалы (см. пп. 1-2, 4, 6); если же в македонских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских диалектах они являются, как правило, обширными (см. пп. 3, 5), тогда как в украинских и белорусских диалектах они могут быть как обширными, так и ограниченными (см. пп. 3, 5, 7).

Болгарские диалекты

Русско-болгарские лексические параллели в общем контексте русско-южнославянских лексических связей являются самыми скромными, при этом их характеризуют следующие особенности.

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских и болгарских диалектах, ср.:

běl'-čk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'e'lok*, *b'e'lok*, *b'i'lok*, *b'a'lok*; укр. *bi'lok*, *bi'lok*, *by'lok*, *b9'lok*; блр. *b'e'lok*, *b'a'lok*, *b'i'lok*; блг. *belo'tək*, *bel'ə'tək*, *belu'tək*, *be'jok*, *be'jək*);

žɛlt-ɤk-ɤ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol'tok*, *ž'el'tok*, *žyl'tok*; укр. *žou'tok*, *žou'tok*; блр. *žau'tok*, *žau'tok*; блг. *žel'tok*, *žal'tak*, *žal'tok*);

gor-ɛt-j-ɤ к. 48 'горячий' (о воде) (рус. *go'r'ač'ij*, *ga'r'ačij*, *ɣa'r'ač'ij*, *ɣa'r'ač'ij*; укр. *ho'r'ač'ij*, *ho'rečyj*, *ha'račej*, *ha'račyj*; блр. *ɣa'račij*, *ɣa'r'ačij*; блг. *gu'rešta*, *gu'rešta*, *gu'r'ašta*, *go'rešta*, *go'rešča*).

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в болгарских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

ɣɤz-peč-e-tɤ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'eč'ot*, *isp'ečot*, *isp'eč'ot*, *isp'ačot*, *isp'ič'ot*; укр. *ispeč'e*, *ispeče*; блр. *ispeče*, *is'p'ače*; блг. *ispeče*, *is'peče*, *ispiče*, *isp'əče*); в белорусских диалектах лексема встречается в некоторых пунктах западнopolесских (пп. 363, 395), северо-восточных (п. 368) и среднебелорусских говоров (п. 399); в украинских – в отдельных закарпатских (пп. 467, 483) и восточнополесских говорах (п. 441).

3. Обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах и ограниченный в болгарских, ср.:

sɤ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. *s'm'e'tana*, *s'm'e'tana*, *sm'i'tana*, *s'm'a'tanə*; укр. *sme'tana*, *sm'ɤ'tana*, *smɤ'tana*; блр. *s'm'a'tana*, *s'm'a'tana*, *s'm'i'tana*, *smɤ'tana*; блг. *sme'tana*); в болгарских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западных (пп. 115, 118, 123), северо-восточных (пп. 128, 135) и юго-восточных говоров (п. 140);

(stokan)-ɤ к. 6 'стакан' (рус. *sto'kan*, *sta'kan*, *stə'kan*; укр. *sto'kan*; блр. *sta'kan*; блг. *stə'kan*); в болгарских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 135).

4. Обширный ареал корреспондирующих лексем в болгарских диалектах и ограниченный в восточнославянских, ср.:

//ɛd-j-en-ɤj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jid'a'n'o*; укр. *'jižyn'a*, *'jižyn'i*; блр. *ja'z'en'a*; блг. *ja'den'e*, *'jadenene*, *'jedene*); в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Твер. п. 713); в белорусских – в юго-западных (п. 337); в украинских диалектах она распространена в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 415, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 448, 449, 465, 466, 468).

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем в болгарских и украинских диалектах, тогда как в русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

ɤɤkt-ɤv-a, ɤɤkt-ɤv-y к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *'noč'vy*, *'noš'vy*, *nač'va*; укр. *'nočvy*, *'nočvi*;

блр. *'nočvy, 'nočvy*; блг. *'nəčvi, 'nəštvi, noč'vi, 'noštvi, 'nuštvi*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в южнорусских (Смол. пп. 729, 746, 748, 749, 750, 760, 761, 771, 784, 785; Калуж. пп. 764, 774, 775, 776, 787, 788, 789; Брян. пп. 797, 800, 814, 822; Курск. пп. 823, 824, 830, 831, 833, 837; Орл. пп. 802, 803, 815, 816, 817; Тул. п. 790; Белгор. пп. 841, 844, 848), севернорусских (Волог. пп. 600, 618, 621, 641, 642, 643, 644, 648, 668; Костром. пп. 647, 667, 670, 689, 690, 707, 709; Яросл. пп. 665, 666, 682, 683, 684, 702, 704; Арх. пп. 573, 574) и среднерусских говорах (Пск. пп. 651, 655, 710; Твер. пп. 696, 714, 727; Моск. п. 751); в белорусских она распространена в некоторых юго-западных (пп. 344, 353, 356, 363, 364, 366, 374, 375, 376, 382, 385, 389, 395), северо-восточных (пп. 334, 352, 360, 371, 381) и среднебелорусских говорах (пп. 346, 357, 367, 377).

6. Широкое распространение корреспондирующих лексем в украинских и белорусских диалектах, тогда как в болгарских и русских их ареал имеет ограниченный характер, ср.:

съ-мет-ан-а к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, sm'a'tanə*; укр. *sm9'tana, smy'tana*; блр. *s'm'i'tana, s'm'a'tana*; серб. *sme'tana*): в болгарских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах западных (пп. 115, 117, 118, 123) и северо-восточных говоров (пп. 128, 135); в русских диалектах она имеет дисперсный ареал в южнорусских (Смол. пп. 746, 762, 784; Брян. пп. 798, 811, 813, 814; Калуж. пп. 763, 788, 789; Тул. пп. 777, 791; Ряз. п. 793; Орл. пп. 802, 803, 816; Белгор. п. 846), севернорусских (Арх. пп. 529, 536, 553, 570; Волог. пп. 598, 612, 617; Костром. пп. 671, 686; Яросл. п. 702; Ладого-Тихвин. п. 560) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 634; Пск. пп. 628, 629; Владимир.-Поволж. пп. 742, 743, 765, 770).

7. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и болгарских диалектах, ср.:

ob-ěd-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *o'b'et*; укр. *o'b'id, ho-'b'id, wo'bid*; блр. *a'b'et*; блг. *u'bet*): в болгарских диалектах лексема имеет точечный ареал в болгарских говорах на территории Румынии (п. 167); в русских диалектах она зафиксирована в некоторых пунктах севернорусских (Арх. пп. 534, 548, 549, 555; Волог. пп. 598, 602) и среднерусских говоров (Горьк. п. 745); в белорусских диалектах лексема встречается в некоторых северо-восточных (пп. 348, 352, 358), юго-западных (пп. 353, 354, 375) и среднебелорусских говорах (п. 339); в украинских диалектах она распространена в отдельных

юго-западных (пп. 415, 430, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 489, 497, 507, 522) и западнополесских говорах (пп. 401, 407, 417);

pol-u-dn-a-j-e-tʲ к. 60 'ест обед' (рус. рус. *pa'lu:n:ajic'*; укр. *po'tud-n'aje*, *pu'tudnaji*; блр. *pa'tudnəjic'*, *pa'tudnaja*; блг. *plan'ni*): в болгарских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 145); в русских диалектах она имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Смол. п. 746); в белорусских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах юго-западных (пп. 353, 354), западнополесских (пп. 362, 375) и северо-восточных говоров (п. 342); в украинских диалектах лексема отмечена в западнополесских (п. 401) и юго-западных говорах (пп. 421, 466, 467, 489);

kvas-en-o mejk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *'kvašeno molo'ko*; укр. *kvas'ne molo'ko*; блр. *k'vašene molo'ko*; блг. *k'vaseno m'l'ako*, *k'vasəno m'l'ako*): в болгарских диалектах эта описательная конструкция встречается в некоторых западных (пп. 121, 125, 132), юго-восточных (пп. 133, 134) и северо-восточных говорах (п. 127), а также в болгарских говорах на территории Румынии (п. 167); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных среднерусских говорах (Горьк. п. 743); в белорусских – в некоторых западнополесских (п. 372) и юго-западных говорах (п. 337); в украинских диалектах она распространена преимущественно в юго-западных говорах (пп. 412, 413, 414, 419, 420, 421, 427, 428, 429, 430, 431, 448, 449, 450, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 484, 485, 487, 488).

Ареалогический анализ русско-болгарских лексических соответствий свидетельствует о том, что в болгарских и русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют как обширные, так и ограниченные ареалы (их соотношение 6:6). Такая же ситуация наблюдается в белорусских диалектах, тогда как в украинских ведущими являются соответствия с обширными ареалами.

В тех случаях, когда в русских диалектах выявленные лексические соответствия имеют ограниченные ареалы, они локализуются в основном в западной группе русских говоров (особенно в смоленских, брянских, тверских); в болгарских диалектах эти локально ограниченные соответствия часто встречаются в северо-восточных, западных и юго-восточных говорах.

В целом в ареальном распределении русско-болгарских лексических параллелей прослеживается следующая закономерность: если в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные

ареалы, то в болгарских, украинских и белорусских диалектах их ареалы также являются масштабными (см. пп. 1-3); если же лексические корреспонденции в русских диалектах не имеют обширных ареалов, то в болгарских, украинских и белорусских диалектах они также локально ограничены (см. пп. 4-7).

Взгляд на эту ситуацию с позиции болгарских диалектов выявляет следующую картину: если в болгарских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, то в русских и украинских диалектах они также являются масштабными (см. пп. 1-2, 5), тогда как в белорусских диалектах они могут иметь как обширные, так и ограниченные ареалы (см. пп. 1-2, 4-5); если же в болгарских диалектах ареалы лексических соответствий локально ограничены, то в русских диалектах они часто являются также ограниченными (см. пп. 6-7), тогда как в украинских и белорусских диалектах они могут быть как обширными, так и локально ограниченными (см. пп. 3, 6-7).

* * *

Итак, как видно из приведенного материала, русско-славянские лексические параллели довольно часто представлены обширными ареалами. Причем нередко в формировании этих ареалов важная роль принадлежит именно русским диалектам (ср., например, распространение следующих лексем, которые в русских диалектах имеют обширные ареалы, тогда как в украинских и белорусских они локально ограничены):

pust-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) (рус. *pus'toj*; укр. *pus'tej*, *pus'tyj*, *pus'ty*; блр. *pus'ty*, *pus'tyj*, *pus'tej*);

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ka'rytə*; укр. *ko'rɣto*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*);

jъz-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *isp'e'č'ot*, *isp'e'čot*, *isp'a'čot*; укр. *ispe'č'e*, *ispe'če*; блр. *ispe'če*, *isp'e'če*, *is'p'a'če*);

nož-ič-ъk-ъ к. 20 dem 'ножик, ножичек' (рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*, *'nožыč'ək*; укр. *'nožыčok*, *'nožыčak*; блр. *'nožыčak*, *'nožačыk*);

gov-əd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *go'v'ad'ina*, *ga'v'a-d'ina*, *ga'v'ad'inə*, *γə'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna*, *hov'jadɣna*, *haɣ'jadyna*; блр. *γa'v'aз'ina*, *γa'v'aзыna*, *γы'v'aз'ina*, *γou'jaз'ina*);

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *'salo*, *'sala*, *'salə*; укр. *'salo*; блр. *'sala*, *'safo*);

//*aj-ič-ъk-o* к. 40 dem (j)aje (рус. *ja'jič'ko*, *ja'ič'ko*, *je'jic'ko*, *ja'jič'kə*; укр. *ja'jičko*, *ja'jičko*, *ji'jičko*, *jɣ'jičko*; блр. *ja'jička*, *ji'jičko*);

skor-o-lup-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skor'tupka, skəra'tupkə, škar'tupka*; укр. *škor'tupka, škar'tupka*; блр. *skar'tupka, škar'tupka*);

kvaš-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *k'vašenyj, k'vašenoj, k'vašonoj*; укр. *k'vašynyj, k'vaš9nyj*; блр. *k'vašanyj, k'vašənyj, k'vašənj, k'vašymyj*);

got-ov-i-ть к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. *go'tov'it, gə'tov'it, ʎa'tov'it*; укр. *ho'tovyt', ho'tov9t', ho'tovyt*; блр. *ʎa'tov'ie', ʎa'tov'a*);

za-utr-ъk-ъ, za-utr-ъk-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *'zaftrak, 'zafirək, 'zafir'ik, 'zafir'ək, 'zavtr'ək, 'zavtrək*; укр. *'zavtrik, 'zavtryk*; блр. *'zavtryk, 'zavtr'ik*).

Следует, однако, признать, что в формировании русско-(украинско-белорусско-)славянских связей заметную роль играют белорусские и особенно украинские диалекты, благодаря которым масштаб ареалов русско-славянских параллелей становится еще более значительным, ср., например, распространение лексем, которые плотно покрывают территорию русских и украинских диалектов и выходят за их пределы:

kor-m-y-sl-o к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, ко-ромысло' (рус. *koro'myslo, kəra'myslə, kara'mysla, ka'romyslə*; укр. *ko'romyslo, ko'romislo, ku'romyslo, ko'rom9slo, koro'myslo*; блр. *ka'romyslo, ka'rom'islo, kara'myslo, ka'remyslo, ko'romyslo*);

žed-j-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žažda*; укр. *'žužda*; блр. *'žažda*);

škar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *šk'vark'i*; укр. *škar'ky, šk'vark'i, šk'vark9*; блр. *šk'vark'i*);

mełz-iv-o, mełz-iv-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молоко живо' (рус. *mo'loz'ivo, mo'loz'iwo, ma'loz'ivə, mo'loz'əvə*; укр. *mo'lozywo, mo'loz9wo*; блр. *ma'loz'iva, ma'loz'ivo*);

skor-o-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *skorlu'pa, skar'lupa*; укр. *škor'lupa, škara'lupa*; блр. *škarlu'pa, škoro'lupa, skoro'l'upa*).

Не случайно на картах Атласа часто наблюдается ситуация, когда восточнославянский диалектный континуум демонстрирует тотальное распространение отдельных лексем, которые являются ареально ограниченными в других славянских диалектах, ср., например, распространение лексем:

mok-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*);

baran-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *ba'ran'ina, ba'ran'inə*; укр. *ba'ranyna, ba'ranina, bara'n9na, ba'ran9na*; блр. *by'ran'ina, ba'ran'ina, bə'ran'ina*);

sad-l-o к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. 'salo, 'sala, 'sala; укр. 'salo, salo, 'salu, 'sala; блр. 'sala, 'salo);

съ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'i'tana, s'm'a'tana; укр. sme'tana, sm'9'tana, smyt'ana, sm'a'tana, sma'tana; блр. s'm'a'tana, s'm'a'tana, s'm'i'tana, s'm'e'tana, smyt'ana);

běl-čk-ъ к. 42 'белая часть яйца' (рус. b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'i'lok, b'a'lok; укр. bi'lok, bi'lok, by'lok, b9'lok; блр. b'e'lok, b'a'lok, b'i'lok, by'lok);

žółt-čk-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. žol'tok, žel'tok, ž'e'lok, žal'tok, žal'tok, žyl'tok; укр. žou'tok, žou'tok, žu'9'tok, žau'tok, žof'tok; блр. žau'tok, žau'tok, žou'tok, ž'e'u'tok);

var-i-tь к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус. 'var'it, va'r'it, va'r'it'; укр. 'varyt', 'var9, va'r9t; блр. 'varыc', 'vara, 'varyt, 'varyt') и т.д.

Интересно, что именно эта модель ареальных связей русских диалектов (в рамках восточнославянских языков) является наиболее частотной, ибо она многократно повторяется во всех славянских языках.

Зеркальным отражением этой ситуации является модель, также достаточно часто встречающаяся в межславянских лексических соответствиях, когда и в восточнославянских, и в других славянских языках корреспондирующие лексемы имеют ареальные ограничения в своем распространении, ср., например, распространение в восточно- и западнославянских диалектах лексемы *na-var-i-tь* к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. na'var'it, na'var'it; укр. nava'ryt'; блр. na'varыc', na'varyc'); или в восточно- и южнославянских диалектах конструкции *kvas-en-o mēlk-o* к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. 'kva-šeno molo'ko; укр. kvas'noji molo'ko, kvas'ne molo'ko, kvas'ne molo'ko; блр. k'vasna mala'ko, k'vašene molo'ko).

Как показал анализ материала, лексические корреспонденции русских диалектов с другими славянскими языками имеют разный характер. Среди них отчетливо выделяются несколько типологически сходных ареальных моделей.

1. Лексические параллели имеют обширный ареал в русских (украинских и белорусских) диалектах и обширный ареал в западнославянских (ср. распространение лексем *mōk-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'; *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *съ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана') или в южнославянских диалектах (ср. распространение таких лексем, как *куп-i-tь* к. 47 'кипит' (вода); *rež-e-tь* к. 17 'режет' (хлеб); *vъ-kqs-*

ьн-ъ к. 65 'вкусный' (о еде). Эта модель встречается довольно часто. При этом следует особо подчеркнуть, что репертуар корреспондирующих лексем в южнославянских диалектах значительно разнообразнее, чем в западнославянских.

2. Лексические параллели имеют ограниченный ареал как в русских (украинских и белорусских) диалектах, так и в западно- и/или южнославянских (ср., распространение лексем *kraj-ъс-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *lusk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *kvas-en-o melk-o* к. 35 'сырое кислое молоко'; *lup-in-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'). Эта модель также встречается довольно часто.

3. Лексические параллели имеют обширный ареал корреспондирующих лексем в русских (украинских и белорусских) диалектах и ограниченный в западно- и/или южнославянских. Эта модель является практически регулярной, особенно часто она встречается в польских диалектах, ср., например, распространение лексемы *doj-ar-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' в восточнославянских и польских диалектах, где она фиксируется в основном на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель; или лексемы *gqs-ęt-in-a* к. 25 'мясо гуся' в восточнославянских и хорватских диалектах, в которых она распространена преимущественно в кайкавских говорах.

Противоположная модель, когда в русских (украинских и белорусских) диалектах корреспондирующие лексемы имеют локально ограниченный ареал, а в западно- и/или южнославянских — обширный, встречается редко (в основном в польских диалектах), ср. распространение лексем *sъn-ěd-anъ*, *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда' в восточно- и западнославянских диалектах).

4. Лексические параллели имеют обширный ареал только в русских диалектах и ограниченный в украинских, белорусских, а также в западнославянских (ср., например, распространение лексемы *nož-ič-ъk-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек') и/или в южнославянских диалектах (ср. распространение таких лексем, как *koryt-o* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куса дерева'). Эта модель встречается достаточно регулярно, особенно в параллелях с западнославянскими диалектами.

С этой моделью типологически связана другая, также продуктивная (особенно в южнославянских языках), когда лексические параллели имеют обширный ареал в русских и в некоторых западнославянских диалектах (как правило, в словацких или чешских)

или южнославянских и ограниченный в украинских и белорусских диалектах (ср. распространение лексемы //aj-ič-ьk-o к. 40 *det* (j)aje) в русских, украинских, белорусских, чешских и словацких диалектах или лексемы *sad-l-o* к. 29 'топленое свиное сало' в русских, украинских, белорусских и македонских).

5. Лексические параллели имеют обширный ареал только в украинских диалектах и ограниченный в русских, белорусских, а также в западно- и/или южнославянских диалектах. Эта модель встречается реже (ср. распространение лексемы (*šmal*)-ьс-ь к. 29 'топленое свиное сало' в украинских, белорусских, русских, чешских и словенских диалектах).

К этой модели примыкает другая, типологически сходная с ней, когда лексические параллели имеют обширный ареал в украинских и в западно- или южнославянских диалектах и ограниченный в русских и белорусских (ср. распространение лексемы *nъkt-ьv-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' в украинских, белорусских, русских, сербских и болгарских диалектах).

6. Лексические параллели имеют обширный ареал в русских и украинских диалектах и ограниченный в белорусских, а также в западно- и/или южнославянских диалектах. Эта модель встречается редко (ср. распространение лексем *meľz-iv-o*, *meľz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' в русских, украинских, белорусских, словацких и хорватских диалектах).

С этой моделью тесно связана другая, когда лексические параллели имеют обширный ареал в русских и украинских, а также в западно- и/или южнославянских диалектах, и ограниченный в белорусских. Эта модель также встречается редко (ср. распространение лексемы *škvar-ьk-u* к. 30 'пережаренные кусочки сала' в русских, украинских, белорусских и чешских диалектах).

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и белорусских диалектах и ограниченное в украинских, а также в западнославянских. Эта модель является единичной (ср. распространение лексемы //aj-ьс-o к. 39 Nsg (j)aje в русских, белорусских, украинских и чешских диалектах).

8. Лексические параллели имеют обширный ареал в украинских и белорусских диалектах и ограниченный в русских, а также в западно- и/или южнославянских. Эта модель встречается редко, ср. распространение лексемы (*smáč*)-ьп-ь к. 65 'вкусный' (о еде) в русских, украинских, белорусских и словацких диалектах или

лексемы *съ-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' в русских, украинских, белорусских и болгарских диалектах.

К этой модели типологически примыкает другая, когда лексические параллели имеют обширный ареал в украинских и белорусских диалектах, а также в диалектах одного из западно- (чаще всего польского) или южнославянских языков и ограниченный в русских диалектах. Эта модель также встречается редко, ср. распространение лексемы *//aj-ъč-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje в русских, украинских, белорусских и польских диалектах или лексемы *съ-peč-e-ть* к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' в русских, украинских, белорусских и словенских диалектах).

Такое разнообразие моделей ареальных связей русских диалектов является красноречивым свидетельством их роли в качестве ареалообразующих на всем пространстве *terra Slavica*, так как русско-славянские лексические параллели представлены значительно чаще обширными ареалами, нежели украинско- или белорусско-славянские.

При этом, как показал анализ ареальных связей русских диалектов с другими славянскими языками, русско-(украинско-белорусско)западнославянские связи количественно преобладают над русско-(украинско-белорусско)южнославянскими связями, так как число лексических корреспонденций в них в полтора раза больше (ср. зап.-сл. — 126; юж.-сл. — 85).

Особенно выделяются русско-польские лексические связи, представленные довольно внушительным числом примеров (54), среди которых немалая доля приходится на лексемы с непронизводной основой, ср., например, распространение таких лексем, как:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ka'rytə*; укр. *ko'rɣto*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; плс. *koryto*);

žed-j-a к. 9 'желание, потребность пить' (рус. *'žažda*, *'ž'ažda*, *'žažda*; укр. *'žažda*; блр. *'žažda*; плс. *'žqza*, *žonza*, *žunza*, *zonza*);

//ēd-j-a к. 54 'еда' (рус. *'ježa*; укр. *'jiža*, *'jieža*; блр. *'ježa*; плс. *jeza*);

pust-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) (рус. *pus'toj*; укр. *pus'tej*, *pus'tyj*, *pus'ty*; блр. *pus'ty*, *pus'tyj*, *pus'tej*, *pus'tej*; плс. *pusty*, *pusti*);

syт-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус. *'syтəjə*; укр. *'syti*, *'siti*, *'syty*, *'sɣtyj*; блр. *'syty*; плс. *'səti*, *'səte*);

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka*; блр. *lus'ka*; плс. *luska*, *uska*) и др.

Причем среди этих лексем присутствуют такие, которые имеют широкое распространение в русских и польских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср., например, локализацию лексемы *rust*-ъ на к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке), см. карту-схему 70.

Среди русско-(украинско-белорусско-)южнославянских лексических параллелей особо следует выделить связи со словенскими, хорватскими и сербскими диалектами. И хотя в количественном выражении эти связи значительно уступают польским, однако и среди них имеются лексемы с непроизводными основами, которые свидетельствуют об архаичном характере этих связей, ср., например, распространение лексем:

mōk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус., укр., блр. *mu'ka*; слн. *'muka*, *'muka*, *mó:ka*, *mō:ka*, *'muōka*; хрв. *mu'ka*, *muo:'ka*, *'mō:ka*; серб. *mu:'ka*, *'mu:ka*, *mū:ka*);

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'ryto*, *ka'ryta*, *ka'rytə*; укр. *ko'r9to*, *ko'reto*, *ko'ryto*; блр. *ka'ryta*; слн. *ku'ritu*, *kurét:t*; хрв. *kō:rto*, *ko'rito*, *ko'rite*);

žir-ъ к. 29 'топленое свиное сало' (рус. *žyr*; укр. *žyr*, *žyr*; блр. *žyr*; слн. *ži:r*);

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka*; блр. *lus'ka*; хрв. *'luska*, *lūska*; серб. *lūska*, *'luska*);

//*ěd-j-a* к. 54 'еда' (рус. *'ježa*, *je'ža*; укр. *'jiža*, *'jieža*, *'jieža*; блр. *'ježa*; серб. *'ježa*).

Вместе с тем необходимо отметить одну интересную особенность: и в тех, и в других русско-славянских соответствиях прослеживаются ярко выраженные связи с западной группой южнорусских и среднерусских диалектов, граничащих с диалектами украинского и белорусского языков (ср., например, распространение лексемы *пѣк-ѣу-а* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *съ-пеѣ-е-тъ* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *съ-мет-ан-а* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; (*šmal*)-ѣс-ъ к. 29 'топленое свиное сало'; (*smāč*)-ѣн-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) и др.).

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в формировании этих лексических связей (часть из которых является явно поздними, о чем свидетельствует заимствованный характер некоторых корневых морфем, ср. (*šmal*)-ѣс-ъ от в.-нем. *schmalz*; или (*smāč*)-ѣн-ъ от в.-нем. устар. *schmack*) чрезвычайно важную роль сыграли украинские и белорусские диалекты.

Благодаря им в ареальных связях русских диалектов с западно- и южнославянскими языками наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образую звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являют собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории, ср., например, распространение следующих лексем:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-чеш.-хрв.-слн.;

pykt-by-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': рус.-укр.-блр.-хрв.-серб.-мак.-блг.;

sy-peč-e-tb к. 15 3sg praes asp perf 'печет': рус.-укр.-блр.-плс.-слн.-хрв.-серб.;

rež-e-tb к. 17 'режет' (хлеб): рус.-укр.-блр.-слц.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.;

pož-ik-b к. 20 *det* 'ножик, ножичек': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.;

svin-in-a к. 21 'мясо свиньи': рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-слн.;

baran-in-a к. 24 'мясо барана': рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-чеш.;

tel-čt-in-a к. 23 'мясо телят': рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.-мак.;

gos-čt-in-a к. 25 'мясо гуся': рус.-укр.-блр.-слц.-хрв.;

(šmal)-ys-b к. 29 'топленое свиное сало': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-хрв.;

škvar-čk-u к. 30 'пережаренные кусочки сала': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-хрв.;

doj-ar-čk-a к. 34 'женщина, которая доит коров': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.;

sy-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.-блг.;

sy-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-серб.-блг.;

běl-čk-b к. 42 'белая часть яйца': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-серб.-мак.-блг.;

želt-čk-b к. 43 'желтая часть яйца': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-мак.-блг.;

var-i-tb к. 45 'варит, готовит' (обед): рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-хрв.-серб.-мак.;

sy-var-i-tb к. 46 3sg praes asp perf 'варит': рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слн.-хрв.-серб.-мак.;

gor-ēt-j-ъ к. 48 'горячий' (о воде): рус.-укр.-блр.-слц.-мак.-блг.;
glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.;

(smač)-ъn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде): рус.-укр.-блр.-плс.-слц.;

въ-kqs-ъn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде): рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг. и т.д.

Наличие таких ареальных цепочек позволяет рассматривать межславянские лексико-словообразовательные параллели русских диалектов не только в пространственном, но и временном аспекте, ибо своими корнями они могут уходить в глубокую древность, при том что они могут и не иметь общеславянского распространения. На картах Атласа отчетливо прослеживается несколько типологически сходных ареальных сценариев:

с одной стороны, многократно повторяющаяся картина **противопоставления севера и юга**, когда восточнославянские диалекты демонстрируют многократные схождения то с западнославянскими (ср., например, распространение лексем *baran-in-a* к. 24 'мясо барана': рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-чеш.; *doj-ar-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.; *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.; *(smač)-ъn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде): рус.-укр.-блр.-плс.-слц. и т.д.), то с южнославянскими диалектами (ср. распространение лексем *nъkt-ъv-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': рус.-укр.-блр.-хрв.-серб.-мак.-блг.; *въ-kqs-ъn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде): рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.);

с другой стороны, картина **ареальных связей севера и юга** (ср., например, распространение лексем *съ-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.-блг.; *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца': рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-серб.-мак.-блг.; *tel-ēt-in-a* к. 23 'мясо телянка': рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.-мак.).

Обе картины хронологически интерпретируются по-разному:

в первом случае, когда речь идет о русско-(украинско-белорусско-)западнославянских ареальных связях, ~ как отражение довольно поздних инновационных процессов, протекавших в рамках восточно-западнославянского единства;

во втором случае, когда речь идет о картине ареальных связей восточно- и южнославянских диалектов (и шире – севера и юга) – как свидетельство сохранившейся архаики, ибо наличие дистантных

ареалов в двух или даже в трех языковых группах является убедительным свидетельством архаичности этих ареалов.

Нетрудно заметить, что и в том, и в другом случае украинские и белорусские диалекты выполняют роль своеобразного «моста», способствуя связи русских диалектов то с западнославянскими (ср., например, распространение лексемы *baran-in-a* к. 24 'мясо барана'), то с южнославянскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *nykt-ъv-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'), то с западно- и южнославянскими одновременно (ср., например распространение лексем *mqk-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' или *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время').

Вместе с тем следует отметить, что «вклад» украинских и белорусских диалектов в формирование русско-славянских лексических параллелей оказывается разным. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть роль каждого из языков в отдельности.

6. Русско-(украинско-)славянские лексико-словообразовательные параллели

6.1. Русско-(украинско-)западнославянские изоглоссы

Примеров русско-(украинско-)западнославянских лексических корреспонденций сравнительно немного. При этом они, как правило, не образуют обширных ареалов ни в русских, ни в украинских, ни в западнославянских диалектах (исключением являются лишь несколько лексем: заимствованная из немецкого языка лексема (*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ нем. Frühstück к. 58 'завтрак, утренняя еда', которая имеет довольно плотный ареал в словацких и польских диалектах; лексема *krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец', широко распространенная в украинских диалектах, и корень **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте), производные с которым хорошо представлены в словацких и чешских диалектах).

Ареалогический анализ русско-(украинско-)западнославянских изоглосс показал, что они ориентированы в основном на диалекты польского языка.

Русско-(украинско-)польские лексические соответствия представлены, пожалуй, самым внушительным числом примеров среди западнославянских корреспонденций, ср.:

skor-ъk-a, *skor-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *š'kurka*, *š'k'urk'i*; укр. *škur'ky*, *š'k'irka*; плс. *skurk'i*): в русских диалектах лексема распространена в некоторых южнорусских говорах (Орл. пп. 801, 802, 815, 825; Курск. пп. 824, 831, 832, 833; Тамбов. пп. 810, 821; Липец. пп. 818, 819, 826, 827, 829; Ворон. п. 828; Белгор. пп. 838, 841, 844, 845, 846); в украинских диалектах – в единичных пунктах юго-западных (п. 522) и юго-восточных говоров (п. 843); в польских – она имеет точечный ареал в великопольских говорах (п. 278);

krin-ic-a к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (рус. *kry'n'ica*, *kr'i'n'ica*; укр. *k'9r'nyc'a*, *ker'nyc'a*, *kr9'nica*, *kry'nyc'a*; плс. *Kerńica*, *Kirnyća*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых южнорусских говорах (Брян. пп. 797, 798, 811; Белгор. п. 848); в украинских диалектах она имеет довольно плотный ареал в юго-западных говорах; в польских диалектах лексема отмечена в единичных пунктах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (пп. 257, 276);

lusk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lus'ka*, *luz'ya*; укр. *lus'ka*; плс. *lusk'i*): в русских, украинских и польских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в русских диалектах – в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских калужских говорах (п. 789); в украинских диалектах – в полесских говорах (п. 418); в польских – в шленских говорах (п. 288);

(fruštik)-ъ, *(fryštik)-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *f'ryštyk*; укр. *fryštik*, *fryštyk*; плс. *friš'tak*, *frištek*, *fruštik*, *f'rištik*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в украинских диалектах она встречается в основном в закарпатских говорах (пп. 448, 465, 466, 467, 469, 483, 484); в польских диалектах лексема распространена в некоторых кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 245, 246, 249), мазовецких (пп. 251, 262, 263, 264), великопольских (пп. 256, 258, 261, 278) и малопольских говорах (п. 317);

pol-u-dъn-e, *pol-ъ-dъn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. *połdn'i*; укр. *po'ludn'a*; плс. *połńe*, *połńe*, *peńńe*): в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских гово-

ров (Ряз. пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); в польских диалектах она распространена в некоторых кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 249), великопольских (пп. 248, 258) и малопольских говорах (п. 313);

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растёт' (о тесте) (рус. *vyk'isat*, *k'isn'et*; укр. *kysne*, *kysnŭ*, *put'kysat*; плс. *kisa*, *k'is-ńe*); в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в отдельных пунктах севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говоров (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в польских диалектах они встречаются в некоторых мазовецких (пп. 251, 262) и малопольских говорах (пп. 317, 318).

В ареальном распределении выявленных лексических соответствий прослеживается следующая закономерность: в русских диалектах они локализуются чаще всего в говорах южнорусского наречия, в украинских – в юго-западных говорах, а в польских – в кашубских, мазовецких и малопольских.

Словацкие диалекты

Русско-(украинско-)словацкие соответствия являются хотя и менее внушительными (на фоне польских), однако также достаточно репрезентативными, ср.:

žółt-ěč-ěk-ě к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol'toč'ok*, *žel'toč'ok*; укр. *žovč'ok*; слц. *žovčok*); в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских (Новг. п. 608) и южнорусских говоров (Белгор. п. 848); в украинских диалектах – в некоторых говорах юго-западного наречия (пп. 448, 465, 466, 483); в словацких – в п. 233, который по происхождению является украинским;

(fruštik)-ě, *(fryštik)-ě* к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *fryštyk*; укр. *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk*; слц. *frištuk*, *fryštyk*); в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах (пп. 448, 465, 466, 467, 469, 483, 484); в словацких диалектах она плотно покрывает их территорию;

pol-u-dňn-e, *pol-ě-dňn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. *pol'dn'i*; укр. *po'ludn'a*; слц. *polodnie*, *polednie*); в русских диалектах лексема зафиксирована в двух пунктах южнорусских говоров (Ряз. пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-

западных говоров (п. 524); в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнословацких говоров (пп. 214, 215);

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растёт' (о тесте) (рус. *vyk' i'sat*, *'k' isn'et*; укр. *'kysne*, *'kysn9*, *put'kysat*; слл. *kisne*, *kisné*): в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в словацких диалектах они плотно покрывают их территорию.

В ареальном распределении русско-(украинско-)словацких соответствий прослеживается следующая повторяемость: в русских диалектах они локализуются чаще всего в южно- и среднерусских (новгородских) говорах; в украинских – в говорах юго-западного наречия, в словацких диалектах выявленные лексические корреспонденции нередко распространены практически повсеместно (а не только в восточнословацких диалектах, как это наблюдалось в русско-словацких параллелях в рамках восточнославянских языков).

Чешские диалекты

Русско-(украинско-)чешские лексические соответствия иллюстрирует лишь единичный пример, ср.:

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растёт' (о тесте) (рус. *vyk' i'sat*, *'k' isn'et*, *us'k'is*; укр. *'kysne*, *'kysn9*, *put'kysat*, *'kysne*; чеш. *kisa*.; *kiše*, *kyše*, *keše*, *keše*): в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в чешских диалектах они широко представлены в моравских (ганацких) (пп. 191, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 204, 205, 206), собственно чешских (пп. 186, 187, 189, 192), а также в отдельных ляхских говорах (п. 202).

Лужицкие диалекты

Русско-(украинско-)лужицкие параллели представлены довольно скромно (особенно на фоне польских соответствий), ср.:

děž-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *d'i'ža*; укр. *d'i'ž'e*; луж. *žeža*, *žež'a*): в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах южнорусских говоров (Ряз. п. 796; Курск. п. 835); в украинских – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 430); в лужицких – в верхне- и нижнелужицких диалектах (пп. 234, 237);

vy-peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *'вып'ек*; укр. *вуп9-че*; луж. *up'eco*, *up'jaco*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Волог. п. 614); в украинских диалектах она представлена в некоторых юго-западных (пп. 415, 416, 421, 500) и юго-восточных говорах (пп. 458, 478, 491, 492); в лужицких – в верхне- и нижнелужицких диалектах (пп. 234, 236).

Как видно из приведенного материала, русско-(украинско-)лужицкие лексические корреспонденции не имеют обширных ареалов, однако в их распределении прослеживается определенная повторяемость: в русских диалектах они локализуются чаще всего в южнорусских говорах, в украинских – в говорах юго-западного наречия, в лужицких – в верхне- и нижнелужицких диалектах.

6. 2. Русско-(украинско-)южнославянские изоглоссы

Русско-(украинско-)южнославянские лексические соответствия в количественном отношении представлены более выразительно, чем русско-(украинско-)западнорусские параллели, при этом они нередко имеют обширные ареалы в украинских или в южнославянских диалектах (ср., например, распространение лексемы *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) в словенских диалектах, *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' в сербских диалектах или *pol-u-dьn-e*, *pol-ь-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время' – в болгарских).

Что касается направления этих изоглосс, то установить его довольно сложно в связи с немногочисленностью примеров (хотя нельзя не отметить, что в общей сумме изоглосс количественно преобладают связи с сербскими и хорватскими диалектами).

Словенские диалекты

Русско-(украинско-)словенские лексические соответствия представлены следующими примерами, ср.:

pěn-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'ena, p'ena p'ena*; укр. *p'ina, p'in'a, p'ie'na, p'ina*; слн. *piēna, piēna, pi:na, pē:na, pē:ina*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в севернорусских говорах (Арх. пп. 529, 530, 531, 535, 536, 540, 541, 542, 544, 545, 552, 572, 576, 577, 578; Волог. пп. 589, 592, 597, 600, 602, 603, 616, 618, 625, 626, 639, 641, 642, 643, 607; Яросл. п. 666; Костром. пп. 688, 707), хотя встречается в отдельных среднерусских (Пск. п. 652) и южнорусских (Ряз. п. 793; Курск. п. 835); в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных (пп. 449, 454, 455, 456, 466, 467, 468, 469, 470, 474, 484, 485, 496, 506, 508, 515, 516, 522), реже – в юго-восточных (пп. 458, 476) и полесских говорах (пп. 406, 418, 443, 459); в словенских диалектах лексема широко распространена в приморских говорах (пп. 2, 3, 5, 12), ровтарских (пп. 6, 8), горенских (п. 9), штаерских (пп. 10, 17, 19), доленских (п. 14), прекмурских (п. 149) а также в говорах Каринтии (п. 146, 147);

(*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *fryštyk*; укр. *fryštik, fryštyk, fryštyk, fryščyk*; слн. *fryštak, fru:štak, fru:šk, fruōštak, fruštok, frō:štak*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах (пп. 448, 465, 466, 467, 469, 483, 484); в словенских диалектах лексема плотно покрывает практически всю их территорию;

производные с корнем **sta-* к. 13 'поставит, замесит тесто' (рус. *pos'tav'it, pas'tav'it, sta'nov'a*; укр. *pos'tavit, pos'tavyt'*; слн. *zas'ta:jt*): дериваты с этим корнем широко распространены в южнорусских диалектах (Ряз. пп. 768, 793, 794, 795, 807, 809; Липец. пп. 806, 819, 827, 829; Тамбов. п. 820; Ворон. пп. 828, 840; Орл. пп. 803, 817, 825; Курск. п. 824; Белгор. пп. 838, 844, 845, 846, 848; Тул. пп. 777, 790, 805; Калуж. пп. 763, 774, 776, 788, 789; Брян. пп. 786, 800, 812); реже – в севернорусских (Арх. пп. 553, 554; Ладого-Тихвин. пп. 566, 581, 584, 585; Волог. пп. 593, 600; Яросл. пп. 640, 682, 704; Костром. пп. 667, 670, 687) и среднерусских говорах (Новг. пп. 610, 632, 635, 657; Пск. пп. 691, 725; Твер. пп. 662, 678, 680, 695, 716; Моск. пп. 718, 732, 751, 752; Владимир.-Поволж. пп. 744, 745, 757); в украинских диалектах они зафиксированы в отдельных полесских (п. 425) и юго-восточных говорах (п. 478); в словенских диалектах они имеют точечный ареал в ровтарских говорах (п. 6).

Несмотря на немногочисленность русско-(украинско-)словенских корреспонденций, их ареальная репрезентативность является дово-

льно высокой, особенно в словенских диалектах, которые нередко бывают охвачены полностью той иной изоглоссой. В русских диалектах эти лексические параллели локализуются чаще всего в севернорусских (особенно в архангельских, вологодских, костромских) или южнорусских говорах (особенно в курских и рязанских), в украинских диалектах — в основном в юго-западных говорах.

Хорватские диалекты

В хорватских диалектах русско-(украинско-)хорватские соответствия представлены более разнообразным кругом лексем, ср.:

pĕn-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'ena*, *p'ĕna* *p'ĕnə*; укр. *p'i-na*, *p'ĕ'na*; хрв. *pĕna*, *pĭna*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в севернорусских говорах (Арх. пп. 529, 530, 531, 535, 536, 540, 541, 542, 544, 545, 552, 572, 576, 577, 578; Волог. пп. 589, 592, 597, 600, 602, 603, 616, 618, 625, 626, 639, 641, 642, 643, 607; Яросл. п. 666; Костром. пп. 688, 707), хотя встречается в отдельных среднерусских (Пск. п. 652) и южнорусских (Ряз. п. 793; Курск. п. 835); в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных (пп. 449, 454, 455, 456, 466, 467, 468, 469, 470, 474, 484, 485, 496, 506, 508, 515, 516, 522), реже — в юго-восточных (пп. 458, 476) и полесских говорах (пп. 406, 418, 443, 459); в хорватских диалектах лексема встречается в отдельных кайкавских (пп. 27, 28), штокавских (п. 39) и чакавских говорах (п. 43, 147а);

lusk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lus'ka*, *luz'ya*; укр. *luš'ka*; хрв. *lūska*): в русских, украинских и хорватских диалектах лексема имеет точечные ареалы; в русских диалектах — в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских говорах (Калуж. п. 789); в украинских — в полесских говорах (п. 418); в хорватских диалектах — в отдельных штокавских (п. 52);

(fru)stik-ъ, *(fry)stik*-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *fryštik*; укр. *fryštik*, *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk*; хрв., *fruštuk*, *frō:štuk*, *frōštuk*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах (пп. 448, 465, 466, 467, 469, 483, 484); в хорватских диалектах лексема встречается в отдельных кайкавских говорах (пп. 27, 32, 35);

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *vyk'isat*, *'k'isn'et*, *us'k'is*; укр. *'kysne*, *'kysnŭ*, *put'kysat*, *'kysne*; хрв. *'kisa*., *'kisa*, *'kysa*, *'kisne*): в русских диалектах дериваты с корнем

**kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в хорватских диалектах они зафиксированы в отдельных чакавских говорах (пп. 24, 37, 44).

В ареальном распределении выявленных лексических соответствий прослеживается определенная повторяемость: в хорватских диалектах они локализуются в отдельных пунктах кайкавских и чакавских говоров, образуя компактный ареал; в русских диалектах они фиксируются в некоторых севернорусских (особенно часто в архангельских, вологодских и костромских), южнорусских (особенно в курских и рязанских) и среднерусских говорах (особенно в псковских и новгородских), в украинских диалектах — в основном в юго-западных говорах.

Сербские диалекты

В сербских диалектах отмечен тот же набор лексических соответствий, что и в хорватских, ср.:

pěp-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'ena*, *p'ena* *p'enə*; укр. *p'ina*, *p'in'a*, *p'je'na*, *p'ina*; серб. *pěna*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в севернорусских говорах (Арх. пп. 529, 530, 531, 535, 536, 540, 541, 542, 544, 545, 552, 572, 576, 577, 578; Волог. пп. 589, 592, 597, 600, 602, 603, 616, 618, 625, 626, 639, 641, 642, 643, 607; Ярослав. п. 666; Костром. пп. 688, 707), хотя встречается в отдельных среднерусских (Пск. п. 652) и южнорусских (Ряз. п. 793; Курск. п. 835); в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных (пп. 449, 454, 455, 456, 466, 467, 468, 469, 470, 474, 484, 485, 496, 506, 508, 515, 516, 522), реже — в юго-восточных (пп. 458, 476) и полесских говорах (пп. 406, 418, 443, 459); в сербских диалектах лексема зафиксирована в штокавских говорах на территории Венгрии (п. 152);

lusk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lus'ka*, *luz'ya*; укр. *luš'ka*; серб. *lūska*, *lūska*): в русских и украинских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в русских диалектах — в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских говорах (Калуж. п. 789); в украинских — в полесских говорах (п. 418); в сербских диалектах она имеет обширный ареал в штокавских говорах (пп. 51, 54, 55, 62, 63, 83, 151, 152);

(*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *fryštik*; укр. *fryštik*, *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk*; серб. *vrjštuk*, *fruštuk*, *v'ruštuk*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах (пп. 448, 465, 466, 467, 469, 483, 484); в сербских диалектах лексема имеет обширный ареал в штокавских говорах (пп. 47, 54, 55, 62, 68, 82, 83, 88);

производные с корнем **kys*- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *vyk'i'sat*, *k'isn'et*, *us'k'is*; укр. *kysne*, *kysn9*, *put'kysat*, *kysne*; серб. *dókisne*., *kisne*): в русских диалектах дериваты с корнем **kys*- имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в сербских они встречаются в отдельных штокавских говорах (пп. 38, 54, 59).

В ареальном распределении выявленных лексических соответствий наблюдается сходная с хорватскими диалектами картина. Разница заключается лишь в том, что в сербских диалектах эти лексические корреспонденции представлены часто компактными ареалами в штокавских говорах (особенно в пп. 54, 55, 62, 83), а также в говорах на территории Венгрии.

Македонские диалекты

В македонских диалектах представлен довольно ограниченный круг лексем, иллюстрирующих русско-(украинско-)македонские соответствия, ср.:

pēn-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'ena*, *p'ēna* *p'ēnə*; укр. *p'i-na*, *p'in'a*, *p'ie'na*, *p'ina*; мак. *pena*, *pena*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в севернорусских говорах (Арх. пп. 529, 530, 531, 535, 536, 540, 541, 542, 544, 545, 552, 572, 576, 577, 578; Волог. пп. 589, 592, 597, 600, 602, 603, 616, 618, 625, 626, 639, 641, 642, 643, 607; Яросл. п. 666; Костром. пп. 688, 707), хотя встречается в отдельных среднерусских (Пск. п. 652) и южнорусских (Ряз. п. 793; Курск. п. 835); в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных (пп. 449, 454, 455, 456, 466, 467, 468, 469, 470, 474, 484, 485, 496, 506, 508, 515, 516, 522), реже – в юго-восточных (пп. 458, 476) и полесских говорах (пп. 406, 418, 443, 459); в македонских диалектах она зафиксирована в говорах

Эгейской Македонии (пп. 106, 108), а также в отдельных пунктах северных говоров (п. 93);

kor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'korka, 'kork'a*; укр. *'karka, 'kurka*; мак. *korka*): в русских диалектах лексема отмечена в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 534, 569); в украинских – в юго-западных закарпатских говорах (пп. 466, 484); в македонских – в единичном пункте центральномакедонских говоров (п. 100);

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растёт' (о тесте) (рус. *vyk'i'sat, 'k'isn'et, us'k'is*; укр. *'kysne, 'kysn9, put'kysat, 'kysne*; мак. *kisnet, kisne, Kisni, 'Kisne, skis'nuva*): в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в македонских – в отдельных западномакедонских (пп. 92, 101), центральных (п. 100), восточных (п. 104) и переходных говорах (пп. 102, 110).

Ареал русско-(украинско-)македонских соответствий в отличие от остальных южнославянских параллелей в русских диалектах локализуется в основном в говорах севернорусского наречия (особенно в архангельских и вологодских), в украинских диалектах – в основном в юго-западных говорах, в македонских диалектах он является дисперсным.

Болгарские диалекты

Русско-(украинско-)болгарские соответствия иллюстрируют следующие немногочисленные примеры, ср.:

lusk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lus'ka, luz'ya*; укр. *luš'ka*; блг. *'l'uški*): в русских, украинских и болгарских диалектах лексема имеет точечные ареалы; в русских диалектах – в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских говорах (Калуж. п. 789); в украинских – в полесских говорах (п. 418); в болгарских диалектах – в северо-восточных говорах (п. 128);

pol-u-dъn-e, pol-ъ-dъn-e к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус. *'poldn'i, 'poldn'i*; укр. *po'ludn'a*; блг. *p'ladne, p'ladn'a, p'lanne, p'lanmi*): в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских говоров (Ряз. пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); в болгарских диалектах она широко распространена в северо-восточных (пп. 124, 127,

128, 129, 130, 131, 135, 136, 137, 138), юго-восточных (пп. 142, 143) и западных говорах (пп. 114, 116, 119, 120, 123);

производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *vyk'i'sat*, *k'isn'et*; укр. *'kysne*, *'kysn9*, *put'kysat*; блг. *'kisne*, *'k'isne*, *č'isne*, *s'kismuva*, *put'kismuva*): в русских диалектах дериваты с корнем **kys-* имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия (пп. 430, 451, 465, 467, 468, 483, 484, 485, 522); в болгарских они отмечены в некоторых юго-восточных (пп. 126, 133, 139) и западных говорах (пп. 125, 132).

В русских диалектах выявленные лексические соответствия имеют небольшие островные ареалы, которые локализуются в основном в говорах южнорусского наречия (рязанских, тульских, калужских). В болгарских диалектах они концентрируются чаще всего в северо-восточных и западных говорах, в украинских – в некоторых юго-западных и полесских говорах.

* * *

Анализ русско-(украинско-)славянских лексических соответствий свидетельствует о том, что корреспондирующие лексемы часто имеют точечные ареалы, однако, несмотря на это, в их распространении прослеживаются некоторые закономерности, а именно: в украинских диалектах они, как правило, локализуются в говорах юго-западного наречия, а в русских – в говорах либо севернорусского наречия (в основном, когда речь идет о русско-(украинско-)южнославянских связях), либо южнорусского (когда речь идет о русско-(украинско-)западнотславянских связях). При этом русско-(украинско-)южнославянские связи являются преобладающими по сравнению с русско-(украинско-)западнотславянскими (хотя надо учесть, что одна из корреспондирующих лексем, заимствованная из немецкого языка, а именно (*fruchtik*)-ъ, (*frýstik*)-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда', явно позднего происхождения).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что среди русско-(украинско-)южнославянских корреспонденций имеются лексемы, которые представлены ярко выраженными ареалами в русских, украинских или в южнославянских диалектах (ср., например, распространение лексем *pén-a* к. 31 'пенка' (на молоке), *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' или *pol-u-dbn-e*, *pol-ъ-dbn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время') среди русско-(украинско-)западнотславянских параллелей таких ареальных сценариев не наблюдается.

7. Русско-(белорусско-)славянские лексико-словообразовательные параллели

7.1. Русско-(белорусско-)западнославянские изоглоссы

Русско-(белорусско-)западнославянские лексические параллели представлены более разнообразно, чем русско-(украинско-)западнославянские. Они образуют часто обширные ареалы в русских, белорусских или в западнотславянских диалектах (ср., например, распространение лексем *mɔld-iv-o*, *mɔld-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' в белорусских диалектах; *glin-j-an-ъn-ъ* к. 50 'сделанный из глины' – в русских диалектах; *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' – в польских; *běl-ъk-o* к. 42 'белая часть яйца' – в словацких или *tel-et-j-e* (subst) к. 23 'мясо теленка' – в чешских диалектах). Однако так же, как и русско-(украинско-)западнославянские изоглоссы, они ориентированы прежде всего на польский язык.

Польские диалекты

Русско-(белорусско-)польские лексические параллели представлены обширным репертуаром корреспондирующих лексем, ср.:

mɔld-iv-o, *mɔld-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *mɔ'lod'ivo*, *ma'lod'ivə*; блр. *ma'lož'iva*; плс. *młóżyvo*, *młóżyva*): в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в западной группе русских говоров (Новг. п. 582; Ладого-Тихвин. п. 583; Твер. пп. 693, 713, 726; Пск. п. 711), а также в некоторых северно- (Яросл. п. 702) и южнорусских (Ряз. п. 780); в белорусских диалектах она распространена практически повсеместно; в польских диалектах лексема фиксируется в основном в тех пунктах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (пп. 240, 247, 252, 266, 267);

doj-ъk-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус. '*dojka*'; блр. '*dojka*', '*dijka*'; плс. *dojka*, *dojka*, *dijka*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в западной группе среднерусских говоров (Твер. пп. 728, 729); в белорусских диалектах она встречается в некоторых северо-восточных (пп. 352, 358, 367, 388) и западнотесских говорах (п. 374); в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно, особенно широко в мазовецких (пп. 271, 274,

275, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 295, 297) и малопольских говорах (пп. 292, 302, 303, 304, 305, 306, 312, 314, 315, 322);

var-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. *var*; блр. *var*; плс. *var, vor, vǫr*): в русских диалектах лексема распространена преимущественно в говорах южнорусского наречия (Курск. пп. 823, 830, 832, 833; Орл. п. 825; Ряз. пп. 795, 809; Липец. пп. 806, 819, 829; Ворон. пп. 828, 834, 840; Белгор. пп. 845, 846; Тул. пп. 777, 791; Смол. п. 809), а также в среднерусских говорах (Пск. п. 710; Твер. пп. 713, 714; Владимир.-Поволж. пп. 754, 757, 770); в белорусских диалектах она локализуется главным образом в северо-восточных (пп. 327, 328, 329, 332, 333, 340, 342, 348, 349, 358, 368, 371, 378, 381), реже – в среднебелорусских (пп. 338, 339, 346, 347) и юго-западных говорах (пп. 356, 385, 386); в польских диалектах лексема широко представлена в кашубских (пп. 241, 244, 245, 246, 249, 250), мазовецких (пп. 251, 262, 263, 285), великопольских (пп. 254, 269, 281) и малопольских говорах (пп. 291, 292, 311, 313, 318);

glin-j-an-ън-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *g'lin'ən:ɤj, g'lin'an:oj*; блр. *ɣl'i'n'an:ɤj*; плс. *glə'iqn:ɤ, gl'iqn:i, gl'iqn:ɤ*): в русских диалектах лексема имеет плотный ареал в севернорусских (Арх. пп. 535, 545, 546, 554, 570, 574, 578; Ладого-Тихвин. пп. 552, 585; Онеж. пп. 562, 565; Волог. пп. 567, 587, 590, 591, 611, 615, 619, 638, 642, 645, 646; Ярослав. п. 664; Костром. п. 673) и в западной группе русских говоров (Новг. пп. 582, 632, 637, 657; Пск. п. 629; Твер. пп. 660, 693, 726а, 727; Смол. пп. 749, 750); в белорусских диалектах она зафиксирована в единичных пунктах среднебелорусских (п. 331) и юго-западных говоров (п. 337); в польских диалектах лексема локализуется в основном в кашубских (пп. 244, 245, 246, 249, 250), мазовецких (пп. 251, 262, 263, 266, 271, 283, 287, 295) и великопольских говорах (пп. 259, 260, 261, 269), хотя встречается в отдельных пунктах шленских (пп. 277, 299) и малопольских говоров (п. 324);

krom-ък-а к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'romka*; блр. *k'romka*; плс. *kromka, krumka*): в русских диалектах лексема встречается в западной группе русских говоров (Твер. пп. 679, 696, 713, 726а; Новг. пп. 633, 658; Пск. п. 725; Ладого-Тихвин. пп. 562, 583, 584, 586); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте (п. 335) на границе с псковскими говорами; в польских диалектах лексема распространена в некоторых великопольских (пп. 248, 254, 255, 256, 259, 269, 278, 279, 280), кашубских (пп. 246, 249, 250) и шленских говорах (пп. 277, 288, 289);

gqs-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус. *gu's'ina*, *yu's'ina*; блр. *yu's'ina*; плс. *gešina*, *gyšina*, *gyjšina*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских (Волог. пп. 587, 611; Ладого-Тихвин. п. 583) и южнорусских говорах (Смол. п. 746); в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно, особенно широко в малопольских (пп. 291, 292, 293, 294, 300, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 325), мазовецких (пп. 264, 265, 266, 271, 273, 274, 275, 282, 283, 285, 286, 287, 295, 296, 297, 298) и великопольских говорах (пп. 248, 255, 256, 258, 259, 260, 261, 269, 270, 279, 280, 281);

běl-ъk-o к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'el'ko*; блр. *b'al'ko*, *b'alt'ko*; плс. *bjaŭko*, *b'o'ko*, *b'aliko*, *b'aliko*, *b'ouko*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной группе говоров (пп. 336, 337); в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно, особенно широко в малопольских (пп. 291, 292, 293, 294, 300, 301, 302, 303, 306, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326), великопольских (пп. 248, 254, 255, 256, 258, 259, 260, 261, 269, 270, 278, 279, 280, 281) и мазовецких говорах (пп. 263, 264, 265, 266, 271, 273, 274, 275, 282, 283, 286, 287, 295, 298);

(špek)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' из нем. *Speck* (рус. *šp'ik*, *šp'ig*; блр. *šp'ik*; плс. *špek*, *šp'ek*, *šp'jek*, *špiek*): в русских диалектах лексема получила широкое распространение в севернорусских (Арх. пп. 532, 535, 540, 556, 557, 569, 571, 572, 573, 574, 578; Волог. пп. 588, 589, 592, 600, 611, 612, 613, 616, 619, 620, 624, 627, 638, 639, 642, 648, 668), а также в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 608, 609, 610, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 652, 653, 654, 655, 674, 675, 692, 710, 711, 712; Твер. пп. 661, 662, 663, 679, 680, 681, 694, 696, 698, 700, 713, 714, 715); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 348); в польских диалектах лексема имеет дисперсный ареал и встречается в кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 245, 246), великопольских (пп. 248, 259, 278), мазовецких (пп. 251, 263) и шленских говорах (пп. 288, 290, 299);

tel-ęt-j-e (subst) к. 23 'мясо теленка' (рус. *t'e'l'ec'jo*, *t'e'l'ač'je*; блр. *ty'l'ač'e*; плс. *'celąče*, *'celęńce*, *'celince*): в русских диалектах лексема встречается в севернорусских говорах (Арх. пп. 553, 556, 576); в белорусских — в единичном пункте западнополесских говоров (п. 362);

в польских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах мазовецких (пп. 264, 283, 295) и кашубских говоров (п. 245).

Русско-(белорусско-)польские соответствия являются более репрезентативными, чем русско-(украинско-)польские, так как корреспондирующие лексемы нередко характеризуются обширными ареалами, а иногда и повсеместным распространением. В территориальном распределении этих лексических соответствий прослеживается определенная повторяемость: в русских диалектах они локализируются чаще всего в западной группе говоров (особенно в тверских, псковских, новгородских и смоленских); в белорусских — в основном в северо-восточных, а в польских — в мазовецких, великопольских и кашубских говорах.

Словацкие диалекты

Русско-(белорусско-)словацкие лексические параллели представлены довольно незначительным числом примеров, ср.:

krom-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *k'romka*, *k'romkə*; блр. *k'romka*; слц. *kromka*): в русских диалектах лексема встречается в западной группе русских говоров (Твер. пп. 679, 696, 713, 726а; Новг. пп. 633, 658; Пск. п. 725; Ладого-Тихвин. пп. 562, 583, 584, 586); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте на границе с псковскими говорами (п. 335); в словацких диалектах она локализуется преимущественно в восточнословацких говорах (пп. 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232);

gqs-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус. *gu's'ina*, *yū's'ina*; блр. *yū's'ina*; слц. *husina*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских (Волог. пп. 587, 611; Ладого-Тихвин. п. 583) и южно-русских говорах (Смол. п. 746); в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в словацких — в западнословацких говорах (п. 208);

běl-ъk-o к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'el'ko*; блр. *b'al'ko*, *b'alt'ko*; слц. *bi:uko*, *bjelko*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной группе говоров (пп. 336, 337); в словацких диалектах она широко распространена в западнословацких (пп. 208, 209, 214, 215), среднесловацких (пп. 216, 217, 220) и восточнословацких говорах (пп. 225, 226).

Русско-(белорусско-)словацкие лексические параллели имеют, как правило, ограниченные ареалы: в русских диалектах они локали-

зуются в основном в западной группе русских говоров, в белорусских они имеют островные ареалы в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в словацких диалектах они чаще всего представлены в восточно- и западнословацких говорах.

Чешские диалекты

Русско-(белорусско-)чешские лексические корреспонденции иллюстрируют также немногочисленные примеры, ср.:

gqs-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус. *gu's'ina*, *yu's'ina*; блр. *yu's'ina*; чеш. *husyna*, *hus'ina*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских (Волог. пп. 587, 611; Ладого-Тихвин. п. 583) и южнорусских говорах (Смол. п. 746); в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляшских (пп. 202, 203) и восточноморавских говоров (п. 204);

běl'-yk-o к. 42 'белая часть яйца' (рус. *b'el'ko*; блр. *b'al'ko*, *b'alt'ko*; чеш. *bi:lko*, *bilko*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной группе говоров (пп. 336, 337); в чешских диалектах она отмечена в восточноморавских (пп. 200, 201, 204, 205, 206) и ляшских говорах (п. 207);

tel-qt-j-e (subst) к. 23 'мясо теленка' (рус. *t'e'l'ec'jo*, *t'e'l'ač'je*; блр. *ty'l'ač'e*; чеш. *teleci*., *telacej*, *telacy*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 553, 556, 576); в белорусских она имеет точечный ареал в западно-полесских говорах (п. 362); в чешских диалектах она распространена практически повсеместно.

Выявленные лексические соответствия в русских диалектах имеют, как правило, островные ареалы, которые локализируются в севернорусских говорах; в белорусских — в среднебелорусских, западно-полесских и юго-западных говорах; в чешских диалектах они концентрируются в основном в восточноморавских и ляшских говорах.

7.2. Русско-(белорусско-)южнославянские изоглоссы

Русско-(белорусско-)южнославянские соответствия представлены менее выразительно как с точки зрения репертуара лексем, так и в

ареальном плане, поскольку в отличие от русско-(белорусско-)запад-нославянских корреспонденций они имеют, как правило, точечные ареалы (исключением является лишь заимствованная из немецкого языка лексема (*špek*)-ъ нем. *Speck* к. 27 'подкожный слой жира в свинине', имеющая обширные ареалы в русских, словенских и хорватских диалектах).

Ареалогический анализ русско-(белорусско-)южнославянских лексических параллелей показал, что ведущими среди них являются связи с сербскими диалектами.

Словенские диалекты

Русско-(белорусско-)словенские лексические соответствия иллюстрируют следующие примеры, ср.:

peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *p'ič'ot'*, *p'ik'ot'*; блр. *pe'če*; слн. *pe:če*): в русских диалектах лексема встречается в основном в южнорусских говорах (Смол. п. 762; Тул. п. 792; Липец. п. 827; Курск. п. 837); в белорусских она имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 372); в словенских – в приморских (п. 11);

ov-žč-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *a'v'ešyna*, *a'v'eš'ina*; блр. *a'v'ešyna*; слн. *ofčina*): в русских диалектах лексема встречается в западной группе русских говоров (Твер. п. 713; Смол. пп. 746, 758); в белорусских – в отдельных пунктах северо-восточных (п. 333) и юго-западных говоров (п. 365); в словенских она имеет точечный ареал в белокраинских говорах (п. 15);

lēs-ть к. 60 'ест обед' (рус. *jes*, *jis*; блр. *jes'c'*; слн. *ji*, *jé:f*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Арх. п. 536); в белорусских – в северо-восточных (п. 358); в словенских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах доленских (п. 16) и приморских говоров (п. 1);

(*špek*)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *šp'ik*, *šp'ig*; блр. *šp'ik*; слн. *špex*, *špe:x*, *špè:x*, *špè:x*, *špex*): в русских диалектах лексема получила широкое распространение в севернорусских (Арх. пп. 532, 535, 540, 556, 557, 569, 571, 572, 573, 574, 578; Волог. пп. 588, 589, 592, 600, 611, 612, 613, 616, 619, 620, 624, 627, 638, 639, 642, 648, 668), а также в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 608, 609, 610, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 652, 653, 654, 655, 674, 675, 692, 710, 711, 712; Твер. пп. 661, 662, 663, 679, 680, 681, 694, 696, 698, 700, 713, 714, 715); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных гово-

ров (п. 348); в словенских диалектах лексема распространена практически повсеместно.

Выявленные лексические соответствия в русских диалектах локализируются чаще всего в западной группе русских говоров (тверских, псковских, новгородских, смоленских); в белорусских они имеют точечные ареалы в северо-восточных и полесских говорах; в словенских диалектах их характеризуют дисперсные ареалы.

Хорватские диалекты

Русско-(белорусско-)хорватские лексические параллели представлены довольно немногочисленным кругом лексем, ср.:

tel-et-j-e (subst) к. 23 'мясо телянка' (рус. *t'e'l'ec'jo*, *t'e'l'ač'je*; блр. *ты'l'ač:e*; хрв. *tel'č'e*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 553, 556, 576); в белорусских она имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 362); в хорватских – в чакавских говорах в Австрии (п. 148а);

//ěs-ть к. 60 'ест обед' (рус. *jes, jis*; блр. *jes'c'*; хрв. *jě*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Арх. п. 536); в белорусских – в северо-восточных (п. 358); в хорватских диалектах – в единичном пункте кайкавских говоров (п. 27);

(špek)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *šp'ik, šp'ig*; блр. *šp'ik*; хрв. *špex, špek, špax*): в русских диалектах лексема получила широкое распространение в севернорусских (Арх. пп. 532, 535, 540, 556, 557, 569, 571, 572, 573, 574, 578; Волог. пп. 588, 589, 592, 600, 611, 612, 613, 616, 619, 620, 624, 627, 638, 639, 642, 648, 668), а также в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 608, 609, 610, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 652, 653, 654, 655, 674, 675, 692, 710, 711, 712; Твер. пп. 661, 662, 663, 679, 680, 681, 694, 696, 698, 700, 713, 714, 715); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 348); в хорватских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах кайкавских (пп. 27, 29, 30, 35) и чакавских (пп. 22, 25) говоров.

Русско-(белорусско-)хорватские лексические корреспонденции не имеют обширных ареалов: в русских диалектах они локализируются чаще всего в севернорусских говорах (особенно в архангельских); в белорусских они имеют точечные ареалы в северо-восточных говорах; в хорватских диалектах их характеризуют островные ареалы в кайкавских и чакавских говорах.

Сербские диалекты

Русско-(белорусско-)сербские лексические параллели представлены более обширным кругом корреспондирующих лексем, ср.:

peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *p'eč'ot*, *p'ek'ot*, *p'ič'ot*, *p'ik'ot*; блр. *peče*; серб. *peče*): в русских диалектах лексема встречается в основном в южнорусских говорах (Смол. п. 762; Тул. п. 792; Липец. п. 827; Курск. п. 837); в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 372); в сербских – в штокавских говорах Боснии и Герцеговины (п. 61);

ov-čj-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *o'v'eč'ina*, *a'v'eč'ina*, *a'v'eč'i-na*; блр. *a'v'eč'ina*; серб. *ovčina*): в русских диалектах лексема встречается в западной группе русских говоров (Твер. п. 713; Смол. пп. 746, 758); в белорусских – в отдельных пунктах северо-восточных (п. 333) и юго-западных говоров (п. 365); в сербских диалектах она имеет точечный ареал в призенско-тимокских говорах (п. 88);

tel-čt-j-e (subst) к. 23 'мясо теленка' (рус. *t'e'l'ač'je*; блр. *tyl'ač'e*; серб. *te'leč'o*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 553, 556, 576); в белорусских она имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 362); в сербских – в штокавских говорах на территории Румынии (п. 169);

sz-got-ov-i-lь к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус. *sgo'tov'it*, *zgo'tov'it*, *zja'tov'ic*; блр. *zja'tov'ic*; серб. *zgótovi*): в русских диалектах лексема распространена в основном в западной группе говоров (Новг. пп. 582, 608; Ладого-Тихвин. п. 565; Пск. пп. 628, 655; Смол. п. 771); в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в северо-восточных говорах (п. 360); в сербских – в говорах Боснии и Герцеговины (п. 58);

(špek)-ь к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *šp'ik*, *šp'ig*; блр. *šp'ik*; серб. *špek*): в русских диалектах лексема получила широкое распространение в севернорусских (Арх. пп. 532, 535, 540, 556, 557, 569, 571, 572, 573, 574, 578; Волог. пп. 588, 589, 592, 600, 611, 612, 613, 616, 619, 620, 624, 627, 638, 639, 642, 648, 668), а также в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 608, 609, 610, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 652, 653, 654, 655, 674, 675, 692, 710, 711, 712; Твер. пп. 661, 662, 663, 679, 680, 681, 694, 696, 698, 700, 713, 714, 715); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 348); в сербских диалектах лексема зафиксирована в отдельных штокавских говорах Боснии и Герцеговины (пп. 49, 59).

Русско-(белорусско-)сербские лексические параллели не имеют обширных ареалов: в русских диалектах они локализуются чаще всего в западной группе русских говоров; в белорусских они имеют точечные ареалы в северо-восточных и полесских говорах; в сербских диалектах их характеризуют островные ареалы в штокавских говорах Боснии и Герцеговины.

Македонские диалекты

Русско-(белорусско-)македонские лексические корреспонденции иллюстрирует лишь единичный пример, ср.:

вѣрхъ-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус. *v'erx*; блр. *v'er'x*, *v'erx*; мак. *vff*, *var*, *vrax*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в брянских говорах (п. 797); в белорусских диалектах она отмечена в некоторых северо-восточных (пп. 352, 379), западнополесских (п. 374) и среднебелорусских говорах (пп. 397, 398); в македонских диалектах она встречается в говорах Эгейской Македонии (пп. 108, 113), а также в отдельных пунктах центральномакедонских говоров (п. 97).

Итак, общий анализ русско-(белорусско-)славянских лексических изоглосс показал, что они ориентированы в основном на западнославянское направление, и прежде всего на польский язык. Именно в польских диалектах корреспондирующие лексемы представлены, как правило, обширными ареалами, тогда как редкие словацкие или чешские соответствия являются часто локально ограниченными.

Русско-(белорусско-)южнославянские изоглоссы являются менее выразительными, в связи с чем выделить в них какое-либо одно направление довольно трудно (хотя нельзя не отметить, что наибольшее число схождений наблюдается с сербскими диалектами).

В русских диалектах русско-(белорусско-)славянские изоглоссы концентрируются чаще всего в западной группе русских говоров (новгородских, псковских, тверских или смоленских) и только одна лексема — *glin-j-an-ъn-ъ* к. 50 'сделанный из глины' (не считая заимствованной из немецкого языка лексемы (*špek*)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине') имеет в русских диалектах практически повсеместное распространение.

Типологически сходная ситуация наблюдается и в белорусских диалектах, где только одна из корреспондирующих лексем, а именно лексема *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела,

молозиво' имеет широкое распространение, в то время как все остальные являются ареально ограниченными (они локализируются чаще всего либо в северо-восточных говорах, либо в юго-западных, особенно в западнopolесских, либо имеют точечные ареалы в говорах, граничащих с русскими диалектами).

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди русско-(белорусско-)западнoславянских корреспонденций имеются лексемы, которые представлены ярко выраженными обширными ареалами в русских, белорусских или в западнoславянских диалектах (ср., например, распространение лексем *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' в белорусских диалектах; *glin-j-an-ъn-ъ* к. 50 'сделанный из глины' – в русских, *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' – в польских; *běl-ъk-o* к. 42 'белая часть яйца' – в словацких или *tel-et-j-e* (subst) к. 23 'мясо телят' – в чешских диалектах), среди русско-(белорусско-)южнoславянских параллелей таких ареальных сценариев не наблюдается. Особо следует выделить ситуацию в польских диалектах, где практически все корреспондирующие лексемы (за исключением *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво') представлены обширными ареалами (для сравнения в русско-(украинско-)западнoславянских связях такая ситуация не прослеживается).

* * *

Итак, анализ русско-(украинско-)славянских и русско-(белорусско-)славянских лексических связей свидетельствует о том, что в формировании русско-славянских лексических параллелей роль украинских и белорусских диалектов оказывается разной: если белорусские диалекты «обеспечивают» прежде всего русско-западнoславянские связи (не случайно именно здесь лексические корреспонденции имеют чаще всего обширные ареалы), то украинские диалекты активно участвуют в формировании прежде всего русско-южнoславянских параллелей (и именно среди них встречаются корреспонденции с ярко выраженными ареалами в русских, украинских или в южнoславянских диалектах).

Примечательно, что среди русско-(украинско-)славянских параллелей имеются лексические соответствия, представленные неизводными основами (ср. например, рус.-укр.-хрв.-серб.-блг.: *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *lus'ka*, *luz'ya*; укр. *luš'ka*; хрв. *lūska*; серб. *lūska*, *lūska*; блг. *l'uški*); рус.-укр.-слн.-хрв.-

серб.-мак. *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *p'ena*, *p'ena* *p'enə*; укр. *p'ina*, *p'in'a*, *p'ie'na*, *p'ina*; слн. *piēna*, *piēna*, *pi:na*, *pē:na*, *pe:ina*; хрв. *pēna*, *p'ina*, *p'iñe*; серб. *pēna*; мак. *peña*, *pena*); рус.-укр.-луж. *děž-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *d'i'ža*; укр. *d'i'ž'e*; луж. *žeža*, *žež'a*), тогда как среди русско-(белорусско-)славянских соответствий такие корреспонденции практически отсутствуют, что имеет важное значение при хронологической интерпретации этих связей.

Следует, однако, признать, что в целом характер этих связей является принципиально иным по сравнению с русско-(украинско-белорусско-)славянскими связями, так как корреспондирующие лексемы в русских и украинских диалектах, а также в русских и белорусских являются, как правило, ареально ограниченными, в то время как в западно- или в южнославянских диалектах они нередко имеют обширные ареалы (ср., например, распространение лексем *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке) в словенских диалектах, *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' в сербских диалектах или *pol-u-dьn-e*, *pol'-u-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время' в болгарских диалектах; *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся' или *krom'-yk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' в польских диалектах). Напомню, что в русско-(украинско-белорусско-)славянских связях именно в восточнославянских диалектах межславянские лексические параллели были представлены чаще всего обширными ареалами.

Нельзя, однако, не отметить, что на картах встречается и такая ситуация, когда украинско-белорусское «посредничество» в этих лексических параллелях отсутствует, тогда как в русских диалектах такие ареальные связи прослеживаются, ср., например, распространение лексем *porzd-ьn'-ь*, *porzd-ьn'-ь* на к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj*, *po'roz'n'ij*, *po'roznyj*, *po'roznej*, *pa'roznaj*, *pa'roznej*; плс. *pruznu*, *prøznu*, *prøznu*, *pružnu*; луж. *proznu*, *prøznu*; чеш. *pra:znej*, *pra:znej*, *prā:znej*; слл. *pra:zni*, *pra:zni*, *pražni*; слн. *p'razen*, *prā:zan*, *p'ra:zan*, *p'ra:zan*, *prā:zq*; хрв. *prā:zan*, *p'ra:žni*, *pra:'zo:n*, *prā:'žen*; серб. *prā:zan*, *prā:zan*, *p'ra:zan*, *p'ra:zan*; мак. *prazen*, *p'razen*; блг. *p'razen*, *p'razen*, *p'razin*, *pra'zen*'), ареал которых в русских диалектах тянется узкой полосой с северо-востока (архангельские, вологодские говоры), на запад (новгородские, псковские, тверские), где далее они широко распространяются в западно- и южнославянских диалектах.

Другой пример, хотя и менее впечатляющий по своим масштабам, однако также показателен: он связан с локализацией лексемы

kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *'koža*; чеш. *koža*, *koža*; хрв. *koža*; блг. *'kožə*, *'koži*), которая имеет дисперсный ареал в русских говорах (преимущественно в севернорусских) и островные ареалы в чешских, хорватских и болгарских диалектах.

Наличие подобных лексических параллелей заставляет обратиться к изучению сепаратных связей русских диалектов, в которых «посредническая» роль украинских и белорусских диалектов отсутствует, между тем как русско-славянские лексические изоглоссы прослеживаются.

8. Сепаратные связи русских диалектов

Среди ареальных связей русских диалектов, несомненно, наибольший интерес представляют такие лексические корреспонденции, которые непосредственно характеризуют русские говоры. Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, эти связи представляют собой своеобразную «языковую эрозию» (Журавлев 1992: 113), т.е. остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому «в сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изоглоссы, т.е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений» (Куркина 1992: 28).

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях впервые предоставляет возможность Общеславянский лингвистический атлас, карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и, прежде всего, вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возводилась в ранг определяющей.

Приступая к анализу сепаратных связей русских диалектов, следует сразу сказать, что в целом таких связей сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что дает возможность оценить роль русских диалектов в формировании славянского языкового ландшафта.

8.1. Русско-западнославянские сепаратные изоглоссы

Русско-западнославянские сепаратные соответствия представлены довольно скромно (особенно на фоне многочисленных русско-южнославянских изоглосс). При этом для них, как правило, не характерно наличие обширных ареалов ни в русских, ни в западнославянских диалектах (исключением являются лишь лексемы *porzd-ън-ъ*, *porzd-ън-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный', которые имеют довольно плотный ареал во всех западнославянских языках, а также в русских диалектах; кроме того, лексема (*traxter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', заимствованная из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*, которая имеет обширные ареалы в чешских, западнословацких и кашубских диалектах; лексема *kož-a* к. 31 'пенка' (на молоке), распространенная повсеместно в словацких диалектах, и лексемы *ob-škar-ъk-у*, *ob-skvar-ъk-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала', имеющие обширный ареал в чешских диалектах).

Ареалогический анализ этих сепаратных изоглосс показал, что они ориентированы в основном на словацкий язык.

Польские диалекты

Русско-польские лексические корреспонденции представлены следующими лексемами:

porzd-ън-ъ, *porzd-ън-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj*, *po'roznyj*, *pa'roznoj*, *pa'roznej*; плс. *pruzny*, *prężny*, *próżny*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в польских диалектах они распространены практически повсеместно (особенно широко в малопольских говорах);

(*traxter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el'*, *t'r'axt'əl'*; плс. *t'rextel*, *t'ræxtel*, *trixter*, *tr'i-xter*, *tryxter*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в

среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в польских диалектах она отмечена в кашубских (пп. 241, 242, 244, 246, 250), шленских (пп. 288, 289, 299, 308), а также в отдельных пунктах мазовецких (п. 251) и великопольских (п. 278) говоров;

ob-škar-ъk-y, ob-skvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *ašk'vark'i, ošk'vark'i*; плс. *oskwork'i*): в русских диалектах лексемы встречаются в некоторых севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских говорах (Новг. п. 637; Иванов. п. 705); в польских диалектах они имеют точечный ареал в малопольских говорах (п. 310);

skor-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *š'kura*; плс. *s'korə, s'kora, s'kčere*): в русских диалектах лексема представлена в единичных пунктах южнорусских (Курск. п. 823) и среднерусских (Пск. п. 628) говоров. Однако ареал ее значительно расширится, если принять во внимание дериват с этим корнем – *skor-ъk-a*, который широко распространен в южнорусских говорах (Орл. пп. 802, 815, 825; Брян. п. 814; Липец. пп. 818, 819, 826, 827, 829; Тамбов. п. 821; Курск. пп. 824, 831, 832, 833; Ворон. п. 828; Белгор. пп. 838, 841, 844, 845, 846); в польских диалектах ареал этой лексемы лежит главным образом в кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 245, 249), а также в отдельных пунктах шленских говоров (пп. 277, 299).

Несмотря на немногочисленность русско-польских сепаратных соответствий, в их распространении прослеживается определенная повторяемость, а именно: в русских диалектах они встречаются чаще всего в среднерусских говорах (особенно в их западной группе), а в польских – в кашубских и шленских говорах.

Словацкие диалекты

Русско-словацкие лексические параллели представлены следующими лексемами:

porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; слц. *pra:zni, pra:zni, prazni*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск.

пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в словацких диалектах эти лексемы распространены практически повсеместно;

(*traxter*)-ь: к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el'*, *t'r'axt'el'*; слц. *trakte:r*, *troxte:r*, *traxta:r*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских псковских говорах (п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в словацких диалектах она локализуется в основном в западнословацких говорах (пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 221);

koryt'-ьс-е к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'rytco*, *ko'rys':э*; слц. *korece*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Карел. п. 552; Ладого-Тихвин. п. 563); в словацких она имеет точечный ареал в среднесловацких говорах (п. 224);

kraj'-ь к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *kraj*; слц. *kraj*): лексема имеет точечные ареалы в русских (Арх. п. 578; Твер. п. 715) и словацких диалектах (п. 216);

ob-škar-ьк-у, *ob-skvar-ьк-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *ašk'vark'i*, *ošk'vark'i*, *ošk'varky*; слц. *oškvarki*): в русских диалектах лексемы встречаются в отдельных пунктах севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских говоров (Новг. п. 637; Иван. п. 705); в словацких диалектах они распространены в основном в западнословацких говорах (пп. 154, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 221). Ареал этих лексем вписывается в более обширный ареал лексемы *škar-ьк-у*, распространенной в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, чешских и словацких диалектах;

kož'-а к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'koža*; слц. *koža*): лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); при этом она широко распространена в западнословацких диалектах (пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 221), реже – в среднесловацких (пп. 217, 219, 223, 224);

производные с корнем **dvig-/dviž-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *roz'd'v'in'oc:a*; слц. *dvi:ha: sa*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 575); в словацких они зафиксированы в западнословацких говорах на территории Венгрии (п. 154).

В русских диалектах русско-словацкие сепаратные соответствия локализуются чаще всего в архангельских и в западной группе сред-

нерусских говоров. В словацких диалектах они концентрируются в основном в западнословацких говорах.

Чешские диалекты

Русско-чешские лексические соответствия представляют следующие лексемы:

porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznej, pa'roznoj, pa'roznej*; чеш. *pra:znej, pra:zdney, prq:zne:, pra:zny:*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в чешских диалектах они распространены повсеместно;

(traxter)-ъ: к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; чеш. *trixti:r, trixti:ř, tryxtyr, traxti:ř*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в чешских диалектах она распространена повсеместно;

ob-škvār-ъk-y, ob-skvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *ašk'vark'i, ošk'vark'i*; чеш. *oškvarķi, oškvarķe, voškvarķi*): в русских диалектах лексемы встречаются в некоторых севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских говорах (Новг. п. 637; Иван. п. 705); в чешских диалектах они имеют обширный ареал в собственно чешских (пп. 183, 184, 185, 186, 188), моравских (пп. 196, 200, 201, 204, 205, 206) и в некоторых ляхских говорах (п. 202). Локализация этих лексем вписывается в более обширный ареал лексемы *škvār-ъk-y*, распространенной в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, чешских и словацких диалектах;

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'koža*; чеш. *ku:že, ku:ža, koža*): лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); в чешских диалектах она имеет островные ареалы в моравских и в собственно чешских говорах (пп. 188, 199, 204);

kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *'koža*; чеш. *koža, koža*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686), среднерусских (Владимир.-Поволж. пп. 719, 720, 734 754, 765) и южнорусских говорах (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792). В чешских диалектах она отмечена в некоторых пунктах ляхских говоров (пп. 197, 202).

В русских диалектах русско-чешские сепаратные соответствия локализируются чаще всего в архангельских и в западной группе среднерусских говоров. В чешских диалектах они имеют островные ареалы в моравских, ляхских и в собственно чешских говорах.

Лужицкие диалекты

Русско-лужицкие лексические параллели иллюстрируют лишь несколько лексем:

porzd-yn-ъ, porzd-yn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznej, pa'roznoj, pa'roznoj*; луж. *proznu, prōznu*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в лужицких диалектах они распространены как в верхне-, так и в нижнелужицких говорах;

(traxter)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; луж. *trajx'tar', trix'tar, tryxtar*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в лужицких диалектах она распространена в основном в верхнелужицких говорах;

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'koža*; луж. *koža*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); в лужицких диалектах она распространена и в верхне-, и нижнелужицких говорах (пп. 235, 237).

В русских диалектах русско-лужицкие сепаратные соответствия имеют островные ареалы в севернорусских и в западной группе сре-

днерусских говоров; в лужицких они концентрируются в основном в верхнелужицких говорах.

8.2. Русско-южнославянские сепаратные изоглоссы

Сепаратные параллели русских диалектов с южнославянскими представлены более выразительно как в плане репертуара лексем, их составляющих, так и в ареальном плане, поскольку они нередко имеют ярко выраженные ареалы в русских диалектах и/или в одном из южнославянских языков. Кроме лексем *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный', имеющих обширный ареал во всех южнославянских диалектах, можно отметить распространение лексемы *//už-in-a-j-e-tъ* к. 60 'ест обед', обладающей плотным ареалом в словенских и хорватских диалектах; лексем *svin-ęt-in-a*, *svin-j-ęt-in-a* к. 21 'мясо свиньи' и *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' — в хорватских и сербских диалектах; лексемы *sofd-ъk-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) — в македонских диалектах.

При этом в общей сумме русско-южнославянских изоглосс количественно преобладают лексические корреспонденции с сербскими и хорватскими диалектами (в хорватских диалектах, особенно в кайкавских говорах, выявленные лексические параллели представлены чаще всего обширными ареалами).

Словенские диалекты

Русско-словенские сепаратные соответствия характеризуют следующие лексемы:

porzd-ъn-ъ, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj*, *po'roz'n'ij*, *po'roznyj*, *po'roznaj*, *pa'roznaj*, *pa'roznaj*; слн. *p'razen*, *prà:zan*, *p'ra:zən*, *p'ra:zən*, *prà:zən*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675,

692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в словенских диалектах они распространены повсеместно;

(*traxter*)-ъ: к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el'*, *t'r'axt'el'*; слн. *t'ra:xtar*, *t'ra:xtar*, *t'ra:xtar*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в словенских диалектах она локализуется в некоторых ровтарских (пп. 6, 8), горенских (п. 9), штаерских (пп. 10, 17, 18, 19), доленских (пп. 13, 14, 15), паннонских (п. 20), прекмурских говорах (п. 149), а также в говорах Каринтии (пп. 146, 147, 148);

svin-ēt-in-a, *svin-j-ēt-in-a* к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'i'n'at'ina*; слн. *svinē:tna*): лексема имеет точечные ареалы как в русских (Новг. п. 634; Брян. п. 797), так и словенских говорах (п. 9);

ov-ъč-ēt-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *of'č'at'ina*; слн. *'a:ūčetina*, *aiče'tejna*): в русских диалектах лексема отмечена в среднерусских говорах (Новг. п. 632); в словенских она зафиксирована в штаерских говорах (пп. 18, 19);

mold-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *molo'dojo molo'ko*, *malo'doje molo'ko*; слн. *m'ladu m'le:jku*): в русских диалектах описательная конструкция имеет островные ареалы в севернорусских (Волог. п. 621) и среднерусских говорах (Новг. пп. 635, 637; Владимир.-Поволж. пп. 744, 756); в словенских диалектах она зафиксирована в костелских говорах (п. 13);

žolt-o, *žolt-ъ*, *žolt-a* к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol'tyj*, *žol'taj*; слн. *'žu:to*): в русских диалектах лексемы имеют точечный ареал в севернорусских (Костром. п. 688) и среднерусских говорах (Моск. п. 765); в словенских — в прекмурских говорах (п. 149);

žolt-j-ak-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol't'ak*; слн. *žu'tq:k*, *žu'čq:k*, *žu'ča:k*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в словенских диалектах она встречается в отдельных штаерских (п. 19), паннонских (п. 20) и прекмурских (п. 21) говорах;

skor-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *š'kura*; слн. *s'kourja*): в русских диалектах лексема отмечена в некоторых южнорусских (Курск. п. 823) и среднерусских говорах (Пск. п. 628); в словенских — в единичном пункте прекмурских говоров (п. 21);

//už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус. *'povžnajot*, *'pavžmat*; слн. *'južna*, *jū:žna*, *ja'ži:na*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 549, 555); в словенских —

плотный ареал в ровтарских (пп. 6, 8), горенских (пп. 7, 9), штаерских (пп. 10, 18, 19), доленских (пп. 12, 14), белоукраинских говорах (п. 15), а также в говорах Каринтии (пп. 146, 147, 148);

корень **dvig-/dviž-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *roz-d'v'in'oc:a*; слн. *uz'yuje*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 575); в словенских они зафиксированы в единичном пункте ровтарских говоров (п. 6).

В русских диалектах русско-словенские соответствия локализируются в основном в архангельских и в западной группе среднерусских говоров (особенно в новгородских). В словенских диалектах они концентрируются чаще всего в прекурских, штаерских, ровтарских и горенских говорах.

Хорватские диалекты

Русско-хорватские лексические соответствия иллюстрируют следующие лексемы:

porzd-yn-ъ, porzd-yn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznej, pa'roznoj, pa'roznej*; хрв. *prā:zan, p'ra:žni, pra:'zo:n, pra:'zen*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в хорватских диалектах они распространены повсеместно;

(traxter)-ъ: к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; хрв. *t'raxtq̃r, traktù:r, trā:ter, trak'te:r*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожиловских говорах на территории Эстонии (п. 527); в хорватских диалектах она встречается чаще всего в кайкавских говорах (пп. 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35), а также в отдельных пунктах чакавских (пп. 24, 148a) и штокавских говоров (пп. 36, 39);

kraj-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *kraj*; хрв. *krà:j, kra:j*): в русских диалектах лексема имеет

точечные ареалы в севернорусских (Арх. п. 578) и среднерусских говорах (Твер. п. 715); в хорватских диалектах она образует латеральный ареал в чакавских (п. 37) и штокавских говорах (п. 45);

svin-ĕt-in-a, *svin-j-ĕt-in-a* к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'it'at'ina*; хрв. *s'vinĕtina*, *s'vin'etina*, *svine'tina*, *sviñĕ:tina*): в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в западной группе русских говоров (Новг. п. 634; Брян. п. 797); в хорватских диалектах она широко распространена в кайкавских (пп. 26, 27, 28, 29, 30, 32, 35) и штокавских говорах (пп. 33, 36, 39, 40, 41, 52);

porš-ĕt-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *poro's'at'ina*, *para's'at'ina*, *poro's'et'ina*; хрв. *prasĕtina*, *prāsetina*): в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 583; Волог. пп. 617, 621, 643), среднерусских (Новг. п. 656) и южнорусских говорах (Смол. п. 762); в хорватских диалектах она образует латеральный ареал в чакавских (п. 56) и штокавских говорах (п. 65);

ov-ŭĕ-ĕt-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *of'č'at'ina*; хрв. *ofĕe'tina*, *of'ĕetyna*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Новг. п. 632); в хорватских диалектах она распространена в кайкавских (пп. 27, 28, 29, 30, 35), штокавских (пп. 36, 39, 40, 41, 45, 52) и в отдельных пунктах чакавских говоров (п. 37);

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *koža*; хрв. *kôža*, *kuōža*): лексема имеет островные ареалы в русских (Арх. пп. 532, 535) и хорватских диалектах (шток. п. 40; чак. п. 148а);

mold-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *molo'dojo molo'ko*, *malo'doje malo'ko*; хрв. *m'la:do m'li:ko*, *mlā:do mli:ko*): в русских диалектах описательная конструкция имеет островные ареалы в севернорусских (Волог. п. 621) и среднерусских говорах (Новг. пп. 635, 637; Владимир.-Поволж. пп. 744, 756); в хорватских диалектах она зафиксирована в периферийных чакавских говорах (пп. 147а, 148а);

žblt-o, *žblt-ŭ*, *žblt-a* к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žoltij*, *žoltaj*; хрв. *žu:to do ja:ja*): в русских диалектах лексемы имеют точечный ареал в севернорусских (Костром. п. 688) и среднерусских (Моск. п. 765) говорах; в хорватских диалектах – в чакавских говорах (п. 23);

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *ko'ra*; хрв. *kora*, *ko:ra*, *ko:ra*, *kō:rg*): в русских диалектах лексема образует обширные ареалы в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 546, 549, 556, 557, 569, 570, 571; Волог. пп. 567, 591, 593); в хорватских диалектах она имеет плотный ареал в чакавских (пп. 23, 24, 25, 37, 42, 43, 44, 56), кайкавских (пп.

26, 28, 29, 30, 31, 32, 35) и штокавских говорах (пп. 33, 39, 40, 41, 45, 65). Следует отметить, что в русских диалектах имеются и другие производные с этим корнем (ср. *kor-ъk-a*, *kor-in-a*), что еще больше расширяет радиус его распространения;

kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. 'koža'; хрв. *koža*): в русских диалектах лексема локализуется в основном в севернорусских (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686) и среднерусских говорах (Владимир.-Поволж. пп. 719, 720, 734, 754, 765), реже в южнорусских (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792); в хорватских диалектах она зафиксирована лишь в одном штокавском пункте (п. 150);

//*už-in-a-j-e-ть* к. 60 'ест обед' (рус. '*povžnajat*', '*pravžinat*'; хрв. '*južina*', '*užna*', '*jūžina*'): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 549, 555); в хорватских диалектах она распространена в штокавских (пп. 33, 39, 40, 41, 45, 52, 150), кайкавских (пп. 26, 35) и чакавских говорах (пп. 22);

производные с корнем **dvig-/dviž-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *roz'd'v'in'oc-a*; хрв. *dī:že se*, '*dīže se*', *nadī:že se*, '*z'di:že se*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 575); в хорватских они довольно широко распространены в кайкавских (пп. 26, 30, 31, 32, 35), чакавских (пп. 25, 37, 147a) и штокавских говорах (пп. 33, 65).

производные с корнем **jbd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте): (рус. *vzaj'd'ot*, *vzaj'd'et*', *padaj'd'et*', *padaj'd'ot*'; хрв. *nadō:že*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островные ареалы в некоторых севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 551, 562; Волог. п. 648; Костром. п. 686) и южнорусских говорах (Брян. пп. 800, 811; Тул. п. 804; Липец. п. 826; Белгор. п. 848); в хорватских диалектах они зафиксированы лишь в штокавском п. 39.

В русских диалектах русско-хорватские лексические соответствия локализируются чаще всего в севернорусских (особенно в архангельских и вологодских) и в западной группе среднерусских говоров (особенно в новгородских). В хорватских диалектах они сосредоточены в основном в чакавских и штокавских говорах.

Сербские диалекты

Русско-сербские лексические параллели иллюстрируют следующие лексемы:

porzd-ъn-ъ, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj*, *po'roz'n'ij*, *po'roznyj*, *po'roznaj*, *pa'roznaj*, *pa'roznaj*; серб. *prá:zan*,

prà:zan, p'ra:zan, p'ra:zan): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в сербских диалектах эти лексемы распространены повсеместно;

(traxter)-ь: к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; серб. *trátu:r*): в русских и сербских диалектах лексема имеет точечные ареалы; в русских диалектах — в среднерусских говорах (Пск. п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в сербских диалектах — в штокавских говорах (п. 38);

koryt'-ь-ь к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *ko'rytco, ko'ryc':э*; серб. *'kori'ce*): в русских диалектах лексема зафиксирована в некоторых севернорусских говорах (Карел. п. 552; Ладого-Тихвин. п. 563); в сербских — в штокавских говорах на территории Венгрии (п. 151);

kraj'-ь к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *kraj*; серб. *kraj, kra:j, krà:j*): в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в севернорусских (Арх. п. 578) и среднерусских говорах (Твер. п. 715); в сербских диалектах она образует островные ареалы в штокавских говорах Черногории и Сербии (пп. 74, 75, 76, 84);

svin-ët-in-a, svin-j-ët-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'i'n'at'ina*; серб. *svi'netina, svi'netina, svi'netina*): в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в западной группе русских говоров (Новг. п. 634; Брян. п. 797); в сербских диалектах она широко распространена в штокавских говорах Сербии, Черногории и Боснии (пп. 46, 48, 49, 50, 51, 54, 57, 58, 59, 62, 63, 67, 68, 69, 72, 74, 76, 80, 82, 83, 84, 168);

porc-ët-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *poro's'at'ina, para's'at'ina, poro's'et'ina*; серб. *pra'setina*): в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 583; Волог. пп. 617, 621, 643), среднерусских (Новг. п. 656) и южнорусских говорах (Смол. п. 762); в сербских диалектах она имеет точечный ареал в штокавских говорах (п. 75);

ov-šč-et-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *ofč'at'ina*; серб. *ovčetiina, ovčetiina*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских говорах (Новг. п. 632); в сербских диалектах она широко распространена в штокавских говорах (пп. 38, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 57, 58, 60, 62, 63, 66, 67, 68, 69, 75, 76, 77, 82, 83, 84, 86);

mold-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *molo'dojo molo'ko, molo'doje molo'ko*; серб. *mlá:do mlé:ko*): в русских диалектах описательная конструкция имеет островные ареалы в севернорусских (Волог. п. 621) и среднерусских говорах (Новг. пп. 635, 637; Владимир.-Поволж. пп. 744, 756); в сербских диалектах она отмечена в некоторых пунктах штокавских говоров (пп. 53, 55);

sěr-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *so'r'onojo molo'ko, 's'ir'an:o molo'ko, 's'irno molo'ko*; серб. *'seravo mlé'ko, 'siravo mlé:ko*): в русских диалектах описательная конструкция встречается в некоторых севернорусских (Арх. п. 572; Волог. пп. 567, 568, 588; Ладого-Тихвин. п. 564) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 610); в сербских диалектах она зафиксирована в отдельных штокавских говорах (пп. 69, 86);

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'koža*; серб. *kò:ža, 'koža*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); в сербских она зафиксирована в отдельных штокавских говорах (пп. 151, 168);

žylt-j-ak-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *žol't'ak*; серб. *žú:jak*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских говорах (Арх. п. 548); в сербских – в призренско-тимокских (п. 83);

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *ko'ra*; серб. *'kora, kòra, kóra*): в русских диалектах лексема образует обширные ареалы в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 546, 549, 556, 557, 569, 570, 571; Волог. пп. 567, 591, 593); в сербских диалектах она имеет плотный ареал в штокавских говорах (пп. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 57, 58, 60, 61, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 88);

//už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус. *'povžnajot, 'pavžynat*; серб. *ùžina:, 'užina, 'užina:je*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 549, 555); в сербских диалектах она sporadически встречается в штокавских говорах (пп. 67, 82, 151, 152);

sołd-ъk-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус. *s'latkoj, s'latkoj*; серб. *slàdak, slàdak, s'ladak*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских (Арх. пп. 553, 570) и среднерусских (Владимир.-

Поволж. п. 745) говорах; в сербских диалектах она распространена в некоторых штокавских говорах (пп. 61, 66, 68, 69, 79, 83, 86, 151).

В русских диалектах русско-сербские лексические корреспонденции локализуются чаще всего в севернорусских (особенно в архангельских и вологодских) и в западной группе среднерусских говоров (особенно в новгородских). В сербских диалектах они концентрируются в отдельных штокавских говорах (особенно часто в пп. 67, 68, 69, 74, 75, 76, 82, 83, 84, 85, 151).

Македонские диалекты

Русско-македонские лексические параллели представлены следующими лексемами:

porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; мак. *prazen, p'razen*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710, 711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в македонских диалектах они распространены повсеместно;

svin-ѣt-in-a, svin-j-ѣt-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус. *sv'i'n'al'ina*; мак. *sfiŋetina*): в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в западной группе русских говоров (Новг. п. 634; Брян. п. 797); в македонских диалектах она зафиксирована в отдельном пункте северномакедонских говоров (п. 93);

ov-ѣč-ѣt-in-a к. 24 'мясо барана' (рус. *of'č'al'ina*; мак. *ofčetina*): в русских и македонских диалектах лексема имеет точечный ареал; в русских диалектах – в среднерусских говорах (Новг. п. 632); в македонских – в северномакедонских (п. 93);

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *'koža*; мак. *'koža*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); в македонских она зафиксирована в единичном пункте восточных говоров (п. 105);

sēr-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *so'r'onojo molo'ko, 's'ir'an:o molo'ko, 's'irno molo'ko*; мак. *siri'la-*

vo m'leko): в русских диалектах описательная конструкция встречается в некоторых севернорусских (Арх. п. 572; Волог. пп. 567, 568, 588; Ладого-Тихвин. п. 564) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 610); в македонских диалектах она отмечена в единичном пункте восточных говоров (п. 103);

sojld-ъk-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус. *s'latkoj*, *s'latkoj*; мак. *s'ladok*, *s'laduk*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских (Арх. пп. 553, 570) и среднерусских говорах (Владимир.-Поволж. п. 745); в македонских диалектах она имеет обширный ареал в говорах Эгейской Македонии (пп. 106, 107, 108, 109, 110, 111), а также в некоторых восточномакедонских говорах (пп. 103, 104);

производные с корнем **jъd-* к. 14 'подходит, растёт' (о тесте): (рус. *vzaj'd'ot*, *vzaj'd'et'*, *pъdaj'd'et'*, *pъdaj'd'ot'*; мак. *zidi*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островные ареалы в отдельных севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 551, 562; Волог. п. 648; Костром. п. 686) и южнорусских говорах (Брян. пп. 800, 811; Тул. п. 804; Липец. п. 826; Белгор. п. 848); в македонских диалектах они имеют четко очерченный ареал в говорах Эгейской Македонии (пп. 106, 107, 108, 109).

В русских диалектах русско-македонские лексические корреспонденции характерны в основном для севернорусских (особенно архангельских и вологодских) и западной группы среднерусских говоров (особенно новгородских). В македонских диалектах они имеют островные ареалы в северно- и восточномакедонских говорах, а также в говорах Эгейской Македонии.

Болгарские диалекты

Русско-болгарские сепаратные изоглоссы иллюстрируют следующие лексемы:

porzd-ъn-ъ, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус. *po'roznoj*, *po'roz'n'ij*, *po'roznyj*, *po'roznej*, *pa'roznoj*, *pa'roznej*; блг. *p'razen*, *p'razen*, *p'razin*, *pra'zen*): в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 540, 544, 545, 546, 547, 555, 556, 569, 573, 557, 604; Ладого-Тихвин. пп. 551, 552, 563, 564, 565, 566, 580, 583, 585, 586; Волог. пп. 568, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 597, 623, 625, 626, 646); кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 582, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 656, 657; Пск. пп. 605, 606, 628, 651, 652, 653, 655, 674, 675, 692, 710,

711; Твер. пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700); в болгарских диалектах эти лексемы распространены повсеместно;

sěr-o mēlk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *so'r'onojo molo'ko*, *'s'ir'an:o molo'ko*, *'s'irno molo'ko*; блг. *'serno m'leko*, *sere'lavo m'leko*); в русских диалектах описательная конструкция встречается в некоторых севернорусских (Арх. п. 572; Волог. пп. 567, 568, 588; Ладого-Тихвин. п. 564) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 610); в болгарских диалектах она зафиксирована в отдельных западных говорах (пп. 122, 125);

žŭlt-o, žŭlt-ъ, žŭlt-a к. 43 'желтая часть яйца' (рус. *'žoltyj, 'žoltaj*; блг. *'želtu, 'že:ltu, 'želtu, 'želtu*); в русских диалектах лексемы имеют точечный ареал в севернорусских (Костром. п. 688) и среднерусских говорах (Моск. п. 765); в болгарских диалектах они имеют четко очерченный ареал в латеральной зоне северо- и юго-восточных говоров (пп. 138, 143, 144), в том числе говоров на территории Греции (пп. 850, 851) и Турции (п. 853);

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *ko'ra*; блг. *'kora, ku'ra*); в русских диалектах лексема образует обширные ареалы в севернорусских говорах (Арх. пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 546, 549, 556, 557, 569, 570, 571; Волог. пп. 567, 591, 593); в болгарских диалектах она имеет довольно плотный ареал в юго-восточных говорах (пп. 126, 133, 134, 136, 140, в том числе на территории Греции п. 851) и точечный — в западных (п. 121);

kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *'koža*; блг. *'koža, 'koži*); в русских диалектах лексема локализуется в основном в севернорусских (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686) и среднерусских говорах (Владимир.-Поволж. пп. 719, 720, 734, 754, 765), реже в южнорусских (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792); в болгарских диалектах она отмечена лишь в некоторых пунктах северо- и юго-восточных говоров (пп. 137, 141);

/juž-in-a-j-e-tъ к. 60 'ест обед' (рус. *'povžnajot, 'pavžynat*; блг. *juž'nie*); в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 549, 555); в болгарских диалектах она зафиксирована в единичном пункте западных говоров (п. 121);

sołd-ъk-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус. *s'latkoj, s'latkoj*; блг. *s'ladak, s'latak, s'latku*); в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских (Арх. пп. 553, 570) и среднерусских говорах (Владимир.-Поволж. п. 745); в болгарских диалектах ее характеризует плотный ареал в северо- и юго-восточных говорах (пп. 127, 129, 137, 138, 140, 143) и точечный — в западных (п. 123);

**jьd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте): (рус. *vzaj'd'ot, pədaɟ'd'ot*; блг. *vo'zide, vozi'de*): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островные ареалы в отдельных севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 551, 562; Волог. п. 648; Костром. п. 686) и южнорусских говорах (Брян. пп. 800, 811; Тул. п. 804; Липец. п. 826; Белгор. п. 848); в болгарских диалектах они зафиксированы в единичных пунктах западных (п. 122) и северо-восточных говоров (п. 127).

В русских диалектах русско-болгарские лексические соответствия локализуются чаще всего в севернорусских говорах (особенно в архангельских и вологодских); в болгарских диалектах они имеют островные ареалы, как правило, в западных, северо- и юго-восточных говорах.

* * *

Итак, как видно из приведенного материала, лексические изоглоссы, иллюстрирующие русско-славянские сепаратные корреспонденции, в своей основной части ориентированы чаще всего на южнославянское направление, причем прежде всего на сербские и хорватские диалекты (количество изолексов, представляющих русско-южнославянские лексические параллели, в несколько раз превышает число русско-западнославянских изоглосс).

Что касается русско-западнославянских связей, то в отличие от тех изоглосс, которые были поддержаны украинскими и белорусскими диалектами, они имеют иное направление, а именно ориентацию на словацкий язык (особенно на западнословацкие говоры), который традиционно рассматривается как язык во многих отношениях близкий к южнославянским, что вполне вписывается в общую картину сепаратных русско-славянских языковых соответствий, в которой ведущим является южнославянское направление.

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди русско-южнославянских связей имеется множество корреспонденций, которые характеризуются непронизованными основами (число их вдвое превышает русско-западнославянские соответствия), причем многие из них представлены обширными ареалами как в русских, так и в южнославянских диалектах (ср., например, распространение лексемы *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'), среди русско-западнославянских параллелей таких корреспонденций практически не наблюдается. И этот факт заслуживает особого внимания при хронологической стратификации выявленных соответствий.

Несмотря на то, что большая часть русско-славянских сепаратных схождений в русских диалектах имеет локально ограниченные (а иногда и просто точечные) ареалы, в распределении корреспондирующих лексем прослеживаются определенные закономерности. Они связаны с тем, что ареалы этих лексем локализируются, как правило, в севернорусских или в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских).

Заслуживает внимания также и тот факт, что некоторые из этих лексических параллелей прослеживаются как в западно-, так и в южнославянских диалектах (ср., например, распространение лексем *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.); *kraj-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-хрв.-серб.-слц.). Это обстоятельство, как представляется, свидетельствует о том, что подобные лексические параллели могут быть продолжением тех древних трансдиалектных связей, которые существовали в исходной системе и до сих пор сохраняются в славянских языках.

Наличие дистантных ареалов лексем, относящихся к первичным понятиям традиционного крестьянского быта, является свидетельством генетической общности близкородственных языков и проявлением, скорее, архаики, нежели независимого типологически сходного образования.

Временная характеристика сепаратных связей русских диалектов

Как уже отмечалось выше, характер ареала той или иной лексики дает возможность рассмотреть ее не только в пространственном, но и в временном аспекте, ибо ареал несет информацию о времени и условиях его развития и формирования.

Среди ареальных сепаратных связей русских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда репрезентирующие их лексемы равномерно покрывают территорию тех или иных говоров. В основном они представлены лексемами, не имеющими широкого распространения. И тем не менее их хронологическая интерпретация оказывается разной.

При установлении относительной хронологии выявленных изоглосс учитывались следующие диагностирующие признаки.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).
2. Место локализации ареалов, т.е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.
3. Качественная характеристика ареала – обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резанные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).
2. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.
3. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).
4. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.
5. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).
6. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).
7. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).
8. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных схождений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

Эти классификационные признаки позволяют соотнести генетическое и ареальное в выявленных схождениях и установить их относительную хронологию.

Пространственный критерий дает представление о типе ареала, его локализации. При этом наибольшей диагностирующей силой при определении относительной хронологии соотносительных явлений обладают не только масштабные, но и дистантные, обширные

или островные ареалы, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» (Принципы 1976: 184)¹.

Языковые явления, отмеченные в дистантных ареалах, могут сигнализировать, однако, не только о более древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архайческого фонда (Гриценко 1988: 104-105).

Что касается лингвистического критерия, то здесь чрезвычайно важным является характер основы выявленных корреспонденций, поскольку славянские лексемы с непроемной основой обладают большим классификационным весом при хронологической стратификации материала. А наличие возникших на их базе производных имен является еще одним усиливающим фактором, так как словообразовательные дериваты как бы расширяют «радиус их действия».

В связи с этим следует отметить, что на картах Атласа представлено более 100 таких лексем (например, *čas-a*, *kož-a*, *hosp-a*, *horp-a*, *žed-ь*, *//éd-a*, *smag-a*, *smaž-a*, *žir-ь*, *kljuk-a*, *skor-a*, *bojn-a* и т.д.), причем около половины из них являются эксклюзивными, тогда как другая половина отражает межславянские языковые связи.

Характерно, что большая часть их иллюстрирует русско-славянские языковые параллели, что является свидетельством той роли, которую играют русские диалекты в формировании славянского языкового ландшафта, ср., например, следующие лексемы:

kraj-ь рус.-хрв.-серб.-слц. к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';

tuk-ь рус.-луж. к. 27 'подкожный слой жира в свинине';

loj-ь рус.-слн. к. 27 'подкожный слой жира в свинине';

kož-a рус.-хрв.-серб.-мак.-чеш.-слц.-луж. к. 31 'пенка' (на молоке);

kož-a рус.-серб. к. 41 'скорлупа' (яйца);

žlt-o, *žlt-ь*, *žlt-a* рус.-слн.-хрв.-блг. к. 43 'желтая часть яйца';

skor-j-a рус.-слн.-плс. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

kož-a рус.-хрв.-блг.-чеш. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

¹ Ср. В связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» (Бородин 1980: 34).

kor-a рус.-хрв.-серб.-блг. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

Кроме них, на картах Атласа представлены и другие лексемы с непронизводными основами, в которых межславянские ареальные связи русских диалектов поддерживаются украинскими и белорусскими диалектами, ср.:

pust-ъ рус.-блр.-укр.-плс. к. 3 'пустой, ненаполненный';

žed-j-a рус.-укр.-блр.-плс.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг. к. 9 'желание, потребность пить';

mok-a рус.-блр.-укр.-плс.-слн.-хрв.-серб.-чеш.-слц. к. 11 'мука, из которой пекут хлеб';

děž-a рус.-укр.-луж. к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

koryt-o рус.-блр.-укр.-плс.-слн.-хрв.-чеш.-слц. к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

syť-ъ рус.-блр.-укр.-плс. к. 26 'содержащий много жира' (о мясе);

žir-ъ рус.-блр.-укр.-слн. к. 29 'топленое свиное сало';

pěň-a рус.-укр.-слн.-хрв.-серб.-мак. к. 31 'пенка' (на молоке);

věx-ъ рус.-укр.-блр.-мак. к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';

věx-ъ рус.-блр.-мак. к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана';

lusk-a рус.-укр.-блр.-плс.-хрв.-серб. к. 41 'скорлупа' (яйца);

var-ъ рус.-блр.-плс. к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';

lusk-a рус.-укр.-плс.-хрв.-серб.-блг. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

Примечательно, что в украинских и особенно в белорусских диалектах таких межславянских лексических корреспонденций с непронизводными основами представлено значительно меньше, ср.:

noš-ě плс.-укр. к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло';

žag-a плс.-укр. к. 9 'желание, потребность пить';

tyfst-ъ слн.-хрв.-блг.-чеш.-слц.-плс.-блр.-укр. к. 26 'содержащий много жира' (о мясе);

tylšč-ъ плс.-блр. к. 29 'топленое свиное сало';

tuk-ъ плс.-блр.-укр. к. 29 'топленое свиное сало';

mast-ъ слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-слц.-укр. к. 29 'топленое свиное сало';

šum-ъ луж.-укр. к. 31 'пенка' (на молоке);

kor-a хрв.-серб.-блр. к. 41 'скорлупа' (яйца);

krop-ъ слн.-хрв.-луж.-укр. к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';

lup-a слц.-плс.-укр. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

lusp-a мак.-блг.-укр. к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования выявленных лексических корреспонденций, в частности, наличие ~ отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует об их своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале. Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает и фактор системных отношений.

В этой связи существенным критерием является характер значения корреспондирующих лексем, так как диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале» (Дзендзелевский 1963: 97).

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные. Использование ареально-ретрогрессивного метода, т.е. приема последовательного снятия более поздних напластований в словообразовательной структуре отдельных лексем, позволяет выделить на анализируемой карте исходное двучленное противопоставление (а иногда даже нулевое противопоставление, т.е. отсутствие противопоставления в связи с распространением на всей территории лишь одного явления).

Следует, однако, заметить, что данные классификационные признаки не следует абсолютизировать, а «приемы ареальной лингвистики неправомерно рассматривать как жесткие правила, не знающие исключений. Они помогают более или менее верно определить характер явления, но это не значит, что при привлечении новых

языковых данных вывод не может быть пересмотрен» (Принципы 1976: 180).

Учитывая изложенные выше классификационные признаки, при хронологической стратификации выявленных сепаратных соответствий к архаизмам можно отнести, по-видимому, следующие лексемы:

kraj-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка': несмотря на то, что лексема образует островные ареалы в русских диалектах (Арх.п. 578; Твер. п. 715), а также в хорватских, сербских и словацких, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализируются в трех славянских языковых группах, кроме того, лексема представляет собой непроемную основу, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ъk-ъ*; рус.-блр. *kraj-uš-ъk-a*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ъc-ъ*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ъc-ъ*; блр.-укр. *ob-kraj-ъč-ik-ъ*; хрв.-укр. *съ-kraj-ъc-ъ*; серб.-плс. *съ-kraj-ъk-a*; слн.-слц. *kraj-ik-ъ*; чеш.-слц. *kraj-ič-ъk-ъ*; серб.-мак. *kraj-ъk-a*; мак.-блг. *kraj-ij-ъn-ik-ъ*, *kraj-ъč-e* и т.д. Значение этой лексемы, являющейся девербативом от глагола **krojiti* (ЭССЯ 12: 88) является первичным, т.е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва» (Фасмер II: 364; Черных I: 438; Преображенский I: 376);

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': лексема имеет ярко выраженные дистантные ареалы в окраинных диалектных зонах Славии – в русских (севернорусских) и южнославянских диалектах, является непроемной и служит базой для образования дериватов (ср. рус. *kor-ъk-a*, *kor-in-a*, серб. *kor-ub-a*); кроме того, этимологически лексема *kor-a* связана с и.-е. корнем **ker-* в значении 'резать', т.е. ее значение соотносится с этимологом, так как «обозначение коры, шкуры как чего-то срезанного, содранного вполне регулярно ономастиологически» (ЭССЯ 11: 45);

sěr-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': несмотря на то, что эта описательная конструкция встречается спорадически в русских, сербских, македонских и болгарских диалектах и не образует ярко выраженных ареалов, ее следует признать архаической, так как существующая во всех славянских языках однословная номинация *sěr-a* возникла путем свертывания этой конструкции, а на ее базе, в свою очередь, возникли производные типа *sěr-ъk-a*, *sěr-aj-ъ*, *sěr-ěj-ъ*, *sěr-in-a*, распространенные в сербских и македонских диалектах;

особого внимания заслуживает описательная конструкция *mold-o melk-o* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво', распространенная в русских, сербских и хорватских диалектах: типологически она сходна с конструкцией *sěr-o melk-o*, представленной на той же карте, однако между ними имеется принципиальное различие, которое связано с тем, что возникшие на базе свертывания этой конструкции дериваты *mold-iv-o*, *mold-iv-a* не имеют общеславянского распространения, как лексема *sěr-a*, а отмечены лишь в отдельных диалектах – польских, белорусских и русских, однако именно наличие этих дериватов позволяет предположить, что в прошлом данная конструкция была распространена значительно шире;

žblt-o, *žblt-ъ*, *žblt-a* к. 43 'желтая часть яйца': лексемы имеют четко очерченный ареал в латеральной зоне северо-восточных болгарских говоров, а также говоров на территории Греции и Турции, и точечный ареал в словенских (прекмурских п. 149), хорватских (чакавских п. 23) и русских говорах (Костром. п. 688; Моск. п. 765); несмотря на отсутствие ярко выраженного ареала этих лексем в русских говорах, их можно признать архаизмами, так как их корень служит основой для многочисленных дериватов, распространенных во всех славянских диалектах.

Остальные сепаратные русско-славянские лексические параллели представлены лексемами с производными основами. Основная разница между этими соответствиями заключена в их ареальной характеристике, так как одни из них имеют обширные ареалы, а другие – островные, ср.:

porzd-ън-ъ, *porzd-ън'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный': лексемы обладают обширными ареалами в западно- и южнославянских языках; кроме того, они имеют плотный ареал в русских диалектах, в частности в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров; наличие этих дистантных ареалов позволяет рассматривать данные лексемы в качестве архаизма.

К ареально ограниченным русско-славянским сепаратным соответствиям относятся следующие:

рус.-серб.-слц. *koryt-ъс-е* 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

рус.-слн.-хрв.-серб.-мак. *svin-ѣt-in-a*, *svin-j-ѣt-in-a* к. 21 'мясо свиньи';

рус.-хрв.-серб. *porъ-ѣt-in-a* к. 21 'мясо свиньи';

рус.-слн.-серб.-мак. *ov-ъѣ-ѣt-in-a* к. 24 'мясо барана';

рус.-слн.-серб. *žblt-j-ak-ъ* к. 43 'желтая часть яйца';

рус.-слн.-хрв.-серб.-блг. //už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед';
рус.-плс.-чеш.-слц. ob-škvar-ъk-y, ob-skvar-ъk-y к. 30 'пережарен-
ные кусочки сала'.

Эти дистантные ареальные соответствия, локализующиеся чаще всего в русских и южнославянских диалектах, являются, по-видимому, свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», они могут являть собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

Однако нельзя исключать и того, что это могут быть и поздние независимые типологически сходные образования (в пользу чего свидетельствует, прежде всего, производный характер основы этих лексем), ведь «различение соответствий и независимых параллельных образований затруднительно, и точно установить отличие одного от другого не удастся даже в пределах собственно славянских» (Трубачев 1967: 41).

К таким независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по-видимому, лексему *kož-a* к. 31 'пенка на молоке', несмотря на наличие у нее островных ареалов в одних диалектах (в частности, в русских пп. 532, 535; в чешских пп. 188, 199, 204; хорватских пп. 40, 148а; сербских пп. 151, 168; македонских п. 105) и довольно плотных – в других: в словацких (пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 221, 223, 224) и лужицких (пп. 235, 237). Переносный характер значения этой лексемы, исходная посессивная семантика которой была 'козья' (шкура) < **kozja* (ЭССЯ 12: 36), свидетельствует о более позднем его развитии.

Сходная ситуация с той же лексемой отражена и на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': лексема *kož-a* зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 535, 541; Костром. п. 686); среднерусских (Владимир.-Поволжских пп. 719, 720, 734, 754, 765) и южнорусских (Ряз. пп. 769, 780; Тул. п. 792); кроме того, она отмечена в болгарских ('*koža*, '*koži* пп. 137, 141) и чешских (*koža*, *koža* пп. 197, 202) диалектах. Значимость этой эксклюзивной лексемы подтверждают дериваты *kožu'ra*, *ko'žurk'i*, *ko'žux*, *kažu'xa*, *kuže'ra*, представленные на той же карте и отличительно характеризующие русские говоры. Однако переносный характер значения этой лексемы может служить доказательством независимого типологически сходного образования. В пользу этого свидетельствует, прежде всего, пространственный критерий, так как однотипный метафорический

перенос едва ли мог совершиться на таких огромных пространствах Славии.

На этом же основании к таким независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по-видимому, лексему *sold-ъk-ъ* к. 65 'вкусный', которая спорадически встречается в севернорусских (Арх. пп. 553, 570) и среднерусских (Владимир.-Поволжских п. 745) говорах, хотя широко представлена в сербских (*slâdak, slâdak, s'ladak, s'latok* пп. 61, 66, 68, 69, 79, 83, 86, 151), македонских (*s'ladok, s'latok, s'laduk* пп. 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111) и болгарских (*s'ladok s'latok, s'latku* пп. 123, 127, 129, 137, 138, 140, 143) диалектах. О независимом параллельном развитии свидетельствует, с одной стороны, точечный ареал этой лексемы в русских диалектах, а с другой – вторичный характер ее значения (из и.-е. *salt- 'соль': первоначальное значение 'соленый', отсюда 'приправленный', 'вкусный', 'сладкий', 'пряный' – Преображенский П: 319; Фасмер III: 713).

Отдельно следует сказать о лексеме *skor-j-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки', которая имеет ярко выраженный ареал в польских (кашубских) диалектах и точечный ареал в словенских (п. 21) и русских диалектах (Курск. п. 823; Пск. п. 628). Несмотря на наличие этих дистантных ареалов, локализирующихся в диалектах разных языковых групп, а также на существование многочисленных производных, возникших на базе корня *skor-* (ср. *skor-ъk-a, skor-o-lup-a, skor-o-lup-a, skor-o-lup-ъk-a, škoro-lup-ъk-a*), эту лексему вряд ли стоит рассматривать в числе архаизмов. Скорее всего, это более позднее образование, о чем свидетельствует, с одной стороны, точечный характер ее ареала в словенских и русских диалектах (микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, о чем говорит тот факт, что зафиксированная в них лексема *skor-j-a* не получила широкого употребления из-за присутствия в этих диалектах других, более распространенных и лингвистически активных форм; ср. например, существование в словенских диалектах многочисленных дериватов с корнем *lup-*: *lup-ъ, lup-ъk-ъ, lup-in-a, ob-lup-ъ, ob-lup-ъk-ъ*; в польских диалектах – лексемы *lup-in-a*; в русских диалектах – лексем *ob-čist-ъk-a, še-lux-a* и др.), а с другой стороны, ареальная характеристика производных лексемы *skor-j-a*, распространенных в русских, украинских, белорусских и польских диалектах, т.е. практически в рамках одной севернославянской языковой группы.

Интерпретация приведенных выше сепаратных параллелей русских диалектов свидетельствует о том, что она не имеет жесткого

характера: в каждом отдельном случае принимается во внимание свой набор диагностирующих признаков. А это значит, что единая, всеобъемлющая модель интерпретации вряд ли существует, в противном случае мы рискуем исказить представленную картину слишком прямолинейным применением этой модели при верификации результатов лингвистического картографирования².

9. Эксклюзивные связи русских диалектов

Не меньший интерес вызывают и эксклюзивные лексические связи, которые составляют принадлежность **лишь русских диалектов и диалектов одного из славянских языков**. Таких связей довольно немного, и они, как правило, представлены единичными примерами. Исключение составляют восточнославянские диалекты, в которых эксклюзивные лексические соответствия во много раз превышают русско-западно- и русско-южнославянские корреспонденции вместе взятые. Существование таких эксклюзивных параллелей является иллюстрацией сложных конвергентных и дивергентных процессов, проходивших во всех диалектах Славии.

9.1. Русско-восточнославянские эксклюзивные изоглоссы

Исторические условия существования восточнославянских языков способствовали тому, что именно здесь сложилось больше всего эксклюзивных лексических корреспонденций. Причем они характерны в основном для русских и белорусских диалектов (число зафиксированных в них эксклюзивных изоглосс в два раза превышает русско-украинские эксклюзивные соответствия).

Белорусские диалекты

Среди наиболее заметных русско-белорусских эксклюзивных лексических соответствий можно выделить следующие:

² Ср. в связи с этим слова С.Б. Бернштейна о том, что «перенесение современных изоглосс в прошлое, особенно далекое прошлое, является весьма деликатной операцией. Здесь возможны модернизация, нарушение хронологии» (Бернштейн 2000: 100).

lěj-ъč-ьk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус. *'Teječ'ka*, *'Tejəč'k'ə*; блр. *'Tejačka*): в русских диалектах лексема отмечена в некоторых севернорусских (Арх. п. 575) и южнорусских говорах (Смол. п. 784; Липец. п. 806; Белгор. п. 848); в белорусских диалектах она зафиксирована в единичном пункте среднебелорусских говоров (п. 367);

kqrm-y-sl-y к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коумысло' (рус. *karo'mysl'i*, *kəra'mysl'i*, *kra'mys'l'i*; блр. *ka'romystry*, *ka'rom'istry*): в русских диалектах лексема распространена в основном в южнорусских говорах (Ряз. пп. 780, 793, 795, 809; Ворон. п. 834; Белгор. п. 838; Липец. п. 806; Тул. пп. 792, 804), единичная фиксация отмечена в севернорусских говорах (Арх. п. 530); в белорусских диалектах лексема представлена в отдельных пунктах северо-восточных (п. 339) и юго-западных говоров (п. 386);

пъkt-ьv-ьč-ьk-a, *пъkt-ьv-ьč-ьk-y* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *na'č'ovač'ka*, *na'č'ovəč'ka*; блр. *na'čovučk'i*, *na'čovačk'i*): в русских диалектах лексема зафиксирована в западной группе некоторых южнорусских говоров (Смол. п. 760; Брян. п. 800; Курск. п. 837), а также в отдельных пунктах севернорусских (Волог. п. 626); в белорусских она имеет точечный ареал в северо-восточных (п. 329) и среднебелорусских говорах (п. 357);

kraj-uš-ьk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус. *kra'juška*, *kra'juškə*; блр. *kra'juška*): лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. пп. 528, 531, 532, 540, 542, 543, 546, 548, 549, 554, 556, 569, 572, 573, 577, 601, 604; Волог. пп. 597, 600, 602, 618, 621, 622, 623, 626, 643, 644, 645, 646, 648; Костром. пп. 688, 690), южнорусских (Ряз. пп. 768, 780, 781; Липец. пп. 819, 826, 827, 829; Тамбов. п. 820; Ворон. пп. 828, 834, 840; Белгор. пп. 838, 839, 844; Калуж. пп. 774, 776; Тул. пп. 790, 804; Курск. п. 831; Орл. пп. 817, 825; Брян. п. 797) и среднерусских говорах (Пск. п. 692; Владимир.-Поволж. пп. 751, 754); в белорусских диалектах лексема отмечена в единичных пунктах северо-восточных (пп. 342, 350) и западнopolесских говоров (п. 372);

koryv-ət-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *koro'v'at'ina*, *koro'v'et'ina*, *kara'v'at'ina*; блр. *kara'v'ac'ina*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. пп. 596; Ладого-Тихвин. п. 580; Волог. пп. 591, 593, 613, 621, 639, 643, 668; Яросл. пп. 664, 665, 684, 702, 703; Костром. пп. 670, 671, 685, 686, 687), среднерусских (Новг. п. 636; Пск. пп. 652, 712; Твер. пп. 697, 700, 701, 714; Владимир.-Поволж. пп. 723, 724, 730, 732, 733, 751, 756) и

южнорусских говорах (Смол. пп. 758, 762; Калуж. п. 776; Ряз. пп. 769, 780, 782, 795, 807; Тул. пп. 790, 791, 792; Брян. п. 800; Орл. п. 801); в белорусских диалектах она зафиксирована в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 340);

sad-l'-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус. *'sal'noj*, *'sal'naj*; блр. *'sal'nyj*): в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Волог. п. 639), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в северо-восточных говорах (п. 349);

smorč'-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *smorč'k'i*, *smorc'k'i*; блр. *smarš'k'i*): в русских диалектах лексема распространена в севернорусских говорах (Арх. пп. 573, 575; Волог. пп. 597, 600, 614, 617, 618, 620, 621, 622, 623, 645, 646, 647; Костром. п. 673); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте среднебелорусских говоров (п. 347);

pri-gar'-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус. *pr'i'yarka*; блр. *py'yarka*, *pry'yarka*): в русских диалектах лексема распространена в южнорусских говорах (Брян. п. 814; Липец. п. 827; Курск. п. 832; Белгор. пп. 839, 848; Ворон. п. 840); в белорусских она встречается в некоторых юго-западных говорах (пп. 362, 363, 374, 382, 390);

doj-ъšč-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус. *'dojš'ыса*; блр. *'dojščэca*): лексема имеет точечные ареалы в севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 607) и в северо-восточных белорусских говорах (п. 335);

vъrč'-ъč'-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *v'er'seček*, *v'ar'sač'ak*; блр. *v'ar'sečak*): лексема ареально ограничена и в русских диалектах (Волог. п. 617; Смол. п. 785), и в белорусских (п. 376);

u-stoj-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *us'tojek*, *'ustojek*, *us'tojok*; блр. *us'tojek*): в русских диалектах лексема встречается в севернорусских (Арх. пп. 545, 554, 569, 571; Ладого-Тихвин. пп. 563, 583, 586) и в западной группе среднерусских говоров (Новг. пп. 610, 631, 636; Пск. пп. 651, 655; Твер. п. 659); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 341);

pri-stoj-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *pr'is'tojik*; блр. *pr'is'tajk'i*): в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах среднерусских говоров (Пск. п. 725) и в русских старожильческих говорах на тер-

ритории Литвы (п. 525); в белорусских диалектах она зафиксирована в пункте, пограничном с псковскими говорами (п. 335);

//aj-ъĕ-ъĕ-ъk-o к. 40 *det* (j)aje (рус. ja'jeĕ'eĕ'ka; блр. ja'jeĕaĕka): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Брян. п. 813); в белорусских диалектах она встречается в отдельных пунктах среднебелорусских (п. 346) и северо-восточных говоров (п. 368);

še-lup-a-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. šəlu'paxa; блр. šəlu'paxa): в русских диалектах лексема распространена в отдельных южнорусских говорах, граничащих с белорусскими (Смол. п. 784; Брян. п. 799); в белорусских диалектах – в некоторых северо-восточных говорах (пп. 379, 381);

še-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. šetu'xa, šəlu'xa, šatu'xa, šulu'xa; блр. šərlu'xa, šulu'xa): в русских диалектах лексема распространена в западной группе русских говоров (Твер. п. 695; Новг. пп. 631, 658; Пск. пп. 651, 655, 674, 675; Смол. пп. 747, 748, 749, 771, 785; Брян. пп. 786, 798, 812; Калуж. пп. 763, 788) и в некоторых севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 581; Волог. п. 641; Яросл. пп. 665, 703); в белорусских диалектах лексема встречается в северо-восточных говорах (пп. 335, 352, 371, 380), в пунктах, пограничных с русскими диалектами;

še-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. š'elu'pa, šalu'pa, šerlu'pa; блр. šylu'pa): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Яросл. п. 702), среднерусских (Пск. п. 605) и южнорусских говорах (Смол. п. 759); в белорусских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах, пограничных с русскими говорами (п. 360);

še-lup-in-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. šəlu'p'ina; блр. šalu'p'ina): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Смол. п. 758); в белорусских она отмечена в отдельных пунктах северо-восточных (пп. 332, 340) и среднебелорусских говоров (п. 331);

še-luĕ-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. ša'luška, ša'l'uška; блр. šar'luška): в русских диалектах лексема отмечена в западной группе русских говоров (Пск. п. 711; Твер. п. 727; Смол. пп. 728, 746); в белорусских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах, пограничных с русскими говорами (п. 330);

žar-ъk-ъ к. 48 'горячий' (о воде) (рус. žark'ij, žarkəj; блр. žark'ij, žarkəj, žarkəj): в русских диалектах лексема зафиксирована в западной группе русских говоров (Пск. пп. 651, 674, 675; Твер. пп.

713, 726а, 727; Смол. пп. 746, 761, 771); в белорусских – в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами (пп. 342, 352, 371);

var-ēt-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус. *vər'a'tok*; блр. *va'ratak*): в русских диалектах лексема зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Литвы (п. 525); в белорусских – в пограничных с ними северо-восточных говорах (п. 331);

še-lup-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *šelu'pa*, *šalu'pa*, *šəlu'pa*; блр. *ša'lupja*, *šulu'pa*): лексема распространена в западной группе русских говоров (Твер. п. 726а; Смол. пп. 758, 759; Брян. п. 797) и пограничных с ними белорусских (пп. 350, 360);

skor-o-lup-ъk-a, *skor-o-lup-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *skor'lupk'i*, *škara'lupka*; блр. *škor'lupka*, *škar'lupk'i*): в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 607; Костром. пп. 667, 671) и точечные – в южнорусских (Ворон. п. 834); в белорусских диалектах она отмечена в единичных пунктах северо-восточных (п. 334) и западнополесских говоров (п. 363);

še-lux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *šelu'xa*, *šalu'xa*, *šəlu'xa*; блр. *šər'luxa*, *šulu'xa*, *šylu'xa*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Ладого-Тихвин. пп. 562, 563, 565; Волог. пп. 614, 621, 643; Костром. п. 670; Ярослав. п. 704), южнорусских (Смол. пп. 728, 729, 747, 748, 750, 760, 762, 771, 772, 773, 784; Брян. пп. 786, 799, 812; Курск. п. 830; Калуж. пп. 774, 787, 788; Ряз. п. 809) и среднерусских говорах (Новг. пп. 608, 632; Пск. 629, 651, 652, 653, 654, 655, 674, 675, 692, 725; Твер. пп. 659, 693, 694, 696, 697, 698, 710, 712, 714, 715, 726); в белорусских диалектах она имеет латеральный ареал в северо-восточных говорах, граничащих с русскими диалектами (пп. 335, 351, 359, 371, 380, 381);

še-luš-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *šu'luška*, *ša'luška*; блр. *šər'luska*, *ša'luska*): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в западной группе среднерусских говоров (Пск. пп. 655, 711; Новг. п. 658; Твер. п. 727) и точечный – в некоторых севернорусских (Ладого-Тихвин. п. 562; Волог. п. 645); в белорусских диалектах она отмечена в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами (пп. 330, 335, 352);

//už-in-ъ к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус. *'užyn*, *'vižyn*; блр. *'užyn*, *'vižyn*): лексема имеет сплошной ареал в русских диалектах; в бело-

русских она зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 350, 400), находящихся в зоне пограничных контактов;

//*už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' (рус. '*užynajet*', '*už'inajet*', '*vužynajit*', '*vužənajit*'; блр. '*užynajic*', '*užynyjic*'): лексема имеет сплошной ареал в русских диалектах, в белорусских она зафиксирована лишь в трех пограничных с русскими диалектами пунктах северо-восточных говоров (пп. 335, 350, 400).

Как видно из приведенного материала, русско-белорусские эксклюзивные соответствия представлены именами в большинстве своем с производной основой, что само по себе является свидетельством их позднего образования в рамках восточнославянского единства или, скорее всего, после его распада.

Ареалогический анализ этих корреспонденций показал, что в роли ведущих выступают, как правило, русские диалекты. Именно в них эксклюзивные лексические соответствия представлены чаще всего обширными ареалами, так как распространены практически повсеместно (ср., например, ареалы таких лексем, как *kraj-uš-ьk-a*, *kraj-uš-ьč-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', *še-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца), *še-lux-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки', //*už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда', //*už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' и др.).

В тех случаях, когда эти лексические корреспонденции не имеют тотального характера, они локализуются чаще всего в западной группе русских говоров (как правило, в новгородских, псковских, тверских, брянских, смоленских).

В белорусских диалектах все эти соответствия ареально ограничены, причем большинство из них фиксируется в северо-восточных говорах, в зоне пограничных контактов русских и белорусских диалектов (особенно часто в пунктах 335, 340, 342, 350, 351, 352, 380, 381), ср., например, распространение лексем *še-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *žar-ьk-ъ* к. 48 'горячий' (о воде); *še-lup-j-a*, *še-lux-a*, *še-luš-ьk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

Все это свидетельствует о том, что эксклюзивные русско-белорусские соответствия являются результатом конвергентных процессов, причем чаще всего следствием волнового распространения лексем из центров, находящихся на территории русского языка, т.е. в роли донора выступают, как правило, русские диалекты.

Украинские диалекты

Русско-украинские эксклюзивные параллели представлены значительно скромнее. Их иллюстрируют следующие лексемы:

krъx-ъt-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *k'rox'i*; укр. *k'ryxty*, *k'ryxi9*): в русских диалектах лексема имеет латеральный ареал в некоторых пограничных с украинскими южнорусских говорах (Липец. п. 827; Ворон. п. 828; Белгор. пп. 838, 839, 844); в украинских диалектах она имеет обширный ареал в говорах Левобережной Украины (пп. 427, 451, 479, 480, 482, 493, 494, 495, 502, 503, 504, 505, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 519, 520, 521). Показательно, что ареал производной от этой основы лексемы *krъx-ъt-ъk-y* в русских диалектах значительно расширяется, причем не столько за счет южнорусских, сколько за счет западной группы среднерусских говоров — псковских и новгородских. Наличие лексемы *krъx-ъt-ъk-y* является красноречивым свидетельством, что центр этих эксклюзивных лексических параллелей находится в говорах Левобережной Украины, так как именно говоры-реципиенты способны часто к порождению дериватов от заимствованной ими лексемы;

krъx-ъt-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *kra'xoik'i*, *k'roxetk'i*, *k'roxetk'i*; укр. *kruxit'ky*, *kruxytka*): в русских диалектах лексема локализуется в основном в некоторых среднерусских (Пск. пп. 629, 651, 654, 674; Новг. п. 656) и южнорусских говорах (Калуж. п. 787; Ворон. п. 834; Белгор. пп. 844, 846, 848); в украинских диалектах она зафиксирована в единичном пункте закарпатских говоров (п. 483);

krъš-bč-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус. *k'rošec'k'i*, *k'rošəč'k'i*; укр. *krišic'ky*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Волог. п. 648), среднерусских (Новг. п. 631; Пск. п. 692) и южнорусских говорах (Липец. п. 806); в украинских диалектах она отмечена в отдельных пунктах говоров Полесья (п. 405);

byč-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус. *byč'ina*; укр. *byčyna*): лексема имеет точечный ареал и в русских (Арх. п. 596), и в украинских диалектах (Полес. п. 438);

jal-ov-ič-in-a к. 23 'мясо телят' (рус. *'jalav'ičyna*; укр. *'jalavičyna*, *'jalovyčyna*, *'jalov9č'9na*): в русских диалектах лексема локализуется в западной группе южнорусских говоров (Смол. п. 771); в украинских диалектах она распространена в основном в среднеподнепровских говорах юго-восточного наречия (пп. 464, 479, 491, 493, 494, 495), хотя иногда встречается в полесских говорах (п. 437);

vy-žar-čk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. 'vyžyrk'i, 'vyžark'i, 'vyžark'i'; укр. 'vyžarky'): в русских диалектах лексема локализуется в основном в южнорусских говорах (Тул. пп. 777, 790, 791, 792; Ряз. пп. 780, 781, 793, 794, 795, 796, 807, 809; Орл. пп. 803, 815, 825; Липец. пп. 819, 826; Тамбов. п. 821; Курск. пп. 824, 831, 832, 833, 835, 837; Ворон. пп. 834, 840; Белгор. пп. 839, 844, 845), реже — в севернорусских (Волог. п. 611; Костром. пп. 689, 709); в украинских диалектах она зафиксирована в некоторых говорах Левобережной Украины (пп. 481, 492, 849);

švar-čk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус. *š'vark'i*; укр. *švar'ky*): в русских диалектах лексема распространена в основном в западной группе русских говоров (Новг. пп. 582, 608; Ладого-Тихвин. пп. 563, 565, 586, 607; Твер.п. 701); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в старожильческих говорах на территории Румынии (п. 171);

sъ-liv-čk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус. *s'l'ivak, s'l'ivok*; укр. *z'lyvak*): в русских диалектах лексема зафиксирована в севернорусских говорах (Арх. п. 549), а также в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526); в украинских диалектах она встречается в говорах Полесья (п. 438);

sol-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус. *so'l'onoj, sa'l'onaj*; укр. *so'lonyj*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. пп. 544, 548, 557, 571, 572; Ладого-Тихвин. п. 583; Волог. пп. 617, 621, 623, 641; Костром. п. 670), среднерусских (Новг. п. 610; Иванов. пп. 723, 724) и южнорусских говорах (Ряз. пп. 781, 793; Белгор. п. 844); в украинских диалектах она зафиксирована в некоторых юго-восточных говорах (пп. 491, 849);

čerp-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *čar'e'p'anuj, č'ir'a-p'an:aj*; укр. *čerep'l'anuj, čerep'l'enuj, čerep'januj, čyryp'l'anuj*): в русских диалектах лексема встречается sporadически в некоторых южнорусских говорах (Ряз. п. 793; Брян. п. 811); в украинских диалектах она локализуется в основном в говорах Правобережной Украины (пп. 401, 402, 416, 422, 435, 483, 488, 524);

skor-o-lup-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *sko-rlu'pa, skor'lupa, skər'lupa, skərlu'pa*; укр. *skar'lupa, škar'lupa, škara'lupa*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. п. 540; Волог. пп. 600, 622, 624, 668; Костром. пп. 647, 673, 688, 689, 690, 707, 709; Ярослав. пп. 666, 703), среднерусских

(Пск. п. 606; Новг. п. 634; Влад. пп. 738, 742) и южнорусских говорах (Ряз. п. 781; Брян. п. 813); в украинских диалектах она имеет обширный ареал в говорах Правобережной Украины (пп. 416, 431, 432, 451, 452, 499, 500, 507, 508, 510, 513, 514, 516, 522, 524);

llës-tv-o к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус. *jestvo*, *jesva*; укр. *jist'wo*): в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских говоров (Твер. п. 677; Горьк. п. 770); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в средне-поднепровских говорах (п. 509);

pol-u-dn'-эк-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *pa'ludn'ak*, *pa'tunak*, *pa'tud'inak*; укр. *puľu'denok*, *po'tudenok*, *po'tud9-nok*): в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в южнорусских говорах (Смол. пп. 748, 749; Брян. п. 822; Курск. п. 830); в украинских диалектах она локализуется в юго-западных говорах Правобережной Украины (пп. 427, 450, 470, 472, 498, 524).

Русско-украинские эксклюзивные лексические корреспонденции так же, как и русско-белорусские, представлены только производными лексемами, что позволяет говорить о том, что они сформировались достаточно поздно в рамках восточнославянского единства или даже после его распада. Вместе с тем между ними имеются и существенные различия.

В русско-украинских эксклюзивах встречается тот редкий случай, когда в роли ведущих выступают не русские, а украинские диалекты, в которых корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы (ср. распространение лексем *krъx-ът-у* к. 19 'крошки' (хлеба); *čerp-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины'; *skor-o-lup-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' и др.). Следует, однако, отметить, что таких случаев сравнительно немного, и в большинстве своем украинские говоры выступают в роли реципиентов.

Различия прослеживаются и в характере ареалов эксклюзивных соответствий, а также в их локализации.

Если русско-белорусские эксклюзивы нередко представлены обширными ареалами в русских диалектах, то среди русско-украинских эксклюзивных соответствий таких ареальных сценариев не наблюдается. Эти соответствия, как правило, ареально ограничены, причем локализуются они в основном в говорах южнорусского наречия. И в этом проявляется еще одно их отличие от русско-белорусских эксклюзивных корреспонденций, которые фиксируются чаще всего в западной группе русских говоров (особенно в новгородских, псковских, тверских, брянских, смоленских).

Кроме того, если в белорусских диалектах эксклюзивные русско-белорусские соответствия локализируются в основном в зоне пограничных контактов, то в украинских диалектах они имеют более широкий радиус распространения, так как они встречаются не только в говорах Левобережной Украины, но и Правобережной (при этом в говорах Левобережной Украины эксклюзивные соответствия, как правило, ареально ограничены, а в говорах Правобережной Украины они нередко имеют обширные ареалы). В этом случае образуются дистантные ареалы (ср., например, распространение лексемы *skor-o-lup-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'), что может свидетельствовать и об их независимом, типологически сходном образовании.

Таким образом, несмотря на то, что русско-украинские эксклюзивные соответствия являются также результатом конвергентных процессов, природа их возникновения более сложная, так как они могли сформироваться вследствие волнового распространения из центра, находящегося не только на территории русского языка, но и на территории украинских диалектов, а также вследствие независимого параллельного образования при условии отсутствия контактного расположения диалектных зон.

9.2. Русско-западнославянские эксклюзивные изоглоссы

Русско-западнославянские эксклюзивные соответствия в отличие от восточнославянских представлены довольно скромно, всего лишь несколькими лексическими параллелями, которые отмечены в польских, словацких и лужицких диалектах.

Польские диалекты

Русско-польские эксклюзивные корреспонденции можно проиллюстрировать следующими лексемами:

děž-ыk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус. *d'eška*, *d'eškə*; плс. *żeška*, *żeska*): в русских диалектах лексема встречается в южнорусских (Ряз. п. 782; Курск. п. 832; Белгор. п. 838), а также в отдельных среднерусских говорах (Пск. п. 725); в польских диалектах она имеет островной ареал в шленской группе говоров (пп. 277, 289). Однако если привлечь к анализу лек-

сему *děž-a* в том же значении, то ареальная картина в русских говорах станет более определенной, так как эта лексема локализуется в тех же южнорусских говорах (Ряз. п. 796; Курск. п. 835);

za-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус. *zəp'e'k'ot*; плс. *zap'ece*): в русских и польских диалектах лексема имеет точечные ареалы; в русских диалектах — в севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. п. 581); в польских — в малопольских (п. 313);

sъn-ěd-a к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус. *s'n'edə*; плс. *ji śnodo*): в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте южнорусских говоров (Белгор. п. 844), в польских диалектах — в отдельном пункте малопольских говоров (п. 321);

съ-кyp-i-ть к. 47 'кипит' (вода) (рус. *sk'i'p'it*; плс. *sk'ip'i.*): в русских диалектах лексема встречается в севернорусских говорах (Арх. п. 556); в польских — в отдельных пунктах малопольских говоров (пл. 301, 311).

Словацкие диалекты

Среди русско-словацких эксклюзивов отмечена лишь лексема *//ěd-iv-o* к. 54 'еда' (рус. *ji'd'iva*; слц. *jeđivo*): в русских диалектах она засвидетельствована в севернорусских говорах (Арх. п. 596); в словацких диалектах эта лексема имеет дисперсный ареал в западно-словацких (пп. 210, 213), в среднесловацких (пп. 223, 224) и восточно-словацких говорах (п. 225).

Лужицкие диалекты

Русско-лужицкие эксклюзивные параллели представлены следующими лексемами:

tuk-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *tuk*; луж. *tuk*): в русских диалектах лексема распространена в севернорусских (Арх. п. 578; Волог. пп. 591, 597, 602, 623, 645; Костром. пп. 647, 671, 673, 707), а также в отдельных пунктах среднерусских говоров (Пск. п. 605); в лужицких диалектах она имеет точечный ареал в нижнелужицких говорах (п. 234); существование лексемы *tuk-ъ* в лужицких диалектах подтверждается дериватом *tuč-ьп-о* в том же значении, известном в нижне- и верхнелужицких говорах (пп. 235, 236);

sam-o-sěd-ьk-ъ, sam-o-sěd-ьk-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус. *samo's'etka*; луж. *samesetk*): в русских диалектах лексема встречается в отдельных пунктах среднерусских говоров (Владимир.-Поволж. п.

770); в лужицких диалектах она зафиксирована в нижнелужицких говорах (п. 234). В лужицких диалектах в том же значении и с тем же корнем отмечена лексема *sěd-ъk-ъ* (*sytk* пп. 235, 236, 237), а в севернорусских костромских говорах – лексема *съ-sěd-yš-ъ* (*'s':edyš* пп. 670, 671, 673, 707, 709), что говорит о том, что этот корень, как и сам принцип номинации сырого кислого молока, был довольно продуктивен в славянских диалектах.

* * *

Как видно из приведенного материала, русско-западнославянские эксклюзивные соответствия имеют, как правило, островные или даже точечные ареалы (исключением является лишь лексема *tuk-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине', которая обладает довольно обширным ареалом в вологодских и костромских говорах). Большинство этих эксклюзивных корреспонденций имеет параллели в польских диалектах (особенно в малопольских говорах). В русских диалектах они локализуются чаще всего в севернорусских говорах (особенно в архангельских).

Примечательно, что все они (за исключением 'лексем *tuk-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине') представлены именами с производной основой, причем существование этих эксклюзивов, их, так сказать, витальность, была во многом поддержана другими однокоренными лексемами, имеющими в тех же диалектах более широкое распространение (ср., например, ситуацию в польских и русских диалектах с лексемой *za-peč-e-ть* к. 15 3sg praes asp perf 'печет' и однокоренными с ней лексемами *и-peč-e-ть* в польских и *съ-peč-e-ть* в русских диалектах; или с лексемой *сън-ѣд-а* к. 58 'завтрак, утренняя еда', которая имеет серьезную «поддержку» со стороны лексем *сън-ѣд-ань*, *сън-ѣд-ан-ьj-а* в польских и русских диалектах). И этот факт, как представляется, является чрезвычайно важным при хронологической стратификации выявленных эксклюзивных схождений.

9.3. Русско-южнославянские эксклюзивные изоглоссы

Русско-южнославянские эксклюзивные соответствия вдвое превышают русско-западнославянские, однако так же, как и русско-западнославянские эксклюзивы, они имеют чаще всего микроареалы.

Словенские диалекты

Русско-словенские эксклюзивы представлены следующими лексемами:

nož-ъč-ъk-ъ к. 20 'ножик, ножичек' (рус. 'nož':č'ek; слн. 'ničž-črk, ničžščak): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Липец. п. 827); в словенских диалектах она зафиксирована лишь в доленских и костелских говорах (пп. 13, 14);

loj-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус. *loj*; слн. *właz*): в русских и словенских диалектах лексема отмечена в единичных пунктах: в словенских диалектах – в говорах Каринтии (п. 146), в русских – в южнорусских говорах (Смол. п. 761);

glin-j-ast-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус. *gl'in'astaj*; слн. *g'lej-ast, hll'nast*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Липец. п. 818); в словенских диалектах она встречается в Каринтии (пп. 147, 148) и в штаерских говорах (п. 19);

производные с корнем **sta-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус. *sta'vajot, vsta'jot*; слн. *us'ta:je, ustá:ja, us'taja, us'tajə*): в русских диалектах дериваты с этим корнем отмечены в некоторых севернорусских говорах (Ладого-Тихвин. пп. 565, 566; Волог. п. 568); в словенских диалектах они имеют четко локализованный ареал в приморских говорах (пп. 1, 2, 3, 4, 5, 11).

Хорватские диалекты

Русско-хорватские эксклюзивы представляют следующие лексемы:

ob-lup-ъk-a, ob-lup-ъk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус. *o'lupka, o'lupk'i*; хрв. *u'lupki*): в русских диалектах лексема встречается в некоторых севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 547, 548); в хорватских диалектах она имеет точечный ареал в чакавских говорах (п. 22);

pa-už-in-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. *'raižына, 'raižынэ*; хрв. *raižина*): в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в севернорусских (Арх. пп. 553, 554, 569, 571, 576, 596; Ладого-Тихвин. пп. 560, 607; Волог. пп. 568, 588, 590, 603, 618; Костром. п. 685), среднерусских (Пск. пп. 605, 606, 652, 655; Твер. пп. 659, 677, 693, 697, 714, 715; Иванов. п. 724; Горьк. п. 757) и южнорусских говорах (Смол. п. 729); в хорватских диалектах она зафиксирована в единичном пункте в штокавских говорах (п. 40).

Сербские диалекты

Русско-сербские эксклюзивные соответствия иллюстрируют следующие лексемы:

kož-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус. 'koža; серб. 'koža): в русских диалектах лексема распространена в некоторых среднерусских (Пск. п. 628; Моск. пп. 719, 751; Владимир.-Поволж. п. 770) и южнорусских говорах (Ряз. п. 769); в сербских диалектах она имеет точечный ареал в штокавских говорах на территории Румынии (п. 168);

lom-it-ь, lom-a-j-e-tь к. 17 'режет' (хлеб) (рус. *lo'mat*; серб. *lomiti*): в русских диалектах лексема имеет микроареал в севернорусских говорах (Арх. п. 549); в сербских – в штокавских говорах (п. 75).

Болгарские диалекты

Русско-болгарские эксклюзивные соответствия можно проиллюстрировать лишь лексемой *pol-u-dьn-e, pol-ь-dьn-e* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус. 'poldn'a, pald'n'a, poludn'a, pa'l'udn'a; блг. *p'ladne*): в русских диалектах она встречается в некоторых южнорусских (Брян. пп. 813, 814; Тул. пп. 777, 825) и среднерусских говорах (Пск. п. 726); в болгарских диалектах она зафиксирована в единичном пункте западных говоров (п. 118).

Как видно из приведенного материала, русско-южнославянские эксклюзивные соответствия имеют также, как правило, островные или даже точечные ареалы. Большинство этих корреспонденций локализуется в словенских диалектах (особенно часто в говорах Каринтии). В русских диалектах они встречаются и в севернорусских (архангельских, ладого-тихвинских, вологодских), и в южнорусских (брянских, смоленских, курских, рязанских), и в среднерусских говорах (псковских, тверских, владимирско-поволжских).

С точки зрения словообразовательной структуры, многие из них представлены именами с производной основой (исключением являются лишь лексемы *kož-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) и *loj-ь* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'). Некоторые из эксклюзивов находят «поддержку» со стороны однокоренных лексем, имеющих более широкое распространение в тех же диалектах (ср., например, ситуацию в хорватских и русских диалектах с лексемой *pa-už-in-a* б1 'еда между обедом и ужином, полдник' и однокоренными лексемами // *už-in-a* в хорватских диалектах и *pa-už-a, pa-už-ьn-a* – в русских; или в сло-

венских и русских диалектах с лексемой *pož-ьс-ьк-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек', имеющей серьезную «поддержку» со стороны лексемы *pož-ьк-ъ* в словенских диалектах и *pož-ič-ьк-ъ* – в русских). Все эти факты, как представляется, должны быть приняты во внимание при хронологической стратификации и определении классификационного веса выявленных изоглосс.

* * *

Итак, эксклюзивных лексических соответствий в русских диалектах сравнительно немного, причем они группируются в несколько типологически сходных ареальных моделей:

1. Эксклюзивные лексические параллели имеют **ограниченный ареал и в русских, и других славянских диалектах**: эта модель встречается чаще всего, причем она распространена как среди русско-украинских и русско-белорусских эксклюзивов (ср., например, распространение лексем *še-lup-ax-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *še-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *žar-ьк-ъ* к. 48 'горячий' (о воде); *še-lup-j-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' в русских и белорусских диалектах), так и среди русско-западнославянских (ср., например, распространение лексем *děž-ьк-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *sъn-ěd-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' в русских и польских диалектах) и русско-южнославянских соответствий (ср., например, распространение лексем *loj-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; *glin-j-ast-ъ* к. 50 'сделанный из глины' в русских и словенских диалектах).

2. Эксклюзивные лексические параллели имеют **обширный ареал в русских диалектах и ограниченный в других славянских диалектах**: эта модель также широко представлена, хотя и в основном среди русско-белорусских эксклюзивов (ср., например, распространение лексем: *kraj-uš-ьк-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *še-lux-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *//už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' – в русских и белорусских диалектах; или *pa-už-in-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' – в русских и хорватских; *tuk-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' – в русских и лужицких).

3. Эксклюзивные лексические параллели имеют **обширный ареал в отдельных славянских диалектах и ограниченный в русских**: эта модель довольно редкая, она встречается лишь в русско-

украинских соответствиях, ср., например, распространение лексем *krъ-ъt-y* к. 19 'крошки' (хлеба), *šerp-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины'.

4. Эксклюзивные лексические параллели имеют обширный ареал как в русских, так и в других славянских диалектах: эта модель также довольно редкая, она встречается лишь в русско-украинских корреспонденциях, ср., например, распространение лексем *sko-ro-lip-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

В распространении этих моделей прослеживается, однако, определенная закономерность: в большинстве своем они локализируются в рамках восточнославянского континуума, т.е. наблюдаются между русскими и украинскими или русскими и белорусскими диалектами. Характерно, что они возникают чаще всего на пограничных территориях, и в их образовании участвует западная группа среднерусских и южнорусских говоров. Такая пространственная локализация этих эксклюзивных параллелей является свидетельством междиалектных контактов восточнославянских языков. Причем в роли активной стороны выступают, как правило, русские диалекты, и значительно реже наблюдается обратная ситуация, когда русские говоры являются реципиентом, а в роли донора выступают украинское диалекты (ср., например, распространение лексем *krъ-ъt-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *šerp-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины'; *pol-u-dъn-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник').

Что касается русско-западнославянских и русско-южнославянских лексических эксклюзивов, то все они представлены единичными лексемами, не имеющими, как правило, обширных ареалов. Причем характерно, что русско-западнославянские эксклюзивные параллели локализируются чаще всего в севернорусских говорах (особенно в архангельских), тогда как русско-южнославянские эксклюзивы встречаются и в севернорусских (архангельских, ладожско-тихвинских, вологодских), и в южнорусских (брянских, смоленских, курских, рязанских), и в среднерусских говорах (псковских, тверских, владимирско-поволжских).

Временная характеристика эксклюзивных связей русских диалектов

Ареалогический анализ эксклюзивных лексических параллелей русских диалектов свидетельствует о том, что в их проявлении про-

слеживается определенная повторяемость. И здесь закономерно возникает вопрос: в чем причина, почему эти лексические параллели возникают в рамках одних и тех же диалектов, на определенных территориях? Как они могут быть интерпретированы в синхронном и диахронном аспектах?

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство этих эксклюзивных соответствий представлены производными лексемами, что невольно наталкивает на мысль об их позднем образовании.

Чрезвычайно важным аргументом в решении этого вопроса является и фактор пространства.

Думается, что существование восточнославянских эксклюзивных схождения, зафиксированных на территории пограничных диалектов, объясняется прежде всего наличием междиалектных контактов, сложившихся в рамках восточнославянского языкового континуума (ср., например, распространение лексемы *kraj-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *še-lux-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *//už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин'; *krъх-ъt-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *še-lup-ax-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *še-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *še-luš-ъk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *žar-ъk-ъ* к. 48 'горячий' (о воде); *še-lup-j-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки').

Бесспорным свидетельством таких поздних междиалектных контактов является распространение лексемы *//už-in-ъ*, которая в русском языке, судя по материалам исторических и этимологических словарей, в современном значении утверждается довольно поздно, не ранее XVI в. (см. Черных II: 285).

Что касается эксклюзивных лексических параллелей в территориально удаленных диалектных зонах, то не исключено, что они могут быть результатом параллельного и независимого развития общего явления (ср., например, распространение лексемы *sam-o-sěd-ъk-ъ* к. 35 'сырое кислое молоко', зафиксированной в отдельных пунктах русских и лужицких диалектов; или лексемы *děž-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева', представленной в основном в южнорусских диалектах и в некоторых польских говорах; лексемы *loj-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' – в словенских и южнорусских или лексемы *sol-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте), отмеченной в севернорусских диалектах и в отдельных украинских говорах). На это указывает ка-

чественная характеристика их ареала, в частности, тот факт, что все они представлены чаще всего микроареалами, которые являются, как правило, территориальными величинами позднего времени.

Однако нельзя исключить и возможности сохранения в этих диалектах общего архаического фонда (Гриценко 1988:105), отражения в них былой генетической общности языков, и прежде всего в тех случаях, когда эти соответствия представлены лексемами с непроемными основами и имеют ярко выраженные ареалы, особенно в зонах архаики, ср., например, локализацию лексемы *tuk-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'. Эта лексема довольно широко распространена в говорах севернорусского наречия, которые традиционное относятся к архаическим. Кроме того, она подтверждается данными Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского (*тукъ* 'сало, жир' Срезн. 3: 1036), а также материалом лужицких диалектов. Наконец, она сохраняет соотношение со своим этимологом (этимологически лексема связана с глаголом **tyti* 'жиреть, тучнеть' – Преображенский III: 12; родственно лит. *táukas* 'кусоч сала', *tùkti* 'тучнеть, жиреть' – Фасмер IV: 116).

ГЛАВА 4

Ареальная характеристика русско-славянских лексических параллелей

Лингвогеографический анализ ареальных связей русских диалектов свидетельствует о том, что они имеют разный типологический статус и соответственно разный классификационный вес при рассмотрении их в общеславянском контексте.

При этом чрезвычайно важным оказывается не столько количественный показатель, сколько ареальный, а именно тип ареала и его локализация, поскольку конфигурация ареала, его размер, плотность и континуальность могут свидетельствовать об архаичности или вторичности картографируемого явления.

На картах Атласа выделяется несколько типологически сходных ситуаций.

1. Лексема имеет общеславянское распространение и равномерно покрывает всю территорию Славии (на роль такой лексемы могла бы претендовать лексема *тѣк-а* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.), если бы она «не сдала свои позиции» в болгарских и македонских диалектах), см. карту-схему 54.

2. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения:

2.1. Лексема имеет повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других, ср., например, распространение следующих лексем:

ob-ěd-ъ к. 59 'обед, еда в дневное время': лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах, см. карту-схему 58;

večer-j-a к. 62 'ужин, вечерняя еда': лексема имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и ограниченный латеральный ареал в русских диалектах, см. карту-схему 94;

večer-j-a-j-e-ть к. 64 'ест ужин': лексема широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где ее локализация ареально ограничена, см. карту-схему 96;

корень **měs-/měš-* к. 13 'поставит, замесит тесто': дериваты с этим корнем широко распространены в восточно- и южнославянских диалектах, но имеют ареальные ограничения в западнославянских диалектах (в частности, в чешских и польских), см. карту-схему 28.

2.2. Лексема имеет повсеместное распространение, но в ее локализации во всех славянских диалектах существуют территориальные ограничения (ср., например, распространение лексемы *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво', которая имеет ареальные ограничения во всех славянских диалектах, за исключением польских, где она представлена довольно плотным ареалом, см. карту-схему 53).

3. Лексема распространена в диалектах восточно- и западнославянской языковых групп:

3.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, так как она равномерно покрывает территорию восточно- и западнославянских диалектов и не выходит за их пределы, ср., например, распространение лексемы *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек', см. карту-схему 56.

3.2. Несмотря на то, что лексема представлена в восточно- и западнославянских языках, в некоторых диалектах она имеет ареальные ограничения, ср., например, локализацию лексем:

na-var-i-ть к. 46 3sg praes asp perf 'варит': лексема распространена в восточно- и западнославянских диалектах, причем во всех, за исключением чешских и словацких, она имеет ограниченные ареалы;

sъn-ěd-anъ, съn-ěd-an-ьj-e к. 58 'завтрак, утренняя еда': лексема широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских, украинских диалектах, тогда как в словацких и русских диалектах она локально ограничена, см. карту-схему 27.

4. Лексема распространена в диалектах восточно- и западно-славянской языковых групп, а также в отдельных южнославянских диалектах:

mǫk-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб': лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, а также Словении, но имеет ареальные ограничения в хорватских и сербских диалектах; в македонских и болгарских диалектах в материалах Атласа она не фиксируется, см. карту-схему 54;

ś-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана': лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в польских и чешских, тогда как в словацких, лужицких, словенских, сербских и болгарских она имеет ареальные ограничения, см. карту-схему 86;

(šmal)-śc-ъ к. 29 'топленое свиное сало': лексема широко известна в украинских, польских лужицких и восточнословацких диалектах, тогда как в чешских, словенских, хорватских, белорусских и русских диалектах она локально ограничена, см. карту-схему 92;

škvar-ъk-a, škvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала': лексемы широко распространены в чешских, словацких, украинских и русских диалектах, тогда как в лужицких, польских, хорватских и белорусских диалектах они имеют ограниченные ареалы, см. карту-схему 91;

ś-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': лексема известна в восточно- и западнославянских диалектах, кроме того, в словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах, причем везде (за исключением чешских, лужицких, украинских и белорусских диалектов) она имеет ограниченные ареалы, см. карту-схему 85;

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца': лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, в чешских, словацких, лужицких и болгарских; в польских, словенских, сербских, македонских диалектах она имеет ареальные ограничения, см. карту-схему 2;

žlt-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца': лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в чешских, словацких, лужицких и болгарских; в польских и македонских диалектах она имеет ареальные ограничения, см. карту-схему 22;

var-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в чешских, словац-

ких, лужицких и македонских диалектах, в польских, хорватских и сербских она имеет ареальные ограничения.

5. Лексема распространена в восточно- и южнославянской группах языков:

5.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, так как она равномерно покрывает территорию восточно- и южнославянских диалектов (ср., например, распространение лексемы *rěž-e-tь*, *rěž-i-tь* к. 17 'режет' (хлеб), см. карту-схему 77.

5.2. Лексема распространена в восточно- и южнославянских диалектах, при этом в некоторых из них она имеет ареальные ограничения (ср., например, локализацию лексемы *vъ-kъs-ьn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде): лексема широко представлена в русских и сербских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в белорусских, украинских, македонских, болгарских, словенских и хорватских диалектах, см. карту-схему 5.

6. Лексема распространена в диалектах восточно- и южнославянской языковой группы, а также в отдельных западнославянских диалектах:

žed-j-a к. 9 'желание, потребность пить': лексема широко распространена в русских, украинских, словенских и хорватских диалектах, тогда как в польских, белорусских, сербских, македонских и болгарских диалектах в ее распространении имеются ареальные ограничения, см. карту-схему 21;

корень **orst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте): дериваты с этим корнем широко известны только в польских и сербских диалектах, в восточнославянских, а также в словацких, словенских, хорватских, македонских и болгарских диалектах их распространение ареально ограничено, см. карту-схему 76;

soľn-in-a к. 27 'подкожный слой жира в свинине': лексема широко распространена в сербских, хорватских, македонских, болгарских, словацких и польских диалектах; в восточнославянских и словенских диалектах она локально ограничена, см. карту-схему 79;

kys-ěl-o mēlk-o к. 35 'сырое кислое молоко': описательная конструкция широко распространена в южнославянских, украинских,

белорусских и чешских диалектах, в русских и словацких диалектах она имеет ареальные ограничения, см. карту-схему 75;

куп-і-ть к. 47 'кипит' (вода): лексема широко представлена в восточнославянских, а также в болгарских диалектах; в словенских, хорватских, сербских, македонских, словацких и польских диалектах в ее локализации имеются ареальные ограничения, см. карту-схему 35;

корень **g/yt-* к. 57 'проглотит' (еду): дериваты с этим корнем широко распространены в русских, белорусских, словацких, хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах; в украинских, словенских, чешских и польских диалектах их локализация ареально ограничена, см. карту-схему 72.

7. Лексема распространена в восточнославянских диалектах и не выходит за их пределы:

7.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она равномерно покрывает практически всю восточнославянскую территорию, ср., например, локализацию лексем:

kold-ęz-ъ, kold-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец', см. карту-схему 42;

(stokan)-ъ к. 6 'стакан', см. карту-схему 88;

žir-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе), см. карту-схему 24;

skor-o-lup-a, skor-o-lup-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца), см. карту-схему 83;

куп-ęt-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода', см. карту-схему 36;

//ēd-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда', см. карту-схему 20;

ob-ēd-a-j-e-ть к. 60 'ест обед', см. карту-схему 59 и др.

7.2. Будучи восточнославянской, лексема имеет в своем распространении территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, но и не выходит за ее пределы. Здесь наблюдаются следующие ареальные сценарии:

а) лексемы имеют обширный ареал в русских диалектах и ограниченный в украинских и/или белорусских, ср. распространение следующих лексем:

vorŋ-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', см. карту-схему 7;

корень **(n)ę- /*(n)jъm-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

gъrb-uš-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', см. карту-схему 12;

pĕn-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке), см. карту-схему 60а;

prost-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко', см. карту-схему 73;

sъ-liv-ъk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки', см. карту-схему 84;

ob-čist-ъk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки', см. карту-схему 40;

//*už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда', см. карту-схему 93;

//*už-in-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин', см. карту-схему 95;

б) лексемы имеют ограниченный ареал в русских, украинских и белорусских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

kory-y-sl-ъ к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коумысло', см. карту-схему 44;

smag-a к. 9 'желание, потребность пить';

gov-ęd-in-a к. 23 'мясо телянка';

pĕn-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке);

syr-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко', см. карту-схему 74;

kys-yl-j-ak-ъ к. 35 'сырое кислое молоко';

vъrš-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';

//*aj-ъč-ъk-o* к. 39 Nsg (j)aje;

še-lup-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);

lusp-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);

še-lup-aj-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

še-lup-ъk-a, *še-lup-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

lušp-aj-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

pit-j-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

(*harč*)-i к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

pol-u-dъn-ъ, *pol-u-dъn-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время';

pol-u-dyn-ik-ъ, pol-u-dyn-yn-ik-ъ, pol-ъ-dyn-ik-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';

pol-u-dyn-ъ, pol-ъ-dyn-ъ, pol-ъ-dyn-i к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'.

8. Лексема распространена в восточнославянских диалектах и выходит за их пределы:

8.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она равномерно покрывает практически всю восточнославянскую территорию и находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

korm-y-sl-o к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коумысло' (рус.-укр.-блр.-плс.), см. карту-схему 43;

porž-yn-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.), см. карту-схему 68;

lěj-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.), см. карту-схему 8;

krъš-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) (рус.-укр.-блр.-плс.), см. карту-схему 47;

baran-in-a к. 24 'мясо барана' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.), см. карту-схему 1;

doj-ar-ъk-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.), см. карту-схему 19;

glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.), см. карту-схему 9;

lъž-ъk-a к. 52 'ложка' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.), см. карту-схему 50;

lъž-ъč-ъk-a к. 53 *dem* 'ложечка' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.), см. карту-схему 49.

8.2. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она равномерно покрывает всю восточнославянскую территорию и находит продолжение в некоторых южнославянских диалектах (эта ситуация отсутствует).

8.3. Лексема равномерно покрывает всю восточнославянскую территорию и находит продолжение в отдельных западно- и

южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

svin-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-слн.), см. карту-схему 82;

tel-et-in-a к. 23 'мясо теленка' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.-мак.), см. карту-схему 89;

gos-et-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус.-укр.-блр.-слц.-хрв.), см. карту-схему 18;

sad-l-o к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус.-укр.-блр.-чеш.-слн.), см. карту-схему 78;

kys-yl-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.), см. карту-схему 34;

zъ-var-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слн.-хрв.-серб.-мак.), см. карту-схему 81;

gor-et-j-ъ к. 48 'горячий' (о воде) (рус.-укр.-блр.-слц.-мак.-блг.), см. карту-схему 16.

корень **xod(j)-/*xad(j)-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слн.-хрв.);

8.4. Будучи восточнославянской, лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает** всей восточнославянской территории, при этом она находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

pust-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус.-укр.-блр.-плс.), см. карту-схему 70;

nykt-ъv-ъk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-укр.-блр.-плс.);

корень **čín-* к. 13 'поставит, замесит тесто' (рус.-укр.-блр.-плс.), см. карту-схему 29;

na-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-укр.-блр.-чеш.-слц.);

kroj-i-tъ, kraj-e-tъ к. 17 'режет' (хлеб) (рус.-укр.-блр.-плс.);

ob-kraj-ъs-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.) см. карту-схему 14;

kraj-ъč-ik-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-укр.-блр.-слц.);

jal-ov-ič-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус.-укр.-блр.-плс.);

syť-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус.-укр.-блр.-плс.);
skvar-ъk-a, skvar-ъk-ъ к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-укр.-блр.-плс.);
vy-skvar-ъk-a, vy-skvar-ъk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-укр.-блр.-плс.);
skor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.);
plěv-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-блр.-плс.);
//aj-ъc-o к. 39 Nsg (j)aje (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.), см. карту-схему 97;
//aj-ъk-o к. 39 Nsg (j)aje (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.);
//aj-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.);
//aj-ič-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje (рус.-укр.-блр.-чеш.-слц.), см. карту-схему 98;
skor-up-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.);
skor-o-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца); (рус.-укр.-блр.-слц.), см. карту-схему 83;
skor-o-lup-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца); (рус.-укр.-блр.-чеш.);
kvaš-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.), см. карту-схему 33;
got-u-j-e-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.);
u-krop-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус.-укр.-блр.-плс.);
podъ-večer-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-укр.-блр.-плс.), см. карту-схему 65;
(smač)-ъn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.), см. карту-схему 6.

8.5. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей восточнославянской территории**, при этом она находит **продолжение в отдельных южнославянских диалектах**, ср., например, распространение следующих лексем:

пѣкт-ъу-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-укр.-блр.-хрв.-серб.-мак.-блг.), см. карту-схему 46;
žir-ъ к. 29 'топленое свиное сало' (рус.-укр.-блр.-слн.);
вѣх-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-укр.-блр.-мак.);

got-ov-i-tь к. 45 'варит, готовит' (обед) (рус.-укр.-блр.-серб.), см. карту-схему 17;

za-utr-ъk-ъ, za-utr-ъk-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.), см. карту-схему 25;

ob-ěd-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус.-укр.-блр.-блг.), см. карту-схему 26;

pol-u-dьn-a-j-e-tь, pol-u-dьn-ъ=a-j-e-tь к. 60 'ест обед' (рус.-укр.-блр.-блг.).

8.6 Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, при этом она находит продолжение в отдельных западно- и южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.-хрв.), см. карту-схему 45;

съ-пеѣ-е-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-укр.-блр.-плс.-слн.-хрв.-серб.), см. карту-схему 32;

јѣз-пеѣ-е-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-укр.-блр.-луж.-хрв.-серб.-мак.-блг.), см. карту-схему 31;

kraj-ъc-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-укр.-блр.-слц.-слн.-хрв.);

nož-ič-ъk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.), см. карту-схему 57;

gov-ěd-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-слн.-хрв.-серб.-мак.), см. карту-схему 11;

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' (рус.-укр.-блр.-чеш.-слц.-слн.-мак.), см. карту-схему 90;

mělz-iv-o, mēlz-iv-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молоко живо' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.), см. карту-схему 52;

kvas-en-o mēlk-o к. 35 'сырое кислое молоко' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-серб.-мак.-блг.);

съ-met-an-ъk-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-укр.-блр.-плс.-слц.-серб.);

//aj-ъč-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje (рус.-укр.-блр.-плс.-слн.), см. карту-схему 99;

lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-укр.-блр.-плс.-хрв.-серб.);

lup-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-слц.-слн.-серб.);

//ěd-j-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.-блр.-плс.-серб.);

//ěd-j-en-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.-блр.-плс.-чеш.-слц.-серб.-мак.-блг.).

8.7. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как представлена лишь в русских и белорусских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

krom-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-блр.-плс.-слц.);

gqs-in-a к. 25 'мясо гуся' (рус.-блр.-плс.-чеш.-слц.);

mold-iv-o, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус.-блр.-плс.), см. карту-схему 51;

doj-ъk-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус.-блр.-плс.);

běl-ъk-o к. 42 'белая часть яйца' (рус.-блр.-плс.-чеш.-слц.);

var-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус.-блр.-плс.), см. карту-схему 37;

glin-j-an-ъn-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус.-блр.-плс.), см. карту-схему 10.

8.8. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как представлена лишь в русских и белорусских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-блр.-слн.-серб.);

ov-ъč-in-a к. 24 'мясо барана' (рус.-блр.-слн.-серб.);

vъrx-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (рус.-блр.-мак.);

stъ-got-ov-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит' (рус.-блр.-серб.).

8.9. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как представлена лишь в русских и

белорусских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных западно- и южнославянских диалектах, ср., например, распространение лексемы (*špek*)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус.-блр.-плс.-слн.-хрв.-серб.), см. карту-схему 80.

8.10. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как локализуется лишь в русских и украинских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

krin-ic-a к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (рус.-укр.-плс.);

děž-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-укр.-луж.);

vy-peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-укр.-луж.);

žlt-ъč-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус.-укр.-слн.);

skor-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-плс.).

8.11. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как локализуется лишь в русских и украинских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

pěn-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-слн.-хрв.-серб.-мак.), см. карту-схему 60;

kor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-мак.);

корень **sta-* к. 13 'поставит, замесит тесто' (рус.-укр.-слн.).

8.12. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, так как локализуется лишь в русских и украинских диалектах, при этом она находит продолжение в отдельных западно- и южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

lusk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-плс.-хрв.-серб.-блг.);

(fruštik)-ъ, (fryštik)-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус.-укр.-плс.-слц.-слн.-хрв.-серб.);

корень **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-укр.-плс.-чеш.-слц.-хрв.-серб.-мак.-блг.), см. карту-схему 38.

9. Лексема распространена в русских диалектах и не выходит за их пределы:

9.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она **равномерно покрывает всю русскую территорию, но не выходит за ее пределы** (эта ареальная модель *отсутствует*).

9.2. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей русской территории, но и не выходит за ее пределы**, ср., например, распространение следующих лексем:

ključ-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец';

vod-o-nos-ъ к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло';

prost-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный', см. карту-схему 69;

kold-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

lotok-ъ к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

želb-ъ к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

kvaš-ъn-j-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

pelt-ix-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

корень **tvor-/tvar-* к. 13 'поставит, замесит тесто', см. карту-схему 30;

корень **ved-/vod-* к. 13 'поставит, замесит тесто';

корень **šъd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

корень **dy(m)-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

корень **ži-v-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

- ruš-i-tь* к. 17 'режет' (хлеб);
gъrb-ix-a, gъrb-uš-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
gъrb-uš-ьk-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
gъrb-ьk-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
kraj-ix-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
kraj-uš-ьk-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
krom-ьč-ьk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
krъx-y к. 19 'крошки' (хлеба);
krъš-on-ьk-a к. 19 'крошки' (хлеба);
съ-klad-ьn-ьč-ьk-ъ к. 20 *det* 'ножик, ножичек';
svěž-in-a к. 21 'мясо свиньи';
kory-in-a к. 22 'мясо коровы или вола';
žir-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине';
loj-ь к. 29 'топленое свиное сало';
škvar-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
ob-švar-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
švar-ьč-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
ob-švar-ьč-in-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
žar-uš-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
žar-en-ьk-a, žar-en-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
ob-top-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
vy-top-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
ob-šur-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
krъš-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
čer-uš-i к. 30 'пережаренные кусочки сала';
čer-uš-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
(šeleg)-a, (šeleg)-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
kož-ur-ьk-a к. 31 'пенка' (на молоке);
u-stoj-ь к. 31 'пенка' (на молоке);
pri-var-ьk-a к. 31 'пенка' (на молоке);
meľz-ьj-e, meľz-ьj-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';
moľd-ьj-e к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';
syр-ъ к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';

- smol-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';
kořv-ъn-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров';
kořv-o-doj-ъn-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров';
skot-ъn-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров';
prost-o-kvaš-ъk-a к. 35 'сырое кислое молоко';
prost-o-kyš-a к. 35 'сырое кислое молоко';
kys-ъl-ux-a к. 35 'сырое кислое молоко';
kys-ъl-uš-ъk-a к. 35 'сырое кислое молоко';
съ-sěd-yš-ъ к. 35 'сырое кислое молоко';
sur-o-pěn-j-a к. 35 'сырое кислое молоко';
u-stoj-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливок';
съn-jъm-ъk-ъ, съn-jъm-ъk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливок';
въrš-ъk-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметаны';
съ-liv-ъk-y к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметаны';
u-stoj-ъk-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметаны';
съn-jъm-ъk-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметаны';
kož-ur-a, kož-ur-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
skor-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
skor-o-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
skor-o-luš-a, skor-o-luš-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
běl-yš-ъ к. 42 'белая часть яйца', см. карту-схему 3;
běl-yš-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца';
běl-yš-ъk-o к. 42 'белая часть яйца';
žълt-yš-ъ к. 43 'желтая часть яйца', см. карту-схему 23;
žълt-yš-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца';
žълt-yš-ъk-o к. 43 'желтая часть яйца';
(šink)-ov-an-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте);
streп-a-j-e-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед);
glin-ъn-ъn-ъ к. 50 'сделанный из глины';
glin-ist-ъ к. 50 'сделанный из глины';
glin-av-ъ к. 50 'сделанный из глины';
kor-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
kor-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
kož-ur-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

kož-ur-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
kož-ux-ъ к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
kož-ux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
kož-er-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
pljus-en-ъj-e к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
skor-o-lux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
skor-o-luš-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
pît-an-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';
kuš-an-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';
žyr-a-tv-a, žyr-a-tv-o к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';
per-xvat-ъk-a к. 58 'завтрак, утренняя еда';
pa-už-ъn-a к. 59 'обед, еда в дневное время';
pa-už-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
pa-už-in-ъk-a, pa-už-in-ъk-у к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
pa-už-in-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
pa-už-ъn-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
pa-ob-ěd-ъ, pa-ob-ěd-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
pa-ob-ěd-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
podъ-večer-ъk-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
per-kqs-ъk-a, per-kqs-ъč-ъk-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
kqs-ov-ъn-ik-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
per-xvat-ъk-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
(čaj)-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';
večer-ic-a к. 62 'ужин, вечерняя еда';
//už-in-a к. 62 'ужин, вечерняя еда';
//už-ъn-a к. 62 'ужин, вечерняя еда';
съ-kqs-ъn-ъ к. 65 'вкусный' (о еде);
χορῆ-ъ к. 65 'вкусный' (о еде).

10. Лексема распространена в русских диалектах и выходит за их пределы.

10.1. Лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и выходит за их пределы в украинские и белорусские диалекты:

а) лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она равномерно покрывает всю или

практически всю русскую территорию и находит продолжение в украинских и/или белорусских диалектах, где она ареально ограничена, ср., например, распространение лексем:

vorŋ-ŷk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 7;

корень **(n)ę- /*(n)jъm-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-укр.-блр.);

jъz-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 31;

gъrb-uš-ŷk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 12;

pén-ŷk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 60a;

prost-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 73;

sъ-liv-ŷk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 84;

ob-čist-ŷk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 40;

za-utr-ŷk-ъ, za-utr-ŷk-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 25;

//už-in-ъ к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус.-блр.), см. карту-схему 93;

//už-in-a-j-e-tъ к. 64 'ест ужин' (рус.-блр.), см. карту-схему 95;

б) лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, ибо она равномерно покрывает всю или почти всю русскую территорию и находит продолжение в украинских и/или белорусских диалектах, где она имеет также обширные ареалы, ср., например, распространение лексем:

kołd-ęz-ъ, kołd-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец', см. карту-схему 42;

(stokan)-ъ к. 6 'стакан', см. карту-схему 88;

žir-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе), см. карту-схему 24;

skor-o-lup-a, skor-o-lup-ŷk-a к. 41 'скорлупа' (яйца), см. карту-схему 83;

kur-ēt-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода', см. карту-схему 36;

//ēd-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда', см. карту-схему 20;

ob-ēd-a-j-e-ть к. 60 'ест обед', см. карту-схему 59;

pol-u-dъn-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' и др.

10.2. Лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, но выходит за ее пределы в украинские и белорусские диалекты:

а) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, при этом она находит продолжение в украинских и/или белорусских диалектах, где она ареально также ограничена, ср., например, распространение следующих лексем:

korъm-y-sl-у к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, ко-ромысло' (рус.-блр.);

korъm-y-sl-ъ к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, ко-ромысло' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 44;

lěj-ъč-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с уз-ким горлом' (рус.-блр.);

тъkt-ъv-ъč-ъk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.- блр.);

kraj-uš-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-блр.), см. карту-схему 15;

krъx-ъt-ъk-у к. 19 'крошки' (хлеба) (рус.-укр.);

krъx-ъt-у к. 19 'крошки' (хлеба) (рус.-укр.), см. карту-схему 48;

krъš-ъč-ъk-у к. 19 'крошки' (хлеба) (рус.-укр.);

korъv-ei-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус.-блр.);

byč-in-a к. 22 'мясо коровы или вола' (рус.-укр.);

jal-ov-ič-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус.-укр.);

gov-ēd-in-a к. 23 'мясо телянка' (рус.-укр.-блр.);

sad-l-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) (рус.-блр.);

vy-škar-ъk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-укр.-блр.);

švar-ъk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-укр.);

vy-žar-ъk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-укр.);

pri-gar-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-блр.);

- plēn-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-укр.-блр.);
doj-ъšč-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров' (рус.-блр.);
sur-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' (рус.-укр.-блр.);
kys-yl-j-ak-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (рус.-укр.-блр.);
vyřš-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-укр.-блр.);
vyřš-ъč-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-блр.);
u-stoj-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-блр.);
pri-stoj-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-блр.);
sz-liv-ъk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (рус.-укр.);
//aj-ъč-ъk-o к. 39 Nsg (j)aje (рус.-укр.-блр.);
//aj-ъč-ъč-ъk-o к. 40 *det* (j)aje (рус.-блр.);
še-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-блр.);
še-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-блр.);
še-luš-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-блр.);
še-lup-ax-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-блр.);
še-lup-in-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-блр.);
še-lup-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-укр.-блр.);
luřp-aj-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-укр.-блр.);
sol-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) (рус.-укр.);
žar-ъk-ъ к. 48 'горячий' (о воде) (рус.-блр.);
var-ęt-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус.-блр.);
kyp-ęt-ъk-a к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (рус.-блр.);
čerp-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус.-укр.);
še-lup-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-блр.);
še-lux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-блр.), см. карту-схему 41;
še-luš-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-блр.);
še-lup-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-блр.);
še-lup-aj-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-блр.);
luřp-aj-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.-блр.);
skor-o-lup-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-укр.);

skor-o-lup-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-блр.);

//*ěs-iv-o* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.);

(*harč*)-ъ к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.);

(*harč*)-i к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.-блр.);

pit-j-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-укр.-блр.);

pol-u-dъn-ъ, pol-ъ-dъn-ъ к. 59 'обед, еда в дневное время' (рус.-укр.-блр.);

pol-u-dъn-ik-ъ, pol-u-dъn-ъn-ik-ъ, pol-ъ-dъn-ik-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-укр.-блр.);

pol-u-dъn-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-укр.-блр.), см. карту-схему 63;

pol-u-dъn-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-укр.);

б) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей русской территории**, при этом она **находит продолжение в украинских и/или белорусских диалектах**, где она имеет обширные ареалы (эта ареальная модель *отсутствует*);

в) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей русской территории**, при этом она **находит продолжение в западнославянской группе языков** (эта ареальная модель *отсутствует*);

г) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей русской территории**, при этом она **находит продолжение в южнославянской группе языков** (эта ареальная модель *отсутствует*);

д) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она **равномерно не покрывает всей русской территории**, однако она **находит продолжение в западно- и южнославянской группе языков**, ср., например, распространение лексе-

мы *porzd-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус.-плс.-чеш.-слц.-луж.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.), см. карту-схему 71;

е) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, однако она находит продолжение в западнославянской группе языков и в отдельных южнославянских диалектах, ср., например, распространение лексемы: (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (рус.-плс.-чеш.-слц.-луж.-слн.-хрв.-серб.);

ж) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, при этом она находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

děž-ъk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-плс.);

za-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет' (рус.-плс.);

tuk-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус.-луж.);

ob-škvar-ъk-y, *ob-skvar-ъk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' (рус.-плс.-чеш.-слц.);

sam-o-sěd-ъk-ъ к. 35 'сырое кислое молоко' (рус.-луж.);

съ-куп-i-ть к. 47 'кипит' (вода) (рус.-плс.);

//*ěd-iv-o* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (рус.-слц.);

съn-ěd-a к. 58 'завтрак, утренняя еда' (рус.-плс.);

з) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, при этом она находит продолжение в отдельных южнославянских диалектах (ср., например, распространение следующих лексем:

lom-i-ть, *lom-a-j-e-ть* к. 17 'режет' (хлеб) (рус.-серб.);

nož-ъč-ъk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' (рус.-слн.);

svin-ęt-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.);

pors-ęt-in-a к. 21 'мясо свиньи' (рус.-хрв.-серб.);

ov-ъč-ęt-in-a к. 24 'мясо барана' (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.);

loj-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине' (рус.-слн.);
sěr-o mēlk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус.-серб.-мак.-блг.);
mēlz-liv-o mēlk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус.-слн.);
mōld-o mēlk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус.-слн.-хрв.-серб.);
kož-a к. 41 'скорлупа' (яйца) (рус.-серб.);
žēlt-j-ak-ъ к. 43 'желтая часть яйца' (рус.-слн.-серб.);
žēlt-o, žēlt-ъ, žēlt-a к. 43 'желтая часть яйца' (рус.-слн.-хрв.-блг.);
glin-j-ast-ъ к. 50 'сделанный из глины' (рус.-слн.);
kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-хрв.-серб.-блг.), см. карту-схему 39;
ob-lup-ъk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-хрв.);
//už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед' (рус.-слн.-хрв.-серб.-блг.);
pa-už-in-ъ, pa-už-in-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-хрв.), см. карту-схему 64;
pol-u-dъn-e, pol-ъ-dъn-e к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (рус.-блг.);
sofd-ъk-ъ к. 65 'вкусный' (о еде) (рус.-серб.-мак.-блг.);
 корень **sta-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-слн.);
 корень **jъd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-хрв.-мак.-блг.);

и) лексема в своем распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей русской территории, при этом она находит продолжение в отдельных западно- и южнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем:

koryt-ъc-e к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-слц.-серб.);
 корень **dvig-/dviž-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (рус.-слц.-слн.-хрв.);
kraj-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (рус.-слц.-хрв.-серб.);
kož-a к. 31 'пенка' (на молоке) (рус.-чеш.-слц.-луж.-хрв.-серб.-мак.), см. карту-схему 61;
kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (рус.-чеш.-блг.-хрв.);

Приведенный материал является, как представляется, убедительным свидетельством того, что русско-славянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости — статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., например, Жирмунский 1954: 23).

Поэтому при оценке русско-славянских ареальных связей необходимо принимать во внимание, прежде всего, такой классификационно существенный признак, как пространство, т.е. учитывать характер ареала корреспондирующих лексем — общеславянский или локально ограниченный. Однако и этот признак не является необходимым и достаточным, так как территориально ограниченные связи имеют тоже важное значение при хронологической стратификации материала. Поэтому его необходимо дополнить другим, не менее существенным признаком — место локализации ареала (в одной, двух или трех языковых группах), ибо пространственная характеристика ареала многое проясняет в природе выявленных схождения.

Так, например, если взглянуть на русско-славянские соответствия с точки зрения именно этого критерия, то следует признать, что наибольшей диагностирующей силой при определении их временного статуса, помимо общеславянских, будут обладать восточно-южнославянские и собственно русско-южнославянские связи, которые сформировались, по-видимому, в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от севернославянских. Наличие же островных ареалов в отдельных запа-

¹ Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: «Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами... заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение» (Бенвенист 1963: 44-45).

днославянских диалектах еще больше повышает их классификационный статус, так как существование таких ареалов говорит о том, что в прошлом эти корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Достаточно высоким классификационным весом будут, по-видимому, обладать сепаратные и эксклюзивные русско-западнославянские соответствия (особенно русско-чешские, русско-словацкие или русско-лужицкие), так как их ареалы являются также дистантными.

Что касается русско-(украинско-белорусско-)западнославянских ареальных связей, при их отсутствии в южнославянских диалектах, или русско-(украинско-)западнославянских, русско-(белорусско-)западнославянских, то их классификационный вес в общей картине русско-славянских ареальных связей будет несколько ниже, так как не исключено, что на их формирование оказало существенное влияние наличие контактных зон в украинских и белорусских диалектах, которые выполняли роль своеобразного «моста» между диалектами восточной и западной Славии.

Эта хронологическая неоднородность русско-славянских лексических соответствий позволила выделить межъязыковые связи нескольких уровней.

Связи первого уровня – это связи, эксплицирующие преимущественно генетическое родство славянских диалектов.

1. Общеславянские: они могут быть представлены лексемами не только с непроеизводными основами, но и с производными (ср., например, распространение таких лексем, как *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 ‘ест ужин’).

2. В рамках восточнославянских диалектов:

2.1. Русско-(украинско-белорусско-)южнославянские связи.

2.1.1. Связи русских (украинских, белорусских) диалектов с южнославянской языковой группой (ср., например, локализацию лексемы *vъ-kqs-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде).

2.1.2. Русско-(украинско-белорусско-)южнославянские связи, осложненные отдельными западославянскими изоглоссами (ср., например, распространение таких лексем, как *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’; *jъz-peč-e-ть* к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’; *rěž-e-ть*,

rěž-i-tь к. 17 'режет' (хлеб); *sojn-in-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; *kys-ěl-o melk-o* к. 35 'сырое кислое молоко'; *kyp-i-tь* к. 47 'кипит' (вода); производных с корнем **qrst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте); **glbt-* к. 57 'проглотит' (еду) и др.).

2.1.3. Связи русских (украинских, белорусских) диалектов с отдельными южнославянскими диалектами (ср.: *пѣкт-ьв-а* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *žir-ъ* к. 29 'топленое свиное сало'; *върх-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *got-ov-i-tь* к. 45 'варит, готовит' (обед); *za-utr-ъk-ъ, za-utr-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда'; *ob-ěd-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда'; *pol-u-dьn-a-j-e-tь, pol-u-dьn-ъ=a-j-e-tь* к. 60 'ест обед').

2.1.4. Связи русских (украинских, белорусских) диалектов с отдельными южно- и западнославянскими диалектами (ср.: *koryt-o* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *съ-реѣ-e-tь* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *нож-іѣ-ъk-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *svin-in-a* к. 21 'мясо свиньи'; *gov-ěd-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола'; *tel-ět-in-a* к. 23 'мясо телянка'; *gqs-ět-in-a* к. 25 'мясо гуся'; *sad-l-o* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; *sad-l-o* к. 29 'топленое свиное сало'; *melz-iv-o, melz-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *съ-met-an-ъk-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *lusk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *kys-yl-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте); *съ-var-i-tь* к. 46 3sg praes asp perf 'варит'; *gor-ět-j-ъ* к. 48 'горячий' (о воде); *lup-in-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//ěd-j-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'; *//ěd-j-en-ъj-e* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'; производных с корнем **xod(j)-/*xad(j)-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте).

2.1.5. Русско-(украинско-белорусско-)западнославянские связи, имеющие выход в отдельные южнославянские диалекты (ср., например, распространение таких лексем, как *тѣк-а* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'; *škvar-ъk-a* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *съ-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *съ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца'; *žlt-ъk-ъ* к. 43 'желтая часть яйца'; *var-i-tь* к. 45 'варит, готовит' (обед).

3. В рамках русских диалектов:

3.1. Связи русских (украинских) диалектов с отдельными южнославянскими диалектами (ср.: *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке); производные с корнем **sta-* к. 13 'поставит, замесит тесто').

3.2. Связи русских (украинских) диалектов с отдельными южно-и западнославянскими диалектами (ср.: *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *pol-u-dьn-e*, *pol-ъ-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время'; производные с корнем **kъs-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте)).

3.3. Связи русских (белорусских) диалектов с отдельными южнославянскими диалектами (ср., например, распространение таких лексем, как *peč-e-ть* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *ov-ъč-in-a* к. 24 'мясо барана'; *въх-ъ* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; *съ-got-ov-i-ть* к. 46 3sg praes asp perf 'варит'; *//ěs-ть* к. 60 'ест обед').

3.4. Связи русских (белорусских) диалектов с отдельными южно-и западнославянскими диалектами (ср.: *tel-ęt-j-e* (subst) к. 23 'мясо теленка').

4. Сепаратные русско-южнославянские связи:

4.1. Связи русских диалектов с отдельными южнославянскими диалектами (ср., например, распространение таких лексем, как *svin-ęt-in-a* к. к. 21 'мясо свињи'; *pořs-ęt-in-a* к. 21 'мясо свињи'; *ov-ъč-ęt-in-a* к. 24 'мясо барана'; *sěr-o měl-k-o* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *žьlt-j-ak-ъ* к. 43 'желтая часть яйца'; *žьlt-o*, *žьlt-ъ*, *žьlt-a* к. 43 'желтая часть яйца'; *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//už-in-a-j-e-ть* к. 60 'ест обед'; производных с корнем **jьd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте)).

4.2. Связи русских диалектов с отдельными южнославянскими диалектами, осложненные западнославянскими изоглоссами (ср., например, распространение лексемы *koryt-ъс-е* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *kraj-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; производных с корнем **dvig-/dvizh-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте)).

5. Эксклюзивные русско-южнославянские связи: связи русских диалектов с каким-либо одним из южнославянских (ср., например, распространение таких лексем, как *lom-i-ть*, *lom-a-j-e-ть* к. 17 'режет' (хлеб); *pož-ъč-ьk-ъ* к. 20 dem 'ножик, ножичек'; *loj-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; *glin-j-ast-ъ* к. 50 'сделанный из

глины'; *ob-lup-ъk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *pa-iž-in-a* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *pol-u-dъn-e*, *pol-ъ-dъn-e* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; производные с корнем **sta-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте).

Все эти связи представляют лексемы как с непроизводными, так и с производными основами.

Связи второго уровня – это связи, демонстрирующие контактно-генетическое родство.

1. В рамках восточнославянских диалектов:

1.1. Русско-(украинско-белорусско-)западнотславянские связи.

1.1.1. Связи русских (украинских, белорусских) диалектов с западнотславянской языковой группой (ср., например, распространение таких лексем, как *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *na-var-i-tъ* к. 46 3sg praes asp perf 'варит'; *sъn-ěd-atъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' и др.).

1.1.2. Связи русских (украинских, белорусских) диалектов с отдельными западнотславянскими диалектами (ср. *korm-y-sl-o* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; *porž-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный'; *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный'; *lěj-ъk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом'; *pykt-ъv-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; **čîn-* к. 13 'поставит, замесит тесто'; *na-peč-e-tъ* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *kroj-i-tъ*, *kroj-e-tъ* к. 17 'режет' (хлеб); *ob-kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ъč-ik-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *krъž-ъk-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *jal-ov-ič-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола'; *baran-in-a* к. 24 'мясо барана'; *syi-ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе); *skvar-ъk-a* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *vy-skvar-ъk-a* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *plěv-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке); *doj-ar-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров'; // *aj-ъc-o* к. 39 Nsg (j)aje; // *aj-ъk-o* к. 39 Nsg (j)aje; // *aj-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje; // *aj-ъč-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje; // *aj-ič-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje; *skor-up-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *skor-o-lup-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *skor-o-lup-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *kvaš-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте); *got-u-j-e-tъ* к. 45 'варит, готовит' (обед); *u-krop-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; *lъž-ъk-a* к. 52 'ложка'; *lъž-ъč-ъk-a* к. 53 *dem* 'ложечка'.

2. В рамках русских диалектов:

2.1. Связи русских (украинских) диалектов с отдельными западнославянскими диалектами (ср., например, распространение таких лексем, как *krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец'; *děž-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куса дерева'; *уу-реѣ-е-тъ* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *žьlt-ьѣ-ьк-ъ* к. 43 'желтая часть яйца'; *skor-ьк-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

2.2. Связи русских (белорусских) диалектов с отдельными западнославянскими диалектами (ср., например, распространение таких лексем, как *krom-ьк-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся'; *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *doj-ьк-a* к. 34 'женщина, которая доит коров'; *běl-ьк-o* к. 42 'белая часть яйца'; *var-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; *glin-j-an-ьn-ъ* к. 50 'сделанный из глины'.

3. Сепаратные русско-западнославянские связи:

3.1. Связи русских диалектов с отдельными западнославянскими диалектами (ср., например, распространение таких лексем, как *žęd-osr-ъ* к. 10a FP(Sm)1040 *žędja; *ob-skvar-ьк-y*, *ob-škar-ьк-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала').

3.2. Связи русских диалектов с отдельными западнославянскими диалектами, осложненные южнославянскими изоглоссами (ср., например, распространение лексемы (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом').

Все эти связи представляют лексемы чаще всего с производными основами.

4. Русские эксклюзивные связи:

4.1. Эксклюзивные русско-украинские связи (ср., например, распространение таких лексем, как *крѣх-ьт-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *крѣх-ьт-ьк-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *крѣѣ-ьѣ-ьк-y* к. 19 'крошки' (хлеба); *буѣ-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола'; *jal-ov-ič-in-a* к. 23 'мясо телянка'; *уу-žar-ьк-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *švar-ьк-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *sъ-liv-ьк-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *sol-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте); *čerp-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины'; *skor-o-lup-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//ěs-tv-o*

к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'; *pol-u-dŋn-ŋk-ŋ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник').

4.2. Эксклюзивные русско-белорусские связи (ср., например, распространение таких лексем, как *korŋm-y-sl-y* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; *lŋj-ŋŋ-ŋk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом'; *nŋkt-ŋv-ŋŋ-ŋk-a*, *nŋkt-ŋv-ŋŋ-ŋk-y* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *kraj-uŋ-ŋk-a*, *kraj-uŋ-ŋŋ-ŋk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *korv-ŋt-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола'; *sad-l-ŋn-ŋ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе); *smŋrŋŋ-ŋk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *pri-gar-ŋk-a* (-y) к. 31 'пенка' (на молоке); *doj-ŋŋŋ-ic-a* к. 34 'женщина, которая доит коров'; *vŋrŋŋ-ŋŋ-ŋk-ŋ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *u-stoj-ŋk-ŋ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *pri-stoj-ŋk-ŋ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *//aj-ŋŋŋ-ŋŋ-ŋk-o* к. 40 *dem* (j)aŋe; *ŋe-lup-ax-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *ŋe-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *ŋe-lup-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *ŋe-lup-in-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *ŋe-luŋŋ-ŋk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *ŋar-ŋk-ŋ* к. 48 'горячий' (о воде); *var-ŋt-ŋk-ŋ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; *ŋe-lup-j-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *ŋkor-o-lup-ŋk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *ŋe-lux-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *ŋe-luŋŋ-ŋk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *//uŋ-in-ŋ* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *//uŋ-in-a-j-e-tŋ* к. 64 'ест ужин').

4.3. Эксклюзивные русско-западнославянские связи (ср., например, распространение таких лексем, как *dŋŋŋ-ŋk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *za-peŋŋ-e-tŋ* к. 15 3sg praes asp perf 'печет'; *tuk-ŋ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; *sam-o-sŋd-ŋk-ŋ*, *sam-o-sŋd-ŋk-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *sŋ-kup-i-tŋ* к. 47 'кипит' (вода); *//ŋd-iv-o* к. 54 'еда'; *sŋn-ŋd-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда').

Все эти связи представляют лексемы, как правило, с производными основами.

Следует отметить, что это деление на генетические и контактно-генетические связи в известной степени условно, так как, строго говоря, все эти связи являются контактно-генетическими, если рассматривать их в диахронической перспективе. Однако одни из них (собственно контактно-генетические) не выходят (или как правило,

не выходят) за пределы северной Славии, а другие (генетические) – распространены и в южной (или только в южной) Славии.

По-видимому, возможна и дальнейшая классификация этих связей, но на иных основаниях, и прежде всего с привлечением этимологического инструментария, так как даже в рамках одной группы, в частности общеславянской, объединены лексемы, разнотипные в структурно-этимологическом плане (ср., например, лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ и *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’: первичность значения ‘молозиво’ в лексеме *sěr-a* дает основания для иной диахронической оценки межславянских лексических соответствий (по-видимому, реликт праславянской общности), нежели соответствий, представленных лексемой *ob-ěd-ъ*, значение которой ‘еда в дневное время’ является, скорее всего, более поздним семантическим параллелизмом в развитии этой лексемы (см. в связи с этим разные точки зрения на этимологию этой лексемы в ЭССЯ 26:182).

Нетрудно заметить, что в русско-славянских лексических соответствиях обоих уровней собственно лингвистический критерий, апеллирующий к типу основы, обладает некоторой неустойчивостью (так как тип основы постоянно варьируется), тогда как пространственный критерий остается неизменным, что еще раз подтверждает тезис о том, что именно пространство, организуя межславянские связи и отношения, является главным аргументом при решении проблем, связанных с членением праславянской языковой общности и хронологической стратификацией выявленных языковых схождений, ибо пространственное распределение изоглосс во многом диагностирует их хронологию.

Анализ материала в предложенном ракурсе показал, что ареальная картина межъязыковых схождений существенно усложняется.

В связях первого уровня наблюдается ярко выраженное тяготение русских диалектов к южнославянским, причем оно пролеживается как в рамках восточнославянских языков, так и собственно в русских языковых связях. При этом все эти связи ориентированы на южнославянский юго-запад, а именно на словенские, сербские и хорватские диалекты, связи с болгарскими и македонскими диалектами представлены менее выразительно, хотя нельзя не отметить, что именно в болгарских диалектах русско-болгарские соответствия представлены чаще всего обширными ареалами (ср., например, распространение таких лексем, как *jъz-peč-e-tъ* к. 15 3sg

praes asp perf 'печет'; *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца'; *žbl-ъk-ъ* к. 43 'желтая часть яйца'; *куп-i-ть* к. 47 'кипит' (вода); **glbt-* к. 57 'проглотит' (еду) и др.).

Русско-западнославянские связи им значительно уступают, причем они ориентированы не только на польские, но и на словацкие диалекты, связи с которыми имеют чаще всего обширные ареалы (ср., например, распространение таких лексем, как *корыт-о* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *gqs-qt-in-a* к. 25 'мясо гуся'; *škvar-ъk-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *var-i-ть* к. 45 'варит, готовит' и др.).

Что касается русско-белорусских и русско-украинских языковых соответствий, то в рамках восточнославянских языков они демонстрируют практически одинаковую картину, а в рамках собственно русского языка (т.е. когда речь идет о связях русско-украинско-южнославянских или русско-белорусско-южнославянских) обнаруживается явное преобладание связей с украинскими диалектами.

В связях второго уровня вес русско-западнославянских лексических соответствий значительно возрастает по сравнению со связями первого уровня, причем как в рамках восточнославянских языков, так и собственно русского языка. В этих связях ярко выражена ориентация на польские диалекты, лексические параллели с которыми в два, а иногда и в три раза превышают соответствия с другими западнославянскими диалектами. Именно в польских диалектах находятся чаще всего обширные ареалы корреспондирующих лексем (ср., например, распространение таких лексем, как *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный'; *//aj-ъč-ъk-о* к. 40 *dem* (j)aje; *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины' и др.). И только в сепаратных связях наблюдается явный перевес русско-словацких изоглосс (ср. *ob-škvar-ъk-у*, *ob-skvar-ъk-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала').

Среди русско-украинско-западнославянских и русско-белорусско-западнославянских связей доминирующими являются связи с белорусскими диалектами. Именно русско-белорусские соответствия характеризуются чаще всего обширными ареалами (ср., например, распространение таких лексем, как *кѣѣ-ъk-у* к. 19 'крошки'; *skvar-ъk-a*, *skvar-ъk-ъ* к. 30 'пережаренные кусочки сала').

Что касается эксклюзивных русско-украинских и русско-белорусских связей, то в них также прослеживается ярко выраженная ориентация на белорусские диалекты.

Если же рассматривать все эти связи не расчленено, пользуясь одним лишь статистическим критерием, игнорируя ареальный, то можно легко обнаружить, что русские диалекты больше тяготеют к западославянским языкам (особенно к польскому), нежели к южно-славянским, хотя перевес в количественном выражении будет незначительным, а потому эту ситуацию, скорее, можно охарактеризовать как паритетную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, русские диалекты активно участвуют в формировании славянского языкового ландшафта. Вместе с тем, как показало исследование, в большинстве своем русско-славянские ареальные связи сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими связями роль собственно русских диалектов как ареалообразующих в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

Прежде всего следует отметить, что среди русско-славянских параллелей нет ни одной лексемы, которая, будучи общеславянской, равномерно покрывала бы всю территорию Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы (ср. *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин'; *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво') имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других (причем две из них – *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин' имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

Интересно, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, начинается с юго-востока южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах часто наблюдается либо сужение ареала корреспондирующих лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексем *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'; *žed-j-a* к. 9 'желание, потребность пить'; *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *vъ-kos-ьn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) и др.)¹.

Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализируются в пространстве

¹ Интересно, что сходная картина прослеживается и в опубликованном недавно фонетическом томе Атласа «Рефлексы *о», в котором также представлены материалы по все славянским диалектам. Именно в болгарских и частично македонских диалектах наблюдаются лакуны в распространении древнейших лексем, известных на всей остальной территории Славии (см., например, карты **отъ*, **она*, **отьсь* и др.).

terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума:

это прежде всего диалекты чешского, словацкого, лужицких, украинского и белорусского языков, территория которых покрыта практически полностью этими лексемами;

во всех остальных диалектах их локализация имеет очаговый характер: в польских — это северо-восток мазовецких говоров (пп. 251, 262-264, 266, 272-275, 285-287, 295, 297), юг малопольских (пп. 291, 294, 301, 303-305, 307, 309-313, 316-321, 323-325), запад великопольских (пп. 248, 254, 256, 258, 261, 269, 278, 280), некоторые кашубские (пп. 245-246, 249-250), шленские говоры (пп. 277, 288, 290, 308);

в словенских диалектах — это отдельные пункты приморских (п. 1), штаерских (п. 17), паннонских (п. 20) и прекмурских (п. 149) говоров;

в хорватских диалектах — это широкая полоса кайкавских (пп. 27-32), чакавских говоров (пп. 23-25, 37, 42-44, 56, 146а-148а) и единственный пункт в штокавских говорах (п. 65);

в сербских диалектах — это очаг штокавских говоров в Черногории (пп. 71-77), а также отдельные пункты штокавских говоров в Боснии (п. 48) и Сербии (пп. 79, 84-85);

в македонских диалектах — это отдельные пункты в говорах северного наречия (п. 98), а также в говорах Эгейской Македонии (пп. 106-109, 112-113а);

в болгарских диалектах — это в основном юго-восточные (пп. 126, 133-134, 139-140, 850-852) говоры и отдельные пункты северо-восточных (п. 136) и западных говоров (пп. 115, 121);

в русских диалектах — это преимущественно западная группа южнорусских говоров — брянских (пп. 797-799, 811-813, 822), смоленских (пп. 758, 771, 784), белгородских (пп. 841, 844-845, 848), а также калужских (п. 788).

В общей картине ареальных связей русских диалектов эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как являются свидетельством древних диалектных отношений славянских языков, разрушенных их многовековой историей.

Им противостоят лексемы, которые составляют принадлежность лишь восточнославянских языков. Не имея выхода в пространство западной и южной Славии, они, тем не менее, широко распространены в диалектах восточнославянских языков, особенно в русских, ср., например, лексемы:

kołd-ęz-ъ, kołd-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец';

(stokan-ъ) к. 6 'стакан';

žir-ъn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе);

kur-ęt-ъk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';

//ěd-a к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

ob-ěd-a-j-e-тъ к. 60 'ест обед'.

Классификационный вес этих лексем будет довольно низким, так как они являются свидетельством истории собственно восточнославянских языков.

Однако среди лексем, имеющих восточнославянское распространение, довольно много и таких, которые **равномерно покрывают территорию восточнославянских диалектов и выходят за их пределы**, ср., например, распространение лексем:

mok-a к. 11 'мука, из которой пекут хлеб';

rěž-e-тъ, rěž-i-тъ к. 17 'режет' (хлеб);

съ-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана';

běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца';

žlt-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца';

var-i-тъ к. 45 'варит, готовит' (обед).

При этом общее направление их изоглосс ориентировано чаще всего на западнославянский ареал, ср., например, распространение таких лексем, как:

porž-ъn-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный';

nož-ik-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек';

baran-in-a к. 24 'мясо барана';

glin-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины';

lŏž-ъk-a к. 52 'ложка'.

Тогда как собственно южнославянское направление среди них встречается реже (ср. *rěž-e-тъ, rěž-i-тъ* к. 17 'режет' (хлеб)). Однако в сочетании с западнославянскими изоглоссами это направление становится более выразительным, ср. распространение лексем:

- mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб';
ś-met-an-a к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана';
běl-ъk-ъ к. 42 'белая часть яйца';
žlt-ъk-ъ к. 43 'желтая часть яйца';
var-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед);
kyp-i-tъ к. 47 'кипит' (вода).

Все эти лексемы в общем контексте русско-славянских лексических соответствий отличает яркая ареальная репрезентативность. Все они имеют обширные ареалы в восточнославянских языках и находят продолжение в западно- и/или южнославянских диалектах.

При этом среди них имеются и такие, которые характеризует **повсеместное распространение без каких-либо ареальных ограничений в восточно- и западнославянской языковых группах** (ср.: *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'; *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *ś-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана') и реже в восточно- и южнославянской (ср.: *rěž-e-tъ*, *rěž-i-tъ* к. 17 'режет' (хлеб); *kyp-i-tъ* к. 47 'кипит' (вода); корень **měs-/ *měš-*) к. 13 'поставит, замесит тесто'.

Следует, однако, признать, что таких лексем сравнительно немного. Значительно больше тех, которые также **фиксируются в рамках восточнославянских языков, но имеют ареальные ограничения в их диалектах**, ср., например, следующие территориально ограниченные в восточнославянских диалектах лексемы (или корни), которые имеют, однако, продолжение в западно- и/или южнославянских диалектах:

- mъkt-ъv-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';
 корень **čīn-* к. 13 'поставит, замесит тесто';
 корень **orst-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);
na-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет'
kraj-ъc-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
kraj-ъč-ik-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
jal-ov-ič-in-a к. 22 'мясо коровы или вола';
sqln-in-a к. 27 'подкожный слой жира в свинине';
žir-ъ к. 29 'топленое свиное сало';

vy-skvar-ъk-a, *vy-skvar-ъk-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала';
skor-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке);
plěv-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке);
kys-ěl-o meľk-o к. 35 'сырое кислое молоко';
sъ-met-an-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстояв-
 шегося молока, сливки';
sъ-met-an-ъk-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отсто-
 явшегося молока, сливки';
въх-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося
 молока, сливки';
//aj-ъk-o к. 39 Nsg (j)aje;
//aj-ъk-o к. 40 dem (j)aje;
//aj-ъč-ъk-o к. 40 dem (j)aje;
lusk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
skor-up-a к. 41 'скорлупа';
skor-o-lup-ъk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
got-u-j-e-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед);
got-ov-i-tъ к. 45 'варит, готовит' (обед);
na-var-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит';
u-krop-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';
lup-in-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
//ěd-j-en-ъj-e к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';
sъn-ěd-atъ, *sъn-ěd-aŋ-ъj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда';
ob-ěd-ъ к. 58 'завтрак, утренняя еда';
pol-u-dъn-a-j-e-tъ, *pol-u-dъn-ъ=a-j-e-tъ* к. 60 'ест обед';
podъ-večer-ъk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'.

Примечательно, что ареальные ограничения прослеживаются, как
 правило, в русских диалектах, тогда как в белорусских и особенно в
 украинских диалектах эти лексемы имеют нередко довольно плот-
 ные ареалы (ср. распространение таких лексем, как *sъ-peč-e-tъ* к. 15
 3sg praes asp perf 'печет'; *ob-kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, от-
 резанный от буханки, горбушка'; *skvar-ъk-a*, *skvar-ъk-ъ* к. 30 'пере-
 жаренные кусочки сала'; *//ěd-j-a* к. 54 'все, что употребляется в пи-
 шу людьми, еда').

Несмотря на несколько «ущербный» статус этих изоглосс, их
 значение в общем контексте русско-славянских лексических соот-
 ветствий определяется тем, что они связывают русские диалекты со
 всей остальной Славией, причем ведущими среди них являются
 русско-западнославянские связи.

Значительно больший, однако, интерес представляют те лексемы, которые не имеют в своем распространении ареальных ограничений в русских диалектах (в отличие от украинских и белорусских, где они являются территориально ограниченными) и выходят за их пределы в западную и/или южную Славия, ср., например, следующие лексемы:

- žed-j-a* к. 9 'желание, потребность пить';
- koryt-o* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';
- svin-in-a* к. 21 'мясо свиньи';
- gov-əd-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола';
- tel-ət-in-a* к. 23 'мясо телят';
- sad-l-o* к. 29 'топленое свиное сало';
- vъ-kqs-ьn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде);
- *glъt-* к. 57 'проглотит' (еду).

Все эти лексемы обладают высоким классификационным статусом, так как их островные ареалы, локализующиеся в разных частях Славии, являются свидетельством архаичности. Интересно, что и в этих лексических параллелях русских диалектов ведущими являются русско-западнославянские связи.

Этим лексическим изоглоссам, связывающим восточную Славия с западной и южной, противостоят изоглоссы, которые также сложились в рамках восточнославянских языков, но объединяют их попарно, давая возможность проследить русско-украинские и русско-белорусские связи в общеславянском контексте.

Так, в частности, русско-украинско-славянские параллели представлены следующими лексемами:

- krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец';
- děž-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';
- корень **sta-* к. 13 'поставит, замесит тесто';
- корень **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);
- pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке);
- kor-ьk-a* к. 31 'пенка' (на молоке);
- žьlt-ьč-ьk-ь* к. 43 'желтая часть яйца';
- lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
- skor-ьk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди этих лексических соответствий практически не наблюдается лексем, которые имели бы ярко выраженные ареалы в русских или украинских диалектах. Некоторым исключением являются лексемы *skor-ъk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' и *рѣп-а* к. 31 'пенка' (на молоке), которые имеют довольно четкий ареал в русских диалектах (в южнорусских и севернорусских говорах), а также лексема *krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' – в украинских диалектах. При этом преобладающим направлением в этих связях в пространстве *terra Slavia* является южнославянский вектор.

Сходная картина наблюдается и в русско-белорусско-славянских лексических параллелях, ср.:

peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf 'печет';

krom-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';

tel-et-j-e (subst) к. 23 'мясо телят';

ov-ъč-in-a к. 24 'мясо барана';

gqs-in-a к. 25 'мясо гуся';

(špek)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине';

mold-iv-o, *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';

daj-ъk-a к. 34 'женщина, которая доит коров';

върх-ъ к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана';

běl-ъk-o к. 42 'белая часть яйца';

sv-got-ov-i-tъ к. 46 3sg praes asp perf 'варит';

var-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';

glin-j-an-ъn-ъ к. 50 'сделанный из глины';

//ēs-tъ к. 60 'ест обед'.

Несмотря на то, что таких параллелей представлено почти вдвое больше, чем русско-украинско-славянских, однако их ареальная репрезентативность довольно низкая, так как все они не имеют ярко выраженных ареалов. Исключение составляют лишь несколько примеров: лексема *glin-j-an-ъn-ъ* к. 50 'сделанный из глины', которая характеризуется довольно плотным ареалом в севернорусских говорах; лексемы *mold-iv-o* *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво', которые обладают четко очерченным ареалом в белорусских диалектах, и лексема *var-ъ* к. 49 'кипящая или вски-

певшая вода', которая имеет обширный ареал в белорусских и южнорусских диалектах. Особо следует отметить лексему (*špek*)-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине', которая, будучи заимствованной из немецкого языка (нем. *Speck*), получила довольно широкое распространение в польских, словенских, хорватских и особенно в русских диалектах, тогда как в белорусских она имеет точечные ареалы.

Классификационный вес этих лексем будет разным, так как в большинстве своем они имеют островные (или даже точечные) ареалы, которые могут свидетельствовать как о независимом параллельном развитии, так и о сохранившихся следах древних диалектных контактов, особенно в тех случаях, когда их ареал является ярко выраженным или находится в зоне архаичных говоров (ср., например, распространение таких лексем, как *var*-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' или *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке)².

Общий анализ русско-(белорусско-)славянских лексических изоглосс показал, что они ориентированы в основном на западославянское направление, причем прежде всего на польский язык. Именно в польском языке корреспондирующие лексемы представлены, как правило, обширными ареалами, тогда как редкие словацкие или чешские соответствия являются часто локально ограниченными.

Русско-(белорусско-)славянские корреспонденции отличаются от русско-(украинско-)славянских и тем, что в большинстве своем они представлены лексемами с производной основой, что является косвенным свидетельством того, что они сформировались довольно поздно, в то время как среди русско-(украинско-)славянских лексических параллелей немало лексем и с непроизводной основой (ср. *děž-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке); *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' и др.).

Этой обширной группе лексем, известных в той или иной степени всем восточнославянским языкам, противостоят лексемы, которые в рамках восточной Славии распространены в основном в русских диалектах, при том, что они могут встречаться и за их пределами.

Среди этих лексем выделяются две группы.

² Ср. в связи с этим точку зрения О.Н. Трубачева, согласно которой «реликтовость и изолированность» слова позволяет говорить о его древности, что не исключает, однако, его трансдиалектных связей (Трубачев 2003а: 19).

Первую, небольшую, образуют лексемы, которые в своем распространении не имеют каких-либо территориальных ограничений в русских говорах, ибо они равномерно покрывают практически всю русскую территорию и находят продолжение лишь в украинских и/или белорусских диалектах, где они ареально ограничены, ср., например, распространение лексем:

vorn-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом';

корень **(n)ę- /*(n)jъm-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

gyrb-uš-ъk-a к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';

pěp-ъk-a к. 31 'пенка' (на молоке);

prost-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко';

sъ-liv-ъk-y к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';

ob-čist-ъk-y к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

za-utr-ъk-ъ, *za-utr-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда';

//*už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда';

//*už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин'.

Все эти лексемы в общем контексте русско-славянских ареальных связей имеют низкий классификационный статус, так как они, как правило, образуют адстратные ареалы, которые возникли в результате междиалектных контактов и являются свидетельством влияния русских диалектов на пограничные с ними украинские или белорусские говоры. Исключение представляет лишь лексема *za-utr-ъk-ъ*, *za-utr-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда', которая встречается также в отдельных словенских и хорватских говорах, где она может быть результатом и независимого параллельного развития.

Вторую, более обширную группу образуют лексемы, которые не имеют повсеместного распространения в русских диалектах, но тем не менее они встречаются в западно- и/или южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

porzd-ъn-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный';

(traxter)-ъ, *(trixter)-ъ* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом';

koryt-ъc-e к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

kraj-ъ к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';

svin-ęt-in-a к. 21 'мясо свиньи';

pors-ęt-in-a к. 21 'мясо свиньи';

borv-ov-o meš-o к. 21 'мясо свиньи';

ov-ьč-ęt-in-a к. 24 'мясо барана';

ob-škar-ьk-y, ob-skvar-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';

kož-a к. 31 'пенка' (на молоке);

sēr-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';

mołd-o melk-o к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво';

žьlt-j-ak-ъ к. 43 'желтая часть яйца'

žьlt-o, žьlt-ъ, žьlt-a к. 43 'желтая часть яйца';

kož-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

kor-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

skor-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

//už-in-a-j-e-ть к. 60 'ест обед';

sołd-ьk-ъ к. 65 'вкусный' (о еде);

корень **dvig-/dviž-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

корень **jьd-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте).

Особый интерес среди этих лексем представляют такие, которые иллюстрируют русско-славянские эксклюзивные связи, ср. распространение следующих лексем:

děž-ьk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

корень **sta-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте);

za-peč-e-ть к. 15 3sg praes asp perf 'печет';

lom-i-ть, lom-a-j-e-ть к. 17 'режет' (хлеб);

pož-ьč-ьk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек';

loj-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине';

tuk-ъ к. 27 'подкожный слой жира в свинине';

sam-o-sěd-ьk-ъ к. 35 'сырое кислое молоко';

kož-a к. 41 'скорлупа' (яйца);

sъ-kyp-i-ть к. 47 'кипит' (вода);

glin-j-ast-ъ к. 50 'сделанный из глины';

ob-lup-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

//ěd-iv-o к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

sъn-ěd-a к. 58 'завтрак, утренняя еда';

pa-už-in-ъ, pa-už-in-a к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник';

pol-u-dъn-e, pol-ъ-dъn-e к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'.

Классификационный вес этих лексем будет разным, так как в большинстве своем они имеют островные (а иногда даже и точечные) ареалы, которые могут свидетельствовать как о независимом параллельном развитии, так и о сохранившихся следах древних диалектных контактов, особенно в тех случаях, когда их ареалы имеют ярко выраженный характер (ср., например, распространение таких лексем, как *porzd-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный'; *kor-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки') или когда они локализируются в разных частях Славии (особенно в архаичных зонах) и представлены при этом лексемами с непроемной основой (ср., например, распространение лексемы *kraj-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка').

Интересно, что в этих лексических соответствиях русских диалектов (в отличие от тех, которые поддерживаются диалектами украинского и белорусского языков) наблюдается **явное тяготение к южнославянским диалектам**, связи с которыми почти в два с половиной раза превышают русско-западнотлавянские лексические параллели.

Наконец, самым низким классификационным весом среди русско-славянских ареальных связей обладают лексемы, которые, сформировавшись в рамках восточнославянских языков, связывают их попарно, но не имеют выхода за их пределы. Примечательно, что ни в одном из восточнославянских языков эти лексемы равномерно не покрывают территорию их диалектов, а являются ареально ограниченными, при этом русско-белорусские лексические корреспонденции почти вдвое превышают русско-украинские.

Иллюстрацией таких **русско-белорусских** соответствий могут служить следующие лексемы:

kor-m-y-sl-y к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, ко-ромысло';

lěj-ъč-ъk-a к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом';

nъkt-ъv-ъč-ъk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева';

- kraj-uš-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка';
korv-ēt-in-a к. 22 'мясо коровы или вола';
sad-l-ьn-ъ к. 26 'содержащий много жира' (о мясе);
stьrč-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
pri-gar-ьk-a к. 31 'пенка' (на молоке);
doj-ьšč-ic-a к. 34 'женщина, которая доит коров';
vьrš-ьč-ьk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';
u-stoj-ьk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';
pri-stoj-ьk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';
//aj-ьč-ьč-ьk-o к. 40 *det* (j)aje;
še-lup-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
še-lux-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
še-luш-ьk-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
še-lup-ax-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
še-lup-in-a к. 41 'скорлупа' (яйца);
žar-ьk-ъ к. 48 'горячий' (о воде);
var-ēt-ьk-ъ к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';
kyp-ēt-ьk-a к. 49 'кипящая или вскипевшая вода';
še-lup-j-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
skor-o-lup-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
še-lux-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
še-luш-ьk-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';
//už-in-ъ к. 62 'ужин, вечерняя еда';
//už-in-a-j-e-tъ к. 64 'ест ужин'.

Русско-украинские лексические соответствия иллюстрируют следующие лексемы:

- krъx-ьt-y* к. 19 'крошки' (хлеба);
krъx-ьt-ьk-y к. 19 'крошки' (хлеба);
krъš-ьč-ьk-y к. 19 'крошки' (хлеба);
byč-in-a к. 22 'мясо коровы или вола';
jal-ov-ič-in-a к. 23 'мясо теленка';
švar-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';
vy-žar-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала';

śv-liv-ŭk-ъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки';

sol-en-ъ к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте);

čerp-j-an-ъ к. 50 'сделанный из глины';

skor-o-lup-a к. 51 'кожура, снятая со старой картошки';

//*ěs-tv-o* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

(*harč*)-ъ к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда';

pol-u-dŭn-ŭk-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'.

Следует особо отметить тот факт, что в этих лексических соответствиях доминирующей стороной являются, как правило, русские диалекты. Именно под их влиянием происходило формирование этих ареальных связей. Ярким примером таких связей могут служить лексемы *kraj-uš-ŭk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *ob-čist-ŭk-u* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; // *už-in-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин'; *korv-ŕt-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола'; *u-stoj-ŭk-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *še-lux-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *še-lux-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *sol-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте); *vy-žar-ŭk-u* к. 30 'пережаренные кусочки сала' и др.

Случаи с обратным вектором этих связей, т.е. когда в роли донора выступают белорусские или украинские диалекты, встречаются довольно редко. Примером такого рода русско-украинских связей могут служить лексемы *křx-ŭt-u* к. 19 'крошки' (хлеба); *čerp-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины'; а русско-белорусских – лексема *še-lup-in-a* к. 41 'скорлупа' (яйца).

Характерно, что такой же вектор ареальных связей сохраняется и в том случае, когда речь идет о восточнославянских эксклюзивах, здесь также в роли донора выступают чаще всего русские диалекты (ср., например, ареалы таких лексем, как *kold-ŕz-ъ*, *kold-ŭc-ъ*; к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец'; *korm-y-sl-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; (*stokan*)-ъ к. 6 'стакан'; *gřb-uš-ŭk-a* 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ŭč-ik-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *křš-ŭk-u* к. 19 'крошки' (хлеба); *žir-ŭn-ъ* к. 26 'содержащий много жира' (о мясе); *pěn-ŭk-a* к. 31 'пенка' (на молоке); *prost-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко'; *śv-liv-ŭk-u* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *skor-o-lup-a* к. 41 'скорлупа' (яйца); *skor-o-lup-ŭk-a* к. 41 'скорлупа'

(яйца); *куп-ѣт-ѣк-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'; (*harč*)-ъ, (*harč*)-i к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' и т.д.). Значительно реже в такой роли оказываются украинские диалекты (ср. ареалы следующих лексем: *vy-škvár-ѣк-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала'; *vъrš-ѣк-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *ob-ěd-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда'; *pol-u-dъn-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' и др.).

В целом общая картина лексических связей русских диалектов с другими славянскими диалектами выглядит следующим образом.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Словенские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ѣn-ъ, porzd-ѣn'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; слн. *p'razen, prá:zan, p'ra:zan, p'rq:zon, prá:zq* (71:25)³;

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ъ: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; слн. *t'ra:xtar, trá:xtar, t'rq:xtar, t'ra:xtor* (2:15);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žažda*; слн. *'žeja, 'žaja, žà:ja, 'žę:ja* (250:25);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mok-a*: рус. *mu'ka*; слн. *'muka, 'muka, mó:ka, mō:ka, 'muoka* (291:20);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*: рус. *ko'ryto, ko'rytə, ka'ryta, ka'rytə*; слн. *kuré:t, ku'ritu* (119:3);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; слн. *za'męjsi, za'mę:si, za'majsi, zamę:sə* (222:22); корень **sta-*: рус. *pos'tav'it, pos'tav'it', pas'tav'it', pəs'tav'it', sta'nov'a*; слн. *zas'ta:jt* (65:1);

к. 14 'подходит, растет' (о тесте) *xod-(j)*: рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; слн. *uxà:ja, φs'xa:ja, fs'xa:ja, s'xq:ja* (176:12);

³ Примечание: первая цифра в скобках указывает на число русских пунктов, в которых отмечена данная лексема, а вторая – на число пунктов сравнимого языка.

- **orst*:-: рус. *ras* 't'ot, *ros* 't'ot, *ras* 't'ot; слн. *'rastə*, *'ra:se* (14:2); **dvig*-/ **dviž*:-: рус. *roz*d'v'in'oc:a; слн. *uz*'yuje (3:1); **sta*:-: рус. *sta*'vajot, *vsta*'jot, *sta*'vaet; слн. *us*'ta:je, *ustá:ja*, *us*'taja, *us*'tajə (3:6);
- к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *съ-пеѣ-е-тъ*: рус. *sp*'e'č'ot, *sp*'e'k'ot, *sp*'e'č'ot, *sp*'a'k'ot', *sp*'a'k'et', *sp*'i'č'ot'; слн. *s*'peče, *spé:če*, *spjěče*, *s*'pe:če (69:24); *пеѣ-е-тъ*: рус. *p*'e'č'ot, *p*'e'k'ot', *p*'i'č'ot', *p*'i'k'ot', *p*'i'k'et'; слн. *'pe:če* (5:1);
- к. 17 'режет' (хлеб) *реж-е-тъ*: рус. *r*'ežyt, *r*'ežot, *r*'ežet, *r*'ežət, *r*'e-žət', *r*'eža, *r*'ežyt'; слн. *rięže*, *rę:že*, *'re:įže*, *riąže*, *'riža* (287:25);
- к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *kraj*-ъ-ъ: рус. *k*'rajic; слн. *krajc*, *krà:jc*, *k*'ra:jəc, *krq:jc*, *krq:jeyc* (2:13);
- к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' *нож-иѣ-ѣк-ъ*: рус. *'nož*ыč'ek, *'nož*ыčək, *'nož*ыč'ok; слн. *naži:čk*, *no'ži:čək* (176:2); *нож-ик-ъ*: рус. *'nož*ыk; слн. *'nož*ik (195:1); *нож-ъѣ-ѣк-ъ*: рус. *'noš*':č'ek; слн. *'nužəščək*, *nuóįščək* (1:2);
- к. 21 'мясо свиньи' *svin*-in-a: рус. *sv*'i'n'ina, *sv*'i'n'inə; слн. *svini:na*, *sve'ni:na*, *sunę:na*, *svi'ni:na* (259:6); *svin-ęt-in-a*, *svin-j-ęt-in-a*: рус. *sv*'i'n'at'ina; слн. *svinę:ma* (2:1);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov*-ed-in-a: рус. *go*'v'ad'ina, *go*'v'a-d'inə, *ga*'v'ad'ina, *ga*'v'ad'inə, *ya*'v'ad'ina; слн. *go*'və:dina, *go*'vę:dina, *gu*'vę:dina (225:14);
- к. 23 'мясо телянка' *tel*-et-in-a: рус. *t*'e'l'at'ina, *t*'i'll'at'ina, *t*'a'l'a-t'ina; слн. *tələ'tina*, *tele'ti:na*, *te'ligma*, *tele'tina*, *te'lę:tina* (246:17);
- к. 24 'мясо барана' *ov*-ъѣ-in-a: рус. *o*'v'eč'ina, *a*'v'ečыna, *a*'v'eč:ыna, *a*'v'eč'inə; слн. *'ofčina* (5:1); *ov-ъѣ-et-in-a*: рус. *of*č'at'ina; слн. *'a:učetina*, *auče'tejna* (1:2);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *sojn*-in-a: рус. *sə*la'n'ina; слн. *slq'ning* (1:1); *sad*-l-o: *'salo*, *'sala*, *'salə*; слн. *'salo*, *'saluq* (223:2); (*špek*)-ъ: рус. *šp*'ik, *šp*'ig; слн. *špex*, *špe:x*, *špè:x*, *špè:x*, *špex* (113:20); *loj*-ъ: рус. *loj*; слн. *właj* (1:1);
- к. 29 'топленое свиное сало' *sad*-l-o: рус. *'salo*, *'salo*, *'sala*, *'salə*, *'salə*; слн. *'sa:lq* (170:1); *žir*-ъ: рус. *žыр*; слн. *ži:r* (8:1); (*šmal*)-ъ-ъ: рус. *s*'mal'ec, *s*'mal'ic; слн. *žmą:yc*, *žma:yc* (17:4);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *pén*-a: рус. *p*'ena, *p*'ena *p*'enə; слн. *pięna*, *'pięna*, *'pi:na*, *pé:na*, *'pe:įna* (36:14);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *meļz*-iv-o, *meļz*-iv-a: рус. *mo*'loz'ivo, *mo*'loz'ivə, *mo*'loz'ivo, *ma*'loz'ivə, *mo*'loz'əvə; слн. *wam*'li:zwa, *młę:zwa*, *młəzi:y*, *młájzwa* (198:6); *meļz*-liv-o *meļk*-o: рус. *ma*'loz'ivəə *mə*la'ko; слн. *zmoųznū: mli:ʔo* (1:1); *sér*-a: рус. *'s*'era, *'s*'e-rə; слн. *'sęre* (7:1); *moļd*-o *meļk*-o: рус. *molo*'do *molo*'ko, *molo*'dojo *molo*'ko, *mə*lo'doje *mə*lo'ko; слн. *m*'uadu *m*'le:įku (5:1);

к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o mejk-o*: рус. 'k'islo: molo'ko, 'k'islə mələ'ko, 'k'isləjə mələ'ko; слн. *kí:selo mliěko, ki:selo mliěko, kí:su mlě:k, 'ki:slo m'lajko* (13:22);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'itana, s'm'etana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; слн. *s'miě:tana, smě:tana, s'mě:tana, s'miətana* (36:9);

к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'etana, s'm'etana, sm'o'tana, sm'itana, s'm'a'tanə*; слн. *s'miě:tana, smě:tena, smě:tana, s'mě:tana* (286:7);

к. 40 *dem (j)aje* //aj-ьč-ьk-o: рус. *ja'ječka, je'ječ'ka, ji'ječ'kə*; слн. *'jejč-kə* (23:1);

к. 42 'белая часть яйца' *běl-ьk-ь*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; слн. *beló?* (225:1);

к. 43 'желтая часть яйца' *žlt-j-ak-ь*: рус. *žol't'ak*; слн. *žu'tə:k, žu'čə:k, žu'ča:k* (1:3); *žlt-o, žlt-ь žlt-a*: рус. *'žoltųj, 'žoltaj*; слн. *'žu:to* (2:1);

к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *kys-ьl-ь*: рус. *'k'isųj, 'k'isloj, 'k'isləj, 't'isųj*; слн. *'ki:səl, 'kisel* (236:4);

к. 46 3sg *praes asp perf* 'варит' *съ-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it' s'var'a*; слн. *z'uari*: (273:1);

к. 47 'кипит' (вода) *куп-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, кы'ры, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; слн. *'keri, ki'pi:, kpi:, kpě*: (289:4);

к. 50 'сделанный из глины' *glin-j-ast-ь*: рус. *γ'l'in'astaj*; слн. *g'lejjast, hli:nast* (1:3);

к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *лup-in-a*: рус. *lu'p'ina*; слн. *lu'pina, lupi:ne* (1:2); *skor-j-a*: рус. *š'kura*; слн. *s'kouřja* (2:1);

к. 57 'проглотит' (еду) *głyt-*: рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; слн. *pogóutne, pu'gutne, pō'gutne* (283:4);

к. 58 'завтрак, утренняя еда' *za-utr-ьk-ь, za-utr-ьk-ь*: рус. *'zastrak, 'zastrək, 'zastrək, 'zastr'ik, 'zastr'ək, 'zavtr'ək, 'zaųtrək*; слн. *'za:jtrk, 'za-jtrk, 'za:jtrek* (278:3); (*fruštik*)-ь, (*fryštik*)-ь рус. *fryštyk*; слн. *fruštək, fru:štək, fru:šk, fruštək, fruštək, frō:štək* (1:16);

к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-əd-ь*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; слн. *o'bet, 'obet, 'obit* (287:5);

к. 60 'ест обед' //ěs-ть: рус. *jes, jis*; слн. *ji, jé:j* (1:2); //už-in-a-j-e-ть: рус. *'povžnajot, 'pavžynat*; слн. *'južna, jú:žna, jə'ži:na, 'jo:ųžna* (2:14);

к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i-č'er'a, v'a'č'er'ə, v'a'š'er'ə*; слн. *va'čerja, vičè:rja, və'či:rja, və'čierja, ve'čē:rja* (18:25);

к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ty*: рус. *v'eč'er'a, v'eč'e'r'ajət', v'ač'e-r'ajət', v'ič'er'ait'*; слн. *vačerja, vāčierja, wečierje, vāčierje* (23: 24);
к. 65 'вкусный' (о еде) *vъ-kqs-ъn-ъ*: рус. *f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnəj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusngj, y'kusnəj, u'kusnyj*; слн. *vā'kusən, yə'ku:sən, ukū:sən, u'ku:sp, okū:sp* (234:7).

Русско-словенские ареальные связи являются одними из самых заметных в южнославянском языковом континууме. Этот вывод, как представляется, является чрезвычайно важным, так как русско-словенским изоглоссам, связывающим удаленные друг от друга диалекты, придается особое значение при реконструкции пространственных отношений на плоскости праславянского языка. Кроме того, идея об архаичности словенского языка (Ф. Безлай, В.В. Мартынов, Л.В. Куркина)⁴ и севернорусских диалектов (а именно здесь локализуется большая часть изоглосс) еще больше усиливает классификационный вес выявленных схождений.

Картографирование русско-словенских лексических соответствий показало, что степень охваченности этими изоглоссами диалектов обоих языков разная. Если в словенских диалектах она более или менее равномерная, то в русских прослеживается явная избирательность, так как изоглоссы локализуются чаще всего в говорах севернорусского наречия, а также в западной группе среднерусских говоров (новгородских и псковских)⁵. Кроме того, и в тех, и в других диалектах имеются точки «наивысшего притяжения», в которых концентрируются сепаратные и эксклюзивные русско-словенские параллели (см. карту-схему 100): в словенских диалектах — это отдельные пункты в ровтарских говорах (п. 6), горенских (п. 9), костелских (п. 13), доленских (п. 14), западноштайерских (пп. 18, 19), а также говоры Каринтии (пп. 146, 147, 148). В русских диалектах — это отдельные пункты в архангельских говорах (пп. 549, 555), ладо-го-тихвинских (пп. 565, 566), вологодских (п. 568), новгородских (пп. 632, 634, 635) и псковских (пп. 605, 628), т.е. тех говоров, которые традиционно включаются в число архаических зон славянского

⁴ Ср. следующее замечание Л.В. Куркиной: «Территория словенского языка рассматривается как область консервации лексических архаизмов с глубокими индоевропейскими связями» (Куркина 1992: 41).

⁵ См. в связи с этим статью А.А. Зализняка о совпадении этнонимов *словенцы* и *новгородские словене* (Зализняк 1988).

языкового мира (подробнее см. Толстой 1977: 55; Вендина 1999; 2003).

Интересно, что лексические изоглоссы, существующие в рамках восточнославянских языков, имеющие ареальные ограничения, в словенских диалектах концентрируются чаще всего в приморских, штаерских, ровтарских, прекмурских, паннонских говорах, а также в говорах Каринтии, а в русских диалектах – в говорах южнорусского наречия (особенно в их западной группе).

Хорватские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ън-ъ, porzd-ън'-ъ*: рус. *po'ro-znoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznej, pa'roznaj, pa'roznej*; хрв. *prā:zan, p'ra:žni, pra:'zo:n, prq:'zen* (71:31);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ъ: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; хрв. *t'raxtar, traktù:r, trā:ter, trak-tē:r* (2:12);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žažda*; хрв. *'žeja, že:'ja, 'žā:ja, 'žua:ja, žā:'ja* (250:22);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mъk-a*: рус. *mu'ka*; хрв. *mu'ka, mю:ka, 'mю:ka* (291:17);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*: рус. *ko'рыto, ko'рытa, ka'рыта, ka'рытa*; хрв. *kō:rto, ko'rīto, ko-'ritē* (119:10); *нъkt-ъв-a, нъkt-ъв-y*: рус. *'ноч'вы, 'noc'v'i, 'нош'вы, nač-'va*; хрв. *'načvi, 'ničve, nāčve* (69:13);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; хрв. *zamē:si, za'mē:si, zamiē:si, za'mi:si* (222:31);

к. 14 'подходит, растет' (о тесте) *xod-(j)*: рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; хрв. *sxā:jā, zahā:ja* (176:3); **orst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; хрв. *rā:ste:, ra:s'te, rā:s'ta* (14:14); **kys-*: рус. *vyk'i'sat, 'k'isn'et, us'k'is*; хрв. *'kisa: 'kisa, 'kysa, 'kisne* (3:3); **jъd-*: рус. *vzaj'd'ot, vzaj'd'et', pādaj'd'et', pādaj'd'ot'*; хрв. *nadō:že* (10:1); **dvig-/dviž-*: рус. *rozdv'in'oc:a*; хрв. *dī:že se, 'diže se, nadī:že se, z'di:že se* (3:11);

к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *съ-peč-e-ть*: рус. *sp'e'č'ot, sp'e'k'ot, sp'e'č'ot, sp'a'k'ot', sp'a'k'et', sp'i'č'ot'*; хрв. *spe'če, spečē:, spā:če, spečā* (69:15); *jъz-peč-e-ть*: рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot', isp'a'k'et'*; хрв. *is'peče, ispā:če, ispečē:, ispeče* (196:15);

- к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-tь*: рус. *r'ežyt, r'ežot, r'ežet, r'ežat, r'e-žat', r'eža, r'ežyt'*; хрв. *reže, riè:že, 'ri:že, riè:žq* (287:26);
- к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *kraj-ь*: рус. *kraj*; хрв. *krà:j, krq:j* (2:2); *kraj-ьс-ь*: рус. *k'rajic*; хрв. *k'rq:jec* (2:1);
- к. 21 'мясо свиньи' *svin-ët-in-a, svin-j-ët-in-a*: рус. *sv'i'n'at'ina*; хрв. *s'vinetina, s'vin'etina, svine'tina, sviñë:tina* (2:12); *pors-ët-in-a*: рус. *po-ro's'at'ina, para's'at'ina, poro's'et'ina*; хрв. *prasëtina, prásëtina* (6: 2);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-ëd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina, go'v'ad'inä, ga'v'ad'ina, ga'v'ad'inä, yə'v'ad'ina*; хрв. *go'vedina, go'vë:dina, ge'vë:dina, go'vā:dina* (225:24);
- к. 23 'мясо телянка' *tel-ët-iin-a*: рус. *t'e'l'at'ina, t'il'at'ina, t'al'at'ina*; хрв. *te'letina, te'lë:tina, ta'l'ië:tina, te'lā:tina, te'le:tina* (246:23); *tel-ët-j-e*: рус. *t'e'l'ec'jo, t'e'l'ač'je*; хрв. *tel'ëje* (3:1);
- к. 24 'мясо барана' *ov-ьč-ët-in-a*: рус. *ofč'at'ina*; хрв. *ofče'tina, oy'četyna, ofče'tina* (1:12);
- к. 25 'мясо гуся' *gqs-ët-in-a*: рус. *gu's'at'ina, gu's'at'inä, gu's'et'ina, yu's'at'ina*; хрв. *gusetina, gusq'ting, gū:setina, gu'së:tina* (198:6);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *sojn-in-a*: рус. *səla'n'ina*; хрв. *sla'nina, slā:nina, slanī:na* (1:21); (*špek*)-ь: рус. *šp'ik, šp'ig*; хрв. *špex, špek, špek, špax* (113:6);
- к. 29 'топленое свиное сало' (*šmal*)-ьс-ь: рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; хрв. *ž'maloc* (17:1);
- к. 30 'пережаренные кусочки сала' *škar-ьк-у*: рус. *šk'vark'i*; хрв. *skvō:rki* (109:1);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *pën-a*: рус. *p'ena, p'ëna p'enä*; хрв. *pëna, pīna, piñe* (36:5); *kož-a*: рус. *koža*; хрв. *kōža, kuōža* (2:2);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mejz-iv-o, mejz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo, mo'loz'ivä, mo'loz'iwo, ma'loz'ivä, mo'loz'ävä*; хрв. *m'leživo, mlë:zivo, m'lezivo, m'lezive* (198:8); *mojd-o mejk-o*: рус. *molo'do molo'ko, molo'dojo molo'ko, malo'doje molo'ko*; хрв. *m'la:do m'li:ko, mlā:do mli:ko* (5:2); *sër-a*: рус. *s'era, s'erä*; хрв. *sera, sjëra* (7: 2);
- к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ël-o mejk-o*: рус. *'k'islo: molo'ko, 'k'islə məla'ko, 'k'isləjə məla'ko*; хрв. *'kiselo: mli:ko, ki'selo m'le:ko, 'ki-sele mlë:'ke, kisë:lo mlë:'ko* (13:20);
- к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *сь-met-an-a*: рус. *s'm'i'tana, s'm'ë'tana, s'm'a'tana, sm'a'tana*; хрв. *sme'tana* (36:1);
- к. 41 'скорлупа' (яйца) *lusk-a*: рус. *luz'ga*; хрв. *lūska, lūska* (1:5);

- к. 43 'желтая часть яйца' *žlt-o, žlt-ъ, žlt-a*: рус. *žoltýj, žoltěj*; хрв. *žu:to do ja:ja* (2:1);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it'*; хрв. *và:ri, vâ:ri* (270:2);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *съ-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it', s'var'a*; хрв. *zva'ri, svâ:ri, svâ:ri* (273:10);
- к. 47 'кипит' (вода) *куп-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, kы'пыт, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it'*; хрв. *ki:pī, kipī, kipi* (289:17);
- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lusk-a*: рус. *lus'ka, luz'ya*; хрв. *lūska* (2:1); *об-луп-ък-a*: рус. *o'lupka, o'lupk'i*; хрв. *u'lupki* (4:1); *kor-a*: рус. *ko'ra*; хрв. *'kora, 'ko:ra, 'kô:ra, kô:ra* (20: 21); *kož-a*: рус. *'koža*; хрв. *kôža* (11:1);
- к. 57 'проглотит' (еду) *глыт-:* рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it'*; хрв. *pro'guta, pro'guta, po'gutne, pregù:ta* (283:24);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' *за-утр-ък-ъ, за-утр-ък-ъ*: рус. *'zafirak, 'zafirak, 'zafirok, 'zafir'ik, 'zafir'ek, 'zavir'ek*; хрв. *'zajtræk* (278:1); (*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ: рус. *f'ryštuk*; хрв. *f'ruštuk, frô:štuk, frôštuk* (1:4);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *об-ѣд-ъ*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; хрв. *o'bed, o'beđ, o'bid, 'obed, 'ubied* (287:19);
- к. 60 'ест обед' //ѣс-ть: рус. *jes, jis*; хрв. *jê*: (1:1); //уž-in-a-j-e-ть: рус. *'povžnajot, 'ravžynat'*; хрв. *'južina, užnъ, jûžina*: (2:10);
- к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *ра-уž-in-a*: рус. *'raužyna, 'raužyna*; хрв. *raužina* (29:1);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'ačer'a, v'ač'er'a, v'i'če-r'a, v'ač'er'ə*; хрв. *večera, ve'cera, vi'čera, večië:ra, vačà:ra* (18:30);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'eč'er'a, v'eč'e'r'ajot', v'ač'er'ajot', v'i'č'er'ait'*; хрв. *večera, vi'čera: , večië:ra, vačà:ra, ve'čera, vyčera* (23:29);
- к. 65 'вкусный' (о еде) *въ-кѣс-ън-ъ*: рус. *f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnəj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusnəj, p'kusnəj, u'kusnyj*; хрв. *'ukusni, úkusan, úkusa:n, u'kušan* (234:12).

Картина русско-хорватских лексических соответствий в принципе такая же, как и в русско-словенских диалектах, разница лишь в ее масштабности. В хорватских диалектах этими изоглоссами охвачены все хорватские говоры, причем особенно выделяются отдельные пункты в кайкавских (пп. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35), штокавских (пп. 33, 36, 39, 40, 41, 45, 52) и чакавских говорах (пп. 37, 148а). Именно в этих пунктах отмечена высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических соответствий. В русских

диалектах – это прежде всего говоры севернорусского наречия, кроме того расширяется ареал в среднерусских говорах (за счет включения в него говоров Владимирско-Поволжской группы), наконец, в этом ареале появляются отдельные говоры южнорусского наречия (в основном западной группы). Однако наиболее заметными в этом перечне русских диалектов являются говоры севернорусского наречия – архангельские (пп. 528-532, 535, 537-540, 542-544, 546, 549, 555-557, 571), вологодские (пп. 568, 588, 590, 591, 593, 621), ладогитихвинские (пп. 551, 583), костромские (п. 686), а также западная группа среднерусских говоров – новгородских (пп. 631, 634, 635, 637, 656), псковских (пп. 605, 606, 652, 655) и тверских (пп. 677, 693, 715), см. карту-схему 101.

Следует, однако, отметить, что лексические изоглоссы, выявленные в рамках восточнославянских языков, где они имеют ареальные ограничения, в хорватских диалектах локализируются в основном в кайкавских и чакавских говорах, а в русских – чаще всего в говорах южнорусского наречия.

Сербские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ьн-ъ, porzd-ьн'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznoj, pa'roznoj, pa'roznoj*; серб. *prà:zan, prà:zan, p'ra:zan, p'ra:zan* (71:44);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ь: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; серб. *trátu:r* (2:1);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žaždə*; серб. *žē:da, žēža, 'že:ža*; (250:13);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mok-a*: рус. *mu'ka*; серб. *mu:'ka, 'mu:ka, mī:ka* (291:5);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *пѣкт-ьв-а, пѣкт-ьв-у*: рус. *'ноч'вы, 'нос'v'i, 'нош'вы, nač'va*; серб. *nāčve, nāčve, 'nečvi, 'načeva* (69:41); *корыт-ьс-е*: рус. *ko'rytco, ko'ryc':ə*; серб. *'kori'ce* (2:1);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēš-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; серб. *zāmi:si, zāmiže:si, za'mesi* (222:40);

к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **qrst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; серб. *'rg:ste, ra:s'te: ra:stè*: (14:40); **kys-*: рус. *vyk'i'sat, 'k'is-n'et, us'k'is*; серб. *dókisne:, kīsne, kīsne*: (3:3);

к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *сь-печ-е-тъ*: рус. *sp'e'č'ot, sp'e'k'ot, sp'a'č'ot, sp'a'č'ot', sp'a'k'ei'*; серб. *s'peče:* (69:1); *јьз-печ-е-тъ*: рус.

isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot', isp'a'k'et'; серб. *ispéče, ispeče, ispéce:, ispeče:, ispeče:* (196: 41); *peč-e-ть*: рус. *p'e'č'ot, p'e'k'ot', p'i'č'ot', p'i'k'ot', p'i'k'et';* серб. *péce* (5:1);

к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-ть*: рус. *'režyt, 'režot, 'režet, 'režot, 'režot', 'reža, 'režyt';* серб. *'reže, reže, reže:* (287:22); *lom-it-ь, lom-a-j-e-ть*: рус. *lo'mat;* серб. *'lomi:* (1:1);

к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *kraj-ь*: рус. *kraj;* серб. *kraj, kra:j, krà:j* (2:4);

к. 21 'мясо свиньи' *svin-ët-in-a, svin-j-ët-in-a*: рус. *sv'i'n'at'ina;* серб. *svi'netina, svi'netina, svi'netina* (2:23); *porc-ët-in-a*: рус. *poro's'at'ina, para's'at'ina, poro's'et'ina;* серб. *pra'setina* (6:1);

к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina, go'v'ad'i-nə, ga'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, ja'v'ad'ina;* серб. *govedina, go'vedina, go'vedina* (225:24);

к. 23 'мясо телянка' *tel-ët-iin-a*: рус. *t'e'l'at'ina, t'i'l'at'ina, t'a'l'a-t'ina;* серб. *téletina, te'letina, te'letina* (246:30); *tel-ët-j-e*: рус. *t'e'l'e-c'jo, t'e'l'ač'je;* серб. *te'le'o* (3:1);

к. 24 'мясо барана' *ov-ŭč-in-a*: рус. *o'v'eč'ina, a'v'eč'ina, a'v'eč'ina, a'v'eč'inə;* серб. *'ovčina* (5:1); *ov-ŭč-ët-in-a*: рус. *of'č'at'ina;* серб. *ovčetina, ovčëtina, ovčëtina* (1:25);

к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *soln-in-a*: рус. *səla'n'ina;* серб. *slánina, slanina, slani'na* (1:42); (*špek*)-ь: рус. *šp'ik, šp'ig;* серб. *špek* (113:2);

к. 31 'пенка' (на молоке) *pén-a*: рус. *'p'ena, 'p'ena 'p'enə;* серб. *pèna* (36:1); *kož-a*: рус. *'koža;* серб. *kò:ža, 'koža* (2:3);

к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mejz-iv-o, mejz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo, mo'loz'ivə, mo'loz'ivo, ma'loz'ivə, mo'loz'əvə;* серб. *mlē:zivo* (198:1); *sēr-a*: рус. *'s'era, 's'erə;* серб. *'sera, 'šera, sjera* (7:9); *mojd-o mejk-o*: рус. *mo'lo'do mo'lo'ko, mo'lo'do mo'lo'ko, mēlo-'doje mēlo'ko;* серб. *mlá:do mlé:ko* (5:2); *sēr-o mejk-o*: рус. *so'r'onojo mo'lo'ko, 's'ir'an:o mo'lo'ko, mo'lo'ko 's'er'ano, 's'irno mo'lo'ko;* серб. *'se-ravo mle'ko, 'siravo mlé:ko* (7:2);

к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o mejk-o*: рус. *'k'islo: mo'lo'ko, 'k'islə mēla'ko, 'k'isləjə mēla'ko;* серб. *kiselo: mlijēko, kiselo: mli:ko, kiselə mlé:ko, kiselo: mnē:ko* (13:33); *kvās-en-o mejk-o*: рус. *'kvašeno mo'lo'ko;* серб. *k'vašeno mle'ko* (1:1);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sv-met-an-a*: рус. *sm'e'tana, sm'o'tana, sm'a'tana, s'm'i'tana;* серб. *sme'tana, sme'tana* (36:2); *sv-met-an-ŭk-a*: рус. *s'm'e'tanka;* серб. *smetà:nka* (2:1);

- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *ś-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana, sm'e'tanə, sm'a'tana, sm'i'tana*; серб. *śme'tana* (286:4);
- к. 41 'скорлупа' (яйца) *kož-a*: рус. *'koža*; серб. *'koža* (5:1); *lusk-a*: рус. *luz'ga*; серб. *lūska, lūska* (1:25);
- к. 42 'белая часть яйца' *běl-ьk-ь*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; серб. *bé:lak, belú:tak* (225:5);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žělt-j-ak-ь*: рус. *žol't'ak*; серб. *žú:jak* (1:1);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it*; серб. *và:ri:, 'vq:ri:, 'vq:ri, 'vari* (270:18); *got-ov-i-ть*: рус. *go'tov'it, go'tov'it, go'tov'a, ga'tov'it, ya'tov'it*; серб. *gótovi*: (70:2);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *ś-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it*; серб. *s'vari, svà:ri:, s'vq:ri:* (273:28); *ś-got-ov-i-ть*: рус. *sgo'tov'it, zgo'tov'it, zgo'tov'a, zga'tov'it, zya'tov'ic*; серб. *zgótovi*: (8:1);
- к. 47 'кипит' (вода) *kyp-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, kы'пыт, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; серб. *ká:pi:, kú:pi:* (289:12);
- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lusk-a*: рус. *lús'ka, luz-'ya*; серб. *lūska, lūska* (2:8); *lup-in-a*: рус. *lu'p'ina*; серб. *lúpina* (1:1); *kor-a*: рус. *ko'ra*; серб. *'kora, kòra, kóra* (20: 29);
- к. 54 'еда' // *ěd-j-a*: рус. *'ježa, je'ža*; серб. *'ježa* (7:1); // *ěd-j-en-ьj-e*: рус. *jíd'a'n':o*; серб. *'jedeńe* (1: 1);
- к. 57 'проглотит' (еду) *gl'ьt-:* рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; серб. *próguta:, progúta:, pogúta:, progútà*: (283:35);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' (*fruštik*)-ь, (*fryštik*)-ь: рус. *f'ryštýk*; серб. *vrúštuk, fruštuk, v'ruštuk* (1:9);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ěd-ь*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; серб. *o'bet, o'b'jed, o'bed* (287:5);
- к. 60 'ест обед' // *už-in-a-j-e-ть*: рус. *'povžnajot, 'pavžymat*; серб. *užina:, 'užina, 'užina:je* (2:4);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'č'er'a, v'a'č'er'a, v'a'š'er'a*; серб. *věčera, věčara, ve'čera, ve'čera* (18:45);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'e'č'er'a, v'e'č'e'r'ajət, v'a'č'e-r'ajət, v'i'č'er'ait*; серб. *věčera: věčara:, ve'čera* (23:44);
- к. 65 'вкусный' (о еде) *вь-kъs-ьн-ь*: рус. *f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnəj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusnəj, u'kusnəj, u'kusnyj*; серб. *ukusan, ukusan, ūku:sa:n, ūkusa:n* (234:27); *sołd-ьk-ь*: рус. *s'latkoj, s'latkoj*; серб. *sládak, sládak, s'ladak* (3:8).

В русских диалектах ареал русско-сербских лексических корреспонденций локализуется в основном в севернорусских говорах, при-

чем преимущественно в архангельских (особенно часто в пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 540, 544, 545, 546, 549, 555, 556, 557, 569, 570 572, 578), вологодских (в пп. 567, 568, 588, 589, 591, 592, 593, 597, 617, 621), ладого-тихвинских (пп. 563, 564, 58), в русских говорах Карелии (п. 552), а также в западной группе среднерусских говоров – новгородских (чаще всего в пп. 632, 634, 635, 637, 656) и псковских (особенно в пп. 605, 628).

В сербских диалектах выделяются штокавские говоры Сербии (особенно пп. 53, 67, 68, 69, 82, 83, 84, 86), Черногории (особенно пп. 74, 75, 76) и Боснии и Герцеговины (особенно пп. 46, 49, 50, 51, 56, 57, 58). Именно в этих пунктах наблюдается высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических соответствий, см. карту-схему 102.

Иной тип ареала имеют лексические соответствия, существующие в рамках восточнославянских языков и являющиеся ареально ограниченными в сербских и русских диалектах: в сербских диалектах они локализируются в основном в штокавских говорах Черногории, тогда как в русских их ареал является дисперсным.

Македонские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, pa'roznaj, pa'roznaj*; мак. *prazen, p'razen* (71:24);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *žažda, ž'ažda, žažda*; мак. *žeda* (250:1);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *пѣкт-ъv-a, пѣкт-ъv-y*: рус. *'noč'vy, 'noc'v'i, 'noš'vy, nač'va*; мак. *nošvi, nokvi, năkve, 'nočvi* (69:13);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; мак. *'zemese, zamesit, zə'mese* (222:24);

к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **orst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; мак. *rastet, raste, rastiit* (14:14); **kys-*: рус. *vyk'i'sat, 'k'isn'et, us'k'is*; мак. *kisnet, kisne, kīsni, 'Kisne, skis'nuva* (3:6); **jbd-*: рус. *vza-j'd'ot, vzaj'd'et', pəda-j'd'et', pəda-j'd'ot'*; мак. *zidi* (10:4);

к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *jьz-peč-e-ть*: рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot', isp'a'k'et'*; мак. *ispečet, ispečit, ispeče, ispeči* (196:17);

к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-ть, rež-i-ть*: рус. *'r'ežыt, 'r'ežot, 'r'ežet, 'r'ežat, 'r'ežat', 'r'eža, 'r'ežыt'*; мак. *'r'až'i, 'r'až'i* (287:2);

- к. 21 'мясо свиньи' *svin-ēt-in-a*, *svin-j-ēt-in-a*: рус. *sv'i'n'at'ina*; мак. *sfiñetina* (2:1);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-ēd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina*, *go'v'ad'ina*, *ga'v'ad'ina*, *ga'v'ad'ina*, *γə'v'ad'ina*; мак. *gojdina* (225:1);
- к. 23 'мясо теленка' *tel-ēt-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'at'ina*; мак. *teletina* (246:1);
- к. 24 'мясо барана' *ov-ьč-ēt-in-a*: рус. *of'č'at'ina*; мак. *ofčetina* (1:1);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *soļn-in-a*: рус. *səla'n'ina*; мак. *slanina*, *slə'nina* (1:24);
- к. 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*: рус. *'salo*, *'salo*, *'sala*, *'salə*, *'sa-lə*; мак. *sało* (170:16);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *pēn-a*: рус. *'p'ena*, *'p'ena* *'p'enə*; мак. *peña*, *pena* (36:3); *kor-ьk-a*: рус. *'korka*, *'kork'a*; мак. *korka* (2:1); *kož-a*: рус. *'koža*; мак. *'koža* (2:1);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sēr-a*: рус. *'s'era*, *'s'erə*; мак. *'sera*, *'s'ara* (7:4); *sēr-o mēlk-o*: рус. *so'r'onojo molo'ko*, *'s'ir'an:o molo'ko*, *molo'ko* *'s'er'ano*, *'s'irno molo'ko*; мак. *siri'lavo m'leko* (7:1);
- к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ēl-o mēlk-o*: рус. *'k'islo: molo'ko*, *'k'islə mēla'ko*, *'k'isləjə mēla'ko*; мак. *Kise'lo m'leko*, *Kise'lo m'leko*, *'kisəlo m'leko* (13:14); *kvas-en-o mēlk-o*: рус. *'kvašeno molo'ko*; мак. *kvase'no mleko*, *kva'seno mleko* (1:3);
- к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *vьx-ь*: рус. *v'er'x*; мак. *vɣf*, *vərx*, *vɣx* (2:2);
- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *vьrx-ь*: рус. *'v'erox*; мак. *vɣf*, *vɣx* (1:3);
- к. 42 'белая часть яйца' *bēl-ьk-ь*: рус. *b'e'lok*, *b'e'lok*, *b'e'lok*, *b'o'lok*, *b'i'lok*, *b'a'lok*; мак. *belok*, *beltak* (225:7);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žəlt-ьk-ь*: рус. *žol'tok*, *žel'tok*, *ž'e'l'tok*, *žel'tok*, *žal'tok*, *žyl'tok*; мак. *žoltak*, *žaltak*, *žaltuk*, *'žəltuk* (216:6);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-tь*: рус. *'var'it*, *va'r'it*, *va'r'it'*; мак. *varit*, *vari*, *vare* (270:18);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *сь-var-i-tь*: рус. *s'var'it*, *s'war'it*, *s'var'it'* *s'var'a*; мак. *sfarit*, *sfari*, *sfare* (273:23);
- к. 47 'кипит' (вода) *kyp-i-tь*: рус. *k'i'p'it*, *k'i'p'i*, *кы'пыт*, *k'a'p'it*, *k'i'p'ie*, *k'i'p'it'*; мак. *kipi*, *kipit* (289:2);
- к. 48 'горячий' (о воде) *gor-ēt-j-ь*: *go'r'ač'ij*, *ga'r'ač'ij*, *ga'r'ačaj*, *ga'r'ačəj*, *γa'r'ač'ij*, *γə'r'ač'ij*; мак. *gorešč*, *gurešč* (285:6);
- к. 54 'еда' *//ēd-j-en-ьj-e*: рус. *jid'a'n':o*; мак. *jadeñe*, *jə'dejne* (1: 23);

к. 57 'проглотит' (еду) *glȃt-*: рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; мак. *proglat, progaltat, progolta, progaltat* (283:24);

к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ěd-ъ*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; мак. *obet* (287:4);

к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'ačer'a, v'ač'er'a, v'ičer'a, v'ač'er'a, v'ač'er'a, v'ač'er'a*; мак. *večera, vičera, 'w'eč'era* (18:24);

к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'eč'er'a, v'eč'e'r'ajet', v'ač'e-r'ajet', v'ič'er'ait'*; мак. *večerai, večera, 'w'eč'era, vič'era* (23:24);

к. 65 'вкусный' (о еде) *въ-kqs-ън-ъ*: рус. *f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnaj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusngj, u'kusnaj, u'kusnyj*; мак. *ukusen, ukusən* (234:2); *solđ-ъk-ъ*: рус. *s'latkoj*; мак. *s'ladok, s'latok, s'laduk* (3:8).

Русско-македонские лексические соответствия имеют более ограниченный ареал, который в русских диалектах локализуется в основном в говорах севернорусского наречия – архангельских (особенно выделяются пп. 532, 535), ладого-тихвинских (пп. 551, 562, 564), вологодских (пп. 568, 588), реже – в среднерусских новгородских говорах (пп. 632, 634).

В македонских говорах русско-македонские лексические корреспонденции наблюдаются чаще всего в юго-западных говорах Эгейской Македонии (особенно в пп. 106, 107, 108, 109), а также в отдельных пунктах северных (п. 93) и восточных говоров (п. 103). Именно здесь концентрируются чаще всего сепаратные и эксклюзивные лексические параллели, см. карту-схему 103.

Лексические корреспонденции, выявленные в рамках восточнославянских языков и имеющие при этом ареальные ограничения, в русских диалектах локализируются в основном в южнорусских и среднерусских говорах, а в македонских – в говорах Эгейской Македонии.

Болгарские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ън-ъ, porzd-ън'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; блг. *p'razen, p'razen, p'razin, pra'zen* (71:37);

к. 6 'стакан' (*stokan*)-ъ: рус. *sto'kan, sta'kan*; блг. *stə'kan* (289:1);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žaždə*; блг. *'žažda, 'žažda, 'žaždə* (250:18);

- к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *nykt-ъv-a, nykt-ъv-y*: рус. 'ноч'вы, 'нос'v'i, 'нош'вы, *nač'va*; блг. 'năčvi, 'năštvi, *noč'vi, 'noštovi, 'noštvi, 'ništuvi* (69:33);
- к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēš-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; блг. *za'mesi, za'mesva, za'masi* (222:37);
- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **qrst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; блг. *rās'te* (14:1); **kys*: рус. *vyk'i'sat, 'k'isn'et, us'k'is*; блг. 'kisne, 'k'isne, 'č'isne, *s'kisnuva, pu'kisnuva* (3:8); **jъd-*: рус. *vzaj'd'ot, vzaj'd'et', pədjaj'd'et', pədjaj'd'ot'*; блг. *vo'zide, vozi'de* (10:2);
- к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *jъz-peč-e-тъ*: рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot, isp'a'k'et'*; блг. *is-pe'če, is'peče, ispi'če, isp'ə'če* (196:24);
- к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-тъ, rež-i-тъ*: рус. 'r'ežyt, 'r'ežot, 'r'ežet, 'r'e-žət, 'r'ežat', 'r'eža, 'r'ežyt'; блг. 'reže, 'reži, 'raže, 'r'aže (287:35);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *sojn-in-a*: рус. *səla'n'ina*; блг. *sla'nina, sla'ninə, slə'ninə* (1:37);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sēr-a*: рус. 's'e-ra, 's'erə; блг. 'sera, 's'ara (7:9); *sēr-o mēlk-o*: рус. *so'r'onojo molo'ko, 's'ir'an:o molo'ko, molo'ko 's'er'ano, 's'irno molo'ko*; блг. 'serno m'leko, *sere'lavo m'leko* (7:2);
- к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o mēlk-o*: рус. 'k'islo: molo'ko, 'k'islə məla'ko, 'k'isləjə məla'ko; блг. 'kiselo m'leko, 'kisəlo m'leko, 'kisało m'leko (13:25); *kvas-en-o mēlk-o*: рус. 'kvašeno molo'ko; блг. k'vaseno m'l'ako, k'vasəno m'l'ako (1:8);
- к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливок' *съ-met-an-a*: рус. s'm'i'tana, s'm'ē'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə; блг. *sme'tana* (36:7);
- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметаны' *съ-met-an-a*: рус. s'm'e'tana, s'm'ē'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tanə; блг. *sme'tana* (286:7);
- к. 42 'белая часть яйца' *běl-ъk-ъ*: рус. b'e'lok, b'e'lok, b'ē'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok; блг. *belo'tək, bel'ə'tək, behu'tək, be'jok, be'jək* (225:21);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žylt-ъk-ъ*: рус. žol'tok, žel'tok, ž'el'tok, žəl'tok, žal'tok, žyl'tok; блг. žel'tok, ž'f'tək, žal'tək, žəl'tok (216:21); *žylt-o, žylt-ъ, žylt-a*: рус. žol'tyj, žoltaj; блг. želtu, že:ltu, želtu, žəltu (2:6);
- к. 47 'кипит' (вода) *кyp-i-тъ*: рус. k'i'p'it, k'i'p'i, kы'pыт, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it'; блг. ki'pi, č'i'pi (289:31);
- к. 48 'горячий' (о воде) *gor-ęt-j-ъ*: рус. go'r'ač'ij, ga'r'ačij, ga'r'ačaj, ga'r'ačij, ya'r'ač'ij, yə'r'ač'ij; блг. gu'rešta, gu'rešta, gu'r'ašta, go'rešta, go'rešča (285:20);

- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lusk-a*: рус. *lus'ka*, *luz'ya*; блг. *l'uški* (2:1); *kor-a*: рус. *ko'ra*; блг. *'kora*, *ku'ra*, *ku'ra* (20:8); *kož-a*: рус. *'koža*; блг. *'koža*, *'koži* (11:2);
- к. 54 'еда' // *ěd-j-en-ъj-e*: рус. *jid'a'n'o*; блг. *'jadene*, *'jedene* (1:34);
- к. 57 'проглотит' (еду) *glъt-*: рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*; блг. *'gŭta*, *pri'gŭta*, *'gŭlta* (283:37);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' *ob-ěd-ъ*: рус. *o'b'et*; блг. *u'bet* (7:1);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *pol-u-dъn-e*: рус. *'poldn'i*, *'poldn'i*; блг. *p'ladne*, *p'ladn'a*, *p'lanne*, *p'lanni* (2:17); *ob-ěd-ъ*: рус. *o'b'et*, *o'b'et*, *o'b'jed*, *a'b'et*, *a'b'et*; блг. *'obet*, *u'b'at* (287:2);
- к. 60 'ест обед' *pol-u-dъn-a-j-e-ть*: рус. *pa'lun'ajic*; блг. *plan'ni* (1:1); // *už-in-a-j-e-ть*: рус. *'povžnajot*, *'pavžynat*; блг. *juž'nie* (2:1);
- к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *pol-u-dъn-e*, *pol-ъ-dъn-e*: рус. *'poldn'a*, *pald'n'a*, *'poludn'a*, *pa'l'udn'a*; блг. *p'ladne* (5:1);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'ačer'a*, *v'ač'er'a*, *v'ičer'a*, *v'ač'er'a*, *v'aš'er'a*; блг. *večera*, *večera*, *vičer'a* (18:34);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'eč'er'a*, *v'eč'e'r'ajot*, *v'ač'e-r'ajot*, *v'ič'er'ait*; блг. *večera*, *večera*, *vičer'a* (23:32);
- к. 65 'вкусный' (о еде) *въ-kъs-ъn-ъ*: рус. *f'kusnoj*, *f'kusnyj*, *f'kusnəj*, *v'kusnoj*, *w'kusnaj*, *v'kusnəj*, *u'kusnəj*, *u'kusnyj*; блг. *f'kusen*, *u'kusen* (234:5); *sołd-ъk-ъ*: рус. *s'latkoj*; блг. *s'ladək*, *s'latək*, *s'latku*, *s'la:tku* (3:7).

В русских диалектах ареал русско-болгарских лексических соответствий локализуется также в основном в говорах севернорусского наречия, причем особенно выделяются архангельские (пп. 528, 529, 530, 531, 532, 535, 537, 540, 544, 546, 549, 555, 556, 557, 569, 570), ладого-тихвинские (пп. 551, 564) и вологодские говоры (пп. 567, 588, 591, 593).

В болгарских диалектах русско-болгарские корреспонденции встречаются чаще всего в северо-восточных говорах (пп. 127, 129, 136, 137, 138), а также в отдельных пунктах западных (пп. 121, 122, 123) и юго-восточных (п. 143). Именно в этих пунктах наблюдается высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей, см. карту-схему 104. Что касается лексических соответствий, существующих в рамках восточнославянских языков, но имеющих ареальные ограничения, то в болгарских диалектах они локализуются в тех же северо-восточных, западных и юго-восточных говорах, а в русских диалектах — чаще всего в западной группе русских говоров (особенно в тверских, смоленских и брянских).

Таким образом, русско-южнославянские лексические параллели локализуются чаще всего в говорах севернорусского наречия (особенно в архангельских и вологодских), реже в западной группе среднерусских говоров (преимущественно новгородских и псковских).

Что касается южнославянских диалектов, то обращает на себя внимание тот факт, что общее направление русско-южнославянских изоглосс имеет юго-западный вектор, т.е. ориентацию на диалекты словенского, хорватского и сербского языков. Более того, именно в этих диалектах до сих пор сохраняются лексемы, которые широко распространены в восточно- и западнославянских языках (ср., например, распространение лексемы *mok-a*).

Примечательно также, что в этих диалектах чаще всего прослеживаются такие лексические соответствия, которые обладают обширными ареалами в каждом из сравниваемых языков (ср., например, локализацию лексемы *žed-j-a* к. 9 'желание, потребность пить', широко распространенной в русских, словенских и хорватских диалектах; или лексемы *gov-ed-in-a* к. 22 'мясо коровы или вола', которая имеет обширные ареалы в русских, словенских, хорватских и сербских диалектах; лексемы *vь-kqs-ьн-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде), широко известной в русских и сербских диалектах и т.д.).

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Чешские диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-ьн-ъ, porzd-ьн'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; чеш. *pra:znej, pra: zdnej, pra:zne:, pra:zny*: (71:33);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*; чеш. *trixti:r, trixti:ř, tryxtyr, traxti:ř* (2:32);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mok-a*: рус. *mu'ka*; чеш. *žitna: moka, režna: moka, žebova moka* (291:31);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-a*: рус. *ko'ryto, ka'ryta, ka'rytə*; чеш. *korito, koryto* (119: 5);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'mes'it, za'm'is'it, za'm'esa*; чеш. *zamišy, zami:si*: (222:7);

- к. 14 'подходит, растёт' (о тесте) **xod(j)*:-: рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; чеш. *sxa:zi*: (176:4); **kys*:-: рус. *vyk'i'sat, 'k'is-n'et, us'k'is*; чеш. *kisa:*, *kiše*, *kyše*, *keše*, *keše* (3:17);
- к. 15 3sg praes asp perf 'печет' *na-peč-e-ть*: *nap'e'k'ot, nər'i'k'ot, nər'e'čot, nyp'i't'ot'*; чеш. *napěče, napeče* (9:3);
- к. 20 *det* 'ножик, ножичек' *nož-ič-ьk-ъ*: рус. *'nožыč'ek, 'nožыč'ok, 'nožыč'ək, nožы'c'ik*; чеш. *nožeček, noži:ček, nožiček, nože:ček, nože:ček, nožiček* (176:13); *nož-ik-ъ*: рус. *'nožыk, 'nož'ik*; чеш. *noži:k, nožik, nužik, nuži:k, mže:k, nožyk* (195:25);
- к. 23 'мясо телянка' *tel-ēt-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina, t'i'l'at'ina, t'a'l'at'ina*; чеш. *čelunčina* (246:1); *tel-ēt-j-e*: рус. *t'e'l'ec'jo, t'e'l'ač'je*; чеш. *teleci:, telacej, telacy* (3:29);
- к. 24 'мясо барана' *baran-in-a*: рус. *ba'ran'ina, ba'ran'inə*; чеш. *baraňina* (262:1);
- к. 25 'мясо гуся' *gqs-in-a*: рус. *gu's'ina, yu's'ina*; чеш. *husyna, hus'ina, husina* (4:3);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *sad-l-o*: рус. *'salo, 'sala, 'sala*; чеш. *sa:dlo, sa:dlo, sadlo, sa:dlu, sadlyo* (223:31);
- к. 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*: рус. *'salo, 'salo, 'sala, 'sala, 'sala*; чеш. *sa:dlo, sadlo, sadlo* (170:31); (*šmal*)-*ьс-ь*: рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; чеш. *šmalec* (17:2);
- к. 30 'перезаренные кусочки сала' *škar-ьk-y*: рус. *šk'vark'i*; чеш. *škvariki, škvariki, škvarke, škvarke, škvarke* (109:23); *ob-škar-ьk-y, ob-škar-ьk-y*: рус. *ašk'vark'i, ošk'vark'i, ošk'varky*; чеш. *oškvariki, oškvarke, voškvariki* (4:12);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *skor-ьk-a*: рус. *š'kurka*; чеш. *skurka* (1:1); *kož-a*: рус. *'koža*; чеш. *koža, ku:že, ku:ža* (2:3);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mejz-iv-o, mejz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo, mo'loz'ivə, mo'loz'ivo, ma'loz'ivə, mo'loz'əvə*; чеш. *mlezivo, mleziva, mlezivo, mlezivo, mlezivo, mlezivo, mlezivo, mlezivo* (198:26); *sēr-a*: рус. *'s'era, 's'era*; чеш. *šara* (7:1);
- к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o mej-k-o*: рус. *'k'islo: molo'ko, 'k'islə mola'ko, 'k'islə mola'ko*; чеш. *kiseli: mli:ko, kisli: mli:ko, kesani mliko, kysele mleko, k'ispe mlyko* (13:21);
- к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sъ-met-an-a*: рус. *s'm'it'ana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; чеш. *smetana, smetana* (36:31);
- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *sъ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tanə*; чеш. *smetana, smetana* (286:32);

- к. 39 Nsg (j)aje //aj-ыс-о: рус. *jaj'co, jaj'c'o, jlj'co, jej'c'o, jaj'co*; чеш. *vajce, vajco, vejce, ve:ce, vę:ce* (289:6);
- к. 40 dem (j)aje //aj-ič-ык-о: рус. *ja'jič'ko, ja'ič'ko, ja'jic'ko, je'jic'ko, ja'jič'kə, ja'iš':kə, ja'ičkə*; чеш. *vaji:čko, vajičko, vajičko* (262:32);
- к. 41 'скорлупа' (яйца) *skor-up-a*: рус. *skoru'pa*; чеш. *škarupa, škořupa* (1:2); *skor-o-lup-ык-а*: рус. *skor'lupka, skor'ľupka, skəra'ľupkə, škar-ľupka*; чеш. *škarľupka* (69:1);
- к. 42 'белая часть яйца' *běl-ык-ы*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; чеш. *bilek, bi:lek* (225:29); *běl-ык-о*: рус. *b'el'ko*; чеш. *bi:lko, bilko* (1:6);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žylt-ык-ы*: рус. *žol'tok, žel'tok, ž'e'lok, žəl'tok, žal'tok*; чеш. *žloutek, žloudek, žlo:dek, žultek, žutek* (216:29);
- к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *kys-ыл-ы*: рус. *'k'islųj, 'k'islųj, 'k'islųj, 't'islųj*; чеш. *kiselej, kisanej, kesele:, kasele:, kyšeľy, kyseľy* (236:3); *kvaš-en-ы*: рус. *k'vašən:ųj, k'vašėnyj*; чеш. *kvašenej* (113:1);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it*; чеш. *vaři:, vaři, vařų, vařų: waři:* (270:33); *got-u-j-e-ть*: рус. *ya'tujet', ya'tuje, ya'tuja*; чеш. *gotuje* (3:1);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *съ-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it' s'var'a*; чеш. *svaři* (273:1); *na-var-i-ть*: рус. *na'var'it, nə'var'it*; чеш. *navari, navařų:, navařeľ* (3:4);
- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *kož-a*: рус. *'koža*; чеш. *koža, koža* (11:2);
- к. 52 'ложка' *ľž-ык-а*: рус. *'ľoška, 'ľoška, 'ľoška*; чеш. *ľeska* (291:1);
- к. 54 'еда' //ěd-j-en-ыj-e рус. *jid'a'n':o*; чеш. *jedyňi* (1:1);
- к. 57 'проглотит' (еду) *gľyt-*: рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; чеш. *pohľtne, zhľtne, zhľtne, pohutně, zhutne* (283:9);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' *съn-ěd-an-ы, съn-ěd-an-ыj-e, съn-ěd-an-ыj-a*: рус. *s'n'edan':e, s'n'edan'je, s'n'edan':a, s'n'edan'jə*; чеш. *sňi:daňe, sňi:daňi: sňdaň, sňidaňi* (10:33);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ěd-ы*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; чеш. *vobjet, vobjet, vohit, objet, wubjet* (287:33);
- к. 60 'ест обед' *ob-ěd-a-j-e-ть*: рус. *o'b'edat, o'b'edaet, a'b'edajit', a'b'edəit*; чеш. *dob'jado* (286:1);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'ačer'a, v'ač'er'a, v'i-čer'a, v'ač'er'a, v'aš'er'a*; чеш. *večeře, wečeře, večera, večere* (18:33);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'eč'er'ajət', v'ač'er'ajət', v'i-č'er'ait*; чеш. *večeři, večeri:, wečeři:, večera:, večerq:* (23:33).

В русских диалектах русско-чешские лексические соответствия локализируются в основном в западной группе среднерусских говоров – псковских (особенно часто в пп. 605, 606, 651, 652, 653, 655, 692, 710, 711), новгородских (особенно в пп. 632, 633, 634, 637, 656, 657), тверских (особенно в пп. 661, 677, 678, 693, 695, 700), значительно реже они встречаются в говорах севернорусского наречия – архангельских (чаще всего в пп. 532, 535) и костромских (пп. 670, 686).

В чешских диалектах они наблюдаются в основном в собственно чешских говорах (особенно в пп. 183, 184, 185, 186, 188). Именно в этих пунктах отмечена высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей. Значительно реже они встречаются в ганацких (п. 199), восточноморавских (п. 204) и ляшских говорах (пп. 197, 202), см. карту-схему 105.

В этой связи небезынтересно отметить, что русско-чешские лексические соответствия, существующие в рамках восточнославянских языков и имеющие ареальные ограничения, в чешских диалектах концентрируются в основном в ляшских говорах (особенно часто в п. 207), а в русских диалектах имеют дисперсный ареал.

Словацкие диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porž-ьн-ь porž-ьн'-ь*: рус. *po'rožnoj, po'rožn'oj, pa'rožn'ij, po'rožnaj*; слц. *pražni, po'rožn'ij* (182:2); *porzd-ьн-ь, porzd-ьн'-ь*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; слц. *pra:zni, pra:zni:, pražni* (71:27);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' *lěj-ьк-а*: рус. *l'ejka, l'ejk'a, l'ejkə*; слц. *lijka* (143: 1); *(traxter)-ь*: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'əl'*; слц. *trakte:r, troxte:r, traxta:r* (2:9);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mok-а*: рус. *mu'ka*; слц. *mu:ka, muka* (291:29);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-о*: рус. *ko'ryto, ko'rytə, ka'ryta, ka'rytə*; слц. *korito, koreto* (119:28); *koryt-ьс-е*: рус. *ko'rytco, ko'ryc':ə*; слц. *korece* (2:1);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'm'es'it, za'm'is'it, za'm'esa*; слц. *zami:si:, zamje:si:* (222:24);

к. 14 'подходит, растер' (о тесте) **orst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; слц. *rošne, rosne* (14:2); **kys-*: рус. *vyk'i'sat, k'isn'et, us'k'is*; слц. *kisne, kisne* (3:29); **dvig-/dviž-*: рус. *rozdv'in'oc:a*; слц. *dvi:ha:sa* (3:1);

- к. 15 3sg praes asp perf 'печет' *na-peč-e-tь*: рус. *nap'e'k'ot*, *nep'i'k'ot*, *nep'e'čot*, *typ'i't'ot*; слц. *na'peče* (9:1);
- к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-tь*, *rež-i-tь*: рус. *r'ežyt*, *r'ežot*, *r'ežet*, *r'ežot*, *r'ežot*, *r'eža*, *r'ežyt*, *r'ežyt*; слц. *reže*, *riže* (287:2);
- к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *kraj-ь*: рус. *kraj*; слц. *kraj* (2:1); *kraj-ьс-ь*: рус. *k'rajic*; слц. *krajec*, *krajec* (2:5); *ob-kraj-ьс-ь*: рус. *ak'rajec*, *ak'raic*; слц. *okrajec* (2:1); *kraj-ьč-ik-ь*: рус. *k'rajč'ik*; слц. *krajčok* (16:1); *krom-ьк-а*: рус. *k'romka*, *k'romka*; слц. *kromka* (11:7);
- к. 20 *det* 'ножик, ножичек' *nož-ič-ьк-ь*: рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*, *'nožыč'ak*, *nožы'c'ik*; слц. *nožiček*, *nožičok* (176:5); *nož-ik-ь*: рус. *'nožыk*, *'nož'ik*; слц. *nožik*, *noži:k*, *nužik* (195:23);
- к. 21 'мясо свиный' *svin-in-a*: рус. *sv'i'n'ina*, *sv'i'n'inə*; слц. *švinina*, *švinina* (259:6);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina*, *go'v'ad'inə*, *ga'v'ad'ina*, *ga'v'ad'inə*, *yə'v'ad'ina*; слц. *hove'dyna* (225:1);
- к. 23 'мясо телянка' *tel-ət-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'at'ina*; слц. *tel'a'tyna* (246:1);
- к. 24 'мясо барана' *baran-in-a*: рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*; слц. *bara'nina*, *baranina* (262:27);
- к. 25 'мясо гуся' *gos-in-a*: рус. *gu's'ina*, *yu's'ina*; слц. *husina* (4:1); *gos-ət-in-a*: рус. *gu's'at'ina*, *gu's'at'inə*, *gu's'et'ina*, *yu's'at'ina*; слц. *husacina*, *husacina*, *hušacina*, *hušecina* (198:27);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *sqln-in-a*: рус. *səla'n'ina*; слц. *slanina*, *suānina* (1:29);
- к. 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*: рус. *'salo*, *'salo*, *'sala*, *'salə*, *'salə*; слц. *sa:duo* (170:1); *(šmal)-ьс-ь*: рус. *s'mal'ec*, *s'mal'ic*; слц. *šmalec*, *šmalec* (17:12);
- к. 30 'пережаренные кусочки сала' *škar-ьк-у*: рус. *šk'vark'i*; слц. *škvariki*, *škvarke* (109:20); *ob-škar-ьк-у*, *ob-skvar-ьк-у*: рус. *ašk'vark'i*, *ošk'vark'i*, *ošk'varkь*; слц. *oškvariki* (4:9);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *skor-ьк-а*: рус. *š'kurka*; слц. *skorka*, *skurka* (1:6); *kož-a*: рус. *'koža*; слц. *koža* (2:14);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mejz-iv-o*, *mejz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'ivə*, *mo'loz'ivo*, *ma'loz'ivə*, *mo'loz'əvə*; слц. *mlezivo*, *mlezivo*, *mlezivo*, *mlezivo* (198:17); *sēr-a*: рус. *'s'era*, *'s'erə*; слц. *šara*, *šara* (7:3);
- к. 34 'женщина, которая донт коров' *doj-ar-ьк-а*: рус. *do'jarka*, *da'jarka*, *də'jarka*, *dy'jarkə*; слц. *doja:rka* (286:1);

к. 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o mejk-o*: рус. 'k'islo: molo'ko, 'k'islə mola'ko, 'k'isləjə mela'ko; слц. *kisle: mljeko, kišene mljeko, kisljo mljeko, kislvo mljeko* (13:11); *kvas-en-o mejk-o*: рус. 'kvašeno molo'ko; слц. *kvašne mleko, kvašne mliko* (1:5);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; слц. *smetana, smatana, smotana* (36:10); *съ-met-an-ьk-a*: рус. *s'm'e'tanka*; слц. *smetanka, šmetanka, smatanka, smata:ŋka* (2:16);

к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tana*; слц. *smetana, smatana, smotana* (286:13);

к. 39 Nsg (j)aje //aj-ьc-o: рус. *jaj'co, jaj'c'o, jij'co, jej'c'o, jaj'co*; слц. *vajce, vajco* (289:17);

к. 40 *dem* (j)aje //aj-ič-ьk-o: рус. *ja'jič'ko, ja'ič'ko, ja'jic'ko, je'jic'ko, ja'jič'kə, ja'iš'kə, ja'ičkə*; слц. *vajičko, vaji:čko* (262:28); //aj-ьk-o: рус. 'jajko; слц. *vajko* (2:2);

к. 41 'скорлупа' (яйца) *skor-up-a*: рус. *skoru'pa*; слц. *škorupa, škarupa* (1:5); *skor-o-lup-a*: рус. *skorlu'pa, skar'lupa, skərlu'pa*; слц. *škarlupa* (182:1);

к. 42 'белая часть яйца' *běl-ьk-ь*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'i'lok, b'a'lok*; слц. *bi:lek, bjelok, bje:lek, bē:lok, bilok* (225:21); *běl-ьk-a*: рус. *b'el'ko*; слц. *bi:uko, bi:lko, bjelko* (1:9);

к. 43 'желтая часть яйца' *žəlt-ьk-ь*: рус. *žol'tok, žel'tok, ž'e'tok, žəl'tok, žal'tok, žyl'tok*; слц. *žf:tek, žf:tok, žu:tek, žo:tok, žoutok, žoltek, žvoltek* (216:19); *žəlt-ьč-ьk-ь*: рус. *žol'toč'ok, žel'toč'ək*; слц. 'žovčok (2:1);

к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *kys-ьl-ь*: рус. 'k'isləj, 'k'isloj, 'k'isləj, 't'isləj; слц. *kisli:, kisui, kislej* (236:13);

к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-tь*: рус. 'var'it, va'r'it, va'r'it'; слц. *vari, vari:* (270:28);

к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *na-var-i-tь*: рус. *na'var'it, nə'var'it*; слц. *navari, navari:* (3:26);

к. 47 'кипит' (вода) *куп-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, ky'pyt, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; слц. *ky'pyt* (289:1);

к. 48 'горячий' (о воде) *gor-ət-j-ь*: рус. *go'r'ač'ij, ga'r'ačij, ga'r'ačaj, ga'r'ačuj, ya'r'ač'ij, ya'r'ač'ij*; слц. *ho'rečij* (285:1);

к. 50 'сделанный из глины' *glin-j-an-ь*: рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, y'l'in'enyj, y'l'in'ənyj*; слц. *hlinanej, hlinani:, hlinani* (225:5);

к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lup-in-a*: рус. *lu'p'ina*; слц. *lupini* (1:2);

к. 52 'ложка' *ľž-ьk-a*: рус. *loška, loška, loška, loška, loška*; слц. *loška, laška* (291:8);

к. 53 *dem* 'ложечка' *ľž-ьč-ьk-a*: рус. *ložeč'ka, ložec'ka, ložacka, ložacka*; слц. *ložečka, lažečka* (287:2);

к. 54 'еда' // *ěd-j-en-ьj-e*: рус. *jid'a'n':o*; слц. *jedenja* (1:23); // *ěd-iv-o*: рус. *ji'd'iva*; слц. *jeđivo* (1:5);

к. 57 'проглотит' (еду) *glъt-*: рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; слц. *prehŕtne, prehŕtne, prehutie* (283:18);

к. 58 'завтрак, утренняя еда' *сън-ěd-an-ьj-e, сън-ěd-an-ьj-a*: рус. *s'n'edan':e, s'n'edan'je, s'n'edan':a, s'n'edon'ja*; слц. *sni:daňi*: (10:1); (*fruštik*)-ъ, (*fryš-tik*)-ъ: слц. *frištuk, fruščik, friščik, fryštyk* (1:27);

к. 59 'обед, еда в дневное время' *pol-u-dъn-e*: рус. *pol'dn'i, pol'dn'i*; слц. *polodnie, polednie* (2:2); *ob-ěd-ъ*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; слц. *objet, obet, obit, objed* (287:29);

к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'ačer'a, v'ačer'a, v'ičer'a, v'ačer'a, v'ačer'a, v'ačer'a*; слц. *večera, večera* (18:29);

к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-tъ*: рус. *v'ečer'a, v'ečer'a, v'ačer'a, v'ačer'a, v'ičer'a, v'ičer'a*; слц. *večera, večera, večerja* (23:29);

к. 65 'вкусный' (о еде) (*smač*)-ън-ъ: рус. *s'mačny, s'mačny, s'mačny*; слц. *smačni* (10:9).

Общая картина русско-словацких лексических соответствий несколько напоминает связи с южнославянскими диалектами: такой же узкий пояс, который тянется с северо-востока русских диалектов на запад. В русских диалектах лексические корреспонденции локализуются в основном в говорах севернорусского наречия, особенно в архангельских (пп. 532, 535) и карельских (п. 552), а также в западной группе среднерусских говоров — псковских (п. 605) и новгородских (пп. 631, 637).

В словацких диалектах заметно выделяются западнословацкие говоры (пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 221) и отдельные пункты восточнословацких (п. 224). Именно в этих пунктах отмечена высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей (см. карту-схему 106). Этот факт заслуживает особого внимания, так как лексические соответствия, существующие в рамках восточнославянских языков и имеющие ареальные ограничения, концентрируются в основном в восточнословацких говорах, что во многом определяется их географическим положением, так как эти говоры расположены ближе всего к восточнославянскому ареалу. Что касается русских диалектов, то эти изоглоссы имеют

в основном южнорусское направление и локализуются чаще всего в западной группе говоров.

Лужицкие диалекты

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porzd-yn-ъ, porzd-yn'-ъ*: рус. *po-roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; луж. *proznu, proźnu* (71:4);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'əl'*; луж. *traǰ'tar', trix'tar, tryxtar* (2:3);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mqk-a*: рус. *mu'ka*; луж. *muka* (291:4);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *děž-a*: рус. *d'i'ža*; луж. *žeža, źeǰža* (2:2);

к. 13 'поставит, замесит тесто' корень **mēs-/měš-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'esa*; луж. *zam'esy, zam'eš'a* (222:4);

к. 15 3sg *praes asp perf* 'печет' *vy-peč-e-ть*: рус. *'vyp'ek*; луж. *up'eco, up'jaco* (1:2); *ǰyz-peč-e-ть*: рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot, isp'a'k'et'*; луж. *spečo* (196:1);

к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' *nož-ik-ъ*: рус. *'nožyk, 'nož'ik*; луж. *nožyk, nožik* (195:4);

к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *tuk-ъ*: рус. *tuk*; луж. *tuk* (12:1);

к. 29 'топленое свиное сало' (*šmal*)-ъс-ъ: рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; луж. *šmaуc, štaуc* (17:4);

к. 30 'пережаренные кусочки сала' *škvar-ъk-y*: рус. *šk'vark'i*; луж. *škwark'i* (109:1);

к. 31 'пенка' (на молоке) *kož-a*: рус. *'koža*; луж. *koža* (2:2);

к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sér-a*: рус. *'s'era, 's'erə*; луж. *sera, syra* (7:3);

к. 34 'женщина, которая доит коров' *doj-ar-ъk-a*: рус. *do'jarka, da'jarka, daǰarka, dy'jarkə*; луж. *dejerka* (286:1);

к. 35 'сырое кислое молоко, простокваша' *sam-o-séd-ъk-ъ, sam-o-séd-ъk-a*: рус. *samo's'etka*; луж. *samesetk* (1:1);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sъ-met-an-a*: рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; луж. *zm'etana, sm'etana* (36:4);

- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *smetan-a*: рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tanə*; луж. *zm'etana, sm'etana* (286:2);
- к. 39 Nsg (j)aje //aj-ьk-o: рус. *'jajko*; луж. *jejko* (2:1);
- к. 40 dem (j)aje //aj-ьk-o: рус. *'jajko*; луж. *jajko, jejko* (2:3);
- к. 42 'белая часть яйца' *běl-ьk-ь*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; луж. *b'e'uk, b'e'uk, b'e'uk* (225:3);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žółt-ьk-ь*: рус. *žol'tok, žel'tok, ž'e'ltok, žal'tok, žal'tok, žyl'tok*; луж. *žouik, žouik* (216:2);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it*; луж. *war'i* (270:4);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *na-var-i-ть*: рус. *na'var'it, nə'var'it*; луж. *nawar'i* (3:1);
- к. 50 'сделанный из глины' *glin-j-an-ь*: рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, γ'l'in'enyj, γ'l'in'ənyj*; луж. *gl'in'jany, l'in'jany* (225:3);
- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lup-in-a*: рус. *lu'p'ina*; луж. *u'p'ina* (1:1);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' *sъn-ěd-an-ь, съn-ěd-an-ьj-e, съn-ěd-an-ьj-a*: рус. *s'n'edan':e, s'n'edən'je, s'n'edan':a, s'n'edən'jə*; луж. *sn'ėdan'e, sn'ėdajm* (10:3);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ěd-ь*: рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; луж. *ob'et, wob'et* (287:4);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'č'er'a, v'a'č'er'ə, v'a'č'er'ə*; луж. *w'ečer'ja, w'ecer'ja, jacer'ja* (18:3);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'e'č'er'a, v'eč'e'r'ajət', v'a'č'e-r'ajət', v'i'č'er'ait'*; луж. *ve'čer'at', jacer'ja, w'ečer'ja* (23:4).

В русских диалектах русско-лужицкие лексические соответствия так же, как и русско-южнославянские, локализуются в основном в говорах севернорусского наречия – архангельских (чаще всего в пп. 532, 535) и вологодских (пп. 591, 597). Что касается лужицких диалектов, то наибольшая концентрация сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей наблюдается в нижнелужицких говорах, см. карту-схему 107. Интересно, что именно в нижнелужицких говорах (особенно в п. 235) локализуются чаще всего лексические изоглоссы, выявленные в рамках восточнославянских языков и имеющие ареальные ограничения. В русских диалектах они имеют то же севернорусское направление.

- к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' *krin-ic-a*: рус. *кры'н'ica, кр'и'н'ica*; плс. *kernica, kirnyca* (4:2);
- к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' *kor-m-y-sl-o*: рус. *koro'myslo, koro'myslō, kəra'myslō, kara'mysla, ka-romyslō, kəra'myslō*; плс. *koromyslo, korom'isno, koromeslo* (209:4);
- к. 3 'пустой, ненаполненный' *porž-yn-ъ, porž-yn'-ъ*: рус. *po'rožnoj, po'rožn'oj, pa'rožn'ij, po'rožnaj*; плс. *prōžny, pružny, pružny* (182:32); *pust-ъ*: рус. *pust'oj*; плс. *pusty, pusti* (222:60); *porzd-yn-ъ, porzd-yn'-ъ*: рус. *po'roznoj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznaj, pa'roznaj, pa'roznaj*; плс. *pruzny, prężny, prōzny* (71:52);
- к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' *lěj-ъk-a*: рус. *l'ejka, l'ejk'a, l'ejkə*; плс. *lejka, lijka, l'ejka, l'ejka* (143:9); *(traxter)-ъ, (trixter)-ъ*: рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'əl'*; плс. *t'rextel, t'ræxtel, trixter, tr'ixter, tryxter* (2:11);
- к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *žazda, ž'ažda, žazdə*; плс. *žqza, žonza, žunza, žonza* (250:14);
- к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mo-k-a*: рус. *mu'ka*; плс. *mo'ka, moŋka, muŋka, moka* (291:87);
- к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*: рус. *ko'ryto, ko'rytə, ka'ryta, ka'rytə*; плс. *koryto* (119:3); *nykt-ъv-ъk-a*: рус. *no'č'ofka, no'c'ofka, na'čofka, n'a'čofka, n'a'čofk'i, n'a'čofkə*; плс. *hesciuk'i* (39:1); *děž-ъk-a*: рус. *d'eška, d'eškə, d'oškə*; плс. *žeska, žeska* (4:2);
- к. 13 'поставит, замесит тесто' **čim-*: рус. *uč'it'n'it', u'cyn'ic', raš-čy'n'it', raš'č'in'ic'*; плс. *roščyni, roščini, roscynia še, zacynić, uoščyni* (5:68); корень **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it, za'mēs'it, za'm'is'it, za'm'e-sa*; плс. *m'eši, m'ęši, zam'isi* (222:13);
- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **xod(j)-*: рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; плс. *potxoži* (176:4); **qst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; плс. *rošne, r'ošne, rošce* (14:72); **kys-*: рус. *vyk'i'sat, k'isn'et, us'k'is*; плс. *kisa, k'isne* (3:4);
- к. 15 3sg praes asp perf 'печет' *съ-печ-е-ть*: рус. *sp'e'č'ot, sp'e'k'ot, sp'e'č'ot, sp'a'k'ot', sp'a'k'et', sp'i'č'ot'*; плс. *sp'eče, sp'eče* (69:2); *за-печ-е-ть*: рус. *zəp'e'k'ot*; плс. *zap'ece* (1:2);
- к. 17 'режет' (хлеб) *kroj-l-ть, kraj-e-ть*: рус. *k'roi(t)*; плс. *kroi še, kroi, kroji* (1:37);

- к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *ob-kraj-ъc-ъ*: рус. *ak'rajec, ak'raic*; плс. *okrajec* (2:2); *krom-ъk-a*: рус. *k'romka, k'romkə*; плс. *kromka, krumka* (11:16);
- к. 19 'крошки' (хлеба) *kъš-ъk-y*: рус. *k'rošk'i*; плс. *krošk'i, krošk'i, kryšk'i* (250:6);
- к. 20 *det* 'ножик, ножичек' *nož-ič-ъk-ъ*: рус. *'nožыč'ek, 'nožыčək, 'nožыč'ok*; плс. *n'ozycek, noz'icek* (176:2); *nož-ik-ъ*: рус. *'nožыk, 'nož'ik*; плс. *nožыk, nožik, n'ožыk, nožik, nožik, nozik, nozyk* (195:85);
- к. 21 'мясо свиньи' *svin-in-a*: рус. *sv'i'n'ina, sv'i'n'inə*; плс. *śv'ihina, śf'ihina* (259:20);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina, ga'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, yə'v'ad'ina*; плс. *govežina* (225:1); *jal-ov-ič-in-a*: рус. *jala'v'ič'ina, 'jačəv'ičыna*; плс. *jačovičyna, jalov'ičina* (5:2);
- к. 23 'мясо телянка' *tel-ət-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina, t'ill'at'ina, t'a'l'a-t'ina*; плс. *celeńčina, čelyńčina, čelėnčina, čelańčina* (246:73); *tel-ət-j-e*: рус. *t'e'l'ec'jo, t'e'l'ač'je*; плс. *'celəčə, čelėńce, čelince* (3:4);
- к. 24 'мясо барана' *baran-in-a*: рус. *ba'ran'ina, ba'ran'inə*; плс. *barańina, barəńina, bareńina* (262:71);
- к. 25 'мясо гуся' *gqs-in-a*: рус. *gu's'ina, yu's'ina*; плс. *gešina, gysińa, gyjsina, geys'ina* (4:60);
- к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) *syt-ъ*: рус. *'sytaјə*; плс. *'səti, 'səte* (1:2);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *soln-in-a*: рус. *səla'n'ina*; плс. *slońina, syońina, syuńina* (1:66); *(špek)-ъ*: рус. *šp'ik, šp'ig*; плс. *špek, šp'ek, šp'ek, šp'jek, špiek, špək, špak* (113:14);
- к. 29 'топленое свиное сало' *(šmal)-ъc-ъ*: рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; плс. *šmalec, šmalec, šmalec, smalec* (17:83);
- к. 30 'пережаренные кусочки сала' *skvar-ъk-y*: рус. *sk'vark'i, sk'wark'i, skə'vark'i*; плс. *skvark'i, skvarki, skfark'i, sk'varcy* (9:61); *vy-skvar-ъk-y*: рус. *'vyškərk'i*; плс. *vyskfark'i* (1:1); *škvar-ъk-y*: рус. *šk'vark'i*; плс. *škvar'k'i, škfark'i, škfark'i* (109:4); *ob-škvar-ъk-y, ob-skvar-ъk-y*: рус. *ašk'vark'i, ošk'vark'i, ošk'varkы*; плс. *'oskvork'i* (4:1);
- к. 31 'пенка' (на молоке) *skor-ъk-a*: рус. *š'kurka*; плс. *skərk'a, skurka* (1:10); *plėv-ъk-a*: рус. *p'll'ekka*; плс. *plefka* (2:1);
- к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sēr-a*: рус. *'s'era, 's'erə*; плс. *sara, šara, šara* (7:85); *meļz-iv-o, meļz-iv-a*: рус. *mo'lož'ivo, mo'lož'ivə, mo'lož'iwo, ma'lož'ivə, mo'lož'əvə*; плс. *mloživo, mleživo* (198:2); *moļd-iv-o, moļd-iv-a*: рус. *mo'lod'ivo, ma'lod'ivə, ma'lo-d'əvə*; плс. *moživo, mloživo, mloživa* (11:5);

- к. 34 'женщина, которая донт коров' *doj-ъk-a*: рус. *'dojka*; плс. *dojka, dojka, 'dujka* (2:33); *doj-ar-ъk-a*: рус. *do'jarka, da'jarka, də'jarka, da'jarkə, dь'jarkə*; плс. *dojarka, dojarka, dujarka, dojorka* (286:34);
- к. 35 'сырое кислое молоко' *kvash-en-o melk-o*: рус. *'kvašeno molo'ko*; плс. *kvašne mleko, kvajšne ml'ek'a, kfašne mleko, kfašne mlēko* (1:46);
- к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sъ-met-an-a*: рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; плс. *śm'etana, śnotana, śnētana* (36:28); *sъ-met-an-ъk-a*: рус. *s'm'e'tanka*; плс. *smetanka, śm'etanka, śmñetanka, śnatanka* (2:7);
- к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *sъ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tanə*; плс. *śm'etana, śmñetana, śm'itana, śm'otana, śnētana* (286:69);
- к. 39 Nsg (j)aje //aj-ъc-o: рус. *jaj'co, jaj'c'o, jij'co, jej'c'o, jaj'co*; плс. *jajco* (289:4); //aj-ъk-o: рус. *'jajko*; плс. *jajko, jajko, jajko, jajko* (2:48);
- к. 40 dem (j)aje //aj-ъč-ъk-o: рус. *ja'ječka, je'ječ'ka, ji'ječ'kə*; плс. *jaječko, joječko* (23:67); //aj-ъk-o: рус. *'jajko*; плс. *jajko, jajko, jajko, jajko* (2:24);
- к. 41 'скорлупа' (яйца) *skor-up-a*: рус. *skoru'pa*; плс. *skaropa, skarupa, skorupa* (1:47); *lusk-a*: рус. *luz'ga*; плс. *luskā, uska* (1:2);
- к. 42 'белая часть яйца' *běl-ъk-ъ*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'tok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; плс. *b'alek, bjaček, b'outyk, bzaček, by'aček, bjalek* (225:16); *běl-ъk-o*: рус. *b'el'ko*; плс. *bjačko, b'aliko, b'alko, b'oukko* (1:73);
- к. 43 'желтая часть яйца' *žylt-ъk-ъ*: рус. *žol'tok, žel'tok, žal'tok, žal'tok, žyl'tok*; плс. *zoutek, zoutek, zoutyk, žultek, zultek* (216:24);
- к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *kys-ъл-ъ*: рус. *'k'istij, 'k'isloj, 'k'islaj, 't'istij*; плс. *k'ispy* (236:1); *kvaš-en-ъ*: рус. *k'vašan'nyj, k'vašen'nyj, k'vašenoj, k'vašonoj*; плс. *kfašny, kfašona, kfašong* (113:9);
- к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it*; плс. *važi, vaży, 'vaři, vařy* (270:21); *got-u-j-e-ть*: рус. *ya'tujeť, ya'tuja, ya'tuje*; плс. *gotuje, guotuje* (3:78);
- к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *na-var-i-ть*: рус. *na'var'it, na'var'it*; плс. *navary* (3:1); *sъ-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it, s'var'a*; плс. *zvažić, zvaży* (273:2);
- к. 47 'кипит' (вода) *kyp-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, kы'пыт, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; плс. *k'ip'i, kip'ji, k'ipx'i* (289:30); *sъ-kyp-i-ть*: рус. *sk'i'p'it*; плс. *sk'ip'i* (1:2);
- к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' *kyp-eť-ъk-ъ*: рус. *k'ip'a'tok, k'ip'i'tok*; плс. *k'ip'ontek* (280:1); *var-ъ*: рус. *var*; плс. *var, vor, var* (24:19); *u-krop-ъ*: рус. *ukrop*; плс. *ukrop, dukrop, ukrop* (2:8);
- к. 50 'сделанный из глины' *glin-j-an-ъ*: рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, y'l'in'enyj, y'l'in'ənyj*; плс. *gl'inany, gl'inan:i, gl'inany, hl'inan.y* (225:

- 63); *glin-j-an-ън-ъ*: рус. *g'l'in'ən:ɤj, g'l'in'an:oj, g'n'il'an:oj, g'l'in'e-n:oj*; плс. *glə'ňan:ɤ, gl'inan:i, gliňan:i, gl'inan:ɤ, gl'injan:i* (36:22);
- к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lup-in-a*: рус. *lu'p'ina*; плс. *lup'iny, ɥup'ina, ɥup'iny* (1:42); *lusk-a*: рус. *lus'ka, luz'ɤa*; плс. *ɥu-sk'i* (2:1); *skor-ъk-a*: рус. *š'kurka, š'k'urk'i, š'kurt'i, š'kurk'i*; плс. *skurk'i* (23:1); *skor-j-a*: рус. *š'kura*; плс. *s'kora, s'kora, s'kuere, sk'ɤry* (2:8);
- к. 52 'ложка' *lъž-ъk-a*: рус. *'loška, 'loška, 'loška, 'loškə, 'ložka*; плс. *ɥeška, lęška, lęška, ɥoška, ɥoška* (291:7);
- к. 53 *dem* 'ложечка' *lъž-ъč-ъk-a*: рус. *'ložec'ka, 'ložec'ka, 'ložacka, 'ložackə*; плс. *ɥožečka, ɥežečka* (287:3);
- к. 54 'еда' // *ěd-j-a*: рус. *'ježa, je'ža*; плс. *jeza* (7:2); // *ěd-j-en-ъj-e*: рус. *jid'a'n':o*; плс. *je'zeňe, 'jezeňe, 'jezeňe, jezaňe* (1:76);
- к. 57 'проглотит' (еду) *głyt-*: рус. *prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it*; плс. *gutñe, ghyñe* (283:3);
- к. 58 'завтрак, утренняя еда' *sъn-ěd-a*: рус. *s'n'eda*; плс. *ji šñodo* (1:1); *sъn-ěd-anъ, sъn-ěd-an-ъj-a, sъn-ěd-an-ъj-e*: рус. *s'n'edan':e, s'n'e-dən'je, s'n'edan':a, s'n'edən'ja*; плс. *šñodaňe, šñadaňe, šñadaňe* (10:76); (*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ: рус. *f'ryštyk*; плс. *friš'tak, frišteč, f'ruštik, f'rištik, f'ryštyk, friš'tik* (1:16);
- к. 59 'обед, еда в дневное время' *pol-u-dъn-e, pol-ъ-dъn-e*: рус. *'poldn'i, 'poldn'i*; плс. *'pøñe, pøñe, pøñe, pøñi* (2:8); *ob-ěd-ъ*: рус. *o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et*; плс. *ob'at, objat, ɥobjot, ɥob'ot* (287:84);
- к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *podъ-večer-ъk-ъ*: рус. *pədv'a'čorək, padv'a'čorak*; плс. *podv'ečorək, pədv'ečorək, pod'ɤecorək, pudv'ičoryk* (4:75);
- к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'č'er'a, v'a'č'er'ə*; плс. *v'ečera, 'vječeřa, 'v'ječeža, v'eceža* (18:58);
- к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-tъ*: рус. *v'e'č'er'a, v'eč'e'r'ajət', v'a'č'e-r'ajət', v'i'č'er'ait'*; плс. *v'ecera, v'ecežo, ɤeceřa, v'ecežg* (23:16);
- к. 65 'вкусный' (о еде) (*smac*)-ън-ъ: рус. *s'mačny, s'mač'nyj, s'mač'nyj, s'mač'nyj*; плс. *smacny, smacny* (10:73).

В русских диалектах русско-польские лексические соответствия локализируются в основном в среднерусских говорах, и прежде всего в псковских (особенно в пп. 605, 628) и новгородских (п. 637).

В польских диалектах они тянутся узкой полосой с севера на юг, сосредотачиваясь в отдельных пунктах кашубских (пп. 241, 242, 243, 244, 249), великопольских (пп. 258, 278), шленских (пп. 288, 289, 299, 308) и малопольских говоров (пп. 301, 310, 311, 313). Именно в

этих пунктах отмечена высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей, см. карту-схему 108.

Интересно, что лексические изоглоссы, выявленные в рамках восточнославянских языков и имеющие ареальные ограничения, в польских диалектах локализуются чаще всего на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или в пограничных с ними диалектах, хотя нельзя не отметить, что они достаточно регулярно появляется в малопольских и мазовецких говорах. В русских диалектах они концентрируются в основном в южнорусских (особенно в смоленских и брянских) и в западной группе среднерусских говоров (особенно в тверских).

* * *

В целом вектор русско-западнославянских лексических изоглосс имеет ярко выраженное польско-словацкое направление. Не случайно именно в этих диалектах представлены самые обширные ареалы корреспондирующих лексем (ср., например, распространение таких лексем, как *svin-in-a* к. 21 'мясо свиньи'; *tel-et-in-a* к. 23 'мясо теленка'; *baran-in-a* к. 24 'мясо барана'; *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины' и др.).

При этом русско-западнославянские лексические параллели локализуются чаще всего в среднерусских говорах (особенно в новгородских и псковских), реже в говорах севернорусского наречия (причем преимущественно в архангельских, вологодских и костромских).

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Белорусские диалекты

к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' *kołd-ez-ъ*, *kołd-ъс-ъ*: рус. *ko'lod'ec*, *kə'lod'эс*, *ka'lod'ic*, *ka'lod'ec*'; блр. *ka'loz'ic*, *ka'loz'iz*, *ka'loz'is*' (287:62);

к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' *kořm-y-sl-o*: рус. *koro'myslo*, *koro'myslə*, *kəra'myslə*, *kara'mysla*, *ka'romyslə*, *kəra'myslə*; блр. *ka'romyslo*, *ka'rom'islo*, *kara'myslo*, *ka'remyslo*, *kə'romyslo* (209:14); *kořm-y-sl-ъ*: рус. *koro'mysl*, блр. *ka'romus'əl* (71:29); *kořm-y-sl-y*: рус. *karo'mysl'i*, *kəra'mysl'i*, *kra'mysl'i*; блр. *ka'romysly*, *ka'rom'isly* (10:2);

- к. 3 'пустой, ненаполненный' *porž-ъn-ъ porž-ъn'-ъ*: рус. *po'rožnoj, po'rožn'oj, pa'rožn'ij, po'rožnaj*; блр. *pa'rožn'ij, pa'rožnyj* (182:65); *pust-ъ*: рус. *pust'oj*; блр. *pust'ty, pust'tyj, pust'tej, pus'tej* (222:45);
- к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' *lěj-ъk-a*: рус. *'l'ejka, 'l'ejk'a, 'l'ejkə*; блр. *'l'ejka, 'l'ijka, 'l'ejka* (143:69); *lěj-ъč-ъk-a*: рус. *'l'eječ'ka, 'l'ejač'k'ə*; блр. *'l'ejač'ka* (4:1); *voгn-ъk-a*: рус. *vo'ronka, vo'ronkə, va'ronka, va'ronkə*; блр. *va'ronka* (162:2);
- к. 6 'стакан' (*stokan*)-ъ: рус. *sta'kan*; блр. *sta'kan* (289:50);
- к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *'žažda, 'ž'ažda, 'žaždə*; блр. *'žažda* (250:19); *smag-a*: рус. *s'maya*; блр. *s'maya* (1:47);
- к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mqk-a*: рус. *mu'ka*; блр. *mu'ka* (291:71);
- к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*: рус. *ko'ryto, ko'rytə, ka'ryta, ka'rytə*; блр. *ka'ryta* (119:12); *пѣkt-ъv-a, пѣkt-ъv-y*: рус. *'noč'vy, 'nos'v'i, 'noš'vy, nač'va*; блр. *'nočvy, 'nočvy* (69:23); *пѣkt-ъv-ъk-a*: рус. *no'č'ofka, no'c'ofka, na'čofka, n'a'čofka, n'a'čofk'i, n'a'čofkə*; блр. *na'čouka, na'čouk'i, nu'čouk'i, no'čouk'i* (39: 54); *пѣkt-ъv-ъč-ъk-a*: рус. *na'č'ovach'ka, na'č'ovəč'ka, na'č'ovəč'kə*; блр. *na'čouyčk'i, na'č'ovach'k'i* (4:2);
- к. 13 'поставит, замесит тесто' **čim-*: рус. *uč'i'n'it', u'čyn'ic', raščy'n'it', rašč'č'in'ic'*; блр. *raščy'n'ic', ras'čyn'a, raščy'n'ac'* (5:12); **mēs-/mēš-*: рус. *za'm'es'it, za'm'es'it, za'm'is'it, za'm'esa*; блр. *za'm'es'ic', za'm'ēs'ic', za'm'isyt, za'm'es'a* (222:65);
- к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **xod(j)-*: рус. *pot'xod'it, pat'xod'it, pat'xod'it', pat'xod'a*; блр. *pat'xoz'ic', pat'xoz'a, pat'xoz'a, paды'xoz'ic'* (176:70); **qrst-*: рус. *ras't'ot, ros't'ot, ras't'ot*; блр. *ras'c'oc'* (14:3); **(n)ę-/*(n)jъm-*: рус. *paды'majəc:ə, paды'maicы, paды'majəc:ə*; блр. *pyda'majica, padn'i'majec:a* (102:2);
- к. 15 3sg praes asp perf 'печет' *съ-pec-e-ть*: рус. *sp'e'č'ot, sp'e'k'ot, sp'e'č'ot, sp'a'k'ot', sp'a'k'et', sp'i'č'ot'*; блр. *s'p'a'če, s'p'a'čoc', s'p'a'čec', s'p'i'k'ec', spy'če* (69:59); *на-pec-e-ть*: рус. *nap'e'k'ot, nər'ik'ot, nər'e'čot, ныr'i't'ot'*; блр. *nap'a'čec', nap'a'če* (9:6); *жъz-pec-e-ть*: рус. *isp'e'č'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'i'č'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot', isp'a'k'et'*; блр. *ispe'če, isp'e'če, is'p'a'če* (196:4); *pec-e-ть*: рус. *p'e'č'ot, p'e'k'ot', p'i'č'ot', p'ik'ot', p'ik'et'*; блр. *pe'če* (5:1);
- к. 17 'режет' (хлеб) *rež-e-ть, rež-i-ть*: рус. *'r'ežyt, 'r'ežot, 'r'ežet, 'r'e-žot, 'r'ežot', 'r'eža, 'r'ežyt', 'r'ežyt'*; блр. *'režyc', 'reža, 'reže, 'reže* (287:63); *kroj-i-ть, kraj-e-ть*: рус. *k'roi(t), kraj-e-ть*; блр. *k'rojic', k'rojit', k'roje* (1:16);
- к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *gъrb-uš-ъk-a*: рус. *gor'buška, gar'buška*; блр. *gar'buška* (182:7); *kraj-ъc-ъ*:

- рус. *k'rajic*; блр. *k'raic*, *k'rajec*; (2:5); *kraj-uš-ыk-a*: рус. *kra'juška*, *kra'juškə*; блр. *kra'juška* (57:3); *ob-kraj-ыс-ы*: рус. *ak'rajec*, *ak'raic*; блр. *ak'rajic*, *ak'rajas*, *ak'rajec* (2:17); *kraj-ыč-ik-ы*: рус. *k'rajč'ik*; блр. *k'rajč'ыk* (16: 9); *krom-ыk-a*: рус. *k'romka*, *k'romkə*; блр. *k'romka* (11:1);
- к. 19 'крошки' (хлеба) *kṛṣ-ыk-y*: рус. *k'rošk'i*; блр. *k'rošk'i* (250:70);
- к. 20 *det* 'ножик, пожичек' *pož-ič-ыk-ы*: рус. *'nožыč'ek*, *'nožыč'ok*, *'nožыč'ək*, *nožы'c'ik*; блр. *'nožыčak*, *'nožыč'ыk*, *'nožač'ыk*, *'nožыčək* (176:26); *pož-ik-ы*: рус. *'nožыk*, *'nož'ik*; блр. *'nožыk*, *na'žok* (195:64);
- к. 21 'мясо свиный' *svin-in-a*: рус. *sv'i'n'ina*, *sv'i'n'ina*; блр. *s'v'i'n'i-na*, *svы'нына* (259:44);
- к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina*, *go'v'ad'i-na*, *ga'v'ad'ina*, *ga'v'ad'inə*, *yə'v'ad'ina*; блр. *ya'v'az'ina*, *ya'v'ažыna*, *yu'v'az'ina*, *yoṁ'jaz'ina* (225:19); *jal-ov-ič-in-a*: рус. *jala'v'ič'ina*, *'ja-ləv'ičыna*; блр. *'jalav'ičыna*, *'jalav'ičana*, *'jaləv'ičыna* (5: 23); *koṛv-ət-in-a*: рус. *koro'v'at'ina*, *koro'v'et'ina*, *kara'v'at'ina*, *kəra'v'at'ina*, *kəra'v'at'inə*; блр. *kara'v'ac'ina* (46:1);
- к. 23 'мясо теленка' *tel-ət-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina*, *t'il'at'ina*, *t'all'a-t'ina*; блр. *c'il'ac'ina*, *c'al'ačыna*, *c'al'ačыna* (246:45); *tel-ət-j-e*: рус. *t'e'l'ec'jo*, *t'e'l'ač'je*; блр. *ty'l'ač'e* (3:1); *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina*, *ga'v'ad'inə*, *ya'v'ad'inə*; блр. *ya'v'ažыna* (5:1);
- к. 24 'мясо барана' *baran-in-a*: рус. *ba'ran'ina*, *ba'ran'inə*; блр. *by'ran'ina*, *ba'ran'ina*, *ba'ran'ina* (262:58); *ov-ыč-in-a*: рус. *o'v'eč'ina*, *a'v'ečыna*, *a'v'eč'ыna*, *a'v'eč'inə*; блр. *a'v'ačыna*, *a'v'ečыna* (5:2);
- к. 25 'мясо гуся' *gqs-ət-in-a*: рус. *gu's'at'ina*, *gu's'at'inə*, *gu's'et'ina*, *yu's'at'ina*; блр. *yu's'atыna*, *yu's'ac'ina*, *yu's'ačыna* (198:44); *gqs-in-a*: рус. *gu's'ina*, *yu's'ina*; блр. *yu's'ina* (4:1);
- к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) *syt-ы*: рус. *'syтəjə*; блр. *'syты'*, *'syты* (1:19); *žir-ыn-ы*: рус. *'žыrныj*, блр. *'žыrныj* (282:44); *sad-l-ыn-ы*: рус. *'sal'noj*, *'sal'naj*; блр. *'sal'ныj* (2:1);
- к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *soj'n-in-a*: рус. *səla'n'i-na*; блр. *səla'n'ina*, *sala'n'ina* (1:11); *sad-l-o*: рус. *'salo*, *'sala*, *'sala*; блр. *'sala* (223:61); *(špek)-ы*: рус. *šp'ik*, *šp'ig*; блр. *šp'ik* (113:1);
- к. 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*: рус. *'salo*, *'salo*, *'sala*, *'sala*, *'sala*; блр. *'sala*, *'salo* (170:17); *žir-ы*: рус. *žыр*; блр. *žыр* (8:12); *(šmal)-ыс-ы*: рус. *s'mal'ec*, *s'mal'ic*; блр. *š'mal'ic*, *š'mal'ec* (17:12);
- к. 30 'пережаренные кусочки сала' *skvar-ыk-y*: рус. *sk'vark'i*, *sk'wark'i*, *skə'vark'i*; блр. *sk'vark'i* (9:50); *vy-skvar-ыk-y*: рус. *'vyškark'i*; блр. *'vyškvar'k'i* (1:5); *škvar-ыk-y*: рус. *šk'vark'i*; блр. *šk'vark'i* (109:14); *vy-škvar-ыk-y*: рус. *'vyškvar'k'i*; блр. *'vyškark'i*, *'vuškvar'k'i* (3:2); *smṛč-ыk-y*: рус. *smorč'k'i*, *smorč'k'i*, *smurč'k'i*; блр. *smarš'k'i* (15:1);

к. 31 'пенка' (на молоке) *pěn-ъk-a*: рус. *p'enka*; блр. *p'enka* (254:26); *skor-ъk-a*: рус. *š'kurka*; блр. *s'kurka*, *š'kurka* (1:4); *plěn-ъk-a*: рус. *p'l'onka*; блр. *p'l'enka* (1:2); *plěv-ъk-a*: рус. *p'l'euka*; блр. *p'l'euka* (2:34); *p(r)i-gar-ъk-a*: рус. *pr'i'garka*, *pr'e'garka*, *pr'i'gark'i*; блр. *py'garka*, *pry'garka* (6:5);

к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mēlz-iv-o*, *mēlz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo*, *mo'loz'ivə*, *mo'loz'ivo*, *ma'loz'ivə*, *mo'loz'əvə*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*, *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo* (198:26); *mōld-iv-o*, *mōld-iv-a*: рус. *mo'lod'ivo*, *ma'lod'ivə*, *ma'lod'əvə*; блр. *ma'loz'iva*, *ma'loz'ivo*, *mo'lod'ivo* (11:44); *sēr-a*: рус. *s'era*, *s'erə*; блр. *s'era* (7:6);

к. 34 'женщина, которая доит коров' *doj-ar-ъk-a*: рус. *do'jarka*, *da'jarka*, *də'jarka*, *da'jarkə*, *dy'jarkə*; блр. *da'jarka*, *də'jarka*, *dy'jarka* (286:70); *doj-ъšč-ic-a*: рус. *'dojš'ыца*; блр. *'dojščeca* (1:1); *doj-ъk-a*: рус. *'dojka*; блр. *'dojka*, *'dijka* (2:5);

к. 35 'сырое кислое молоко' *prost-o-kvaš-a*: рус. *prosto'kvaša*, *prəsta'kvaša*, *prəsta'kvašə*; блр. *prastak'vaša*, *prystyk'vaša* (215:6); *syr-o-kvaš-a*: рус. *syra'kvaša*, *syрэ'kvaša*; блр. *syrak'vaša*, *syрэk'vaša* (26:30); *kys-bl-j-ak-ъ*: рус. *k'is'l'ak*; блр. *k'is''l'ak* (1:5); *kys-ěl-o o mēlk-o*: рус. *'k'islo: molo'ko*, *'k'islə məla'ko*, *'k'isləjə məla'ko*; блр. *'k'islaja məla'ko*, *'k'isləjə məla'ko*, *'k'islaja məla'ko* (13:40); *kvas-en-o mēlk-o*: рус. *'kvašeno molo'ko*; блр. *k'vasna məla'ko*, *k'vašene molo'ko* (1:2);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливок' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana*, *s'm'e'tana*, *s'm'a'tana*, *sm'a'tanə*; блр. *s'm'i'tana*, *s'm'a'tana* (36:37); *съ-met-an-ъk-a*: рус. *s'm'e'tanka*; блр. *s'm'a'tanka*; (2:1); *въrx-ъ*: рус. *v'er'x*; блр. *v'er'x*, *v'ern*, *verx* (2:8); *въrš-ъk-ъ*: рус. *v'er'šok*, *v'ar'šok*; блр. *v'ar'šok*, *выr'šok*, (8:11); *съ-liv-ъk-y*: рус. *s'l'ifk'i*, *s'l'iwk'i*, *s'l'iyk'i*, *s'l'if't'i*; блр. *s''liyk'i*, *z'l'iyk'i* (228:14); *въrš-ъč-ъk-ъ*: рус. *v'er'šeček*, *v'ar'šač'ak*; блр. *v'ar'šečak* (2:1); *u-stoj-ъk-ъ*: рус. *us'tojek*, *ustojek*, *us'tojok*; блр. *us'tojek* (14:1); *pri-stoj-ъk-ъ*: рус. *pr'is'tojik*; блр. *pr'is'tajk'i* (2:1);

к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana*, *s'm'e'tana*, *sm'o'tana*, *sm'i'tana*, *s'm'a'tana*; блр. *s'm'a'tana*, *s'm'a'tana*, *s'm'i'tana*, *s'm'e'tana*, *smы'tana* (286:65); *въrx-ъ*: рус. *v'ern*; блр. *v'er'x*, *v'ern*, *verx* (1:5);

к. 39 Nsg (j)aje //aj-ъc-o: рус. *jaj'co*, *jaj'c'o*, *jij'co*, *jej'c'o*, *jəj'co*; блр. *jaj'co*, *jaj'ce*, *jej'ce* (289:45); //aj-ъk-o: рус. *'jajko*; блр. *jaj'ko*, *'jajka* (2:12); //aj-ъč-ъk-o: рус. *ja'ic'ko*, *ji'ič'kə*; блр. *ja'ječka*, *ja'ječko* (2:5);

к. 40 dem (j)aje //aj-ъk-o: рус. *'jajko*; блр. *jaj'ko* (2:2); //aj-ъč-ъk-o: рус. *ja'ječka*, *je'ječ'ka*, *ji'ječ'kə*; блр. *ja'ječka*, *ja'ječko* (23:59); //aj-ъč-ъč-ъk-o:

рус. ja'ječ'eč'ka; блр. ja'ječačka (1:2); //aj-ič-ьk-o: рус. ja'jič'ko, ja'ič'ko, ja'jič'kə, ja'is':k'ə, ja'ičkə; блр. ja'jička, ji'jičko (262:7);

к. 41 'скорлупа' (яйца) še-lup-a: рус. š'elu'pa, šalu'pa, šerlu'pa; блр. šyłu'pa (3:1); še-lup-in-a: рус. šəlu'p'ina; блр. šəlu'p'ina (1:3); še-lup-ax-a: рус. šəlu'paxa; блр. šəlu'paxa (2:2); še-lux-a: рус. šyлу'xa, šolu'xa, šəlu'xa; блр. šulu'xa, šərлу'xa (21:4); še-luš-ьk-a: рус. ša'luška, ša'l'uškə; блр. šar'luška (4:1); še-lup-aj-ьk-a: рус. šalu'pajka, šəlu'pajkə; блр. šalu'pajka, šəlu'p'ejka (5:4); lušp-aj-ьk-a: рус. luš'pajk'ə; блр. luš'pajka (1:1); skor-up-a: рус. skoru'pa; блр. ška'rupa (1:1); lusk-a: рус. luz'ga; блр. luš'ka (1:1); skor-o-lup-a: рус. skorlu'pa, skar'rupa, skərлу'pa; блр. škarlu'pa, škoro'rupa, skoro'l'upa (182:14); skor-o-lup-ьk-a: рус. skor'rupka, škəra'rupkə, škar'rupka; блр. skar'rupka, škar'rupka (69:13);

к. 42 'белая часть яйца' bəl-ьk-ь: рус. b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok; блр. b'e'lok, b'a'lok, b'i'lok, by'lok (225:69); bəl-ьk-o: рус. b'el'ko; блр. b'al'ko, b'alt'ko (1:2);

к. 43 'желтая часть яйца' žylt-ьk-ь: рус. žol'tok, žel'tok, ž'el'tok, žəl'tok, žal'tok, žyl'tok; блр. žau'tok, žau'tok, žou'tok, ž'e'u'tok (216:68);

к. 44 'кислый, квашеный' (о канусте) kys-ьl-ь: рус. 'k'isl'ij, 'k'isloj, 'k'islaj, 't'isl'ij; блр. 'k'isl'ij, 'k'ish'ij (236:66); kvaš-en-ь: рус. k'vašən:ыj, k'vašənyj, k'vašənoj, k'vašənoj; блр. k'vašənyj, k'vašəny, k'vašənyj, k'vašənj, k'vašənyj (113:26);

к. 45 'варит, готовит' (обед) var-i-ть: рус. 'var'it, va'r'it, va'r'it'; блр. 'varыc', 'vara, 'var'ic', 'varыt, 'varыt' (270:59); got-ov-i-ть: рус. go'to-v'it, gō'tov'it, ga'tov'it, ya'tov'it'; блр. ya'tov'ic', ya'tov'a (70:5); got-u-j-e-ть: рус. ya'tujet', ya'tuja, ya'tuje; блр. ya'tov'ic', ya'tuja (3:5);

к. 46 3sg praes asp perf 'варит' sь-var-i-ть: рус. s'var'it, s'war'it, s'var'it' s'var'a; блр. z'varыc', z'vara, z'varыt (273:68); na-var-i-ть: рус. na'var'it, nə'var'it; блр. na'varыc' na'varыc' (3:2); sь-got-ov-i-ть: рус. sgo'tov'it, zgo'tov'it, zga'tov'it, zya'tov'ic'; блр. zya'tov'ic' (8:1);

к. 47 'кипит' (вода) kyp-i-ть: рус. k'i'p'it, k'i'p'i, ky'pыt, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it'; блр. k'i'p'ic', k'i'pet, ky'pet', ky'pыt (289:69);

к. 48 'горячий' (о воде) gor-et-j-ь: рус. go'r'ač'ij, ga'r'ač'ij, ga'r'ačaj, ga'r'ačыj, ya'r'ač'ij, я'r'ač'ij; блр. ya'račыj, ya'račы, я'r'ačыj, ya'račыj (285:68); žar-ьk-ь: рус. žark'ij, žarkəj; блр. žarkəj, žarkыj (10:3);

к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' kyp-et-ьk-ь: рус. k'ip'a'tok, k'ip'i'tok; блр. k'ip'a'tok, kыp'a'tok (280:54); kyp-et-ьk-a: рус. k'i'p'at-kə; блр. k'i'p'atka (1:1); var-ь: рус. var; блр. var (24:21); var-et-ьk-ь: рус. vər'a'tok; блр. va'ratak (1:1); u-krop-ь: рус. uk'rop; блр. uk'rōp (2:1);

к. 50 'сделанный из глины' glin-j-an-ь: рус. g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, γ'l'in'enyj, γ'l'in'ənyj; блр. γ'l'in'anыj, γ'l'in'anы, γ'l'in'anəj (225:67);

glin-j-an-yn-ъ: рус. g'l'in'an:ыj, g'l'in'an:oj, g'n'il'an:oj, g'l'in'en:oj, g'l'in'in:ыj; блр. yl'i'n'an:ыj, yl'i'n'an:ы (36:2);

к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' lup-in-a, lup-in-y: рус. lu'p'ina; блр. lu'p'ina, lu'p'inы, lu'pena (1:24); še-lup-ыk-a, še-lup-ыk-y: рус. ša'lupk'i; блр. ša'lupka, ša'lupk'i (1:8); še-lup-aj-ыk-a, še-lup-aj-ыk-y: рус. šalu'pajk'i; блр. šału'pajk'i, šylu'pajk'i (1:8); lušp-aj-ыk-a, lušp-aj-ыk-y: рус. luš'pajkə; блр. luš'pajk'i (1:3); ob-čist-ыk-y: рус. o'č'isk'i, o'č'istk'i, a'č'isk'i, a'č'istk'i; блр. a'č'ыstk'i (151:1); še-lup-j-a: рус. šelu'pa, šalu'pa, šulu'pa, šəlu'pa; блр. ša'lupja, šylu'pa (4:2); skor-o-lup-ыk-a, skor-o-lup-ыk-y: рус. skor'lupk'i, škara'lupka; блр. škora'lupka, škara'lupk'i (4:2); še-lux-a: šelu'xa, šalu'xa, šolu'xa, šulu'xa, šəlu'xa; блр. šərlu'xa, šulu'xa, šylu'xa, šəlu'xa (53:6); še-luš-ыk-a: рус. šu'luška, ša'luškə, ša-T'luškə; блр. ša'lušk'i, šər'luska, ša'luska (6:3);

к. 52 'ложка' lъž-ыk-a: рус. 'loška, 'loška, 'loška, 'loškə, 'ložka; блр. 'loška, 'loška, 'ložka, 'ložka (291:61);

к. 53 det 'ложечка' lъž-ыč-ыk-a: рус. 'ložeč'ka, 'ložec'ka, 'ložəcka, 'ložəčkə; блр. 'ložyčka, 'lyžačka, 'ložačka, 'ložəčka (287:60);

к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' //ēd-a: рус. je-'da, je'da, ji'da, ja'da; блр. ji'da, jada (273:60); //ēd-j-a: рус. 'ježa, je'ža; блр. 'ježa (7:13); //ēd-j-en-ыj-e: рус. jid'a'n'o; блр. ja'z'en'a (1:1); pit-j-a: рус. p'išč'a, p'iš'a, p'iš'a; блр. 'pišča (22:1); (harč)-ь, (ha-rč)-i: рус. xarč, xarč'i; блр. xar'чы, xar'če (15:1);

к. 57 'проглотит' (еду) gлыt-: рус. prog'lot'it, prag'lot'it, prag'lot'a, pray'lot'it'; блр. pray'loc'ic', pray'loc'a (283:50);

к. 58 'завтрак, утренняя еда' za-utr-ыk-ъ, za-utr-ыk-ь: рус. 'zastrak, 'zastrək, 'zastrək, 'zastr'ik, 'zastr'ək, 'zavtr'ək, 'zavtrək; блр. 'zavtryk, 'zavtr'ik (278:5); ob-ēd-ъ: рус. o'b'et; блр. a'b'et, o'b'ed (7:7); сьн-ēd-an-ыj-e: рус. s'n'edan'e, s'n'edan'je, s'n'edan'a, s'n'edan'jə; блр. s'n'idan'e, s'n'edan'a, s'n'a'dan'o, s'n'edan'ə; (10:67);

к. 59 'обед, еда в дневное время' pol-u-dыn-ъ: рус. 'polaz'en'; блр. pa'luz'an', 'poluz'in', pa'luz'en' (1:11); ob-ēd-ъ: рус. o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et; блр. a'b'et, a'b'et, a'b'ed, o'b'ed (287:65);

к. 60 'ест обед' ob-ēd-a-j-e-ть: рус. o'b'edat, o'b'edaet, a'b'edajit', a'b'edaït'; блр. a'b'edyjic', a'b'edajic', a'b'edaje, ab'eda'jec' (286:62); //ēs-ть: рус. jes, jis; блр. jes'c' (1:1); pol-u-dыn-a-j-e-ть: рус. pa'lun:ajic'; блр. pa'ludnəjic', pa'ludnaja, po'ludnaje (1:5);

к. 61 'еда между обедом иужином, полдник' pol-u-dыn-ъ, pol-ь-dыn-ъ: рус. 'pold'en', pa'lud'en', pa'lud'en', 'polaz'en'; блр. pa'luz'in', pa-lu-'z'en', pa'luz'an', pa'luz'an' (32:38); pol-u-dыn-ыk-ъ, pol-ь-dыn-ыk-ъ: рус. 'poldn'ik, 'poudn'ik, pa'ludn'ik; блр. 'poudn'ik, 'połydn'ik, po'ludn'ik

(83:4); *podъ-večer-ъk-ъ*: рус. *pədv'a'čorək, padv'a'čorak*; блр. *pədv'a'čorыk, padv'a'čorak, pədvы'čorok* (4:20);

к. 62 'ужин, вечерняя еда' */už-in-ъ*: рус. 'užыn, 'vužыn; блр. 'užыn, 'vužыn (244:2); *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'čer'a, v'a'č'er'ə, v'a'š'er'ə*; блр. *v'a'čera, v'a'č'er'a, v'e'čera* (18:68);

к. 64 'ест ужин' */už-in-a-j-e-тъ*: рус. 'užыnajet, 'už'inajet, 'užыnat, 'vužənat, 'vužыnajit'; блр. 'užыnajic, 'užыныjic, 'vužыnaja (276:3); *večer-j-a-j-e-тъ*: рус. *v'e'č'er'a, v'eč'e'r'ajət, v'a'č'er'əjət, v'i'č'er'ail'*; блр. *ve'čeraje, vy'čeraje, v'a'čer'ijic, v'a'čerajə* (23:67);

к. 65 'вкусный' (о еде) *въ-kqs-ьн-ъ*: рус. *f'kusnoj, f'kusныj, f'kusnaj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusnaj, џ'kusnaj, u'kusныj*; блр. *u'kusныj, u'kusны* (234:6); *(smač)-ьн-ъ*: рус. *s'mačны, s'mač'ныj, s'mašныj, s'maš'ныj*; блр. *s'mašныj, s'mačныj* (10:69).

Русско-белорусские лексические соответствия, в отличие от всех остальных русско-славянских параллелей, покрывают всю территорию русского языка, при этом они имеют несколько ареальных центров: в среднерусских говорах, особенно в их западной группе – новгородских (пп. 582, 608, 631, 632, 636, 658), псковских (пп. 651, 655, 674, 675, 692, 710, 711, 712), тверских (пп. 693, 696, 713, 714, 726а, 727); в говорах южнорусского наречия, особенно в их западной группе – смоленских (пп. 728, 729, 746, 748, 762, 771, 784), реже – в тульских (пп. 790, 791, 792, 804), а также в говорах восточной группы – рязанских (пп. 780, 795, 809), липецких (пп. 806, 827), воронежских (пп. 834, 840); в говорах севернорусского наречия – в основном в архангельских (особенно в пп. 554, 569, 573), ладоготихвинских (чаще всего в пп. 562, 563, 565, 583, 586), вологодских (пп. 611, 621, 639, 643, 645, 646), ярославских (пп. 664, 702, 703).

В белорусских диалектах сепаратные и эксклюзивные лексические соответствия концентрируются чаще всего в северо-восточных говорах, пограничных с русскими диалектами (особенно выделяются пп. 332, 337, 340, 350, 358, 371), см. карту-схему 109.

Лексические изоглоссы, существующие в рамках восточнославянских языков и имеющие ареальные ограничения, характеризуются более широким ареалом, так как они охватывают не только северо-восточные, но и среднебелорусские говоры. В русских диалектах эти изоглоссы локализуются чаще всего в севернорусских (особенно в архангельских, ладоготихвинских, вологодских, ярославских) и в западной группе среднерусских говоров (особенно в новгородских и тверских).

к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' *kojd-ez-ъ*, *kojd-ъс-ъ*: рус. *ko'lod'ec*, *kə'lod'эс*, *ka'lod'ic*, *ka'lod'ec'*; укр. *ko'lo-dez'*, *ko'lod'az'*, *ko'lod'iz'* (287:82); *krin-ic-a*, *krъn-ic-a*: рус. *krъn'ica*, *kr'i'n'ica*; укр. *k'9r'nyc'a*, *ker'nyc'a*, *kr9'nica*, *kry'nyc'a* (4: 67);

к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' *korm-y-sl-o*: рус. *koro'myslo*, *koro'myslа*, *kəra'myslа*, *kara'mysla*, *ka'romyslа*, *kəra'myslа*; укр. *ko'romyslo*, *ko'romislо*, *ku'romyslо*, *ku'romyslо*, *ko'rom9slо*, *koro'myslо* (209: 106); *korm-y-sl-ъ*: рус. *koro'mysl*, укр. *ko'romys9l* (71:19);

к. 3 'пустой, ненаполненный' *porž-ъn-ъ* *porž-ъn'-ъ*: рус. *po'rožnoj*, *po'rožn'oj*, *pa'rožn'ij*; укр. *po'rožn'ij*, *po'rožn'yy*, *po'rožn9j*, *po'rožn'ij* (182:131); *pust-ъ*: рус. *pus'toj*; укр. *pus'tej*, *pus'tyj*, *pus'ty* (222:28);

к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' *lěj-ъk-a*: рус. *l'ejka*, *l'ejk'a*, *l'ejkə*; укр. *l'ejka*, *l'iejka*, *l'ijka*, *l9jka*, *l'ijjka* (143:126); *vojn-ъk-a*: рус. *vo'ronka*, *vo'ronkə*, *va'ronka*, *va'ronkə*; укр. *wo'ronka* (162:2);

к. 6 'стакан' (*stokan*)-ъ: рус. *sto'kan*, *sta'kan*; укр. *sto'kan* (289:81);

к. 9 'желание, потребность пить' *žed-j-a*: рус. *žazda*, *ž'ažda*, *žazdə*; укр. *žazda* (250:82); *smag-a*: рус. *s'maγa*; укр. *s'maγa*, *s'maha* (1:11);

к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mok-a*: рус. *mu'ka*; укр. *mu'ka* (291:132);

к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*: рус. *ko'ryto*, *ko'rytə*, *ka'ryta*, *ka'rytə*; укр. *ko'r9to*, *ko'reto*, *ko'ryto* (119:37); *noct-ъv-a*, *noct-ъv-y*: рус. *'noč'vy*, *'noc'v'i*, *'noš'vy*, *nač'va*; укр. *'nočvy*, *'nočvi*, *'nočvi* (69:68); *noct-ъv-ъk-a*, *noct-ъv-ъk-y*: рус. *no'č'ofka*, *na'čofka*, *n'a'čofka*, *n'a'čofk'i*; укр. *no'čouk'i*, *no'čouk9*, *no'čouk'i*, *nu'čouk'i* (39:21); *děž-a*: рус. *d'i'žə*; укр. *d'i'ž'e* (2:1);

к. 13 'поставит, замесит тесто' **čin-*: рус. *uč'i'n'it'*, *u'cъn'ic'*, *raščы'n'it'*, *rašč'č'in'ic'*; укр. *rož'čynit'*, *rus'čenyт'*, *ruš'čynyт'*, *u'č'yne*, *uč'ynyт'* (5:71); **sta-*: рус. *pos'tav'it*, *pos'tav'it'*, *pas'tav'it'*, *pəs'tav'it'*, *sta'nov'a*; укр. *pos'tavit*, *pos'tavyт'* (65:2); **mēs-/mēs-*: рус. *za'm'es'it*, *za'mēs'it*, *za'm'is'it*; укр. *za'mesyт'*, *za'm'iesyt'*, *za'm'ise*, *za'm'isyт'* (222: 99);

к. 14 'подходит, растет' (о тесте) **xod(j)-*: рус. *pot'xod'it*, *pat'xod'it*, *pat'xod'it'*, *pat'xod'a*; укр. *pud'xodyт'*, *s'xodyт'*, *pyd'xodyт'*, *p'it'xodyт'*, *p'id'xodyт'* (176:99); **qst-*: рус. *ras't'ot*, *ros't'ot*, *ras't'ot*; укр. *ros'te*, *ros'tet*, *p'idros'taji* (14:30); *(*n*)*ε-/*(n)jъm-*: рус. *pəды'majəc:ə*, *pəды'majcы*, *pəды'majəc:ə*; укр. *podny'majec'a* (102:1); **kys-*: рус. *vyk'i'sat*, *'k'isn'et*, *us'k'is*; укр. *'kysne*, *'kysn9*, *pu'kysat*, *'kysne* (3: 9);

к. 15 3sg praes asp perf 'печет' *съ-пеѣ-е-тъ*: рус. *sp'eč'ot, sp'e'k'ot, sp'eč'ot, sp'a'k'ot, sp'a'k'et, sp'ič'ot*; укр. *spe'če, sp9'če, spy'če, sp'i'če* (69:123); *на-пеѣ-е-тъ*: рус. *nap'e'k'ot, nap'i'k'ot, nap'e'čot, ныр'i-t'ot*; укр. *nap'e'če, nap'e'č'e, napi'če* (9:8); *жъ-пеѣ-е-тъ*: рус. *isp'eč'ot, isp'e'čot, isp'e'c'ot, isp'a'čot, isp'ič'ot, isp'e'k'ot, isp'i'k'ot, isp'a'k'et*; укр. *ispe'č'e, uspe'če, ispe'če* (196: 3); *вы-пеѣ-е-тъ*: рус. *'выр'ек*; укр. *'вуручу, 'вуреѣе, вур9че* (1:8);

к. 17 'режет' (хлеб) *реž-е-тъ, реž-и-тъ*: рус. *r'ežыt, r'ežot, r'ežet, r'e-žat, r'ežat, r'eža, r'ežыt*; укр. *r'iž9, r'iže, r'ižy* (287:103); *крој-и-тъ, крој-е-тъ*: рус. *k'roi(t), крoјит, k'rojit* (1: 4);

к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *гър-б-уш-ѣ-а*: рус. *gor'buška, gar'buška*; укр. *hor'buška* (182:5); *крај-ѣ-ѣ*: рус. *k'rajic*; укр. *k'raєc* (2:1); *об-крај-ѣ-ѣ*: рус. *ak'rajec, ak'raic*; укр. *ok'rajec, цок'raj9c, ok'rajec, ok'rajyc* (2:60); *крај-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *k'rajč'ik*, укр. *k'rajčyk, k'rajčik* (16:5);

к. 19 'крошки' (хлеба) *крѣ-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *k'rošk'i*; укр. *k'ryšk'i* (250:82); *крѣх-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *k'rox't'i*; укр. *k'ryxty, kryx'ty, k'rax'tы, k'ryxt9* (6:24); *крѣх-ѣ-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *k'ra'xotk'i, k'roxetk'i, k'roxetk'i*; укр. *k'ryxut'кы, kry'xыtkа* (11:1); *крѣѣ-ѣ-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *k'rošec'k'i, k'rošəc'k'i*; укр. *k'rišic'ky* (4: 1);

к. 20 *дет* 'ножник, ножичек' *ноž-и-ѣ-ѣ-ѣ*: рус. *'nožыč'ek, 'nožыč'ok, 'nožыč'ək, nožыч'ik*, укр. *'nožыčok, 'nožыčok, 'nožыčak* (176:30); *ноž-и-ѣ-ѣ*: рус. *'nožык, 'nož'ik*; укр. *'nožык, 'nož'ik, 'nožыk, 'nož9k* (195:118);

к. 21 'мясо свиньи' *svin-in-a*: рус. *sv'i'n'ina, sv'i'n'inə*; укр. *svy'nyna, svi'nyna, sv9'nena, sv9'nyna, svi'nyna* (259:87);

к. 22 'мясо коровы или вола' *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina, go'v'a-d'inə, ga'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, ja'v'ad'ina*; укр. *hov'jadyna, hov'jad9na, haj'jadyna, hoj'jadyna* (225:27); *jal-ov-ič-in-a*: рус. *jala'v'ič'ina, 'ja-ləv'ičына*; укр. *'jalovyčyna, 'jalovičyna, 'jalovyčyna, 'jalowычyna* (5:40); *byč-in-a*: рус. *byč'ina*; укр. *byčyna* (1:1);

к. 23 'мясо теленка' *tel-ət-in-a*: рус. *t'e'l'at'ina, t'il'at'ina, t'al'a-t'ina*; укр. *ty'l'atyna, t9l'atma, t9l'at9na, ty'l'etyna, ty'l'ityna* (246:86); *jal-ov-ič-in-a*: рус. *'jalav'ičына*; укр. *'jalavičyna, 'jalovyčyna, 'jalov9-č'9na* (1:7); *gov-əd-in-a*: рус. *go'v'ad'ina, ga'v'ad'inə, ja'v'ad'inə*; укр. *hav'jadyna* (5:2);

к. 24 'мясо барана' *baran-in-a*: рус. *ba'ran'ina, ba'ran'inə*; укр. *ba-ran'ina, ba'ranyna, ba'ranma, bara'n9na, ba'ran9na* (262:91);

к. 25 'мясо гуся' *gqs-ət-in-a*: рус. *gu's'at'ina, gu's'at'inə, gu's'et'ina, yu's'at'ina*; укр. *'hus'at9na, hu's'atyna, 'hus'atyna* (198:71);

к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) *syт-ѣ*: рус. *'syтəjə*; укр. *'syti, 's9tyj* (1:16); *žir-ѣн-ѣ*: рус. *'žырный*, укр. *'žyrnij, 'ž9rnyj* (282:85);

к. 27 'подкожный слой жира в свинине' *soġn-in-a*: рус. *səla'n'ina*; укр. *solo'nyna, soġo'nyna, soġu'nyna, sulu'nyna, solo'n9na* (1:27); *sad-l-o*: рус. *'salo, 'safa, 'salə*; укр. *'salo, saġo, 'satu, 'sala* (223:112);

к. 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*: рус. *'salo, 'salo, 'sala, 'salə, 'sa-lə*; укр. *'salo* (170:2); *žir-ь*: рус. *žyr*; укр. *žyr, žyr* (8:1); (*šmal*)-ьс-ь рус. *s'mal'ec, s'mal'ic*; укр. *š'maġyc, š'mal'ec, s'maġyc, s'maġ9c* (17:105);

к. 30 'пережаренные кусочки сала' *skvar-ьk-y*: рус. *sk'vark'i, sk'wark'i, skə'vark'i*; укр. *skvar'ky* (9:1); *vy-skvar-ьk-y*: рус. *'vyskərk'i*; укр. *vyskvar'ky* (1:1); *škvar-ьk-y*: рус. *šk'vark'i*; укр. *škvar'ky, šk'vark'i, šk'vark9* (109:90); *vy-škvar-ьk-y*: рус. *'vyšk'vark'i*; укр. *viškvar'ky* (3:37); *švar-ьk-y*: рус. *š'vark'i*; укр. *švar'ky* (8:1); *vy-žar-ьk-y*: рус. *'vyžyrk'i, 'vyžark'i, 'vyžərk'i, 'vyžərkə*; укр. *vyžarky* (32:3);

к. 31 'пенка' (на молоке) *pén-a*: рус. *'p'ena, 'p'əna, 'p'enə*; укр. *'p'ina, 'p'in'a, p'ie'na, 'pina* (36:25); *pén-ьk-a*: рус. *'penka*; укр. *'p'inka* (254:16); *kor-ьk-a*: рус. *'korka, 'kork'a*; укр. *'kurka, 'kurka* (2:2); *skor-ьk-a*: рус. *š'kurka*; укр. *s'kurka, š'kurka, š'k'irka* (1:50); *plén-ьk-a*: рус. *p'l'onka*; укр. *p'l'inka* (1:1); *plév-ьk-a*: рус. *p'l'euka*; укр. *p'l'iuka, p'l'euka, p'liuka, p'lieuka* (2: 28);

к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *meġz-iv-o, meġz-iv-a*: рус. *mo'loz'ivo, mo'loz'ivə, mo'loz'ivo, ma'loz'ivə*; укр. *mo'lozywo, mo'loz9wo* (198:92); *sér-a*: рус. *'s'era, 's'erə*; укр. *'sara, 's'ara* (7:6);

к. 34 'женщина, которая доит коров' *doj-ar-ьk-a*: рус. *do'jarka, da'jarka, da'jarkə, dɔ'jarkə*; укр. *do'jarka, do'jarka, do'jar'ka* (286:130);

к. 35 'сырое кислое молоко' *prost-o-kvaš-a*: рус. *prosto'kvaša, prəsta'kvaša*; укр. *prostok'vaša* (215:2); *syr-o-kvaš-a*: рус. *сыра'kvaša, сырə'kvaša*; укр. *syrok'vaša, s9ro'kva-ša* (26:5); *kys-ьl-j-ak-ь*: рус. *k'is'l'ak*; укр. *kys'l'ak, k9s'l'ak, kys'l'ak, k9s'l'ek* (1:44); *kys-ěl-o meġk-o*: рус. *'k'islo: molo'ko, 'k'islə məla'ko, 'k'isləjə məla'ko*; укр. *'kysle molo'ko, 'kysl9 molo'ko* (13:63); *kvas-en-o meġk-o*: рус. *'kvašeno molo'ko*; укр. *kvas'noji molo'ko, kvas'ne molo'ko, kvas'ne molo'ko* (1:26);

к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'itana, s'm'e'tana, s'm'a'tana, sm'a'tanə*; укр. *sme'tana, sm9'tana, smy'tana* (36:51); *съ-met-an-ьk-a*: рус. *s'm'e'tanka*; укр. *sm'y'tanka, sme'tanka, sm9'tanka* (2:8); *вѣрх-ь*: рус. *v'er'x*; укр. *verx* (2:1); *вѣрś-ьk-ь*: рус. *v'er'šok, v'ar'šok*; укр. *vyr'šok, v9r'šok* (8:39); *съ-liv-ьk-y*: рус. *s'l'ifk'i, s'l'iyk'i, s'l'ift'i*; укр. *s'l'i-uky, s'lyuky*; (228:12); *съ-liv-ьk-ь*: рус. *s'l'ivək*; укр. *z'lyvak* (2:1);

к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*: рус. *s'm'e'tana, s'm'e'tana, sm'o'tana, sm'i'tana, s'm'a'tanə*; укр. *sme'tana, sm9'tana, smy'tana, sm'a'tana, smə'tana* (286:128);

к. 39 Nsg (j)aje //aj-ьс-о: рус. *jaj'co, jaj'c'o, jij'co, jej'c'o, jāj'co*; укр. *jaj'ce, jej'ce, jyj'ce, j9j'c'e* (289:5); //aj-ьк-о: рус. *'jajko*; укр. *'jejku* (2:1); //aj-ьѣ-ьк-о: рус. *ja'ic'ko, ji'ic'kə*; укр. *ji'ječko, 'jaječko* (2:4);

к. 40 dem (j)aje //aj-ьк-о: рус. *'jajko*; укр. *'jajko* (2:1); //aj-ьѣ-ьк-о: рус. *ja'ječka, je'ječ'ka, ji'ječ'kə*; укр. *ja'ječko, je'ječko, jaječ'ko* (23:110); //aj-ьѣ-ьк-о: рус. *ja'jič'ko, ja'ic'ko, ja'jic'ko, je'jic'ko, ja'jič'kə, ja'iš':k'ə, ja'ič'kə*; укр. *ja'jičko, ja'jičko, ji'jičko, j9'jičko* (262:17);

к. 41 'скорлупа' (яйца) *še-lup-aj-ьк-а*: рус. *šalu'pajka, šəlu'pajkə*; укр. *šalu'pajka* (5:5); *lušp-aj-ьк-а*: рус. *luš'pajk'ə*; укр. *luš'pajka* (1:8); *skor-up-а*: рус. *skoru'pa*; укр. *ška'rupa* (1:4); *lusk-а*: рус. *luz'ga*; укр. *lus'ka* (1:1); *skor-o-lup-а*: рус. *skar'lupa, skərlu'pa*; укр. *škor'lupa, škara'lupa* (182:71); *skor-o-lup-ьк-а*: рус. *skor'lupka, skor'lupka, škəra'lupkə, škar'lupka*; укр. *škor'lupka, skar'lupka* (69:5);

к. 42 'белая часть яйца' *běl-ьк-ь*: рус. *b'e'lok, b'e'lok, b'e'lok, b'o'lok, b'i'lok, b'a'lok*; укр. *bi'lok, bi'lok, by'lok, b9'lok, b'e'lok* (225:131);

к. 43 'желтая часть яйца' *žəlt-ьк-ь*: рус. *žol'tok, žel'tok, ž'el'tok, žəl'tok, žal'tok, žyl'tok*; укр. *žou'tok, žou'tok, žuŋ'tok, žau'tok, žoφ'tok* (216:127); *žəlt-ьѣ-ьк-ь*: рус. *žol'toč'ok, žel'toč'ək*; укр. *žou'č'ok* (2:4);

к. 44 'кислый, квашенный' (о капусте) *kys-ьл-ь*: рус. *'k'isluj, 'k'isloj, 'k'islaj, 't'isluj*; укр. *'kystyj, 'kisty, 'k'isli, 'k'isty 'k'estyj, 'kysly* (236:85); *kvaš-en-ь*: рус. *k'vašən:uj, k'vašənyj, k'vašənoj, k'vašənoj*; укр. *k'vaš-ynyj, k'vaš9nyj, k'vašanyj* (113:39); *sol-en-ь*: рус. *so'l'onaj, so'l'onaj, sa'l'onaj*; укр. *so'lonyj, so'lonyj* (17:2);

к. 45 'варит, готовит' (обед) *var-i-ть*: рус. *'var'it, va'r'it, va'r'it*; укр. *'varyt', va'ryt', va'r9t*, (270:113); *got-ov-i-ть*: рус. *go'tov'it, gə'tov'it, ga'tov'it, ya'tov'it*; укр. *ho'tovyt', ho'tov9t', ho'tovyt, ho'tov9* (70:9); *got-u-j-e-ть*: рус. *ya'tujet', ya'tuja, ya'tuje*; укр. *ho'tuje, ho'tuj9* (3:4);

к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *sъ-var-i-ть*: рус. *s'var'it, s'war'it, s'var'it' s'var'a*; укр. *zva'ryt, z'varyt', z'vary, z'var9* (273:128); *na-var-i-ть*: рус. *na'var'it, nə'var'it*; укр. *nava'ryt'* (3:1);

к. 47 'кипит' (вода) *kyp-i-ть*: рус. *k'i'p'it, k'i'p'i, ky'pyt, k'a'p'it, k'i'p'ic, k'i'p'it*; укр. *ky'pyt, k1'pyt, k'i'pyt, k9'pyt', k'i'p9t* (289:131);

к. 48 'горячий' (о воде) *gor-ət-j-ь*: рус. *go'r'ač'ij, ga'r'ač'ij, ga'r'ačaj, ga'r'ačuj, ya'r'ač'ij, yə'r'ač'ij*; укр. *ho'r'ač'ij, ho'rečyj, hur'jačyj, ha'r'ečj, ha'račej, ha'račyj* (285:131);

к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' *kyp-ət-ьк-ь*: рус. *k'ip'a'tok, k'ip'i'tok*; укр. *kypja'tok, k'ipja'tok, k1pja'tok* (280:73); *u-krop-ь*: рус. *uk'rop*; укр. *uk'rop, uk'rop* (2:3);

к. 50 'сделанный из глины' *glin-j-an-ь*: рус. *g'l'in'enyj, g'l'in'anoj, γ'l'in'enyj, γ'l'in'ənyj*; укр. *hly'n'enyj, h'tyn'enyj, h'tyn'anyj, hl9n'a'nyj*

(225:128); *čerp-j-an-ъ*: рус. *čar'e'p'anij*, *č'ir'a'p'anaj*; укр. *čerep'l'anuj*, *čerep'l'enuj*, *čerep'januj*, *čyryp'l'anuj* (2:10);

к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' *lup-in-a*, *lup-in-y*: рус. *lu'p'ina*; укр. *lu'pyna*, *lu'pyny* (1:32); *še-lup-ъk-a*, *še-lup-ъk-y*: рус. *ša'lipk'i*; укр. *ša'lipky*, *ša'lipki* (1:2); *še-lup-aj-ъk-a*, *še-lup-aj-ъk-y*: рус. *šalu'pajk'i*; укр. *ša'lipajk'i*, *šalu'pajky*, *šalu'pajki* (1:6); *lušp-aj-ъk-a*, *lušp-aj-ъk-y*: рус. *luš'pajkə*; укр. *luš'pajka*, *luš'pajky*, *luš'pajka* (1:42); *ob-čist-ъk-y*: рус. *o'č'isk'i*, *o'čistik'i*, *a'č'isk'i*, *a'č'istik'i*; укр. *o'čistik'i*, *a'cystiky* (151:2); *skor-o-lup-a*: рус. *skorlu'pa*, *skorly'pa*, *skərlu'pa*; укр. *skar'lu'pa*, *skar'lu'pa*, *škara'lu'pa* (21:15); *skor-ъk-a*, *skor-ъk-y*: рус. *š'kurka*, *š'k'urk'i*, *š'kurt'i*, *š'kürk'i*; укр. *škur'ky*, *š'k'irka* (23:2); *lusk-a*: рус. *lus'ka*, *luz'ga*; укр. *luš'ka* (2:1);

к. 52 'ложка' *lž-ъk-a*: рус. *l'oška*, *l'oškə*; укр. *l'ožka*, *l'oška* (291:108);

к. 53 *det* 'ложечка' *lž-ъč-ъk-a*: рус. *l'ožeč'ka*, *l'ožec'ka*, *l'ožacka*, *l'ožəčkə*; укр. *l'ožečka*, *l'ož9čka*, *l'ožučka*, *l'ožačka* (287:88);

к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' *//ēd-a*: рус. *je'da*, *je'da*, *ji'da*, *ja'da*; укр. *je'da*, *je'da*, *ji'da*; (273:62); *//ēd-j-a*: рус. *ježa*, *ježa*; укр. *jiža*, *jieža*, *jieža* (7:68); *//ēd-j-en-ъj-e*: рус. *jid'a'n'o*; укр. *jižyn'a*, *jižyn'i*, *jižyn'i* (1:14); *pit-j-a*: рус. *p'išč'a*, *p'iš'a*, *p'iš'a*; укр. *pyšča* (22:1); (*harč*)-ъ, (*harč*)-i: рус. *harč*, *harč'i*; укр. *harč*, *harč'i* (15:6); *//ēs-tv-o*: рус. *festvo*, *jesva*; укр. *jist'wo* (2:1);

к. 57 'проглотит' (еду) *głyt-*: рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*; укр. *prohlo'tyt'*, *prohlo'tyt* (283:18);

к. 58 'завтрак, утренняя еда' *za-utr-ъk-ъ*, *za-utr-ъk-ъ*: рус. *zaftrak*, *zaftrak*, *zaftrak*, *zaftr'ik*, *zaftr'ək*, *zavitr'ək*, *zautrak*; укр. *zau'tryk*, *zau'tryk* (278:2); *ob-ēd-ъ*: рус. *o'b'et*; укр. *o'b'id*, *ho'b'id*, *wo'biđ* (7:15); *sъn-ēd-an-ъj-e*: рус. *s'n'edan':e*, *s'n'edən'je*, *s'n'edan':a*, *s'n'edən'ja*; укр. *s'n'idan':a*, *s'n'idan'e*, *s'n'idan':e*, *s'n'i'dan'9* (10:79); (*fryštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ: рус. *fryštyk*; укр. *fryštik*, *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk* (1:7);

к. 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ēd-ъ*: рус. *o'b'et*, *o'b'et*, *o'b'ied*, *a'b'et*, *a'b'et*; укр. *o'b'id*, *o'bid*, *o'b'id*, *o'b'ied*, *ho'b'id*, *u'bit* (287:115); *pol-u-dъn-ъ*: рус. *polaz'en*; укр. *po'luden*, *po'lud9n*, *po'ludyn* (1:10); *pol-u-dъn-e*, *pol-ъ-dъn-e*: рус. *poldn'i*, *poldn'i*; укр. *po'ludn'a*; (2:1);

к. 60 'ест обед' *ob-ēd-a-j-e-тъ*: рус. *o'b'edat*, *o'b'edaet*, *a'b'edajit*, *a'b'edəit*; укр. *o'bidaje*, *ho'b'idaje*, *wo'b'idaje*, *o'b'ida* (286:119); *pol-u-dъn-a-j-e-тъ*: рус. *pa'lun'ajic*; укр. *po'ludn'aje*, *pu'ludnaji* (1:5);

к. 61 'еда между обедом иужином, полдник' *pol-u-dъn-ъ*, *pol-ъ-dъn-ъ*: рус. *pold'en*, *pa'lud'en*, *pə'lud'ən*, *polaz'en*; укр. *po'luden*, *po'ludyn*, *po'ludin*, *po'lud'en*, *po'luz'en* (32:75); *pol-u-dъn-ik-ъ*, *pol-ъ-dъn-ik-ъ*: рус. *poldn'ik*, *poudn'ik*, *pa'ludn'ik*; укр. *poludnyk* (83:1); *pol-u-*

дѣн-ѣк-ѣ: рус. *pa'ludn'ak, pa'lunək, pa'hud'inak, pa'hud'in':ək*; укр. *puđu-denok, po'ludenok, po'ludenok, po'lud9nok* (4:6); *podъ-večer-ѣк-ѣ*: рус. *pədv'a'čorək, padv'a'čorak*; укр. *pidve'č'irok, p'idv9'čirok* (4:46);
к. 62 'ужин, вечерняя еда' *večer-j-a*: рус. *v'a'čer'a, v'a'č'er'a, v'i'čēr'a, v'a'č'er'ə*; укр. *ve'čera, v9'čēr'a, vy'čera, vy'čyr'a* (18:132);
к. 64 'ест ужин' *večer-j-a-j-e-ть*: рус. *v'e'č'er'a, v'eč'e'r'ajət', v'a'č'e-r'ajət'*; укр. *ve'čēr'aje, v9'čēr'aje, v9'č'er'aj9t, vy'čeraje* (23:130);
к. 65 'вкусный' (о еде) *въ-kqs-ѣн-ѣ*: рус. *f'kusnoj, f'kusnyj, f'kusnəj, v'kusnoj, w'kusnaj, v'kusnəj, ɥ'kusnəj, u'kusnyj*; укр. *v'kusnyj, u'kusnyj* (234:18); (*смаѣ*)-ѣн-ѣ: рус. *s'mačны, s'mač'nyj, s'mašnyj, s'maš'nyj*; укр. *s'mačnyj, smač'nyj, smač'nij, smač'ncj* (10:101).

Русско-украинские лексические соответствия охватывают практически всю территорию русского языка, но **центр их ареала лежит в говорах южнорусского наречия**, и прежде всего в Курско-Орловской группе говоров (Белгор. пп. 838, 844, 845, 846, 848; Курск. пп. 824, 831, 835; Орл. п. 825), а также в некоторых говорах восточной группы (Ряз. пп. 781, 793; Липец. 819, 827; Ворон. п. 828).

В украинских диалектах эти лексические изоглоссы образуют довольно широкий пояс, который тянется с северо-востока на юго-запад, охватывая говоры юго-восточного наречия (особенно среднеднепровские пп. 478, 479, 491, 492, 493, 494, 513 и степные п. 508) и юго-западного (особенно подольские пп. 500, 516, 522, 524; волынские пп. 416, 454; поднестровские пп. 430, 451; гуцульские пп. 470, 485; закарпатские пп. 465, 466, 467, 468, 483, 484). Именно в этих пунктах наблюдается высокая степень концентрации сепаратных и эксклюзивных лексических соответствий, см. карту-схему 110.

Лексические изоглоссы, выявленные в рамках восточнославянских языков, в украинских диалектах локализуются чаще всего в полесских и юго-восточных говорах, а в русских диалектах — в западной группе южнорусских говоров.

Следует, однако, признать, что русско-белорусские лексические параллели представлены более выразительно, чем русско-украинские. Помимо количественного показателя их определяющая роль подкрепляется и ареальным критерием, так как многие из этих лексических связей имеют обширные ареалы, которые не характерны для русско-украинских корреспонденций (ср., например, распространение лексем *kojd-ѣс-ѣ* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец'; *куп-ѣт-ѣк-ѣ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода');

//*ěd*-а к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'; корня *gъt*-к. 57 'проглотит' (еду) и т.д.).

Эта определяющая роль русско-белорусских связей проявляется и в том, что, помимо южнорусских говоров, они имеют обширные ареалы и в севернорусских говорах (особенно в архангельских, ладо-го-тихвинских, вологодских и ярославских), а также в среднерусских (особенно в их западной группе – новгородских и тверских).

* * *

Итак, картина русских диалектов в общеславянском контексте представляет собой масштабное и довольно сложное полотно межславянских лексических соответствий с неоднократно менявшимися в их истории связями и отношениями. В ней отчетливо просматриваются следующие характеризующие русские диалекты особенности.

Прежде всего, это **яркая самобытность русских говоров**. Об этом свидетельствует тот факт, что именно в русских диалектах находится больше всего эксклюзивных лексем (число их во много раз превышает эксклюзивы любого другого славянского языка). Причем эта самобытность выражается в основном в языковом сознании диалектоносителей, в способности подметить такие особенности предметов и реалий окружающего мира, которые позволяют взглянуть на них иначе, что, соответственно, проявляется в **своеобразии мотивационных признаков**. Ярким примером такого своеобразия может служить название простокваши на к. 35 'сырое кислое молоко', ср.: *prost-o-kvaš-a* (*prəsta'kvašə*), *prost-o-kyš-a* (*prosto'k'iša*, *prəsto'k'iša*), *syr-o-pěn-j-a* (*səra'pyn'a*), *kys-yl-uš-ьk-a* (*k'is'luška*, *k'is'luškə*), *kvaš-en-ьk-a* (*kva'sonka*, *kva'sonkə*); у большинства южных и западных славян это понятие передается описательной конструкцией типа *kys-ěl-o mēlk-o* (*'kiselo m'leko*); или название горбушки на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', ср.: *gъrb-uš-ьk-a* (*gor'buška*, *yar'buška*), *gъrb-ьk-ъ* (*gor'bok*, *gor'bok*), *krom-ъč-ьk-a* (*k'romoč'ka*, *k'romočkə*); для сравнения в словенских диалектах употребляется лексема *kraj-ьс-ъ* (*krajc*); в хорватских – *ob-kraj-ьk-ъ* (*ok'ra:jak*), *съ-kraj-ьс-ъ* (*sk'rajec*); в сербских – *ob-kraj-ьk-ъ* (*ókrajak*), *kraj-ьk-a* (*krājka*); в македонских и болгарских – лексема *kraj-itj-ьn-ik-ъ* (*kraiš-nik*, *k'raešnik*); в чешских – *съ-kroj-ьk-ъ* (*skrojek*), *peť-ьk-a* (*patka*); в словацких – *съ-kroj-ьk-ъ* (*skrojek*); в польских – лексемы *съ-kraj-ьk-a* (*skrajka*), *peť-ьk-a* (*pśąntka*) и т.д.

Об этом говорит и тот факт, что в русских диалектах в семантической группе имен, связанных с домашним хозяйством и приготовлением пищи, практически не наблюдается заимствований или описательных названий, в то время как в других славянских диалектах это явление далеко не редкость (ср., например, названия кипятка на к. 49 'кипящая или вскипевшая вода': во многих славянских языках существуют описательные конструкции типа *kyp-ēt-j-a vod-a*, *kyp-ěl-a vod-a* и др.; *var-ēt-j-a vod-a*, *var-en-a vod-a* и др.; *vъr-qt-j-a vod-a*, *vъr-ēt-j-a vod-a*, *vъr-ěl-a vod-a*; *ključ-al-a vod-a*, *pro-ključ-al-a vod-a* и др.; или обозначение такого понятия, как 'вкусный' на к. 65 'вкусный' (о еде): в словенских и хорватских диалектах прижилась лексема (*žmax*)-ън-ъ (от в.-нем. устар. *schmack*), в македонских и болгарских диалектах (*xub*)-ав-ъ (от тур. *xob* ($\leq$ перс. *xūb*)); или названия воронки для переливания жидкости на к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': во многих славянских языках используется лексема, заимствованная из немецкого языка, ср.: слн., хрв., чеш., слц., луж., плс. (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*; а в сербских, македонских и болгарских диалектах — из греческого (*xun*)-ij-a от греч. *χυνί*, (*xin*)-ъk-a от греч. *χύνω*), т.е. каждая из реалий этой семантической сферы имеет, как правило, русское название, отвечающее ее использованию в быту.

Своеобразие русских говоров выражается и в том, что благодаря им во многом поддерживается восточнославянское лексическое единство, ибо в них до сих пор сохраняются и имеют обширные ареалы многие эксклюзивные лексемы, выделяющие восточнославянские диалекты на всем пространстве *terra Slavia* (ср., например, распространение таких лексем, как *kold-ēz-ъ*, *kold-ъc-ъ* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец'; *kyp-ēt-ъk-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'; *ob-ēd-a-j-e-tъ* к. 60 'ест обед'). Примечательно, что разрушение этого восточнославянского единства наблюдается чаще всего в юго-западном ареале восточнославянского континуума, т.е. на территории украинских диалектов (см., например, ситуацию на карте 6 'стакан', где наряду с лексемой (*stokan*)-ъ, в украинских диалектах широко распространена заимствованная из венгерского языка лексема (*poħar*)-ъ (венг. *poħár*): укр. *po'ħar*, *pu'ħar*; или на карте 49 'кипящая или вскипевшая вода': наряду с лексемой *kyp-ēt-ъk-ъ* в украинских диалектах широко распространена лексема *ob-krop-ъ* (укр. *ok'r'ip*, *ok'r'ip*, *wok'r'ip*, *hok'r'ip*).

Своеобразие русских диалектов проявляется и в ареальном распределении межславянских лексических соответствий, выявленных

в рамках восточнославянских языков, так как в русских диалектах корреспондирующие лексемы имеют, как правило, обширные ареалы, тогда как практически во всех славянских диалектах их ареалы являются чаще всего локально ограниченными (исключение представляют болгарские и македонские диалекты, в которых эти ареалы часто бывают обширными).

Наконец, своеобразие русских диалектов проявляется и в той сложной картине их ареальных связей, которую можно представить в виде своеобразного «многослойного пирога», каждый слой которого сформировался в определенный период.

Несмотря на то, что в основу Вопросника ОЛА был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на картах Атласа наряду с праславянскими лексемами оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы этого тома содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка, и должно быть отброшено» (Макаев 1965: 15).

Понимание хронологической неоднородности русско-славянских лексических соответствий, необходимость разграничения явлений, относящихся к различным временным пластам, позволили высказать предположение, что в картине ареальных связей русских диалектов наибольшей диагностирующей силой обладают три вида лексем — общеславянские, восточнославянские и русские лексемы, имеющие выход в южную Славия или в южную и частично в западную.

Поэтому среди этих схождений, кроме общеславянских, следует особо выделить восточно-южнославянские и собственно русско-южнославянские изоглоссы, которые сформировались, по-видимо-

му, в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от севернославянских.

Наличие же островных ареалов в отдельных западнославянских диалектах еще больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Чрезвычайно важным представляется и тот факт, что лексические соответствия, объединяющие восточно- и южнославянскую языковые группы, в русских диалектах не имеют, как правило, ареальных ограничений, и этот факт имеет важное значение при определении классификационного веса выявленных изоглосс.

Что касается русско-(украинско-белорусско-)западнославянских лексических соответствий, а также русско-(украинско-)западнославянских и русско-(белорусско-)западнославянских при их отсутствии в южнославянских языках, то их классификационный вес в общей картине ареальных связей русских диалектов будет несколько ниже, так как не исключено, что на их формирование оказало существенное влияние наличие контактных зон в украинских и белорусских диалектах. Более того, обширный ареал этих лексических корреспонденций, целостность общей ареальной картины на значительной части территории свидетельствует о том, что эти межславянские лексические параллели сформировались, по-видимому, значительно позднее, что невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянском единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы⁶. Об этом кос-

⁶ К сходной идее приходит и автор монографии «Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны» Н.Б. Киселева: «Изогlossen, ставшие предметом исследования, стабильно связывают белорусский (нередко также и украинский) язык с западнославянскими, однако практически не имеют параллелей в южнославянских языках. Поскольку южные славяне были отделены неславянскими территориями от северных (западных и восточных) славян еще в праславянский период, это приводит к заключению, что в позднепраславянский период – уже после отделения южных славян, но до окончательного распада славянского языкового единства – определенное время существовал западнославянско-восточнославянский языковой континуум, в котором проходили совместные языковые процессы; поэтому после разделения западных и восточных славян и приобретения их языками характерных отличий остатки этих совместных процессов сохранились» (Киселева 2002:13).

венно свидетельствует и тот факт, что в общей картине лексических связей русских диалектов отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в южнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах подобная ситуация наблюдается, и при этом довольно часто (ср., например, распространение лексем *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *sъ-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана'; *var-i-tъ* к. 45 'варит, готовит' (обед) и др.). Примечательно, что многие из корреспондирующих восточно-западнославянских лексем представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху (подробнее см. Мартынов 1983:11; Климов 1990: 127).

Таким образом, выявленный инвентарь русско-славянских лексических соответствий представляет собой сложное явление: он включает в себя, с одной стороны, общеславянские лексемы, а с другой – ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе самостоятельного развития славянских языков. Среди этих схождений наблюдаются такие, которые детерминируются факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), и такие, которые определяются факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, расположенных на смежных территориях). Поэтому «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» (Куркина 1985: 64).

В картине территориального распределения ареальных связей русских диалектов отчетливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого русского языка как члена восточнославянского языкового континуума. В формировании этих лексических связей чрезвычайно важную роль сыграли украинские и белорусские диалекты, которые во многом поддерживали эти связи, выполняя функцию своеобразного «моста» между русскими и

остальными славянскими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство ареальных связей русских диалектов. Не случайно среди этих связей не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и/или южнославянской группы.

Связи этого плана свидетельствуют о том, что русские диалекты больше тяготеют к западнославянским диалектам (особенно к польским), нежели к южнославянским. Среди южнославянских связей следует выделить связи со словенскими, хорватскими и сербскими диалектами, т.е. с диалектами юго-западной группы южнославянских языков.

Связи второго плана – это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине языковых отношений. В этих связях южнославянское направление является ведущим (показательным, в частности, является тот факт, что среди лексем, равномерно покрывающих территорию русских диалектов и продолжающихся в других диалектах Славии, нет ни одной, которая была бы зафиксирована в западнославянских диалектах, тогда как в южнославянских такие лексемы встречаются, ср., например, распространение лексемы *za-utr-ъk-ъ*, *za-utr-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда': рус. *'zaftrak*, *'zaftræk*, *'zaftrók*, *'zaftr'ík*, *'zaftr'ək*, *'zavtr'ək*, *'zavtræk*; слн. *'za:jtrk*, *'zajtrk*, *'za:jtrek*; хрв. *'zajtrək*).

Интересным также представляется тот факт, что и в этой картине ареальных связей русских диалектов юго-западное направление русско-южнославянских связей (т.е. связей со словенскими, хорватскими и сербскими диалектами) остается главным.

Что касается русско-западнославянских связей, то здесь наряду с польскими такое же важное значение приобретают русско-словацкие связи.

Связи третьего плана – это связи внутри восточнославянского диалектного континуума. Здесь, с одной стороны, выделяются русско-украинско-белорусские связи, которые отличительно характеризуют восточнославянские диалекты на всем пространстве *terra Slavia*. Эти связи охватывают все три восточнославянских языка и не выходят за их пределы (разница заключается лишь в размерах ареалов и их локализации). В этих связях ведущими являются, как правило, русские диалекты, под влиянием которых образовались небольшие ареалы в пограничных украинских и белорусских диалектах. Причем выделить здесь какой-либо один вектор связей до-

вольно сложно, так как русско-белорусские и русско-украинские связи находятся практически в отношениях паритета.

С другой стороны, здесь выделяются **изоглоссы, объединяющие восточнославянские диалекты попарно**, т.е. русско-белорусские и русско-украинские, причем преобладающим среди них является русско-белорусский вектор. Интересно, что в этих связях в роли языка-донора могут выступать не только русские, но и украинские и белорусские диалекты.

В этом уровне распределения русско-славянских лексических соответствий ведущая роль принадлежит связям первого и второго уровня, благодаря которым сформировалась общая картина связей русских диалектов в пространстве *terra Slavia*. Связи третьего уровня вносят в эту картину лишь дополнительные штрихи и оттенки.

Своеобразие русских диалектов проявляется и в том, что они **избирательно «откликаются» на западно- и южнославянские связи**: если южнославянские сепаратные и эксклюзивные лексические параллели локализуются чаще всего в севернорусских говорах (особенно в архангельских и вологодских), а среди среднерусских выделяются преимущественно новгородские и псковские говоры, то соответствующие западнославянские лексические корреспонденции концентрируются чаще всего в западной группе среднерусских говоров — в псковских, новгородских, тверских, реже в говорах севернорусского наречия (причем преимущественно в архангельских, вологодских и костромских)⁷.

И даже во «внутренних» связях русского языка, связях с украинскими и белорусскими диалектами, отсутствует какая-либо одна пространственная ориентация. Центр русско-украинских сепаратных и эксклюзивных лексических параллелей лежит в говорах южнорусского наречия (и прежде всего в Курско-Орловской группе), тогда как русско-белорусские лексические корреспонденции имеют несколько таких центров — в среднерусских говорах, особенно в их западной группе (новгородских, псковских, тверских); в говорах южнорусского наречия — особенно в их западной группе (в смолен-

⁷ Примечательно, что в этой картине ареальных связей устойчиво повторяются архангельские и новгородские говоры, т.е. говоры, которые генетически тесно связаны между собой, так как в формировании севернорусских диалектов активно участвовали древненовгородские говоры (подробнее см., например, Витов 1964; Комягина 1992: 31).

ских); в говорах севернорусского наречия (причем преимущественно в архангельских, ладого-тихвинских, вологодских и ярославских).

Эта многоплановая картина русско-славянских языковых отношений еще больше усложнится, если принять во внимание ареальный критерий, так как пространственная характеристика ареала не только многое проясняет в природе выявленных схождения, но и позволяет стратифицировать их в хронологическом аспекте.

С учетом этого критерия статус выявленных межъязыковых соответствий и в рамках восточнославянского диалектного континуума, и в рамках собственно русских диалектов оказывается разным.

Наибольшей диагностирующей силой обладают те соответствия, ареалы которых являются дистантными: в рамках восточнославянских языков – это прежде всего восточно-южнославянские связи, иногда осложненные отдельными западнославянскими изоглоссами, кроме того, это восточно-западнославянские связи, имеющие выход в отдельные южнославянские языки; а в рамках русского языка – это русско-(украинско-) или русско-(белорусско-)южнославянские связи, а также русско-южнославянские связи. Все они являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия нередко являют собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

Интересно, что в ареальных «предпочтениях» русских диалектов в этих связях наблюдается ярко выраженное тяготение к южнославянским языкам⁸, причем оно прослеживается как в рамках восточнославянских языков, так и собственно в русских языковых связях. Примечательно, что все эти связи ориентированы в основном на юго-запад южной Славии, а именно на словенские, сербские и хорватские диалекты, связи с болгарскими и македонскими диалектами представлены менее выразительно, хотя нельзя не отметить, что

⁸ Не могу в связи с этим не привести данные лексико-статистического анализа А.Ф. Журавлева, в соответствии с которыми «стандартный древнерусский язык, северновеликорусское наречие и среднерусские говоры в своих внешних лексико-статистических связях отдают предпочтение южнославянским языкам» (Журавлев 1993: 94). Эта корреляция в выводах исследований, имеющих разные цели, является косвенным свидетельством относительной хронологии выявленных схождения.

именно в болгарских диалектах русско-болгарские соответствия представлены чаще всего обширными ареалами.

Этим связям значительно уступают русско-западнославянские соответствия, которые ориентированы не только на польский, но и на словацкий язык (именно русско-словацкие соответствия представлены чаще всего обширными ареалами).

Что касается русско-белорусских и русско-украинских языковых соответствий, то в рамках восточнославянских диалектов они демонстрируют практически одинаковую картину, а в рамках собственно русского языка (т.е. когда речь идет о связях русско-украинско-инославянских или русско-белорусско-инославянских) обнаруживается явное преобладание связей с белорусскими диалектами.

Межъязыковые схождения, имеющие контактные ареалы, в общей картине ареальных связей русских диалектов обладают меньшим классификационным весом. В рамках восточнославянских языков — это прежде всего русско-(украинско-белорусско-)западнославянские изоглоссы, а в рамках русского языка — это русско-(украинско-) и русско-(белорусско-)западнославянские связи, а также русско-западнославянские, русско-украинские и русско-белорусские связи.

В этих связях роль русско-западнославянских лексических соответствий значительно возрастает по сравнению со связями, имеющими дистантные ареалы, причем как в рамках восточнославянских диалектов, так и собственно в русских. При этом все эти изоглоссы имеют ярко выраженную ориентацию на польские диалекты, связи с которыми в два, а иногда и в три раза превышают соответствия с другими западнославянскими диалектами. Более того, именно в польских диалектах находятся чаще всего обширные ареалы корреспондирующих лексем.

В русско-украинских и русско-белорусских изоглоссах доминирующим является белорусский вектор. Именно русско-белорусские соответствия характеризуются чаще всего обширными ареалами.

Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. О том, что эти связи имеют разную хронологическую отнесенность, ярче всего говорит тот факт, что русско-славянские изоглоссы, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и изоглоссы, являющиеся принадлежностью собственно русских диалек-

тов (т.е. сепаратные и эксклюзивные), во всех славянских диалектах (за исключением лужицких) обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, локализацию русско-(украинско-белорусско-) словацких лексических изоглосс, для которых ведущим является южнорусский вектор, и распространение сепаратных и эксклюзивных русско-словацких соответствий, которые локализуются чаще всего в севернорусских говорах).

Праславянские лексические единицы сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Поэтому в общей картине ареальных связей русских диалектов отчетливо просматриваются по крайней мере два хронологических среза – древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства (для этого периода характерна ориентация русско-славянских языковых связей на юго-запад *terra Slavia*), и более поздний, связанный с процессами, основанными на общности предшествующей эпохи, но протекавшими в разных частях Славии самостоятельно и приведшими к их последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков (для этого периода характерно преобладание западного направления лексических изоглосс русских диалектов).

Такая неоднозначная картина ареальных связей русских диалектов согласуется не только с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения (Бенвенист 1963: 45), но и с современными взглядами на праславянский язык как на систему чрезвычайно сложную, развивающуюся и диалектно дифференцированную⁹. Поэтому при характеристике межславянских связей необходимо принимать во внимание фактор их постепенного изменения во времени и в пространстве и допускать для разных эпох не только расширение или сужение их ареалов, но и изменение их локализации и конфигурации. А это значит, что степень родства даже между близкородственными языками

⁹ Ср. в связи с этим следующий вывод Л.В. Куркиной: «Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера» (Куркина 1992: 11).

является величиной переменной, способной менять свое значение в разные хронологические периоды. И лишь строгое соотнесение данных лингвистики с данными ареалогии позволит ответить на вопросы, которые неизменно волнуют исследователей: *Что? Когда? Куда? Откуда?*

В этой картине связей русских диалектов чрезвычайно значимым представляется и тот факт, что, несмотря на их ярко выраженное лексическое своеобразие (число эксклюзивных лексем в них превышает цифру 100), среди корреспондирующих лексем довольно много представлено таких, которые самым неожиданным образом «всплывают» в разных частях Славии, являя собой фрагменты древней лингвистической географии. Все эти лексемы должны быть подвергнуты строгому этимологическому анализу, который является надежным средством определения относительной (а иногда и абсолютной) хронологии возникновения подобных сходжений. Нельзя не согласиться с тем, что «реконструкция процесса формирования ареальной картины, отраженной на картах Атласа, лежит в плоскости *топичной этимологии* – установления генезиса явления в определенном топосе (микроареале, частной диалектной системе) с присущими данному топосу междиалектными связями, направлениями влияний. Преимущества этимологизирования лексики с учетом ее ареальных особенностей демонстрируют многие этимологические решения, опирающиеся на карты Общекарпатского диалектологического атласа и Общеславянского лингвистического атласа, когда судьбы лексем, восходящих в конечном итоге к одному источнику, в различных ареалах диалектного языка оказываются неодинаковыми» (Гриценко 2008: 46).

В заключение следует отметить, что полученные результаты, как представляется, свободны от субъективизма автора. При описании картины связей и отношений русских диалектов в пространстве *terra Slavia* использовались не случайные, разрозненные факты, а элементы микросистемы, рассмотренные в общеславянском контексте. Приведенные обширные материалы свидетельствуют о том, что мы имели дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя.

Вместе с тем автор не исключает возможности иной интерпретации выявленных межславянских лексических параллелей, поскольку центральная проблема лингвогеографии – проблема архаизма и инновации, различение соответствий и независимых параллельных об-

разований является одной из наиболее сложных и не имеющих окончательного решения (см., например, точку зрения О.Н. Трубачева 1967: 41).

* * *

Настоящая работа является лишь фрагментом того обширного исследования, которое предстоит еще провести по каждому славянскому языку в отдельности. Накопленный уже опыт лингвогеографического изучения лексики нуждается сегодня в систематизации и обобщении в свете новых теорий славянского лингвистического этногенеза. Изучение проблемы дифференциации славянских языков с позиций отдельных диалектов (несмотря на то, что такое исследование чрезвычайно трудоемко и требует кропотливого труда) обещает выявить новые интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределении на карте праславянского¹⁰. Думается, что ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий (см., например, статью О.Н. Трубачева «Лингвистическая география и этимологические исследования»).

Думается, что представленные в Приложении карты, созданные автором методом рекартографирования, позволят критически отнестись к традиционной оценке лексических ареалов как малоинформативных в силу их мозаичности и хаотичности. Эти карты являются убедительным доказательством того, что лексические диалектизмы — это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки

¹⁰ Многочисленные исследования по реконструкции праславянского лексического фонда доказали, что «выводы о праславянском в целом находятся в прямой зависимости от результатов всестороннего обследования праславянского лексического фонда с точки зрения отдельного языка/диалекта» (Куркина 1992: 28).

изоглосс. Благодаря методу рекартографирования исследователь имеет возможность поэтапного прочтения карты и осмысления того или иного ареала на фоне более широкого континуума.

Представляется также, что и сегодня остается актуальным тезис о том, что «решению некоторых генетических проблем (например, генезиса различных диалектных групп, их взаимоотношений в прошлом, предшествующих стадий диалектного членения на данной территории и т.д.) должно предшествовать изучение основных пучков изоглосс, характеризующих распределение максимального количества явлений на изучаемой территории... Подобные проблемы рассматривались ранее на основе изучения небольшого количества явлений, которым придавалось классифицирующее значение, но которые выбирались произвольно, поэтому выводы оставались недостаточно аргументированными» (Клепикова, Попова 1968: 98). Однако сегодняшний уровень славистических исследований, наличие таких фундаментальных проектов, какими являются «Этимологический словарь славянских языков» и Общеславянский лингвистический атлас, открывают новые перспективы для подобных штудий.

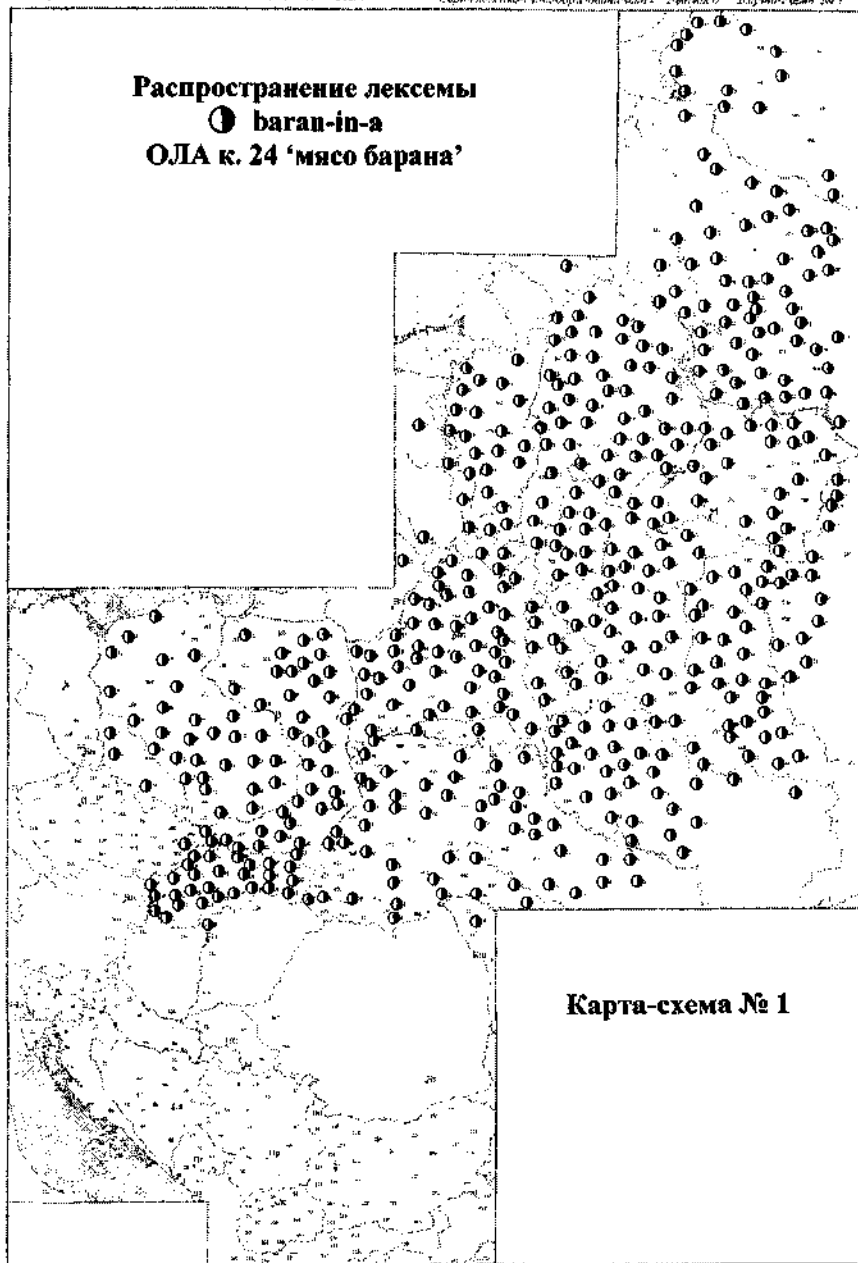
Хочется надеяться, что настоящее исследование повлечет за собой серию последующих разысканий в этом направлении. Эти разыскания, опирающиеся на уникальные материалы Общеславянского лингвистического атласа, будут свободны от прежней атомарности и произвольности в исследованиях и позволят не только прояснить сложную картину лексических связей и отношений славянских языков, которые неоднократно менялись в их многовековой истории, но и вплотную подойти к решению вопроса о локализации прародины славян.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Распространение лексемы

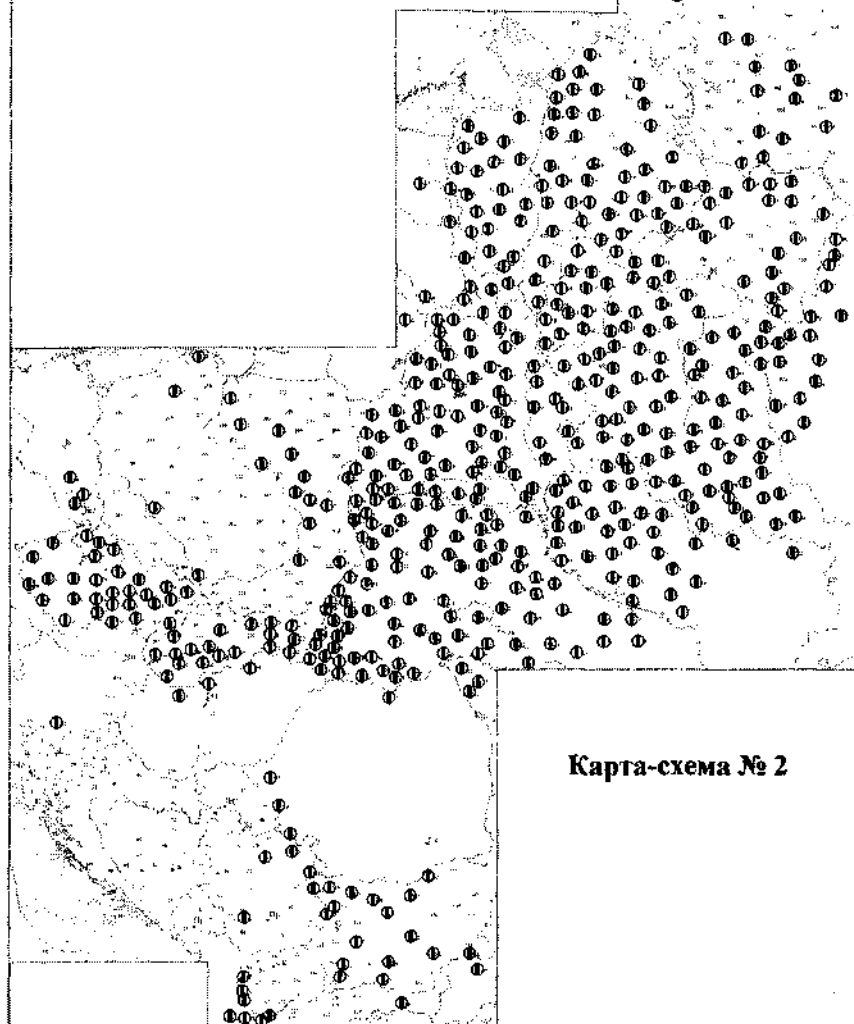
● *baran-in-a*

ОЛА к. 24 'мясо барана'

Карта-схема № 1

Распространение лексемы
 ⓪ бѣл-ѣк-ъ
 ОЛА к. 42 'белая часть яйца'

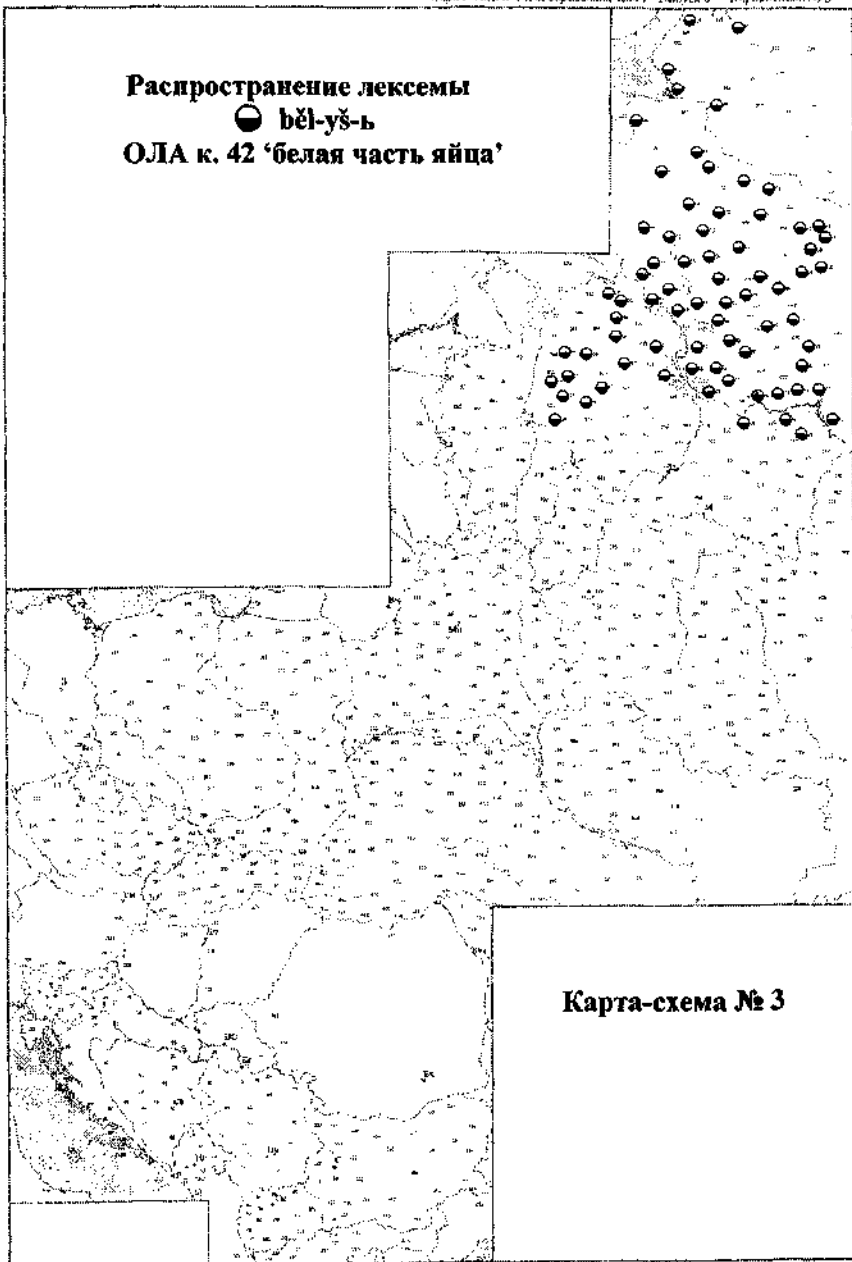

Карта-схема № 2

Распространение лексики

● běl-уш-ь

ОЛА к. 42 'белая часть яйца'

Карта-схема № 3

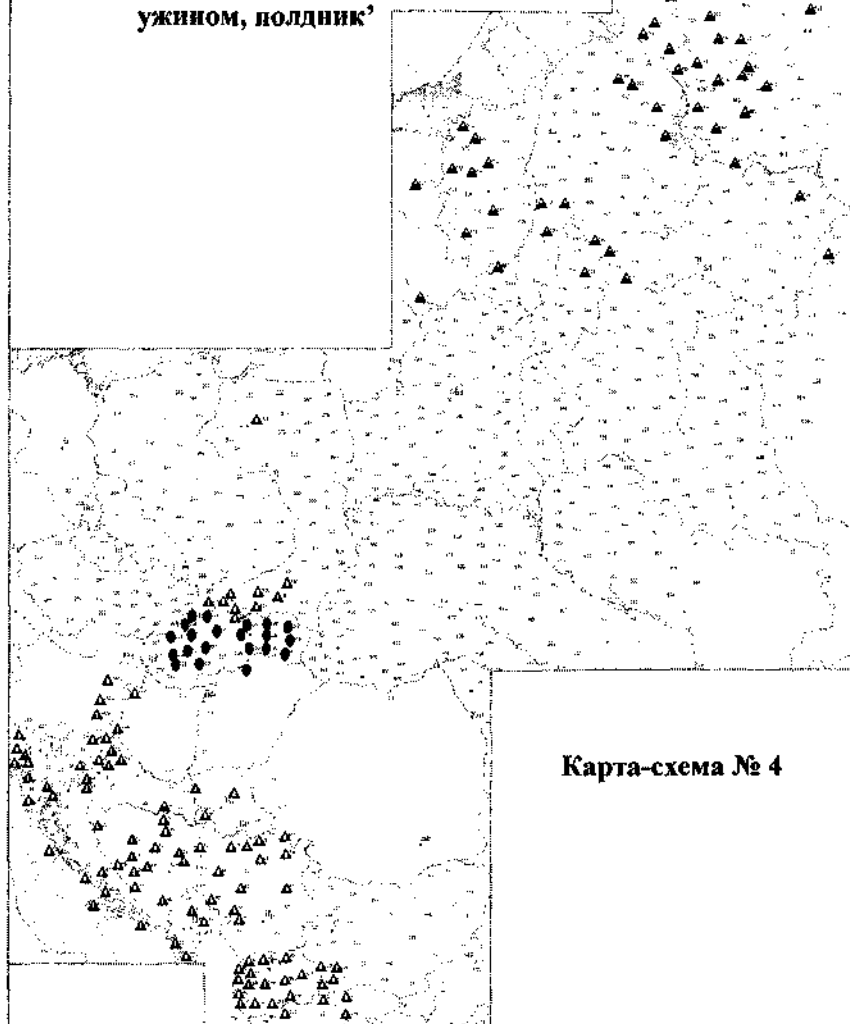
Распространение лексем

△ //už-in-a

▲ ра-уž-in-a, ра-уž-ьн-a

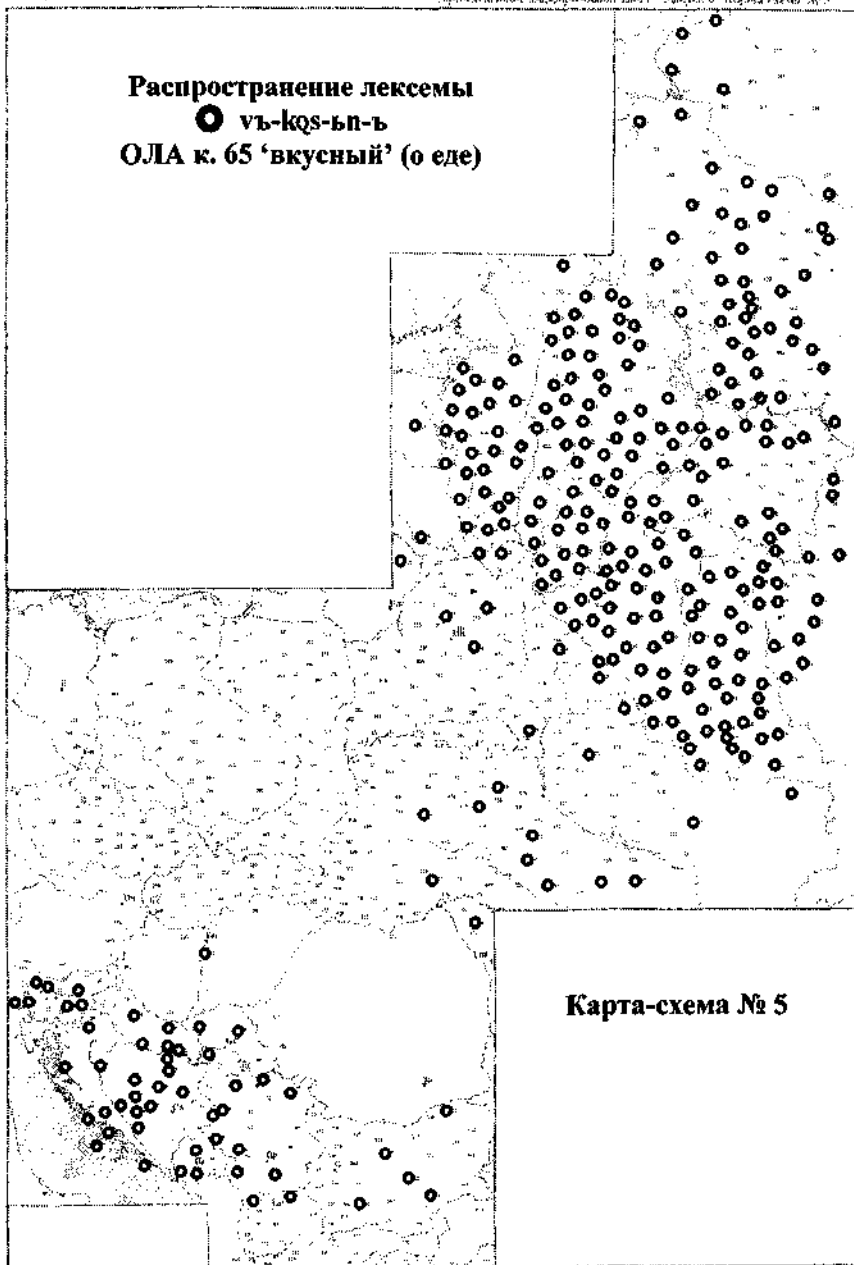
● (olovrant)-ъ

ОЛА к. 61 'еда между обедом и
ужином, полдник'

Карта-схема № 4

Распространение лексемы
 ● **уь-қос-ьп-ь**
 ОЛА к. 65 'вкусный' (о еде)

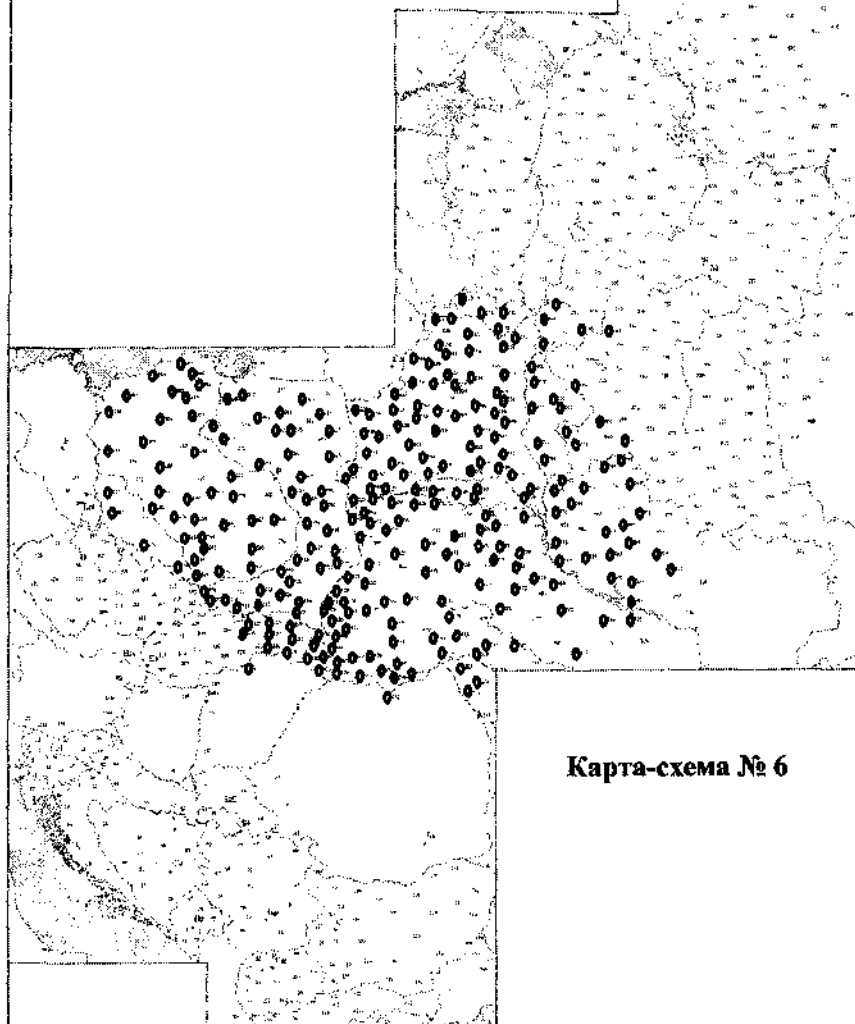

Карта-схема № 5

Распространение лексемы

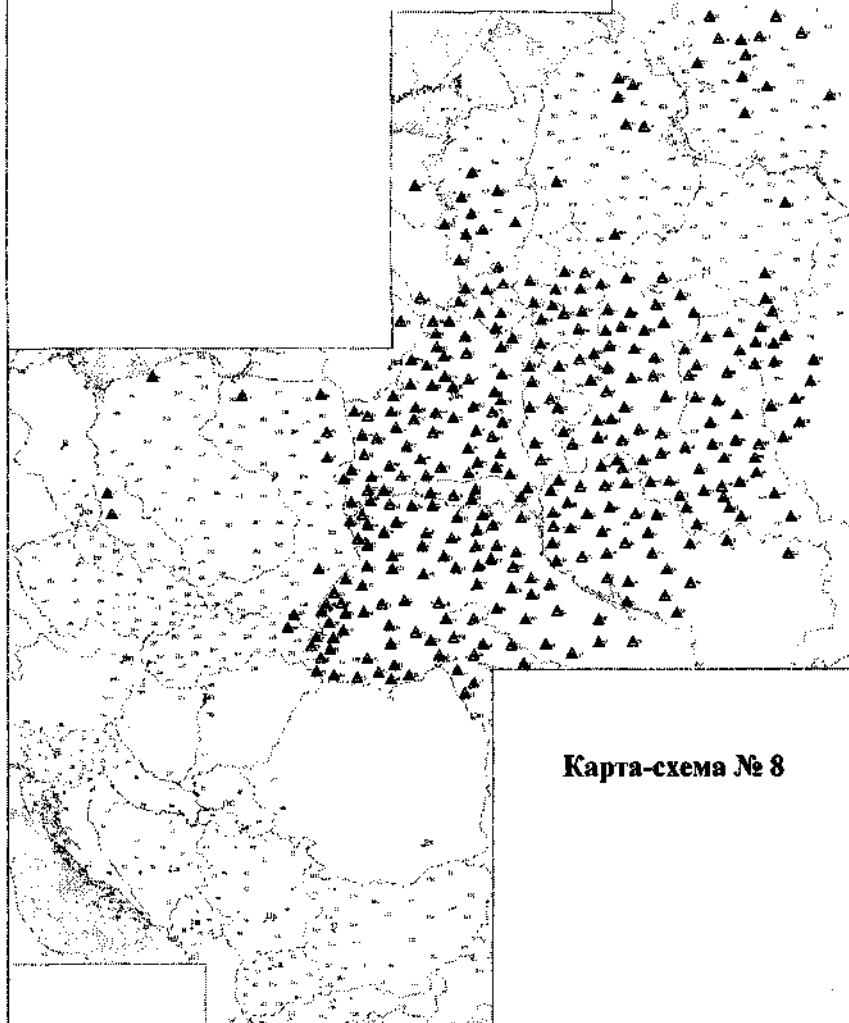
о (zmać)-ън-ъ

ОЛА к. 65 'вкусный' (о еде)

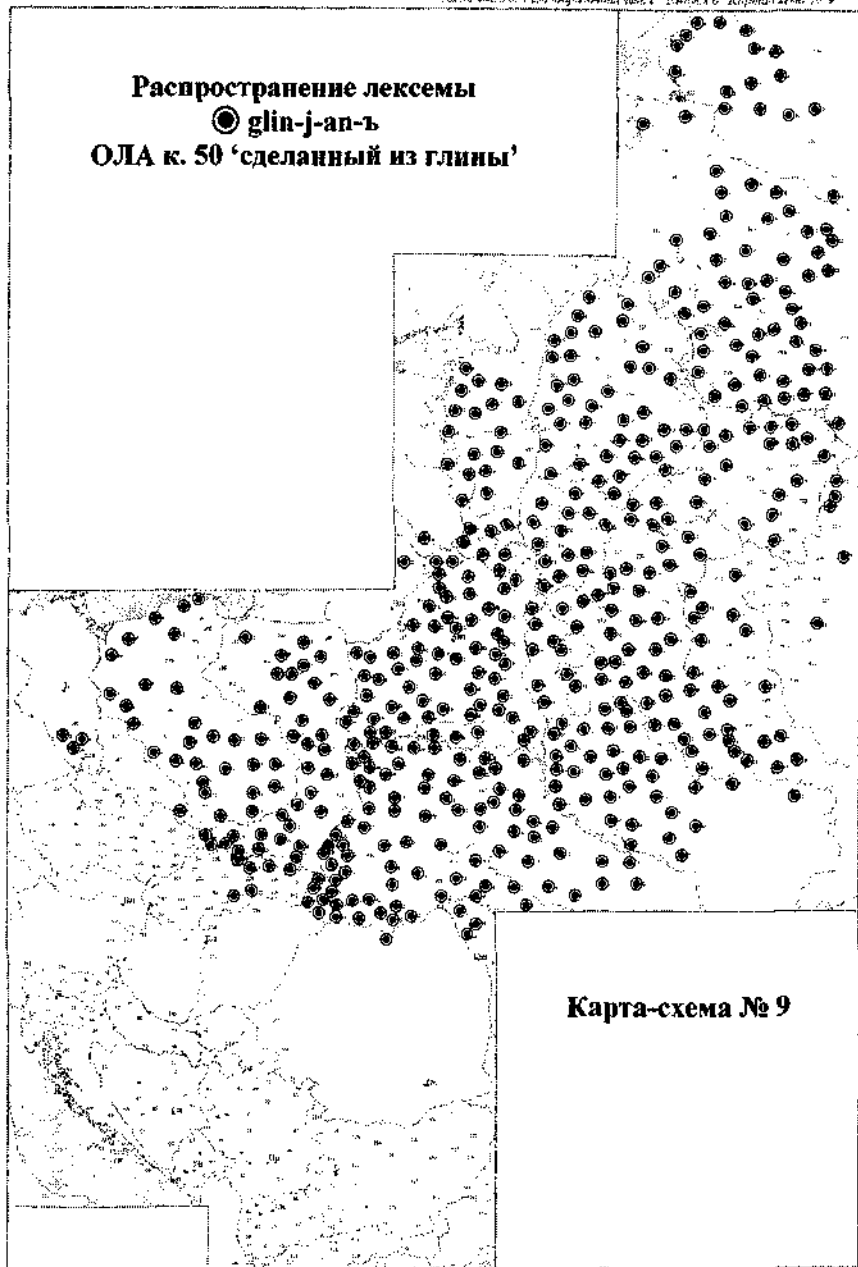
Карта-схема № 6

Распространение лексемы
▲ lěj-ьk-a
ОЛА к. 5 'воронка для переливания
жидкости в сосуд с
узким горлом'

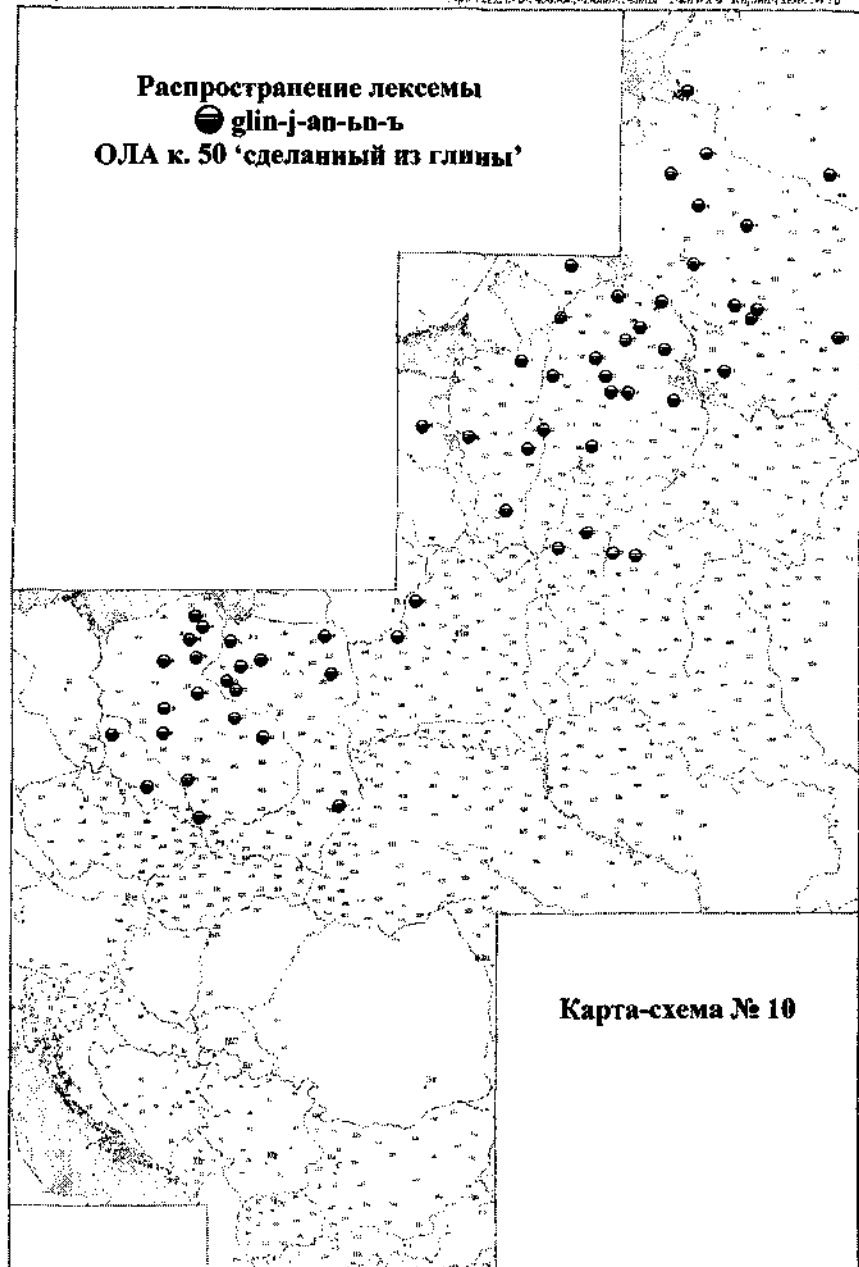
Карта-схема № 8

Распространение лексемы
● glin-j-an-ъ
ОЛА к. 50 'сделанный из глины'

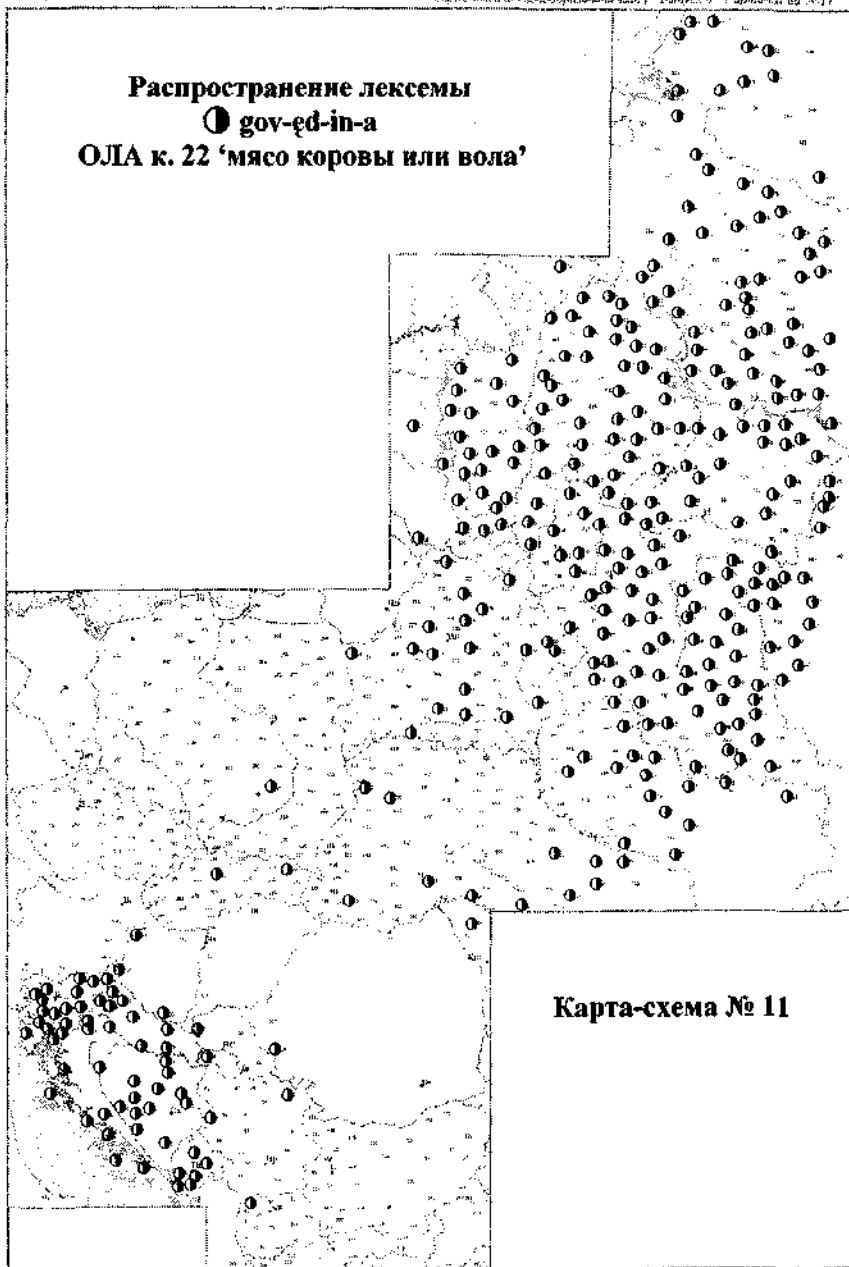
Карта-схема № 9

Распространение лексемы
● glin-j-ap-ьп-ь
ОЛА к. 50 'сделанный из глины'

Карта-схема № 10

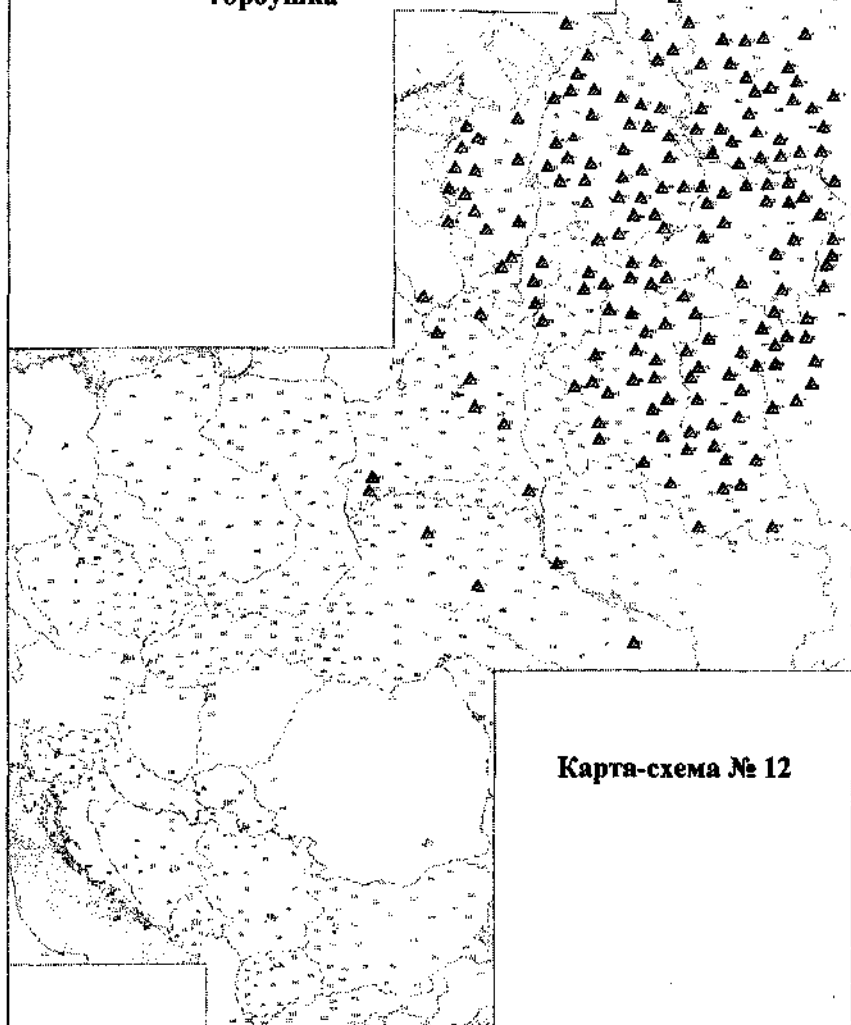
Распространение лексемы
● гов-ед-ин-а
ОЛА к. 22 'мясо коровы или вола'

Карта-схема № 11

Распространение лексемы

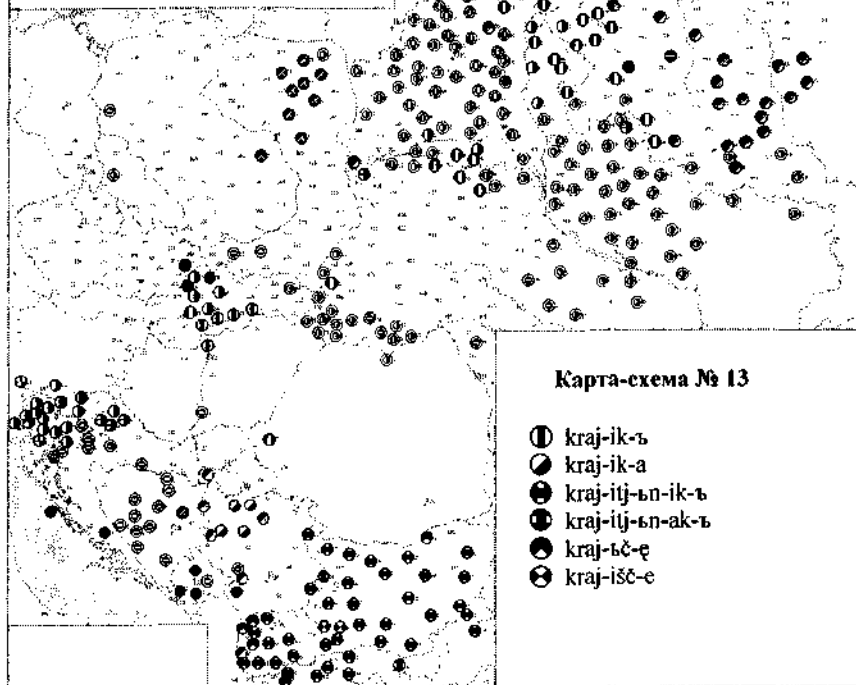
▲ гъгъ-цѣ-ѣк-а

ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба,
отрезанный от буханки,
горбушка'

Карта-схема № 12

**ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный
от буханки, горбушка'
(дериваты с корнем kraj-)**

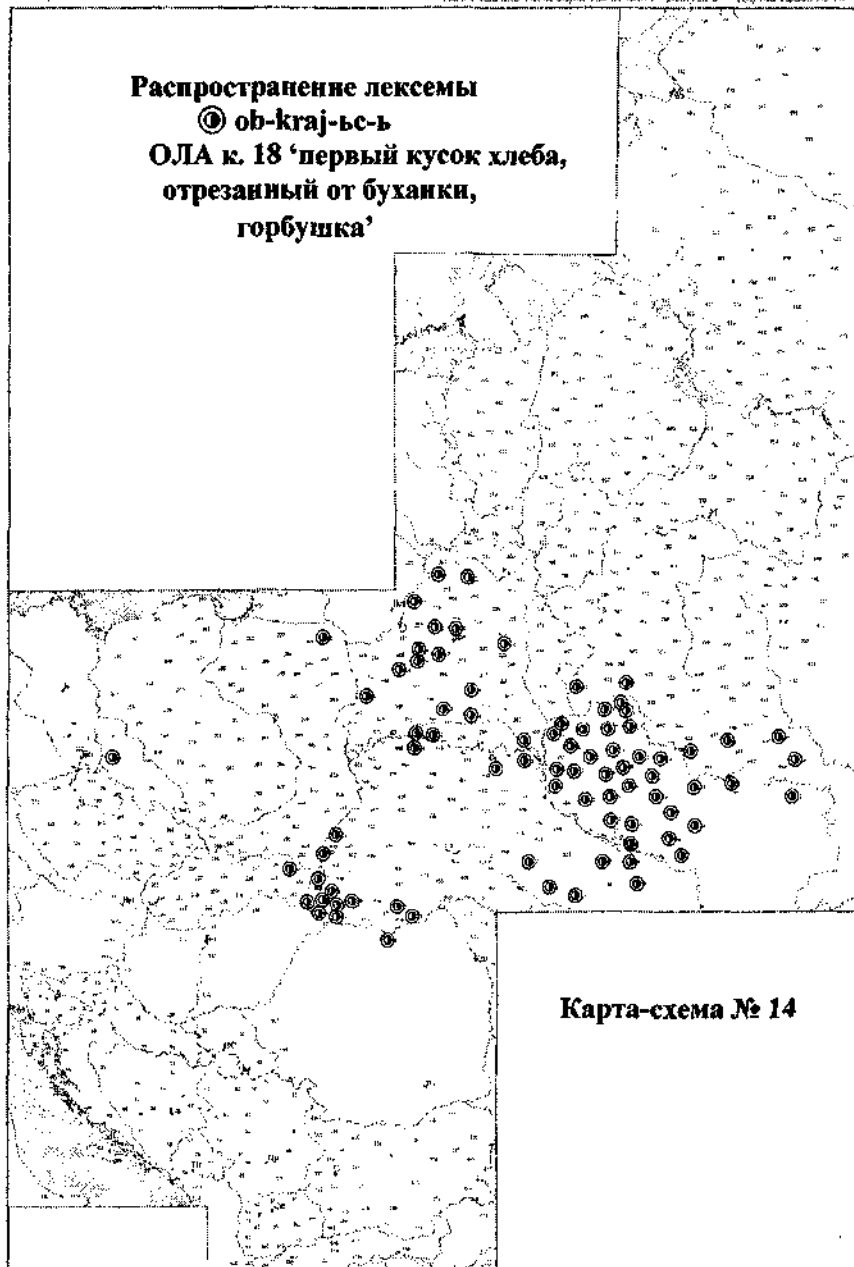
● kraj-ъ	⊙ ob-kraj-ъd-ik-ъ
⊙ kraj-ux-a	● kraj-ъk-a
⊙ kraj-uš-ъk-a	⊗ съ-kraj-ъk-a
⊖ kraj-uš-ъk-ъ	
⊙ kraj-ъc-ъ	
⊕ съ-kraj-ъc-ъ	
⊙ ob-kraj-ъc-ъ	
⊙ ob-kraj-ъk-ъ	
⊙ kraj-ъd-ik-ъ	
⊙ kraj-iš-ъk-ъ	
⊕ kraj-ъd-itj-ъ	
⊙ kraj-ъd-ъk-ъ	

Распространение лексемы

① ob-kraj-ьс-ь

**ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба,
отрезанный от буханки,
горбушка'**

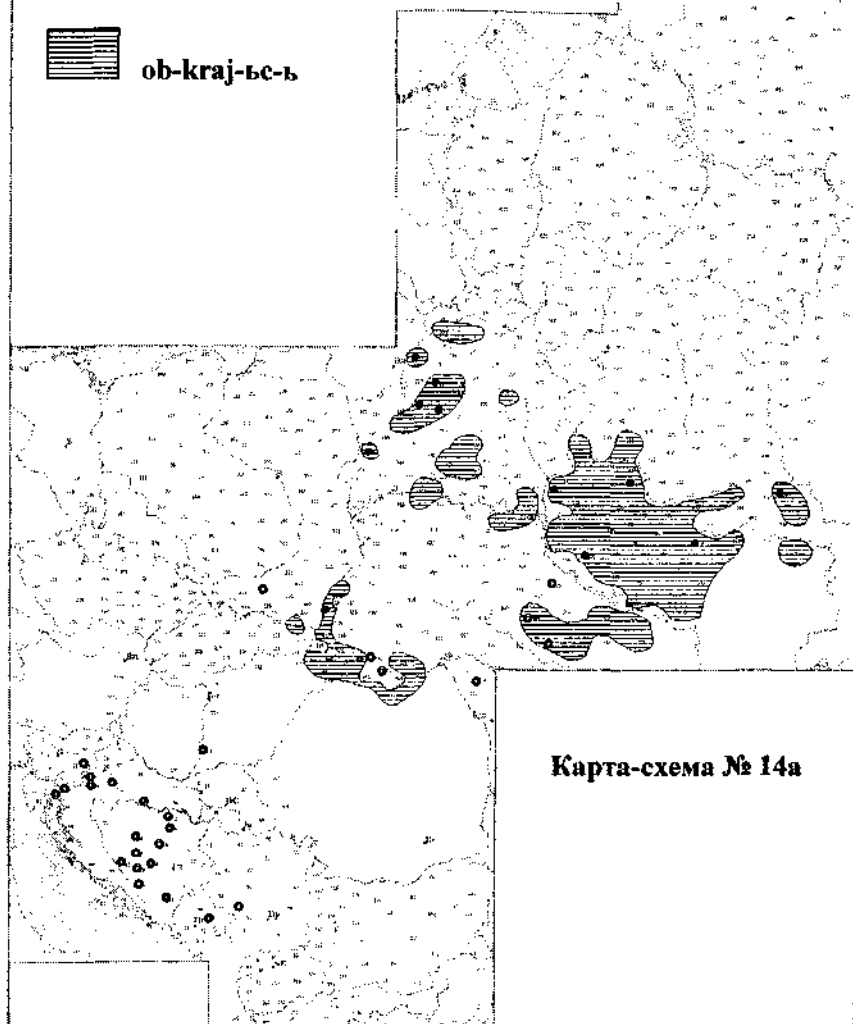
**ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный
от буханки, горбушка'
(дериваты с корнем kraj-)**

⊙ об-kraj-ьк-ь

● об-kraj-ьщ-ик-ь

об-kraj-ьс-ь

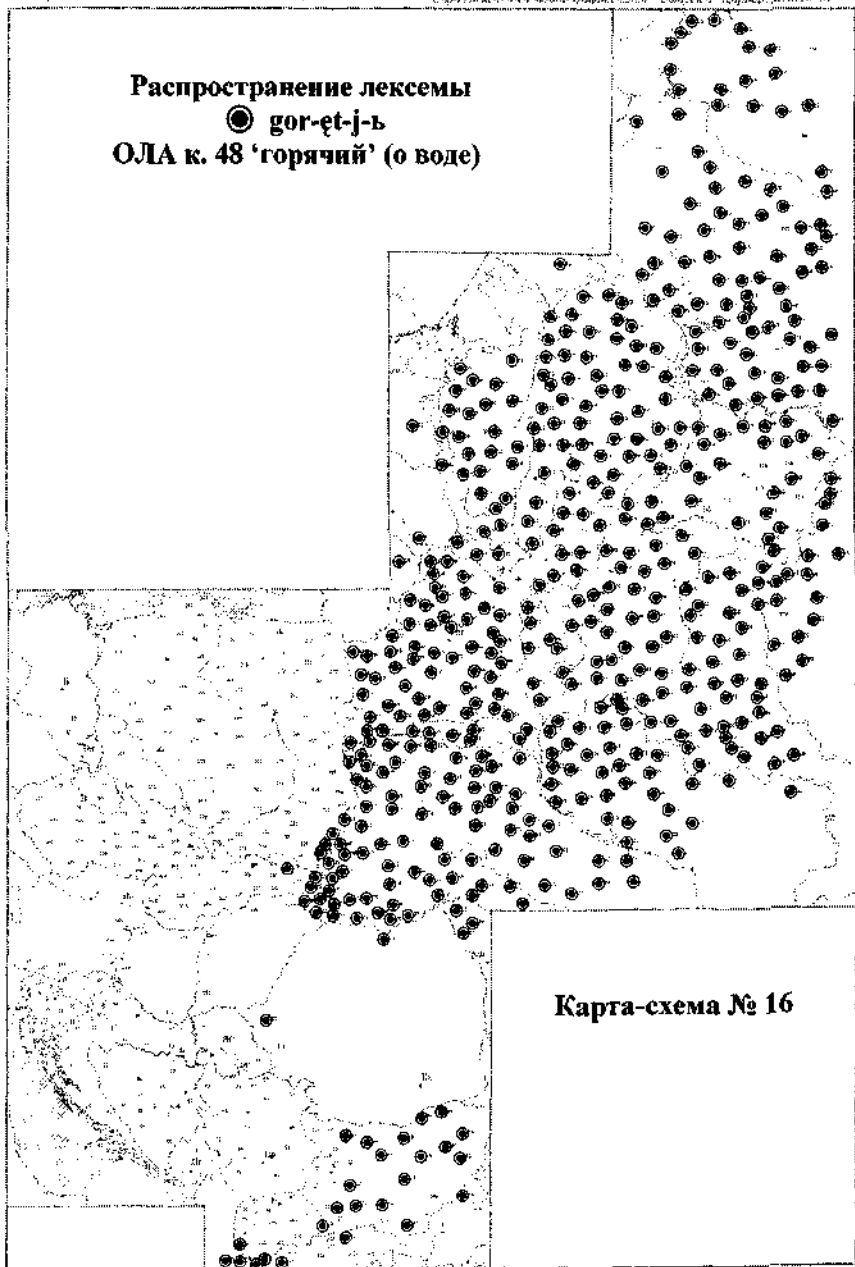

Карта-схема № 14а

Распространение лексемы
● kraj-uš-ьk-a
ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба,
отрезанный от буханки,
горбушка'

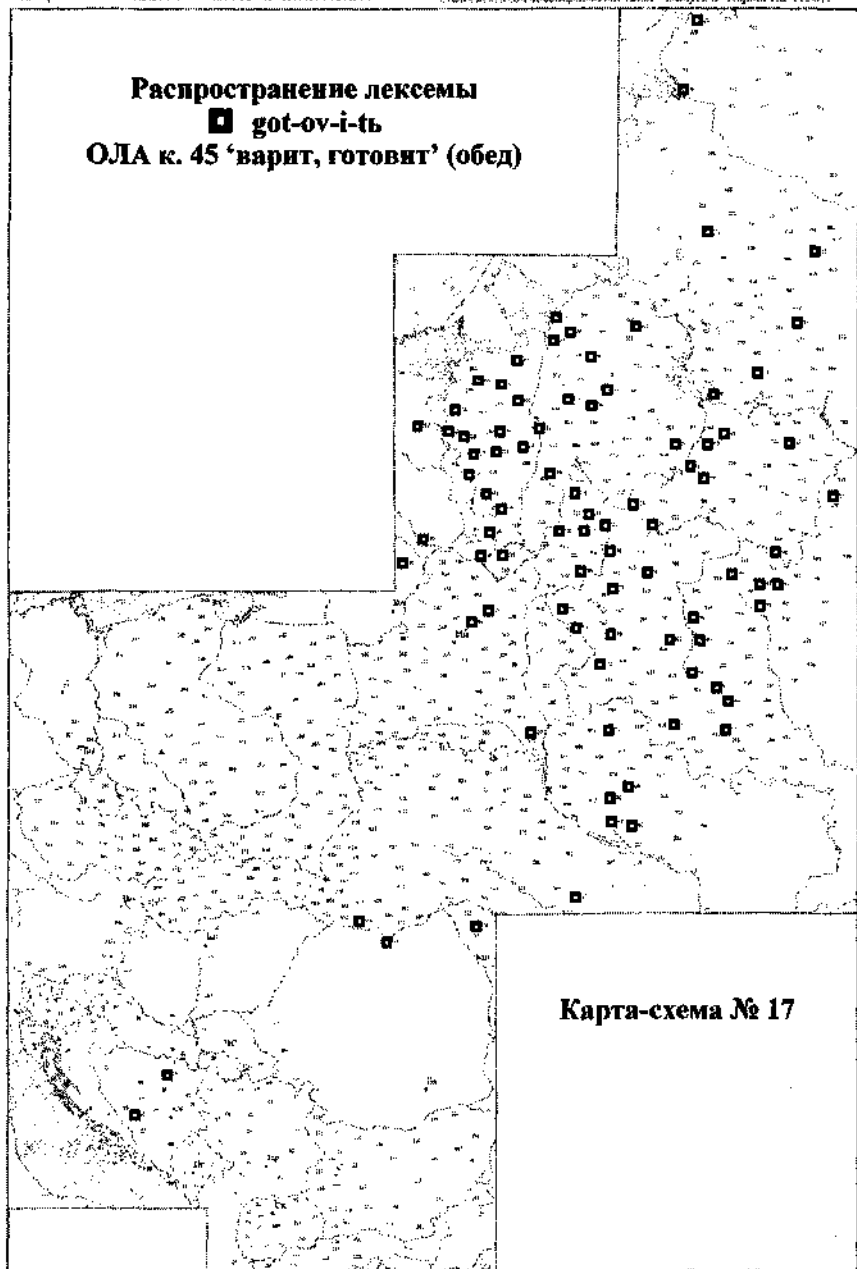
Карта-схема № 15

Распространение лексемы
 ● gor-ęt-j-ъ
 ОЛА к. 48 'горячий' (о воде)

Карта-схема № 16

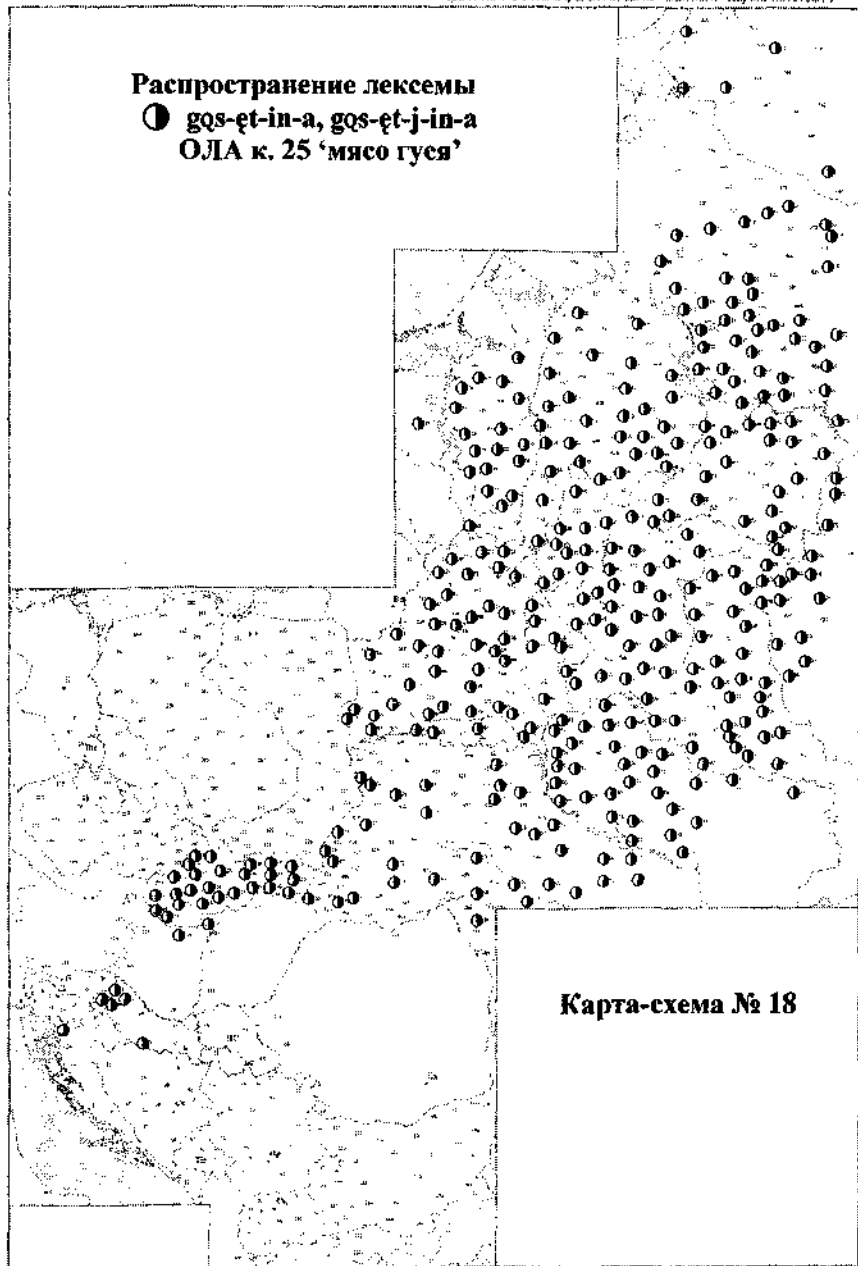
Распространение лексемы
 ■ got-ov-i-t'ь
 ОЛА к. 45 'варит, готовят' (обед)

Карта-схема № 17

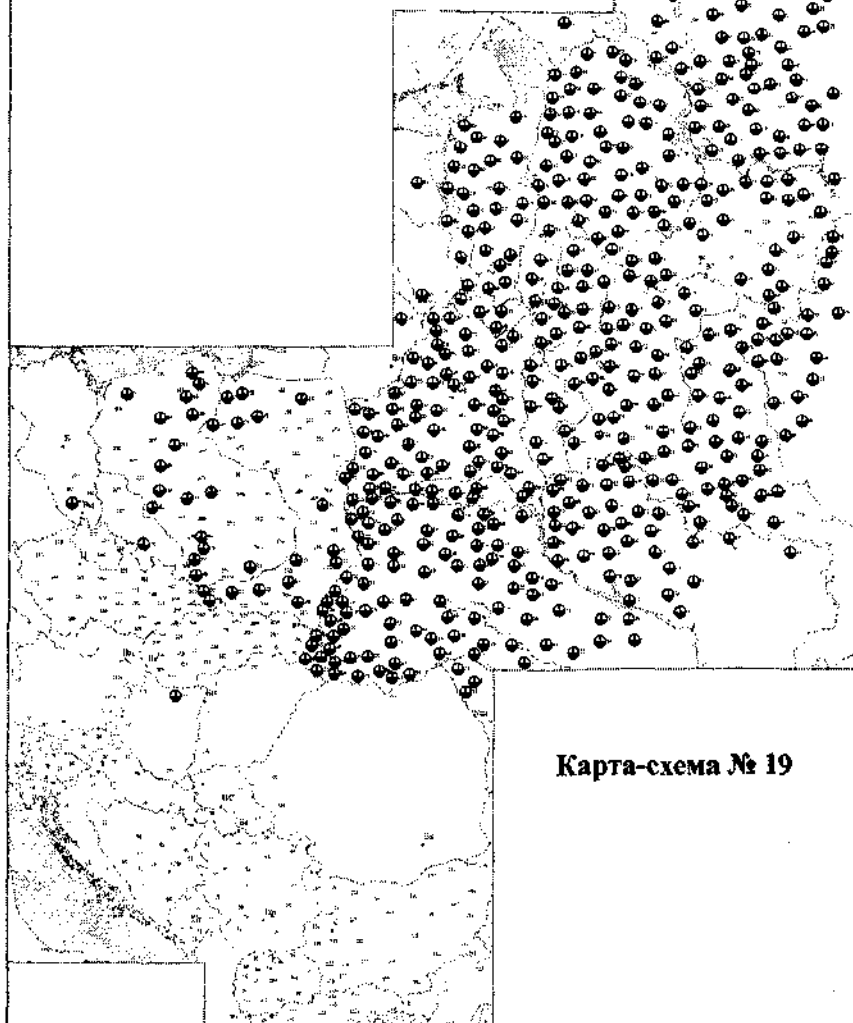
Распространение лексемы

● qqs-ɛt-in-a, qqs-ɛt-j-in-a
ОЛА к. 25 'мясо гуся'

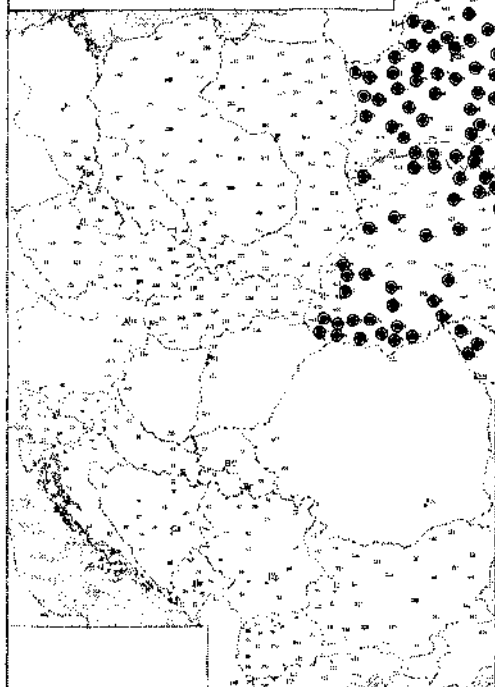

Карта-схема № 18

Распространение лексемы
 ⊕ doj-ag-ъk-a
 ОЛА к. 34 'женщина, которая
 доит коров'

Распространение лексемы
 ● //ěd-a
ОЛА к. 54 'все, что употребляется
в пищу людьми, еда'

Карта-схема № 20

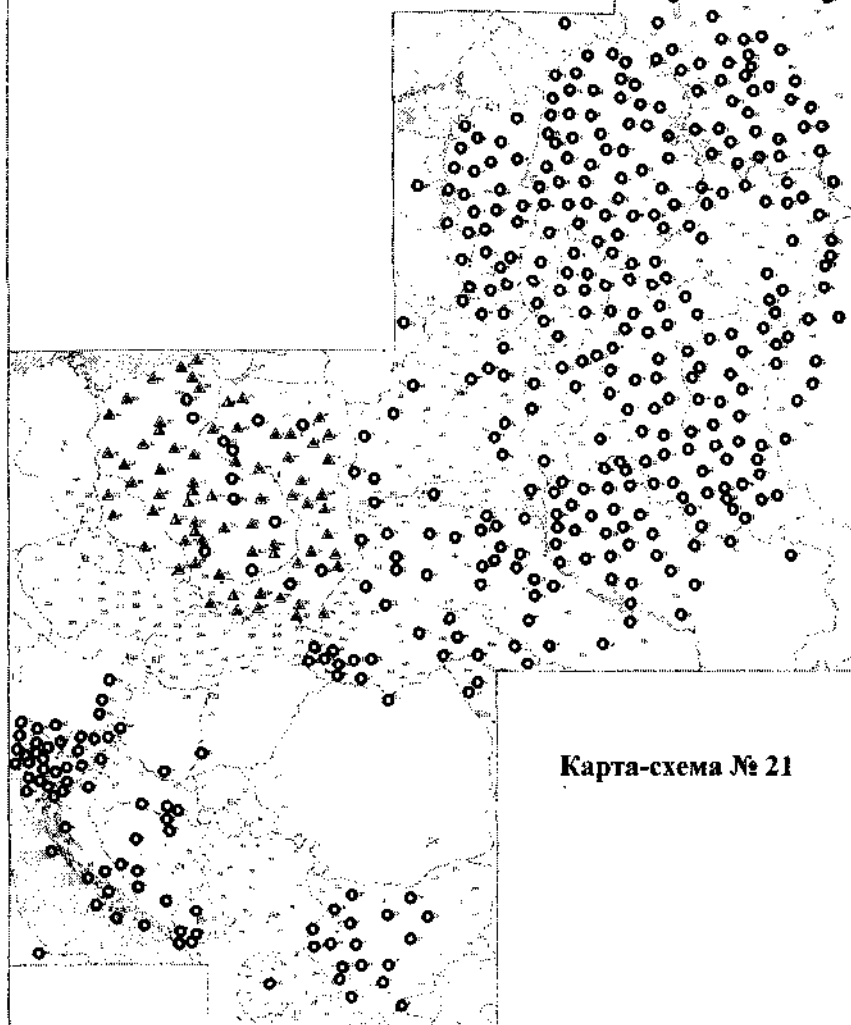
Распространение лексем

● žed-j-a

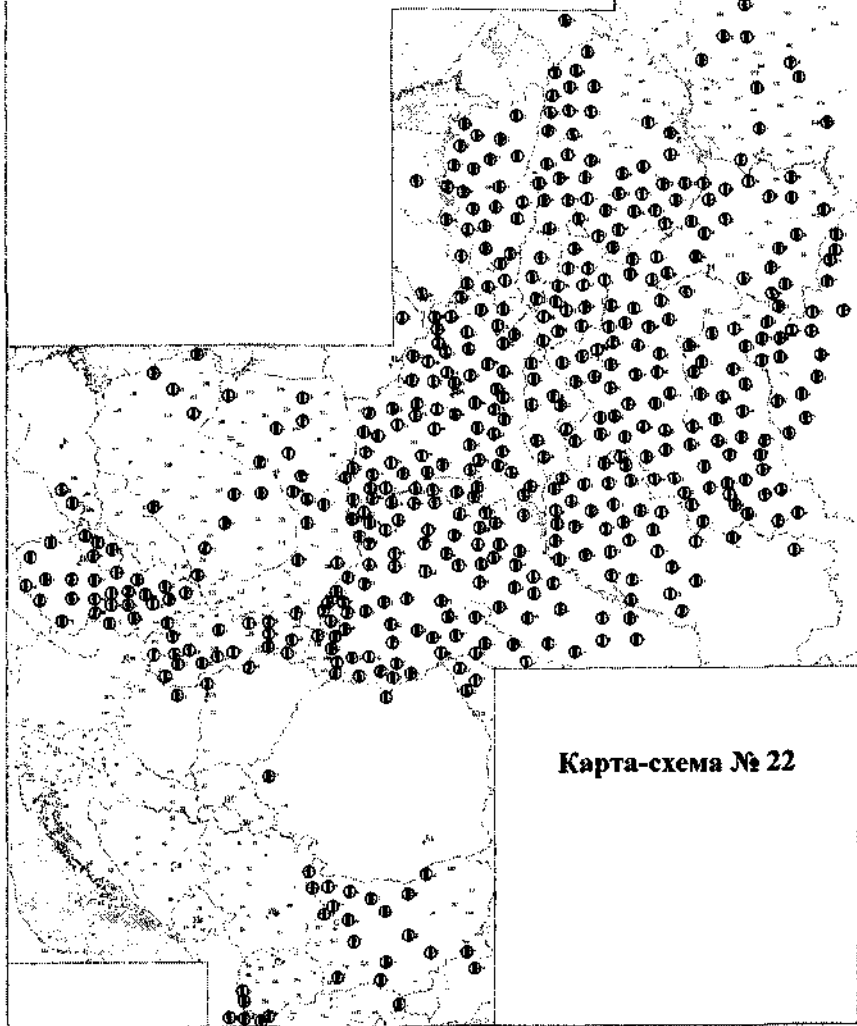
△ ргag-ьп-еп-ьj-е

△ ргag-ьп-ѣѣ-ьк-а

ОЛА к. 9 'желание, потребность пить'

Распространение лексемы
① жыт-ык-ъ
ОЛА к. 43 'желтая часть яйца'

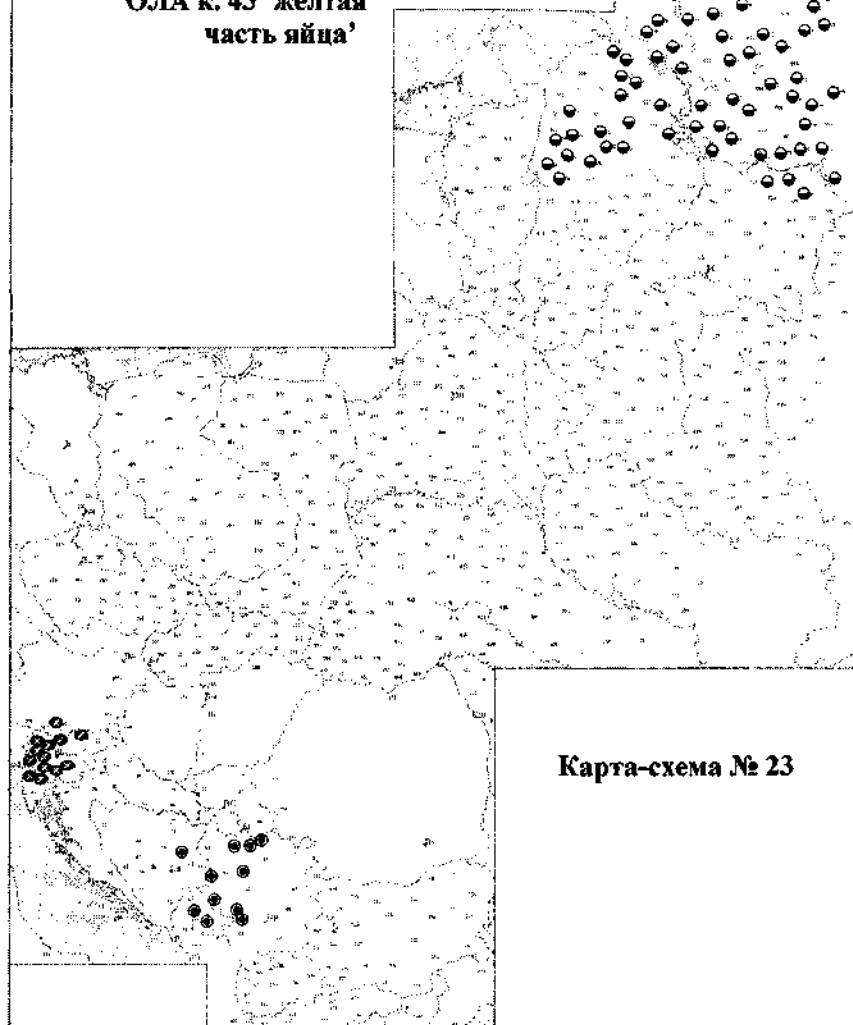
Распространение лексем

● žyt-yŭ-ŭ

● žyt-ŭs-e

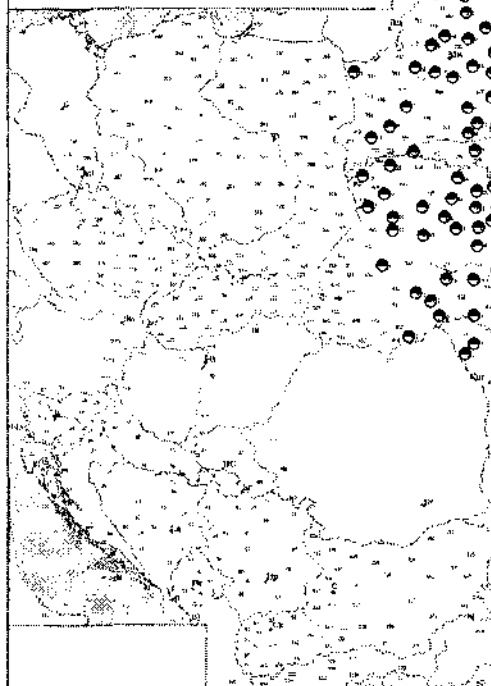
⊗ gumĕn-ŭ-ak-ŭ

ОЛА к. 43 'желтая
часть яйца'

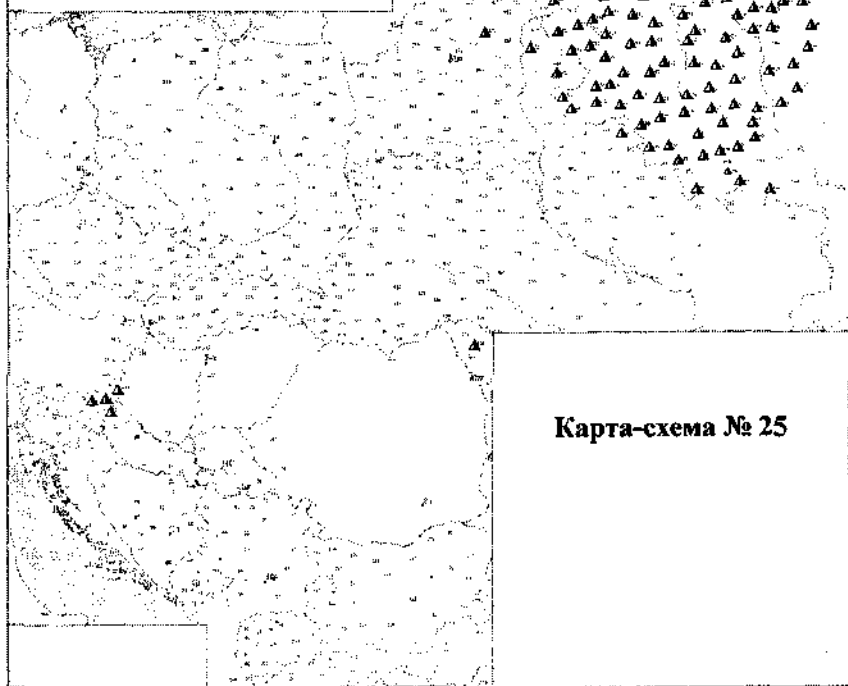
Карта-схема № 23

Распространение лексемы
 ● žig-ъn-ъ
 ОЛА к. 26 'содержащий много жира'
 (о мясе)

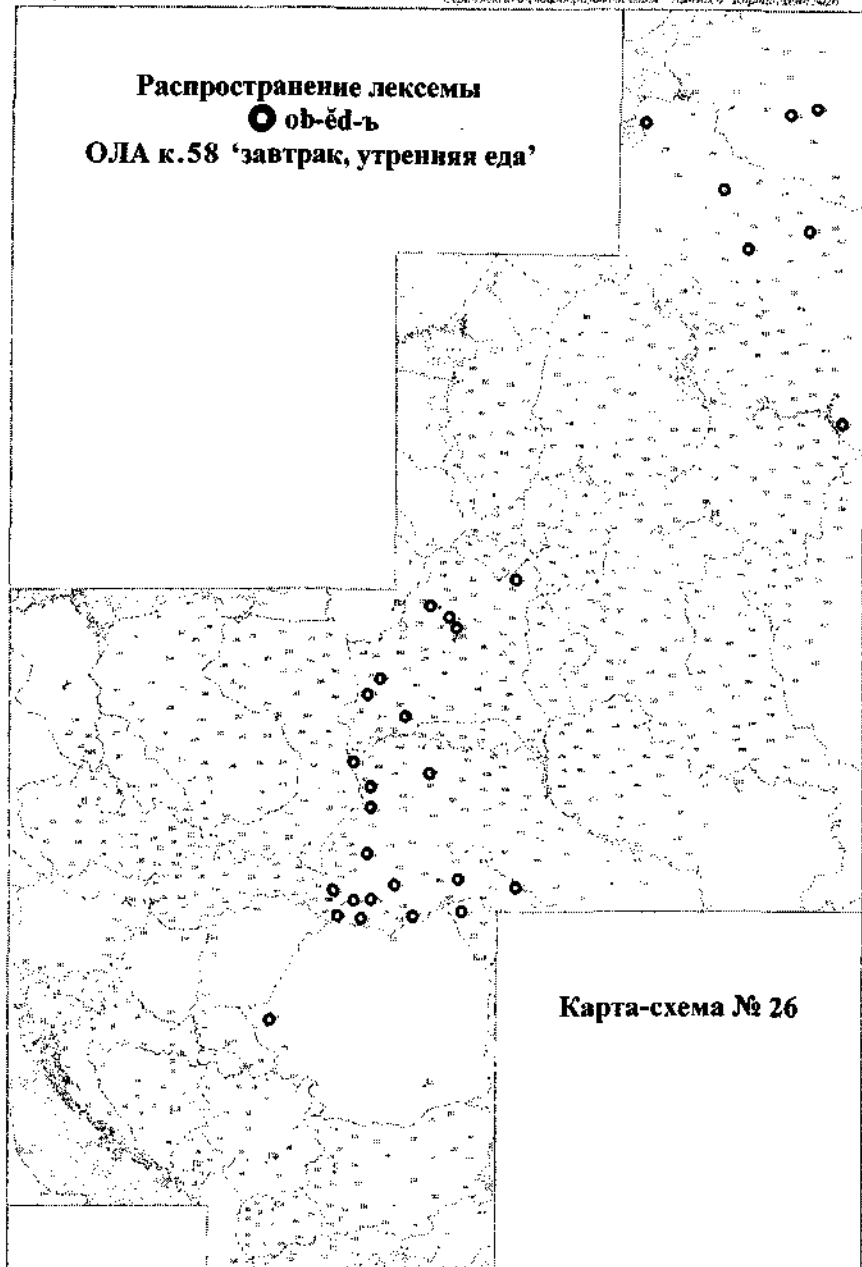
Карта-схема № 24

Распространение лексем
▲ za-utr-ъk-ъ, za-utr-ъk-ъ
ОЛА к.58 'завтрак, утренняя еда'

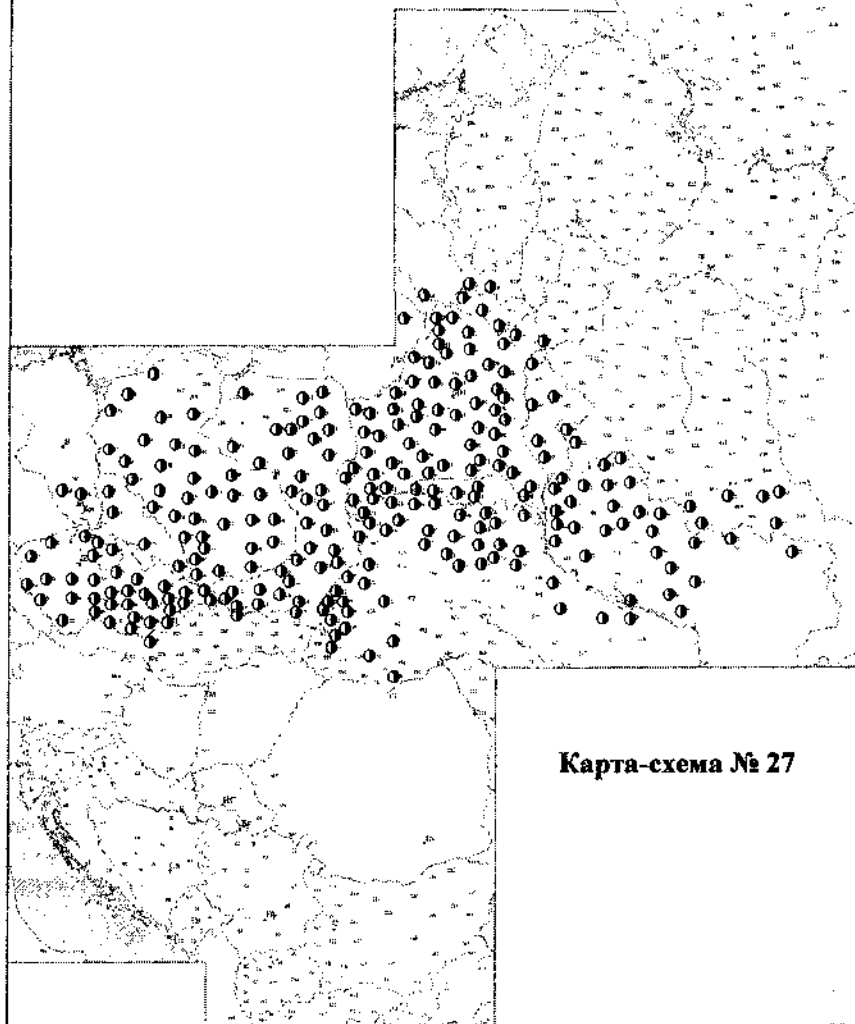
Карта-схема № 25

Распространение лексемы
● ob-ěd-ъ
ОЛА к.58 'завтрак, утренняя еда'

Карта-схема № 26

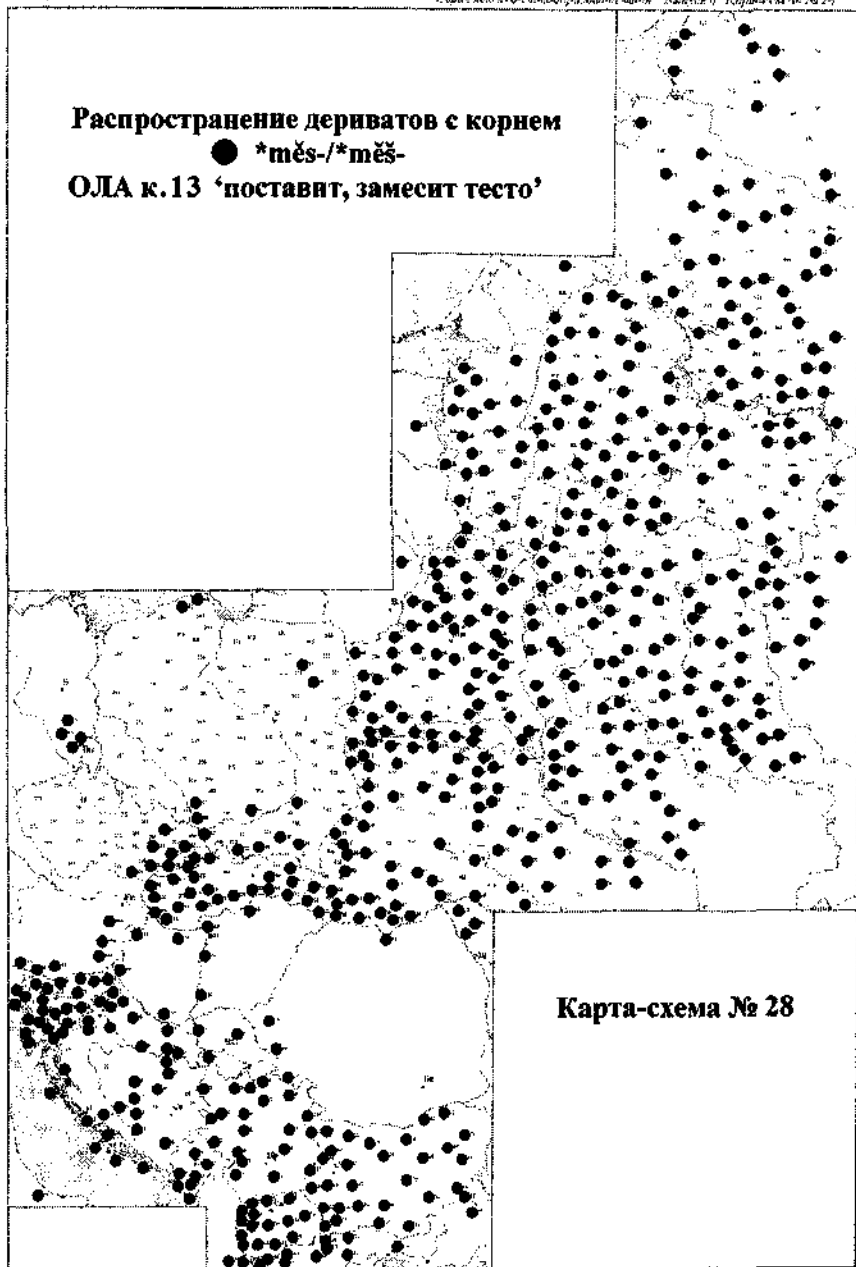
Распространение лексемы
● съп-ѣд-ань
ОЛА к.58 'завтрак, утренняя еда'

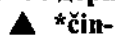
Распространение дериватов с корнем

● *mēs-/*měš-

ОЛА к.13 'поставит, замесит тесто'

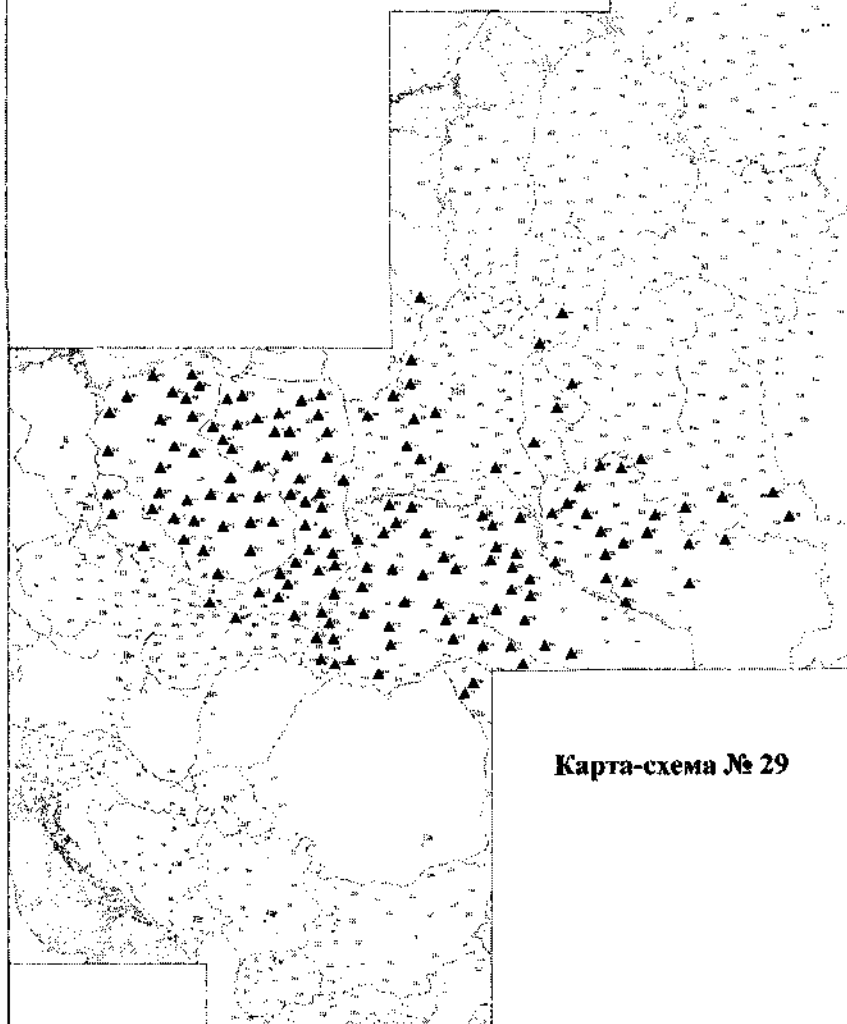

Распространение дериватов с корнем

*čip-

ОЛА к.13 'поставит, замесит тесто'

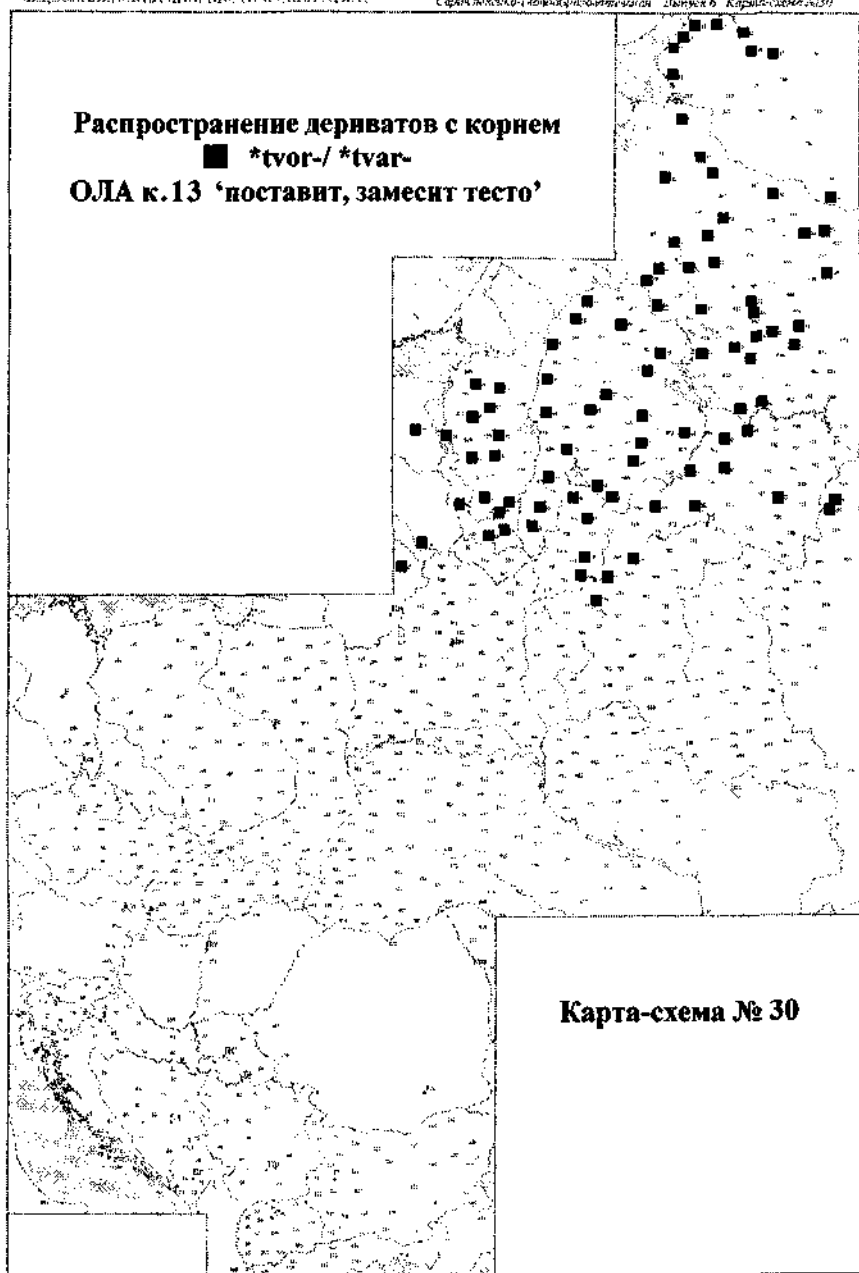

Карта-схема № 29

Распространение дериватов с корнем

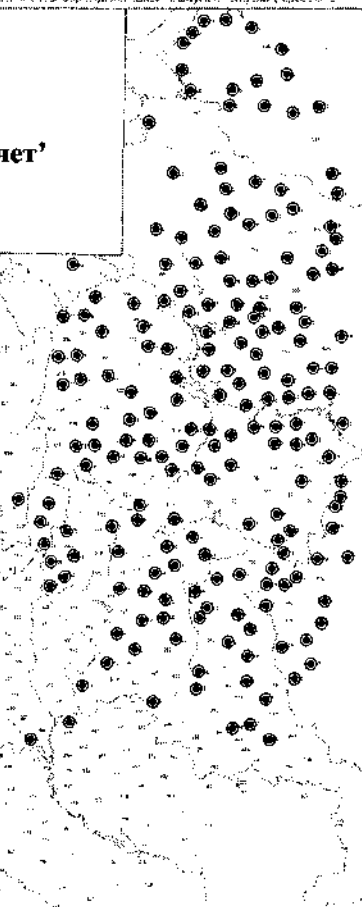
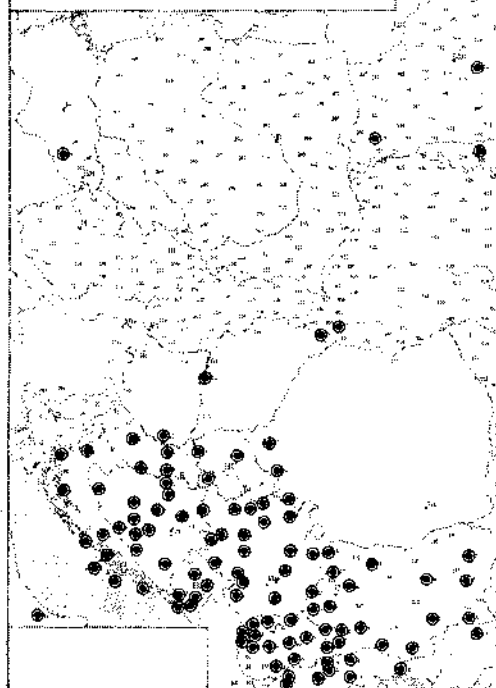
■ *tvor-/ *tvar-

ОЛА к.13 'поставит, замесит тесто'

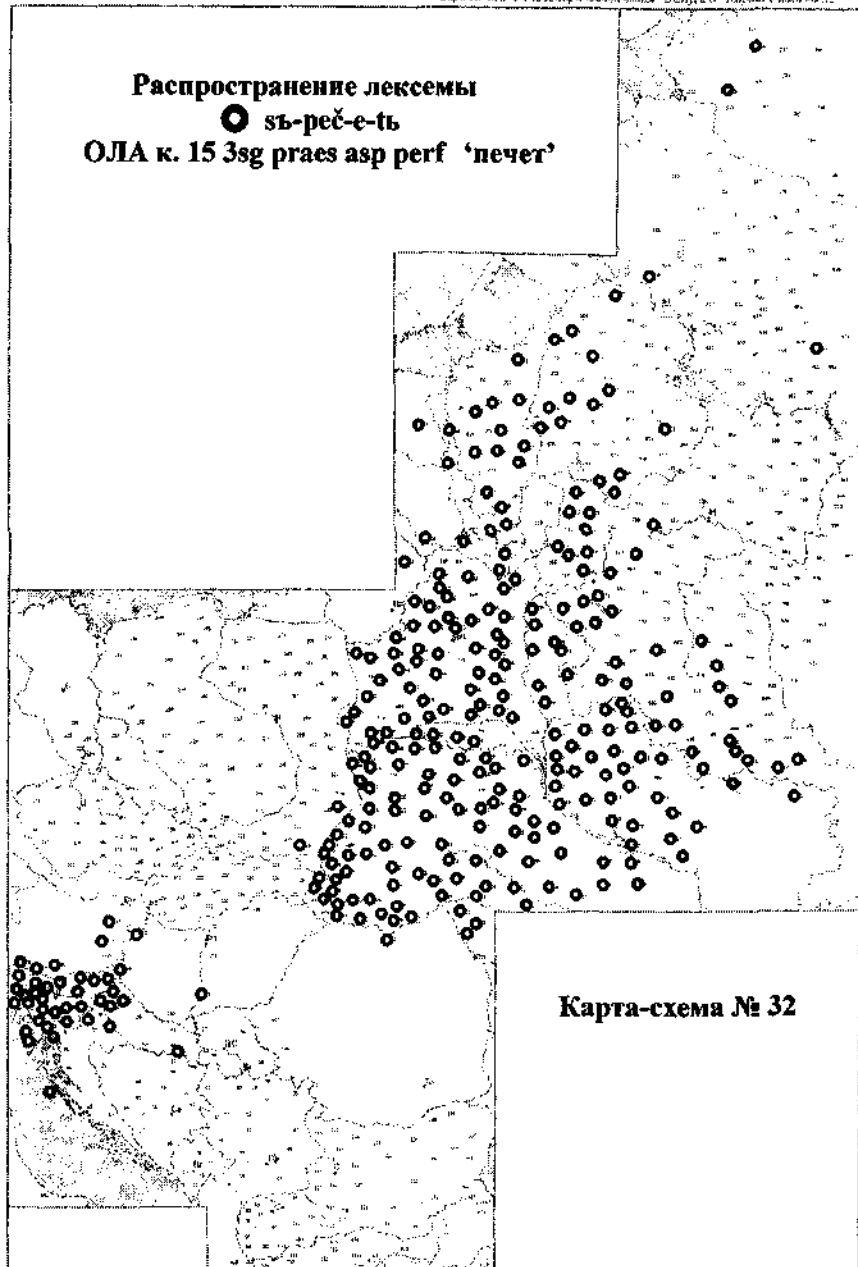
Карта-схема № 30

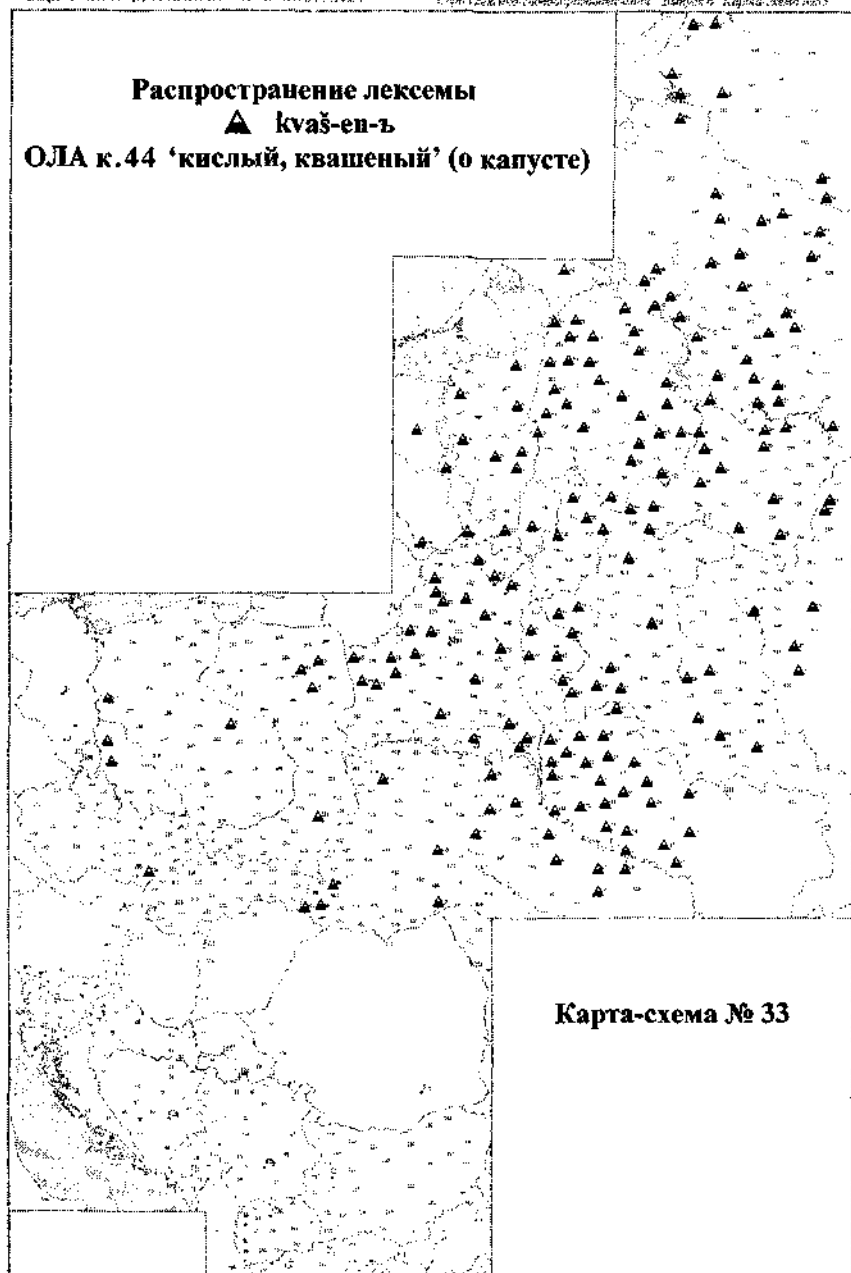
Распространение лексемы
● ъз-реѣ-с-ть
ОЛА к. 15 3sg praes asp perf 'печет'

Карта-схема № 31

Распространение лексемы
 ● съ-реѣ-ѣ-тъ
 ОЛА к. 15 3sg praes asp perf 'печет'

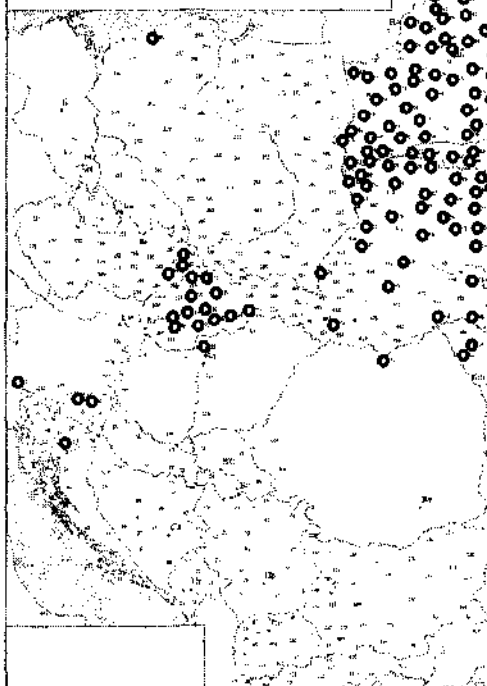

Распространение лексемы

● куз-ы-ь

ОЛА к.44 'кислый, квашеный' (о капусте)

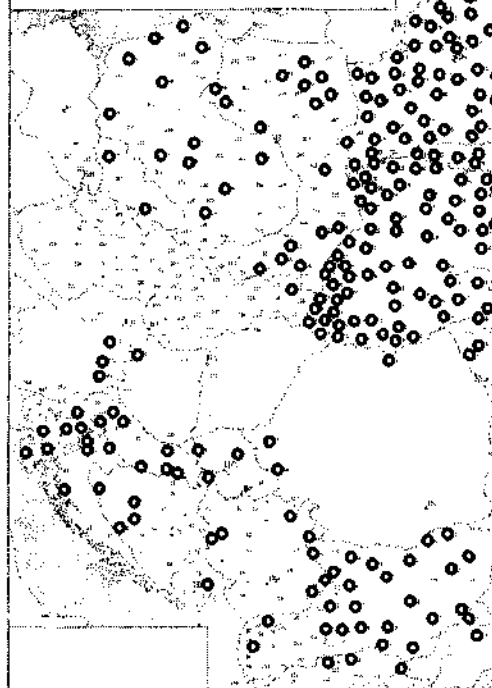

Карта-схема № 34

Распространение лексемы

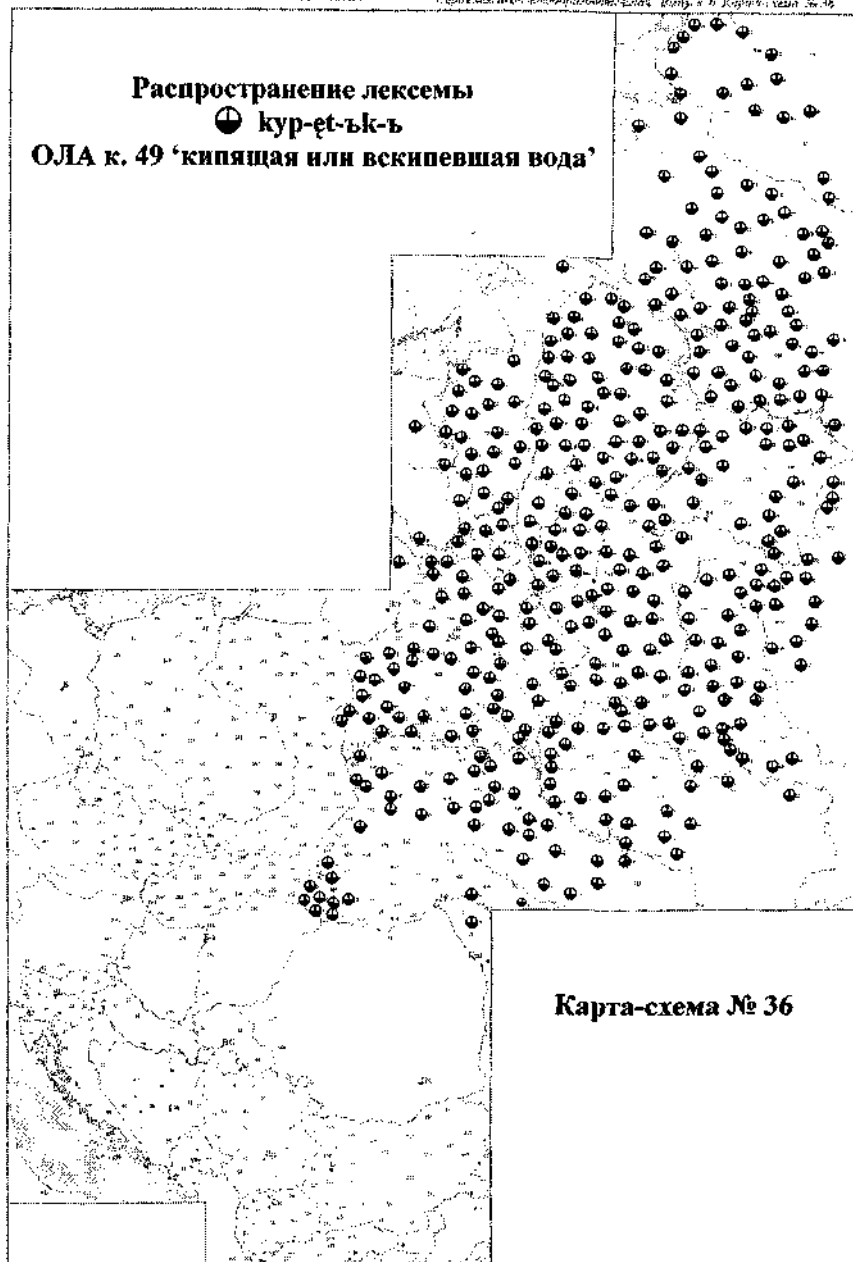
● кур-і-ть

ОЛА к. 47 'кипит' (вода)

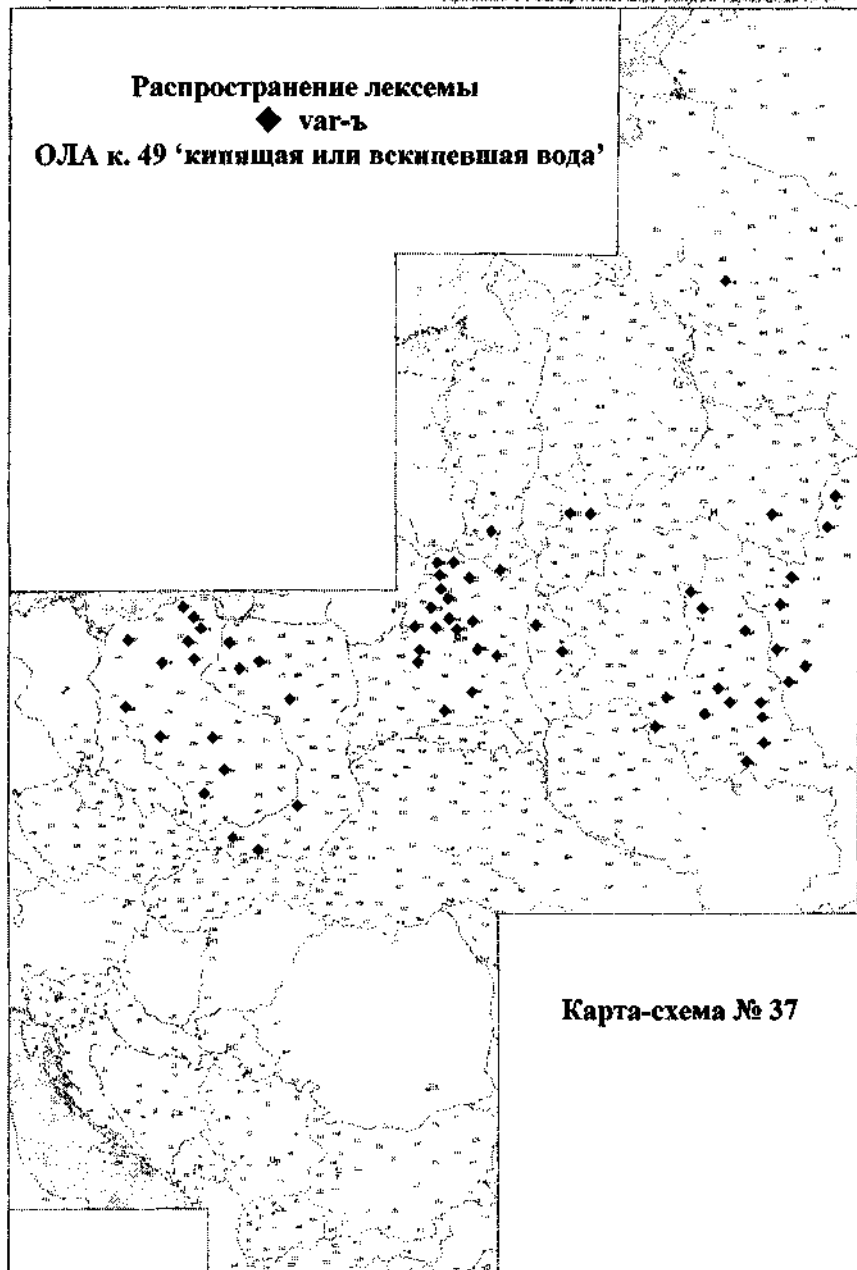

Карта-схема № 35

Распространение лексемы
 ☉ кур-ѣт-ък-ъ
 ОЛА к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'

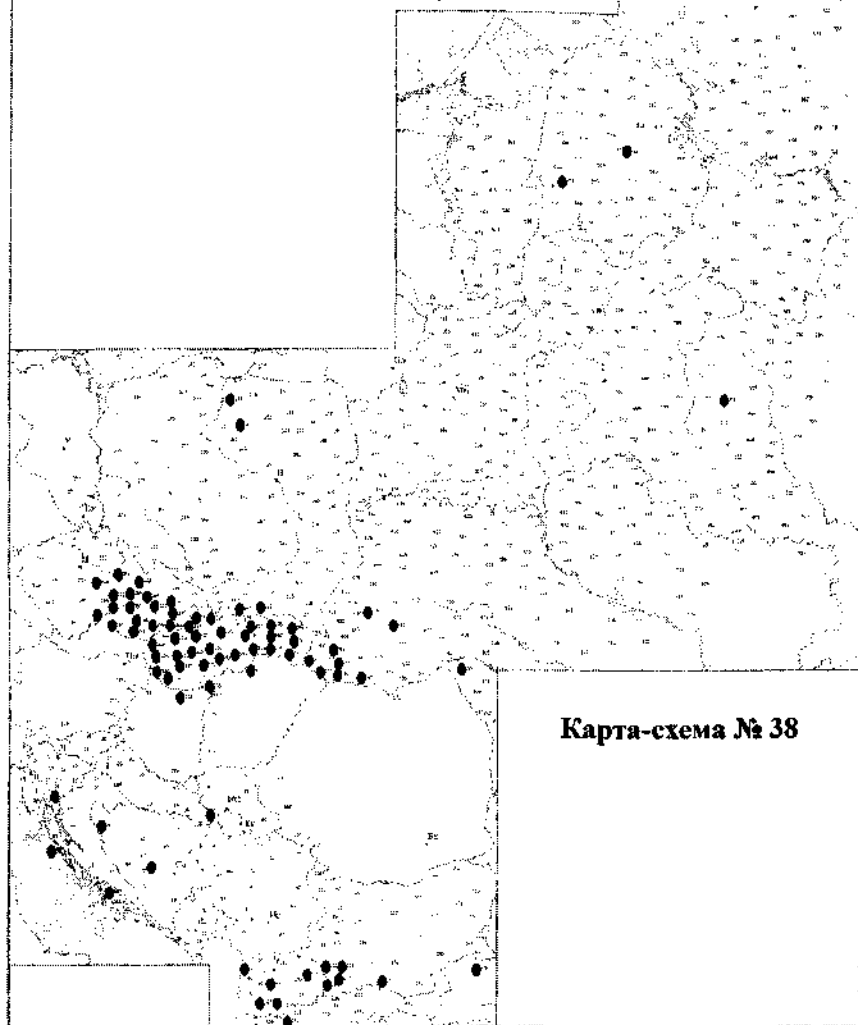
Распространение лексемы
◆ var-ъ
ОЛА к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'

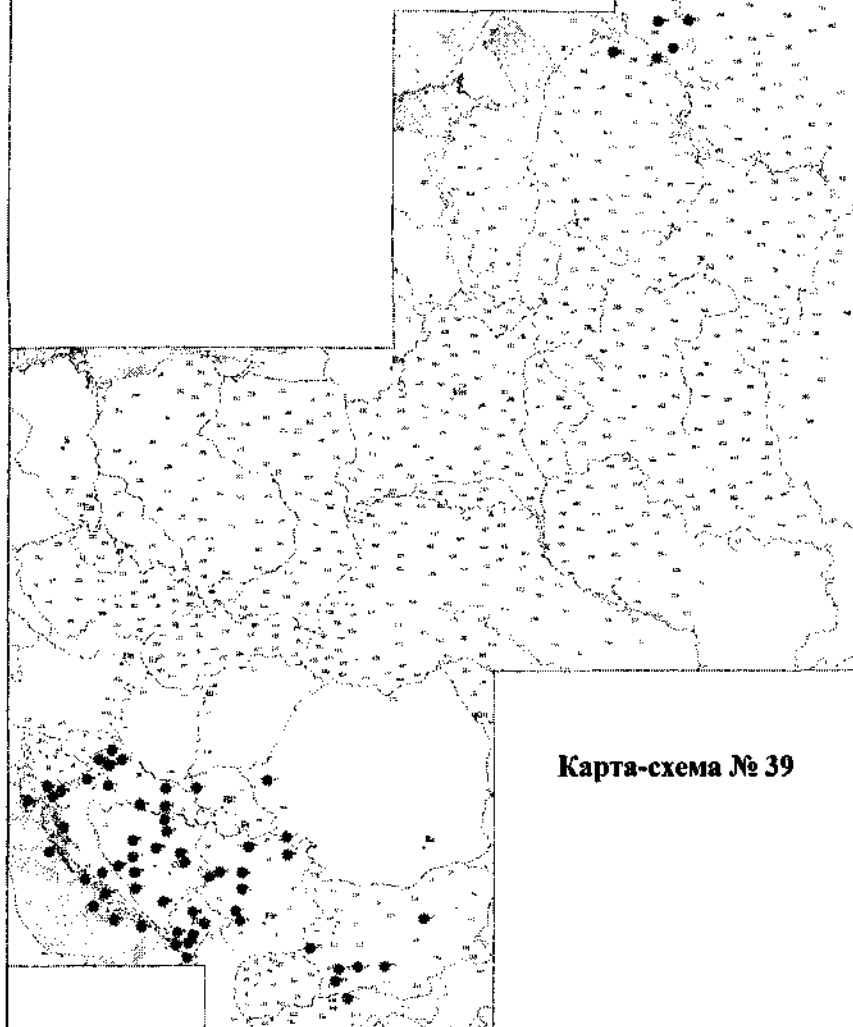
Карта-схема № 37

Распространение дериватов с корнем

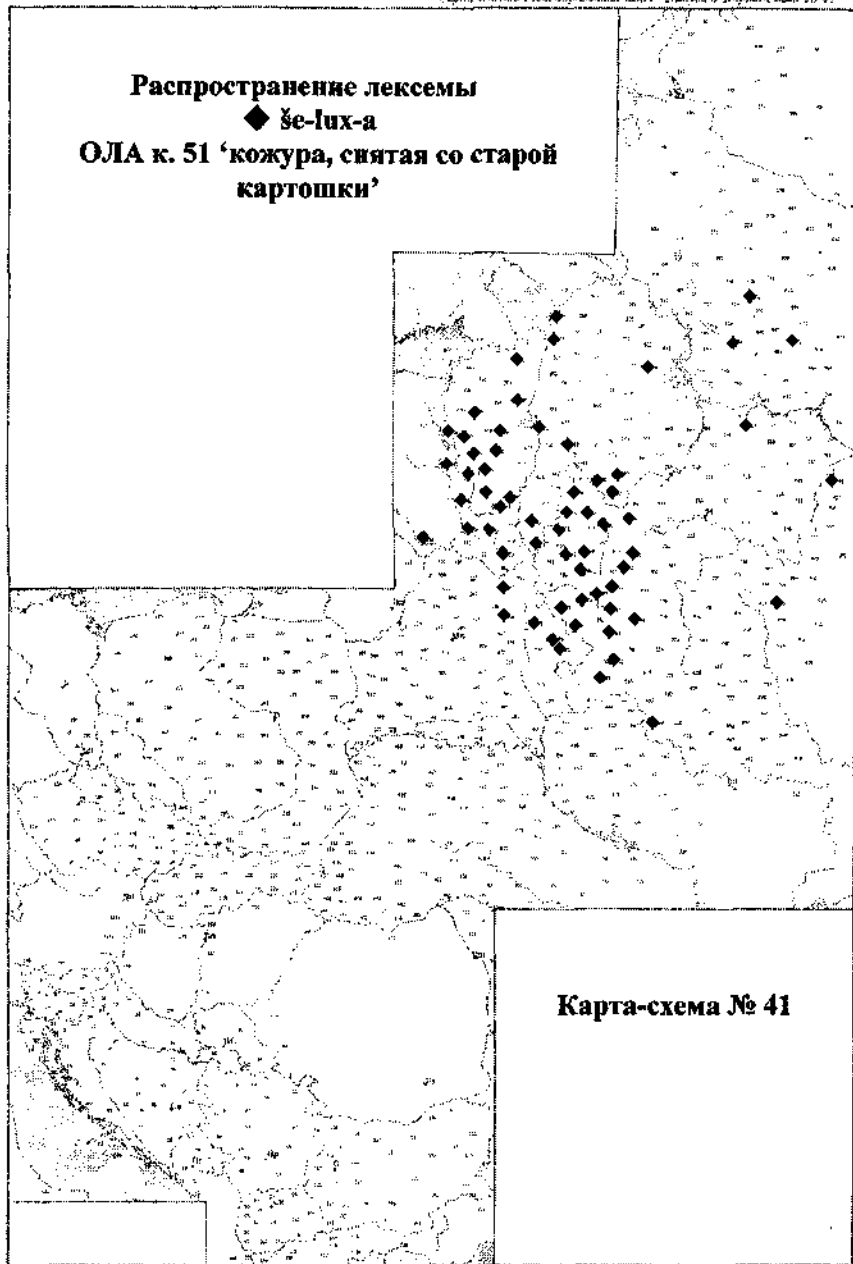
● *kys-

ОЛА к.14 'подходит, растет' (о тесте)**Карта-схема № 38**

Распространение лексемы
✱ kor-a
ОЛА к. 51 'кожура, снятая со старой
картошки'

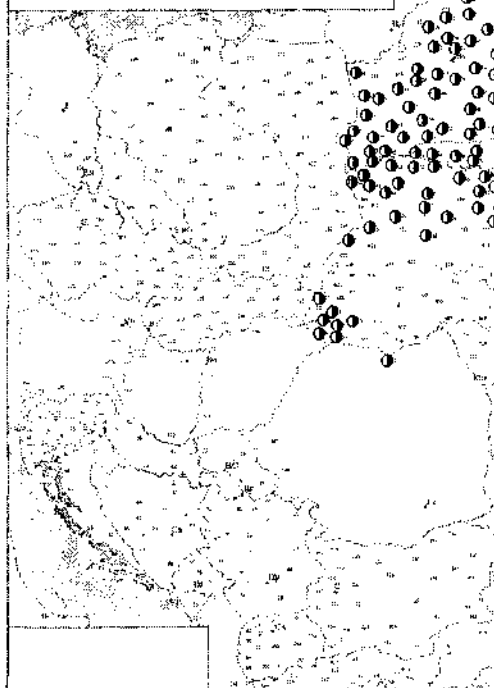

Распространение лексемы
◆ še-lux-a
ОЛА к. 51 'кожура, снятая со старой
картошки'

Карта-схема № 41

Распространение лексемы

● *kold-ez-ь* // *kold-ьс-ь*ОЛА к. 1 'вырытая в земле яма для
добывания воды, колодец'

Карта-схема № 42

Распространение лексем

① korm-y-sl-o	◇ (vag)-y
▽ (šand)-y	◆ (važ)-yk-y
⬢ kobył-ic-a	

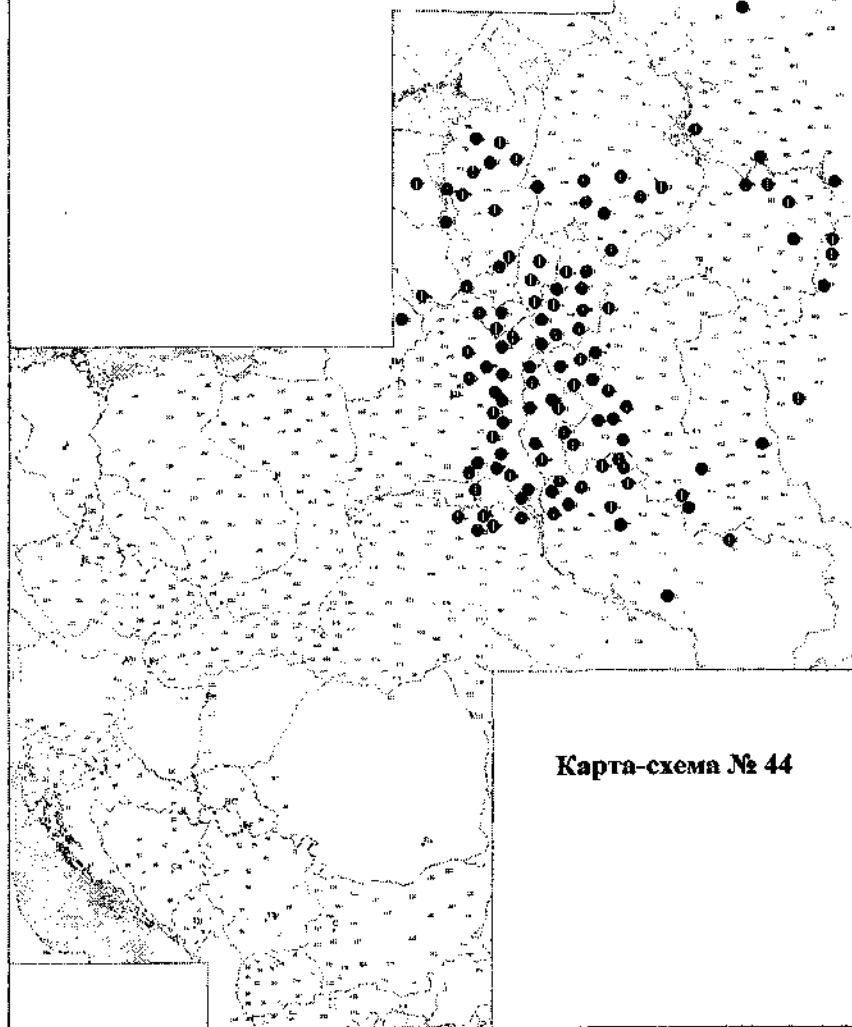
ОЛА к. 2 'деревянная дуга для ношения
ведер на плече,
кормысло'

Карта-схема № 43

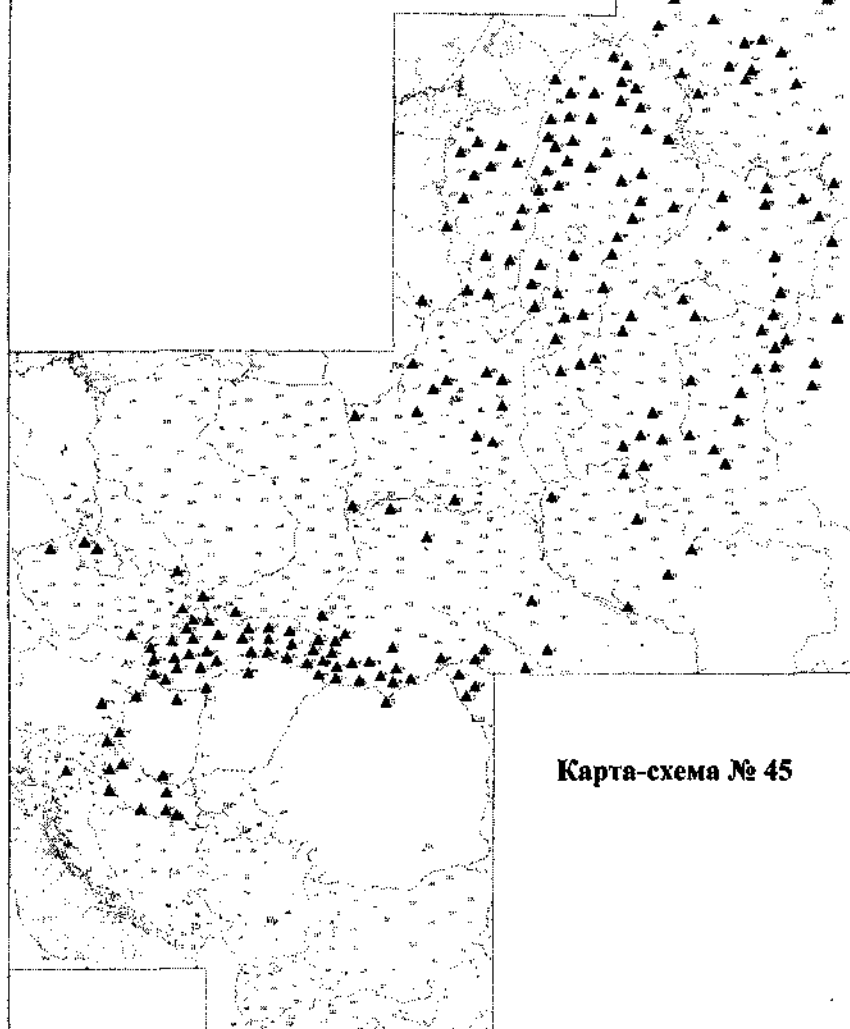
Распространение лексемы

① korm-y-sl-ъ

ОЛА к. 2 'деревянная дуга для ношения
ведер на плече, коромысло'

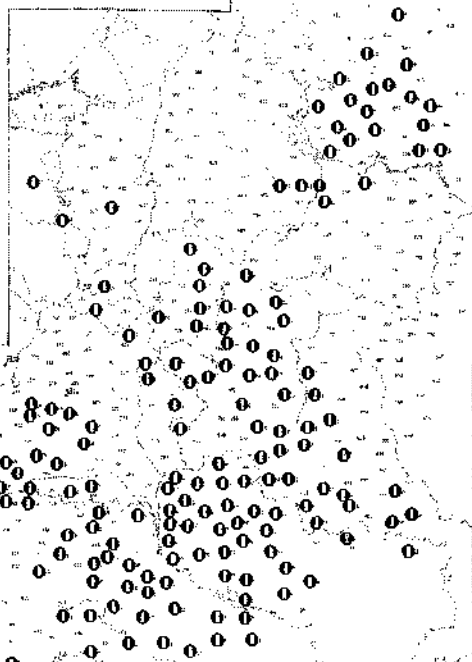
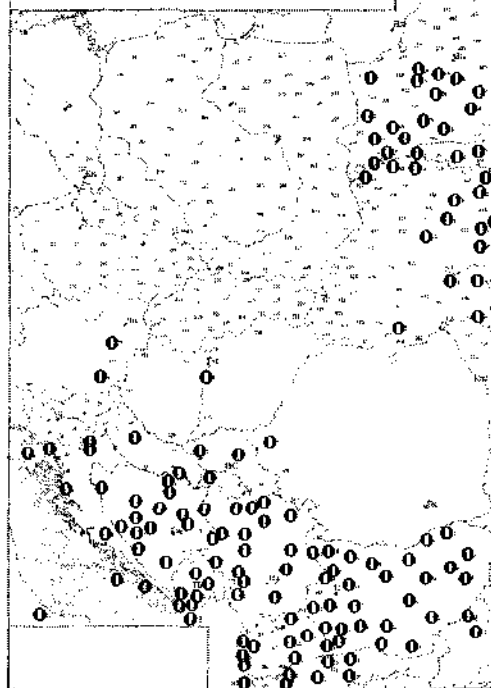
Карта-схема № 44

Распространение лексемы
▲ koryt-o
ОЛА к. 12 'деревянное корыто,
выдолбленное
из одного куска дерева'

Карта-схема № 45

Распространение лексемы
О пѣкт-ѣв-а
ОЛА к. 12 'деревянное корыто,
выдолбленное
из одного куска дерева'

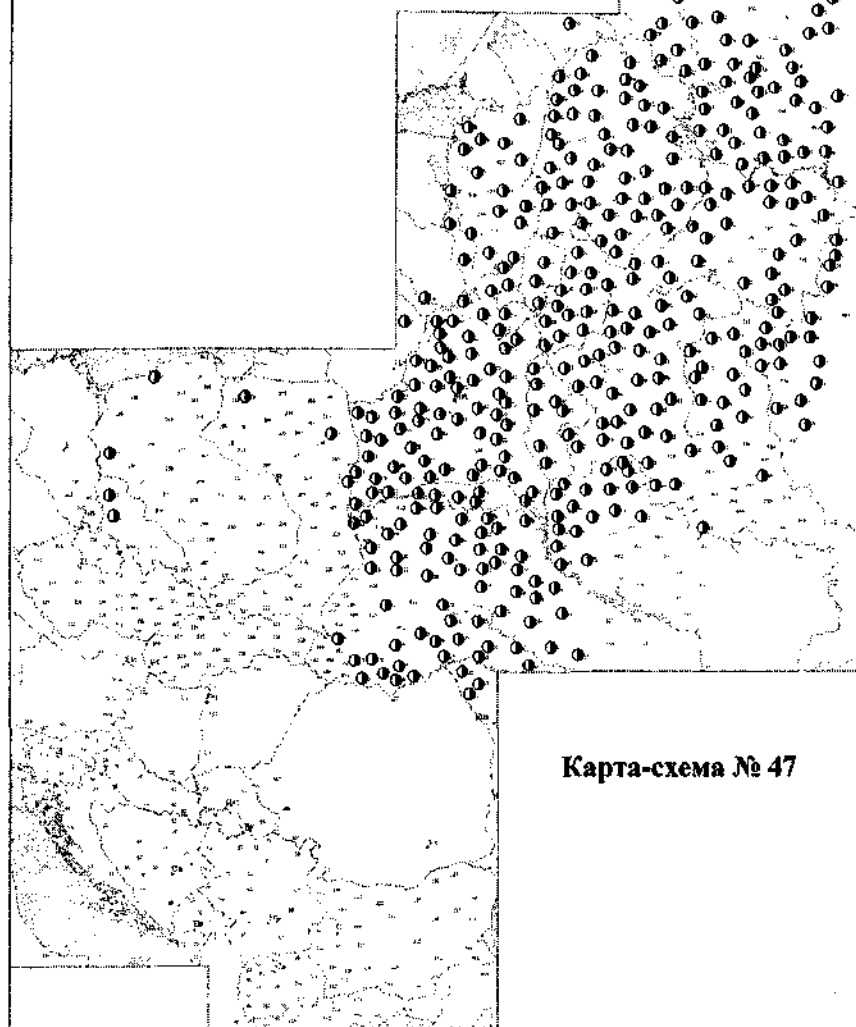

Карта-схема № 46

Распространение лексемы

● кѣѣ-ѣк-у

ОЛА к. 19 'крошки' (хлеба)

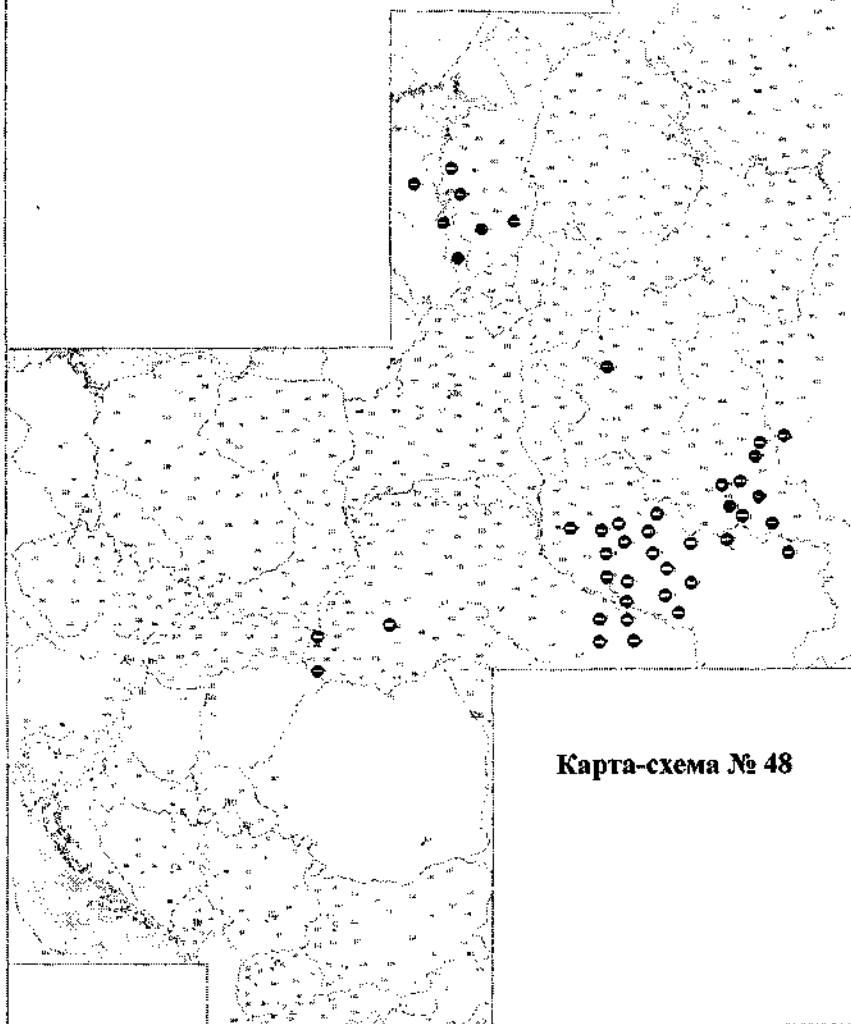

Распространение лексем

● кгрх-ът-у

● кгрх-ът-ък-у

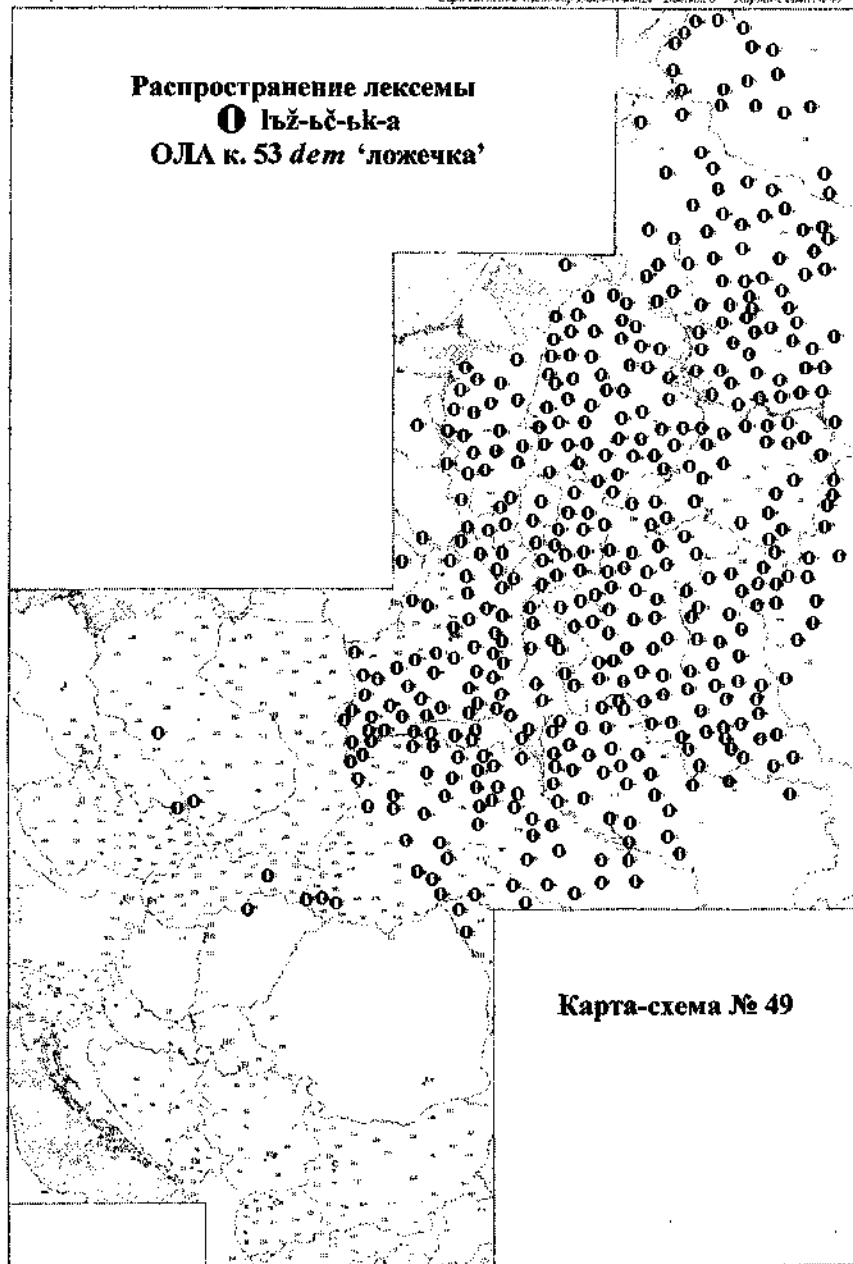
ОЛА к. 19 'крошки' (хлеба)

Карта-схема № 48

Распространение лексемы

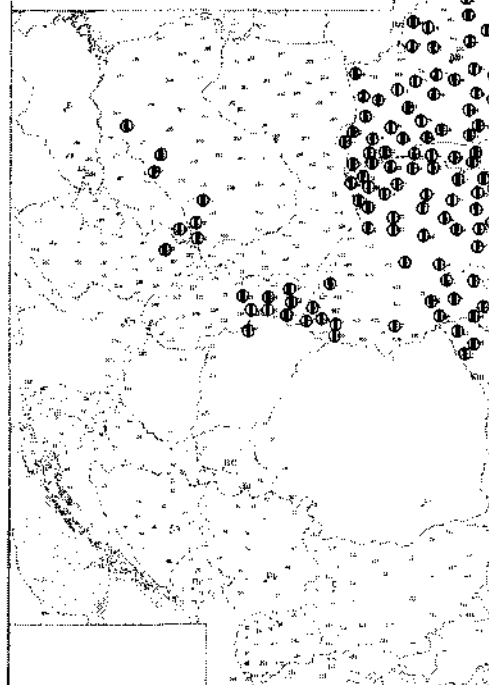
○ љѣ-ѣѣ-ѣѣ-ѣѣ

ОЛА к. 53 *det* 'ложечка'

Распространение лексемы

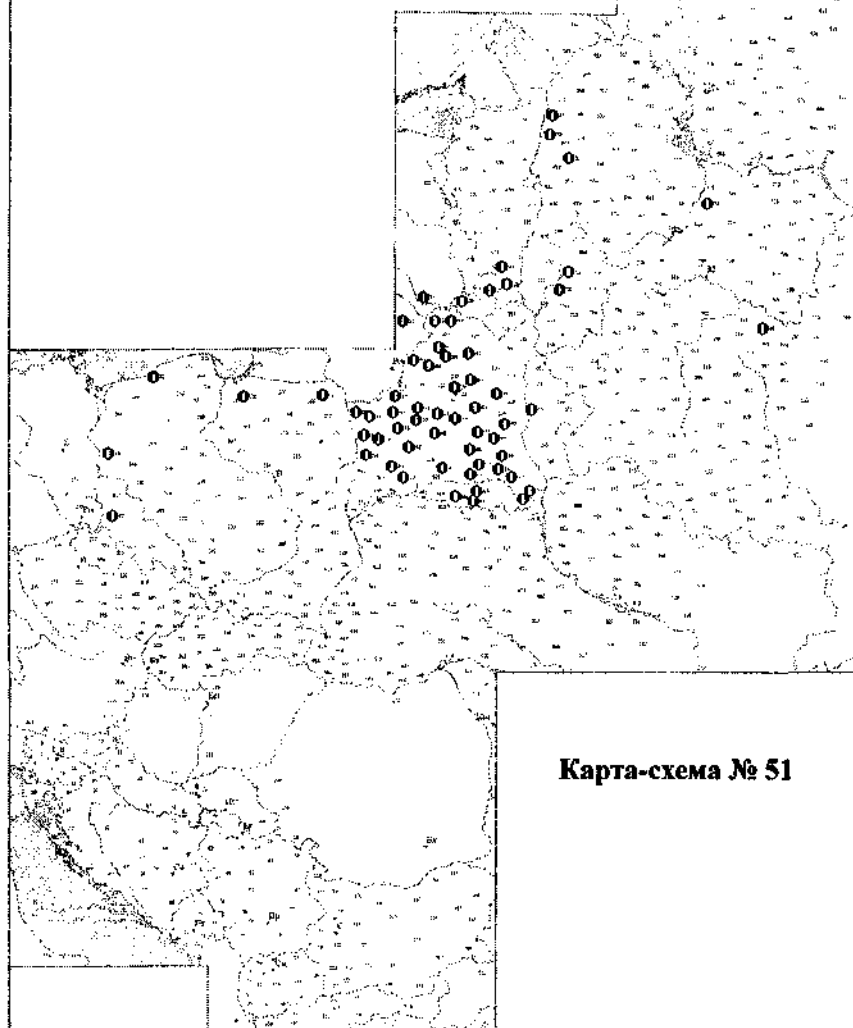
① Ыѣ-ѣк-а

ОЛА к. 52 'ложка'

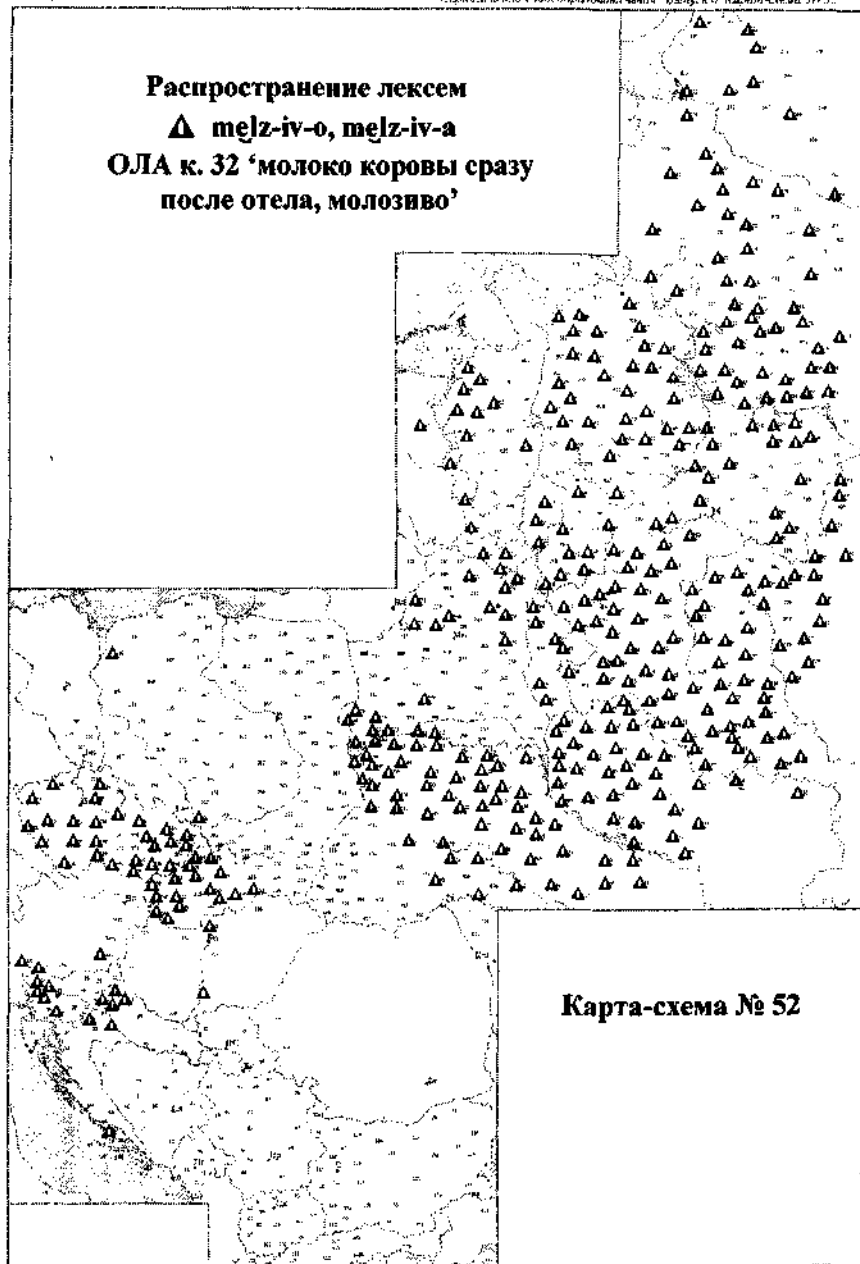
Карта-схема № 50

Распространение лексем
○ mold-iv-o, mold-iv-a
ОЛА к. 32 'молоко коровы сразу
после отела, молозиво'

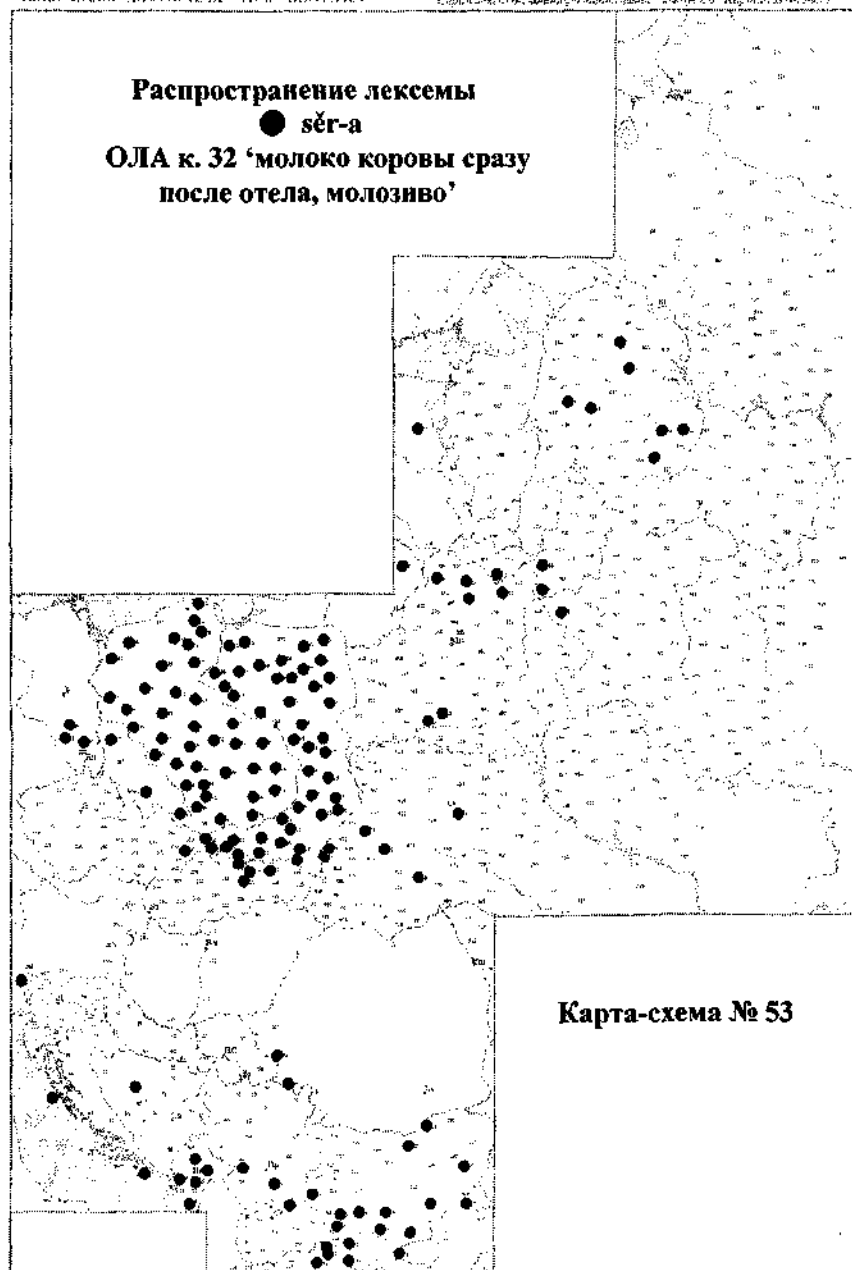

Карта-схема № 51

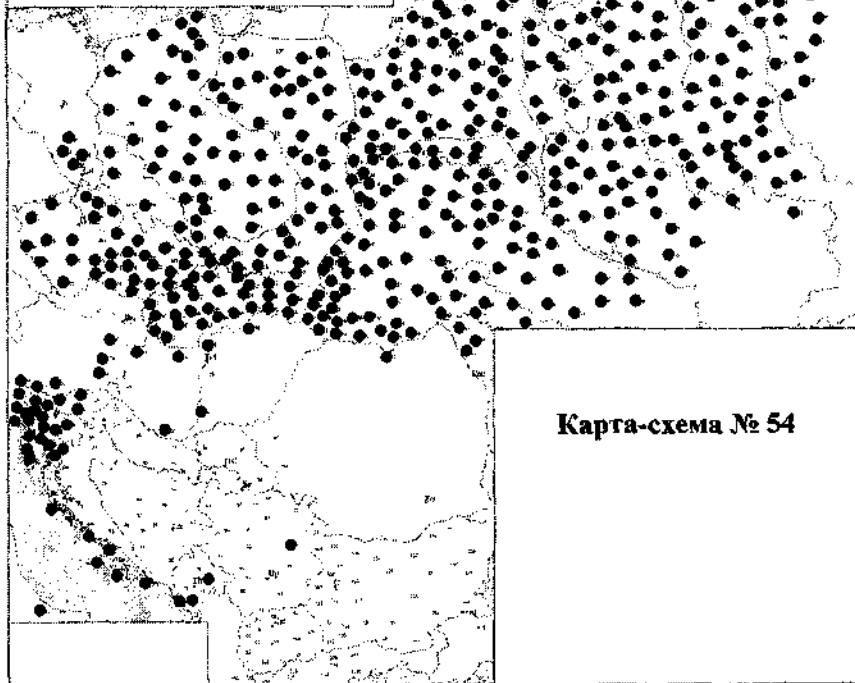
Распространение лексем
Δ melz-iv-o, melz-iv-a
ОЛА к. 32 'молоко коровы сразу
после отела, молозиво'

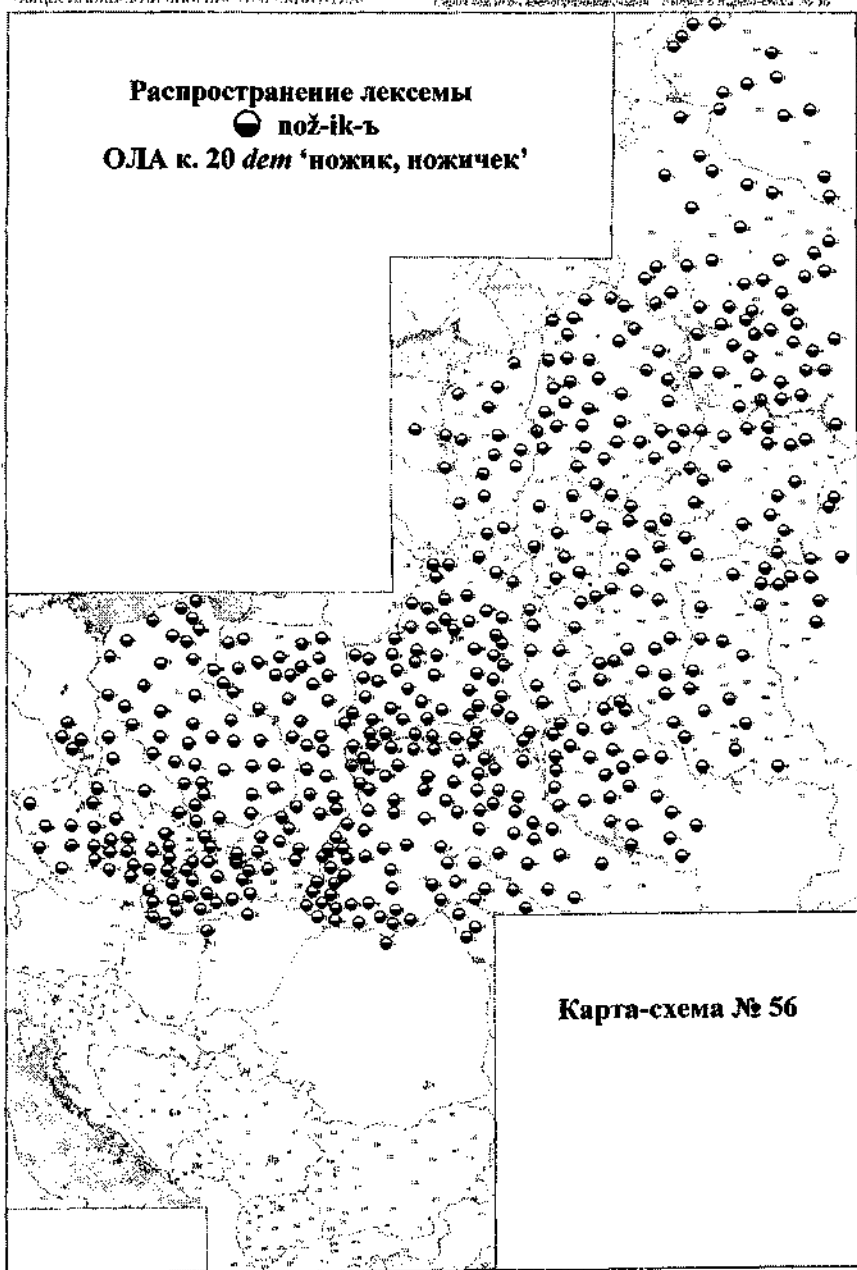
Карта-схема № 52

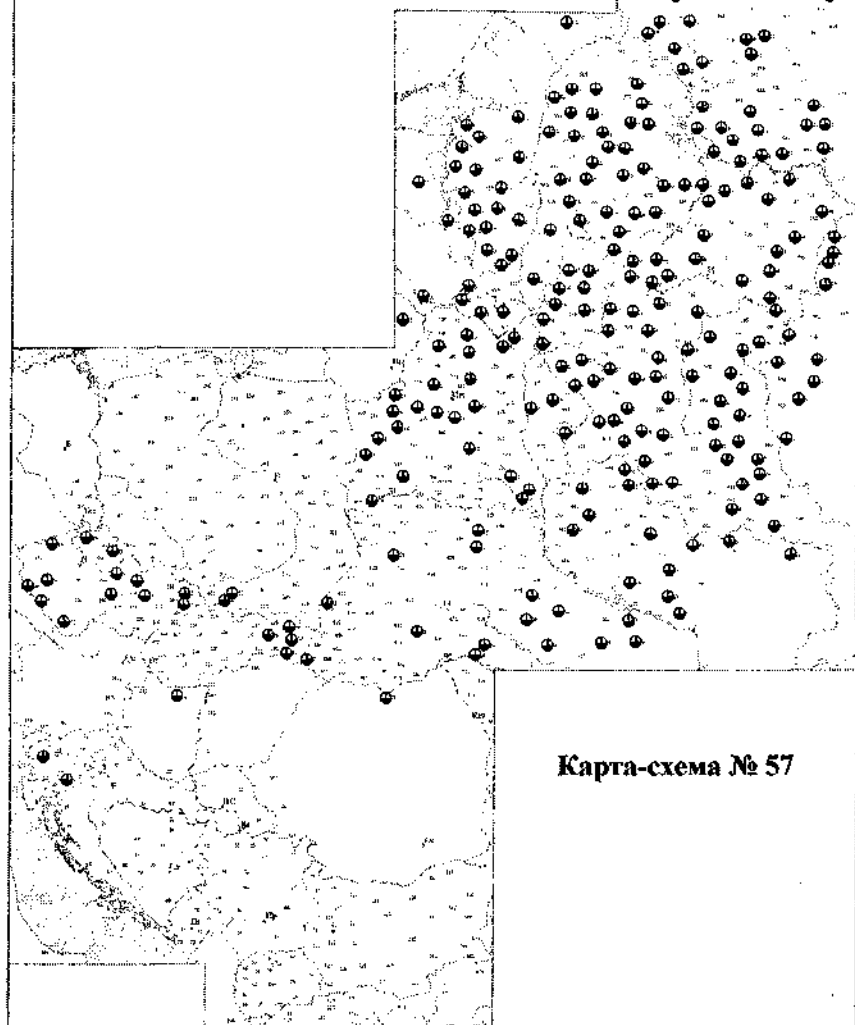
Распространение лексемы
● mǫk-a
ОЛА к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'

Распространение лексемы
 ● **pož-ik-ъ**
ОЛА к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'

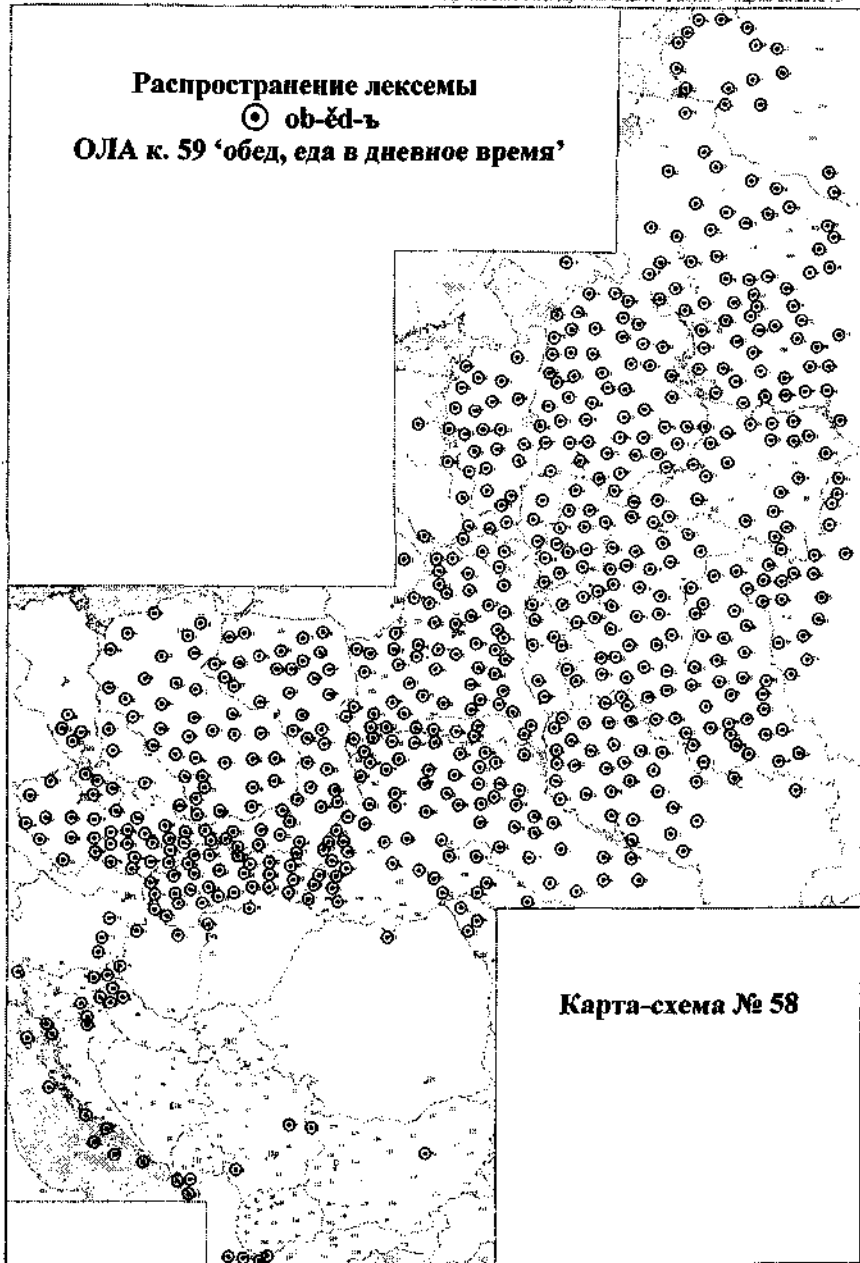
Распространение лексемы
 ⬤ pož-ič-ьk-ъ
 ОЛА к. 20 *det* 'ножик, ножичек'

Распространение лексики

● ob-ěd-ъ

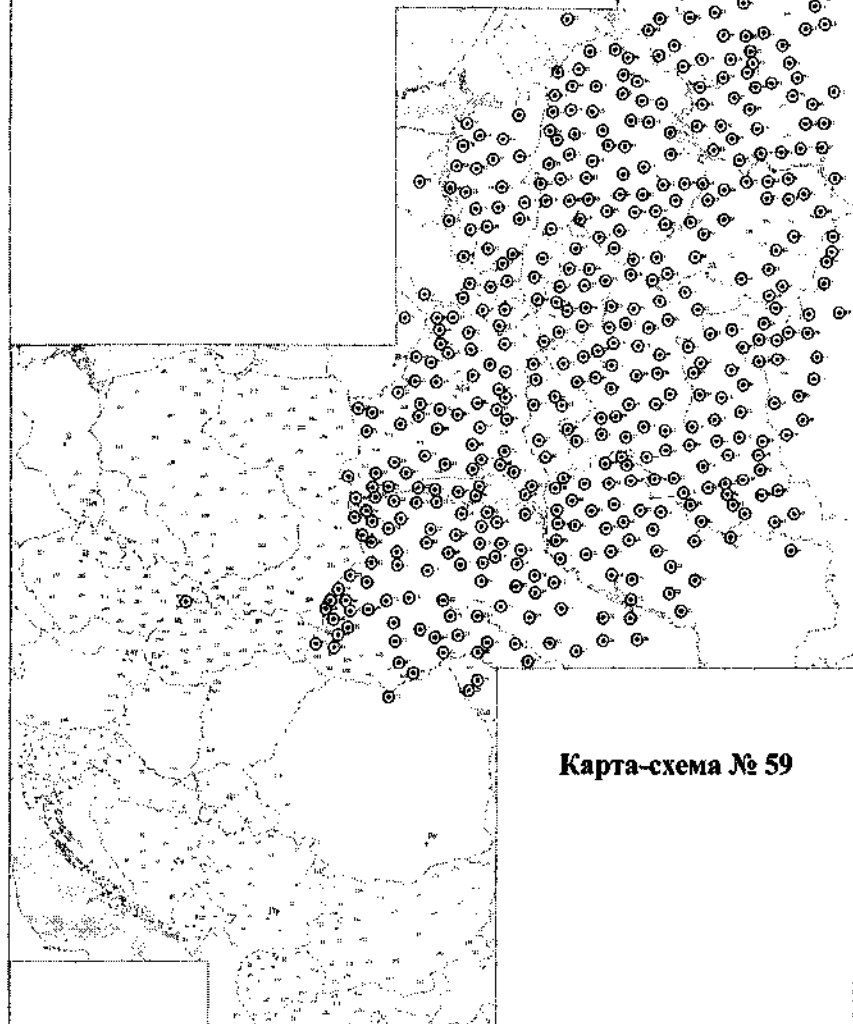
ОЛА к. 59 'обед, еда в дневное время'

Распространение лексемы

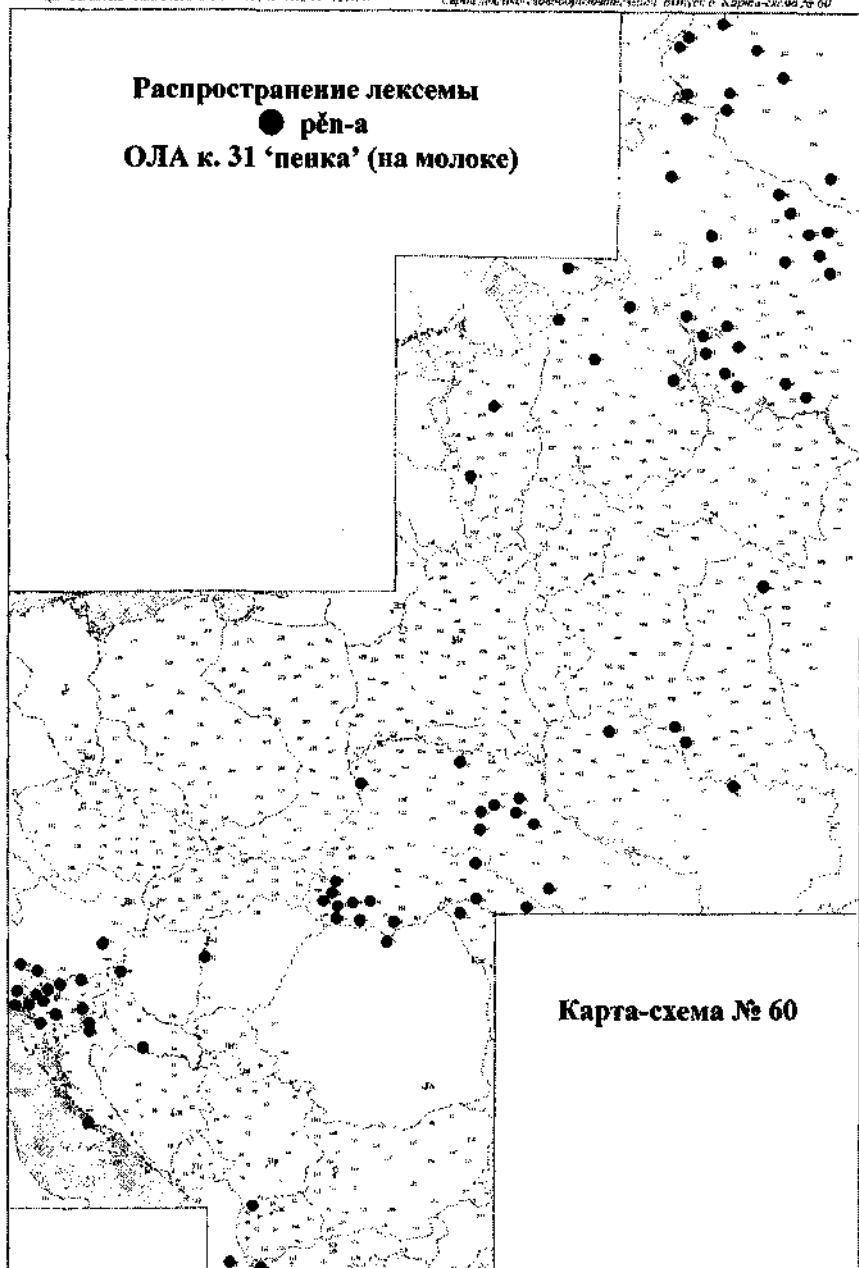
⊙ ob-ěd-a-j-e-tʹ

ОЛА к. 60 'ест обед'

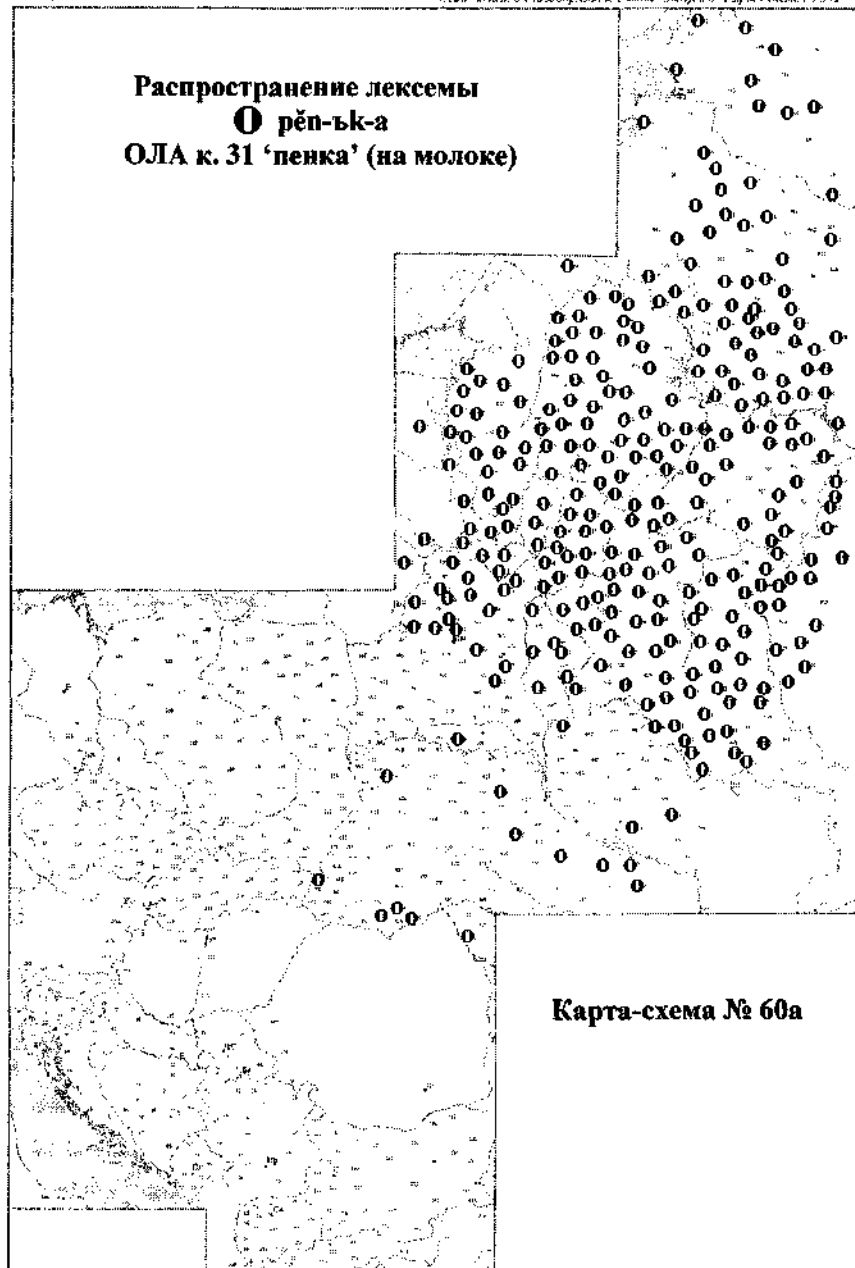

Карта-схема № 59

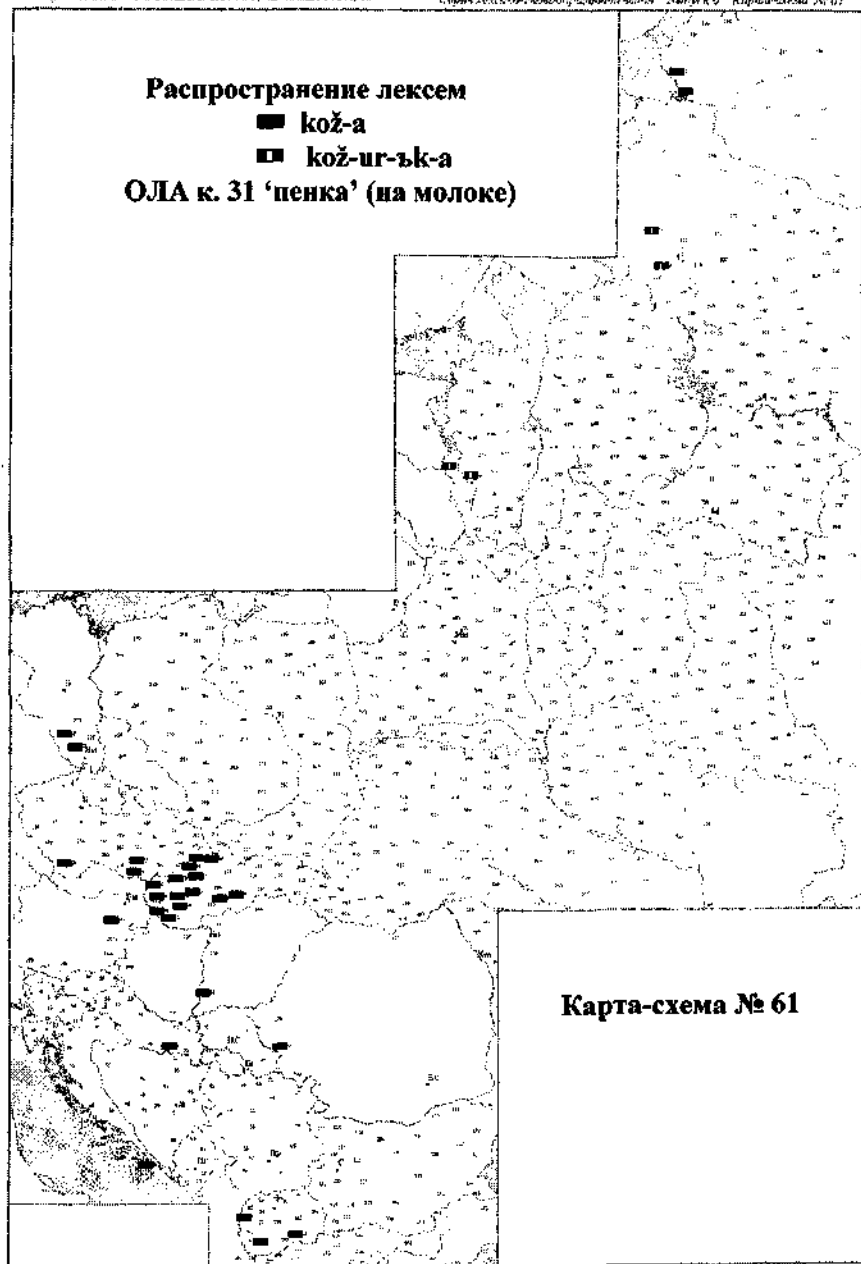
Распространение лексемы
● рѣп-а
ОЛА к. 31 'пенка' (на молоке)

Распространение лексемы
О рѣп-ьк-а
 ОЛА к. 31 'пенка' (на молоке)

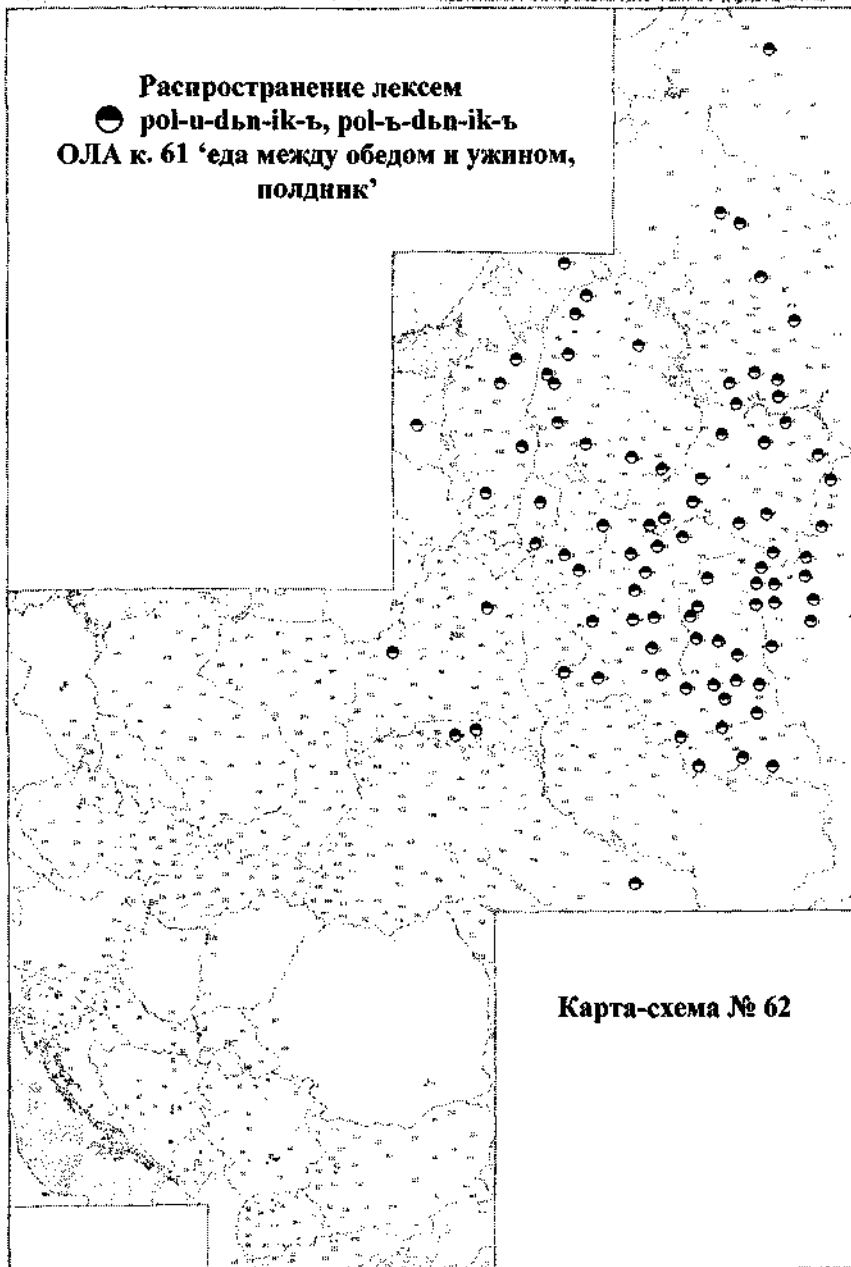

Распространение лексем
 ■ **kož-a**
 ■ **kož-ur-ъk-a**
ОЛА к. 31 'пенка' (на молоке)

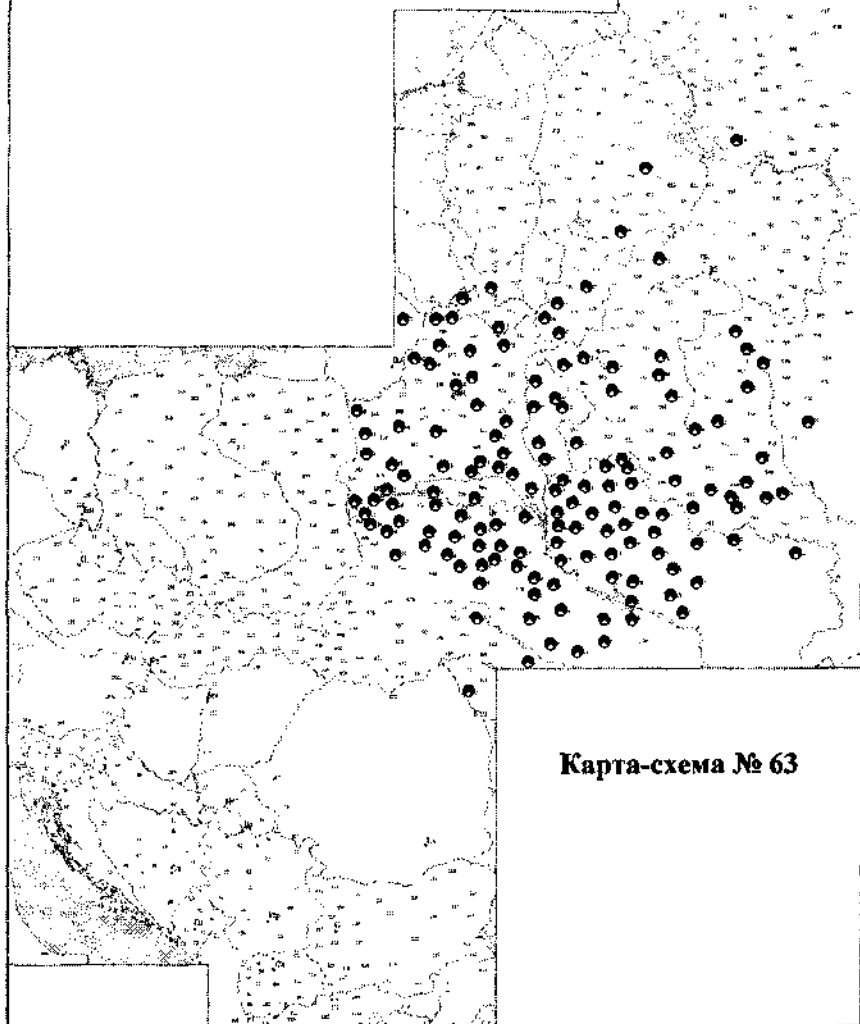
Карта-схема № 61

Распространение лексем
 ● rol-u-dyn-ik-ъ, rol-ъ-dyn-ik-ъ
 ОЛА к. 61 'еда между обедом и ужином,
 полдник'

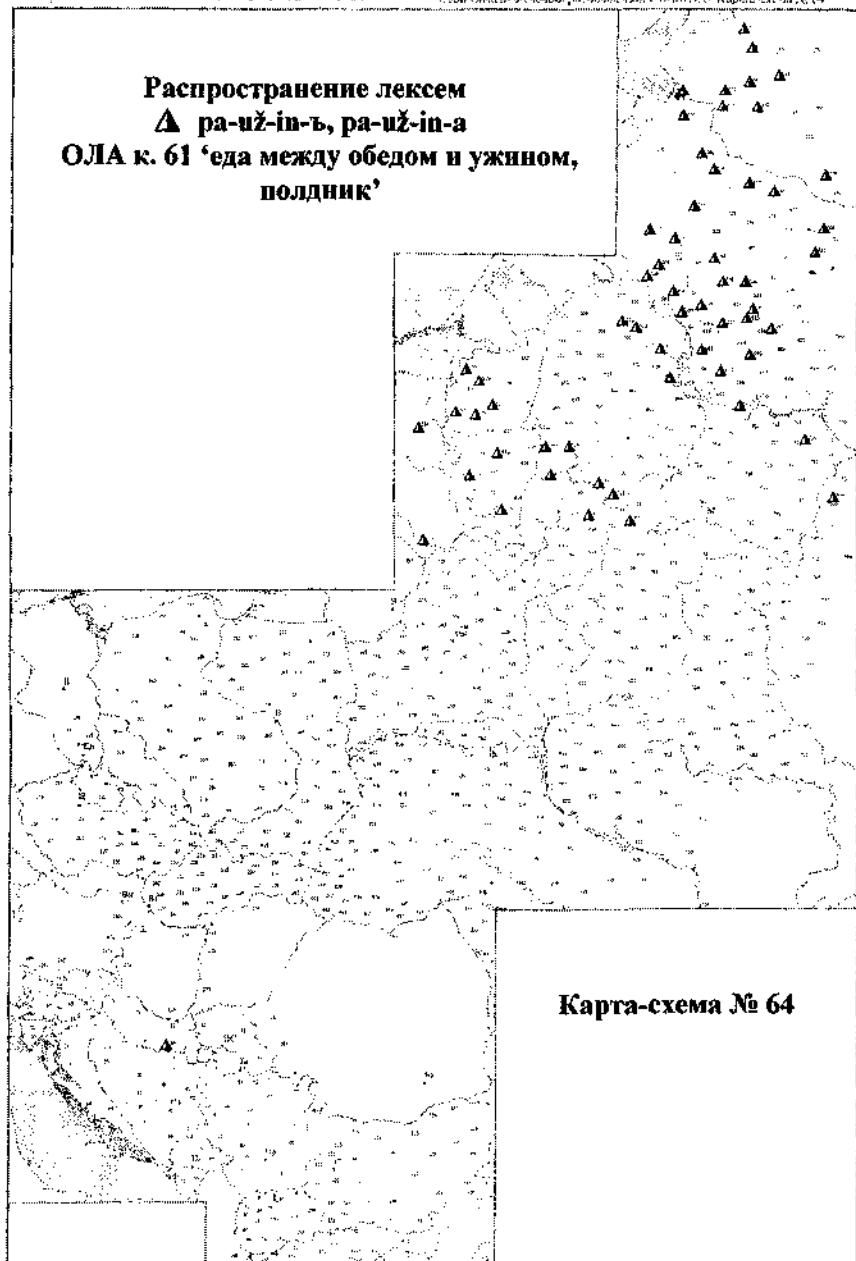
Карта-схема № 62

Распространение лексем
 ● **рој-и-дъп-ъ, рој-ъ-дъп-ъ**
 ОЛА к. 61 'еда между обедом и ужином,
 полдник'

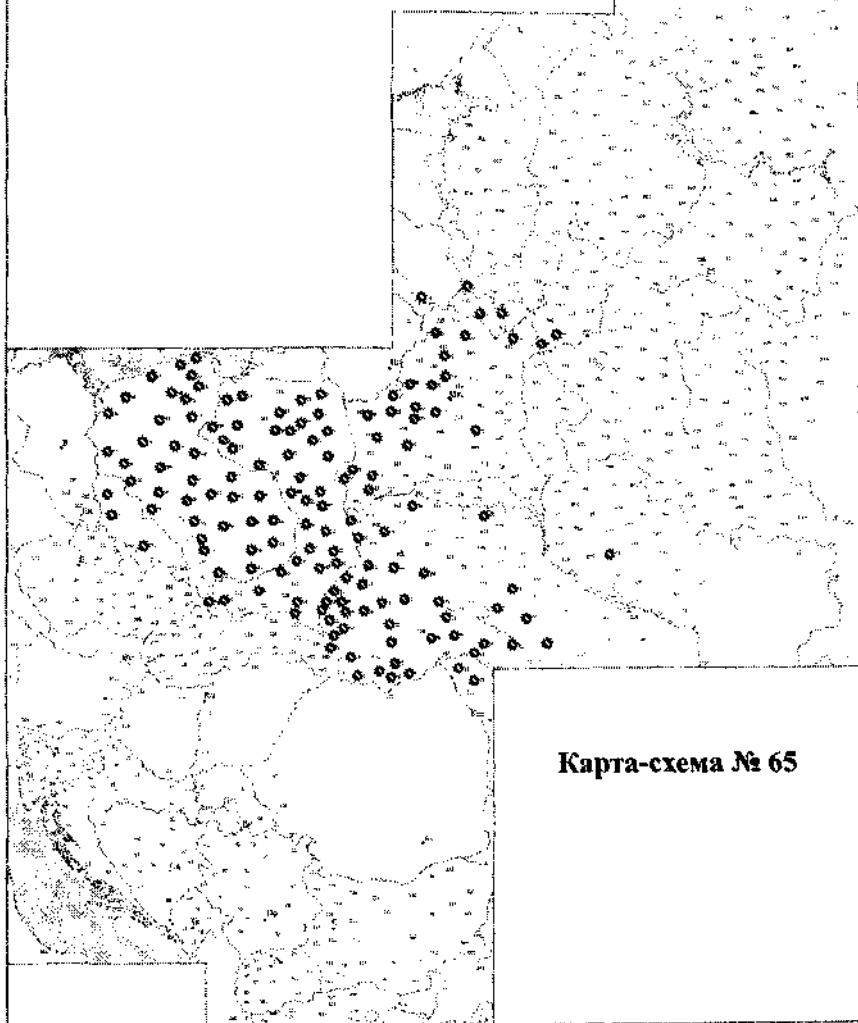
Карта-схема № 63

Распространение лексем
Δ **ра-иž-in-ъ, ра-иž-in-a**
ОЛА к. 61 'еда между обедом и ужином,
полдник'

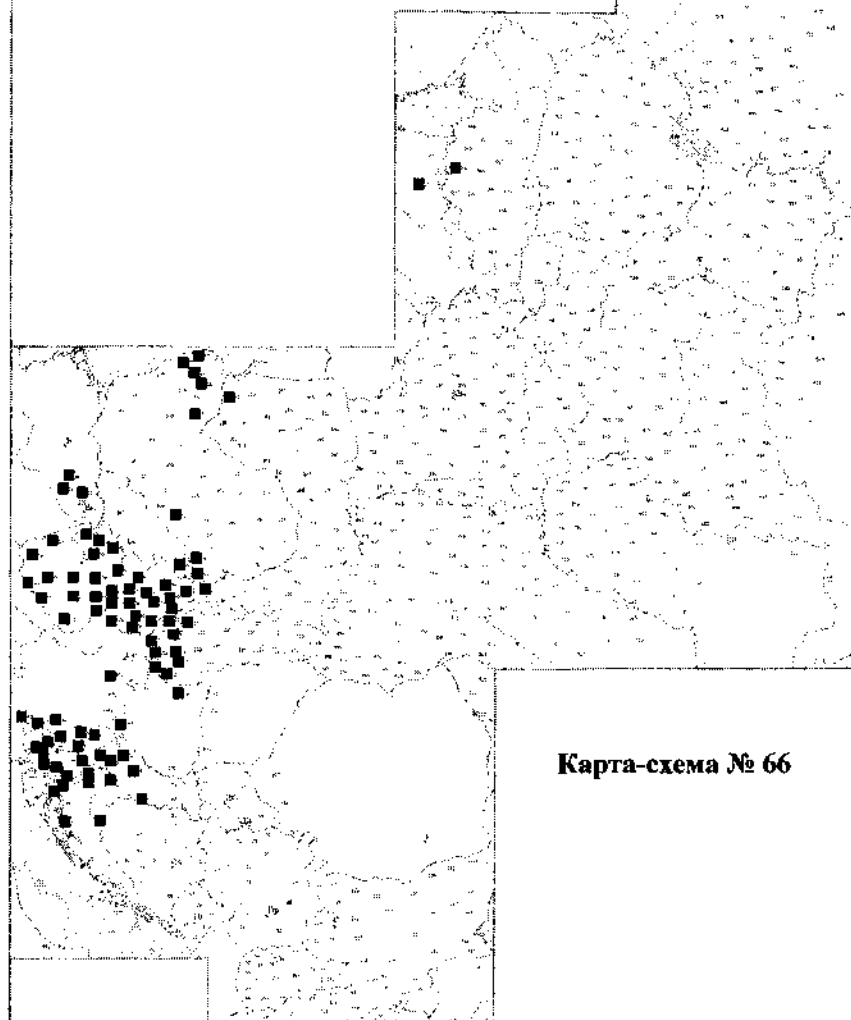
Карта-схема № 64

Распространение лексики
 * **rodъ-veŭeg-ъk-ъ**
ОЛА к. 61 'еда между обедом и ужином,
полдник'

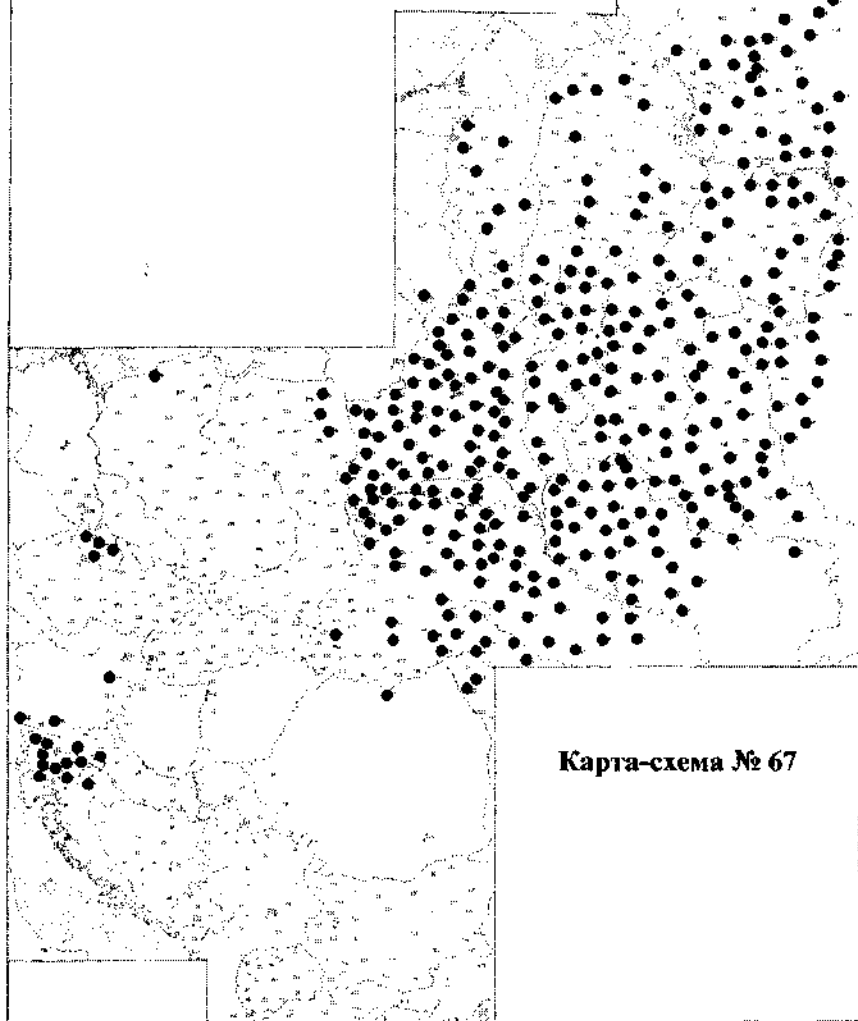

Карта-схема № 65

Распространение лексем
■ (traxter)-ь, (trixter)-ь
ОЛА к. 5 'воронка для переливания
жидкости в сосуд с узким горлом'

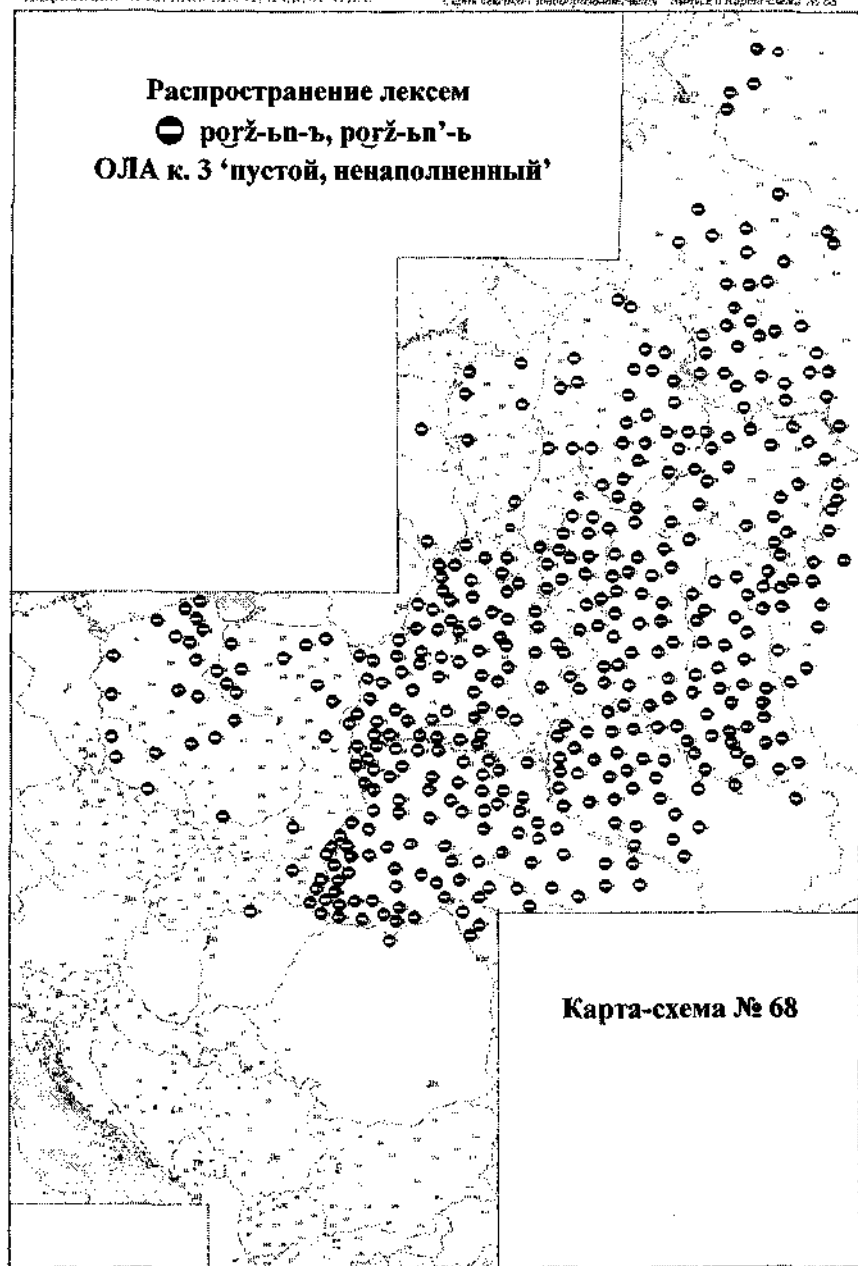

Распространение дериватов с корнем
● *ход(j)-/*хад(j)-
ОЛА к.14 'подходит, растет' (о тесте)

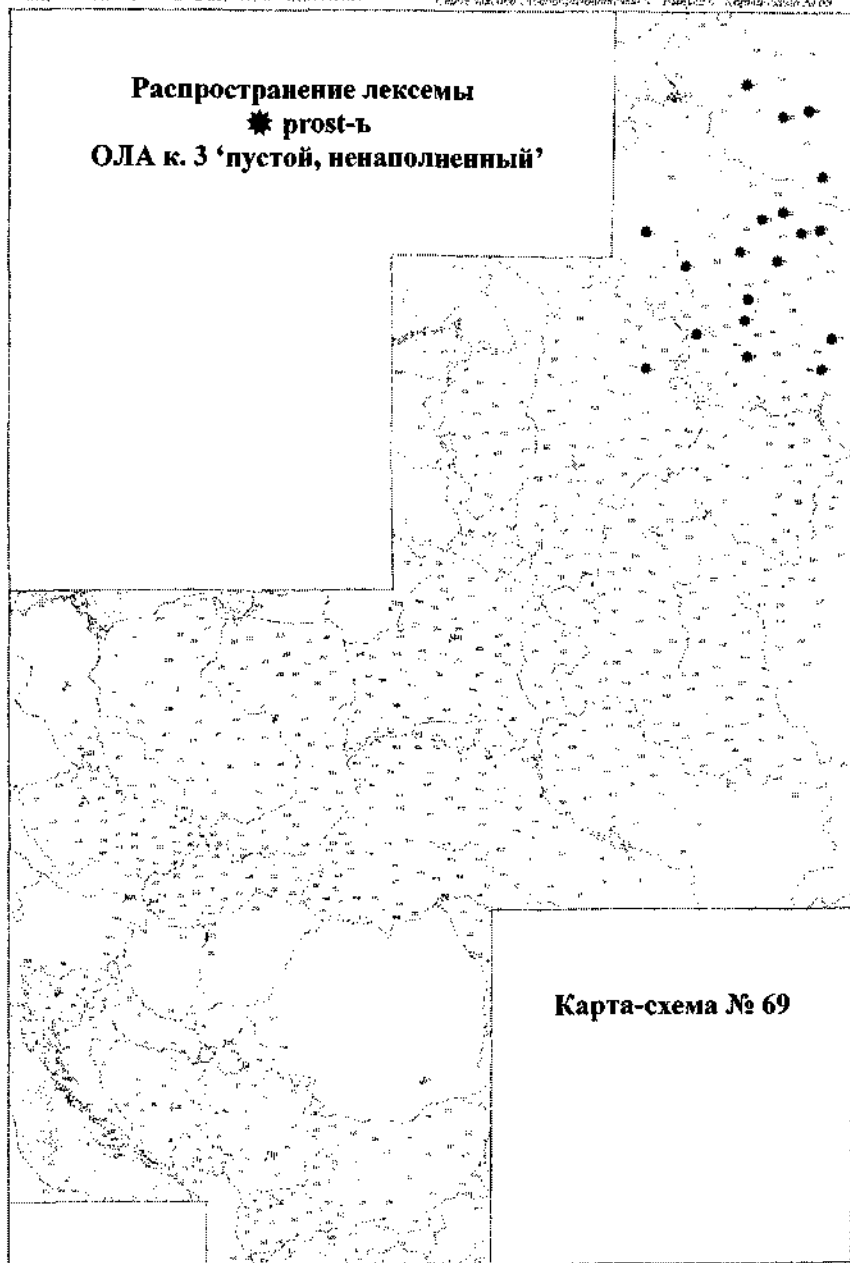

Карта-схема № 67

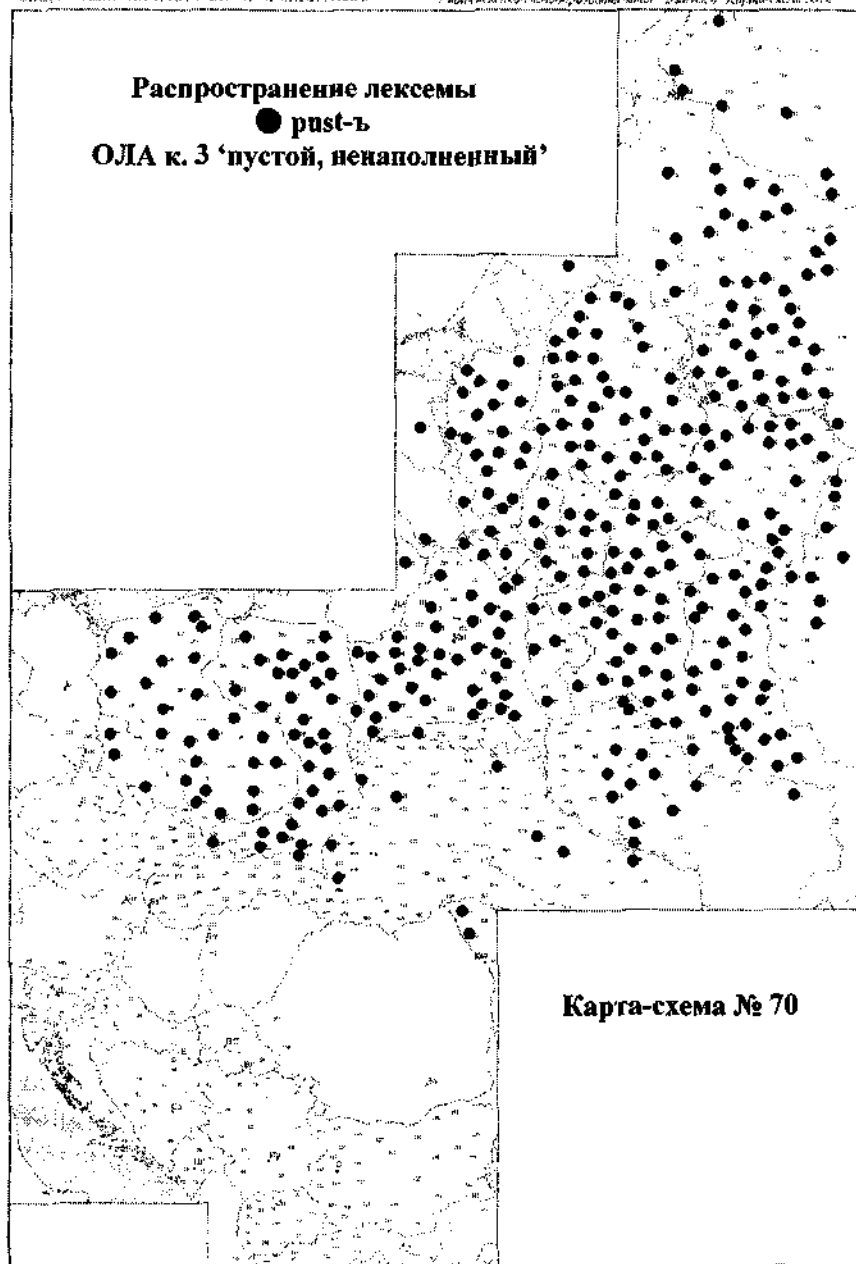
Распространение лексем
 ● *rogž-yp-ъ, rogž-yp'-ъ*
 ОЛА к. 3 'пустой, ненаполненный'

Распространение лексемы
✱ prost-ъ
ОЛА к. 3 'пустой, ненаполненный'

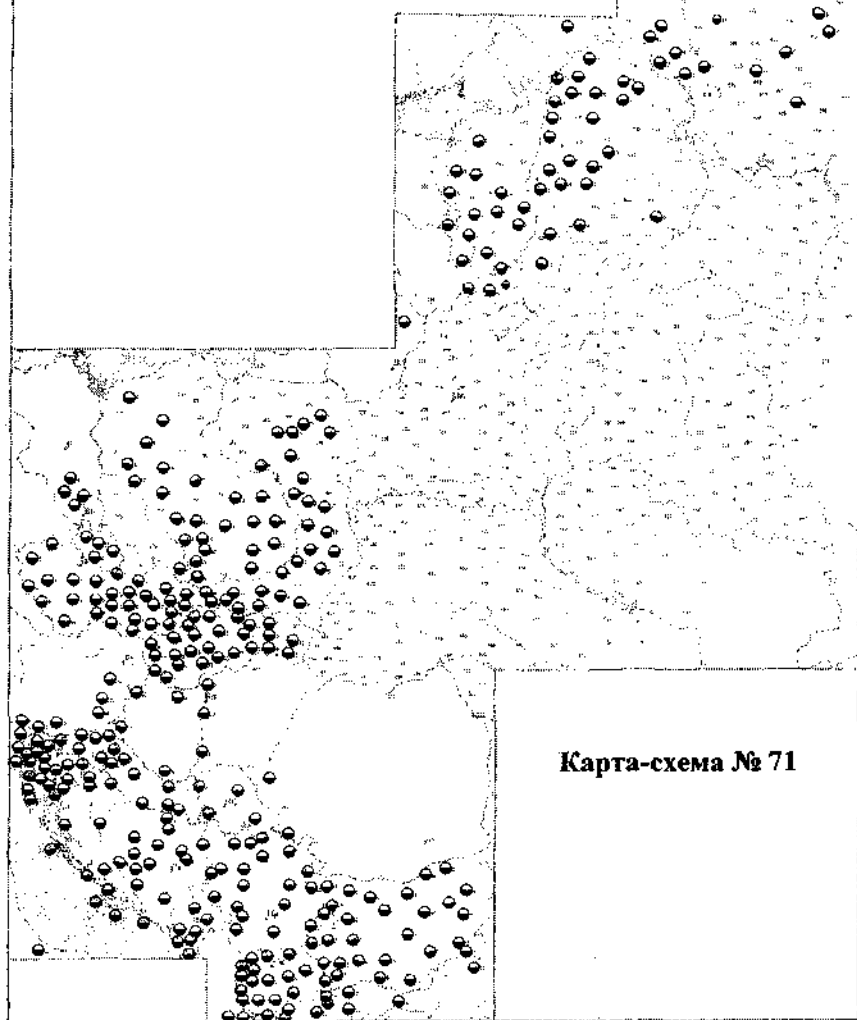

Распространение лексемы
 ● *rust-ъ*
 ОЛА к. 3 'пустой, незаполненный'

Карта-схема № 70

Распространение лексем
 ● *porzd-ьп-ь, porzd-ьп'-ь*
 ОЛА к. 3 'пустой, ненаполненный'

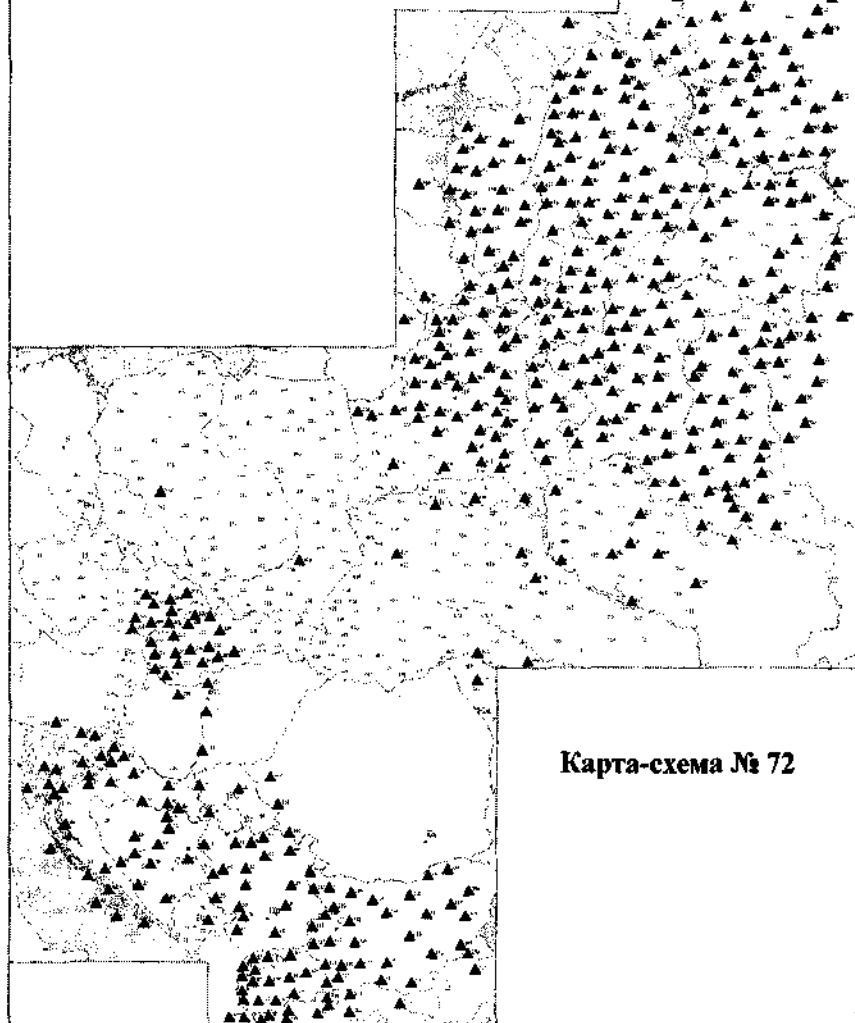

Карта-схема № 71

Распространение дериватов с корнем

▲ *glʏt-

ОЛА к.57 'проглотит' (еду)

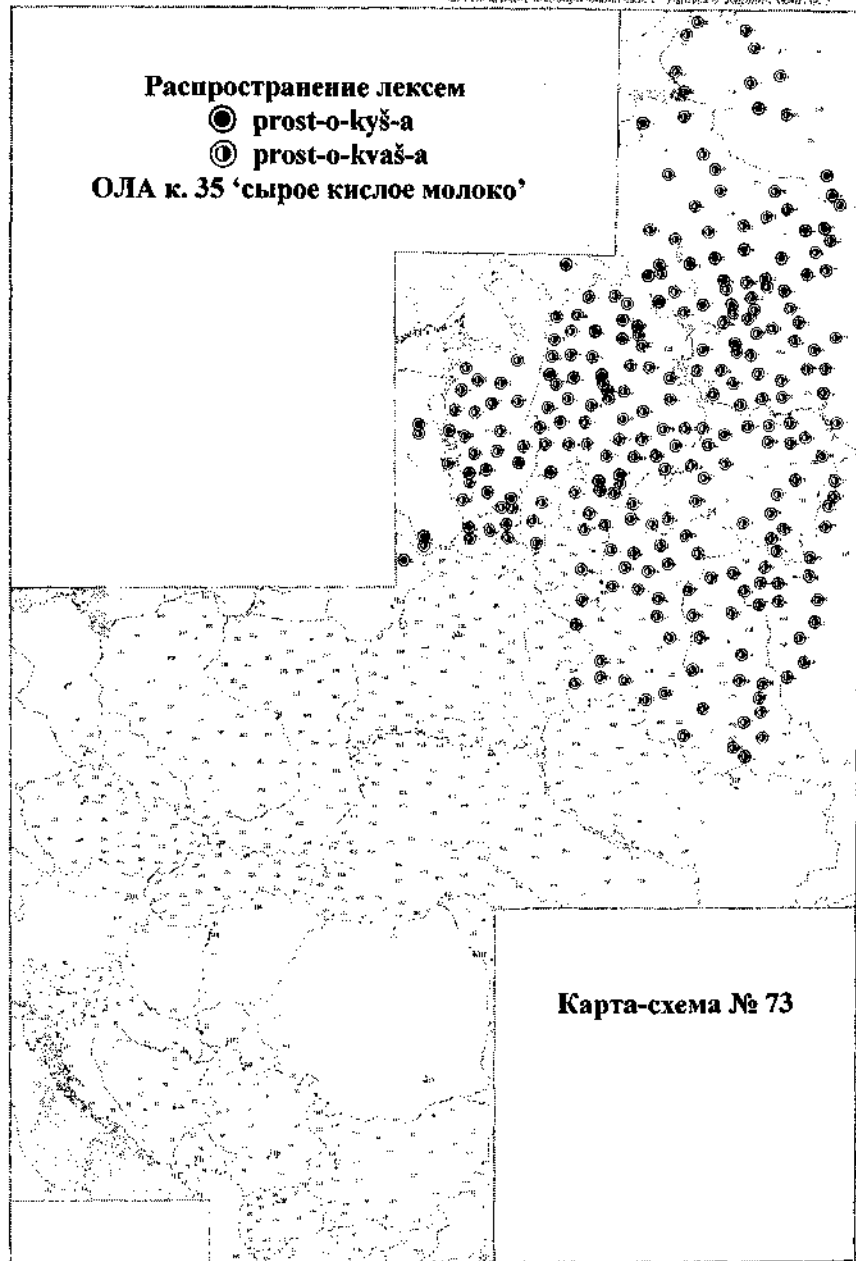
Карта-схема № 72

Распространение лексем

● prost-o-kyš-a

○ prost-o-kvaš-a

ОЛА к. 35 'сырое кислое молоко'

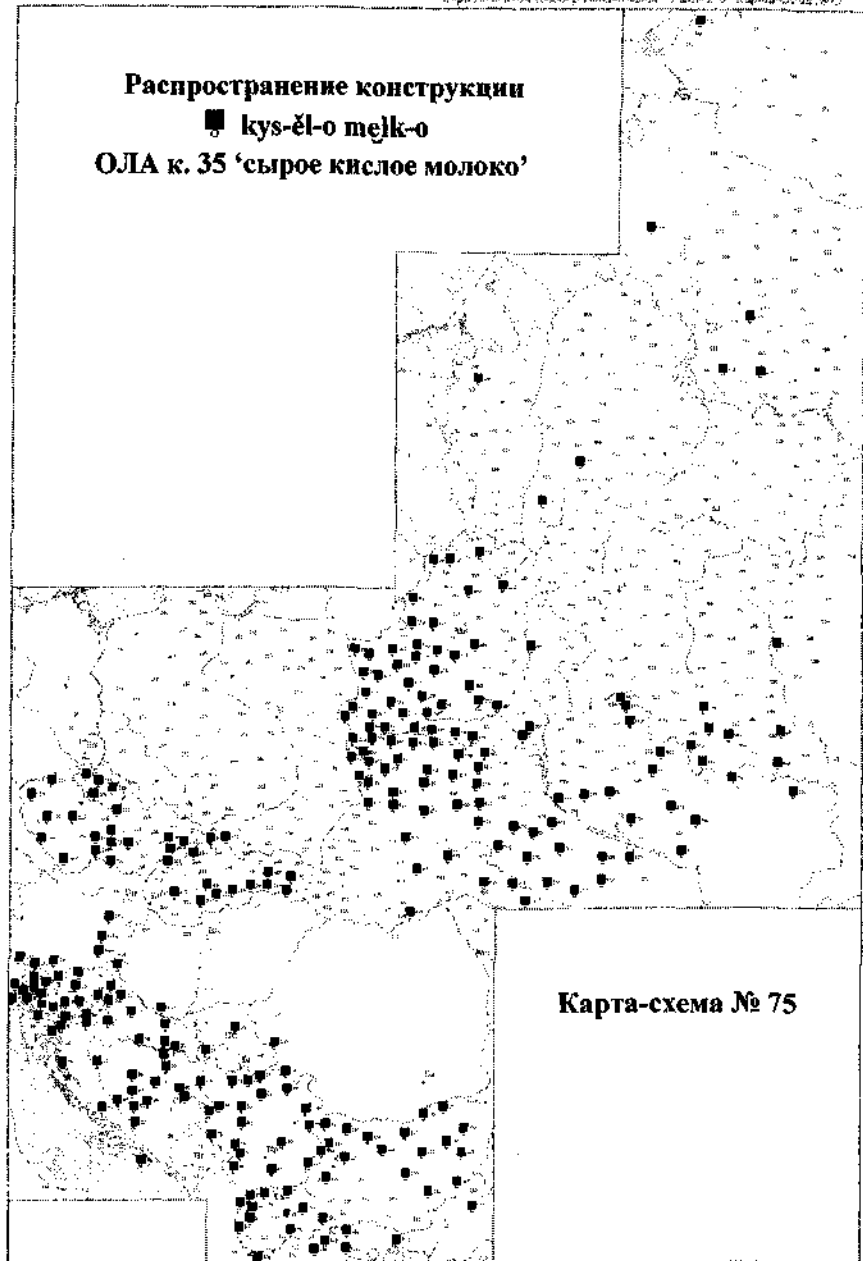
Карта-схема № 73

Распространение лексемы
 ☉ **syg-o-kvaš-a**
 ОЛА к. 35 'сырое кислое молоко'

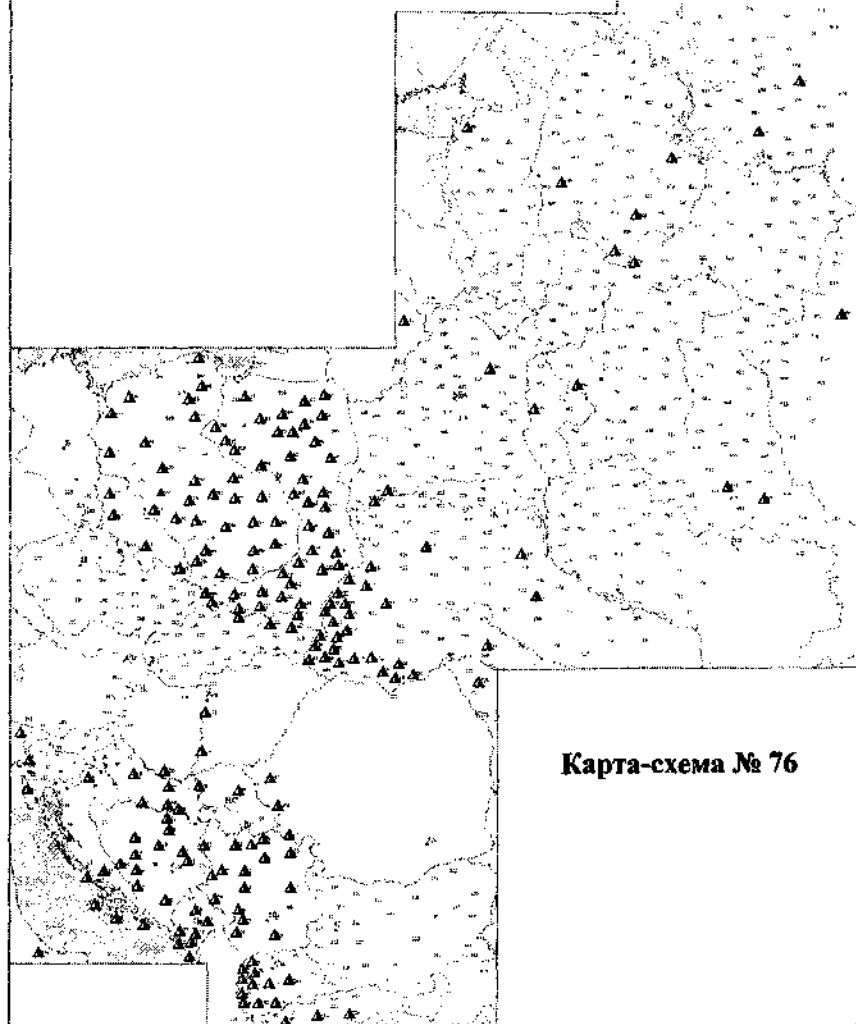
Карта-схема № 74

Распространение конструкции
■ кыс-ѣл-о тейк-о
ОЛА к. 35 'сырое кислое молоко'

Карта-схема № 75

Распространение дериватов с корнем
Δ *orst-
ОЛА к.14 'подходит, растёт' (о тесте)

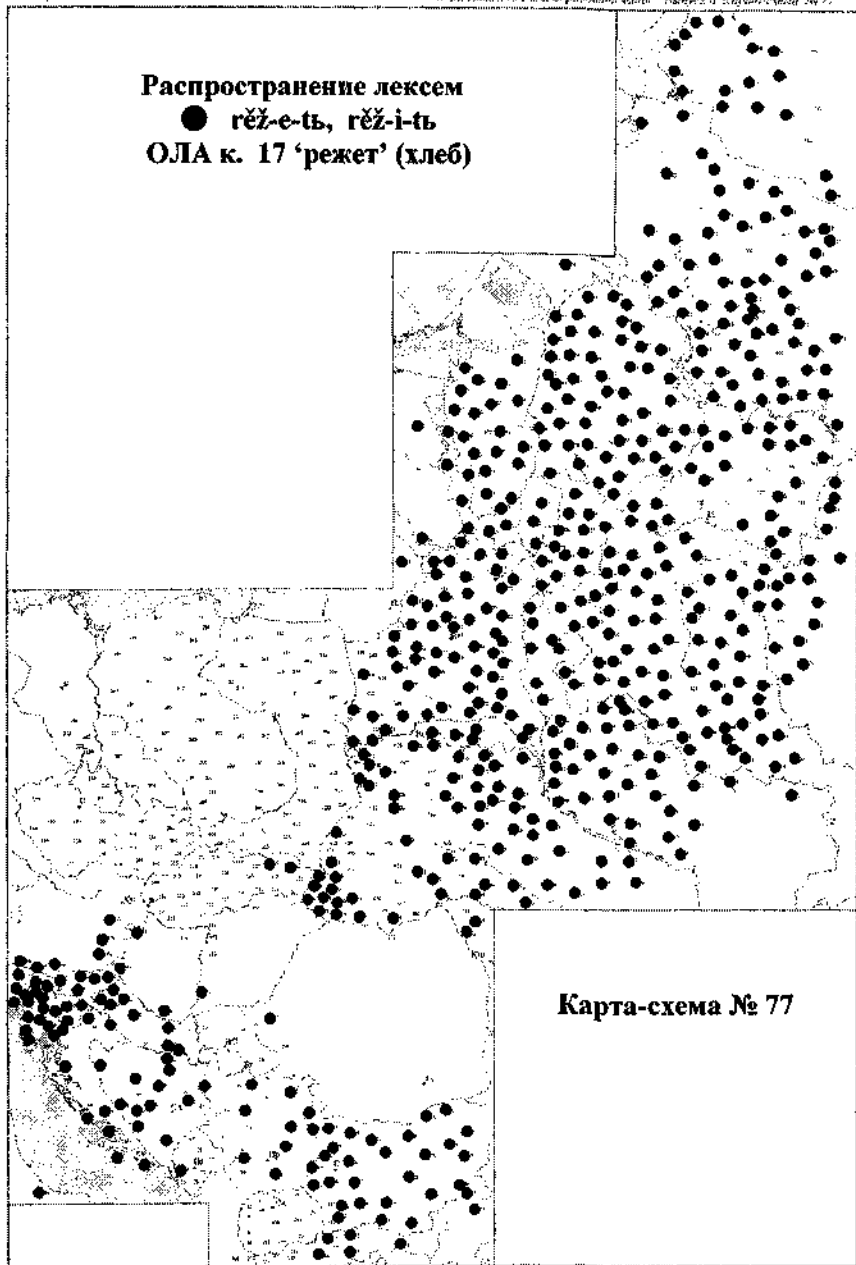

Карта-схема № 76

Распространение лексем

● řěž-e-ť, řěž-i-ť

ОЛА к. 17 'режет' (хлеб)

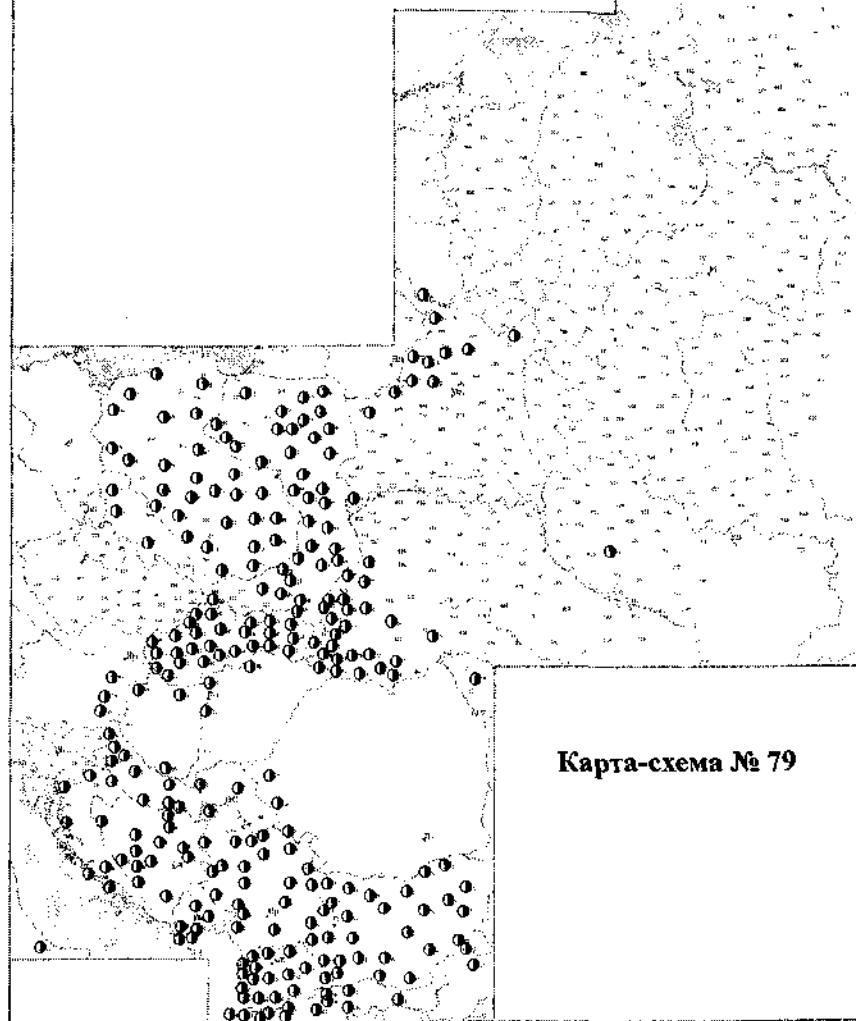

Распространение лексемы
▲ sad-l-o
ОЛА к. 27 'подкожный слой жира
в свинине'

Карта-схема № 78

Распространение лексемы
● soln-in-a
ОЛА к. 27 'подкожный слой жира'
в свинине'

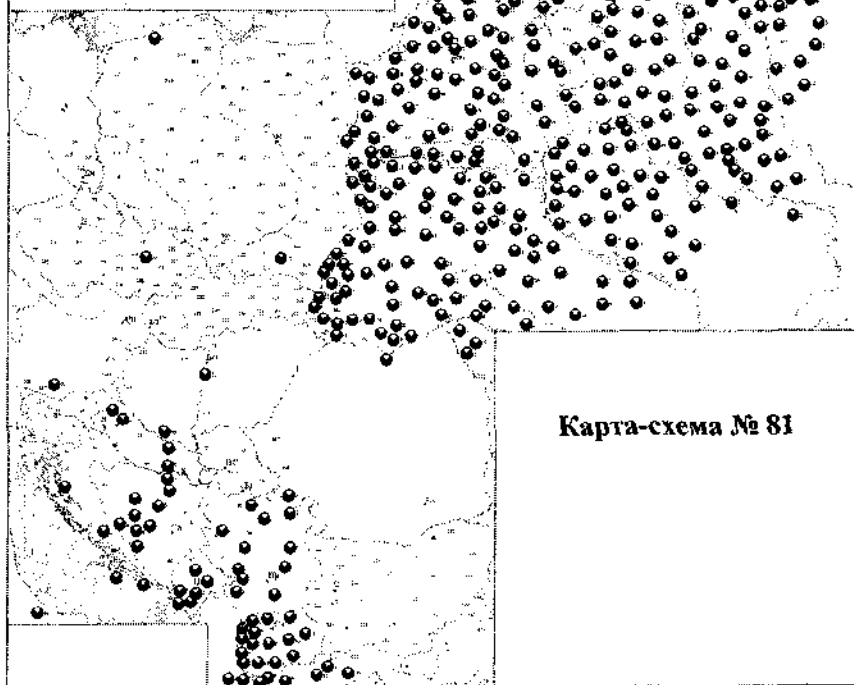
Карта-схема № 79

Распространение лексемы
● (žrek)-ъ
ОЛА к. 27 'подкожный слой жира
в свинине'

Карта-схема № 80

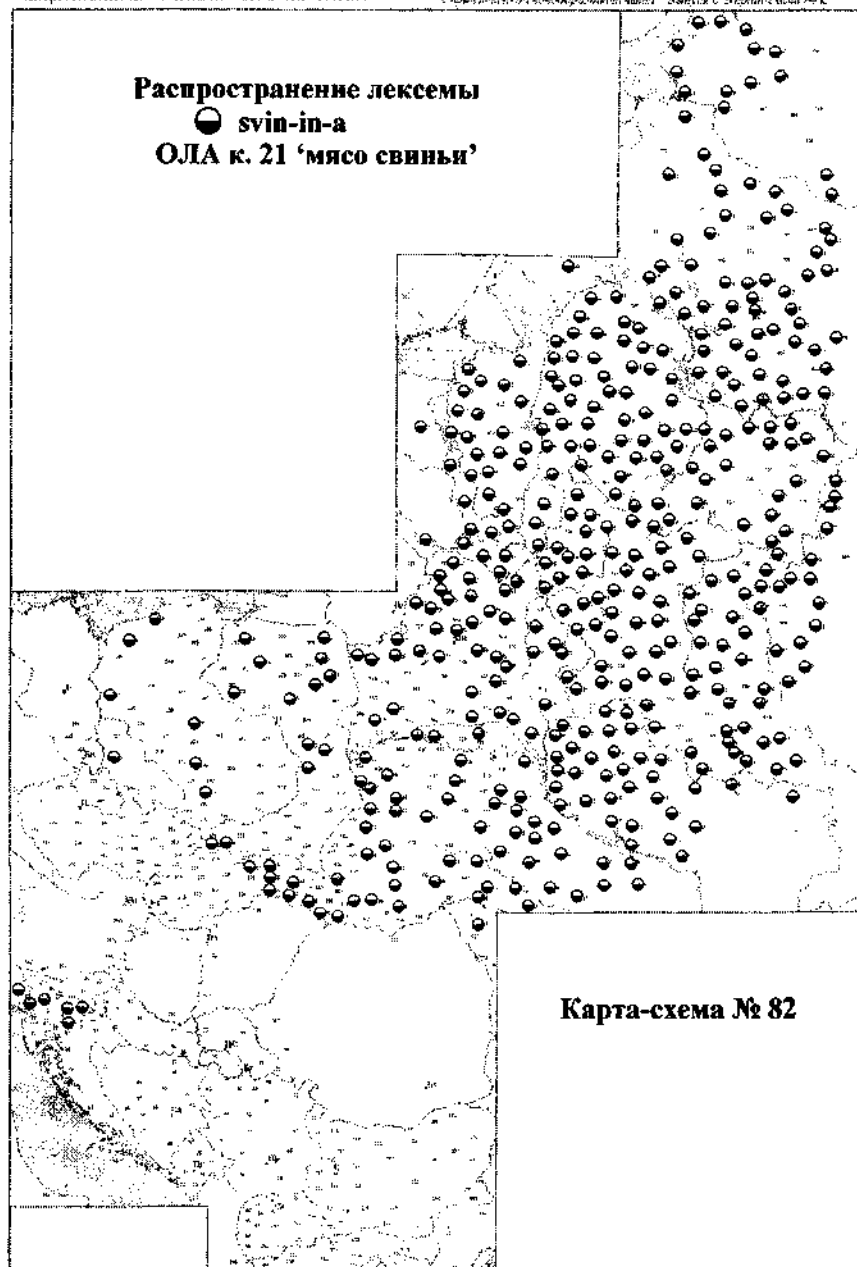
Распространение лексемы
 ● съ-вар-і-ть
 ОЛА к. 46 3sg praes asp perf 'варит'

Распространение лексемы

● svin-in-a

ОЛА к. 21 'мясо свиньи'

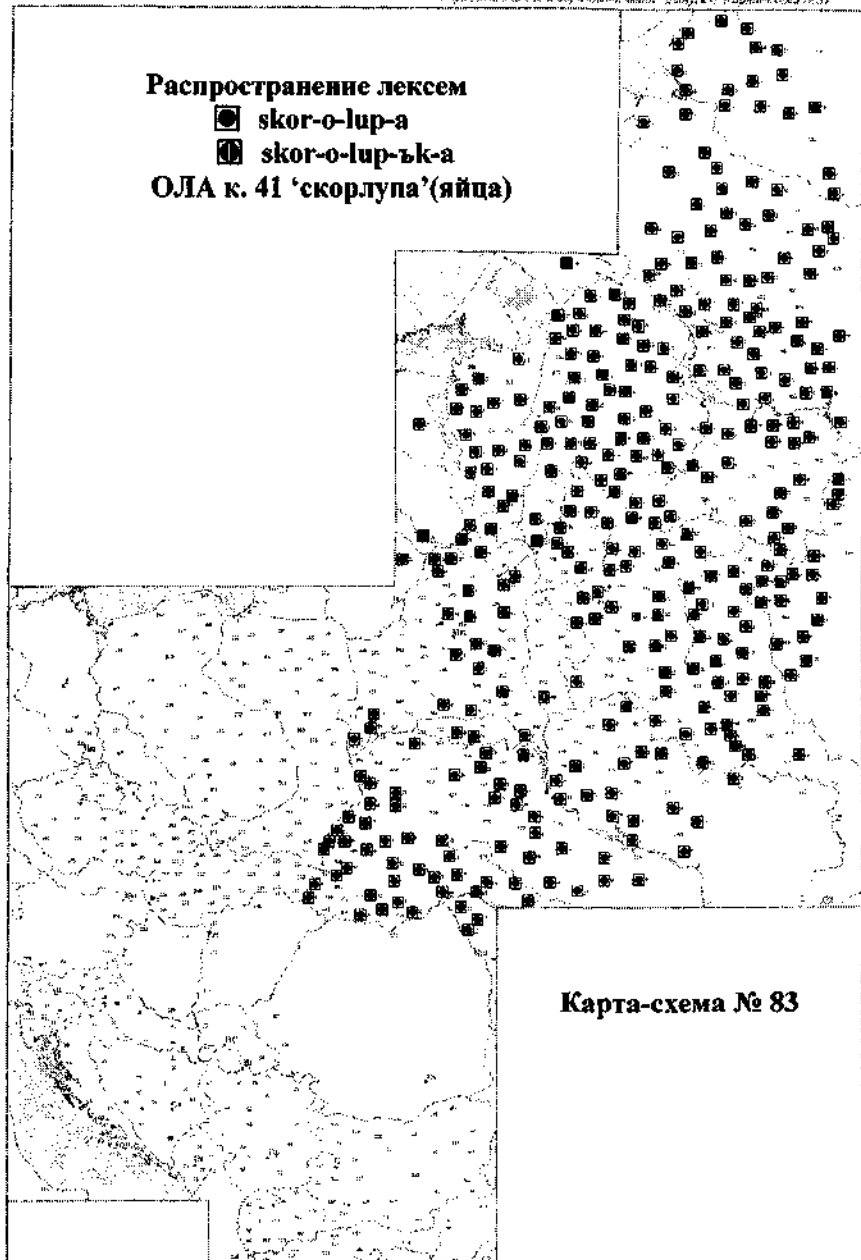

Распространение лексем

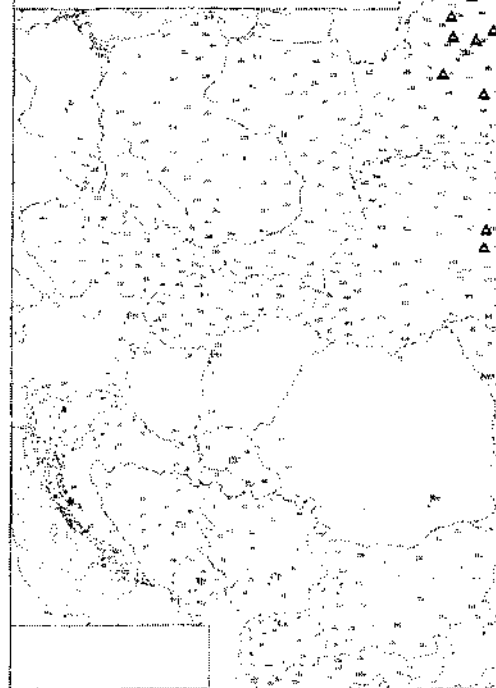
■ skor-o-lur-a

■ skor-o-lur-ъk-a

ОЛА к. 41 'скорлупа'(яйца)

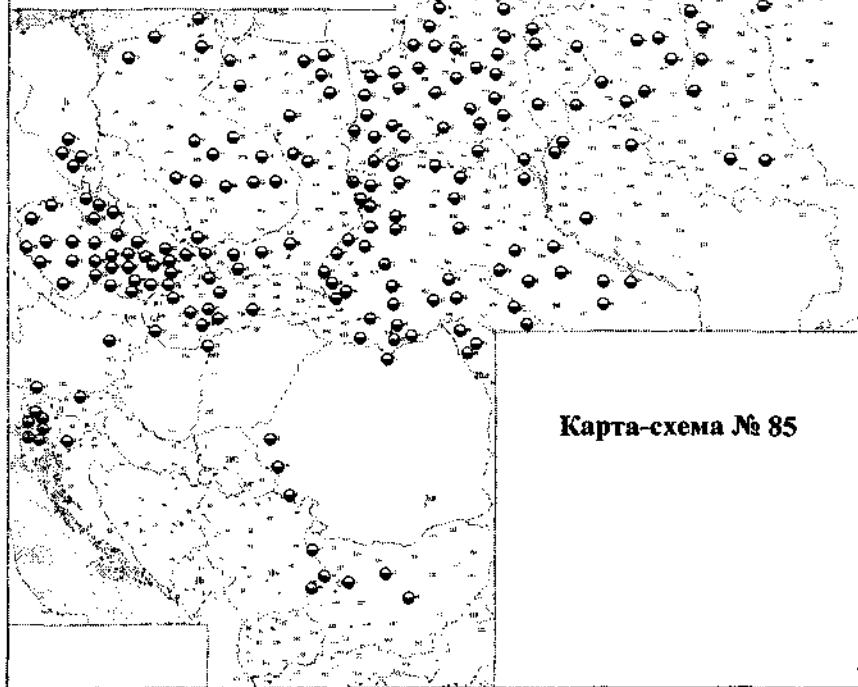

Распространение лексемы
Δ съ-лив-ък-у
ОЛА к. 36 'густой жирный верхний
слой свежего отстоявшегося молока,
сливки'

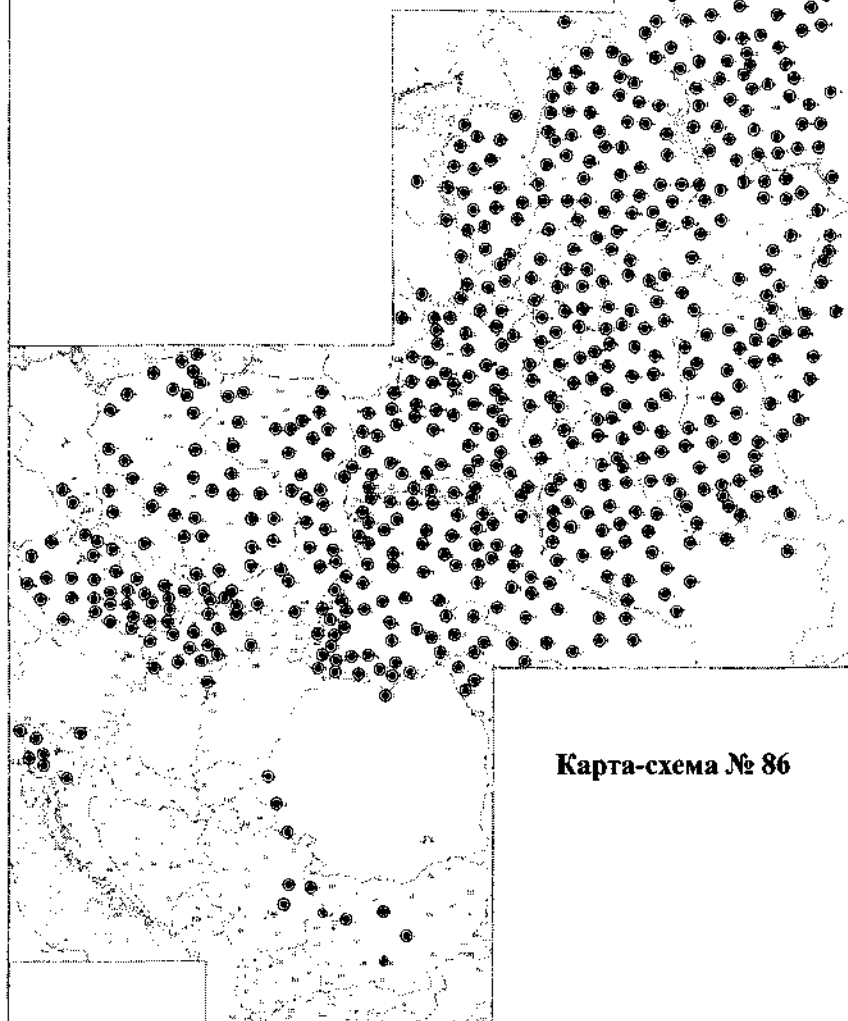

Карта-схема № 84

Распространение лексики
● съ-мет-ап-а
ОЛА к. 36 'густой жирный верхний
слой свежего отстоявшегося молока,
сливки'

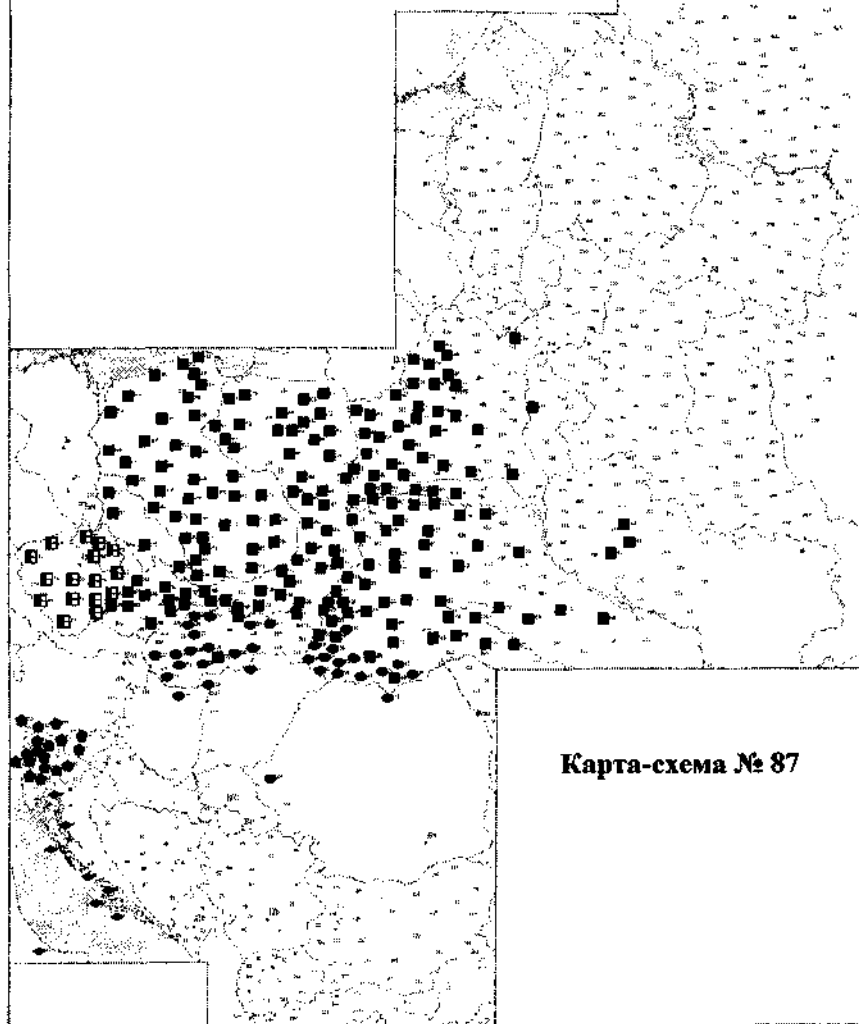
Распространение лексемы
● съ-мет-ап-а
ОЛА к. 37 'густой жирный верхний
слой кислого молока, сметана'

Распространение лексем

◆ (glazh)-ъ	▣ stьkl-ěn-ic-a
◆ (žmul)-ъ	■ stьkl-ěn-ъk-a
● (rohag)-ъ	

ОЛА к. 6 'стакан'

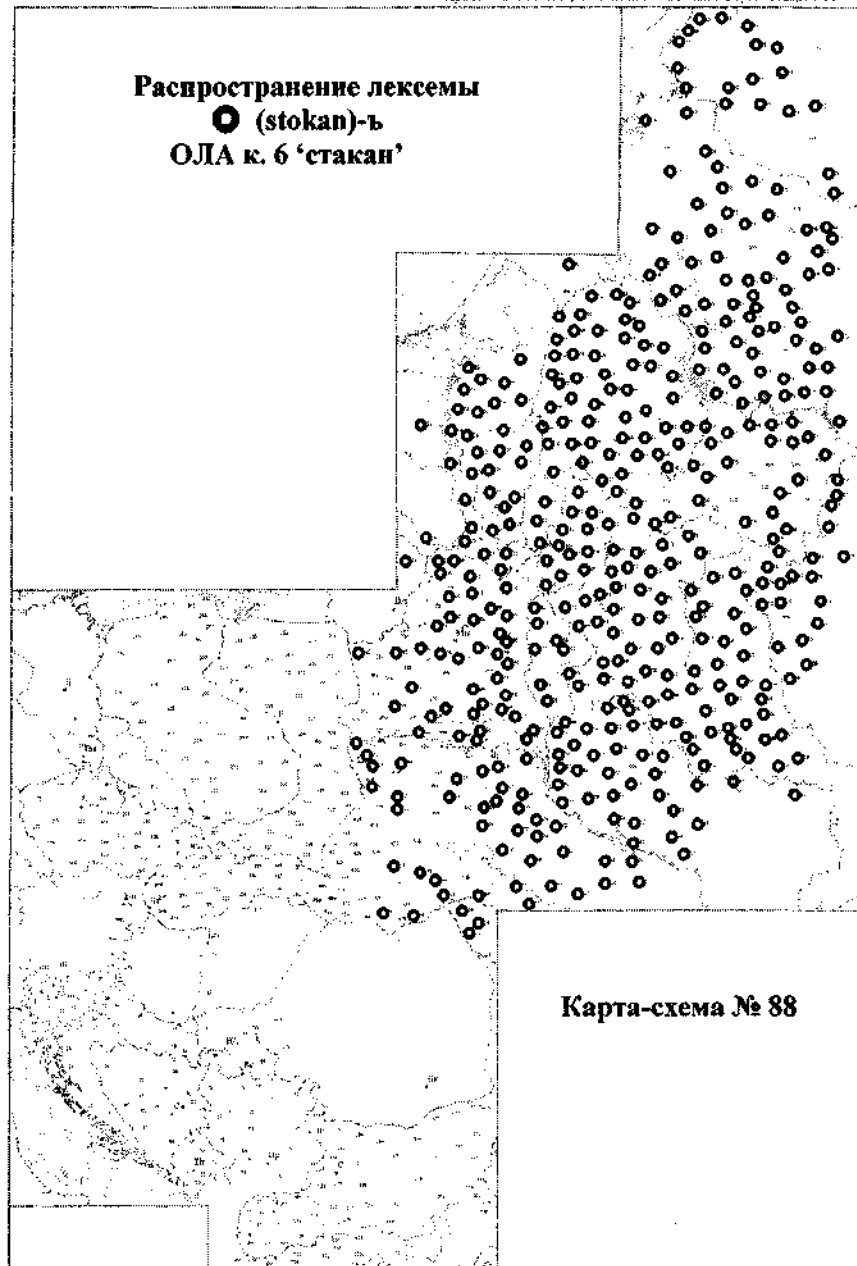

Карта-схема № 87

Распространение лексемы

● (stokan)-ъ

ОЛА к. 6 'стакан'

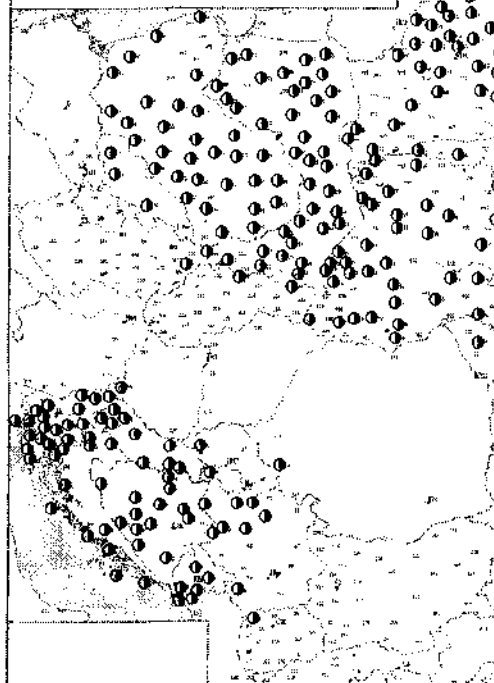

Карта-схема № 88

Распространение лексемы

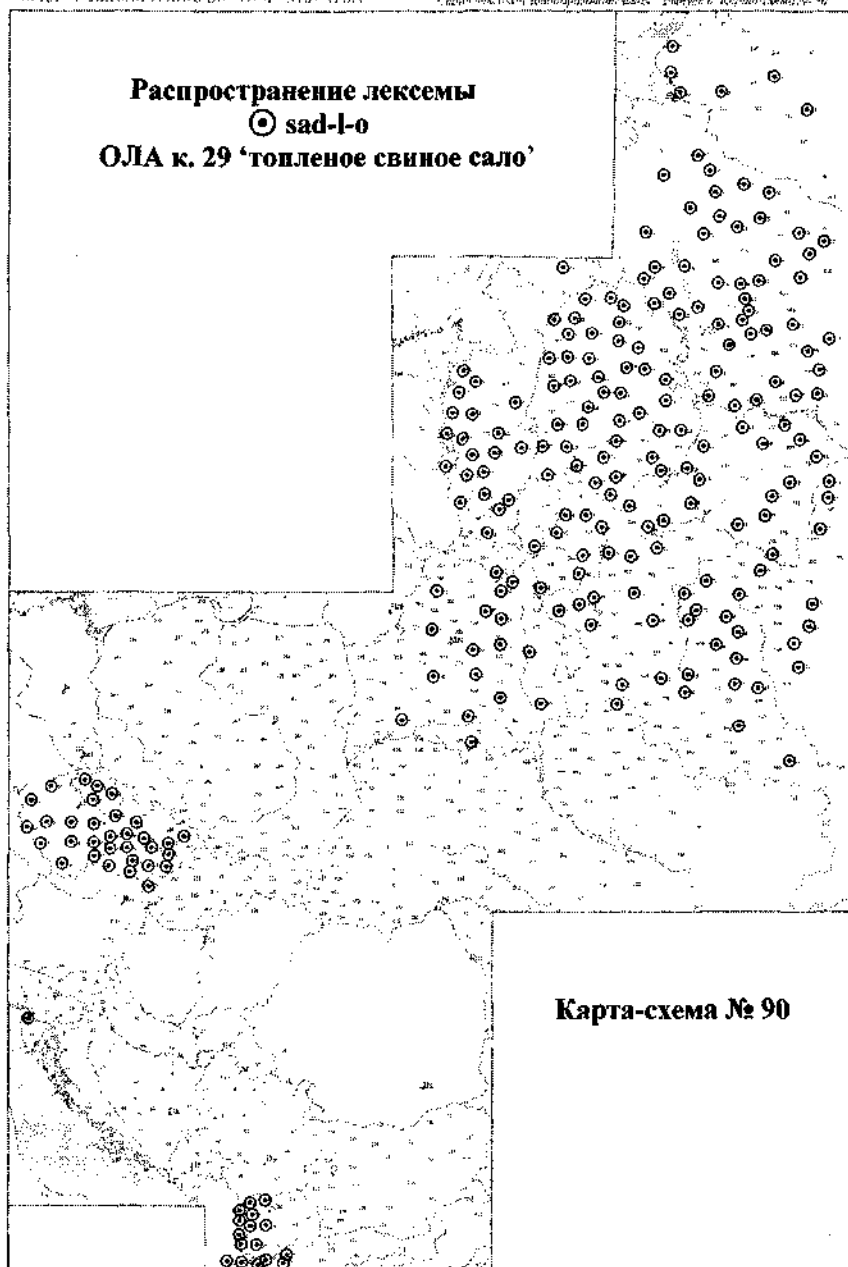
● tel-ɟɟ-in-a

ОЛА к. 23 'мясо теленка'

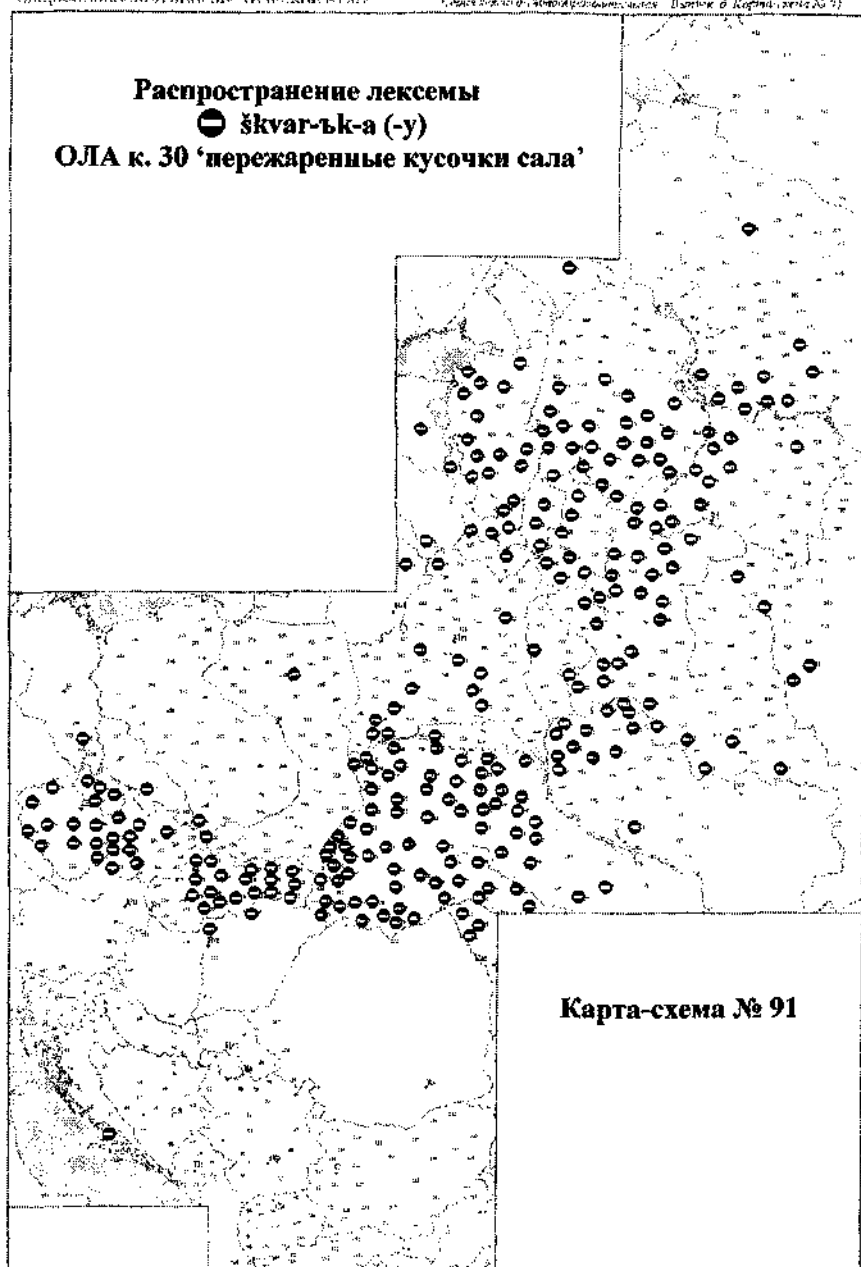
Карта-схема № 89

Распространение лексемы
⊙ sad-l-o
ОЛА к. 29 'топленое свиное сало'

Карта-схема № 90

Распространение лексемы
 — žkvar-ъk-a (-y)
 ОЛА к. 30 'пережаренные кусочки сала'

Распространение лексемы
⊙ (šmal)-ьс-ь
ОЛА к. 29 'топленое свиное сало'

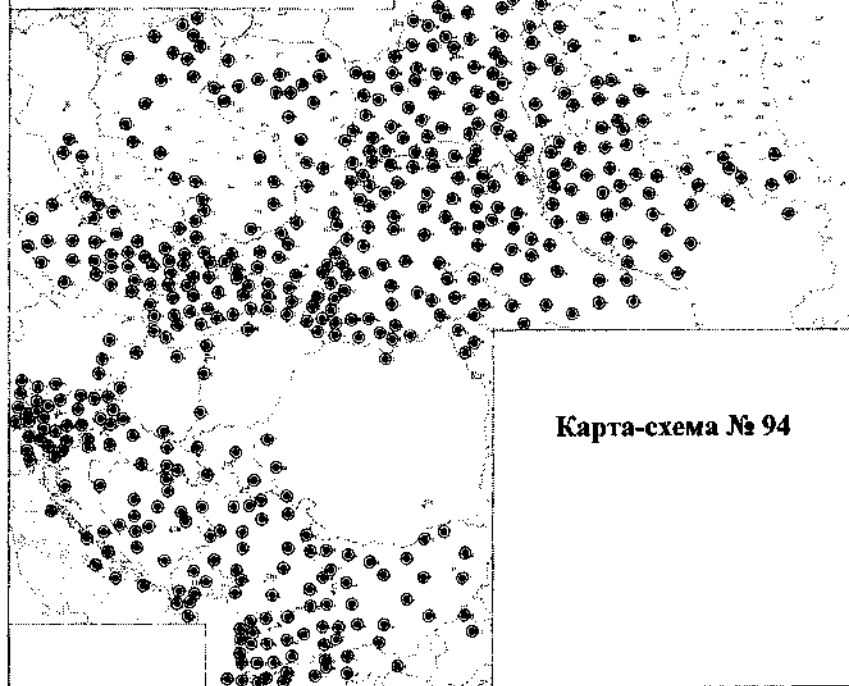

Распространение лексем
 ▲ //už-in-ъ
 ◆ (kolacij)-a
ОЛА к.62 'ужин, вечерняя еда'

Карта-схема № 93

Распространение лексемы
 ● веґеґ-j-a
 ОЛА к. 62 'ужин, вечерняя еда'

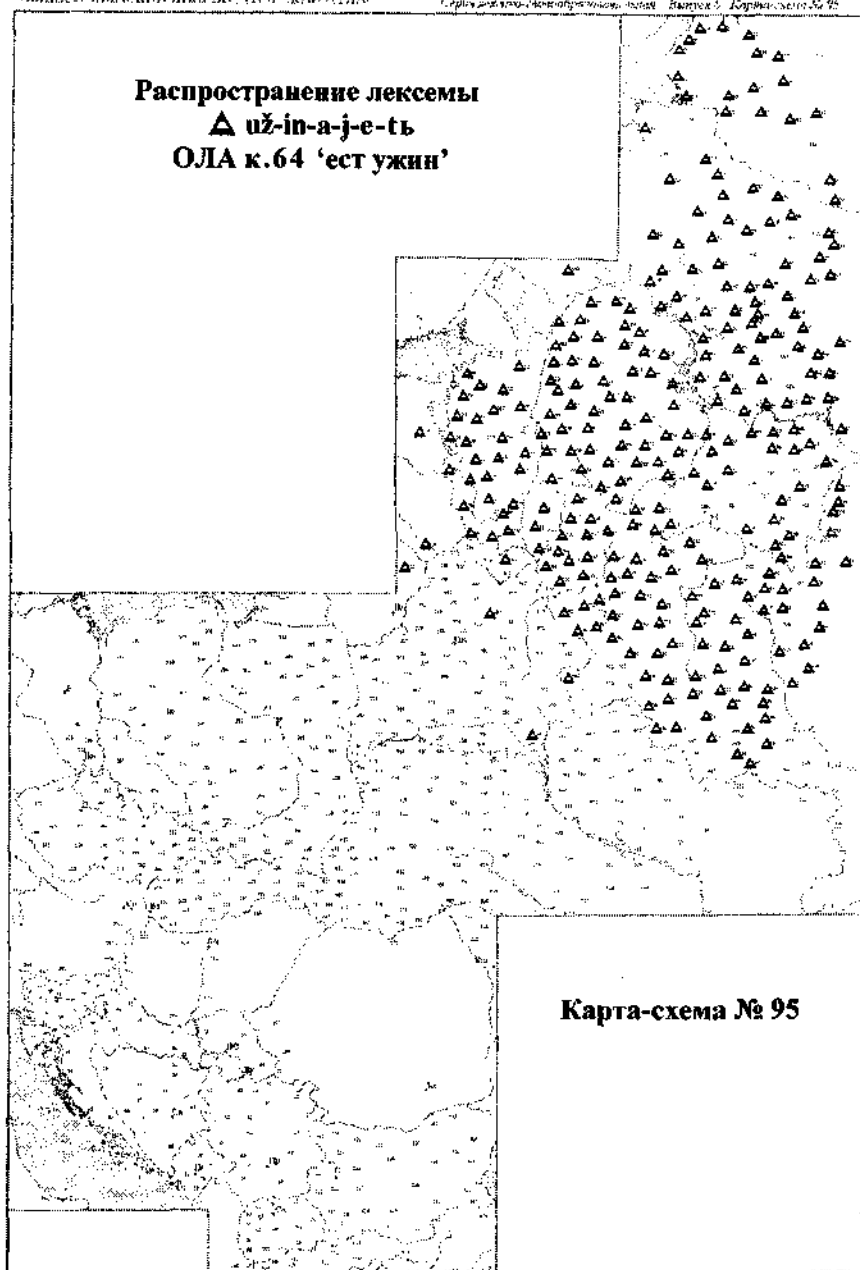

Карта-схема № 94

Распространение лексемы

Δ už-in-a-j-e-tʹ

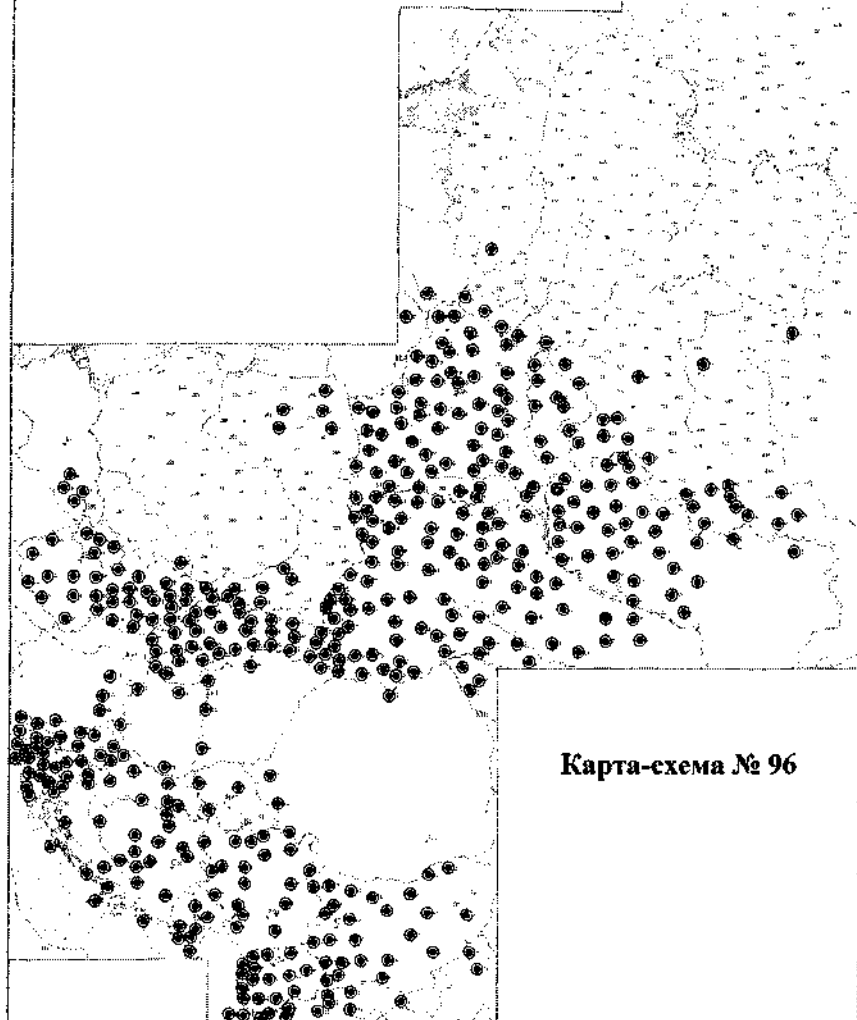
ОЛА к.64 'ест ужин'

Распространение лексемы

● веҕер-җ-а-җ-е-ть

ОЛА к.64 'ест ужин'

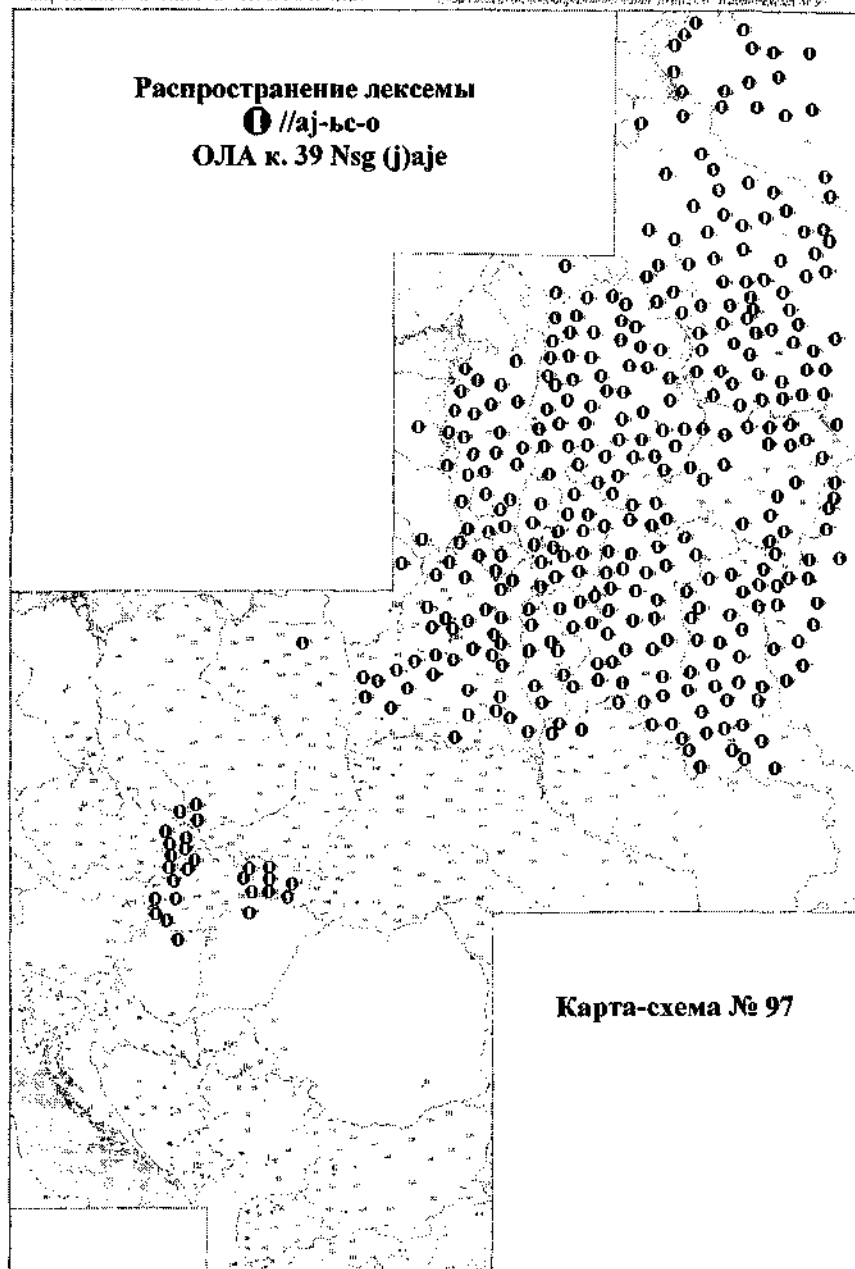

Карта-схема № 96

Распространение лексемы

○ //aj-ъc-o

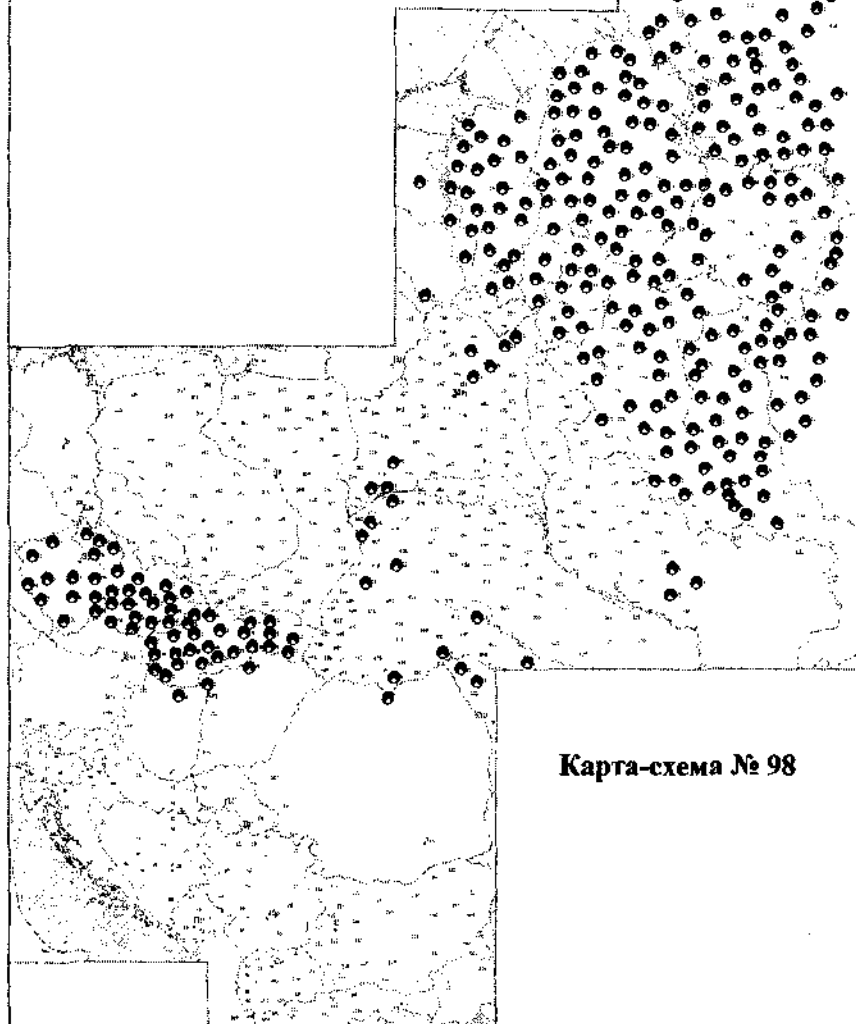
ОЛА к. 39 Nsg (j)aje

Карта-схема № 97

Распространение лексемы

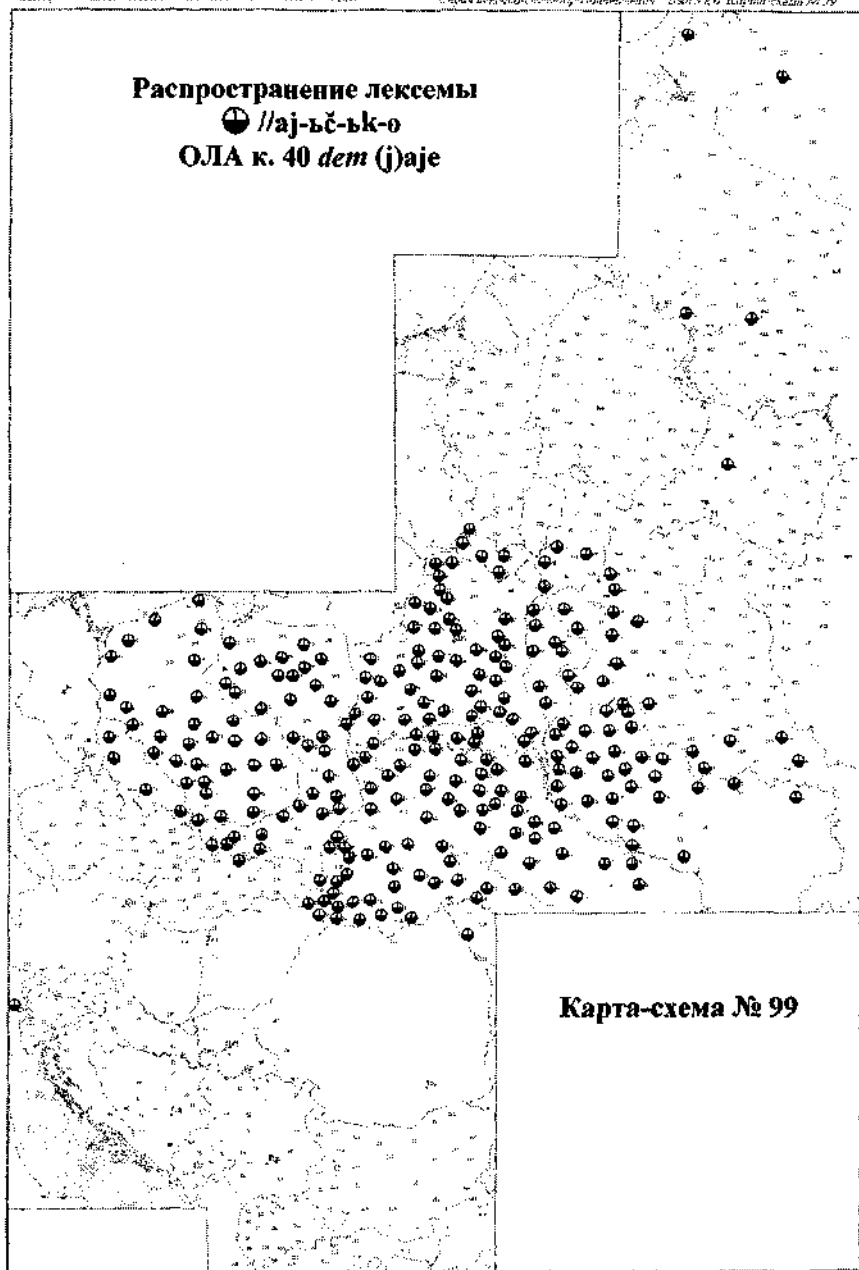
● //aj-ič-ьk-o

ОЛА к. 40 *dem* (j)aje

Карта-схема № 98

Распространение лексемы

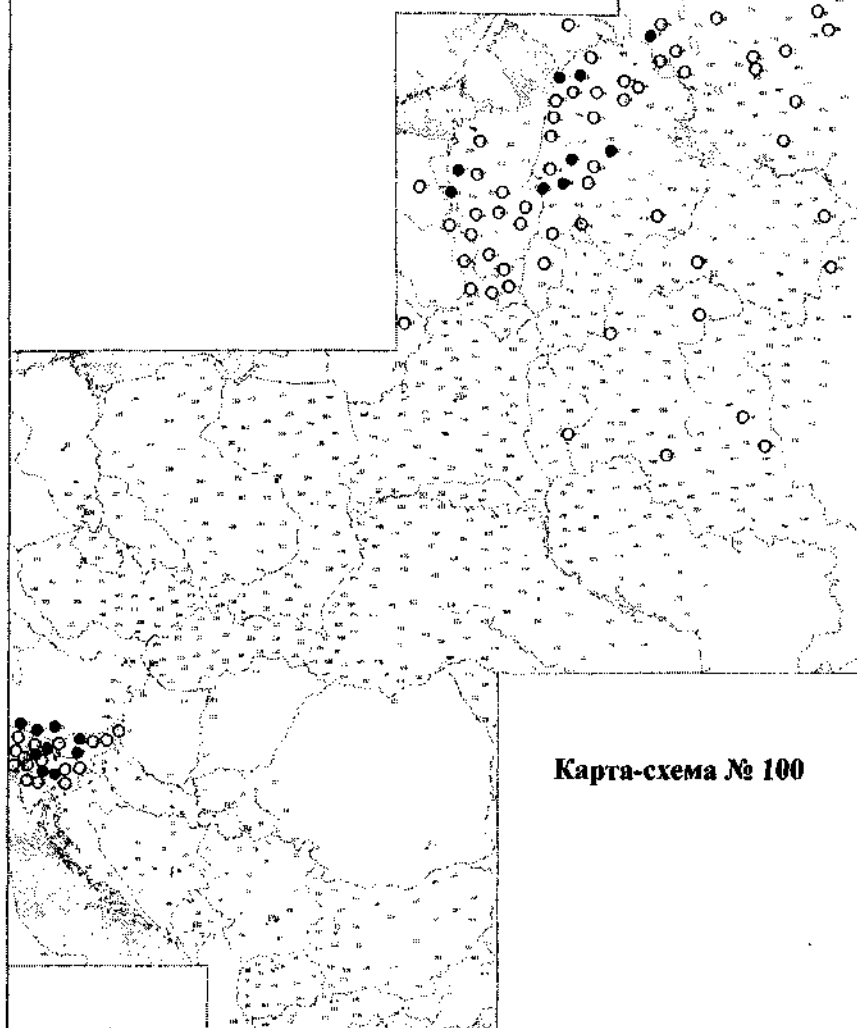
⊕ //ај-ъс-ък-о

ОЛА к. 40 *det* (j)aje

Карта-схема № 99

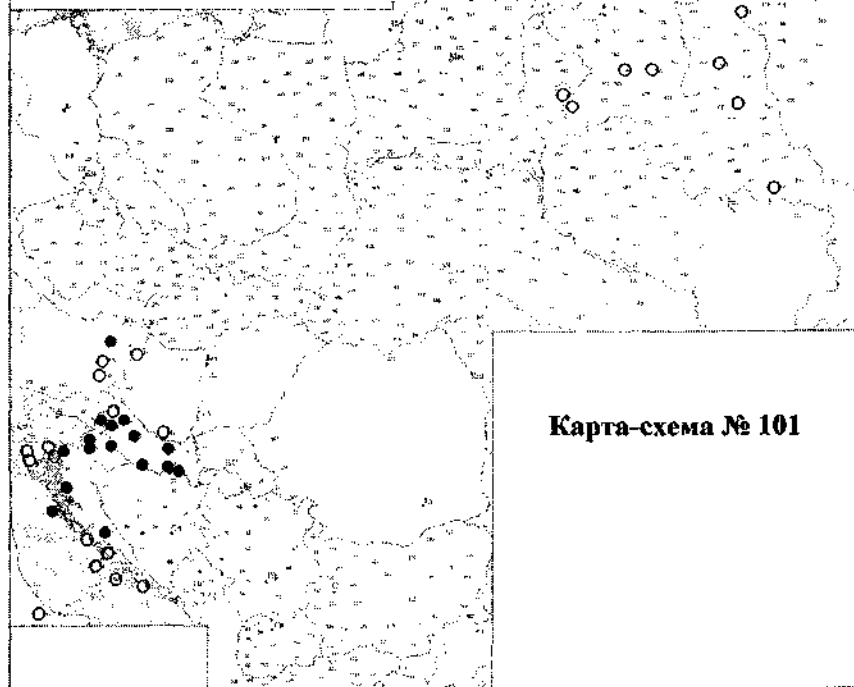
Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с словенскими

- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные схождения

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с хорватскими

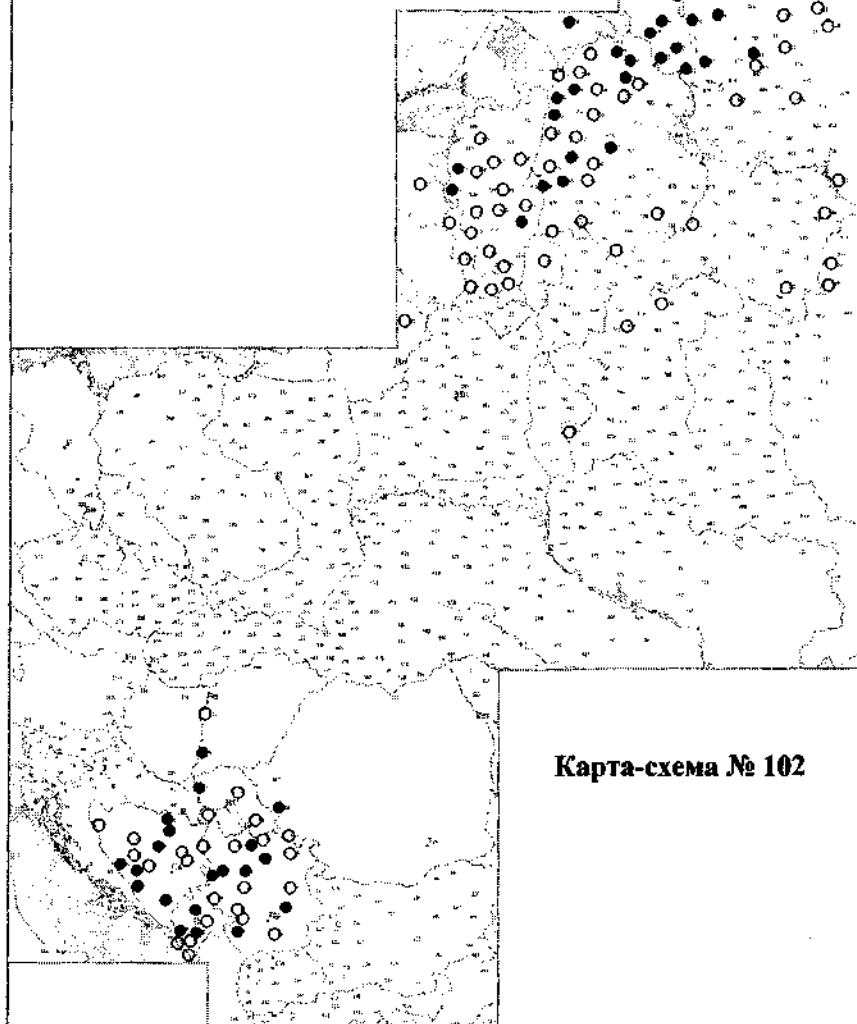
- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 101

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с сербскими

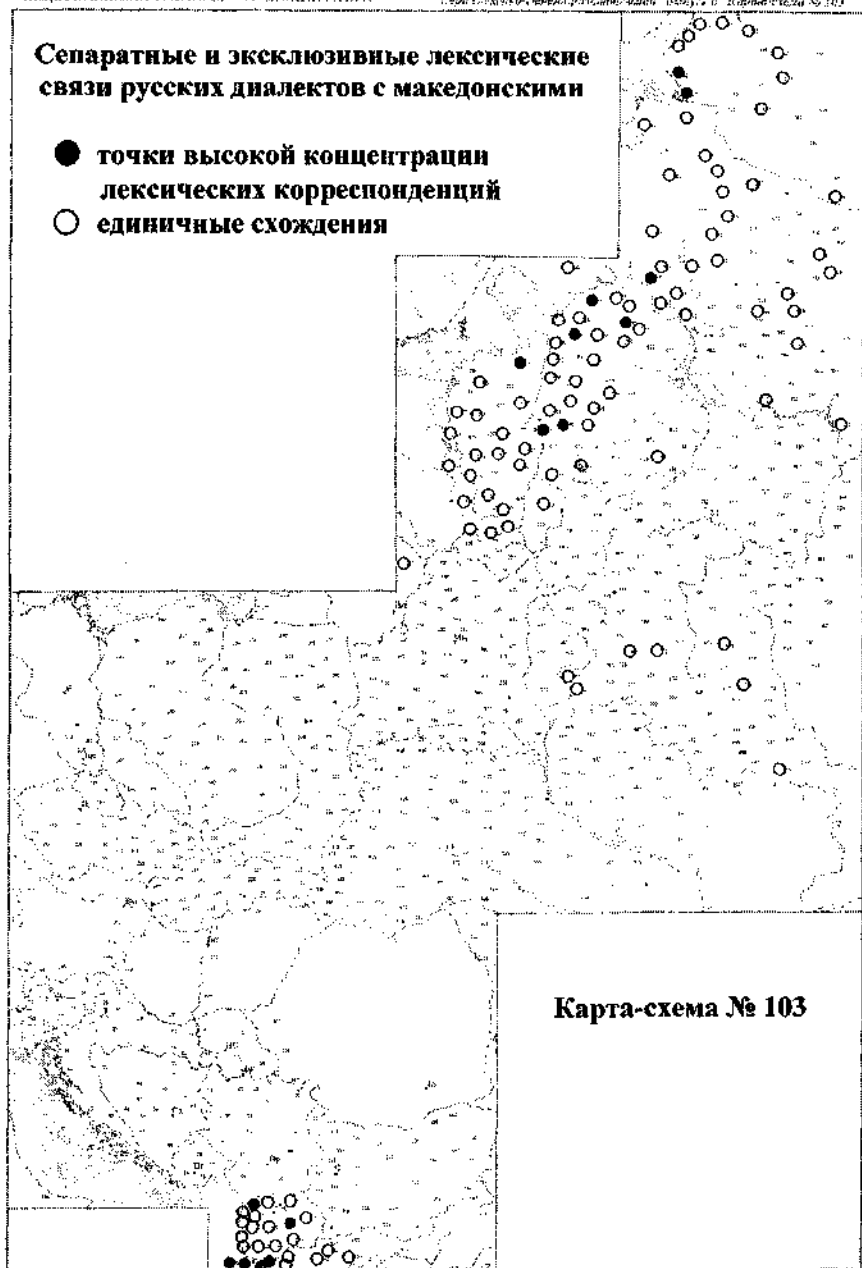
- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 102

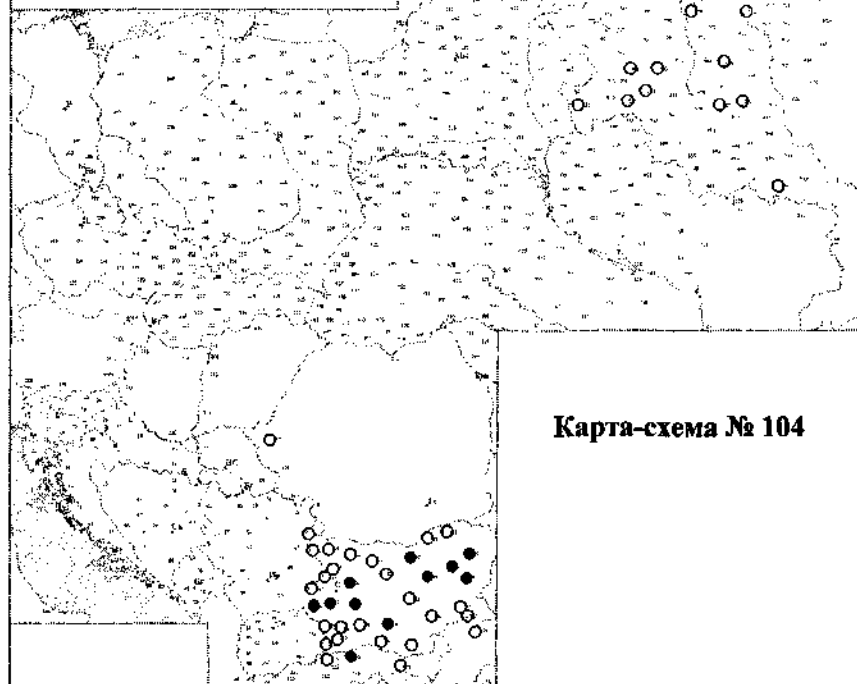
**Сепаратные и эксклюзивные лексические
связи русских диалектов с македонскими**

- точки высокой концентрации
лексических соответствий
- единичные схождения

Карта-схема № 103

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с болгарскими

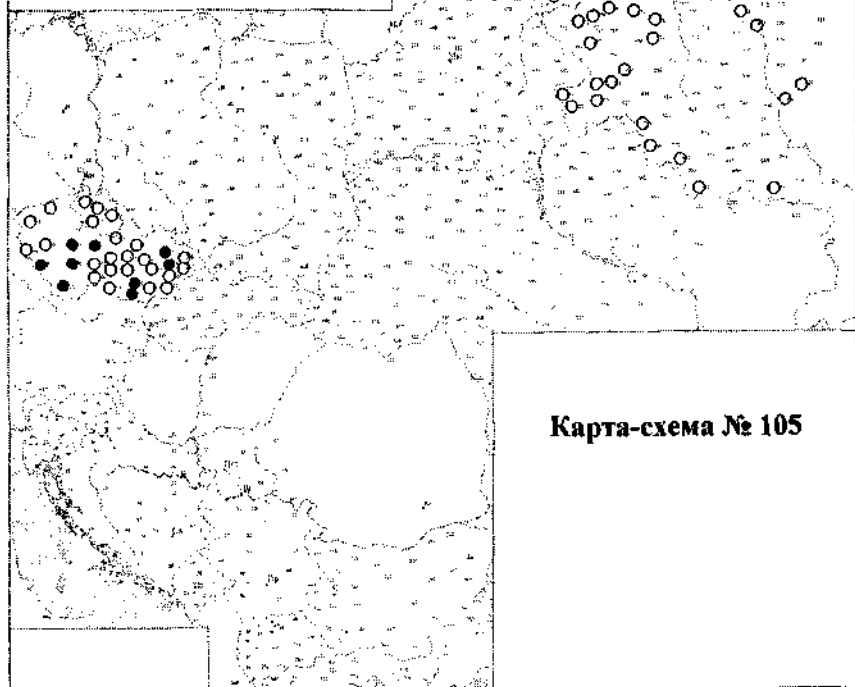
- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 104

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с чешскими

- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 105

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с словацкими

- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 106

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с лужичскими

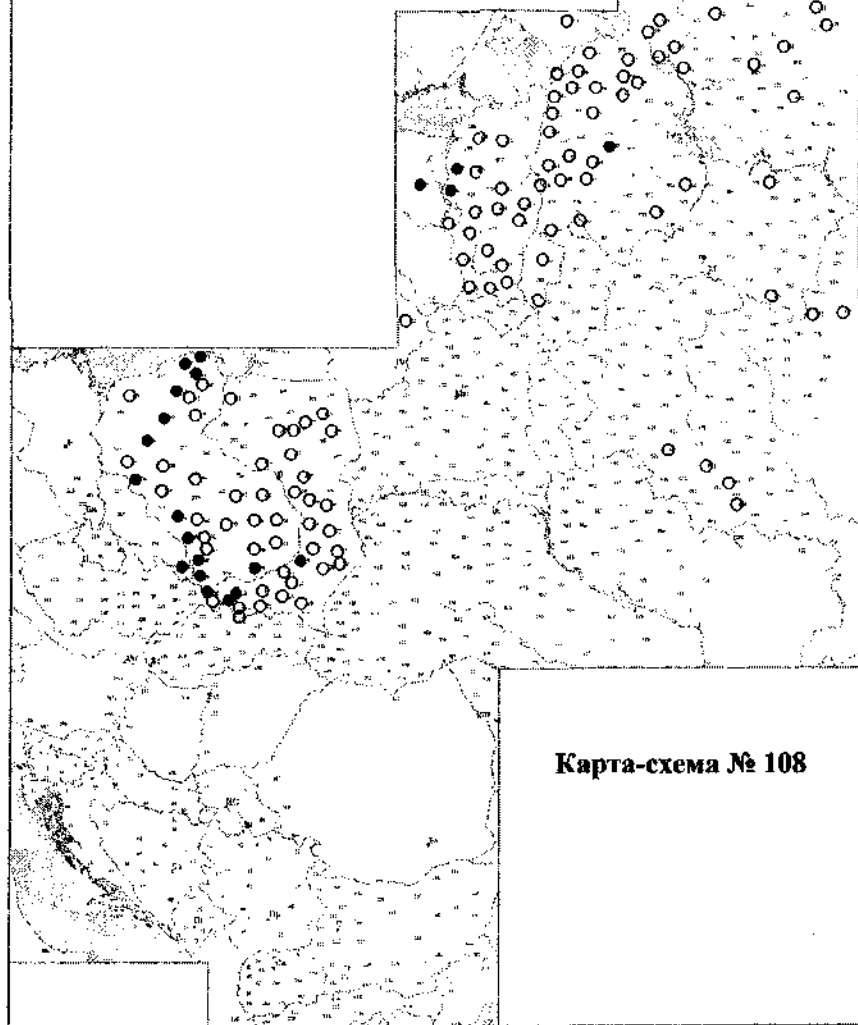
- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 107

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с польскими

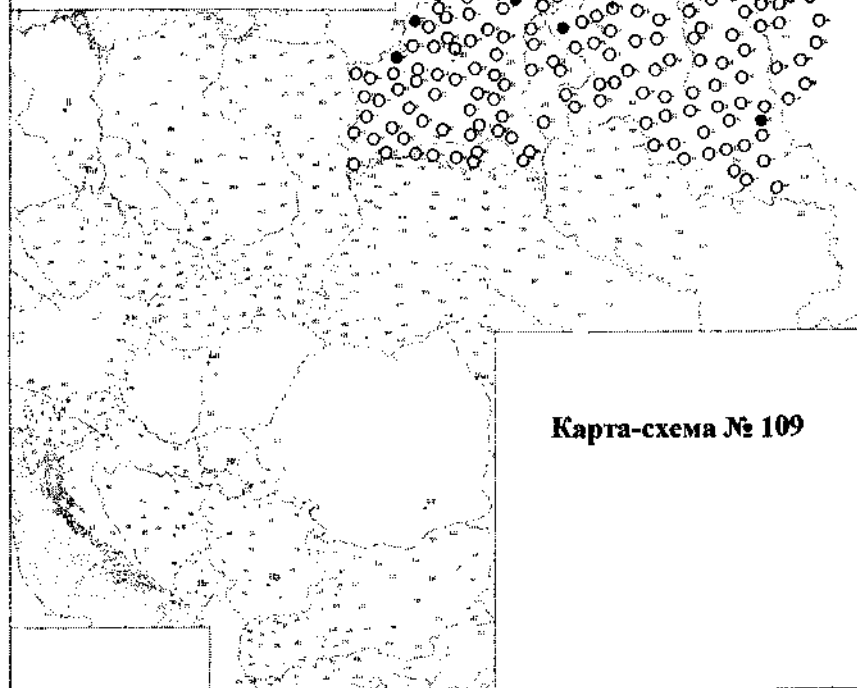
- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 108

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с белорусскими

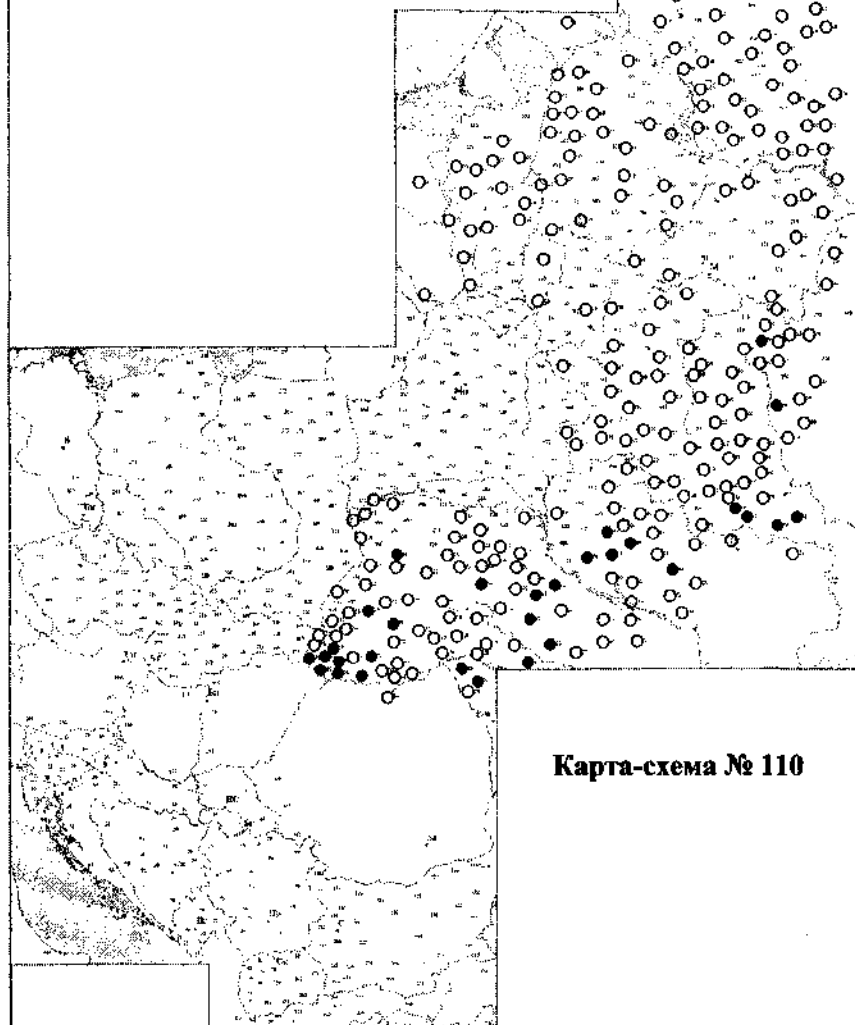
- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 109

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с украинскими

- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные сходжения

Карта-схема № 110

**Лексемы, имеющие общеславянский
характер распространения
(*ob-ěd-ъ; večer-j-a; večer-j-a-j-e-tь; sěr-a*)**

- точки высокой концентрации
лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 111

Таблица 1¹

КАРТА № 24 SI 1114 'МЯСО БАРАНА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слш.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	baran-in-a						1	27			71	58	91	262	510
2	ov-ъс-in-a	1		1								2		5	9
3	ov-ъс-et-in-a	2	12	25	1									1	41

Таблица 2

КАРТА № 42 SI 1147 'БЕЛАЯ ЧАСТЬ ЯЙЦА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слш.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	běl-ък-ъ	1		5	7	21	29	21	2	1	16	69	131	225	528
2	běl-ък-о						6	9			73	2		1	91
3	běl-ък-ъ													1	1
4	běl-уѣ-ъ													72	72
5	běl-уѣ-ък-ъ													2	2
6	běl-уѣ-ък-о													8	8

¹ В таблицах приводятся лишь русско-инославянские соответствия, все остальные являются предметом отдельного исследования.

Таблица 3

КАРТА № 65 L 1204 'ВКУСНЫЙ' (о еде)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	vъ-kqs-ьп-ъ	7	12	27	2	5						6	18	234	311
2	sъ-kqs-ьп-ъ													70	70
3	sqld-ъk-ъ			8	8	7								3	26
4	xqř-ъ													4	4
5	(smač)-ьп-ъ							9			73	69	101	10	262

Таблица 4

**КАРТА № 5 L 1034 'ВОРОНКА ДЛЯ ПЕРЕЛИВАНИЯ ЖИДКОСТИ В
СОСУД С УЗКИМ ГОРЛЫШКОМ'**

	Кол-во пунк- тов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	lěj-ьк-а							1			9	69	126	143	348
2	lěj-ьѣ-ьк-а											1		4	5
3	voɣn-ьк-а											2	2	162	166
4	voɣn-ьѣ-ьк-а													1	1
5	cěd-il-ьк-а													3	3
6	cěd-il-ьѣ-ьк-а													1	1
7	(traxter)-ь, (trixter)-ь	15	12	1			32	9	2	1	11			2	85

Таблица 5

КАРТА №50 SI 1172 'СДЕЛАННЫЙ ИЗ ГЛИНЫ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	glin-j-an-ъ							5	2	1	63	67	128	225	491
2	glin-j-an-ъn-ъ										22	2		36	60
3	glin-ъn-ъn-ъ													25	25
4	glin-j-ast-ъ	3												1	4
5	glin-ist-ъ													2	2
6	glin-av-ъ													2	2
7	čerp-j-an-ъ												10	2	12

Таблица 6

КАРТА №22 LSI 1112 'МЯСО КОРОВЫ ИЛИ ВОЛА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	gov-əd-in-a	14	24	24	1			1			1	19	27	225	336
2	korv-in-a													37	37
3	korv-ət-in-a											1		46	47
4	byč-in-a												1	1	2
5	jal-ov-ič-in-a										2	23	40	5	70

Таблица 7

**КАРТА № 18 L 1089 'ПЕРВЫЙ КУСОК ХЛЕБА, ОТРЕЗАННЫЙ ОТ
БУХАНКИ, ГОРБУШКА'**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	гыб-ух-а													2	2
2	гыб-уш-а													1	1
3	гыб-уш-ык-а											7	5	182	194
4	гыб-уш-ык-ъ													4	4
5	гыб-ык-ъ													15	15
6	крај-ъ		2	4				1						2	9
7	крај-ух-а													4	4
8	крај-уш-ык-а											3		57	60
9	крај-уш-ык-ъ													3	3
10	крај-ыс-ъ	13	1					5				5	1	2	27
11	об-крај-ыс-ъ							1			2	17	60	2	82
12	крај-ыс-ик-ъ							1				9	5	16	31
13	krom-ык-а							7			16	1		11	35
14	krom-ыс-ык-а													13	13

Таблица 10

КАРТА № 25 SI 1115 'МЯСО ГУСЯ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	gos-in-a						3	1			60	1		4	69
2	gos-ēt-in-a, gos-ēt-j-in-a		6					27				44	71	198	346

Таблица 11

КАРТА № 34 L 1131 'ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ДОИТ КОРОВ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	doj-ьк-а										33	5		2	40
2	doj-ar-ьк-а							1	1		34	70	130	286	522
3	doj-ьšć-ic-a											1		1	2
4	kojv-ьн-ic-a													3	3
5	kojv-o-doj-ьн-ic-a													1	1
6	skot-ьн-ic-a													6	6

Таблица 12

**КАРТА № 54 L 1186 'ВСЕ, ЧТО УПОТРЕБЛЯЕТСЯ В ПИЩУ
ЛЮДЬМИ, ЕДА'**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	// ěd-a											60	62	273	395
3	// ěd-j-a			1							2	13	68	7	91
4	// ěd-iv-o							5						1	6
5	// ěd-j-en-ъj-e			1	23	34	1	23			76	1	14	1	174
6	// ěs-tv-o												1	2	3
7	pit-j-a											1	1	22	24
8	pit-an-ъj-e													3	3
9	kuš-an-ъj-e													7	7
10	žьг-a-tv-a, žьг-a-tv-o													2	2
11	(harč)-ь												2	4	6
12	(harč)-i											1	4	11	16

Таблица 13

КАРТА № 9 L 1039 'ЖЕЛАНИЕ, ПОТРЕБНОСТЬ ПИТЬ'

	Кол-во пунк- тов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	žed-j-a	25	22	13	1	18					14	19	82	250	444
2	smag-a, smaž-a											47	11	1	59
3	pit-bj-e													2	2

Таблица 15

КАРТА № 26 L 1116 'СОДЕРЖАЩИЙ МНОГО ЖИРА' (о мясе)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	сул-ъ										2	19	16	1	38
2	žir-ьн-ъ											44	85	282	411
3	sad-l-ьн-ъ											1		2	3

Таблица 16

КАРТА № 58 L 1197 'ЗАВТРАК, УТРЕННЯЯ ЕДА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	za-utr-ьк-ъ, za-utr-ьк-ъ	3	1									5	2	278	289
2	ob-ěd-ъ					1						7	15	7	30
3	съп-ěd-a										1			1	2
4	съп-ěd-ань, съп-ěd-ан-ьj-е съп-ěd-ан-ьj-a						33	1	2	1	76	67	79	10	269
5	peř-xvat-ьк-a													4	4
6	(fruštik)-ъ (fryštik)-ъ	16	4	9				27			16		7	1	80

КАРТА № 13 L 1064 'ПОСТАВИТ, ЗАМЕСИТ ТЕСТО'

[illegible]

Таблица 18

КАРТА № 47 L 1166 'КИПИТ' (вода)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	кур-і-ть	4	17	12	2	31		1			30	69	131	289	586
2	сь-кур-і-ть										2			1	3

Таблица 19

КАРТА № 49 L 1170 'КИПЯЩАЯ ИЛИ ВСКИПЕВШАЯ ВОДА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	кур-ѣт-ѣк-ъ										1	54	73	280	408
2	кур-ѣт-ѣк-а											1		1	2
3	вар-ъ										19	21		24	64
4	вар-ѣт-ѣк-ъ											1		1	2
5	и-кгор-ъ										8	1	3	2	14

Таблица 20

КАРТА № 44 L 1150 'КИСЛЫЙ, КВАШЕНЫЙ' (о капусе)

[illegible]

Таблица 21

КАРТА № 51 L 1174 'КОЖУРА, СНЯТАЯ СО СТАРОЙ КАРТОШКИ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	lup-in-a	2		1				2		1	42	24	32	1	105
2	ob-lup-ъk-a		1											4	5
3	še-lup-ъk-a											8	2	1	11
4	še-lup-j-a											2		4	6
5	še-lup-aj-ъk-a											8	6	1	15
6	lušp-aj-ъk-a											3	42	1	46
7	lusk-a, ljusk-a		1	8		1					1		1	2	14
8	ob-čist-ъk-y											1	2	151	154
9	kor-a		21	29		8								20	78
10	kor-ъk-a													18	18
11	kor-in-a													4	4
12	kož-a		1			2	2							11	16
13	kož-ur-a													23	23
14	kož-ur-ъk-a													6	6
15	kož-ux-ъ													4	4
16	kož-ux-a													3	3
17	kož-er-a													3	3
18	pljus-en-ъj-e													3	3
19	skor-j-a	1									8			2	11
20	skor-ъk-a										1		2	23	26

21	skor-o-lup-a, škor-o-lup-a												15	21	36
22	skor-o-lup- ъk-a, škor-o- lup-ъk-a											2		4	6
23	skor-o-lux-a													4	4
24	skor-o-luš-a													3	3
25	še-lux-a											6		53	59
26	še-luš-ъk-a											3		6	9

Таблица 22

**КАРТА № 1 L 1027 'ВЫРЫТАЯ В ЗЕМЛЕ ЯМА ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ
ВОДЫ, КОЛОДЕЦ'**

	Кол-во пунк- тов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	kojd-ez-ы// kojd-ыс-ы											62	82	287	431
2	krin-ic-a, krъn-ic-a										2		67	4	73
3	ključ-ы													12	12
4	kop-an-j-ы													1	1
5	trob-a													5	5
6	rod-ыn-ik-ы													3	3

Таблица 23

**КАРТА № 2 L 1029 'ДЕРЕВЯННАЯ ДУГА ДЛЯ НОШЕНИЯ ВЕДЕР
НА ПЛЕЧЕ, КОРОМЫСЛО'**

[illegible]

Таблица 24

**КАРТА № 12 L 1060 'ДЕРЕВЯННОЕ КОРЫТО, ВЫДОБЛЕННОЕ
ИЗ ОДНОГО КУСКА ДЕРЕВА'**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	спц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	пѣкт-ѣв-а (-у)		13	41	13	33						23	68	69	260
2	пѣкт-ѣв-ѣк-а										1	54	21	39	115
3	пѣкт-ѣв-ѣѣ- ѣк-а (-у)											2		4	6
4	корут-о	3	10				5	28			3	12	37	119	217
5	корут-ѣс-е			1				1						2	4
6	корут-іѣ-ѣк-у													2	2
7	kold-a													32	32
8	lotok-ъ													18	18
9	želb-ъ													13	13
10	děž-a								1	1			1	2	5
11	děž-ѣк-а										2			4	6
12	kvaš-ѣп-ј-а													7	7
13	kvaš-en-ѣк-а													2	2
14	kad-uš-ѣк-а													2	2
15	sēja-l-ѣп-іс-а													2	2
16	pejt-ux-a													5	5

Таблица 25

КАРТА № 19 L 1090 'КРОШКИ' (хлеба)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слщ.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	кгѣх-у													23	23
2	кгѣх-ѣ-у												24	6	30
3	кгѣх-ѣ-ѣк-у												1	11	12
4	кгѣѣ-ѣк-у										6	70	82	250	408
5	кгѣѣ-ѣѣ-ѣк-у												1	4	5
6	кгѣѣ-оп-ѣк-а													9	9
7	zaz-a													2	2

Таблица 26

КАРТА № 53 SI 1185 *dem* 'ЛОЖЕЧКА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слщ.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	лѣѣ-ѣк-а													2	2
2	лѣѣ-ѣѣ-ѣк-а							2			3	60	88	287	440

Таблица 27

КАРТА № 52 SI 1184 'ЛОЖКА

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн	х.	с.	м	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п	бр.	ук	р	всего
1	лъž-ьк-а						1	8			7	61	108	291	476

Таблица 28

КАРТА № 32 L 1129 'МОЛОКО КОРОВЫ СРАЗУ ПОСЛЕ ОТЕЛА,
МОЛОЗИВО'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п	бр.	ук.	р	всего
1	seŕ-a	1	2	9	4	9	1	3	1	2	85	6	6	7	136
2	meŕz-iv-o, meŕz-iv-a	6	8	1			26	17			2	26	92	198	376
3	meŕz-ьj-e, meŕz-ьj-a													9	9
4	moŕd-iv-o, moŕd-iv-a										5	44		11	60

6	syr-ъ													1	1
7	smol-a													2	2
8	mejk-y							1						1	2
9	sēr-o mejk-o			2	1	2								7	12
10	mejz-liv-o mejk-o	1												1	2
11	mold-o mejk-o	1	2	2										5	10
12	syr-o mejk-o													20	20
13	sur-ov-o mejk-o													3	3
14	smol-ist-o mejk-o													1	1
15	perv-o, pogan-o, tjlst-o, goruŝ-av-o, par-yn-o, plox-o mejk-o	4	1	2			1							21	29

Таблица 29

КАРТА № 11 L 1058 'МУКА, ИЗ КОТОРОЙ ПЕКУТ ХЛЕБ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	mqk-a	20	17	5			31	29	2	2	87	71	132	291	687
2	boḡṣ-ып-о		10	44	24	37							28		143

Таблица 30

КАРТА № 20 Sl 1101 *det* 'НОЖИК, НОЖИЧЕК'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	poḡ-iṣ-ык-ъ	2					13	5			2	26	30	176	254
2	poḡ-ыṣ-ык-ъ	2												1	3
3	poḡ-ik-ъ	1					25	23	2	2	85	64	118	195	515
4	poḡ-ыṣ-ik-ъ													1	1
5	съ-klad-ып-ыṣ-ык-ъ													5	5

Таблица 31

КАРТА № 59 L 1198 'ОБЕД, ЕДА В ДНЕВНОЕ ВРЕМЯ'

	Кол-во пунк- тов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	об-ѣд-ъ	5	19	5	4	2	33	29	2	2	84	65	115	287	652
2	ра-уѣ-ѣн-а													8	8
3	роl-у-дѣн-ъ, роl-ъ-дѣн-ъ											11	10	1	22
4	роl-у-дѣн-е, роl-ъ-дѣн-е					17		2			8		1	2	30

Таблица 32

КАРТА № 60 L 1199 'ЕСТ ОБЕД'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	сли.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	ob-ěd-a-j-e-ть						1					62	119	286	468
2	//ěs-ть	2	1									1		1	5
3	pol-u-dьn-a-j-e-ть, pol-u-dьn-ь-a-j-e-ть					1						5	5	1	12
4	//už-in-a-j-e-ть	14	10	4		1								2	31

Таблица 33

КАРТА № 31 L 1128 'ПЕНКА' (на молоке)

[illegible]

КАРТА № 30 L 1121 'ПЕРЕЖАРЕННЫЕ КУСОЧКИ САЛА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слш.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	skvar-ъk-a, skvar-ъk-ъ, skvar-ъk-y, skvar-ъc-i										61	50	1	9	120
2	vy-skvar-ъk-y										1	5	1	1	8
3	škvar-y													3	3
4	škvar-ъk-y		1				23	20	1		4	14	90	109	262
5	škvar-en-ъk-y													2	2
6	ob-škvar-ъk- y, ob-skvar- ъk-y						12	9			1			4	26
7	vy-škvar-ъk-y											2	37	3	42
8	švar-ъk-y												1	8	9
9	ob-švar-ъk-y													12	12
10	švar-ъč-ъk-y													2	2
11	ob-švar-ъč- in-y													2	2
12	vy-žar-ъk-y												3	32	35
13	žar-uš-ъk-y													2	2
14	žar-en-ъk-y													8	8

[illegible]

Таблица 35

КАРТА № 15 SI 1080 3sg praes asp perf 'ПЕЧЕТ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	peč-e-ть	1		1								1		5	8
2	jъz-peč-e-ть		15	41	17	24				1		4	3	196	301
3	na-peč-e-ть						3	1				6	8	9	27
4	sz-peč-e-ть	24	15	1							2	59	123	69	293
5	vy-peč-e-ть								1	1			8	1	11
6	za-peč-e-ть										2			1	3

Таблица 36

КАРТА № 9 L 1039 'ЖЕЛАНИЕ, ПОТРЕБНОСТЬ ПИТЬ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	žed-j-a	25	22	13	1	18					2	19	82	250	432
2	smaḡ-a, smaž-a											47	11	1	59
3	pit-ъj-e													2	2

Таблица 37

КАРТА № 61 L 1200 'ЕДА МЕЖДУ ОБЕДОМ И УЖИНОМ,
ПОЛДНИК'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	ра-уѣ-а													1	1
2	ра-уѣ-ип-ъ, ра-уѣ-ип-а		1											29	30
3	ра-уѣ-ип-ѣк-а													3	3
4	ра-уѣ-ип-ѣк-ъ													5	5
5	ра-уѣ-ын-а													29	29
6	ра-об-ѣд-ъ, ра-об-ѣд-а													5	5
7	ра-об-ѣд-ѣк-ъ													5	5
8	роl-у-дѣн-ик-ъ, роl-у-дѣн-ын-ик-ъ, роl-ъ-дѣн-ик-ъ											4	1	83	88
9	роl-у-дѣн-ѣк-ъ												6	4	10
10	роl-у-дѣн-ъ, роl-ъ-дѣн-ъ, роl-ъ-дѣн-і											38	75	32	145

11	pol-u-dыn-e, pol-ъ-dыn-e					1								5	6
12	podъ- veceг-ъk-ъ										75	20	46	4	145
13	podъ- veceг-ъk-a													1	1
14	peг-kos-ъk-a, peг-kos-ъč- ъk-a													3	3
15	kos-on-ыn-ik- ъ													1	1
16	peг-xvat-ъk-a													2	2
17	(čaj)-ъ													4	4

Таблица 38

КАРТА № 57 L 1195 'ПРОГЛОТИТ' (еду)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	*glъt-	4	24	35	24	37	9	18			3	50	18	283	505

Таблица 39

КАРТА № 35 L 1133 'СЫРОЕ КИСЛОЕ МОЛОКО'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слав.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	prost-o-kvaš-a											6	2	215	223
2	prost-o-kvaš- ьк-а													2	2
3	kvaš-en-ьк-а													4	4
4	syр-o-kvaš-a											30	5	26	61
5	prost-o-kyš-a													44	44
6	kys-ьl-j-ak-ъ											5	44	1	50
7	kys-ьl-ux-a													5	5
8	kys-ьl-uš-ьк-а													15	15
9	сам-o-sěd-ьк- -ъ									1				1	2
10	съ-sěd-yš-ь													5	5
11	syр-o-pěn-j-a													1	1
12	kys-ěl-o mējk-o	22	20	33	14	25	21	11			2	40	63	13	264
13	kvas-en-o mējk-o			1	3	8		5			46	2	26	1	92
14	mōl-o mējk-o	1	7				2				4		1	12	27

Таблица 40

**КАРТА № 3 L 1030 'ПУСТОЙ, НЕНАПОЛНЕННЫЙ'
(например, о горшке)**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	porzd-ьн-ъ, porzd-ьн'-ъ	25	31	44	24	37	33	27	2	2	52			71	348
2	porž-ьн-ъ, porž-ьн'-ъ							2			32	65	131	182	412
3	pust-ъ										60	45	28	222	355
4	prost-ъ													19	19
5	pol-ъ													2	2

Таблица 41

КАРТА № 17 L 1087 'РЕЖЕТ' (хлеб)

[illegible]

Таблица 42

КАРТА № 46 SI 1165 3sg praes asp perf 'ВАРИТ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	сь-вар-і-ть	1	10	28	23		1				2	68	128	273	534
2	па-вар-і-ть						4	26		1	1	2	1	3	38
3	сь-got-ov-i-ть			1								1		8	10

Таблица 43

КАРТА № 21 SI 1111 'МЯСО СВИНЬИ'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	svin-in-a	6						6			20	44	87	259	422
2	svin-ēt-in-a	1	12	23	1									2	39
3	pors-ēt-in-a		2	1										6	9
4	svěž-in-a													5	5

Таблица 44

КАРТА № 41 L 1146 'СКОРЛУПА' (яйца)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слп.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	še-lup-a											1		3	4
2	še-lup-in-a											3		1	4
3	še-lup-aj-ъk-a											4	5	5	14
4	še-lup-ax-a											2		2	4
5	lusp-aj-ъk-a											1	8	1	10
6	lusk-a		5	25							2	1	1	1	35
7	kož-a			1										5	6
8	kož-ur-a, kož-ur-ъk-a													6	6
9	skor-ъk-a													12	12
10	skor-up-a						2	5			47	1	4	1	60
11	skor-o-lup-a							1				14	71	182	268
12	skor-o-lup- ъk-a						1					13	5	69	88
13	skor-o-lux-a													5	5
14	skor-o-luš-a													8	8
15	še-lux-a											4		21	25
16	še-luš-ъk-a											1		4	5

**КАРТА № 36 L 1135 'ГУСТОЙ ЖИРНЫЙ ВЕРХНИЙ СЛОЙ
СВЕЖЕГО, ОТСТОЯВШЕГОСЯ МОЛОКА,
СЛИВКИ'**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	съ-мет-ан-а	9	1	2		7	31	10	2	2	28	37	51	36	216
2	съ-мет-ан- ьк-а			1				16			7	1	8	2	35
3	въх-ъ				2							8	1	2	13
4	въѣ-ьк-ъ											11	39	8	58
5	въѣ-ьѣ-ьк-ъ											1		2	3
6	съ-лив-ьк-ъ												1	2	3
7	съ-лив-ьк-у											14	12	228	254
8	и-стой-ъ													19	19
9	и-стой-ьк-ъ											1		14	15
10	при-стой-ьк-ъ											1		2	3
11	съп-ъѣм-ьк-ъ													5	5
12	съп-ъѣм-ьк-у													2	2

Таблица 46

КАРТА № 27 L 1117 'ПОДКОЖНЫЙ СЛОЙ ЖИРА В СВИНИНЕ'

[illegible]

Таблица 47

**КАРТА № 37 L 1136 'ГУСТОЙ ЖИРНЫЙ ВЕРХНИЙ СЛОЙ
КИСЛОГО МОЛОКА, СМЕТАНА'**

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	сь-мет-ан-а	7		4		7	32	13	1	1	69	65	128	286	613
2	вых-ъ				3							5		1	9
3	выс-ьк-ъ													1	1
4	сь-лив-ьк-у													3	3
5	у-стой-ьк-ъ													2	2
6	сьн-ьм-ьк-ъ													4	4

Таблица 48

КАРТА № 6 L 1036 'СТАКАН'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	(stokan)-ъ					1						50	81	289	421

Таблица 49

КАРТА № 23 SI 1113 'МЯСО ТЕЛЕНКА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	tel- ɛt-in-a	17	23	30	1		1	1			73	45	86	246	523
2	tel-ɛt-j-e (subst)		1	1			29				4	1		3	39
3	jal-ov-ič-in-a												7	1	8
4	gov-ɛd-in-a											1	2	5	8

Таблица 50

КАРТА № 14 L 1065 'ПОДХОДИТ, РАСТЕТ' (о тесте)

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	дериваты с корнем *xod(j)- /*xad(j)-	12	3				4				4	70	99	176	368
2	*šyd-													6	6
3	*jъd-		1		4	2								10	17
4	*(n)ę- /*(n)jъm-											2	1	102	105
5	*dy(m)-													18	18
6	*dvig- /*dviž-	1	11					1						3	16
7	*sta-	6												3	9
8	*qrst-	2	14	40	14	1		2			72	3	30	14	192
9	*kys-		3	3	6	8	17	29			4		9	3	82
10	*zi-v-													13	13

Таблица 51

КАРТА № 29 L 1120 'ТОПЛЕНОЕ СВИНОЕ САЛО'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	sad-l-o	1			16		31	1				17	2	170	238
2	žig-ъ	1										12	1	8	22
3	loj-ъ													4	4
4	(šmaf)-ъс-ъ	4	1				2	12	2	2	83	12	105	17	240

Таблица 52

КАРТА № 62 L 1201 'УЖИН, ВЕЧЕРНЯЯ ЕДА'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	večer-j-a	25	30	45	24	34	33	29	1	2	58	68	132	18	499
2	večer-ic-a													1	1
3	//už-in-ъ											2		244	246
4	//už-in-a													23	23
5	//už-ъn-a													26	26

Таблица 53

КАРТА № 64 L 1203 'ЕСТ УЖИН'

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слц.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	večer-j-a-j-e-ть	24	29	44	24	32	33	29	2	2	16	67	130	23	455
2	//už-in-a-j-e-ть											3		276	279

Таблица 54

КАРТА № 40 SI 1145 *dem* (j)aje

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слщ.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	//aj-ьк-о							2	1	2	24	2	1	2	34
2	//aj-ьс-ьк-о	1									67	59	110	23	260
3	//aj-ьс-ьс- ьк-о											2		1	3
4	//aj-іс-ьк-о						32	28				7	17	262	346
5	//aj-іс-ьс-ьк-о													1	1

Таблица 55

КАРТА № 39 FM 1139 *Nsg* (j)aje

	Кол-во пунктов	25	32	45	24	37	33	29	2	2	89	71	132	308	829
	диалекты → легенда ↓	слн.	х.	с.	м.	бг.	ч.	слщ.	в-л.	н-л.	п.	бр.	ук.	р.	всего
1	//aj-ьс-о						6	17			4	45	5	289	366
2	//aj-ьк-о									1	48	12	1	2	64
3	//aj-ьс-ьк-о											5	4	2	11

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

1. Solbica (Stolvizza). Italija, ob. Ravanca (Prato di Resia).
2. Ošnje pri Svetem Lenartu (Osgnetto). Italija, ob. Sveti Lenart.
3. Križ (Santa Croce). Italija, ob. Trst (Trieste).
4. Šmartno. RS, ob. Brda.
5. Komen. RS, ob. Komen.
6. Cerklje. RS, ob. Cerklje.
7. Srednja vas v Bohinju. RS, ob. Bohinj.
8. Horjul. RS, ob. Horjul.
9. Valburga. RS, ob. Medvode.
10. Luče. RS, ob. Luče.
11. Pomjan. RS, ob. Koper.
12. Hrušica. RS, ob. Ilirska Bistrica.
13. Babno Polje. RS, ob. Loška dolina.
14. Ribnica. RS, ob. Ribnica.
15. Dragatuš. RS, ob. Črnomelj.
16. Bučka. RS, ob. Škocjan.
17. Mostec. RS, ob. Brežice.
18. Šmarje pri Jelšah. RS, ob. Šmarje pri Jelšah.
19. Spodnja Ložnica. RS, ob. Slovenska Bistrica.
20. Videm ob Ščavnici (Sveti Jurij ob Ščavnici). RS.
21. Gomilica. RS, ob. Turnišče.
22. Žminj. RH, op. Pula.
23. Cres. RH, op. Mali Lošinj.
24. Dobrinj. RH, op. Krk.
25. Rukavac. RH, op. Matulji.
26. Močila. RH, op. Karlovac.
27. Domagović. RH, op. Jastrebarsko.
28. Domaslovec. RH, op. Samobor.
29. Začretje (Sveti Križ Začretje). RH, op. Zagreb.
30. Cubinec. RH, op. Križevci.
31. Prelog. RH, op. Čakovec.
32. Virje. RH, op. Đurđevac.
33. Tmovac. RH, op. Gospić.
34. Brinje. RH, op. Brinje.
35. Trebarjevo Desno. RH, op. Sisak.
36. Mala Peratovica. RH, op. Bjelovar.
37. Sali. RH, op. Zadar.
38. Лохово. РБНХ, оп. Биһаһ. Lohovo. RBNH, op. Bihać.

39. Magića Mala. RH, op. Nova Gradiška.
40. Strizivojna. RH, op. Đakovo.
41. Valpovo. RH, op. Valpovo.
42. Komiža. RH, op. Komiža.
43. Trogir. RH, op. Trogir.
44. Vrbanj. RH, op. Hvar.
- 44a. Kruč (Acquaviva Collecroce). Italija, pr. Molise, reg. Abruzzi.
45. Otok. RH, op. Sinj.
46. Guber. RBiH, op. Livno. Губер. РБиХ, оп. Ливно.
47. Drvetine. RBiH, op. Bugojno. Дрветине. РБиХ, оп. Бугојно.
48. Dobretići. RBiH, op. Jajce. Добретићи. РБиХ, оп. Јајце.
49. Vijaka. RBiH, op. Vareš. Вијака. РБиХ, оп. Вареш.
50. Špionica. RBiH, op. Srebrenik. Шпионица. РБиХ, оп. Сребреник.
51. Tramošnica. RBiH, op. Gradačac. Трамошница. РБиХ.
52. Gradište. RH, op. Županja.
53. Сивац (Стари и Нови). СЦГ - РС, оп. Кула.
54. Јазак. СЦГ - РС, оп. Ириг.
55. Башаид. СЦГ - РС, оп. Кикинда.
56. Lastovo. RH, op. Lastovo.
57. Grude. RBiH, op. Ljubuški. Груде. РБиХ, оп. Љубушки.
58. Lug. RBiH, op. Jablanica. Луг. РБиХ, оп. Јабланица.
59. Kreševo. RBiH, op. Kreševo. Крешево. РБиХ, оп. Крешево.
60. Милићи. РБиХ, оп. Власеница. Милићи. РБиХ, оп. Vlasenica.
61. Žera. RBiH, op. Rogatica. Жепа. РБиХ, оп. Рогатица.
62. Осладић. СЦГ - РС, оп. Осечина.
63. Неменикуће. СЦГ - РС, оп. Сопот.
64. Уљма. СЦГ - РС, оп. Вршац.
65. Savtat. RH, op. Dubrovnik.
66. Јасеник. РБиХ, оп. Гацко. Jasenik. RBiH, op. Gacko.
67. Крива Ријека. СЦГ - РС, оп. Чајетина.
68. Паковраће. СЦГ - РС, оп. Чачак.
69. Глибовац. СЦГ - РС, оп. Смедеревска Паланка.
70. Кула. СЦГ - РС, оп. Пожаревац.
71. Радовићи (Кртоли). СЦГ - РЦГ, оп. Тиват.
72. Режевићи. СЦГ - РЦГ, оп. Будва.
73. Горана (Мрковићи). СЦГ - РЦГ, оп. Бар.
74. Његуши. СЦГ - РЦГ, оп. Цетиње.
75. Голубовци. СЦГ - РЦГ, оп. Подгорица.
76. Требаљево. СЦГ - РЦГ, оп. Колашин.
77. Анцелат. СЦГ - РЦГ, оп. Иванград.

78. Тријебине. СЦГ - РС, оп. Сјеница. Ttijebine. SCG -RS.
79. Тучеп // Тучепо. СЦГ - РС, оп. Ракош.
80. Србовац // Бугариће. СЦГ - РС, оп. Косовска Митровица.
81. Дренча. СЦГ - РС, оп. Александровац.
82. Велика Крушевица. СЦГ - РС, оп. Рековац.
83. Буковац. СЦГ - РС, оп. Деспотовац.
84. Ораховац. СЦГ - РС, оп. Ораховац.
85. Пљачковица. СЦГ - РС, оп. Врање.
86. Доњи Душник. СЦГ - РС, оп. Гацин Хан.
87. Кална. СЦГ - РС, оп. Књажевац.
88. Јасеница. СЦГ - РС, оп. Неготин.
90. Лазарополе. РМ, оп. Дебар.
92. Вруток. РМ, оп. Гостивар.
93. Теарце. РМ, оп. Тетово.
94. Ракотинци. РМ, оп. Скопје.
95. Љубанце. РМ, оп. Скопје.
96. Радожда. РМ, оп. Струга.
97. Звечан. РМ, оп. Македонски Брод.
98. Шлегово. РМ, оп. Кратово.
99. Пештани. РМ, оп. Охрид.
100. Извор. РМ, оп. Велес.
101. Дихово. РМ, оп. Битола.
102. Витолиште. РМ, оп. Битола.
103. Радовиш. РМ, оп. Радовиш.
104. Берово. РМ, оп. Берово.
105. Фурка. РМ, оп. Гевгелија.
106. Бобошчица (алб. Boboshtica). Албанија, обл. Корча.
107. Вамбел (греч. Μοσχοχώριον). Грција, р-н. Костур.
108. Нестрам (греч. Νεστοριον). Грција, р-н. Костур.
109. Тиолишча (греч. Τοχιον). Грција, р-н. Костур.
110. Тремно (греч. Καρδια). Грција, р-н. Кајлар.
111. Кроншелево (греч. Κραταει). Грција, р-н. Воден.
112. Висока (греч. Οβσα). Грција, р-н. Солун.
113. Секавец (греч. Λιβαδοχώριον). Грција, р-н. Ссрез.
- 113а. Плевна (греч. Πετρούσσα). Грција, р-н. Драма.
114. Буковец. РБг, Видинска ок.
115. Рабиша. РБг, Белоградчишка ок.
116. Медковец. РБг, Ломска ок.
117. Главановци. РБг, Трънска ок.
118. Годеч. РБг.

119. Згориград. РБг, Врачанска ок.
120. Търнак. РБг, Белослатинска ок.
121. Ръждавица. РБг, Кюстендилска ок.
122. Бистрица. РБг, Дупнишка ок.
123. Врачеш. РБг, Ботевградска ок.
124. Владиня. РБг, Ловешка ок.
125. Падеж. РБг, Благоевградска ок.
126. Бачево. РБг, Разложка ок.
127. Баня. РБг, Панагюрска ок.
128. Шипка. РБг, Казанлъшка ок.
129. Сушица. РБг, Горнооряховска ок.
130. Тетово. РБг, Кубратска ок.
131. Сребърна. РБг, Силистренска ок.
132. Кърналово. РБг, Петричка ок.
133. Скребатно. РБг, Гоцеделчевска ок.
134. Равногор. РБг, Пещерска ок.
135. Дълбоки. РБг, Старозагорска ок.
136. Жеравна. РБг, Котелска ок.
137. Драгоево. РБг, Преславска ок.
138. Щипско. РБг, Провадийска ок.
139. Момчиловци. РБг, Смолянска ок.
140. Драгойново. РБг, Първомайска ок.
141. Покрован. РБг, Ивайловградска ок.
142. Устрем. РБг, Тополовградска ок.
143. Козичино (Еркеч). РБг, Поморийска ок.
144. Черноморец. РБг, Бургаска ок.
145. Граматиково. РБг, Малкотърновска ок.
146. Potoče (Potschach). Avstrija, ob. Šmohor.
- 146a. Stinjaki (Stinatz). Austrija, Gradišće (Burgenland).
147. Breznica pri Šentjakobu v Rožu (Frießnitz). Avstrija.
- 147a. Čemba (Schandorf). Austrija.
148. Kneža (Grafenbach). Avstrija.
- 148a. Pajngrt (Baumgarten). Austrija.
149. Gornji Senik (Felsőszőlő). Madžarska.
150. Pogan (Pogány). Madžarska, žup. Baranja.
151. Dušnok (Dusnok). Madžarska, žup. Bač-Kiškun (Bács-Kiskun).
152. Ловра (Lórév). Мађарска, жуп. Пешта (Budapest).
153. Homok (Fertőhomok). Madžarska, žup. Győr-Sopron.
154. Vértesszőlős (Sileš). Mađarsko, žup. Komárom.
155. Galgaguta (Guta). Mađarsko, žup. Nógrad.

156. Ohuta (Stará Huta). Maďarsko, žup. Borsod.
167. Винга. Румъния, Банат.
168. Klokotič (Clocotici). Румунија.
169. Свиница (Svinița). Румунија, жуп. Мехединци (Mehedinți).
171. Русь Поляна (Poienile de sub Munte). Румунија, обл. Мараморош.
175. Újezd u Manětína. ČR, okr. Plzeň-sever.
176. Chrástany. ČR, okr. Litoměřice.
177. Světlá pod Ještědem. ČR, okr. Liberec.
178. Postřekov. ČR, okr. Domažlice.
179. Čičov. ČR, okr. Plzeň-jih.
180. Semice. ČR, okr. Nymburk.
181. Poniklá. ČR, okr. Semily.
182. Hvězda (p. Hlavňov). ČR, okr. Náchod.
183. Stachy. ČR, okr. Prachatice.
184. Borkovice. ČR, okr. Tábor.
185. Křečovice. ČR, okr. Benešov.
186. Rejčkov. ČR, okr. Havlíčkův Brod.
187. Jenišovice. ČR, okr. Chrudim.
188. Soběnov. ČR, okr. Český Krumlov.
189. Slavíkovice. ČR, okr. Třebíč.
190. Hodice. ČR, okr. Jihlava.
191. Hodov. ČR, okr. Třebíč.
192. Jámy. ČR, okr. Žďár nad Sázavou.
193. Lažany. ČR, okr. Blansko.
194. Roubanina. ČR, okr. Blansko.
195. Jedlí. ČR, okr. Šumperk.
196. Příkazy. ČR, okr. Olomouc.
197. Mokré Lazce. ČR, okr. Opava.
198. Plaveč. ČR, okr. Znojmo.
199. Bošovice. ČR, okr. Vyškov.
200. Polešovice. ČR, okr. Uherské Hradiště.
201. Záříčí. ČR, okr. Kroměříž.
202. Rybí. ČR, okr. Nový Jičín.
203. Janovice. ČR, okr. Frýdek-Místek.
204. Lanžhot. ČR, okr. Břeclav.
205. Újezd. ČR, okr. Zlín.
206. Halenkov. ČR, okr. Vsetín.
207. Horní Lomná. ČR, okr. Frýdek-Místek.
208. Čáry. SR, okr. Senica.
209. Ivanka pri Dunaji. SR, okr. Senec.

210. Bučany. SR, okr. Trnava.
211. Trnovec nad Váhom. SR, okr. Šal'a.
212. Nedanovce. SR, okr. Partizánske.
213. Kubrica. SR, okr. Trenčín.
214. Vrtižer. SR, okr. Považská Bystrica.
215. Klubina. SR, okr. Čadca.
216. Krivá. SR, okr. Dolný Kubín.
217. Slovany. SR, okr. Martin.
218. Liptovský Ján. SR, okr. Liptovský Mikuláš.
219. Horná Ždaňa. SR, okr. Žiar nad Hronom.
220. Zvolenská Slatina. SR, okr. Zvolen.
221. Vieska nad Žitavou. SR, okr. Zlaté Moravce.
222. Hontianske Moravce. SR, okr. Krupina.
223. Horné Strháre. SR, okr. Veľký Krtíš.
224. Turíčky. SR, okr. Lučenec.
225. Sirk. SR, okr. Revúca.
226. Spišské Tomášovce. SR, okr. Spišská Nová Ves.
227. Plavnica. SR, okr. Stará Ľubovňa.
228. Dlhá Lúka. SR, okr. Bardejov.
229. Sedlice. SR, okr. Prešov.
230. Trstená pri Hornáde. SR, okr. Košice.
231. Bánovce nad Ondavou. SR, okr. Michalovce.
232. Žalobín. SR, okr. Vranov nad Topľou.
233. Čabalovce. SR, okr. Medzilaborce.
234. Dissen // Dešno. BRD, Kr. Cottbus // wokraj. Chóšebuz.
235. Bergen // Hory. BRD, Kr. Kamenz // wokraj. Kamjenc.
236. Halbendorf // Brězowka. BRD, Kr. Weißwasser // wokraj. Běla Woda.
237. Radibor // Radwor. BRD, Kr. Bautzen // wokraj. Budyšin.
238. Sławęcín. RP, woj. Szczecin, pow. Choszczno.
239. Rąbino. RP, woj. Koszalin, pow. Świdwin.
240. Gwiazdowo. RP, woj. Koszalin, pow. Sławno.
241. Wierzchucino. RP, woj. Gdańsk, pow. Puck.
242. Wielka Wieś. RP, woj. Gdańsk, pow. Puck.
243. Brzeźno. RP, woj. Gdańsk, pow. Lębork.
244. Mirachowo. RP, woj. Gdańsk, pow. Kartusy.
245. Karsin. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Chojnice.
246. Pązewo. RP, woj. Gdańsk, pow. Starogard Gdański.
247. Deszczno. RP, woj. Zielona Góra, pow. Gorzów Wielkopolski.
248. Drawsko. RP, woj. Poznań, pow. Czarnków.
249. Podróżna. RP, woj. Koszalin, pow. Złotów.

250. Krzywogoniec. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Tuchola.
251. Trzciano. RP, woj. Gdańsk, pow. Sztum.
252. Włóka Młynarska. RP, woj. Olsztyn, pow. Pasłęk.
253. Garbno. RP, woj. Olsztyn, pow. Kętrzyn.
254. Dąbrówka Wielkopolska. RP, woj. Poznań, pow. Międzyrzecz.
255. Smolniki. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Szubin.
256. Wabcz. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Chełmno.
257. Żaganiec. RP, woj. Zielona Góra, pow. Żagań.
258. Kramsko. RP, woj. Poznań, pow. Babimost.
259. Promno. RP, woj. Poznań, pow. Poznań.
260. Sędzin. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Aleksandrów Kujawski.
261. Kiełpiny. RP, woj. Bydgoszcz, pow. Rypin.
262. Samplawa. RP, woj. Olsztyn, pow. Nowe Miasto Lubawskie.
263. Dywity. RP, woj. Olsztyn, pow. Olsztyn.
264. Dąbrówka. RP, woj. Olsztyn, pow. Pisz.
265. Szwałk. RP, woj. Olsztyn, pow. Olecko.
266. Radziuszki. RP, woj. Białystok, pow. Suwałki.
267. Mała Kamienica. RP, woj. Wrocław, pow. Jelenia Góra.
268. Ligota Piękna. RP, woj. Wrocław, pow. Trzebnica.
269. Szelejewo. RP, woj. Poznań, pow. Gostyń.
270. Kramsk. RP, woj. Poznań, pow. Konin.
271. Rościszewo. RP, woj. Warszawa, pow. Sierpc.
272. Zareby Kościelne. RP, woj. Warszawa, pow. Przasnysz.
273. Łyse. RP, woj. Warszawa, pow. Kolno.
274. Flesze. RP, woj. Białystok, pow. Grajewo.
275. Pomiany. RP, woj. Białystok, pow. Augustów.
276. Wojbórz. RP, woj. Wrocław, pow. Nowa Ruda.
277. Łubsza. RP, woj. Opole, pow. Brzeg.
278. Dziadowa Kłoda. RP, woj. Wrocław, pow. Syców.
279. Michałów. RP, woj. Poznań, pow. Kalisz.
280. Patmów. RP, woj. Łódź, pow. Wieluń.
281. Domaniewek. RP, woj. Łódź, pow. Łęczyca.
282. Skaratki. RP, woj. Skierniewice, pow. Łowicz.
283. Gorzewo. RP, woj. Warszawa, pow. Gostynin.
284. Sońsk. RP, woj. Warszawa, pow. Ciechanów.
285. Wysocze. RP, woj. Warszawa, pow. Ostrów Mazowiecka.
286. Tykocin. RP, woj. Białystok, pow. Białystok.
287. Słomianka. RP, woj. Białystok, pow. Mońki.
288. Śmicz. RP, woj. Opole, pow. Prudnik.
289. Rudziniec. RP, woj. Katowice, pow. Gliwice.

290. Wędrynia. RP, woj. Opole, pow. Olesno.
291. Konopiska. RP, woj. Katowice, pow. Częstochowa.
292. Kocierzowy. RP, woj. Łódź, pow. Radomsko.
293. Ruski Bród. RP, woj. Kielce, pow. Przysucha.
294. Jastrzębia. PR, woj. Kielce, pow. Radom.
295. Słomczyn. RP, woj. Warszawa, pow. Grójec.
296. Człekówka. PR, woj. Warszawa, pow. Otwock.
297. Rozbity Kamień. RP, woj. Warszawa, pow. Sokołów Podlaski.
298. Woronie. RP, woj. Białystok, pow. Bielsk Podlaski.
299. Krzanowice. RP, woj. Opole, pow. Racibórz.
300. Golczowice. RP, woj. Kraków, pow. Olkusz.
301. Książnice Wielkie. RP, woj. Kielce, pow. Kazimierza Wielka.
302. Bolmin. RP, woj. Kielce, pow. Kielce.
303. Radkowice. RP, woj. Kielce, pow. Iłża.
304. Dęba. RP, woj. Lublin, pow. Puławy.
305. Trzebieszów. RP, woj. Lublin, pow. Łuków.
306. Horoszki Małe. RP, woj. Warszawa, pow. Łosice.
307. Choroszczynka. RP, woj. Lublin, pow. Biała Podlaska.
308. Wiślica. RP, woj. Katowice, pow. Cieszyn.
309. Żabnica. RP, woj. Kraków, pow. Żywiec.
310. Jabłonka. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
311. Węciórka. RP, woj. Kraków, pow. Myślenice.
312. Gliny Małe. RP, woj. Rzeszów, pow. Mielec.
313. Grębów. RP, woj. Rzeszów, pow. Tarnobrzeg.
314. Zakrzew. RP, woj. Lublin, pow. Krasnystaw.
315. Osowa. RP, woj. Lublin, pow. Włodawa.
316. Nowe Bystre. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
317. Sromowce Wyżne. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Targ.
318. Podegrodzie. RP, woj. Kraków, pow. Nowy Sącz.
319. Jodłówka. RP, woj. Kraków, pow. Tarnów.
320. Łęki Stryżowskie. RP, woj. Rzeszów, pow. Krosno.
321. Łąka. RP, woj. Rzeszów, pow. Rzeszów.
322. Łukawa. RP, woj. Lublin, pow. Biłgoraj.
323. Giełczew. RP, woj. Lublin pow. Krasnystaw.
324. Wiszniów. RP, woj. Lublin, pow. Hrubieszów.
325. Niebieszczany. RP, woj. Rzeszów, pow. Sanok.
326. Paclaw. RP, woj. Rzeszów, pow. Przemyśl.
327. Лукшы. РБ, Віцебская вобл., Браслаўскі р-н.
328. Пялікі. РБ, Віцебская вобл., Шаркаўшчынскі р-н.
329. Казлы. РБ, Віцебская вобл., Мёрскі р-н.

330. Якубава. РБ, Віцебская вобл., Расонскі р-н.
331. Ністанішкі. РБ, Гродзенская вобл., Смагонскі р-н.
332. Груздава. РБ, Віцебская вобл., Пастаўскі р-н.
333. Лабуноўшчына. РБ, Віцебская вобл., Полацкі р-н.
334. Бабовікі. РБ, Віцебская вобл., Полацкі р-н.
335. Паташня. РБ, Віцебская вобл., Гарадоцкі р-н.
336. Прывалкі. РБ, Гродзенская вобл., Гродзенскі р-н.
337. Паляцкішкі. РБ, Гродзенская вобл., Воранаўскі р-н.
338. Лоск. РБ, Мінская вобл., Валожынскі р-н.
339. Асавец. РБ, Мінская вобл., Вілейскі р-н.
340. Адрубак. РБ, Віцебская вобл., Докшыцкі р-н.
341. Чарніца. РБ, Віцебская вобл., Лепельскі р-н.
342. Дворышча. РБ, Віцебская вобл., Бешанковіцкі р-н.
343. Гостраў. РБ, Гродзенская вобл., Мастоўскі р-н.
344. Вялікія Баяры. РБ, Гродзенская вобл., Шчучынскі р-н.
345. Альхоўка. РБ, Гродзенская вобл., Навагрудскі р-н.
346. Пруды. РБ, Мінская вобл., Івянецкі р-н.
347. Валодзькі. РБ, Мінская вобл., Маладзечанскі р-н.
348. Рудня. РБ, Мінская вобл., Плешчаніцкі р-н.
349. Стайкі. РБ, Мінская вобл., Барысаўскі р-н.
350. Абчуга. РБ, Мінская вобл., Крупскі р-н.
351. Лядзінкі. РБ, Віцебская вобл., Віцебскі р-н.
352. Загараднае. РБ, Віцебская вобл., Лёзненскі р-н.
353. Навасёлкі. РБ, Гродзенская вобл., Свіслацкі р-н.
354. Старое Сяло. РБ, Гродзенская вобл., Зэльвенскі р-н.
355. Мірацічы. РБ, Гродзенская вобл., Карэліцкі р-н.
356. Стары Сверхань. РБ, Мінская вобл., Стаўбцоўскі р-н.
357. Дудзічы. РБ, Мінская вобл., Пухавіцкі р-н.
358. Дзяхань. РБ, Мінская вобл., Смалявіцкі р-н.
359. Слабодка. РБ, Магілёўская вобл., Шклоўскі р-н.
360. Сятаўшчына. РБ, Віцебская вобл., Дубровенскі р-н.
361. Сечы. РБ, Брэсцкая вобл., Брэсцкі р-н.
362. Дзімітравічы. РБ, Брэсцкая вобл., Камянецкі р-н.
363. Горск. РБ, Брэсцкая вобл., Бярозаўскі р-н.
364. Любішчыцы. РБ, Брэсцкая вобл., Івацэвіцкі р-н.
365. Альхоўцы. РБ, Брэсцкая вобл., Ляхавіцкі р-н.
366. Ванелевічы. РБ, Мінская вобл., Капыльскі р-н.
367. Гарэлец. РБ, Мінская вобл., Пухавіцкі р-н.
368. Багушэвічы. РБ, Мінская вобл., Бярэзінскі р-н.
369. Асавец. РБ, Магілёўская вобл., Бялыніцкі р-н.

370. Стайкі. РБ, Магілёўская вобл., Магілёўскі р-н.
371. Старакожаўка. РБ, Магілёўская вобл., Горацкі р-н.
372. Вялікія Радванічы. РБ, Брэсцкая вобл., Брэсцкі р-н.
373. Пяскі. РБ, Брэсцкая вобл., Кобрынскі р-н.
374. Ляжыткавічы. РБ, Брэсцкая вобл., Драгічынскі р-н.
375. Азарычы. РБ, Брэсцкая вобл., Лагішынскі р-н.
376. Дзяніскавічы. РБ, Брэсцкая вобл., Ганцавіцкі р-н.
377. Карытнае. РБ, Магілёўская вобл., Асіповіцкі р-н.
378. Рубеж. РБ, Магілёўская вобл., Клічаўскі р-н.
379. Завад-Віравая. РБ, Магілёўская вобл., Слаўгарадскі р-н.
380. Беражыстае. РБ, Магілёўская вобл., Крычаўскі р-н.
381. Пралетарскае. РБ, Магілёўская вобл., Касцюковіцкі р-н.
382. Месяцічы. РБ, Брэсцкая вобл., Пінскі р-н.
383. Рэчыца. РБ, Брэсцкая вобл., Столінскі р-н.
384. Вулька. РБ, Брэсцкая вобл., Лунінецкі р-н.
385. Яскавічы. РБ, Мінская вобл., Салігорскі р-н.
386. Пасека. РБ, Мінская вобл., Старадарожскі р-н.
387. Бутчын. РБ, Магілёўская вобл., Бабруйскі р-н.
388. Ніжняя Тошчыца. РБ, Магілёўская вобл., Быхаўскі р-н.
389. Запясочча. РБ, Гомельская вобл., Жыткавіцкі р-н.
390. Бобрыкі. РБ, Гомельская вобл., Капаткевіцкі р-н.
391. Смыковічы. РБ, Гомельская вобл., Акцябрскі р-н.
392. Шыхаў. РБ, Гомельская вобл., Жлобінскі р-н.
393. Бяляеўка. РБ, Гомельская вобл., Чачэрскі р-н.
394. Новае Палессе. РБ, Гомельская вобл., Лельчыцкі р-н.
395. Жахавічы. РБ, Гомельская вобл., Мазырскі р-н.
396. Вязавіца. РБ, Гомельская вобл., Калінкавіцкі р-н.
397. Заспа. РБ, Гомельская вобл., Рэчыцкі р-н.
398. Шарсцін. РБ, Гомельская вобл., Жэткаўскі р-н.
399. Тулгавічы. РБ, Гомельская вобл., Хойніцкі р-н.
400. Шкураты. РБ, Гомельская вобл., Брагінскі р-н.
401. Пумьмо. Украіна, Волинська обл., Любомльський р-н.
402. Тур. Украіна, Волинська обл., Ратнівський р-н.
403. Залаззя. Украіна, Волинська обл., Любешівський р-н.
404. Доротище. Украіна, Волинська обл., Ковельський р-н.
405. Кутин. Украіна, Рівненська обл., Зарічненський р-н.
406. Залужжя. Украіна, Волинська обл., Волод.-Волинський р-н.
407. Крухиничі. Украіна, Волинська обл., Локачинський р-н.
408. Мильськ. Украіна, Волинська обл., Рожищенський р-н.
409. Велика Ведмежка. Украіна, Волинська обл., Маневицький р-н.

410. Берестя. Україна, Рівненська обл., Дубровицький р-н.
411. Дроздинь. Україна, Рівненська обл., Рокитнівський р-н.
412. Поповичі. Україна, Львівська обл., Мостиський р-н.
413. Завадів. Україна, Львівська обл., Яворівський р-н.
414. Туринка. Україна, Львівська обл., Нестерівський р-н.
415. Пирятин. Україна, Львівська обл., Радехівський р-н.
416. Бокійма. Україна, Рівненська обл., Млинівський р-н.
417. Поляни. Україна, Рівненська обл., Березнівський р-н.
418. Хочине. Україна, Житомирська обл., Олевський р-н.
419. Велика Сушиця. Україна, Львівська обл., Старосамбір. р-н.
420. Мавковичі. Україна, Львівська обл., Городоцький р-н.
421. Петричі. Україна, Львівська обл., Золочівський р-н.
422. Сапанів. Україна, Тернопільська обл., Кременецький р-н.
423. Річниця. Україна, Рівненська обл., Гощанський р-н.
424. Підлуби. Україна, Житомирська обл., Ємільчинський р-н.
425. Норинськ. Україна, Житомирська обл., Овруцький р-н.
426. Гладковичі. Україна, Житомирська обл., Овруцький р-н.
427. Верхня Яблунька. Україна, Львівська обл., Турківський р-н.
428. Ясениця-Сільна. Україна, Львівська обл., Дрогобицький р-н.
429. Стільське. Україна, Львівська обл., Миколаївський р-н.
430. Свистільники. Україна, Івано-Франківська обл., Рогатинський р-н.
431. Осташівці. Україна, Тернопільська обл., Зборівський р-н.
432. Білозірка. Україна, Тернопільська обл., Лановецький р-н.
433. Стригани. Україна, Хмельницька обл., Славутський р-н.
434. Гульськ. Україна, Житомирська обл., Новоград-Волинський р-н.
435. Устя. Україна, Рівненська обл., Корецький р-н.
436. Поліське. Україна, Київська обл., Поліський р-н.
437. Карпилівка. Україна, Київська обл., Іванківський р-н.
438. Жеведь. Україна, Чернігівська обл., Чернігівський р-н.
439. Задерівка. Україна, Чернігівська обл., Ріпкинський р-н.
440. Салтикова Дівиця. Україна, Чернігівська обл., Куликів. р-н.
441. Гірськ. Україна, Чернігівська обл., Щорський р-н.
442. Савинки. Україна, Чернігівська обл., Корюківський р-н.
443. Пальчики. Україна, Чернігівська обл., Бахмацький р-н.
444. Іванівка. Україна, Чернігівська обл., Семенівський р-н.
445. Мефедівка. Україна, Сумська обл., Середино-Будський р-н.
446. Чуйківка. Україна, Сумська обл., Ямпільський р-н.
447. Сваркове. Україна, Сумська обл., Глухівський р-н.
448. Малий Березний. Україна, Закарпатська обл.,
Великоберезнянський р-н.

449. Коростів. Україна, Львівська обл., Сколівський р-н.
450. Збора. Україна, Івано-Франківська обл., Калуський р-н.
451. Ласківці. Україна, Тернопільська обл., Терехівський р-н.
452. Веснянка. Україна, Хмельницька обл., Старокостянтинівський р-н.
453. Конотоп. Україна, Хмельницька обл., Шепетівський р-н.
454. Велика П'ятигірка. Україна, Житомирська обл., Бердичів. р-н.
455. Кам'янка. Україна, Житомирська обл., Житомирський р-н.
456. Борщів. Україна, Житомирська обл., Радомисльський р-н.
457. Мирча. Україна, Київська обл., Бородянський р-н.
458. Дідівщина. Україна, Київська обл., Фастівський р-н.
459. Блиставиця. Україна, Київська обл., Бородянський р-н.
460. Пухівка. Україна, Київська обл., Броварський р-н.
461. Козари. Україна, Чернігівська обл., Носівський р-н.
462. Галиця. Україна, Чернігівська обл., Ніжинський р-н.
463. Красилівка. Україна, Чернігівська обл., Бахмацький р-н.
464. Сім'янівка. Україна, Сумська обл., Конотопський р-н.
465. Баранинці. Україна, Закарпатська обл., Ужгородський р-н.
466. Поляна. Україна, Закарпатська обл., Свалявський р-н.
467. Довге. Україна, Закарпатська обл., Іршавський р-н.
468. Торунь. Україна, Закарпатська обл., Міжгірський р-н.
469. Дубове. Україна, Закарпатська обл., Тячівський р-н.
470. Стримба. Україна, Івано-Франківська обл., Надвірнян. р-н.
471. Золотий Потік. Україна, Тернопільська обл., Бучацький р-н.
472. Іванківці. Україна, Хмельницька обл., Городоцький р-н.
473. Давидківці. Україна, Хмельницька обл., Хмельницький р-н.
474. Стрижавка. Україна, Вінницька обл., Вінницький р-н.
475. Горобіївка. Україна, Київська обл., Сквирський р-н.
476. Іванівка. Україна, Київська обл., Білоцерківський р-н.
477. Вороньків. Україна, Київська обл., Бориспільський р-н.
478. Богдани. Україна, Черкаська обл., Золотоніський р-н.
479. Озеряни. Україна, Чернігівська обл., Варвинський р-н.
480. Коровинці. Україна, Сумська обл., Недригайлівський р-н.
481. Новоіванівка. Україна, Сумська обл., Білопільський р-н.
482. Пінянка. Україна, Сумська обл., Краснопільський р-н.
483. Затисівка. Україна, Закарпатська обл., Виноградівський р-н.
484. Буштина. Україна, Закарпатська обл., Тячівський р-н.
485. Богдан. Україна, Закарпатська обл., Рахівський р-н.
486. Бабиноплля. Україна, Івано-Франківська обл., Косівський р-н.
487. Южинец. Україна, Чернівецька обл., Кіцманський р-н.
488. Балин. Україна, Хмельницька обл., Дунаєвський р-н.

489. Морозівка. Україна, Вінницька обл., Мурованокуриловецький р-н.
490. Підвисоке. Україна, Вінницька обл., Іллінецький р-н.
491. Велика Березянка. Україна, Київська обл., Таращанський р-н.
492. Копіювате. Україна, Черкаська обл., Канівський р-н.
493. Ісківці. Україна, Полтавська обл., Лубенський р-н.
494. Зуївці. Україна, Полтавська обл., Миргородський р-н.
495. Боромля. Україна, Сумська обл., Тростянецький р-н.
496. Шепіт. Україна, Чернівецька обл., Путилівський р-н.
497. Турятка. Україна, Чернівецька обл., Глибоцький р-н.
498. Іванівці. Україна, Чернівецька обл., Кельменецький р-н.
499. Горишківка. Україна, Вінницька обл., Томашпільський р-н.
500. Краснопілка. Україна, Черкаська обл., Уманський р-н.
501. Сингаївка. Україна, Черкаська обл., Шполянський р-н.
502. Дем'янівка. Україна, Полтавська обл., Семенівський р-н.
503. Запсілля. Україна, Полтавська обл., Великобагачанський р-н.
504. Котельва. Україна, Полтавська обл., Котелевський р-н.
505. Дементіївка. Україна, Харківська обл., Дергачівський р-н.
506. Бронниця. Україна, Вінницька обл., Могилів-Подільський р-н.
507. Маньківка. Україна, Вінницька обл., Бершадський р-н.
508. Левківка. Україна, Кіровоградська обл., Новоархангельський р-н.
509. Веселий Кут. Україна, Кіровоградська обл., Знам'янський р-н.
510. Мар'ївка. Україна, Кіровоградська обл., Онуфріївський р-н.
511. Запсілля. Україна, Полтавська обл., Кременчуцький р-н.
512. Котівка. Україна, Дніпропетровська обл., Магдалинівський р-н.
513. Білухівка. Україна, Полтавська обл., Карлівський р-н.
514. Кегичівка. Україна, Харківська обл., Кегичівський р-н.
515. Хатне. Україна, Харківська обл., Великобурлуцький р-н.
516. Концеба. Україна, Одеська обл., Савранський р-н.
517. Піщаний Брід. Україна, Кіровоградська обл., Добровеличк. р-н.
518. Козирівка. Україна, Кіровоградська обл., Новгородківський р-н.
519. Новомихайлівка. Україна, Дніпропетровська обл., Софіївський р-н.
520. Вільне. Україна, Дніпропетровська обл., Новомосковський р-н.
521. Танюшівка. Україна, Луганська обл., Новопсковський р-н.
522. Тецкани. Молдова, Бричанський р-н.
523. Данул. Молдова, Ришканський р-н.
524. Пояна. Молдова, Кам'янський р-н.
525. Тумалини. Литва, Ігналинський р-н.
526. Вышки. Латвія, Даугавпілський р-н.
527. О. Пийрисаар. Естонія, Тартуский р-н.
528. Койда. РФ, Архангельська обл., Мезенський р-н.

529. Ручьи. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
530. Долгошелье. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
531. Верхняя Золотица (Зимняя Золотица). РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.
532. Куя. РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.
533. Дорогорское. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
534. Тамица. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
535. Часовенская. РФ, Архангельская обл., Приморский р-н.
536. Азаполье. РФ, Архангельская обл., Мезенский р-н.
537. Пылема. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
538. Кысса. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
539. Усть-Кожа. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
540. Ломоносово. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
541. Кузомень. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
542. Валдокурье. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
543. Вальтево. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
544. Олема. РФ, Архангельская обл., Лешуконский р-н.
545. Турчасово. РФ, Архангельская обл., Онежский р-н.
546. Плёсо-Мякурё. РФ, Архангельская обл., Холмогорский р-н.
547. Кеврола. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
548. Сура. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
549. Нюхча. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н.
550. Усланка. РФ, Ленинградская обл., Подпорожский р-н.
551. Плотишно. РФ, Ленинградская обл., Подпорожский р-н.
552. Ладва. РФ, Карелия, Прионежский р-н.
553. Першлахта. РФ, Архангельская обл., Плесецкий р-н.
554. Ступино. РФ, Архангельская обл., Няндомский р-н.
555. Сторожевское. РФ, Архангельская обл., Шенкурский р-н.
556. Родионовское. РФ, Архангельская обл., Виноградовский р-н.
557. Терентьевское. РФ, Архангельская обл., Виноградовский р-н.
558. Окуловская. РФ, Архангельская обл., Верхнетоемский р-н.
560. Копорье. РФ, Ленинградская обл., Ломоносовский р-н.
562. Староселье. РФ, Ленинградская обл., Тосненский р-н.
563. Княщина. РФ, Ленинградская обл., Волховский р-н.
564. Новинка. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
565. Бор. РФ, Ленинградская обл., Лодейнополюский р-н.
566. Верхнее Тойсино. РФ, Ленинградская обл., Лодейнополюский р-н.
567. Верховье. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
568. Замошье. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
569. Гавриловское. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.

570. Ковжа. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.
571. Броневская. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н.
572. Никишинская. РФ, Архангельская обл., Няндомский р-н.
573. Верхопаденьга. РФ, Архангельская обл., Шенкурский р-н.
574. Павловское. РФ, Архангельская обл., Вельский р-н.
575. Акичкин Починок. РФ, Архангельская обл., Устьянский р-н.
576. Чаплинская. РФ, Архангельская обл., Верхнетоемский р-н.
577. Шеломя. РФ, Архангельская обл., Красноборский р-н.
578. Верхняя Уфтога. РФ, Архангельская обл., Красноборский р-н.
579. Кленно. РФ, Ленинградская обл., Кингисеппский р-н.
580. Черное. РФ, Ленинградская обл., Волосовский р-н.
581. Большие Слудицы. РФ, Ленинградская обл., Гатчинский р-н.
582. Оскуй. РФ, Новгородская обл., Чудовский р-н.
583. Дубяги. РФ, Ленинградская обл., Киришский р-н.
584. Щибенец. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
585. Михалево. РФ, Ленинградская обл., Ефимовский р-н.
586. Пашозеро. РФ, Ленинградская обл., Тихвинский р-н.
587. Плоское. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
588. Старина. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
589. Семеновская. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н.
590. Михалево. РФ, Вологодская обл., Белозерский р-н.
591. Мосеева. РФ, Вологодская обл., Вашкинский р-н.
592. Чистый Дор. РФ, Вологодская обл., Кирилловский р-н.
593. Бархатово. РФ, Вологодская обл., Чарозерский р-н.
596. Елинская. РФ, Архангельская обл., Вельский р-н.
597. Боровское. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
598. Нечаевское. РФ, Архангельская обл., Коношский р-н.
600. Королевская. РФ, Вологодская обл., Нюксенский р-н.
601. Орлово. РФ, Архангельская обл., Устьянский р-н.
602. Верхне-Ерогодский Починок. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
603. Горка. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
604. Песчанка. РФ, Архангельская обл., Котласский р-н.
605. Кануновщина. РФ, Псковская обл., Гдовский р-н.
606. Заполье. РФ, Псковская обл., Плюский р-н.
607. Жеребут. РФ, Ленинградская обл., Лужский р-н.
608. Долгово. РФ, Новгородская обл., Новгородский р-н.
609. Нижнее Станино. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
610. Осташово. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
611. Игнашино. РФ, Вологодская обл., Чагодощенский р-н.

- 612. Сиуч. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н.
- 613. Рыконеш. РФ, Вологодская обл., Кадуйский р-н.
- 614. Акиньхово. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
- 615. Чукша. РФ, Вологодская обл., Череповецкий р-н.
- 616. Колышкино. РФ, Вологодская обл., Вологодский р-н.
- 617. Митиха. РФ, Вологодская обл., Харовский р-н.
- 618. Богтюгское. РФ, Вологодская обл., Сокольский р-н.
- 619. Коростелево. РФ, Вологодская обл., Сямженский р-н.
- 620. Папинская. РФ, Вологодская обл., Верхневажский р-н.
- 621. Зыков Конец. РФ, Вологодская обл., Тотемский р-н.
- 622. Кононовская (Алферовская). РФ, Вологодская обл., Тарногский р-н.
- 623. Харино. РФ, Вологодская обл., Бабушкинский р-н.
- 624. Кряж. РФ, Вологодская обл., Кичменско-Городецкий р-н.
- 625. Андреевское. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
- 626. Лыченица. РФ, Вологодская обл., Городокский р-н.
- 627. Томашево. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н.
- 628. Подборовье. РФ, Псковская обл., Гдовский р-н.
- 629. Княжицы. РФ, Псковская обл., Струго-Красненский р-н.
- 630. Слезово. РФ, Псковская обл., Струго-Красненский р-н.
- 631. Теребутицы. РФ, Новгородская обл., Солецкий р-н.
- 632. Лзьень. РФ, Новгородская обл., Новгородский р-н.
- 633. Медведь. РФ, Новгородская обл., Маловишерский р-н.
- 634. Еваничи. РФ, Новгородская обл., Крестецкий р-н.
- 635. Токарево. РФ, Новгородская обл., Любытинский р-н.
- 636. Слизениха. РФ, Новгородская обл., Мошенский р-н.
- 637. Горбухино. РФ, Новгородская обл., Пестовский р-н.
- 638. Раменье. РФ, Вологодская обл., Устюженский р-н.
- 639. Еврасово. РФ, Вологодская обл., Череповецкий р-н.
- 640. Голодаяка. РФ, Ярославская обл., Пошехонский р-н.
- 641. Озерки. РФ, Вологодская обл., Вологодский р-н.
- 642. Осиновицы. РФ, Вологодская обл., Грязовецкий р-н.
- 643. Лаврентьево. РФ, Вологодская обл., Междуреченский р-н.
- 644. Волково. РФ, Вологодская обл., Междуреченский р-н.
- 645. Боярское. РФ, Вологодская обл., Сокольский р-н.
- 646. Топориха. РФ, Вологодская обл., Тотемский р-н.
- 647. Трофимово. РФ, Костромская обл., Солигаличский р-н.
- 648. Сысоево. РФ, Вологодская обл., Бабушкинский р-н.
- 651. Малы. РФ, Псковская обл., Печорский р-н.
- 652. Немоево. РФ, Псковская обл., Островский р-н.
- 653. Рыдалы. РФ, Псковская обл., Псковский р-н.

- 654. Стёпаново. РФ, Псковская обл., Порховский р-н.
- 655. Чертёны. РФ, Псковская обл., Дновский р-н.
- 656. Шушелово. РФ, Новгородская обл., Поддорский р-н.
- 657. Великое Село. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
- 658. Березка. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
- 659. Клевичи. РФ, Тверская обл., Демянский р-н.
- 660. Градобить. РФ, Тверская обл., Фировский р-н.
- 661. Кемцы. РФ, Тверская обл., Бологовский р-н.
- 662. Дворищи. РФ, Тверская обл., Лесной р-н.
- 663. Бикалово. РФ, Тверская обл., Молоковский р-н.
- 664. Лискино. РФ, Ярославская обл., Брейтовский р-н.
- 665. Офремово. РФ, Ярославская обл., Рыбинский р-н.
- 666. Вахромейка. РФ, Ярославская обл., Любимский р-н.
- 667. Борок. РФ, Костромская обл., Буйский р-н.
- 668. Родниково. РФ, Вологодская обл., Грязовецкий р-н.
- 669. Николо-Залесье. РФ, Костромская обл., Буйский р-н.
- 670. Головинское. РФ, Костромская обл., Чухломский р-н.
- 671. Борисово. РФ, Костромская обл., Кадыйский р-н.
- 673. Зыково. РФ, Костромская обл., Межевской р-н.
- 674. Переузино и Александрово. РФ, Псковская обл., Красногород. р-н.
- 675. Волково. РФ, Псковская обл., Опочечский р-н.
- 676. Озерки. РФ, Новгородская обл., Старорусский р-н.
- 677. Меглино. РФ, Тверская обл., Пеновский р-н.
- 678. Заплавье. РФ, Тверская обл., Осташковский р-н.
- 679. Есеновичи. РФ, Тверская обл., Вышневолоцкий р-н.
- 680. Белавино. РФ, Тверская обл., Вышневолоцкий р-н.
- 681. Поповка. РФ, Тверская обл., Максатихинский р-н.
- 682. Заручье. РФ, Тверская обл., Бежецкий р-н.
- 683. Халява. РФ, Ярославская обл., Некоузский р-н.
- 684. Матренино. РФ, Ярославская обл., Большесельский р-н.
- 685. Толбухино. РФ, Ярославская обл., Ярославский р-н.
- 686. Гридино. РФ, Костромская обл., Красносельский р-н.
- 687. Юрьево. РФ, Костромская обл., Островский р-н.
- 688. Курилово. РФ, Костромская обл., Нейский р-н.
- 689. Калинино. РФ, Костромская обл., Галичский р-н.
- 690. Михалево. РФ, Костромская обл., Нейский р-н.
- 691. Самылово. РФ, Костромская обл., Мантуровский р-н.
- 692. Черная Грязь. РФ, Псковская обл., Себежский р-н.
- 693. Загорье. РФ, Псковская обл., Локнянский р-н.
- 694. Медведево. РФ, Тверская обл., Торопецкий р-н.

695. Хотилицы. РФ, Тверская обл., Андреапольский р-н.
696. Верхние Горицы. РФ, Тверская обл., Селижаровский р-н.
697. Казаково. РФ, Тверская обл., Старицкий р-н.
698. Бородино. РФ, Тверская обл., Торжокский р-н.
699. Парфеново. РФ, Тверская обл., Лихославльский р-н.
700. Георгиевское. РФ, Тверская обл., Рамешковский р-н.
701. Савцыно. РФ, Тверская обл., Кашинский р-н.
702. Судилово. РФ, Ярославская обл., Угличский р-н.
703. Марково. РФ, Ярославская обл., Ростовский р-н.
704. Кувакино. РФ, Ярославская обл., Некрасовский р-н.
705. Новое. РФ, Ивановская обл., Фурмановский р-н.
706. Антипино. РФ, Ивановская обл., Кинешемский р-н.
707. Борисово. РФ, Костромская обл., Кадыйский р-н.
709. Малая Торзатъ. РФ, Костромская обл., Макарьевский р-н.
710. Козодои. РФ, Псковская обл., Пустошкинский р-н.
711. Бугры. РФ, Псковская обл., Великолукский р-н.
712. Осташево. РФ, Псковская обл., Кунынский р-н.
713. Холм. РФ, Тверская обл., Западнодвинский р-н.
714. Холмец. РФ, Тверская обл., Оленинский р-н.
715. Зальково. РФ, Тверская обл., Ржевский р-н.
716. Романово. РФ, Тверская обл., Старицкий р-н.
718. Устье. РФ, Тверская обл., Конаковский р-н.
719. Кунилово. РФ, Московская обл., Талдомский р-н.
720. Никульское. РФ, Ярославская обл., Переславский р-н.
722. Гоголево. РФ, Ивановская обл., Ивановский р-н.
723. Пеньки. РФ, Ивановская обл., Палехский р-н.
724. Шихириха. РФ, Ивановская обл., Пучежский р-н.
725. Жуки. РФ, Псковская обл., Усмынский р-н.
726. Зекеево. РФ, Тверская обл., Нелидовский р-н.
- 726а. Горки. РФ, Тверская обл., Нелидовский р-н.
727. Толстики. РФ, Тверская обл., Бельский р-н.
728. Вязовка. РФ, Смоленская обл., Сычевский р-н.
729. Лосинино. РФ, Смоленская обл., Гагаринский р-н.
730. Клишино. РФ, Московская обл., Волоколамский р-н.
731. Китенево. РФ, Московская обл., Клинский р-н.
732. Устье. РФ, Московская обл., Одинцовский р-н.
733. Кочергино. РФ, Московская обл., Солнечногорский горсовет.
734. Зубцово. РФ, Московская обл., Сергиев-Посадский горсовет.
735. Никулино. РФ, Московская обл., Орехово-Зуевский р-н.
736. Осиповец. РФ, Владимирская обл., Юрьев-Польский р-н.

- 737. Zubovo. RF, Vladimirskaya obl., Sobinskii r-n.
- 738. Ovsyannikovo. RF, Vladimirskaya obl., Sudogodskii r-n.
- 739. Saniino. RF, Vladimirskaya obl., Suzdalskii r-n.
- 740. Knyazskaya. RF, Vladimirskaya obl., Kovrovskii r-n.
- 741. Malyy Udol. RF, Vladimirskaya obl., Vязниковский r-n.
- 742. Tatarovo. RF, Vladimirskaya obl., Muromskii r-n.
- 743. Amachino. RF, Nizhegorodskaya obl., Pavlovskii r-n.
- 744. Maloe Kozino. RF, Nizhegorodskaya obl., Balakhninskii r-n.
- 745. Komarovo. RF, Nizhegorodskaya obl., Semenovskii r-n.
- 746. Kovshiry. RF, Smolenskaya obl., Demidovskii r-n.
- 747. Seliще. RF, Smolenskaya obl., Dуховщинский r-n.
- 748. Kozilovo. RF, Smolenskaya obl., Holm-Zhirkovskii r-n.
- 749. Bogdanovo. RF, Smolenskaya obl., Vяземский r-n.
- 750. Tokarevo. RF, Smolenskaya obl., Gagarinskii r-n.
- 751. Klin. RF, Moskovskaya obl., Naro-Fominskii r-n.
- 752. Kosovka. RF, Moskovskaya obl., Podolskii r-n.
- 753. Kovrevo. RF, Moskovskaya obl., Egor'evskii r-n.
- 754. Kurlovo. RF, Vladimirskaya obl., Gусь-Хрустальный r-n.
- 755. Denyatiно. RF, Vladimirskaya obl., Melenkovskii r-n.
- 756. Rogovo. RF, Nizhegorodskaya obl., Navashinskii r-n.
- 757. Sherstino. RF, Nizhegorodskaya obl., Arzamasskii r-n.
- 758. Podosono. RF, Smolenskaya obl., Rudnyanskii r-n.
- 759. Zamosh'e. RF, Smolenskaya obl., Smolenskii r-n.
- 760. Sloboda. RF, Smolenskaya obl., Dorogobuzskii r-n.
- 761. Prosteevo. RF, Smolenskaya obl., Ugrynskii r-n.
- 762. Sinyukovo. RF, Smolenskaya obl., Ugrynskii r-n.
- 763. Samorodka. RF, Kaluzhskaya obl., Medynskii r-n.
- 764. Nedel'noe. RF, Kaluzhskaya obl., Maloyaroslavetskiy r-n.
- 765. Enino. RF, Moskovskaya obl., Serpukhovskii r-n.
- 767. Podlesnaya Sloboda. RF, Moskovskaya obl., Lуховицкий r-n.
- 768. Deulino. RF, Ryazanskaya obl., Ryazanskii r-n.
- 769. Mimiшкино. RF, Ryazanskaya obl., Kasimovskii r-n.
- 770. Osipovka. RF, Nizhegorodskaya obl., Vyksunskii r-n.
- 771. Zibriki. RF, Smolenskaya obl., Krasninskii r-n.
- 772. Selyco. RF, Smolenskaya obl., Pochinkovskii r-n.
- 773. Staroe Mutiще. RF, Smolenskaya obl., Elynninskii r-n.
- 774. Fomino. RF, Kaluzhskaya obl., Baryatinskii r-n.
- 775. Matchino. RF, Kaluzhskaya obl., Meshovskii r-n.
- 776. Silykovo. RF, Kaluzhskaya obl., Pereмышльскый r-n.
- 777. Vishnevое. RF, Tulyanskaya obl., Aleksinskii r-n.

- 778. Алферьево. РФ, Тульская обл., Ленинский р-н.
- 779. Куребино. РФ, Московская обл., Серебряно-Прудский р-н.
- 780. Добрая Слобода. РФ, Рязанская обл., Пронский р-н.
- 781. Выжелас. РФ, Рязанская обл., Ижевский р-н.
- 782. Мокрое. РФ, Рязанская обл., Сасовский р-н.
- 783. Юзга. РФ, Рязанская обл., Кедомский р-н.
- 784. Боровая. РФ, Смоленская обл., Хиславичский р-н.
- 785. Астапковичи. РФ, Смоленская обл., Рославльский р-н.
- 786. Гришина Слобода. РФ, Брянская обл., Жуковский р-н.
- 787. Дубровка. РФ, Калужская обл., Куйбышевский р-н.
- 788. Зимницы. РФ, Калужская обл., Думиничский р-н.
- 789. Староселье. РФ, Калужская обл., Козельский р-н.
- 790. Малахово. РФ, Тульская обл., Одоевский р-н.
- 791. Пришня. РФ, Тульская обл., Щекинский р-н.
- 792. Алексеевка. РФ, Тульская обл., Кимовский р-н.
- 793. Семенское. РФ, Рязанская обл., Пронский р-н.
- 794. Пахомовка. РФ, Рязанская обл., Кораблинский р-н.
- 795. Унгор. РФ, Рязанская обл., Сараевский р-н.
- 796. Темёшево. РФ, Рязанская обл., Шацкий р-н.
- 797. Антоновка. РФ, Брянская обл., Красногорский р-н.
- 798. Федоровка. РФ, Брянская обл., Суражский р-н.
- 799. Буда. РФ, Брянская обл., Почепский р-н.
- 800. Добрунь. РФ, Брянская обл., Брянский р-н.
- 801. Жудрё. РФ, Орловская обл., Хотынецкий р-н.
- 802. Красная Горка. РФ, Орловская обл., Орловский р-н.
- 803. Большое Теплое. РФ, Орловская обл., Мценский р-н.
- 804. Михнево. РФ, Тульская обл., Ефремовский р-н.
- 805. Михайловское. РФ, Тульская обл., Куркинский р-н.
- 806. Мамоново. РФ, Липецкая обл., Краснинский р-н.
- 807. Нарышкино. РФ, Рязанская обл., Милославский р-н.
- 808. Жабино. РФ, Липецкая обл., Чаплыгинский р-н.
- 809. Калинино. РФ, Рязанская обл., Новодеревенский р-н.
- 810. Отъяссы. РФ, Тамбовская обл., Сосновский р-н.
- 811. Старый Кривец. РФ, Брянская обл., Новозыбковский р-н.
- 812. Джуровка. РФ, Брянская обл., Погарский р-н.
- 813. Чухраи. РФ, Брянская обл., Суземский р-н.
- 814. Вежёнка. РФ, Брянская обл., Брасовский р-н.
- 815. Добрынь. РФ, Орловская обл., Кромской р-н.
- 816. Капризка. РФ, Орловская обл., Покровский р-н.
- 817. Щербачево. РФ, Орловская обл., Новодеревеньковский р-н.

- 818. Козеево. РФ, Липецкая обл., Измалковский р-н.
- 819. Кузьминские Отвержки. РФ, Липецкая обл., Липецкий р-н.
- 820. Малый Самовец. РФ, Тамбовская обл., Петровский р-н.
- 821. Селезни. РФ, Тамбовская обл., Тамбовский р-н.
- 822. Первомайское. РФ, Брянская обл., Севский р-н.
- 823. Погорельцево. РФ, Курская обл., Железногорский р-н.
- 824. Скородное. РФ, Курская обл., Золотухинский р-н.
- 825. Второй Белый Колодец. РФ, Орловская обл., Колпнянский р-н.
- 826. Быковка. РФ, Липецкая обл., Елецкий р-н.
- 827. Красная Поляна. РФ, Липецкая обл., Тербунский р-н.
- 828. Хреновое. РФ, Воронежская обл., Новокузнецкий р-н.
- 829. Нижняя Мосоловка. РФ, Липецкая обл., Усманский р-н.
- 830. Секерино. РФ, Курская обл., Глушковский р-н.
- 831. Стрешнево. РФ, Курская обл., Курский р-н.
- 832. Муравлево. РФ, Курская обл., Курский р-н.
- 833. Кшень. РФ, Курская обл., Советский р-н.
- 834. Новая Ольшанка. РФ, Воронежская обл., Нижнедевицкий р-н.
- 835. Плехово. РФ, Курская обл., Суджанский р-н.
- 836. Борисполье. РФ, Белгородская обл., Ракитянский р-н.
- 837. Афанасьев. РФ, Курская обл., Обоянский р-н.
- 838. Масловка. РФ, Белгородская обл., Прохоровский р-н.
- 839. Верхне-Чуфичево. РФ, Белгородская обл., Старооскольский р-н.
- 840. Истобное. РФ, Воронежская обл., Репьевский р-н.
- 841. Русская Березовка. РФ, Белгородская обл., Ракитянский р-н.
- 843. Великая Халань. РФ, Белгородская обл., Корочанский р-н.
- 844. Богородское. РФ, Белгородская обл., Новооскольский р-н.
- 845. Лавы. РФ, Белгородская обл., Валуйский р-н.
- 846. Прилепы. РФ, Белгородская обл., Красногвардейский р-н.
- 847. Новоосиновка. РФ, Воронежская обл., Острогожский р-н.
- 848. Ровны. РФ, Белгородская обл., Вейделевский р-н.
- 849. Шапошниковка. РФ, Воронежская обл., Ольховатский р-н.
- 850. Ореховец. Гърция, р-н. Сяр.
- 851. Калапот. Гърция, р-н. Зияхово.
- 852. Малък Дервент. Гърция, р-н. Дедеагач.
- 853. Яна. Турция, р-н. Лозенград.

Список сокращений

вобл. вобласць	ok. okrožje
жул. жупания	okr. okres
обл. област	op. općina, opština
ок. околия	pow. powiat
оп. општина	voj. województwo
р-н район	wokrj. wokrjes
ob. občina	žup. županija

РБг Република България
 РБиХ Република Босна и Херцеговина
 РМ Република Македонија
 РС Република Србија
 РФ Российская Федерация
 РЦГ Република Црна Гора
 СРЈ Савезна Република Југославија
 СЦГ Србија и Црна Гора
 BRD Bundesrepublik Deutschland
 ČR Česká Republika
 RbиH Republika Bosna i Hercegovina
 RH Republika Hrvatska
 RP Rzeczpospolita Polska
 RS Republika Slovenija
 SR Slovenská Republika

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ

а

//aj-ič-ьč-ьk-o 490
 //aj-ič-ьk-o 77, 116, 125, 157, 161,
 240, 258, 294, 297, 309, 315, 432,
 490
 //aj-ьc-o 104, 117, 126, 161, 239,
 258, 294, 297, 303, 308, 315, 431,
 490
 //aj-ьč-ьč-ьk-o 216, 250, 260, 275,
 308, 490
 //aj-ьč-ьk-o 77, 86, 103, 137, 162,
 237, 241, 250, 258, 262, 268, 279,
 294, 303, 308, 315, 433, 490
 //aj-ьk-o 102, 112, 123, 131, 132,
 240, 258, 268, 297, 300, 303, 308,
 315, 490

б

baran-in-a 100, 115, 127, 158, 164,
 165, 166, 238, 258, 266, 293, 296,
 302, 305, 307, 313, 333, 446
 berg-ь 24
 běl-an-ь = -ak-ь 38, 48
 běl-ьk-a 48
 běl-ьk-o 48, 177, 179, 180, 181,
 186, 242, 259, 270, 294, 297, 303,
 309, 446
 běl-ьk-ь 93, 94, 99, 136, 145, 150,
 153, 159, 164, 165, 234, 256, 262,
 266, 267, 279, 286, 288, 290, 294,
 297, 300, 303, 309, 315, 334, 446
 běl-ьš-ь 48, 57, 246, 335, 446
 běl-ьš-ьk-o 42, 48, 51, 246, 446
 běl-ьš-ьk-ь 42, 246, 446
 běl-ь = -ak-ь 48
 běl-ьc-e 48
 běl-ьc-ь 48
 běl-ьk-ь 446
 běl-ьn-ьc-e 48

bl'ud-o 49, 55, 77, 89
 bod-e-ть <сę> 70
 bołg-ь 43
 bołn-a 207
 bořš-ьn-o 388, 469
 bořv-ьč-ov-in-a 41
 byč-in-a 220, 249, 259, 275, 313,
 450
 byk-ь 70

с

céd-il-ьk-a 448
 céd-il-ьč-ьk-a 448
 cěl-uš-ьk-a 31, 39

č

(čaj)-ь 46, 58, 59, 247, 477
 čaš-a 49, 51, 76, 89, 90, 207
 čerp-j-an-ь 221, 222, 229, 250,
 259, 276, 316, 449
 čer-up-ьk-a 42
 čer-uš-i 41, 245, 474
 čer-uš-ьk-y 41, 245, 474
 čvar-ьc-i 41, 44
 čvar-ьk-y 41
 čvbr-ьn-j-ak-ь 38, 39

д

děž-a 170, 187, 208, 224, 243, 259
 271, 299, 312, 465
 děž-ьk-a 223, 228, 230, 252, 260,
 273, 301, 465
 dętь 70
 dobr-ь 43, 97
 doj-ar-ьk-a 110, 120, 131, 160,
 164, 165, 238, 258, 296, 299, 303,
 308, 314, 352, 453
 doj-ič-ьk-a 42

doj-ьk-a 42, 177, 186, 242, 259,
270, 303, 308, 453

doj-ьšč-ic-a 216, 250, 260, 275,
308, 453

dqb-ъ 70

drob-ъk-y 40, 80

drob-ьč-ъk-y 40

e

//elx-a 70

//ež-ъ 70

ě

//ěd-a 77, 79, 80, 91, 207, 236,
249, 266, 277, 310, 316, 318, 353,
454

//ěd-iv-o 224, 252, 260, 273, 298,
454

//ěd-j-a 108, 147, 162, 163, 242,
256, 268, 286, 304, 310, 316,
454

//ěd-j-en-ъj-e 102, 116, 129, 149,
152, 154, 242, 256, 268, 286, 288,
291, 294, 298, 304, 310, 316, 454

//ēs-iv-o 222, 251, 259, 276, 316,
454

//ēs-ъ 182, 183, 257, 270, 279,
283, 310, 471

f

(fryštik)-ъ 166, 167, 168, 171, 172,
173, 176, 244, 279, 283, 286, 298,
304, 316, 457

(fryštik)-ъ 166, 167, 168, 171, 172,
173, 176, 244, 279, 283, 286, 298,
304, 316, 457

g

gag-a-j-e-ъ 70

(glaz)-ъ 38, 421

glin-av-ъ 42, 246, 449

glin-ěn-ъ 48

glin-ěn-ъn-ъ 48

glin-ist-ъ 42, 246, 449

glin-j-an-ъ 100, 120, 131, 165, 238,
262, 266, 297, 300, 303, 305, 309,
315, 341, 449

glin-j-an-ъn-ъ 48, 177, 178, 185,
186, 242, 259, 270, 304, 310, 342,
449

glin-j-ast-ъ 226, 228, 253, 257,
273, 279, 449

glin-ъn-ъn-ъ 48, 246, 449

gor-ēt-j-ъ 120, 151, 154, 165, 239,
256, 288, 290, 297, 309, 315, 349,
452

got-ov-i-ъ 145, 158, 240, 256,
268, 286, 309, 315, 350, 452

got-u-j-e-ъ 100, 129, 240, 258,
268, 294, 303, 309, 315, 452

gov-ēd-in-a 76, 83, 105, 117, 134,
140, 145, 151, 157, 237, 241,
249, 256, 269, 278, 282, 285, 288,
292, 296, 302, 307, 313, 343, 450,
486

gqs-ēt-in-a 115, 141, 160, 164, 241,
256, 262, 282, 296, 307, 313, 351,
453

gqs-in-a 179, 180, 181, 187, 242,
259, 270, 293, 296, 302, 307, 453

gruš-al-in-a 41

gr̥rb-ux-a 24, 34, 40, 245, 318, 451

gr̥rb-uš-a 24, 34, 40, 45, 67, 245,
318, 451

gr̥rb-uš-ъk-a 25, 31, 34, 45, 50, 63,
67, 76, 83, 237, 248, 272, 276, 306,
313, 344, 451

gr̥rb-uš-ъk-ъ 24, 34, 40, 245, 318,
451

gr̥rb-ъč-ъk-ъ 24, 34, 45, 56, 67

gr̥rb-ъk-ъ 24, 34, 40, 45, 56, 67,
245, 318, 451

h

(*harč*)-i 77, 87, 237, 251, 277,
310, 316, 454
(*harč*)-b 77, 87, 251, 276, 277, 310,
316, 454

x

(*xin*)-b-k-a 40, 191, 319
xlqd-b, *xlqd*-y 464
xqrn-a 43, 207
xqrš-b 43, 68, 247, 447
xql-bn-b 43
(*xub*)-av-b 43, 319
(*xum*)-ij-a 40, 319

j

jal-ov-ič-in-a 111, 220, 239, 249,
258, 259, 268, 275, 302, 307, 313,
450, 486
(*jan*)-b-k-o 25, 34
(*jan*)-b-k-b 25, 34
jǝz-peč-e-tb 131, 140, 145, 150,
154, 157, 159, 237, 241, 248, 255,
261, 281, 284, 287, 290, 299, 306,
313, 364, 475

k

kad-uš-bk-a 465
(*kajmak*)-b 41, 42
kam-en-bn-b 42
(*kanton*)-b 24
ključ-b 46, 50, 52, 67, 244, 463
kljuk-a 207
kobyl-ic-a 38, 39, 376
(*kolacij*)-a 38, 43, 427
(*kolastr*)-a 41
kojd-a 40, 46, 55, 68, 244, 465
kojd-ez-b 75, 79, 80, 236, 248,
266, 276, 305, 312, 319, 375, 463
kojd-bc-b 75, 79, 80, 236, 248, 266,
276, 305, 312, 317, 319, 375, 463

kop-an-j-a 44
kop-an-j-b 40, 463
kop-an-bk-a 44
kop-an-bk-a 40
kor-a 42, 60, 65, 68, 194, 197, 200,
203, 204, 208, 209, 210, 253, 257,
273, 274, 283, 286, 291, 372, 461
(*korast*)-bv-a 41
kor-in-a 46, 51, 60, 66, 67, 198,
210, 246, 461
korm-y-sl-a 39, 140
korm-y-sl-o 107, 158, 238, 258,
301, 305, 312, 376, 464
korm-y-sl-b 75, 81, 90, 237, 249,
276, 305, 312, 376, 377, 464
korm-y-sl-y 215, 249, 260, 274,
305, 464
kor-ub-a 123, 210
korv-qt-in-a 215, 219, 249, 260,
275, 276, 307, 450
korv-in-a 46, 54, 245, 450
korv-o-doj-bn-ic-a 42, 246, 453
korv-bn-ic-a 42, 246, 453
kor-bk-a 46, 57, 60, 66, 174, 198,
210, 243, 246, 269, 288, 314, 461,
472
koryt-ič-bk-y 465
koryt-o 103, 116, 118, 125, 134,
140, 157, 160, 162, 163, 164,
208, 241, 256, 262, 269, 277, 281,
292, 295, 301, 306, 312, 378, 465
koryt-bc-e 191, 199, 211, 253,
257, 272, 284, 295, 465
kož-a 41, 47, 61, 66, 188, 189, 191,
192, 193, 197, 198, 200, 201, 203,
207, 212, 227, 253, 273, 282, 283,
285, 286, 288, 291, 293, 294, 296,
299, 395, 461, 472, 482
kož-er-a 46, 57, 61, 247, 461
kož-ux-a 46, 52, 61, 247, 461
kož-ux-b 38, 46, 47, 55, 61, 247, 461

kož-ur-a 46, 54, 55, 61, 246, 461, 482
kož-ur-ək-a 42, 46, 47, 54, 56, 61, 212, 245, 246, 247, 395, 461, 472, 482
kož-uš-ək-ə 47
kož-ək-a 41, 47
kqs-i-dl-o 43
kqs-ov-ən-ik-ə 43, 247, 476
kraj-a-j-e-tə 40, 78
kraj-ič-ək-ə 31, 47, 210, 345
kraj-ik-a 24, 31, 47, 74, 345
kraj-ik-ə 24, 31, 38, 47, 74, 210, 345
kraj-itj-ən-ak-ə 24, 74, 345
kraj-itj-ən-ik-ə 25, 31, 32, 40, 47, 74, 210, 318, 345
kraj-išč-e 24, 47, 74, 345
kraj-ux-a 30, 35, 46, 51, 67, 74, 210, 245, 345, 451
kraj-uš-bč-ək-a 215, 219, 260
kraj-uš-ək-a 30, 35, 46, 67, 74, 210, 215, 219, 228, 230, 249, 260, 275, 276, 307, 345, 348, 451
kraj-uš-ək-ə 24, 30, 35, 46, 52, 67, 74, 210, 245, 345, 451
kraj-ə 30, 35, 73, 74, 191, 196, 199, 205, 207, 210, 253, 257, 273, 274, 282, 285, 296, 345, 451
kraj-ec-ə 30, 35, 40, 74, 121, 137, 143, 160, 210, 241, 256, 267, 278, 282, 296, 306, 313, 318, 345, 451
kraj-bč-e 31, 47, 74, 210, 345
kraj-bč-ik-ə 35, 47, 74, 76, 83, 122, 239, 258, 268, 276, 296, 307, 313, 451
kraj-bč-itj-ə 24, 47, 74, 345
kraj-bč-ək-ə 74, 345
kraj-ək-a 31, 38, 40, 47, 74, 210, 318, 345
kraš-en-ək-a 190

krin-ic-a 79, 167, 243, 259, 269, 270, 301, 312, 463
kroj-e-tə 111, 239, 258, 301, 306, 313, 480
kroj-i-tə 111, 239, 258, 301, 306, 313, 480
krom-ič-ək-a 24, 38, 47
krom-bč-ək-a 24, 40, 47, 56, 245, 318, 451
krom-ək-a 178, 180, 187, 242, 259, 270, 296, 302, 307, 451
krop-ə 209
krpx-ət-ək-y 47, 220, 249, 259, 275, 313, 381, 466
krpx-ət-y 47, 80, 220, 222, 229, 230, 249, 259, 275, 276, 313, 381, 466
krpx-y 40, 47, 53, 68, 245, 466
krš-in-y 47
krš-on-ək-a 40, 47, 56, 245, 466
krš-bč-in-y 47
krš-bč-ək-y 220, 249, 259, 275, 313, 466
krš-ək-y 41, 47, 76, 79, 80, 110, 238, 245, 258, 262, 276, 302, 307, 313, 380, 466, 474
krən-ic-a 79, 312, 463
krət-ə 70
kuš-an-əj-e 43, 247, 454
kvaš-en-ə 104, 158, 240, 258, 294, 303, 309, 315, 366, 460
kvaš-en-ək-a 40, 42, 44, 46, 50, 52, 58, 67, 318, 465, 478
kvaš-ən-j-a 44, 46, 50, 51, 67, 244, 465
kr̥m-ət-in-a 38
kyp-ət-ək-a 250, 275
kyp-ət-ək-ə 77, 79, 80, 81, 111, 236, 249, 266, 277, 303, 309, 315, 317, 319, 369, 459
kyp-i-tə 96, 97, 99, 110, 120, 236,

256, 262, 267, 279, 283, 286, 288,
290, 297, 303, 309, 315, 368, 459
kys-ěl-in-a 47
kys-ěl-j-ak-ъ 47
kys-ěl-o 47
kys-ěl-ъn-a 47
kys-ъл-j-ak-ъ 76, 85, 237, 250, 308,
314, 478
kys-ъл-ux-a 47, 67, 246, 478
kys-ъл-uš-ъk-a 47, 52, 67, 246, 478
kys-ъл-ъ 110, 119, 127, 136, 241,
256, 279, 294, 297, 303, 309, 315,
367, 460

I

las-ic-a 70
lěj-bč-ъk-a 215, 249, 260, 274,
306, 448
lěj-ъk-a 80, 110, 120, 239, 258,
295, 301, 306, 312, 340, 448
lěj-ъk-ъ 40
lěv-ik-ъ 38, 339
lěv-ъk-ъ 40
lij-a 64
lij-ъ 64
list-ъj-e 70
ljup-in-a 48
loj-ъ 69, 207, 226, 227, 228,
230, 245, 253, 257, 273, 278,
484, 488
lom-a-j-e-тb 227, 252, 257, 273,
285, 480
lom-i-тb 227, 252, 257, 273, 285,
480
lon-bč-ъn-ъ 42
lotok-ъ 46, 58, 244, 465
lup-a 44, 48, 209
lup-aj-ъk-a 44
lup-in-a 42, 44, 48, 80, 103, 123,
132, 138, 148, 160, 213, 241, 256,
268, 279, 286, 297, 300, 304, 310,

316, 461
lup-in-y 42, 138, 310, 316
lup-ъ 44, 213
lup-ъk-a 42, 44, 48
lup-ъk-ъ 44, 213
lup-y 42
lusk-a 113, 143, 148, 160, 162, 163,
167, 170, 172, 173, 175, 186, 187,
208, 241, 244, 256, 257, 268, 269,
271, 282, 283, 286, 291, 303, 304,
309, 315, 316, 461, 482
lusp-a 207, 209
lusp-aj-ъk-a 77, 86, 91, 237, 250,
482
lušp-aj-ъk-a 77, 87, 91, 237, 250,
309, 310, 315, 316
lušp-aj-ъk-y 87, 316
lъb-ъk-ъ 24, 34, 45
lъž-bč-ъk-a 110, 119, 238, 258,
298, 304, 310, 316, 382, 466
lъž-ъk-a 110, 119, 127, 238, 258,
266, 294, 298, 304, 310, 316,
383, 466, 467

m

(malc)-a 38
mal-in-a 70
mast-ъ 209
med-ъv-ěd-ic-a 70
med-ъv-ěd-ъ 70
mej-k-y 467
mejz-isk-o 47
mejz-iv-a 41, 47, 107, 119, 125,
134, 139, 147, 158, 161, 241,
256, 269, 278, 282, 285, 293, 296,
302, 308, 314, 385, 467
mejz-iv-o 41, 47, 107, 119, 125,
134, 139, 147, 158, 161, 241, 256,
269, 278, 282, 285, 293, 296,
302, 308, 314, 385, 467
mejz-ъj-a 47, 54, 67, 245, 467

meļz-bj-e 47, 54, 67, 245, 467
moļd-iv-a 47, 177, 185, 186, 242,
 259, 270, 302, 308, 384, 467
moļd-iv-o 47, 177, 185, 186, 242,
 259, 270, 302, 308, 384, 467
moļd-bj-e 47, 67, 245, 467
moķ-a 92, 93, 99, 133, 141, 145,
 158, 159, 163, 166, 208, 232, 234,
 256, 264, 266, 267, 277, 281, 284,
 292, 295, 299, 301, 306, 312, 387,
 469
mūlz-ač-čk-a 42
mūlz-il-bj-a 42
mūrv-ic-y 40
mūrv-y 40

п

na-čin-čk-č 24
na-peč-e-tb 121, 128, 239, 258,
 267, 293, 296, 306, 313, 475
na-var-i-tb 94, 113, 115, 129, 132,
 159, 233, 258, 268, 294, 297, 300,
 303, 309, 315, 481
(nešpor)-č 43
ně-sb-čem-bn-č 39
nos-i-dl-a 39
nos-i-dl-čk-y 39
noš-ě 208
nož-ič-čk-č 104, 116, 126, 135,
 157, 160, 228, 241, 256, 278, 293,
 296, 302, 307, 313, 390, 469
nož-ik-č 92, 93, 99, 136, 159, 164,
 233, 258, 266, 267, 278, 293, 296,
 299, 302, 307, 313, 322, 389, 469
nož-bč-ik-č 469
nož-bč-čk-č 226, 228, 252, 257,
 273, 278, 469
nož-čk-č 228
noķt-čk-a 40
noķt-bv-a 40, 142, 146, 151, 154,
 161, 163, 164, 165, 166, 167, 240,

256, 267, 281, 284, 287, 290, 306,
 312, 379, 465
noķt-bv-bč-čk-a 215, 249, 260,
 274, 306, 465
noķt-bv-bč-čk-y 215, 260, 465
noķt-bv-čk-a 82, 106, 239, 258,
 301, 306, 312, 465
noķt-bv-čk-y 82, 106
noķt-bv-y 40, 142, 146, 151, 154,
 164, 166, 240, 256, 267, 281, 284,
 287, 290, 306, 312, 465

o

ob-ber-in-a 45
ob-ber-čk-a 24, 45
ob-cvir-čk-y 41, 44
ob-čist-čk-y 44, 46, 50, 64, 77,
 87, 91, 213, 237, 248, 272, 276,
 310, 316, 373, 461
ob-ěd-a-j-e-tb 77, 79, 80, 127,
 236, 249, 266, 294, 310, 316, 319,
 392, 471
ob-ěd-č 43, 48, 70, 71, 77, 88, 90,
 91, 155, 166, 232, 240, 255, 256,
 261, 264, 268, 277, 279, 283, 286,
 289, 291, 294, 298, 300, 304, 310,
 316, 359, 391, 457, 470
ob-kraj-bc-č 25, 31, 33, 34, 35,
 36, 74, 108, 118, 210, 239, 258,
 267, 296, 302, 307, 313, 345, 346,
 347, 451
ob-kraj-bč-ik-č 31, 33, 34, 35, 47,
 74, 210, 345, 347
ob-kraj-čk-č 33, 34, 40, 46, 74,
 318, 345, 347
ob-kras-a 41
ob-krop-č 80, 319
ob-krux-y 40
ob-kruš-in-y 40
ob-kruš-čk-y 40
ob-lup-č 213

ob-lup-ъk-a 48, 67, 226, 253, 258, 273, 283, 461
ob-lup-ъk-ъ 42, 48, 213
ob-lup-ъk-y 58, 226
ob-mel-in-ъk-y 40
ob-orm-ic-a 39
ob-orm-en-ic-a 39
ob-skrob-in-y 45
ob-skvar-ъk-y 189, 190, 191, 192, 212, 252, 259, 262, 273, 293, 296, 302, 473
ob-struž-in-y 45
ob-suš-ъk-ъ 31
ob-škar-ъk-y 46, 189, 190, 191, 192, 212, 252, 259, 262, 273, 293, 296, 302, 473
ob-šur-ъk-y 41, 46, 56, 245, 474
ob-švar-ъč-in-y 41, 245, 473
ob-švar-ъk-y 44, 46, 56, 245, 473
ob-top-ъk-y 41, 44, 46, 51, 67, 245, 474
ob-trqs-in-ъk-y 40
(olovrant)-ъ 38, 43, 336
ov-ъc-a 70
ov-ъč-ēt-in-a 195, 197, 200, 201, 211, 252, 257, 273, 278, 282, 285, 288, 446
ov-ъč-in-a 182, 184, 242, 257, 270, 278, 285, 307, 446

Q

//qs-en-ic-a 70

P

pan-ik-ъ 34
pan-ič-ъk-ъ 34
pa-ob-ēd-a 48, 58, 67, 247, 476
pa-ob-ēd-ъ 43, 58, 67, 247, 476
pa-ob-ēd-ъk-ъ 43, 48, 51, 67, 247, 476

pa-už-a 43, 67, 227, 247, 476
pa-už-in-a 48, 55, 67, 226, 227, 228, 253, 258, 274, 283, 336, 398, 476
pa-už-in-ъ 48, 55, 67, 253, 274, 398, 476
pa-už-in-ъk-a 48, 50, 53, 67, 247, 476
pa-už-in-ъk-ъ 48, 67, 247, 476
pa-už-in-ъk-y 48, 50, 53, 67, 247
pa-už-en-a 43, 48, 51, 52, 67, 227, 247, 336, 470, 476
pa-volk-a 38, 42
peč-e-ть 182, 184, 242, 257, 270, 285, 306, 475
pelt-ux-a 40, 50, 51, 244, 465
per-xvat-ъk-a 43, 46, 52, 67, 247, 457, 477
per-kqs-ъč-ъk-a 46, 58, 247, 477
per-kqs-ъk-a 46, 58, 247, 477
pén-a 170, 171, 172, 173, 174, 176, 187, 208, 245, 257, 269, 270, 271, 278, 282, 285, 288, 314, 393, 472
pén-ъk-a 76, 84, 90, 237, 248, 272, 276, 308, 314, 394, 472
pēt-ič-ъk-a 24, 34, 45
pēt-ъk-a 34, 40, 45, 318
pit-an-ъj-e 43, 247, 454
pit-j-a 77, 87, 237, 251, 310, 316, 454
pit-ъj-e 455, 475
plén-ъk-a 76, 84, 237, 250, 308, 314, 472
plén-ъk-a 106, 239, 258, 268, 302, 308, 314, 472
pljus-en-ъj-e 46, 59, 247, 461
pod-večer-ъk-a 43, 477
pod-večer-ъk-ъ 43, 101, 240, 247, 268, 304, 311, 317, 399,

- 477
(pohar)-b 80, 319, 421
Pol-u-dbn-a-j-e-tb 157, 240, 256, 268, 291, 310, 316, 471
Pol-u-dbn-e 167, 168, 170, 175, 187, 227, 253, 257, 258, 274, 291, 298, 304, 316, 470, 477
pol-u-dbn-ik-b 78, 88, 238, 251, 310, 316, 396, 476
pol-u-dbn-u-j-e-tb 80
pol-u-dbn-b 237, 251, 311
pol-u-dbn-bk-b 222, 229, 251, 260, 276, 317, 476
pol-u-dbn-b 77, 88, 90, 237, 238, 277, 310, 316, 397, 470, 476
pol-u-dbn-b=a-j-e-tb 156, 240, 256, 268, 471
pol-u-dbn-bn-ik-b 78, 238, 251, 476
pol-b 479
pol-b-dbn-e 167, 168, 170, 175, 187, 227, 253, 257, 258, 274, 291, 304, 316, 470, 477
pol-b-dbn-i 238, 477
pol-b-dbn-ik-b 78, 88, 238, 251, 310, 316, 396, 477
pol-b-dbn-b 238, 251, 310, 316, 397, 470, 476
porš-et-in-a 41, 59, 197, 199, 211, 252, 257, 273, 282, 285, 481
porš-bč-ev-in-a 41
porzd-bn-b 39, 59, 65, 73, 187, 189, 190, 192, 193, 194, 196, 198, 201, 202, 205, 211, 252, 272, 274, 277, 281, 284, 287, 289, 292, 295, 299, 301, 405, 479
porzd-bn'-b 187, 189, 190, 192, 193, 194, 196, 198, 201, 202, 205, 211, 277, 281, 284, 287, 289, 292, 295, 299, 301, 405, 479
porž-bn-b 39, 59, 65, 110, 120, 238, 266, 295, 301, 306, 312, 402, 479
porž-bn'-b 110, 120, 258, 295, 301, 306, 312, 402, 479
prag-bn-en-bj-e 38, 354
prag-bn-eč-bk-a 354
pri-gar-bk-a 216, 249, 260, 275, 308, 472
pri-gar-bk-y 216, 260
pri-lěp-bk-a 38
pri-stoj-bk-b 216, 250, 260, 275, 308, 483
pri-var-bk-a 41, 245, 472
prost-o-kvaš-a 50, 76, 85, 237, 248, 272, 276, 308, 314, 407, 478
prost-o-kvaš-bk-a 42, 246, 318, 478
prost-o-kyš-a 42, 47, 57, 67, 246, 318, 407, 478
prost-b 39, 50, 51, 64, 68, 244, 403, 479
pust-b 39, 108, 157, 162, 208, 239, 258, 262, 301, 306, 312, 404, 479
pørst-ěn-b 42
pørst-bn-b 42
pørž-bk-y 41

Г

- rěž-e-tb* 40, 96, 97, 120, 159, 164, 235, 255, 266, 267, 278, 282, 285, 287, 290, 296, 306, 313, 411, 480
rěž-i-tb 40, 96, 97, 120, 235, 256, 266, 267, 287, 290, 296, 306, 313, 411, 480
rod-bn-ik-b 463
rqb-bč-e 25
rqč-bk-b 43
ruměn-b=-ak-b 38, 356
ruš-i-tb 40, 245, 480

S

sad-l-o 117, 124, 125, 135, 136, 150, 157, 159, 161, 239, 241, 256, 269, 278, 288, 293, 296, 307, 314, 412, 424, 484, 488
sad-l-ɔn-ɐ 216, 249, 260, 275, 307, 457
sam-o-kyš-a 47
sam-o-kyš-ɐk-a 47
sam-o-sěd-ɐk-a 224, 260, 299
sam-o-sěd-ɐk-ɐ 47, 224, 230, 252, 260, 273, 299, 478
sěč-e-tɔ 40
sěč-i-tɔ 40
sěd-ɐk-ɐ 47, 132, 225
sěja-l-ɔn-ic-a 465
sěr-a 49, 54, 68, 71, 73, 167, 210, 211, 233, 255, 261, 264, 278, 282, 285, 288, 290, 293, 296, 299, 302, 308, 314, 386, 467
sěr-aj-ɐ 210
sěr-ěj-ɐ 210
sěr-in-a 210
sěr-ɐk-a 210
(skib)-ɐk-a 24
skor-a 207
skor-j-a 190, 195, 204, 207, 213, 254, 273, 279, 304, 461
skor-o-lux-a 42, 46, 52, 57, 246, 247, 462, 482
skor-o-lup-a 77, 79, 80, 118, 158, 213, 221, 222, 223, 229, 236, 240, 248, 250, 258, 259, 276, 297, 309, 315, 316, 417, 462, 482
skor-o-lup-ɐ 41
skor-o-lup-ɐk-a 77, 79, 126, 158, 213, 218, 236, 240, 248, 251, 258, 260, 268, 275, 276, 294, 309, 310, 315, 417, 462, 482
skor-o-luš-a 46, 57, 58, 246, 247, 462, 482

skor-o-lušč-ɔj-e 80
skor-o-luš-ɐk-a 46, 57, 246
skor-up-a 42, 47, 95, 102, 103, 123, 129, 240, 258, 268, 294, 297, 303, 309, 315, 482
skor-up-aj-ɐk-a 95
skor-up-in-a 47, 95
skor-up-ɐ 41
skor-up-ɐk-a 47, 95
skor-ɐk-a 47, 67, 108, 110, 118, 128, 130, 167, 190, 213, 239, 243, 246, 259, 268, 269, 270, 293, 296, 302, 304, 308, 314, 316, 461, 472, 482
skor-ɐk-y 54, 167, 316
skor-ɔp-in-a 48
skot-ɔn-ic-a 46, 51, 67, 246, 453
skrob-in-y 45
skvar-ɐk-a 44, 239, 258, 262, 268, 473
skvar-ɐk-ɐ 44, 239, 262, 268, 473
skvar-ɐk-y 109, 302, 307, 314, 473
(smač)-ɔn-ɐ 97, 103, 121, 161, 163, 165, 240, 298, 304, 311, 317, 338, 447
smag-a 76, 82, 90, 91, 97, 207, 237, 306, 312, 455, 475
smaž-a 97, 207, 455, 475
smol-a 41, 68, 70, 246, 467
smrč-ɐk-y 216, 260, 308, 474
sol-d-ɐk-ɐ 61, 194, 200, 202, 203, 213, 253, 273, 286, 289, 291, 447
sol-en-ɐ 221, 230, 250, 259, 276, 315, 460
soln-in-a 41, 69, 96, 97, 102, 115, 235, 256, 268, 278, 282, 285, 288, 290, 296, 302, 307, 314, 413, 484
star-ɐk-a 39
(stokan)-ɐ 76, 79, 80, 154, 236, 248, 266, 276, 289, 306, 312, 319,

- 422, 485
strep-a-j-e-tb 46, 54, 246, 452
struž-in-a 45
stud-bn-bj-a 79
stbkl-ěn-ic-a 38, 421
stbkl-ěn-bk-a 80, 421
svač-in-a 43
svěž-in-a 41, 52, 67, 245, 481
svin-ev-in-a 41
svin-ět-in-a 41, 194, 195, 197, 199, 201, 211, 252, 257, 273, 278, 282, 285, 288
svin-in-a 41, 110, 119, 135, 164, 241, 256, 269, 278, 296, 302, 305, 307, 313, 416, 481
svin-j-ět-in-a 194, 195, 197, 199, 201, 211, 282, 285, 288, 481
svin-bsk-o (subst) 38
sv-got-ov-i-tb 184, 242, 257, 270, 286, 309, 481
sv-klad-bn-bč-bk-b 41, 66, 245, 469
sv-kqs-bn-b 43, 49, 55, 247, 447
sv-kraj-bc-b 24, 31, 40, 74, 210, 318, 345
sv-kraj-bk-a 24, 31, 40, 47, 74, 210, 318, 345
sv-kroj-bk-b 40, 318
sv-kyp-i-tb 224, 252, 260, 273, 303, 459
sv-liv-bk-b 221, 250, 259, 276, 314, 483
sv-liv-bk-y 42, 76, 85, 90, 237, 246, 248, 272, 276, 308, 314, 418, 483, 485
sv-lup-bk-a 42
sv-met-an-a 41, 42, 93, 94, 99, 135, 136, 142, 146, 147, 154, 155, 159, 162, 163, 164, 165, 234, 256, 266, 267, 268, 279, 282, 285, 286, 290, 293, 297, 299, 300, 303, 308, 314, 322, 419, 420, 483, 485
sv-met-an-bk-a 42, 112, 115, 148, 241, 256, 268, 285, 297, 303, 308, 314, 483
svn-ěd-a 224, 225, 228, 252, 260, 273, 304, 457
svn-ěd-an-b 94, 99, 160, 225, 233, 258, 268, 294, 300, 304, 360, 457
svn-ěd-an-bj-a 225, 294, 298, 300, 304, 457
svn-ěd-an-bj-e 94, 99, 160, 233, 268, 294, 298, 300, 304, 310, 316, 457
svn-jbm-bk-b 44, 46, 50, 52, 67, 246, 483, 485
svn-jbm-bk-y 44, 46, 52, 67, 246, 483
sv-peč-e-tb 109, 136, 141, 146, 162, 163, 164, 225, 241, 256, 267, 278, 281, 284, 301, 306, 313, 365, 475
sv-prag-a 39, 97
sv-sěd-yš-b 47, 51, 58, 67, 225, 246, 478
sv-trav-a 80
sv-var-i-tb 110, 127, 136, 141, 144, 150, 164, 239, 256, 279, 283, 286, 288, 294, 303, 309, 315, 415, 481
syr-o-kvaš-a 76, 84, 90, 237, 250, 308, 314, 408, 478
syr-o-pěn-j-a 42, 246, 318, 478
syr-b 41, 68, 245, 467
syt-b 80, 112, 162, 208, 239, 258, 302, 307, 313, 457

 š
(šand)-y 39, 376
(šeleg)-a 41, 46, 50, 58, 59, 245, 474
(šeleg)-y 41, 50, 245

še-lux-a 48, 213, 217, 218, 219,
 228, 230, 250, 260, 275, 276,
 309, 310, 374, 462, 482
še-lup-a 217, 250, 260, 275, 309,
 310, 482
še-lup-ax-a 217, 228, 230, 250,
 260, 275, 309, 482
še-lup-aj-čk-a 77, 86, 90, 237,
 309, 310, 315, 316, 461, 482
še-lup-aj-čk-y 87, 237, 250, 309,
 310, 315, 316, 461
še-lup-in-a 217, 250, 260, 275,
 276, 309, 482
še-lup-j-a 218, 219, 228, 230,
 250, 260, 275, 310, 461
še-lup-čk-a 77, 86, 237, 250, 310,
 316, 461
še-lup-čk-y 77, 86, 237, 310, 316
še-luš-čk-a 48, 217, 218, 219,
 230, 250, 260, 275, 309, 310,
 462, 482
(šink)-ov-an-č 42, 59, 460
škor-o-lup-a 213, 462
škor-o-lup-čk-a 213, 462
škvar-en-čk-y 473
škvar-čk-a 95, 234, 256, 425, 473
škvar-čk-y 95, 107, 119, 125, 131,
 139, 158, 161, 164, 191, 192, 234,
 262, 282, 293, 296, 299, 302, 307,
 314, 425, 473
škvar-y 41, 67, 245, 473
(šmal)-čc-č 93, 99, 137, 143, 161,
 163, 164, 234, 278, 282, 293, 296,
 299, 302, 307, 314, 426, 488
(špek)-č 41, 179, 182, 183, 184,
 185, 243, 270, 271, 278, 282, 285,
 302, 307, 414, 484
šum-č 209
švar-čc-čk-y 41, 245, 473
švar-čk-y 221, 249, 259, 275, 314,
 473

t

(tekn)-e 38
tel-ēt-in-a 100, 120, 127, 133, 139,
 144, 151, 164, 165, 241, 256, 269,
 278, 282, 285, 288, 293, 296, 302,
 305, 307, 313, 423, 486
tel-ēt-j-e (subst) 177, 179, 181,
 183, 184, 186, 257, 270, 282, 285,
 293, 302, 307, 486
tel-ēt-čsk-o (subst) 38
(traxter)-č 40, 189, 191, 192, 193,
 195, 196, 199, 252, 259, 272, 277,
 281, 284, 292, 295, 299, 301, 319,
 400, 448
(trixter)-č 40, 252, 259, 272, 292,
 299, 301, 319, 400, 448
trox-y 40
tron-čk-y 38
troš-čk-y 40
trqb-a 46, 58, 463
tuč-en-o 132
tuk-č 60, 65, 68, 207, 208, 224,
 225, 228, 231, 252, 260, 273, 299,
 484
tč|st-ost-č 39
tč|st-č 80, 208
tč|šč-č 208

u

u-krop-č 113, 240, 258, 268, 303,
 309, 315, 459
u-peč-e-tč 132, 225
u-stoj-č 41, 44, 46, 54, 67, 245,
 246, 472, 483
u-stoj-čk-č 42, 44, 67, 216, 246,
 250, 260, 275, 276, 308, 483, 485
//už-in-a 43, 45, 46, 48, 58, 227,
 247, 336, 489
//už-in-a-j-e-tč 50, 60, 194, 195,
 198, 200, 203, 212, 219, 228,
 230, 237, 248, 253, 257, 260, 272,

273, 275, 276, 279, 283, 286, 291,
311, 429, 471, 489
//už-in-*ь* 43, 45, 50, 64, 218, 219,
228, 230, 237, 248, 260, 272, 275,
311, 427, 489
//už-*ьn-a* 45, 46, 52, 247, 489

V

(*vagan*)-*ь* 40
(*vag*)-*у* 39, 376
*var-et-*ьk-ь** 218, 250, 260, 275,
459
*var-i-*ь** 93, 141, 145, 150, 159,
164, 234, 256, 262, 266, 267, 283,
286, 288, 294, 297, 300, 303,
309, 315, 322, 452
*var-*ь** 178, 208, 242, 259, 270,
271, 303, 309, 370, 459
(*važ*)-*ьk-у* 39, 376
večer-ic-a 43, 247, 489
večer-j-a 43, 46, 70, 71, 72, 73,
233, 255, 264, 279, 283, 286, 289,
291, 294, 298, 300, 304, 311, 317,
428, 489
*večer-j-a-j-e-*ь** 70, 71, 72, 73, 233,
255, 264, 280, 283, 286, 289, 291,
294, 298, 300, 304, 311, 317, 430,
489
*večer-*ь** 46
vepr-ev-in-a 41
vepr-ev-o (subst) 38, 41
*vod-o-nos-*ь** 39, 46, 67, 244, 464
*vojn-*ьč-ьk-a** 448
*vojn-*ьk-a** 40, 46, 53, 64, 75, 80,
81, 237, 248, 272, 306, 312, 339,
448
*в-*kqs-ьn-ь** 43, 49, 96, 97, 160,
165, 235, 255, 264, 280, 283,
286, 289, 291, 292, 311, 317,
337, 447
*vy-peč-e-*ь** 170, 243, 259, 299,

313, 475
*vy-skvar-*ьk-a** 239, 258, 268, 473
*vy-skvar-*ьk-у** 112, 239, 268, 302,
307, 314
*vy-škar-*ьk-у** 76, 84, 91, 249,
277, 307, 314, 473
*vy-top-*ьk-у** 41, 44, 51, 474
*vy-žar-*ьk-у** 221, 249, 259, 275,
276, 314, 473
*v_hrx-*ь** 44, 152, 185, 208, 240,
242, 256, 257, 268, 270, 288, 308,
314, 483, 485
*v_hrx-*ьj-e** 44
*v_hrx-*ьn-ak-ь** 24
*v_hrx-*ьn-in-a** 44
*v_hrx-*ьn-j-a** 38, 44
*v_hrx-*ьn-ьj-e** 38, 44
*v_hř-*ьč-ьk-ь** 216, 250, 260, 275,
308, 483
*v_hř-*ьk-ь** 42, 44, 67, 76, 85, 90,
91, 237, 246, 250, 277, 308, 314,
483, 485
*v_hř-*ьk-у** 39, 44

Z

*za-peč-e-*ь** 224, 225, 252, 260,
273, 301, 475
*za-utr-*ьk-ь** 135, 141, 158, 240,
248, 256, 272, 279, 283, 310, 316,
323, 358, 457
*za-utr-*ьk-ь** 135, 141, 158, 240,
248, 256, 272, 279, 283, 310, 316,
323, 358, 457
zaž-a 466
*zem-j-*ěn-ь** 42, 78

Ž

žab-a 70
žag-a 97, 208
*žar-en-*ьk-a** 41, 245, 473
*žar-en-*ьk-у** 41, 245

žar-uš-bk-y 41, 245, 473
žar-bk-b 217, 219, 228, 230,
 250, 260, 275, 309, 452
želb-b 46, 56, 67, 68, 244, 465
žed-j-a 96, 97, 107, 158, 162, 208,
 235, 255, 264, 269, 277, 281,
 284, 287, 289, 292, 301,
 306, 312, 354, 455, 475
žed-j-n-b 38
žed-ost-b 259
žed-b 207
žir-b 41, 68, 138, 163, 207, 208,
 240, 245, 256, 268, 278, 307, 314,
 484, 488
žir-bn-b 76, 79, 80, 81, 236, 248,
 266, 276, 307, 313, 357, 457
(žmax)-bn-b 319
(žmul)-b 38, 421
žlt-a 195, 197, 203, 207, 211,
 253, 257, 273, 279, 283, 290, 456
žlt-an-bc-e 48
žlt-an-bk-b 48
žlt-j-ak-b 195, 200, 211, 253,
 257, 273, 279, 286, 456
žlt-j-bk-a 26
žlt-o 195, 197, 203, 207, 211,
 253, 257, 273, 279, 283, 290, 456
žlt-b 195, 197, 203, 207, 211,
 253, 257, 273, 279, 283, 290, 456
žlt-bč-bk-b 168, 243, 259,
 269, 297, 315, 456
žlt-bk-o 48
žlt-bk-b 93, 99, 150, 154, 159,
 164, 234, 256, 262, 266, 267, 288,
 290, 294, 297, 300, 303, 309, 315,
 355, 456
žlt-yš-b 48, 57, 67, 246, 356, 456
žlt-yš-bk-o 48, 51, 67, 246, 456
žlt-yš-bk-b 48, 51, 67, 246, 456
žlt-bc-e 38, 48, 356
žbm-er-bk-y 41
žbm-ir-bk-y 41
žbr-a-tv-a 43, 247, 454
žbr-a-tv-o 43, 247, 454

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1952 – *Аванесов Р.И.* Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.
- Аванесов 1963 – *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Bartoli 1925 – *Bartoli M.* Introduzione alla neolinguistica. Genève, 1925.
- Бенвенист 1963 – *Бенвенист Э.* Классификация языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.
- Бернштейн 1961 – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн 1986 – *Бернштейн С.Б.* Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии: Категория посессивности. М., 1986.
- Бернштейн 2000 – *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Бородина 1966 – *Бородина М.А.* Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966.
- Бородина 1977 – *Бородина М.А.* Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977.
- Бородина 1980 – *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Вендина 1999 – *Вендина Т.И.* К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1999.
- Вендина 2003 – *Вендина Т.И.* Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 2003.
- Вендина 2004 – *Вендина Т.И.* Восточнославянские языки в общеславянском контексте // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 2004.
- Взаимодействие 1980 – Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.

- Витов 1964 – *Витов М.В.* Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв.). М., 1964.
- Вопросник 1965 – *Вопросник Общеславянского лингвистического атласа.* М., 1965.
- Вопросы 1962 – *Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р.И. Аванесова.* М., 1962.
- Гриценко 1988 – *Гриценко П.Ю., Стоянов І.А.* Українсько-інослов'янські лексико-семантичні міжзональні паралелі // *Слов'янське мовознавство. X Міжнародний з'їзд славістів: Зб. доповідей.* Київ, 1988.
- Гриценко 1993 – *Гриценко П.Е.* На подступах к объясняющей лингвогеографии // *Арзалогія. Проблеми і досягнення.* Київ, 1993.
- Гриценко 2004 – *Гриценко П.Е.* Об интерпретации лингвистических карт // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* М., 2004.
- Гриценко 2008 – *Гриценко П.Е.* Carpatho-balkanica в свете «Общекарпатского диалектологического атласа» // *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура.* М., 2008.
- Дзендзелевский 1963 – *Дзендзелевский И.А.* Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // *Вопросы языкознания.* 1963. №4.
- Дульзон 1962 – *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов по данным топонимики // *Вопросы географии.* М., 1962.
- Дульзон 1964 – *Дульзон А.П.* Древние топонимы Южной Сибири по данным топонимики // *Топонимика Востока: Новые исследования* М., 1964.
- Жирмунский 1954 – *Жирмунский В.М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // *Вопросы языкознания.* 1954. № 4.
- Журавлев 1992 – *Журавлев А.Ф.* Из квантитативно-типологических наблюдений над лексикой славянских языков (праславянское наследие) // *Вопросы языкознания.* 1992. № 3.
- Журавлев 1993 – *Журавлев А.Ф.* Праславянский словник древненовгородского диалекта с точки зрения лексикостатистики // *Вопросы языкознания.* 1993. № 4.
- Журавлев 1994 – *Журавлев А.Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Зализняк 1988 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект и проблема членения позднего праславянского языка // *Славянское языко-*

- знание. X Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1988.
- Иванов 1993 – *Иванов В.В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1993.
- Киселева 2002 – *Kysel'ová N.* Areálové vzájomné vzťahy slovanských jazykov centrálnej zóny. *Киселева Н.Б.* Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. Banská Bystrica, 2002.
- Клепикова, Попова 1968 – *Клепикова Г.П., Попова Т.В.* О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 6.
- Клепикова 2005 – *Клепикова Г.П.* Стратификация славянских заимствований в румынских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005.
- Клепикова 2008 – *Клепикова Г.П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып.13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
- Климов 1990 – *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Комягина 1992 – *Комягина Л.П.* Об изучении лексики архангельских говоров методами лингвистической географии // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Куркина 1985 – *Куркина Л.В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания. 1985. № 4.
- Куркина 1992 – *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Макаев 1965 – *Макаев Э.А.* Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4.
- Маковский 1968 – *Маковский М.М.* «География слов» и лексические связи германских языков и диалектов // Вопросы языкознания. 1968. № 3.
- Мартынов 1983 – *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.

- Никонов 1983 – *Никонов В.А.* Оптимизация методов ареальной лингво-этнографии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и Этнос. Л., 1983.
- ОЛА 2007 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007.
- ОЛА Вступительный вып. 1994 – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. 2-е изд. М., 1994.
- Преображенский – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914. Т. I–II.
- Принципы 1976 – Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Проблемы 1974 – Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Седов 1994 – *Седов В.В.* Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.
- СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 – Т. 1–.
- Степанов 1975 – *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Теньер 1966 – *Теньер Л.* По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5.
- Толстой 1968 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Толстой 1977 – *Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
- Трубачев 1959 – *Трубачев О.Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. № 1.
- Трубачев 1967 – *Трубачев О.Н.* Работа над этимологическим словарем славянских языков // Вопросы языкознания. 1967. № 4.
- Трубачев 1974 – *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.
- Трубачев 1985 – *Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкознания. 1985. № 4.

- Трубачев 1998 – *Трубачев О.Н.* Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1998.
- Трубачев 2002 – *Трубачев* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.
- Трубачев 2003 – *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 2003.
- Трубачев 2003а – *Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003). М., 2003.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
- Шустер-Шевц 1983 – *Шустер-Шевц Х.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983. № 2.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. I–.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1	
Характеристика материала	13
К вопросу о диагностических возможностях карты	22
Глава 2	
Русские эксклюзивы	37
Ареальная характеристика русских эксклюзивов	49
Временная характеристика русских эксклюзивов	62
Глава 3	
Лексико-словообразовательные параллели славянских диалектов	
1. Общеславянские соответствия	69
2. Восточнославянские соответствия	75
3. Связи восточно- и западнославянской языковых групп	92
4. Связи восточно- и южнославянской языковых групп	96
5. Лексико-словообразовательные параллели русских диалектов в рамках восточнославянских языков	99
6. Русско-(украинско-)славянские лексико-словообразовательные параллели	166
7. Русско-(белорусско-)славянские лексико-словообразовательные параллели	177
8. Сепаратные связи русских диалектов	188
8.1. Временная характеристика сепаратных связей русских диалектов	205
9. Эксклюзивные связи русских диалектов	214
9.1. Временная характеристика эксклюзивных связей русских диалектов	229
Глава 4	
Ареальная характеристика русско-славянских лексических параллелей	232
Заключение	264
Приложение	331
Карты-схемы	333
Таблицы	446
Список населенных пунктов	491
Словоуказатель	513
Литература	526

Научное издание

Татьяна Ивановна Вендина

**РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ
В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ
(лексика)**

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Ответственный редактор
доктор филологических наук А.А. Плотникова

Книга подготовлена к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Редактор Т.К. Ховрина

Подписано в печать 21.09.2009. Формат 60х88¹/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Пробел-2000»
121069 Москва, Поварская ул., 36